
SIGILL: COLL: HARVARD: CANTAB: NOV: ANGL: 1650.
CHRISTO ET ECCLESIAE

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ.

1873

ВОСЬМОЙ ГОДЪ. — КНИГА 6-ая.

ІЮНЬ, 1873.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О. 2 лин. 7.

КНИГА 6-ая. —ІЮНЬ, 1873.

ОБЪЯВЛЕНІЯ и ПРИЛОЖЕНІЯ см. ниже: I—VIII стр.

Объявленіе объ изданіи журнала „Вѣстникъ Европы“ въ 1873 г. см. на оборотѣ.

ОСАДА КОРИНѲА

Поэма лорда Байрона.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Въ 1715 году турки, предводимые великимъ визиремъ, намѣревались проложить путь къ сердцу Мореи—Наполи-ди-Романіи, важнѣйшей крѣпости всей страны, и нашли нужнымъ сначала овладѣть Коринѳомъ. По отбитіи нѣсколькихъ приступовъ, гарнизонъ уменьшился, наконецъ, до того, что правитель, видя невозможность противиться долѣе такой грозной силѣ, какую представляла турецкая армія, рѣшился вступить въ переговоры съ непріятелемъ. Но прежде чѣмъ эти переговоры пришли къ концу, въ турецкомъ лагерѣ, совершенно случайно, взлетѣлъ на воздухъ главный пороховой погребъ, въ которомъ находилось до шестисотъ бочекъ пороху, причемъ погибло слишкомъ семьсотъ человѣкъ. Это обстоятельство до того озлобило турокъ, что они отказались отъ переговоровъ и штурмовали крѣпость съ такою стремительностью, что овладѣли ею немедленно, причемъ большая часть гарнизона, а съ нимъ и правитель Минотти, были перерѣзаны.

Н. Г.

I *).

Коринѳъ! вѣкà, полны́ невзгоды,
Грозой промчались надъ тобой;
Но ты стоишь еще — живой —
Оплотомъ славы и свободы!
Ни вѣтра вой, ни шумъ волны
Оснóвный камень всей страны,
Твою скалу, не сокрушили,
И здѣсь отечества сыны —
Прошедшей славы лишены —
Остатокъ чести сохранили.
Открытый весь напору волнъ,
Чтó съ двухъ сторонъ его стѣсняютъ,
Коринѳскій мысъ, отваги полнъ,
Имъ грудь преградой поставляетъ —
И волны, съ ропотомъ глухимъ,
Смиренно прядаютъ подъ нимъ.
Когда-бъ вся кровь, чтó здѣсь рѣкою
Была проли́та съ тѣхъ временъ,
Какъ брата собственной рукою
Здѣсь умертвилъ Тимолеонъ [1]),
Могла бы выступить обратно
Изъ ею вспóенной земли,
Она-бъ зали́ла невозвратно
И мысъ, и портъ, и корабли.
Когда-бъ собрать всѣ эти кости,
Чтó здѣсь сложили по полямъ

*) Настоящій переводъ „Осады Коринѳа“ есть первый русскій переводъ въ стихахъ. Существуетъ только переводъ трехъ строфъ (XIX, XX и XXI), сдѣланный Козловымъ и напечатанный въ „Невскомъ Альманахѣ“ на 1830 годъ. Два прозаическихъ перевода, съ французскаго, принадлежатъ Каченевскому и Воейкову. Первый помѣщенъ въ „Вѣстникѣ Европы“ на 1820 г. (ч. 113 и 114, №№ 20 и 21, стр. 241—262 и 3—28), и потомъ перепечатанъ въ „Выборѣ изъ сочиненій лорда Байрона“ (1821, стр. 1—55), а второй—въ „Новостяхъ Литературы“ на 1824 г. (кн. IX, сент., стр. 97—128).

1) Тимолеонъ, знаменитый греческій полководецъ и уроженецъ Коринѳа, жилъ за 400 лѣтъ до Рождества Христова. Онъ спасъ въ юности жизнь своего брата, Тимофана, въ одномъ изъ бывшихъ въ то время сраженій съ карѳагенянами, а впослѣдствіи умертвилъ его за попытку овладѣть верховною властью въ Коринѳѣ, ставя свой долгъ родинѣ выше родственныхъ узъ.

Никѣмъ непрошенные гости,—
Возстала-бъ башня къ небесамъ,
И, гордо высясь, можетъ-статься,
Могла-бъ съ Акрополемъ сравняться.

II.

На Киөеронѣ, вдоль горы,
Сверкаетъ двадцать тысячъ копій;
По мысу, вплоть до самыхъ топей,
Вокругъ раскинуты шатры;
На каждой маковкѣ сіяетъ
И осѣняетъ знамена́
Магометанская луна;
Отряды спаговъ направляетъ
Приказъ пашей — и занимаетъ
Турецкій лагерь весь просторъ,
Насколько можетъ видѣть взоръ.
Тутъ и арабъ, и съ нимъ отрада
Его — верблюдъ, и курдъ съ конёмъ,
И туркоманъ, что̀ бросилъ стадо,
Чтобъ опоясаться мечомъ.
Далёко слышенъ пушекъ громъ,
Въ борьбѣ съ которымъ замираетъ
Прибой на берегѣ морскомъ.
Окопы вырыты; съ ядромъ
Орудье гибель извергаетъ,
И, пробивая брешь въ стѣнахъ,
Взметаетъ камни, словно прахъ.
Но непріятель отвѣчаетъ
Съ тѣхъ ветхихъ стѣнъ, сквозь пыль и дымъ,
Огнемъ и мѣткимъ, и живымъ.

III.

Но кто тотъ витязь на конѣ,
Кто ближе всѣхъ стоитъ къ стѣнѣ,
Всѣхъ больше ждетъ ея паденья
И смыслитъ болѣе въ веденьи

Переговоровъ и войны,
Чѣмъ всѣ Османовы сыны?
Кто онъ, какъ вождь на полѣ брани,
Съ мечомъ побѣды въ мощной длани,
Какъ вихорь, носится — то тамъ,
То здѣсь — по дóламъ, по холмамъ,
Отъ одного полка къ другому:
То тамъ, гдѣ гонятъ мусульманъ,
То тамъ, откуда христіанъ
Громятъ, собравшихся къ пролому,
И гдѣ ослабленныхъ борьбой
Онъ рѣчью трогаетъ живой?
Кто онъ, звѣзда и мечъ султана,
Изъ всѣхъ способнѣйшій вести
Сыновъ воинственныхъ Османа
Стезёй побѣднаго пути,
Владѣть ружьемъ и ятаганомъ
И сокрушать копьемъ булатъ?
То Альпъ — враждебный христіанамъ
Венеціянскій ренегатъ.

IV.

Его Венеція вскормила
И славныхъ предковъ цѣлый рядъ
Ему съ рожденьемъ подарила;
Теперь же рыцарь — ренегатъ,
И противъ братій подымаетъ
Тотъ мечъ, который въ оны дни
Вручили юношѣ они;
И лобъ преступный покрываетъ
Чалма, наслѣдье мусульманъ.
Дѣля удѣлъ Мореи славной,
Коринѳъ, краса окрестныхъ странъ,
Подпалъ подъ власть венеціянъ —
И вотъ подъ крѣпостью державной
Стоитъ отступникъ молодой,
И прошлыхъ дней воспоминанья —
Полны обидъ, полны страданья —
Предъ нимъ проходятъ чередой.
Когда отчизна перестала

Ему казаться дорогой
Страной свободы вѣковой,
Его вражда оклеветала
И въ *львиный зѣвъ* [1]) во тьмѣ ночной
Доносъ вложила роковой.
Провѣдавъ во-время, онъ скрылся
И межъ невѣрныхъ появился,
Чтобъ кровь въ сраженьяхъ расточать,
И тѣмъ отчизнѣ показать,
Какъ много, много потеряла
Она въ воителѣ своемъ,
Чья храбрость всюду надъ крестомъ
Средь грозныхъ сѣчь торжествовала,
И чья рука бунчукъ съ луной
Надъ нимъ высоко подымала,
Чтобъ отомстить странѣ родной
Или улечься подъ землей.

V.

Комурджи [2]) храбрый, чья кончина
Сплела Евгенію вѣнокъ
И крови чьей пріяла токъ
Та Карловицкая равнина,
Среди которой палъ отъ ранъ
Ты, сожалѣя не о жизни,
А о несчастіяхъ отчизны
И проклиная христіанъ —

---

1) Въ старинномъ дворцѣ дожей, въ Венеціи, при входѣ въ прихожую бывшаго инквизиціоннаго трибунала республики, находилось отверстіе, которое сохранилось по настоящее время, украшенное *львиной головою*, служившею для вкладыванія тайныхъ доносовъ.

2) Али-Комурджи, любимецъ трехъ султановъ и великій визирь Ахмета III, выгнавшій венеціанъ изъ Пелопонниса въ одну кампанію, былъ смертельно раненъ въ слѣдующую войну противъ нѣмцевъ, въ сраженіи при Петервардейнѣ, на Карловицкой равнинѣ, въ Венгріи, въ ту минуту битвы, когда онъ старался остановить бѣжавшихъ своихъ воиновъ. Онъ умеръ на другой день отъ полученныхъ ранъ. Послѣднимъ его распоряженіемъ было приказаніе отрубить голову генералу Брейнеру и другимъ нѣмецкимъ плѣннымъ, а послѣдними словами: „О, если бы я могъ также поступить со всѣми собаками-христіанами.“ Слова и поступокъ—достойные Калигулы! Это былъ человѣкъ съ громаднымъ честолюбіемъ и безмѣрной заносчивостью. Услыхавъ, что противникъ его—принцъ Евгеній Савойскій, знаменитый полководецъ, онъ сказалъ: „Тѣмъ лучше: онъ мнѣ поможетъ сдѣлаться еще болѣе знаменитымъ!“

Комурджи, вѣрь, твоею славой
Сыны Османа будутъ жить,
Пока десницею кровавой
Христова рать не возвратитъ
Землямъ Эллады величавой
Ея свободы, данной ей
Царицей гордою морей.

Прошло сто лѣтъ съ поры той славной,
Какъ право Турціи державной
Въ Элладѣ онъ возстановилъ.
Теперь же онъ сыновъ Османа
На бой послѣдній предводилъ —
И надъ передней стражей стана
Начальство Альпу поручилъ.
Увы! довѣріе героя
Онъ въ первой битвѣ оправдалъ —
И вскорѣ путь, пройденный съ боя,
Лишь пепелъ сёлъ обозначалъ:
И тѣмъ усердіе благое
Онъ къ новой вѣрѣ доказалъ.

VI.

Колеблясь, стѣны городскія
Дрожатъ подъ пушечнымъ огнемъ,
И звукъ, губительный какъ громъ,
Крѣпитъ удары боевые.
То тутъ, то тамъ потрясены,
Валятся башни съ крутизны,
Дробятся арки, переходы
И съ шумомъ трескаются своды.
Клубится пламя здѣсь и тамъ,
И, вставъ столбомъ, тревожитъ взоры,
И искры, словно метеоры,
Летятъ къ далёкимъ небесамъ.
Могучій вѣтеръ пыль вздымаетъ
И дымомъ небо застилаетъ,
И слой вдвойнѣ нависшихъ тучъ
Не пропускаетъ солнца лучъ.

VII.

Но не одно стремленье къ мщенью
Манило Альпа къ преступленью —
Влекло провесть, сквозь дымъ и громъ,
Невѣрныхъ въ городъ сквозь проломъ:
Коринөа стѣны вѣковыя
Красу-дѣвицу берегли,
Чьи совершенства молодыя
Къ себѣ отступника влекли;
Чьей красотой живой и милой
Онъ овладѣть стремится силой,
И чьей онъ дѣвственной руки,
Отца желанью вопреки,
Искалъ въ счастливое то время,
Когда измѣны злое бремя
Еще не жгло его души,
Когда въ гондолѣ и на балѣ
Блисталъ онъ въ шумномъ карнавалѣ,
Или, таясь въ ночной тиши,
Давалъ такія серенады,
Какихъ не слышали наяды
Венеціянскихъ береговъ,
Средь Адріатики валовъ.

VIII.

И въ ней все взорамъ говорило,
Что и Франчески сердце было
Не вовсе холодно къ нему,
И говорило потому,
Что много рыцарей являлось —
Но, не отдавшись никому,
Рука свободной оставалась.
Когда Ланчьота, гнѣва полны,
Адріатическія волны
Умчали къ вражьимъ берегамъ,
Всѣ въ домѣ скоро увидали,
Что блѣдность скуки и печали

Къ ея склонилася щекамъ,
Уста смѣяться перестали;
Что стала рѣже посѣщать
Она и праздники, и балы,
А чаще начала бывать
Въ капеллѣ; если-жъ карнавалы
И привлекали иногда —
То съ потуплёнными глазами
Она являлася туда,
Чтобъ показать вождямъ собранья
Всю безполезность ихъ исканья.
Ея слова звучатъ тоской;
Ея одежда не блистаетъ,
И солнце больше не встрѣчаетъ
Её средь пляски круговой.

IX.

Явясь властителемъ Мореи,
Для охраненія тѣхъ странъ
(Отъ горъ Патраса до Эвбеи),
Чтó грозный мечъ венеціанъ
Исторгъ у хищныхъ мусульманъ
(Когда Собѣскій, низлагая
Гордыню турокъ, поражалъ
Ихъ на брегахъ крутыхъ Дуная),
Минотти, славный генералъ,
Кориноомъ горнымъ управлялъ
Собой власть дожей представляя
Когда давно желанный миръ
Манилъ Элладу, какъ на пиръ,
Ея богатства охраняя.
Имѣлъ онъ дочь — и никогда —
(Съ тѣхъ поръ, какъ радость Менелая,
Его супруга молодая,
Покинувъ мужа навсегда,
Предъ свѣтомъ всѣмъ не доказала,
Что страсть преступная—начало
Всѣхъ бѣдъ житейскихъ)—никогда
Такое чудное созданье
Не оживляло мірозданье.

X.

Стѣна распалась — и проломъ
Разверзся огненнымъ жерломъ;
И вотъ ужъ завтра, предъ разсвѣтомъ,
Начнется бой въ проломѣ этомъ.
Готово войско; впереди
Отрядъ охотниковъ собрался:
Онъ «обречённымъ» назывался,
Хотя у каждаго въ груди
Родникъ надеждъ живыхъ таился —
И онъ въ кровавый бой стремился
Безъ скорбной мысли о концѣ,
И всюду бурей прорывался,
Или простёртымъ оставался
Съ печатью смерти на лицѣ,
Служа всеобщему стремленью
Простой, бездушною ступенью.

XI.

Ужъ полночь. Блѣдная луна
Сребритъ вершины Киѳерона;
Шумитъ прибрежная волна,
И синій куполъ небосклона,
Принявъ спокойный моря видъ,
Звѣздами яркими горитъ.
О, кто, любуясь звѣздъ мерцаньемъ,
Не отвращался отъ земли
И не сгоралъ нѣмымъ желаньемъ
Душою слиться съ ихъ сіяньемъ,
Паря въ лазоревой дали?
Волна чуть слышно въ берегъ била,
Подобясь тихому ручью,
И мелкихъ камешковъ семью
Кипѣвшей пѣной шевелила.
Заснули вѣтры; знамена
Не развѣвались, какъ бывало,
И лишь двурогая луна
Надъ ними трепетно сіяла.

Та гробовая тишина
Ничѣмъ на мигъ не нарушалась:
Лишь ржанье коней раздавалось,
Да громкій окликъ часовыхъ
Вторился эхомъ горъ крутыхъ.
Раздался голосъ муэзина—
И дальній гулъ, какъ шумъ листовъ,
Пронёсся въ станѣ межъ шатровъ,
И огласилася долина
Мольбой несчётныхъ голосовъ,
Въ которой, какъ въ мольбѣ духовъ,
Была и радость, и кручина.
Такъ вѣтеръ радостный порой,
Носясь надъ арфою чудесной,
Насъ тѣшитъ пѣснью неземной,
Въ юдоли нашей неизвѣстной.
Для осажденныхъ въ пѣсни той
Всё злую гибель предвѣщало;
А осаждавшимъ въ тьмѣ ночной
Она про смерть напоминала.
Невольный трепетъ прекратилъ
Сердецъ ихъ пламенныхъ біенье;
Но пронеслось одно мгновенье—
И стыдъ томительный смѣнилъ
Сердцамъ ихъ чуждое волненье.
Такъ похоронный, грустный звонъ
Есть символъ тлѣнности земного,
Хотя-бъ звучалъ—печальный—онъ
Для человѣка намъ чужого.

XII.

Палатка Альпа возлѣ моря
Уже раскинута была.
Въ устахъ молитва замерла;
Всё тихо вкругъ; другъ другу вторя,
Вкругъ стана стража обошла.
Всѣ приказанья въ исполненье
Приведены безъ замедленья.
Еще промчится ночь одна—
И трудъ его вознаградится:

Все, чѣмъ любовь для насъ ясна
И месть отрадна—возвратится...
Еще лишь нѣсколько часовъ—
И вспыхнетъ битва роковая.
Отдохновенье предлагая,
Его зоветъ походный кровъ;
Но мысли въ немъ—восторгъ и горе—
Кипятъ, какъ вспѣненное море.
Изъ стана вражьяго всего
Лишь сердца Альпа одного
Не изувѣрство направляетъ
Въ его стремленьи роковомъ
Воздвигнуть мѣсяцъ надъ крестомъ;
Одинъ изъ всѣхъ не ожидаетъ
Онъ райскихъ благъ въ краю иномъ;
Одинъ изъ тысячъ, онъ не знаетъ
Святой къ отечеству любви,
Одушевляющей героя
И побуждающей средь боя
Его—и въ ранахъ и въ крови—
Стоять за родину. Отступникъ,
Предатель родины своей,
Одинъ, какъ Каинъ, какъ преступникъ,
Онъ былъ въ дружинѣ безъ друзей.
Онъ былъ отваженъ—и толпою
Всѣ устремлялися за нимъ;
Онъ гордо волею чужою
Игралъ, какъ собственной душою—
И всё склонялось передъ нимъ.
Но все-же Альпу не прощалось,
Что онъ Христа когда-то чтилъ;
И даже то, что ихъ водилъ
Онъ къ славѣ—низкимъ имъ казалось,
Затѣмъ, что онъ—ихъ вождь-герой—
Былъ христіаниномъ когда-то.
Они не знали, что душой
Гордыня правитъ той порой,
Когда погибло все, что̀ свято;
Они не вѣдали, что месть
Способна все въ душѣ встревожить:
Изъ воска камень сдѣлать можетъ,

И что, когда погибла честь,
Лишь жажда мести сердце гложетъ.
Онъ вождь—но, чтобъ повелѣвать,
Нужна лишь смѣлость первымъ стать.
Такъ левъ—шакала повелитель:
Одинъ сражаетъ, какъ властитель,
Свою добычу, а другой
Остаткамъ радъ добычи той.

XIII.

Лицо измѣнника горитъ,
А сердце бьется и болитъ.
Лежа, мѣняя положенье,
Онъ тщетно ждетъ успокоенья:
Лукавый сонъ его бѣжитъ.
Чалма болѣзненно сжимаетъ
Его чело, и налегаетъ
Кольчуга тяжкая на грудь—
И не даетъ ему вздохнуть;
Тогда какъ прежде, послѣ бою,
Склонясь главой къ землѣ сырой,
И не имѣя надъ собою
Другого крова, кромѣ той
Далекой тверди голубой,
Что́ и теперь надъ нимъ сіяла,
Спокойно спалъ—и все съ нимъ спало.
Нѣтъ силы ждать во тьмѣ ночной
Ему зари лучей манящихъ—
И онъ идетъ на брегъ морской,
Покрытый тысячами спящихъ.
Но отчего ихъ долгій сонъ—
Что́ здѣсь вкушаетъ каждый воинъ—
Такъ крѣпокъ, сладокъ и покоенъ,
Когда уснуть не можетъ онъ?
Они во снѣ добычу дѣлятъ,
А онъ?—онъ долженъ здѣсь бродить,
Въ мѣстахъ, гдѣ сны златые стелятъ
Послѣдній одръ имъ, можетъ быть,
И ихъ завидовать мечтаньямъ
Въ душѣ, истерзанной страданьемъ.

XIV.

Проникла въ грудь его прохлада—
И вмигъ отъ сердца отлегло;
Повѣялъ вѣтеръ, какъ отрада,
И освѣжилъ ему чело.
За нимъ палатки боевыя,
Заливъ Лепантскій передъ нимъ,
А дальше — горы снѣговыя,
Съ ихъ свѣтлымъ пикомъ ледянымъ.
Вѣка летучими роями
Прошли надъ этими горами,
Надъ этимъ моремъ голубымъ;
Но ихъ не свѣяли, какъ дымъ,
Какъ родъ людской съ его страстями.
Рабы и деспоты скорѣй
Подъ гнётомъ солнечныхъ лучей
Съ лица вселенной исчезаютъ,
Чѣмъ тѣ слои снѣговъ и льдовъ,
Что́ какъ въ сіяющій покровъ
Верхи утесовъ одѣваютъ,
Что́ кедры горъ переживаютъ
И обелиски городовъ.
Тотъ снѣгъ, накопленный вѣками,
Лежитъ грядой надъ облаками,
Уподобляясь пеленѣ
На память брошенной странѣ,
Въ конецъ истерзанной невзгодой,
Прочь отлетѣвшею свободой.
Когда — печальна и ясна —
Пріютъ любимый свой она
Съ тоскою въ сердцѣ покидала,
Богиня шагъ свой замедляла,
При видѣ брошенныхъ полей,
Разбитыхъ злобой алтарей,
И тихо слёзы проливала.
Она готова къ нимъ воззвать,
Къ сынамъ воинственной Мореи,
И имъ на предковъ указать,
На ихъ нетлѣнные трофеи...

Напрасно! имъ ужъ не возстать
И дня того ужъ не видать —
Святой зари его румянца —
Чтó освѣщала персовъ рать
И смерть великаго спартанца.

XV.

Да, Альпъ—измѣнникъ; но въ мечтахъ
Онъ любитъ сердцемъ уноситься
Къ воспоминаніямъ о дняхъ,
Весь міръ которыми гордится.
Бродя въ ночи, мечтаетъ онъ
О тѣхъ, чтó здѣсь со славой пали
И кровью землю упитали.
И, въ размышленье погруженъ,
Онъ вдругъ почувствовалъ ничтожность
Добытой славы имъ и ложность
Доселѣ пройдённаго пути:
Что онъ для славы той позорной
Заутра свой отрядъ отборный
На приступъ долженъ повести...
Не таковы они, герои,
Чтó здѣсь покоятся кругомъ!
Здѣсь бились грозные ихъ строи
И были родины щитомъ.
Ихъ жизнь промчалась неизмѣнно —
И память ихъ благословенна.
И буйный вѣтеръ, и волна
Ихъ повторяютъ имена,
И шумный лѣсъ гремитъ ихъ славой,
И высь колонны величавой
На ихъ указываетъ прахъ.
Витаютъ тѣни ихъ въ горахъ;
Фонтанъ о нихъ напоминаетъ,
И ключъ, гремя издалека,
И величавая рѣка —
Все имена ихъ повторяетъ.
Пускай она населена —
Эллада дивная — рабами:

Она, прекраснаго страна,
Еще громка ихъ именами!
Кого величіе влечетъ —
Предъ тѣмъ Эллада возстаетъ:
И, ободренный, онъ стремится
Тиранство низкое попрать;
И въ битву радостно онъ мчится,
Чтобъ жизнь за Грецію отдать,
Или мечомъ добыть свободу
Ея несчастному народу.

XVI.

А онъ, отступникъ, все мечталъ —
И вѣтеръ свѣжестью дышалъ...
Чужда приливамъ и отливамъ,
Морей полуденныхъ волна,
Въ своемъ величьи горделивомъ,
Текла, спокойна и ясна.
Когда же буря начиналась,
То и тогда на брегъ она
Едва на шагъ, на два взбиралась,
И безучастная луна
Спокойнымъ взглядомъ провожала
Ее, что злилась и бѣжала
И ласкъ ея не замѣчала.
Скала могучая стоитъ
И въ волны синія глядитъ,
Но тѣ ея не досягаютъ,
И лишь то мѣсто намѣчаютъ,
Чтó у Морейскихъ береговъ
Въ теченье нѣсколькихъ вѣковъ
Они слезами орошаютъ.

Въ тяжелыя думы душой погруженъ,
По берегу моря онъ бродитъ...
На выстрѣлъ ружейный отъ крѣпости онъ;
Но пуля его не находитъ.

Измѣна-ль проникла въ ряды христіанъ,
Сердца ли бойцовъ охладѣли?

Не знаю! — но только безмолвенъ ихъ станъ,
И ружья далеко отъ цѣли, —

Хотя онъ подъ башней стоитъ, чтó блюдётъ
Ворота, ведущія къ морю;
Хотя онъ и слышитъ, какъ взадъ и вперёдъ
Снуютъ часовые, и, вторя

Шагамъ ихъ размѣряннымъ, эхо звучитъ.
И видитъ онъ пса подъ стѣною:
Склоняся надъ трупомъ, онъ только ворчитъ:
Нѣтъ времени выть за ѣдою.

Онъ съ черепа кожу содралъ со всего,
Какъ съ персика кожу сдираютъ,
И жадно зубами хватаетъ его;
Но тотъ изъ-подъ нихъ ускользаетъ.

Онъ жадно глодалъ — и, казалося, былъ
Не въ силахъ оставить ловитвы,
Затѣмъ, что еще не вполнѣ утолилъ
Онъ голодъ свой жертвами битвы.

По шалямъ зелёнымъ онъ тотчасъ узналъ,
Что это тѣ храбрые были,
Чьи чёла зеленый тюрбанъ украшалъ,
Чтó съ нимъ въ его станѣ служили.

Съ головъ ихъ спускалось по пряди волосъ;
Теперь же собаки глодали
Ихъ бритую кожу, лишенную косъ,
И клочья въ зубахъ увязали.

И видитъ онъ: коршунъ бьётъ волка крыломъ,
Вспугнувшаго хищныхъ пернатыхъ,
Носившихся стаей надъ палымъ конёмъ,
Съ добычею въ клювахъ горбатыхъ...

XVII.

И Альпъ отъ картины той взоръ отвратилъ:
Онъ былъ непреклоненъ средь битвы,
Но стонъ умиравшихъ онъ легче сносилъ
И шопотъ послѣдней молитвы
Томящихся жаждой, клянущихъ враговъ,
Чѣмъ видъ ужъ уснувшихъ на вѣки-вѣковъ.

Въ минуту опасности гордость при насъ!
Какъ въ битвѣ намъ смерть не предстанетъ,
Могучая Слава отмѣтитъ нашъ часъ
И Честь про нашъ подвигъ вспомянетъ.
Когда же все кончено, грустно ступать
По трупамъ погибшихъ средь бою,
И видѣть, какъ птица и звѣрь ихъ терзать
Стекаются шумной толпою
И, мясо сдирая съ ихъ бѣлыхъ костей,
Считаютъ тѣ трупы добычей своей.

XVIII.

Идётъ онъ — и видитъ разрушенный храмъ,
Воздвигнутый здѣсь неизвѣстной рукою:
Двѣ стройныхъ колонны съ рѣзьбой по краямъ,
Да мраморъ въ обломкахъ, поросшій травою —
Вотъ все, что ты, время, оставило намъ!
Не болѣ ты, время, въ усладу вѣкамъ,
Оставишь въ грядущемъ, чѣмъ было въ минувшемъ
Тобою оставлено, мирно уснувшемъ:
Оставишь настолько, чтобъ можно было
Жалѣть о грядущемъ, о томъ, что прошло.
Что видѣли мы, то и наши потомки
Увидятъ: развалины, камни, обломки!

XIX.

Онъ сѣлъ къ подножію колонны
На солнцемъ выжженной травѣ.
Рука приникла къ головѣ
И тихій вздохъ, подобье стона,
Больное сердце облегчилъ.
Онъ молча голову склонилъ —
И пальцы мѣрно застучали
По лбу, какъ будто пробѣгали
По звонкимъ клавишамъ, когда,
Не начиная, иногда
Они беззвучно пробѣгаютъ
По нимъ — какъ-будто ихъ пытаютъ.
Такъ онъ сидѣлъ, тая тоску
И слухъ склоняя къ вѣтерку.
Вдругъ слышитъ онъ изъ-за колонны
Какъ будто чьи-то льются стоны.

Онъ голову поднялъ—на море глядитъ;
Но вѣтеръ сонливый волны не катитъ;
Онъ взоромъ несётся надъ сонной травою,
Но та не промолвитъ былинкой одною.
Откуда-жъ тѣ звуки несутся, звучатъ?
Глядитъ на знамёна—недвижно висятъ,
Недвижно, какъ листья лѣсовъ Киѳерона.
Что-жъ значатъ тѣ звуки страданья и стона?
Глядитъ онъ—трепещетъ—о, сладостный видъ!
Красавица-дѣва на камнѣ сидитъ.

XX.

Вскочилъ—глядитъ—на сердцѣ страхъ:
Такъ не смутилъ его-бъ и врагъ...
«О, Боже мой! какой судьбою
Близъ стана ты ночной порою?»
Напрасно—блѣденъ и смущонъ—
Перекреститься хочетъ онъ:

Священный символъ искупленья
Не для исполненныхъ сомнѣнья.
Глядитъ—нѣтъ, это не обманъ!
Она—лицо ея и станъ:
Предъ нимъ, полна красы и блеска,
Его прекрасная Франческа.
Въ щекахъ тѣ-жъ розаны у ней;
Но только розы тѣ блѣднѣй.
Улыбка устъ не украшаетъ:
Исчезла... какъ?—никто не знаетъ.
Не такъ ясна лазурь въ волнахъ,
Какъ въ голубыхъ ея очахъ;
Но и лазурь ихъ, словно море,
Таитъ отчаянье и горе.
Упругость груди молодой,
Полузакрытая фатой,
Сверкаетъ снѣжной бѣлизною.
Кудрей бѣгущею волною
У плечъ прикрытая слегка,
Бѣлѣетъ чудная рука.
Но прежде чѣмъ она вѣщала,
Она на небо указала—
И пальцы были такъ нѣжны,
Что сквозь былъ видѣнъ свѣтъ луны.

XXI.

—«Къ тебѣ я пришла въ этотъ часъ молчаливый,
Чтобъ дать тебѣ счастье—самой быть счастливой.
Я вышла въ ворота, прошла межъ шатровъ—
И вотъ нахожу тебя въ станѣ враговъ.
Я слышала: ежели левъ повстрѣчаетъ
Невинную дѣву—онъ въ лѣсъ убѣгаетъ.
Господь всемогущій, невинныхъ покровъ,
Спасающій ихъ отъ тирановъ лѣсовъ,
Благой въ своихъ милостяхъ вѣчныхъ, безмѣрныхъ,
Помогъ и мнѣ, бѣдной, избѣгнуть невѣрныхъ.
Но если напрасенъ приходъ будетъ мой,
Тогда мы не свидимся больше съ тобой.
Своихъ преступленій превысилъ ты мѣру:
Ты презрѣлъ, отступникъ, отцовскую вѣру!

Разстанься съ чалмою, крестомъ осѣнись—
И къ этому сердцу главою склонись.
Смой стыдъ свой—пусть сердце твое облегчится—
И завтра-жъ Франческа съ тобой примирится.»

—«Гдѣ-жъ брачное ложе найдемъ мы съ тобой?
Ужели средь мертвыхъ, сраженныхъ войной?
А завтра въ Коринеѣ всё сгинетъ живое,
Палаты и храмы, всё сердцу святое—
Всё сгинетъ—и только тебѣ и твоимъ
Мы, мечъ опуская, пощаду дадимъ.
Простившись навѣки съ невзгодой былою,
Мы въ край отдаленный умчимся съ тобою—
И будешь ты вѣрной подругой моей.
Но прежде я долженъ, ведомый судьбою,
Унизить гордыню царицы морей.
Пусть тѣ, что—ведомые зломъ и страстями—
Моими заклятыми стали врагами,
Узнають всѣ ужасы мести моей,
Бичующей плетью, сплетённой изъ змѣй!»

Она прикоснулась холодной рукою
Къ его опущённой холодной рукѣ—
И дрожь пробѣжала по сердцу волною,
И сердце заныло въ глубокой тоскѣ.
Хотя ея пальцы едва прикасались,
Но, скорбный, ихъ гнёта снести онъ не могъ,
И пальцы ея никогда не казались
Ему холодны́ такъ, и обликъ такъ строгъ.
Но сердце, какъ камень, въ груди опустилось
И съ щокъ его бурный румянецъ сбѣжалъ,
Когда онъ, всмотрѣвшись въ нее, увидалъ
Какъ страшно она измѣнилась.

Франческа прекрасна еще, но ужъ нѣтъ
Въ чертахъ ея прежняго блеска,
Ужъ въ нихъ не играетъ тотъ солнечный свѣтъ,
Что блещетъ межъ во́лнами, солнцу въ отвѣтъ,
Въ минуту ихъ шума и плеска.

Уста ея точно боятся вздохнуть:
Безмолвны, блѣдны́—не смѣются;

Волной не вздымается млечная грудь
    И вены подъ кожей не бьются.

Хотя ея очи и блещутъ во тьмѣ,
    Но взглядъ ей дикъ и печаленъ,
Какъ взглядъ тѣхъ несчастныхъ, что̀ бродятъ во снѣ,
    Среди позабытыхъ развалинъ.

Она походила на старый портретъ,
Угрюмо глядящій изъ рамы на свѣтъ.
Въ часы многодумной вечерней прохлады,
Едва освѣщенный мерцаньемъ лампады,
Онъ кажется—мертвымъ и вмѣстѣ живымъ,
И, робкаго взглядомъ пугая своимъ,
Сбирается точно съ осанкой суровой
Къ вамъ выдти на встрѣчу изъ рамы дубовой;
И, хмурясь, качается взадъ и впередъ,
Чуть вѣтеръ повѣетъ, чуть вѣтеръ пахнетъ.

«Но если жертвы этой много
Во имя сердца для тебя—
Сверши ее во имя Бога,
Его Предвѣчнаго любя:
Сорви съ главы своей преступной
Свою позорную чалму
И поклянись душой Тому,
Кто вѣритъ клятвѣ неподкупной,
Спасти сыновъ родной земли;
Не то—погибнешь ты въ пыли;
Не то—отвергнутъ будешь мною,
Не только небомъ и землёю!
Исполни долгъ—и пусть твой рокъ
Печаленъ будетъ и жестокъ—
Тебѣ простится много-много,
И милосердія врата
Не будутъ нѣмы: къ нимъ дорóга
Слезамъ любви не заперта̀.
Не медли, милый! будетъ поздно,
Когда Господь предстанетъ грозно:
Ты взоры къ небу, а оно
Печально будетъ и темно...
Ты видишь—мѣсяцъ въ тучѣ тьмится?

Но мигъ—и туча та промчится...
Когда ты грѣхъ не смоешь свой
Пока луна одѣта тьмой,
Тогда судьбы твои свершатся:
И Богъ, и люди отомстятся.
Твой жребій страшенъ; но страшнѣй
Безмѣрность гибели твоей!»

И на равнину голубую
Глядитъ отступникъ молодой—
И видитъ тучу громовую;
Но сердце, полное враждой,
Лишь дышетъ гордостью одной:
Въ немъ эта страсть—огонь и сила—
Всѣ остальныя заглушила.
Ему-ль, подъ тяжестью грѣховъ,
Страшиться робкой дѣвы словъ?
«Уже-ль, отчизной оскорбленный,
Спасетъ онъ городъ обреченный?
Когда въ той тучѣ заключёнъ
Могучій громъ—пусть грянетъ онъ!»
И Альпъ, тая кручину злую,
Взглянулъ на тучу громовую:
Она промчалась—и—ясна—
Предъ нимъ заискрилась луна.
И онъ сказалъ: «Пусть рокъ свершится!
Но мнѣ ужъ поздно преклониться!..
Тростникъ, встрѣчая бури гнётъ,
Ложится долу и встаетъ;
Но дубъ трещитъ и упадаетъ.
Пускай Венеція узнаетъ
Во мнѣ врага, и пусть одна
Ты будешь мною почтена!»

Взглянулъ—но дѣва ужъ пропала;
Одна колонна лишь стояла.
Что сталось съ нею—онъ не зналъ:
Въ землѣ-ль сырой она укрылась,
Или въ пространствѣ испарилась—
Увы! отступникъ не видалъ.

XXII.

Вотъ ночь пролетѣла—и солнце сіяетъ,
Даетъ всему праздничный видъ;
Аврора покровъ свой туманный снимаетъ
И полдень палящій сулитъ.

Чу! слышатся трубы, звучатъ барабаны
И гулъ раздается роговъ,
И вьются знамёна, и вѣютъ султаны,
И слышится шумъ отъ шаговъ.

Сквозь бряканье сабель, сквозь ржанье, музыку
Проносятся клики: «идутъ!»
И хвостъ лошадиный навѣшанъ на пику,
И, строясь, всѣ приступа ждутъ.

Татары, арабы и вы, туркоманы!
Сѣдлайте коней—и впередъ!
Скачите долиной, какъ тѣ ураганы,
Чтó вѣтеръ пустыни несётъ:

Чтобъ кто-нибудь—старецъ иль отрокъ невинный—
Не спасся бы этимъ путёмъ,
Когда, утопая въ крови неповинной,
Пѣхота ворвётся въ проломъ!

Могучіе кони гремятъ удилами,
Косматыя гривы столбомъ,
И бѣлая пѣна, сбѣгая клубами,
Разносится вѣтромъ кругомъ.

Дымятся въ рукахъ фитили боевые
И пушки готовы къ пальбѣ,
Въ надеждѣ разрушить тѣ стѣны крутыя,
Чтó служатъ преградой борьбѣ.

Труба янычаръ удалыхъ собираетъ,
Прославленныхъ въ прежнихъ бояхъ;
Ихъ Альпъ направляетъ—и сабля сверкаетъ
Въ его обнажонныхъ рукахъ.

Ужъ ханъ и паши разъѣзжають предъ войскомъ,
И славный визирь въ ихъ челѣ.
Лишь выстрѣлъ раздастся—въ весельи геройскомъ
Спѣшите къ Коринѳской скалѣ!

Впередъ, удальцы! никого нежалѣйте:
Ни пастырей близъ алтарей,
Ни знатныхъ, ни нищихъ—всѣхъ рѣжьте и бейте—
Самихъ не щадите камней!

«Проломъ передъ вами, могучими львами!»
Безстрашный Комурджи вскричалъ:
«При васъ ваши сабли—побѣда предъ вами:
«Иначе бы кто побѣждалъ?

«Кто первый добудетъ мнѣ знамя Христово,
«Тотъ требуй—и дастся тому!»
И грозные клики—отвѣтомъ на слово—
Промчались по стану всему.

XXIII.

Какъ волчья стая нападаетъ
На разъяреннаго быка,
И тотъ—не раненый пока—
Ногами первыхъ попираетъ
Или подъемлетъ на рога:
Такъ и османы на врага
Напали, славою повиты—
И были смѣло имъ отбиты...
И, какъ осколками стекла,
Земля усѣяна была
Тѣлами падшихъ середь бою,
Покрытыхъ кованной бронёю,
Свинцомъ пробитой на поляхъ,
Гдѣ успокоился ихъ прахъ.
Рядами цѣлыми, какъ пали,
Они — недвижные — лежали
Подобно срѣзаннымъ косой
Стеблямъ пшеницы золотой.

XXIV.

Какъ сынъ снѣговъ, потокъ, весной
Отъ скалъ каменья отторгаетъ
И ихъ лавиной снѣговой,
Гремя, въ долину низвергаетъ:
Такъ, обезсиленныхъ борьбой,
Сыновъ Коринѳа низлагаетъ
Турецкой рати новый строй,
Въ проломъ нахлынувшій грозой.
Они незыблемо стояли
И, тяжко падая во прахъ,
Въ крови и ранахъ умирали
Съ оружьемъ въ за́мершихъ рукахъ.
И вопль, и клики ликованья,
И пушекъ громъ, и рѣзкій звукъ
Глухихъ ударовъ сильныхъ рукъ
Въ одно сливается стенанье:
Лишь смерть безмолвствуетъ вокругъ.

Семья сосѣднихъ городовъ
Громамъ тѣмъ гибельнымъ внимаетъ
И въ вѣщемъ ужасѣ не знаетъ
Кого — друзей или враговъ —
Тѣ клики грозные вѣнчаютъ;
Не знаютъ: слёзы ли имъ лить,
Иль небеса благодарить
За звуки тѣ, что повторяютъ
Ущелья горъ береговыхъ.
И громъ тѣхъ звуковъ роковыхъ
Былъ слышенъ въ дальнемъ Саламинѣ,
Въ Пирейской бухтѣ и Левсинѣ.

XXV.

Съ мечей ручьями кровь бѣжитъ;
Палъ городъ, пали укрѣпленья;
Грабежъ на улицахъ кипитъ:
Все ждетъ послѣдняго мгновенья.

Изъ храмовъ божьихъ, изъ домовъ
Проклятья, жалобы несутся,
И звуки трепетныхъ шаговъ
По скользкимъ камнямъ раздаются.
Средь узкихъ улицъ, здѣсь и тамъ,
Гдѣ можно дать отпоръ врагамъ,
Десятки воиновъ встрѣчаютъ
Толпы враговъ, что наступаютъ,
И, прислонясь къ стѣнѣ спиной,
На время сдерживаютъ бой
И, какъ герои, умираютъ.

Межъ нихъ вниманье привлекаетъ
Старикъ съ сѣдою головой,
Но съ сильной, твердою рукой.
Онъ бодро турокъ отражаетъ—
И трупы ихъ лежатъ кругомъ,
Его сраженные мечомъ.
Хотя старикъ и отступаетъ,
Но все — не раненый — ещё
Съ толпою бьется горячо,
Чтò все сильнѣе напираетъ.
Рубцы, добытые войной,
Таясь подъ кованной бронёй,
О славныхъ битвахъ говорили,
Хотя давно тѣ битвы были.
Старикъ, онъ крѣпость юныхъ силъ
Въ могучемъ тѣлѣ сохранилъ,
И врядъ-ли-бъ кто-нибудь сыскался,
Кто съ нимъ бы силой поравнялся.
Минотти сдерживалъ одинъ
Толпу враговъ ожесточенныхъ—
Толпу, безчисленнѣй сѣдинъ
Его волосъ посеребрённыхъ;
И много матерей преклонныхъ
Онъ въ этотъ день осиротилъ:
Ихъ юныхъ первенцовъ лишилъ,
Еще въ то время не рожденныхъ,
Когда—исполненъ юныхъ силъ—
Онъ мечъ впервые обагрилъ
Въ крови враговъ иноплеменныхъ.

Когда Минотти потерялъ
Въ бою единственнаго сына,
Отцамъ почувствовать онъ далъ
Какъ велика его кручина.
И если падшему нужна
Святая жертва очищенья,
То тѣнь Минотти — нѣтъ сомнѣнья —
Была ужаснѣй отмщена,
Чѣмъ тѣнь Патрокла подъ Пергамомъ.
Онъ погребенъ на томъ же самомъ
Высокомъ берегѣ морскомъ,
Гдѣ спятъ герои вѣчнымъ сномъ.
Но кто укажетъ тѣ могилы,
Что ихъ пріяли въ цвѣтѣ силы?
На ихъ могилахъ нѣтъ камнéй
И нѣтъ въ могилахъ тѣхъ костей;
Но ихъ именъ не позабудутъ,
Пока пѣть пѣсни люди будутъ.

XXVI.

Чу! клики воздухъ потрясаютъ:
То янычары наступаютъ.
Рука ихъ мощная ведетъ
И — обнаженная — впередъ
Манúтъ отвагой изступленной,
И по рукѣ той обнаженной
Героя каждый узнаетъ.
Однихъ одежда отличаетъ,
Что взоръ враждебный привлекаетъ;
Тѣ рукоятокъ ихъ мечей
Гордятся цѣнностью камнéй:
Но въ мірѣ нѣтъ клинка такого,
Какъ сабля Альпа молодого;
Тѣ отличаются чалмой,
А Альпъ—могучею рукой,
До плечъ высоко обнажонной
Въ минуту сѣчи изступлённой.
Ничей бунчукъ у стѣнъ крутыхъ,
Віясь, такъ близко не мелькаетъ!

Ничей бунчукъ сыновъ своихъ
Такъ далеко не увлекаетъ!
Гдѣ Альпа видится рука —
Тамъ храбрецы, герои бьются,
Бѣжитъ кровавая рѣка
И тщетно вопли раздаются;
Тамъ обезсиленный герой,
Безъ стона, гордо умираетъ,
И, умирая, напрягаетъ
Остатокъ силъ своихъ, чтобъ бой
Начать послѣдній, роковой.

XXVII.

Еще старикъ Минотти бьется,
Но Альпъ недвиженъ остается...

— «Минотти, сдайся!» говоритъ:
Проси пощады — и пощада
Тебѣ Франческу возвратитъ!»

— «И жизни вѣчной мнѣ не надо,
Когда злодѣй ее даритъ!»

— «Ужель тебя, моя святыня,
Должна сгубить его гордыня?»

— «Ей не бывать въ твоихъ рукахъ!»

— «Но гдѣ-жъ Франческа?»

— «Въ небесахъ —
Въ чертогахъ свѣтлыхъ, недоступныхъ
Для душъ коварныхъ и преступныхъ!»

Когда бы громъ предъ нимъ упалъ —
Злодѣй бы такъ не встрепенулся...
И, увидавъ, что Альпъ дрожалъ,
Минотти злобно усмѣхнулся.

— «О Боже!—Альпъ проговорилъ:
Скажи, давно-ль ея не стало?»

— «Вчера—и рокъ я не корилъ,
Что небо скорбную пріяло.
Никто изъ рода моего
Рабомъ не будетъ Магомета!
Сражайся!... Дѣва Назарета!»

Но тщетенъ вызовъ былъ его —
Ужъ грозный Альпъ въ числѣ убитыхъ.
Межъ тѣмъ какъ пламенный потокъ
Рѣчей Минотти ядовитыхъ
Злодѣя грудь пронзалъ и жогъ
Больнѣй меча, которымъ бился,
Вдругъ Альпъ, какъ скошенный, свалился.
Съ ступеней храма, гдѣ пылалъ
Кровавый бой—пылалъ и длился,
Вдругъ выстрѣлъ грянулъ, прокатился—
И Альпъ, сраженный пулей, палъ.
Но прежде чѣмъ изъ предстоявшихъ
Единый рану увидалъ —
Уже во прахѣ Альпъ лежалъ,
Чтобъ не возстать изъ сонма павшихъ.
Огонь блеснулъ въ его очахъ —
И вѣчный мракъ окуталъ прахъ.
Его на знамя положили.
Съ его высокаго чела
И щекъ, покрытыхъ слоемъ пыли,
Струя кровавая текла;
И пульсъ прерывисто не бился,
И стонъ на волю не просился
Изъ устъ, омоченныхъ въ крови.
Ни слово мира и любви,
Ни вздохъ, исполненный кручины,
Не предрекли его кончины.
Еще молитва съ устъ его
Слетѣть къ Престолу не успѣла,
Какъ легкимъ паромъ отъ него
Душа въ пространство отлетѣла—
И онъ остался до конца
Врагомъ отчизны и Творца.

XXVIII.

И торжества, и гнѣва клики
Грозой промчались межъ рядовъ
Его друзей, его враговъ,
И вновь грозой склонились пики,
И вновь мечи блестятъ въ рукахъ
И повергаютъ храбрыхъ въ прахъ.
И, шагъ за шагомъ отступая,
Минотти сдерживаетъ строй
Свирѣпыхъ турокъ, защищая
Родную землю, какъ герой;
И вкругъ него—оберегая—
Тѣснятся воины толпой.
Старинный храмъ, оплотъ священной,
Откуда тотъ направленъ былъ
Зловѣщій выстрѣлъ, что̀ сразилъ
Злодѣя въ битвѣ дерзновенной
И тѣмъ за городъ отомстилъ—
Оплотъ послѣдній предлагаетъ.
И, оставляя за собой
Кровавый слѣдъ на мостовой,
Минотти къ храму отступаетъ—
И только здѣсь, очистивъ путь
Повсюду занятый врагами,
Прикрытый старыми стѣнами,
Свободно можетъ онъ вздохнуть.

XXIX.

Усилясь новою толпою,
Сыны ислама и побѣдъ
Стремятся съ яростью такою
За христіанами во слѣдъ,
Что ихъ безчисленность порою
Имъ обращается во вредъ.
Проходъ, который велъ къ твердынѣ
Послѣдней горсти христіанъ,
Подобенъ горной былъ тѣснинѣ,

И строй побѣдный мусульманъ,
Успѣвшій къ храму протѣсниться,
Назадъ не могъ ужъ возвратиться,
И долженъ былъ иль побѣдить,
Иль сномъ могильнымъ опочить.
Но прежде, чѣмъ имъ сумракъ ночи
Смежилъ безжизненныя очи,
Ужъ ихъ спѣшили замѣнить
Другіе, съ мыслью отомстить.
Ослабѣваютъ христіане
Передъ напоромъ янычаръ;
Вотъ ужъ у двери мусульмане:
Послѣдній близится ударъ.
Но дверь, покорная запору,
Еще противится напору.
Изъ всѣхъ отверстій цѣлый адъ
Огонь ружейный извергаетъ,
И мѣткихъ пуль свинцовый градъ
Рядъ узкихъ оконъ изрыгаетъ.
Но дверь скрипитъ: еще напоръ—
Сдаются петли и запоръ,
И дверь, шатаясь, упадаетъ:
Коринѳъ! чередъ твой наступаетъ!

XXX.

Угрюмъ, свирѣпъ и одинокъ
Стоитъ Минотти у амвона.
Надъ нимъ блистая, льетъ Мадонна
Лучей сіяющихъ потокъ
На грудь, обрызганную кровью—
И взоръ ея горитъ любовью.
Мадонна такъ помѣщена,
Чтобъ каждый, видя, какъ она,
Съ Младенцемъ кроткимъ на колѣняхъ,
Встрѣчаетъ всѣхъ, ко всѣмъ равна,
Въ своихъ излиться могъ бы пеняхъ.
На все—прекрасна и ясна—
Глядитъ съ улыбкою Она,
И даже въ этотъ мигъ ужасной
Встрѣчаетъ всѣхъ улыбкой ясной.

Но вотъ Минотти, весь горя,
Вздохнулъ, взглянулъ, перекрестился,
Схватилъ свѣтильникъ съ алтаря
И, приподнявъ, остановился...
Тогда-какъ турки—здѣсь и тамъ—
Уже врывались въ Божій храмъ.

XXXI.

Въ безмолвномъ склепѣ, въ храмѣ томъ,
Подъ мозаиковымъ поломъ,
Лежатъ покойники рядами.
Помостъ блеститъ ихъ именами;
Но тѣхъ именъ ужъ не видать—
На нихъ кровавая печать:
Узоры мрамора цвѣтные
И—честь родовъ—гербы рѣзные
Покрыты шлемами кругомъ,
Кругомъ завалены мечами
И бездыханными тѣлами
Сраженныхъ смертью въ храмѣ томъ.
Война сошла подъ эти своды
И здѣсь сокровища свои—
Орудье смерти, зло природы—
Скопило съ мудростью змѣи.
Здѣсь былъ устроенъ предъ осадой
Запасный складъ пороховой.
Приводъ насыпанъ роковой—
И здѣсь послѣднею преградой
Врагу становится герой.

XXXII.

Толпа невѣрныхъ наступаетъ,
И горсть отважныхъ христіанъ,
Ужъ обезсиленныхъ отъ ранъ,
Имъ путь напрасно преграждаетъ.
Не находя живыхъ враговъ,
Они глумятся надъ тѣлами,

И украшають головами
Верхи кровавыхъ бунчуковъ.
Тѣ съ пьедесталовъ низвергають
Изображенія святыхъ,
Тѣ другъ у друга отнимають
Куски покрововъ парчевыхъ,
А тѣ съ иконъ святыхъ сдирають
Вѣнцы окладовъ дорогихъ.
Вотъ къ алтарю они подходятъ
И видятъ чашу всю въ лучахъ—
И алчность, вспыхнувъ въ ихъ очахъ,
Здѣсь пищу новую находитъ.
Еще поутру въ ней вино
Было Христомъ претворено
Въ святую кровь Его—и пили
Ее смиренные бойцы,
Чтó вѣчнымъ сномъ здѣсь опочили,
Стяжавъ нетлѣнные вѣнцы.
Лампада чашу освѣщала
Изъ драгоцѣннаго металла,
И тѣмъ сіяньемъ для очей
Добычу дѣлала цѣннѣй.

XXXIII.

Ужъ нечестивая рука
Сосуда свѣтлаго касалась,
Когда свѣча поколебалась
Въ рукахъ Минотти старика,
Дугу въ пространствѣ описала
И надъ приводомъ запылала.
Раздался взрывъ—и сонмъ святыхъ,
И стѣны храма вѣковыя,
И мертвыхъ груды ледяныя,
И сонмъ оставшихся въ живыхъ,
На встрѣчу смерти шедшихъ смѣло—
Гремя, на воздухъ все взлетѣло.
Упали стѣны; зáмокъ палъ;
Возстало море на мгновенье,
И потряслись вершины скалъ,
Какъ въ грозный часъ землятрясенья.

Мильонъ обломковъ—здѣсь и тамъ —
Подъятъ къ далекимъ облакамъ.
Все міру грозно возвѣщаетъ,
Что часъ послѣдній наступаетъ.
Все, чѣмъ гордился славный градъ,
На воздухъ въ пламени взлетаетъ
И, сверху падая назадъ,
Окрестность пепломъ покрываетъ.
И этотъ пепелъ роковой,
Дождемъ горящимъ низпадая,
Покрылъ поля и брегъ морской,
Круги на морѣ оставляя.
Кругомъ разбросаны тѣла;
Но кто почившій — христіанинъ,
Или невѣрный мусульманинъ? —
И мать сказать бы не могла.
Когда въ уютной колыбели
Они покоились ещё
И, ихъ цѣлуя горячо,
Въ глаза имъ матери глядѣли,
Они не думали о томъ,
Что грянетъ часъ, въ который громъ
Размечетъ члены ихъ кругомъ.
Одно мгновенье миновало —
И мать родная-бъ не узнала
Родного сына своего
Въ останкахъ, въ остовѣ его.
Повсюду брёвна и каменья
Слѣды являли разрушенья.
Все, чтó дышало здѣсь кругомъ,
Исчезло въ ужасѣ нѣмомъ.
Умчались въ лѣсъ стада пернатыхъ;
Собаки съ воемъ отошли
Отъ тѣлъ, отъятыхъ у земли;
Верблюды бросили вожатыхъ;
Волы, запряженные въ плугъ,
Сломивъ ярмо, ревѣли въ полѣ;
Ретивый конь летѣлъ по волѣ,
Безъ мундштука и безъ подпругъ;
Лягушекъ крикъ въ трясинѣ дальней
Еще сталъ громче и печальнѣй;
Въ густыхъ лѣсахъ, въ берлогахъ горъ,

Гдѣ эхо рвется на просторъ,
Протяжно волки завываютъ,
И, вторя имъ, шакалы лаютъ —
И слышенъ въ дикомъ лаѣ томъ
И дѣтскій плачъ, и визгъ собаки,
Нежданно хлёстнутой бичёмъ,
Въ минуту ярости и драки.
И, волю давъ своимъ крыламъ,
Орелъ пріютъ свой покидаетъ
И взоръ свой къ небу направляетъ
На встрѣчу солнечнымъ лучамъ.
Вкругъ тучи черныя тѣснятся,
Зіяя сумракомъ могилъ,
И нудятъ—съ каждымъ взмахомъ крылъ—
Все выше, выше подыматься.
Такъ палъ Коринѳъ — и побѣдилъ!

Н. Гербель.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФІЯ XIX-го ВѢКА

Les discours de M. le Prince de Bismarck. Berl. 1872.

Окончаніе.

X *)

Прежде чѣмъ перейти къ рѣчамъ князя Бисмарка, посвященнымъ отношеніямъ Германіи къ сосѣднимъ государствамъ, т.-е. къ Австріи, Франціи и Россіи, мы не можемъ не остановиться на весьма искусной политикѣ нѣмецкаго канцлера по отношенію къ южной Германіи. Отношенія къ южной Германіи стоятъ какъ-бы на рубежѣ между отношеніями къ побѣжденнымъ народамъ и отношеніями къ иностраннымъ государствамъ.

Бисмарку предстояло тутъ разрѣшить весьма замысловатую задачу: съ одной стороны, онъ понималъ, что пока сѣверная Германія не слилась съ южной, дѣло нѣмецкаго единства стоитъ весьма шатко, слишкомъ непрочно; вотъ почему всѣ его стремленія были направлены къ тому, чтобы по возможности скорѣй исчезла линія Майна, и чтобы вмѣсто словъ «Сѣверо-Германскій Союзъ», можно было произнести одно слово «Германія»; съ другой стороны, его стремленія волей-неволей должны были умѣряться, какъ не совсѣмъ благопріятнымъ расположеніемъ самихъ южныхъ государствъ, которыя не могли такъ скоро забыть, что они были

*) См. выше: янв. 195, фев. 257, май, 166 стр.

побѣжденными въ отчаянной схваткѣ семидневной войны 1866 года, такъ и нерасположеніемъ еще болѣе серьёзнымъ двухъ сосѣднихъ государствъ къ сліянію сѣверной Германіи съ южной. Если бы трудность заключалась исключительно въ нерасположеніи южныхъ нѣмецкихъ государствъ, тогда князь Бисмаркъ едва ли сталъ бы долго задумываться. Сильный правилами своей практической мудрости, онъ не обратилъ бы никакого вниманія на такое нерасположеніе, и увѣренный въ своемъ превосходствѣ, въ своемъ могуществѣ, онъ поступилъ бы съ южными государствами такъ точно, какъ онъ поступилъ съ Ганноверомъ, Гессеномъ и другими, не чувствовавшими расположенія въ его политикѣ. Но за южною Германіею стояли «другіе», и эти-то другіе мѣшали ему. Начинать же немедленно одну войну послѣ другой, бросить вызовъ Франціи немедленно послѣ весьма ненадежнаго замиренія съ Австріею, было не совсѣмъ безопасно: онъ могъ рисковать тѣмъ, что́ уже пріобрѣтено, что́ онъ крѣпко держалъ въ своихъ желѣзныхъ рукахъ; а мы уже знаемъ, что́ несмотря на всю свою смѣлость, князь Бисмаркъ соединяетъ съ нею удивительную осторожность и предпочитаетъ довольствоваться меньшимъ, нежели подвергать риску разъ уже добытое. «Благоразумію,—высказывался онъ,—можно дать названіе боязни, точно также, какъ называть мужествомъ смѣлое легкомысліе». Такое мужество было чуждо князю Бисмарку. Ему нужно было придумать для достиженія своей цѣли такой планъ, который въ одно и то же время обезоруживалъ бы сосѣднія государства и осуществилъ бы сліяніе южной Германіи съ сѣверною. Онъ желалъ, чтобы не сѣверная Германія бросилась въ объятія южной, а южная склонила бы передъ сѣверной свою гордую и независимую голову. Очевидно, если бы сама южная Германія объявила свою твердую волю слиться съ сѣверной, то сосѣднимъ государствамъ оставалось бы только примириться съ такимъ положеніемъ. Заманивая къ себѣ южную Германію, Бисмаркъ вмѣстѣ съ тѣмъ понималъ, что сила внушаетъ уваженіе, что къ могущественной сѣверной Германіи южныя государства волей-неволей должны будутъ скорѣе примкнуть, и потому, по отношенію къ иностраннымъ государствамъ, Бисмаркъ выказывалъ себя настолько же твердымъ и сознающимъ свое могущество, насколько, по отношенію къ южнымъ, онъ выказывалъ себя мягкимъ и податливымъ. Словомъ, для успѣха своего плана ему нужно было съ хитростью лисицы обладать вмѣстѣ и грозною гривою льва.

Вмѣсто того, чтобы нетерпѣливо домогаться присоединенія южныхъ государствъ къ сѣверной Германіи, Бисмаркъ счелъ за

лучшее объявить, что онъ признаетъ вполнѣ удовлетворительнымъ то положеніе, которое создано было войною 1866 года, и что дальнѣйшее сближеніе онъ предоставляетъ времени и «естественному» ходу событій. Пражскимъ трактатомъ 1866 года Австрія исключалась изъ Германіи, и если та единая Германія, которую мы видимъ въ настоящее время, не была еще окончательно отлита въ придуманную нѣмецкимъ канцлеромъ форму, то всѣ условія были такъ умно приспособлены, что князь Бисмаркъ впередъ-могъ ручаться за успѣхъ отливки. Чтó бы ни дѣлала южная Германія, но оторванная отъ Австріи, она должна была кончить тѣмъ, что соединиться съ сѣверною, и вовсе не нужно было обладать особою проницательностію, чтобы предсказать въ весьма скоромъ времени неизбѣжное сліяніе. Чтобы не понимать этого, требовалось сверхъестественное тупоуміе, которымъ такъ отличались государственные люди второй имперіи. Въ какое положеніе поставилъ князь Бисмаркъ 4-мъ параграфомъ пражскаго трактата южныя государства? Имъ предоставлялось образовать южно-германскій союзъ или оставаться разъединенными и жить каждому такъ-сказать «своимъ домомъ». Еслибы этотъ союзъ образовался, то, состоя изъ королевства Баваріи, Виртемберга, да великаго герцогства Баденскаго, онъ былъ бы такъ слабъ, такъ немощенъ, что ему не оставалось бы ничего другого, какъ простереть свои руки къ Сѣверо-Германскому-Союзу, сильному прусскимъ королевствомъ. Бисмаркъ это понималъ лучше кого-нибудь другого, и потому, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ войны, онъ могъ весьма основательно замѣтить, что, по его убѣжденію, «парламентъ на сѣверѣ, имѣющій національное основаніе, и подобный же парламентъ на югѣ, не могутъ быть разрознены дольше, нежели воды Краснаго моря послѣ перехода евреевъ».

Если бы южныя государства рѣшились не основывать южнаго союза, или не въ состояніи были бы придти къ соглашенію относительно его устройства, тогда положеніе ихъ было бы еще болѣе безвыходно, и имъ тѣмъ менѣе было бы возможности устоять противъ магнитной силы притяженія Сѣверо-Германскаго Союза. Какъ ни слабъ былъ тотъ оплотъ, который находили южныя государства въ разрушенномъ германскомъ союзѣ, но тѣмъ не менѣе, они, благодаря ему, не чувствовали себя одинокими въ самомъ центрѣ Европы. Теперь же, когда онъ былъ разрушенъ, и когда они не могли болѣе опираться на Австрію, положеніе ихъ сдѣлалось безвыходнымъ и должно было нѣсколько позже, нѣсколько раньше, привести ихъ въ распростертыя объятія Сѣверо-Германскаго Союза. Они могли не желать, имъ могло быть жутко всту-

пать въ этотъ союзъ, такъ какъ они сознавали, что они должны будутъ утратить значительную долю того «духа независимости», который, по словамъ Бисмарка, такъ силенъ даже въ каждой нѣмецкой общинѣ. Но дѣлать было нечего, нужно было мириться съ тѣмъ, чего нельзя было измѣнить, чего нельзя было миновать. Для князя Бисмарка, убѣжденнаго, «что національное единство будетъ безспорно освящено исторіею», все это было также ясно, какъ дважды два четыре, и потому, не желая излишне раздражать сосѣднихъ государствъ, онъ рѣшился спокойно, но не дремля, выжидать той минуты, когда безъ малѣйшаго риска можно будетъ присоединить южныя государства къ Сѣверо-Германскому Союзу. Съ одной стороны, обще-Германскій Таможенный Союзъ, съ другой, заключенные наступательные и оборонительные союзы съ южными государствами, давали Бисмарку все, что ему было нужно, и сообщали ему то спокойствіе, котораго не хватало народнымъ представителямъ сѣверо-германскаго союза, жаждавшимъ поскорѣе произнести завѣтное слово: единая Германія! Эта мысль была какъ нельзя болѣе ясно выражена въ циркулярѣ Бисмарка отъ 7-го сентября 1867 года, разосланнаго по поводу зальцбургскаго свиданія, возбудившаго въ свое время такъ много толковъ, между императоромъ австрійскимъ и Наполеономъ III. «Сѣверный союзъ, — говоритъ въ этомъ циркулярѣ Бисмаркъ, — пойдетъ и въ будущемъ охотно на встрѣчу всѣмъ желаніямъ, которыя выразятъ нѣмецкія правительства юга, во всемъ, что касается расширенія и упроченія національныхъ сношеній между двумя частями страны, но мы всегда предоставимъ заботу опредѣлить границы, въ которыхъ взаимное сближеніе должно будетъ поддерживаться, свободному рѣшенію нашихъ союзниковъ южной Германіи. Мы тѣмъ болѣе считаемъ необходимымъ спокойно сохранять это положеніе, что мы находимъ въ установившихся въ настоящее время отношеніяхъ между сѣверомъ и югомъ, насколько онѣ вытекаютъ изъ заключенныхъ союзовъ и возстановленія таможеннаго союза, законное опирающееся на фактахъ основаніе для независимаго развитія національныхъ интересовъ нѣмецкаго народа».

Этими строками опредѣляется то положеніе, которое съ необычайною ловкостью занялъ князь Бисмаркъ по отношенію къ южной Германіи. Онъ доволенъ, ему больше ничего не нужно, но если южной Германіи самой понадобится болѣе тѣсное сближеніе, то сѣверная Германія охотно пойдетъ на встрѣчу. Бисмаркъ не только не добивается сліянія, не только не намѣренъ приносить никакихъ жертвъ для его достиженія, но онъ прини-

маетъ покровительственный тонъ, говоря о южныхъ государствахъ. Сѣверной Германіи не нужно союзниковъ, она сама сильна, но слабыя южныя государства не могутъ существовать не опираясь на сильнаго союзника, и онъ милостиво предлагаетъ свою помощь. Бисмаркъ со всею энергіею вооружается противъ того, что заключенные тотчасъ послѣ войны 1866 года наступательные и оборонительные союзы болѣе выгодны для сѣверной, нежели для южной Германіи. «Часто,—говоритъ онъ,—выходятъ изъ той мысли, что союзные трактаты составляютъ тягость для юга Германіи, какое-то военное вассальное положеніе, и что они выгодны только сѣверу. Но обязанность военной помощи существуетъ для сѣвера точно также, какъ и для юга. Изъ двухъ союзниковъ, болѣе слабый болѣе легко и вовлекается въ опасныя затрудненія, и армія Сѣверо-Германскаго Союза обезпечиваетъ нашему южному союзнику совсѣмъ иного рода помощь, нежели та, которую можетъ намъ подать часть нѣмецкихъ силъ юга, при тѣхъ военныхъ условіяхъ, въ которыхъ находятся, безъ сомнѣнія, прекрасные элементы этой арміи. Во времена, продолжаетъ Бисмаркъ, подобныя тѣмъ, которыя переживаетъ въ настоящее время Европа, тогда, когда шпага, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, можетъ такъ много вѣсить на вѣсахъ, это вовсе не шуточное дѣло для маленькаго государства, неспособнаго «европейски» защищаться, имѣть возможность призвать къ себѣ на помощь... я не хочу называть цифры,—почти неограниченное число штыковъ Сѣверо-Германскаго Союза». Мы привели это разсужденіе Бисмарка, чтобы показать, какъ онъ былъ находчивъ и искусенъ, когда нужно было объяснять отношенія сѣверной Германіи къ южной. Ясно какъ день, что выгода отъ союзовъ съ южными государствами была вся на сторонѣ сѣверной Германіи, такъ какъ первымъ никто не угрожалъ въ то время, когда на послѣднюю косились съ нѣсколькихъ сторонъ. Наконецъ, событія французской войны 1870 г. доказали лучше всякихъ разсужденій, кому были выгодны союзы, и какъ тяжело было бы положеніе Пруссіи, окруженной только входившими въ составъ Сѣверо-Германскаго Союза государствами, изъ которыхъ при томъ нѣкоторыя, какъ Ганноверъ, относились къ ней враждебно, если бы она не нашла столь драгоцѣнной помощи въ южныхъ государствахъ Германіи.

Какъ ни убѣдительно доказывалъ Бисмаркъ, что выгода южной Германіи гораздо болѣе, нежели польза сѣверной, требуетъ самаго тѣснаго союза между двумя частями государства, югъ тѣмъ не менѣе, за исключеніемъ Бадена, слабо поддавался увѣреніямъ нѣмецкаго канцлера. Прогрессисты Германіи причину

этого удаленія юга видѣли въ томъ, что политика сѣверной Германіи была недостаточно либеральна, князь же Бисмаркъ, напротивъ, указывалъ на излишній либерализмъ Сѣверо-Германскаго Союза какъ на причину, отталкивавшую южныя государства. «Отчего нѣмцы, спрашивалъ онъ, не хотятъ соединиться съ нами? Не потому, чтобы мы были недостаточно для нихъ либеральны; а потому, что мы для нихъ слишкомъ либеральны. Вотъ единственная причина». Когда на лѣвой сторонѣ рейхстага раздался смѣхъ, Бисмаркъ замѣтилъ: «Вы смѣетесь, господа, потому что вы не хотите взглянуть прямо въ лицо простой дѣйствительности. Среди нѣмецкихъ государствъ юга, самое либеральное, безъ всякаго сомнѣнія, это великое герцогство Баденское. И тутъ-то именно вы встрѣчаете самое горячее желаніе вступить въ Сѣверо-Германскій Союзъ. Либеральные нѣмцы юга хотятъ присоединиться къ намъ. Тѣ, которые противятся вступленію, это—реакціонныя партіи».

Бисмаркъ не разъ высказывалъ это любопытное мнѣніе, справедливость котораго не можетъ не быть подвергнута сильному сомнѣнію. За то другая причина, на которую указывалъ онъ, представляется несравненно болѣе основательною. Съ той минуты, когда князь Бисмаркъ расширилъ свой первоначальный планъ сильнаго и могущественнаго прусскаго государства, онъ не жалѣлъ трудовъ, не жалѣлъ силъ, чтобы практически осуществить идею единой Германіи. Онъ стремился къ этому единству не менѣе, конечно, любого нѣмецкаго патріота, но это не мѣшало ему смотрѣть несравненно болѣе трезво и болѣе глубоко на противодѣйствующія причины. Князь Бисмаркъ сознавалъ, что идея единой Германіи въ томъ видѣ, въ какомъ она имъ осуществляется, вовсе не вызываетъ поголовнаго сочувствія всѣхъ нѣмцевъ; онъ сознавалъ, какъ много преувеличеннаго въ громкихъ возгласахъ, что весь народъ отъ мала до велика пропитанъ одною идеею, однимъ страстнымъ желаніемъ, и онъ откровенно высказывалъ свою мысль. «Ни отъ кого,—говорилъ онъ,—не можетъ ускользнуть, что теченія сѣвера и юга идутъ въ противоположномъ направленіи; югъ, по особенному характеру своей расы, по положенію, которое занималъ онъ въ старомъ устройствѣ имперіи, по существу своему консервативенъ и склоненъ къ партикуляризму; мы для него не только слишкомъ либеральны, но также слишкомъ національны, въ итогѣ слишкомъ національно-либеральны. Присмотритесь поближе, продолжаетъ князь Бисмаркъ съ изумительною искренностью, къ характеристическимъ тенденціямъ южнаго нѣмца: вы увидите, что то, что лежитъ

въ основаніи всѣхъ манифестацій, въ которыхъ онъ принимаетъ участіе, это желаніе остаться баварцемъ, виртембергцемъ, швабомъ, франконцемъ. Онъ находитъ сѣверную Германію слишкомъ тѣсно связанною, и быть можетъ, онъ рѣшился бы войти въ составъ союза менѣе сплоченнаго, гдѣ его частныя желанія, основательныя или нѣтъ, были бы уважены въ несравненно болѣе широкой мѣрѣ». Онъ признавалъ, что населеніе вовсе не таково, какимъ его воображали себѣ либералы 1848 года, и что страстные порывы къ единству вовсе уже не такъ страстны. Только за годъ до французской войны, въ 1869 году, Бисмаркъ открыто высказывалъ, что желаніе единства въ южной Германіи чрезвычайно слабо, и поэтому каждый шагъ сѣверной Германіи долженъ быть строго разсчитанъ, чтобы не прорыть еще большей пропасти между сѣверомъ и югомъ. «На югѣ этой рѣки (Майна),—съ мужествомъ признавался князь Бисмаркъ,—желаніе единства такъ слабо, что извѣстные люди, которые открыто взываютъ къ помощи иностранцевъ, чтобы разрушить все то, что мы выиграли въ дѣлѣ единства; что люди, которые открыто высказываютъ сожалѣніе, что наступила пора мирнаго повѣтрія на свѣтѣ, замедляющая минуту, когда они могли бы увидѣть побѣдоносные иностранные штыки, окрашенные кровью ихъ братьевъ сѣвера, что эти люди не презираются ихъ соотечественниками и на нихъ не кладется клеймо, гласящее, что это измѣнники своей родины! Напротивъ, во время выборовъ у этихъ людей ищутъ поддержки, съ ними заключаютъ условія, они съ честью фигурируютъ рядомъ съ своими согражданами».

Признавая, что таково положеніе южной Германіи,—и оно не особенно удивляетъ, когда помнишь, что въ 1866 году суровые нѣмцы сѣвера дрались съ своими братьями юга также горячо, какъ дрались они вмѣстѣ четыре года спустя противъ французовъ, и убивали ихъ съ неизмѣннымъ безсердечіемъ,—князь Бисмаркъ долженъ былъ особенно заботиться о томъ, чтобы ничѣмъ не шокировать южныя государства и дѣлать, по крайней мѣрѣ, видъ, что онъ предоставляетъ имъ полную свободу дѣйствій и нисколько не желаетъ насиловать ихъ воли. Такъ и дѣйствовалъ нѣмецкій канцлеръ, сдерживая постоянно нетерпѣніе національной партіи сѣвера. Эта проповѣдь терпѣнія заключается въ одной изъ самыхъ замѣчательныхъ рѣчей Бисмарка, произнесенной менѣе нежели за два мѣсяца до французской войны и посвященной національному вопросу. Сѣверная Германія, развивалъ весьма подробно князь Бисмаркъ, должна выжидать спокойно той минуты, когда Баварія и Виртембергъ сдѣлаютъ рѣшительный шагъ къ сліянію,

должна выжидать, несмотря на все желаніе видѣть наконецъ осуществившимся единство Германіи. «Намъ ни къ чему не послужило бы, если бы Баварія и Виртембергъ должны были быть болѣе тѣсно соединены съ нами противъ ихъ воли, съ принужденіемъ и насиліемъ, и скорѣе, чѣмъ употребить насиліе для этой цѣли, я предпочелъ бы ждать все то время, которое проходитъ между однимъ поколѣніемъ и другимъ».

Строго придерживаясь въ отношеніи къ южной Германіи разумной выжидательной политики, Бисмаркъ останавливалъ порывы великаго герцогства Баденскаго, желавшаго войти въ Сѣверо-Германскій Союзъ, останавливалъ въ виду того, чтобы оно служило звеномъ между сѣверною и южною Германіею, и на упреки, обращенные къ нему, что онъ недостаточно энергично дѣйствуетъ въ дѣлѣ единства, Бисмаркъ съ большимъ умомъ сдерживалъ слишкомъ рьяныхъ сторонниковъ единства, говоря: «Обратите ваши взоры, господа, къ тому времени, которое предшествовало 1848 г., къ тому времени, которое предшествовало 1864 году. Вы довольствовались бы несравненно меньшимъ!» Путь, пройденный въ дѣлѣ единства и соединенія сѣверной Германіи съ южною, достаточно великъ, «не будемъ же цѣнить нашихъ побѣдъ ниже ихъ стоимости; не слишкомъ торопитесь, господа, дѣлать новые этапы, умѣйте довольствоваться на время тѣмъ, чѣмъ вы обладаете и не будьте такъ жадны къ тому, чего не достаетъ еще вамъ». Такъ разсуждалъ Бисмаркъ, и этими словами опредѣлялась вся его политика по отношенію къ государствамъ южной Германіи. Политика раціональная и безъ сомнѣнія гораздо болѣе содѣйствовавшая сплоченію двухъ частей обширнаго государства, нежели политика принужденія и насилія, къ которой склоняли его слишкомъ горячіе патріоты, не разбирающіе въ своей горячности средствъ, и къ которой, въ другихъ случаяхъ, онъ самъ прибѣгалъ такъ охотно.

Хотя князь Бисмаркъ вовсе не обольщалъ себя относительно расположенія южной Германіи къ сліянію съ Сѣверо-Германскимъ Союзомъ и къ единству нѣмецкой націи, тѣмъ не менѣе онъ былъ твердо увѣренъ послѣ 1866 года, что въ случаѣ иностраннаго нашествія или даже просто войны, южная Германія станетъ подъ одно знамя съ сѣверною. Еще въ 1867 году, тотчасъ послѣ заключенія пражскаго мира, Бисмаркъ говорилъ: «Югъ, въ случаѣ, если его цѣлости будетъ сдѣлана угроза, не можетъ сомнѣваться въ томъ, что онъ найдетъ братскую, абсолютную помощь у сѣвера, точно также какъ сѣверъ вполнѣ убѣжденъ въ помощи юга въ случаѣ внѣшняго нападенія». Это же самое

убѣжденіе Бисмаркъ прямо высказывалъ за два мѣсяца до французской войны, предоставляя слушать кому угодно, когда онъ говорилъ: «я не выражалъ никакого сомнѣнія на счетъ нашего права разсчитывать на военныя силы южныхъ государствъ, и я вполнѣ убѣжденъ, что во всякой войнѣ мы можемъ положиться на полную помощь всѣхъ существующихъ силъ въ нѣмецкихъ государствахъ юга». Событія не обманули ожиданій князя Бисмарка, и еще разъ подтвердили проницательность его политическихъ соображеній. Французская война была тѣмъ горячимъ солнцемъ, которое помогло созрѣть идеѣ единства въ южной Германіи, и этотъ созрѣвшій плодъ Бисмаркъ не упустилъ минуты схватить на лету. И тутъ, какъ въ отношеніяхъ къ побѣжденнымъ государствамъ, не принципы указывали ему разумную систему, не идеи руководили его поразительно успѣшною политикою, а исключительно вѣрный разсчетъ, вѣрное пониманіе, изъ чего можно извлечь бо́льшую пользу. Къ этому вѣрному пониманію своей пользы въ его отношеніяхъ къ иностраннымъ государствамъ, къ которымъ теперь мы и перейдемъ, прибавлялось еще нѣчто— это увѣренность, столь оправдавшаяся, что другіе, съ которыми ему суждено было имѣть дѣло, не съумѣютъ понять своихъ выгодъ, не съумѣютъ оцѣнить своихъ интересовъ.

XI.

Мы сказали уже, что въ системѣ государствъ континентальной Европы, въ то время, когда судьба Германіи попала въ руки князя Бисмарка, было четыре державы: Франція, Россія, Австрія и Пруссія. Послѣдняя считалась самою мелкою, самою слабою изъ всѣхъ четырехъ, а между тѣмъ для того, чтобы завѣщаніе Фридриха II было выполнено, необходимо было, чтобы она сдѣлалась самою крупною, самою могущественною державою. Послѣдователь и политическій преемникъ Фридриха составилъ замѣчательный планъ для осуществленія идеи «великаго короля», планъ, по которому Пруссія должна была по очереди пользоваться каждымъ изъ своихъ сильныхъ сосѣдей, чтобы съ одной стороны нанести полновѣсный ударъ другому сосѣду, и при этомъ самой настолько же возвыситься и окрѣпнуть, насколько сосѣди падали и ослабѣвали. Планъ этотъ весьма наглядно обозначается въ рѣчахъ князя Бисмарка, и нашъ трудъ заключается только въ томъ, чтобы многочисленныя разбросанныя и разъединенныя части слить въ одно цѣлое. Политическая система князя

Бисмарка будетъ достаточно ясна, если мы прослѣдимъ, хотя можетъ быть и слишкомъ бѣгло, отношенія Германіи къ тремъ ея могущественнымъ сосѣдямъ: Австріи, Франціи и Россіи за послѣдній десятилѣтній періодъ.

Сообразно плану князя Бисмарка, начнемъ съ Австріи. Это была первая страна, которую ему нужно было обезсилить, унизить во что бы то ни стало, если только онъ желалъ, чтобы вся его дальнѣйшая политика увѣнчалась успѣхомъ. Обезсиленіе Австріи должно было развязать ему руки въ Германіи, должно было обезпечить за Пруссіею гегемонію. Такъ точно думалъ и дѣйствовалъ и его предшественникъ Фридрихъ, который никогда не упускалъ случая, чтобы нанести соперницѣ Пруссіи въ Германіи крѣпкій ударъ. Одно изъ правилъ практической мудрости заключается въ томъ, чтобы умѣть загребать жаръ чужими руками, и не Бисмаркъ, конечно, можетъ быть обвиненъ въ нарушеніи этого правила. Въ этомъ отношеніи онъ никогда не былъ повиненъ. Планъ сильнаго прусскаго государства, возвышеніе Пруссіи надъ Австріею сложился у Бисмарка, мы не скажемъ въ которомъ именно году, но, во всякомъ случаѣ, во время пребыванія его во Франкфуртѣ въ качествѣ прусскаго полномочнаго министра при сеймѣ, такъ что война 1859 года между Франціею и Австріею была ему какъ нельзя болѣе съ руки, и читатель знаетъ изъ знаменитаго письма Бисмарка къ министру иностранныхъ дѣлъ барону Шлейницу [1]), какъ горячо возставалъ будущій нѣмецкій канцлеръ противъ самой мысли о возможности вмѣшательства въ войну Пруссіи, съ цѣлью помочь Австріи. Результатомъ войны 1859 года была потеря для Австріи Ломбардіи, но эта потеря была не настолько значительна, чтобы Бисмаркъ могъ ею довольствоваться. Это былъ только первый шагъ, первый этапъ на длинномъ пути, въ концѣ котораго было полное и безусловное исключеніе Австріи изъ участія въ дѣлахъ Германіи.

Австрія такъ мало была ослаблена итальянскою войною, что когда Бисмаркъ принялъ на себя управленіе Пруссіею и когда онъ приступилъ къ выполненію своего хорошо обдуманнаго плана, онъ не рѣшился еще бравировать Австрію, какъ бравировалъ остальную Германію по поводу шлезвигъ-голштейнскаго столкновенія. Нѣтъ, онъ чувствовалъ необходимость потрясти предварительно положеніе Австріи среди второстепенныхъ нѣмецкихъ государствъ, и датская война служила къ тому только предлогомъ.

---

1) См. Вѣстникъ Европы, декабрь, 1872.

Втянуть Австрію въ эту несправедливую войну, нарушить такимъ образомъ ея доброе согласіе съ франкфуртскимъ сеймомъ, заставить ее ковать орудіе для собственнаго ея побіенія—все это было дѣломъ весьма замѣчательнаго дипломата, умѣющаго отлично понимать политическую близорукость и ничтожность своихъ противниковъ. «Трудно встрѣтить,—замѣчаетъ по этому поводу одинъ изъ самыхъ талантливыхъ и образованныхъ публицистовъ западной Европы,—большаго политическаго ослѣпленія съ одной стороны, и большей дерзости и смѣлой эксплуатаціи сосѣдей съ другой. Прусскій министръ, и въ этомъ его главная сила, основываетъ свои политическія комбинаціи не на измѣнчивой волѣ или капризахъ людей, а на сцѣпленіи интересовъ и обстоятельствъ». Въ своихъ отношеніяхъ къ Австріи, въ той свободной манерѣ, съ которою онъ разставилъ сѣти, въ которой запуталась старая монархія Габсбурговъ, Бисмаркъ основывается также, если не на капризахъ людей, то на ихъ слѣпотѣ, такъ какъ нѣтъ сомнѣнія, что находись во главѣ австрійской политики человѣкъ такого же калибра, какъ и нѣмецкій канцлеръ, она никогда бы не поддалась на такую «дерзкую» игру. Но какъ бы то ни было, Австрія была втянута въ датскую войну и тѣмъ самымъ наложила на себя руку.

Поколебать положеніе Австріи въ Германіи, показать, что она вовсе не остается такою вѣрною опорою Германскаго Союза, какъ то полагали во Франкфуртѣ, для Бисмарка было еще недостаточно. Бисмарку нужно было обезпечить себя союзниками и гарантировать нейтралитетъ грозной, послѣ крымской кампаніи и итальянской войны, Франціи. Съ этой стороны Бисмаркъ дѣйствовалъ не менѣе искусно. Къ сожалѣнію, судить о томъ, чтó происходило на морскомъ берегу въ Біаррицѣ, какіе разговоры велись въ Тюльери, можно только по догадкамъ, къ которымъ мы не имѣемъ никакого вкуса. Но если бы князь Бисмаркъ оставилъ по себѣ правдивые мемуары, тогда, трудно сомнѣваться, они показали бы дипломатическія способности канцлера нѣмецкой имперіи во всемъ ихъ блескѣ. Теперь же только по слабымъ намекамъ въ его рѣчахъ мы можемъ судить, что онъ не останавливался ни передъ какими увѣреніями, ни передъ обѣщаніями, сдержать которыя князь Бисмаркъ никогда не разсчитывалъ. Сколько бы различные идеалисты ни ратовали искренно противъ правила Лойолы: цѣль оправдываетъ средства,—сколько бы дипломаты ни увѣряли, что начало это презрѣнно, въ современной политикѣ начало это играетъ большую роль и будетъ играть до тѣхъ поръ, пока война останется главнымъ факторомъ, регули-

рующимъ отношенія между европейскими государствами. Вотъ отчего обвиненія, сыплющіяся на князя Бисмарка со стороны большею частію французскихъ публицистовъ, что онъ не сдержалъ слова, что онъ обманулъ Наполеона и т. п., все это пустыя слова, вздорные возгласы, лишенные всякаго смысла. Кто же когда въ политикѣ держалъ слово, кто не обманывалъ!

Весь вопросъ только въ томъ, чтобы тотъ, кто нарушаетъ свое слово, кто не держитъ обѣщанія, съумѣлъ извлечь изъ этого выгоду, чтобы, при помощи такого рода средствъ, онъ съумѣлъ достичь своей цѣли, съумѣлъ восторжествовать. Удалось ему—политическая нравственность его оправдываетъ, не удалось,—ну, тогда измѣна слову, несдержанное обѣщаніе будутъ долго тяготѣть надъ нимъ и долго общество будетъ возмущаться обманомъ. Успѣхъ же заставляетъ это самое общество рукоплескать обману, который получаетъ имя политической мудрости. И Фридрихъ II, и князь Бисмаркъ отлично это сознавали, и потому оба они такъ мало стѣснялись даннымъ словомъ и сдѣланнымъ обѣщаніемъ. Князь Бисмаркъ отправился во Францію и выговорилъ себѣ выгодный нейтралитетъ; какою цѣною, или вѣрнѣе обѣщаніемъ какой цѣны, это остается неизвѣстнымъ, и если нельзя довѣрять французскому источнику, по которому значительное округленіе было обѣщано Франціи со стороны ея сѣверной и сѣверо-восточной границы, то точно также нельзя довѣрять и нѣмецкому источнику, по которому никакихъ «положительныхъ» и «опредѣленныхъ» обѣщаній не было сдѣлано. Сверхъ выговореннаго нейтралитета Бисмаркъ связалъ еще Францію по рукамъ и ногамъ союзомъ Пруссіи съ Италіей. Франція гордилась, что Италія была ея созданіемъ; какъ же могла она выступить теперь противъ союзницы ея дѣтища?

Планъ Бисмарка былъ крѣпокъ со всѣхъ сторонъ; выполненіе же его поражаетъ энергіею и проницательностью. Бисмаркъ такъ изолировалъ Австрію, что ей некуда было обратить своихъ уповающихъ взоровъ. Безучастное отношеніе Англіи къ Даніи ручалось за ея неподвижность; что же касается Россіи, то Бисмарку нечего было ея опасаться. Россія могла бы еще явиться на помощь Австріи, какъ явилась она въ 1849 году для защиты ея отъ наплыва радикализма, отъ стремительнаго потока революціонныхъ силъ, хоть и тутъ время не прошло совсѣмъ безслѣдно и въ направленіи русской политики чувствуется до извѣстной степени значительная перемѣна; но думать, чтобы она двинула свои полчища для защиты ея отъ Пруссіи, было невозможно, не только въ силу дружественныхъ отношеній двухъ царствующихъ

домовъ, а просто потому, что защищать страну, «удивившую Европу своею неблагодарностью», не было никакого основанія. Къ тому же Пруссія, хотя и руководимая исключительно своими собственными интересами и нимало не помышляя о выгодѣ Россіи, оказала ей въ польскомъ вопросѣ своею политикою, солидарною съ русскою, нѣкотораго рода помощь, за которую мы съ своей стороны успѣли уже ее поблагодарить. Такимъ образомъ, все было подготовлено, все устроено, все строго обдумано, оставалось только подать сигналъ. Сигналъ былъ поданъ, и по сигналу раздался первый выстрѣлъ. Что касается до повода къ войнѣ, то князь Бисмаркъ о немъ никогда не заботится, увѣренный, что поводъ всегда найдется, и что онъ съумѣетъ дать дѣлу такой оборотъ, что Пруссія, или потомъ Германія окажется вызванною и принужденною къ бою страною, и что Германіи ничего болѣе не оставалось, какъ принять вызовъ дерзкаго врага. Такъ было и тутъ, и тотъ самый Шлезвигъ-Гольштейнъ, который, на горе Австріи, соединилъ ее на время съ Пруссіею, сдѣлался теперь поводомъ рѣшительной для той и другой страны войны. Впрочемъ, война эта была рѣшительная не только для Австріи и Пруссіи, но для всего нѣмецкаго народа, для всей Германіи. «Германія, писалъ Штраусъ (въ своихъ извѣстныхъ узко-патріотическихъ и вовсе не говорящихъ въ пользу его гуманныхъ и свободолюбивыхъ чувствъ письмахъ къ французскому философу, не болѣе германскаго отличающагося шириною политическихъ воззрѣній), Германія была поставлена въ положеніе кареты, въ которую впрягли спереди и сзади лошадей равной силы и которая, поэтому, естественно должна оставаться неподвижною... по поводу шлезвигъ-голштейнскаго столкновенія удалось не надолго впречь обѣихъ лошадей рядомъ; но едва только цѣль была достигнута, онѣ снова пошли врозь, въ противоположныя стороны. Оставалось одно: рѣшительно обрубить постромки задней лошади, и тогда передняя могла свободно идти впередъ. Эта идея была также проста, какъ яйцо Колумба; казалось, она должна была придти въ голову каждому; и однако, если не *одинъ* только человѣкъ напалъ на нее, то *одинъ* только съумѣлъ найти вѣрное средство къ ея осуществленію». Штраусъ оказывается весьма плохимъ политикомъ, и даже послѣ того, какъ событія совершились, онъ ничего не видитъ, кромѣ того, на что ему указываютъ. Ему даже то не ясно, что Бисмарку нужно было впречь обѣ лошади вмѣстѣ, для того только, чтобы одна успѣшнѣе могла сгрызть другую. Бисмаркъ, конечно, не скажетъ этого прямо, дипломатическія приличія были бы слишкомъ оскорблены; онъ, напротивъ,

стремится увѣрить, что Пруссія была вынуждена къ войнѣ. «Насъ обвиняютъ, говоритъ онъ по поводу войны 1866 года, что мы съ спокойнымъ сердцемъ рисковали честью, независимостью и свободою Пруссіи въ такомъ предпріятіи, которое называютъ игрою, и котораго, слѣдовательно, мы имѣли возможность избѣжать. Я не признаю этого обвиненія, которое я слышу не въ первый разъ, и я пользуюсь случаемъ, чтобы здѣсь отразить его публично; я отвергаю его всѣми моими силами, какъ лживое измышленіе партіи. Мы были поставлены въ необходимость—въ виду несправедливыхъ нападеній, подготовленныхъ исподоволь, въ виду злоупотребленія большинства относительно Пруссіи въ германскомъ сеймѣ, въ виду опасности, которую мы, ради нашей законной защиты, не могли иначе отвратить, какъ штыками—мы вынуждены были взяться за оружіе—и это называть опасною и рискованною игрою, это называется... я не могу употребить выраженія, которое готово сорваться съ моего языка, въ этой средѣ оно было бы неприлично».

Да не подумаетъ читатель, что князь Бисмаркъ прибѣгаетъ къ напускному паѳосу. Нѣтъ, это было бы совершенно не въ его характерѣ. Онъ возмущенъ тѣмъ, что его политику, его вѣрную, строго обдуманную политику называютъ азартною игрою; онъ возмущается, когда ему не довѣряютъ, что Пруссія «вынуждена» была взяться за оружіе. Съ своей точки зрѣнія онъ правъ; онъ называетъ «вынужденіемъ» то, что сама Австрія добровольно не поспѣшила очистить для Пруссіи мѣсто въ Германіи, что Пруссія силою должна была добиваться того, что́ ей могли бы уступить безъ бою. Впрочемъ, слѣдуетъ все-таки повторить, что во внѣшней политикѣ дипломатическія приличія, а иногда и дипломатическія требованія и необходимость не позволяли ему сохранять свое качество—откровенность.

Разсказывать ходъ этой войны не входитъ въ нашу программу. Тутъ Бисмаркъ стирается за военными дѣятелями, которымъ онъ далъ только извѣстный опредѣленный толчокъ, которымъ онъ объяснилъ, что́ ему отъ нихъ нужно, и военные дѣятели въ точности исполнили предписанія князя Бисмарка. Австрія была разбита. На другой день послѣ отчаянной рѣшительной битвы открываютъ мирные переговоры, которые привели къ пражскому миру. Но тутъ представляется одинъ вопросъ, одно сомнѣніе, которое слѣдуетъ разъяснить. Одно изъ главныхъ правилъ князя Бисмарка заключается въ томъ, чтобы изъ извѣстныхъ событій извлечь всю возможную пользу, высосать весь сокъ; повидимому же въ 1866 году Пруссія остановилась тогда, когда она

могла идти дальше, когда ворота Вѣны были открыты передъ ней, и она могла свободно диктовать мирныя условія.

Безъ сомнѣнія, въ 1866 году Бисмаркъ поразилъ своею умѣренностью, вовсе не согласующеюся съ его характеромъ; мирныя условія могли быть гораздо выгоднѣе и въ сущности тогда же могло быть сдѣлано смѣло то, что случилось послѣ французской войны, т.-е. соединеніе въ одно цѣлое всей Германіи. Съ Баваріею, Виртембергомъ и другими могло было быть поступлено также, какъ было поступлено съ Ганноверомъ, Гессеномъ, Франкфуртомъ, etc. Но кромѣ правила, выражающагося въ словахъ— выжимать весь сокъ, у Бисмарка есть другое правило, перетянувшее въ 1866 году, правило, извѣстное уже читателю—вѣрнымъ не слѣдуетъ рисковать изъ-за невѣрнаго, меньшимъ изъ-за бо̀льшаго, особенно когда это большее можетъ быть достигнуто въ другой разъ. Бисмаркъ остановился, конечно, не добровольно, не изъ чувства умѣренности, а потому, что онъ увидѣлъ легкія тучи со стороны Франціи, и этого было для него достаточно. Что Франція помѣшала ему тогда же далѣе подвинуть осуществленіе его плана, это не догадка; въ одной изъ своихъ рѣчей, произнесенной какой-нибудь мѣсяцъ спустя послѣ окончанія войны, князь Бисмаркъ довольно открыто высказывалъ эту мысль. «Никто, говорилъ нѣмецкій канцлеръ, не рѣшился бы требовать отъ Пруссіи, чтобы она рѣшилась на двѣ большія европейскія войны за разъ; никто точно также не могъ бы требовать, чтобы въ то время, когда она вела одну войну и прежде, чѣмъ обезпечить плоды этой войны, она бы стала компрометтировать свои отношенія съ другими великими державами». Франція въ это время сказала довольно рѣшительно: нейдите дальше! и Бисмаркъ счелъ за лучшее до поры до времени покориться этому требованію французскаго правительства, приглашенному въ посредники между воюющими сторонами... «Въ общемъ положеніи, говорилъ Бисмаркъ по поводу мира съ Австріею, мы почерпнули убѣжденіе, что намъ не слѣдуетъ черезчуръ натягивать лукъ, что мы не должны, отбрасывая нѣкоторыя мелочи, подвергать сомнѣнію уже добытыя выгоды и ставить ихъ въ зависимость отъ какихъ-нибудь новыхъ европейскихъ компликацій... Я первый совѣтовалъ безъ колебаній его величеству согласиться и принять тѣ условія, которыя были предложены рѣшительно, à prendre ou à laisser, и не поступать подобно слишкомъ смѣлому игроку, который подвергаетъ еще разъ риску все уже выигранное».

Бисмаркъ остановился, понимая опасность ринуться далѣе въ данную минуту, и потому онъ имѣлъ полное право съ гордостью

отвѣчать на всѣ упреки, обращенные къ нему, что онъ недостаточно смѣло воспользовался военными побѣдами. «Господа,—обращался онъ къ представителямъ народа,—оцѣнить значеніе военнаго успѣха въ ту самую минуту, когда онъ одержанъ—это одна изъ самыхъ трудныхъ задачъ политики. Можно легко ошибиться; если мы сами ошиблись, будущее намъ покажетъ это; оно покажетъ, хорошо ли мы выбрали минуту для заключенія мира и прекращенія военныхъ дѣйствій, хорошо ли мы сдѣлали, что рѣшились довольствоваться тѣми условіями, которыя въ то время можно было выговорить. Исторіи принадлежитъ пролить свѣтъ на всѣ причины, которыя содѣйствовали совершенію извѣстнаго факта, и когда вы узнаете ихъ, я думаю, вы не откажетесь засвидѣтельствовать, что правительство достаточно смѣло воспользовалось побѣдою». Бисмаркъ не пошелъ далѣе, опасаясь враждебныхъ дѣйствій со стороны Франціи, которая, послѣ уступки Австріею Венеціи, могла постараться отвлечь Италію отъ союза съ Пруссіею, и такимъ образомъ развязать себѣ руки. Бисмаркъ не могъ вѣрить въ особую прочность итальянскаго союза, имѣя относительно соблюденія трактатовъ свое особое воззрѣніе. Тѣмъ болѣе онъ восхваляетъ Италію и признаетъ, какую важную роль играла она въ войнѣ 1866 года. «Мы имѣли серьёзную помощь въ непоколебимой вѣрности нашего союзника Италіи, вѣрности, которую, я не нахожу словъ, чтобы почтить достаточно высоко и оцѣнить по достоинству».

Но, уступая чувству осторожности, Бисмаркъ не скоро прощаетъ тѣмъ, которые становятся поперегъ его пути и мѣшаютъ ему осуществлять свои планы. Франція послужила ему помѣхой, на Францію должны были быть направлены теперь его постоянныя мысли. И Бисмаркъ нисколько не скрывалъ этого, и нужна была особая слѣпота и глухота, чтобы не видѣть и не слышать, что́ говорилось въ Берлинѣ на другой день послѣ войны. «Ораторъ,—говорилъ Бисмаркъ въ 1867 году,—упустилъ изъ виду то, на чемъ я особенно настаиваю, т.-е., что мы не только не достигли предѣла въ нашей политикѣ, но находимся только въ самомъ началѣ, и вы совершаете большую несправедливость относительно насъ, когда вы смотрите на то, что́ уже сдѣлано, какъ на нѣчто законченное, заключенное». Едва-ли возможно было государственному человѣку говорить болѣе ясно, болѣе откровенно. Такимъ образомъ, покончивъ съ Австріей, окончательно сокрушивъ ея могущество, дѣлая при этомъ своимъ орудіемъ Францію, безъ согласія которой Италія никогда не могла рѣшиться на соединеніе съ Пруссіею, Бисмаркъ тотчасъ послѣ окончанія войны,

или вѣрнѣе, прежде даже нежели она окончилась, думаетъ уже о сокрушеніи могущества другого сосѣда, который стѣснялъ его свободу дѣйствій. Очевидно, что Бисмаркъ не могъ позабыть тѣхъ требованій, которыя были предъявлены во время войны 1866 г. Франціею и по поводу которыхъ годъ спустя Бисмаркъ выражался такимъ образомъ: «Что Франція заботилась объ интересахъ своей политики, никто не можетъ находить тутъ ничего дурного; что же касается до того, чтобы сказать, съ достаточною ли умѣренностью она настаивала на своихъ выгодахъ, я полагаю, что судить о томъ, для публики, еще преждевременно и я долженъ просить васъ предоставить оцѣнить ея поведеніе правительству».

Подобныя слова, конечно, носили на себѣ зловѣщій характеръ, но на нихъ во Франціи, или вѣрнѣе, среди французскаго правительства, не обращали достаточнаго вниманія. Тамъ вѣрили тѣмъ увѣреніямъ, которыя Бисмаркъ лично расточалъ въ Біаррицѣ и въ Тюльери, и которыми, высказывая ихъ иногда и съ трибуны, онъ прикрывалъ и какъ-бы стушевывалъ свои откровенные порывы, въ видѣ приведенныхъ уже нами. Политика князя Бисмарка по отношенію къ Франціи, начиная отъ 1866 г., т.-е. отъ того времени, когда онъ съ такимъ неподражаемымъ искусствомъ воспользовался ею для своихъ цѣлей и до заключенія мира въ 1871 году, можетъ по справедливости быть названа образцовою и служить поученіемъ для всѣхъ странъ и всѣхъ государственныхъ людей Европы. Остановимся только на самыхъ главныхъ этапахъ этой политики, за которую Фридрихъ, если бы онъ могъ возстать изъ гроба, увѣнчалъ бы лаврами своего достойнаго послѣдователя.

Фридрихъ имѣлъ бы тѣмъ болѣе основаній остаться довольнымъ политикою Бисмарка по отношенію къ Франціи, что взгляды его на эту страну, несмотря на его пристрастіе къ французскому языку и его платоническую любовь къ французской философіи, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовали взглядамъ современнаго государственнаго человѣка Германіи. Фридрихъ II далъ многія указанія, которыми Бисмаркъ могъ смѣло воспользоваться въ своихъ отношеніяхъ къ Франціи. Фридрихъ съ грустью говорилъ о томъ, что «Эльзасъ и Лотарингія оторвались отъ имперіи, отодвинули границы господства Франціи до самаго Рейна»; онъ опасался, что Франція захочетъ еще далѣе расширить свои владѣнія; ея могущество, обладаніе Эльзасомъ и Страсбургомъ не давало покоя Фридриху, точно также какъ недавнее, по крайней мѣрѣ, казавшееся ея могущество и обладаніе тѣмъ же Страсбургомъ вдохно-

вило политику князя Бисмарка. «Исторія Франціи, писалъ Фридрихъ II, представляетъ намъ примѣръ, который невозможно читать безъ того, чтобы не вспомнить черту изъ древней исторіи, приведенную мною. Всѣ понимаютъ, что я хочу говорить о присоединеніи Эльзаса и Страсбурга. Эти государства, отнятыя у Германіи, были въ прежнее время то же, что Ѳермопилы или защитительные окопы, и Лотарингія, которая такъ недавно захвачена, соотвѣтствуетъ Фокидѣ относительно положенія. Способъ захвата, столь схожій со способомъ короля Филиппа, открываетъ, мнѣ кажется, довольно ясно удивительную общность плановъ. Филиппъ не остановился на Ѳермопилахъ, онъ пошелъ дальше. Я припоминаю по этому случаю, продолжаетъ Фридрихъ, слова, сказанныя мудрецомъ одному изъ эпирскихъ царей при видѣ огромныхъ приготовленій, дѣлавшихся для войны:—Зачѣмъ, спрашивалъ онъ этого государя, собираете вы все это оружіе и весь этотъ багажъ?—Для завоеванія Италіи, отвѣчалъ Пирръ.—Но когда Италія будетъ завоевана, куда тогда пойдемъ мы?—Тогда мы завладѣемъ Сициліей; а случись попутный вѣтеръ, Карѳагенъ падетъ предъ нами; затѣмъ мы пройдемъ черезъ Ливійскія степи; Аравія и Египетъ не въ состояніи будутъ намъ сопротивляться; Персія и Греція одинаково подпадутъ нашему владычеству. Этотъ государь, прибавляетъ отъ себя Фридрихъ, не имѣлъ другого плана, какъ установить свое господство надъ всею вселенною; его слова были словами властолюбія; властолюбіе же дѣйствуетъ и думаетъ всегда одинаково: я болѣе ничего не прибавлю». Такъ предостерегалъ Фридрихъ противъ могущества Франціи, которую онъ обвинялъ въ стремленіи къ всемірному господству. Мы не удивимся, если иной читатель подумаетъ, что слова эти какъ нельзя болѣе подходятъ теперь къ Германіи, и что могущественному государству, созданному политикой Бисмарка, не грѣшно было бы вспомнить нравоученіе Фридриха II. Если вышеприведенныя нами слова весьма близко подходятъ къ современнымъ стремленіямъ развоевавшихся нѣмцевъ, за то и объясненіе, которое давалъ Фридрихъ успѣху Франціи, съ одинаковою справедливостью можетъ быть приложено къ Германіи. Фридрихъ II хорошо понималъ, что негодованіемъ, громкими бранными фразами никакъ не сломишь могущества государства, и что гораздо полезнѣе постараться уяснить себѣ причины успѣшной политики государства.

То же самое должно быть сказано въ настоящее время и относительно Германіи. Только тѣмъ, что мы станемъ возмущаться, кричать о насиліяхъ нѣмцевъ, о гнусности ихъ завоевательной политики и т. п., мы не достигнемъ никакихъ результатовъ, и

потому подобную забаву слѣдуетъ оставить въ сторонѣ. Еще болѣе неразумно было бы обрушивать свое негодованіе на князя Бисмарка, который въ глазахъ потомства, исторіи всегда найдетъ оправданіе своей практической философіи въ томъ, что онъ примѣнялъ ее къ дѣлу для блага своего государства, допуская даже, что это благо понимается имъ не такъ какъ слѣдуетъ. «Франція, — говорилъ Фридрихъ, — ни въ чемъ не спѣшитъ. Постоянно привязанная къ своему плану, она всего ждетъ отъ обстоятельствъ; нужно, такъ сказать, чтобы завоеванія имѣли видъ, какъ будто бы онѣ сами собою, естественно приходятъ къ ней; она скрываетъ все, что есть строго обдуманнаго въ ея планахъ, и кажется, если судить только по наружности, то фортуна покровительствуетъ ей съ особою заботливостью. Не будемъ, однако, ошибаться: фортуна, судьба—это слова, которыя не заключаютъ въ себѣ ничего дѣйствительнаго. Истинная фортуна Франціи — это проницательность, предусмотрительность ея министровъ и хорошія мѣры, которыя они принимаютъ.» Поставьте вмѣсто слова Франція — Германія, вмѣсто французскій—нѣмецкій, и слова Фридриха будутъ не только какъ нельзя болѣе современны, но притомъ и чрезвычайно справедливы. Предусмотрительность и проницательность ея замѣчательнаго министра играла въ послѣднихъ событіяхъ Германіи далеко не послѣднюю роль; эта проницательность была именно тѣмъ, что люди зовутъ счастіемъ, фортуною. Рѣдко, когда съ такою силою проявлялась предусмотрительность и проницательность, о которой говоритъ Фридрихъ, какъ въ отношеніяхъ князя Бисмарка къ Франціи.

Для того, чтобы уяснить себѣ эти отношенія, нужно познакомиться съ тою программою, которую начерталъ Бисмаркъ послѣ войны 1866 года, — программа, которая должна была имѣть своимъ дѣйствіемъ усыпленіе французскаго правительства и далекое подготовленіе словъ: не мы вызывали Францію, она насъ вынудила къ войнѣ! Бисмаркъ старается увѣрить Францію, что между этою послѣднею и Германіею не можетъ никогда существовать враждебныхъ отношеній, что для Франціи усиленіе Пруссіи — событіе чрезвычайно выгодное, и что Пруссія, какъ бы счастливо она ни вела войну противъ Франціи, ничего не можетъ выиграть отъ нея. Рѣчь эта или, вѣрнѣе, часть длинной рѣчи, посвященной этому вопросу, такъ интересна въ настоящее время, когда замѣчательная игра князя Бисмарка раскрылась вполнѣ, слова его проливаютъ такой яркій свѣтъ на его искусство отводить глаза противнику отъ своихъ тайныхъ цѣлей и плановъ, что чи-

татель не посѣтуетъ на насъ, если мы приведемъ въ подлинныхъ выраженіяхъ князя Бисмарка этотъ любопытный отрывокъ:

«Политическая организація, которую получила Европа въ 1815 году, отношенія кабинетовъ между собою со времени этой эпохи и до 1840 года представляютъ собою образъ огромной оборонительной европейской системы, направленной противъ Франціи. Это была естественная реакція завоевательныхъ войнъ первой французской имперіи. Эта система давала, заинтересованнымъ въ ней, безопасность, но безопасность, связанную съ зависимостью, по крайней мѣрѣ для Пруссіи. До тѣхъ поръ, пока Пруссія къ ней принадлежала, она должна была переносить то несчастное очертаніе, которое она получила въ 1815 году, и быть довольною, во что бы то ни стало, своимъ чернымъ хлѣбомъ.

«Взамѣнъ этого, она пользовалась безопасностью и покровительствомъ. Предшествовавшія правительства, — продолжаетъ развивать князь Бисмаркъ свой общій взглядъ на взаимныя отношенія Пруссіи и Франціи, — не считали умѣстнымъ воспользоваться представлявшимися иногда случаями разорвать связь съ системой 1815 года. Если же съ паденіемъ этой системы общая безопасность много проиграла, то это не была вина Пруссіи; система 1815 года была опрокинута 1848 годомъ, — политикою, которой съ этого года или, скорѣе съ 1850-го, слѣдовала Австрія относительно Пруссіи, — политикою, которая сдѣлала весьма труднымъ возвращеніе довѣрія и уступчивости, которыя прежде Австрія встрѣчала въ насъ. Когда восточная война и положеніе, которое заняла Австрія въ отношеніи къ Россіи, нанесли послѣдній ударъ священному союзу, то этотъ, по своемъ разрушеніи, оставилъ за собою такой порядокъ вещей, при которомъ Пруссія представлялась и за границей, и бо́льшей части своихъ собственныхъ граждан, страною, имѣющею постоянную нужду въ защитѣ противъ Франціи, и, основываясь на этой кажущейся нуждѣ въ помощи, спекулировали нашею скромностью и уступчивостью. Въ теченіи послѣднихъ десяти лѣтъ эта спекуляція зашла очень далеко, именно со стороны Австріи и нѣкоторыхъ другихъ нѣмецкихъ государствъ. Была ли она законна — это другой вопросъ. Интересы Пруссіи не заключаютъ въ самихъ себѣ ничего, что́ бы мѣшало намъ желать мира и дружественныхъ сосѣдственныхъ отношеній съ Франціею; мы ничего не можемъ выиграть отъ войны съ этою державою, — утверждалъ князь Бисмаркъ въ 1867 году, — если бы даже война эта и была счастлива. Императоръ Наполеонъ, въ противоположность другимъ французскимъ династіямъ, призналъ въ своей мудрости, что миръ и взаимное довѣріе неразрывны съ интере-

сами обоихъ народовъ—естественно призванныхъ не воевать другъ противъ друга, но вмѣстѣ идти впередъ, и какъ подобаетъ добрымъ сосѣдямъ, по прогрессивному пути благосостоянія и цивилизаціи. Только независимая Пруссія можетъ поддерживать подобныя отношенія съ Франціею,—истина, которую подданные императора Наполеона не признаютъ всѣ въ одинаковой мѣрѣ. Но оффиціально мы имѣемъ дѣло только съ французскимъ правительствомъ. Такое параллельное движеніе впередъ требуетъ взаимности въ благосклонномъ вниманіи къ интересамъ обоихъ народовъ. Каковы въ итогѣ интересы Франціи по отношенію къ Германіи, независимо, конечно, отъ случайнаго столкновенія, которое могутъ произвести приходящія событія? Посмотримъ на нихъ безъ нѣмецкаго предубѣжденія, постараемся стать на французскую точку зрѣнія; это единственный способъ справедливо судить чужіе интересы. Для Франціи не можетъ быть желательно, чтобы въ Германіи возвысилась могущественная держава, какою была бы цѣлая Германія подъ гегемоніей Австріи, — имперія въ семьдесятъ пять милліоновъ душъ, Австрія, простирающаяся до Рейна, — даже Франція, простирающаяся до этой рѣки, не образовала бы достаточнаго противовѣса. Для Франціи, которая желаетъ жить въ мирѣ съ Германіей, прямая выгода, чтобы Австрія не составляла части этой Германіи, такъ какъ австрійскіе интересы во многихъ пунктахъ сталкиваются съ интересами Франціи, — идетъ ли рѣчь объ Италіи или о Востокѣ. Между Франціею и Германіею, отдѣленною отъ Австріи, точки соприкосновенія, могущія породить враждебныя отношенія, гораздо менѣе многочисленны; и что Франція желаетъ имѣть своимъ ближайшимъ сосѣдомъ народъ, съ которымъ она могла бы жить въ мирѣ, и противъ котораго 35 или 38 милліоновъ французовъ были бы какъ нельзя болѣе достаточно сильны, чтобы выдержать борьбу въ оборонительной войнѣ,—это такое естественное желаніе, что невозможно порицать ее за то, что она хранитъ его въ своемъ сердцѣ. Я полагаю, что Франція, вѣрно оцѣнивая свои интересы, никогда не допуститъ, чтобы исчезла какая-нибудь изъ двухъ державъ, — прусская или австрійская.»

На этотъ отрывокъ должно быть обращено особенное вниманіе не только потому, что здѣсь выражены нѣкоторыя общія воззрѣнія на политическое положеніе Европы, на которыя князь Бисмаркъ обыкновенно такъ скупъ, но также и потому, что этотъ отрывокъ показываетъ, какъ слѣдуетъ относиться не столько къ увѣреніямъ дружбы,—объ этомъ не можетъ быть и рѣчи,—сколько къ тѣмъ, повидимому, солиднымъ доводамъ, приводимымъ нѣмец-

кимъ канцлеромъ, что выгода, польза двухъ государствъ требуетъ тѣснаго союза. Такія же увѣренія много разъ высказывалъ онъ и относительно насъ, и потому, если кто-нибудь, возражая противъ возможности столкновенія въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ Германіи и Россіи, сказалъ бы: помилуйте, о чемъ вы толкуете; почитайте рѣчи князя Бисмарка и вы увидите, какъ онъ убѣдительно доказываетъ невозможность подобнаго столкновенія! Читатель имѣлъ бы полное право отвѣтить: точно такія увѣренія расточалъ князь Бисмаркъ и передъ Франціей, точно также убѣдительно доказывалъ невозможность войны, и однако.....

Въ то самое время, когда князь Бисмаркъ говорилъ о томъ, что самая счастливая война съ Франціей ничего бы не могла дать Германіи; въ то время, когда онъ убѣждалъ, что единая Германія съ гегемоніей Австріи была бы крайне опасна для французовъ, между тѣмъ какъ единая Германія съ гегемоніей Пруссіи должна быть, напротивъ, весьма пріятною и выгодною для Франціи, всѣ мысли князя Бисмарка,—его рѣчи убѣждаютъ насъ въ томъ,—были направлены на войну и на сокрушеніе могущества второго сосѣда. Нужно было бы родиться и жить въ какой-нибудь Аркадіи, чтобы обвинять нѣмецкаго канцлера въ коварствѣ, хитрости, недостойныхъ манёврахъ. Не одинъ вѣкъ пройдетъ еще прежде, чѣмъ честность политическая будетъ пониматься точно также, какъ честность въ частной жизни, и то, что зовется ложью въ послѣдней, не будетъ почитаться въ мірѣ политики за дипломатическую мудрость. Притомъ же и въ частной жизни современнаго общества существуетъ весьма серьёзное разногласіе относительно понятія о честности, которую каждый понимаетъ посвоему, сообразно тому, какъ ему болѣе выгодно понимать ее. Много ли, читатель, людей, которые добровольно признаютъ себя безчестными?

Мы ведемъ нашу рѣчь къ тому, чтобы сказать, что современнаго государственнаго человѣка нельзя судить съ идеальной точки зрѣнія; что какъ бы ни выдавался онъ своими способностями, талантомъ, онъ остается тѣмъ не менѣе сыномъ своего вѣка, и что судить его нужно съ точки зрѣнія состоянія всего общества и понятій, господствующихъ какъ въ частной жизни, такъ и въ политической. Въ понятіяхъ современнаго общества сдѣланъ уже большой успѣхъ, выражающійся въ сознаніи, что государственный человѣкъ, дѣйствующій въ своихъ личныхъ видахъ, или въ интересахъ только своихъ дѣтей, семьи и жертвующій этимъ интересамъ интересами всего общества, цѣлаго народа, — достоинъ презрѣнія. Поэтому, если бы кто-нибудь могъ доказать,

что князь Бисмаркъ, дѣйствуя такъ, какъ онъ дѣйствуетъ, руководится личными интересами, а не государственными, тогда бы мы впередъ были увѣрены, что исторія,—этотъ судъ присяжныхъ человѣчества,—скажетъ: да, виновенъ! Но этого никто, конечно, не докажетъ, и потому всѣ обвиненія въ коварствѣ, вѣроломствѣ и т. п. должны быть сочтены за пустыя слова.

Что Бисмаркъ думалъ о войнѣ съ Франціей немедленно послѣ окончанія австрійской войны, это легко было бы доказать многими рѣчами его, въ которыхъ онъ то требовалъ сохраненія военнаго бюджета на нѣсколько лѣтъ, мотивируя требованіе свое «тою завистью», «тѣмъ злобнымъ чувствомъ», съ которыми смотрятъ на Германію, то просилъ, чтобы «Германія поскорѣе была осѣдлана», то, наконецъ, повторяя на всѣ лады, что онъ въ началѣ своей политики и т. п. Неотступная мысль Бисмарка о войнѣ съ Франціею, которая должна была быть унижена для осуществленія его плановъ, для возвеличенія Германіи, такъ очевидна, что мы считаемъ излишнимъ убѣждать читателя различными отрывками и цитатами изъ его рѣчей. Подготовляя эту войну, онъ, съ одной стороны, успокоивалъ французское правительство, отводилъ ему глаза разсужденіями, подобными тѣмъ, что Германія ничего не можетъ выиграть отъ войны съ Франціей; съ другой стороны, естественные или искусственные, — мы не беремся рѣшать,—порывы откровенности возбуждали и раздражали національное чувство нѣмцевъ, когда они слышали о «неумѣренныхъ притязаніяхъ» Франціи, о ея желаніи, подобно Германіи, «округлить» свои границы на счетъ нѣмцевъ. Это стремленіе Франціи онъ бросалъ, какъ кость, на которую общественное мнѣніе Германіи жадно накидывалось. Воспоминаніе войнъ первой имперіи было слишкомъ живо, чтобы можно было слишкомъ сильно обвинять за то нѣмцевъ.

Отличительною чертою внѣшней политики князя Бисмарка служитъ такая же смѣсь искусно разсчитанной скрытности съ большою, повидимому, откровенностью, какъ и смѣсь необыкновенной отваги съ чрезвычайною осторожностью и сдержанностью. Онъ сбиваетъ своего противника съ толку, такъ что тотъ, наконецъ, не знаетъ, чему вѣрить, чему не вѣрить, забывая, что въ дипломатіи слѣдуетъ разсчитывать всегда на самое невыгодное. Бисмаркъ никогда не перехитритъ въ политикѣ, помня хорошо наставленіе Фридриха II, что «никогда не слѣдуетъ допускать въ дипломатіи слишкомъ большую хитрость и тонкость». Онъ сравниваетъ хитрость и излишнюю тонкость съ пряностями, къ которымъ вкусъ до того пріучается, что подъ-конецъ совершенно

пропадаетъ ихъ пикантность. Князь Бисмаркъ такъ и поступалъ въ своихъ отношеніяхъ къ Франціи. Послѣ увѣреній въ дружбѣ и солидарности интересовъ между двумя государствами, онъ вдругъ давалъ Франціи такія предостереженія, къ которымъ, казалось-бы, ни одно правительство не должно было оставаться глухо. Къ такимъ предостереженіямъ долженъ быть отнесенъ циркуляръ графа Бисмарка, о которомъ мы уже упоминали, — циркуляръ 1867 года по поводу зальцбургскаго свиданія между австрійскимъ императоромъ и Наполеономъ, въ которомъ онъ такъ прямо говорилъ: я приглашаю иностранныя государства, иными словами Францію, удержаться отъ всего, что̀ могло бы показаться Германіи вмѣшательствомъ въ ея дѣла. Чувства достоинства и національной независимости очень раздражительны, поэтому.... будьте осторожны! Въ такомъ смыслѣ говорилъ князь Бисмаркъ. Другимъ предостереженіемъ могъ служить люксембургскій вопросъ, который чуть-было не довелъ до кроваваго столкновенія враждебно стоявшія другъ противъ друга Пруссію, опиравшуюся на государства, вошедшія въ составъ Сѣверо-Германскаго Союза, и Францію. Читатель помнитъ причину возникновенія этого вопроса. Франція желала пріобрѣсти себѣ Люксембургъ, на уступку котораго выговорено было уже согласіе нидерландскаго правительства; Германія же, державшая въ Люксембургѣ гарнизонъ, основываясь на томъ, что Люксембургъ входилъ въ составъ стараго Германскаго Союза, воспротивилась такому присоединенію. Вопросъ былъ улаженъ, какъ извѣстно, на лондонской конференціи. Франція должна была отказаться отъ присоединенія небольшого клочка земли, Германія же обязалась очистить Люксембургъ. Бисмаркъ, при этомъ случаѣ, рѣшительно воспротивился присоединенію Люксембурга къ Франціи, что̀ было бы самымъ ничтожнымъ вознагражденіемъ за помощь, оказанную ею во время австрійской войны; но такъ какъ французское правительство было такъ непроницательно, что впередъ не обезпечило себѣ платы за помощь, то съ точки зрѣнія современной практической философіи было совершенно естественно, чтобы она была за то наказана. Какая, въ самомъ дѣлѣ, могла быть надобность Бисмарку производить уплату Франціи, когда, съ одной стороны, она сама позволила эксплуатировать себя, а съ другой, когда онъ сознавалъ уже, что Германія настолько сильна, что можетъ рѣшиться на борьбу. Хотя борьба была уже въ 1867 году и возможна, но князь Бисмаркъ не былъ настолько увѣренъ въ исходѣ ея, чтобы немедля приступить къ дальнѣйшему осуществленію своего плана. Вотъ почему съ большою твердостью онъ высказалъ тутъ же и большую

осторожность, которую въ рейхстагѣ онъ ставилъ себѣ въ серьёзную заслугу. «Мы избѣгали, — говорилъ онъ, — доводить вопросъ до его крайностей, и я думаю, что его величество король заслужилъ благодарность нѣмецкой націи за то, что онъ съумѣлъ устоять противъ искушенія,—весьма сильнаго для государя, привыкшаго къ войнѣ, для воинственнаго народа, — возбудить общественное мнѣніе и подать своей арміи, постоянно побѣдоносной, новый сигналъ къ борьбѣ....»

Нужно обладать большимъ запасомъ откровенности, чтобы публично сказать, что война это такая пріятная для короля забава, что нужно благодарить его, если онъ съумѣлъ устоять противъ такого сильнаго искушенія. Искушеніе, должно быть, было велико; кому же было объ этомъ знать лучше, чѣмъ князю Бисмарку; будь онъ чуждъ подобныхъ порывовъ откровенности, онъ, разумѣется, никогда бы не сказалъ ничего подобнаго, такъ какъ кто же захочетъ послѣ этого вѣрить тѣмъ манифестамъ, въ которыхъ говорится весьма краснорѣчиво, что война—это величайшее бѣдствіе, и что правительство рѣшилось на нее съ чувствомъ невыразимой боли и содраганія за неразрывныя съ нею страданія народа.

Давно рѣшивъ въ своей головѣ вопросъ о войнѣ съ Франціей, нераздѣльно связанной съ осуществленіемъ его плана, Бисмаркъ дѣйствовалъ не торопясь, осторожно, строго обдумывая каждый ходъ въ этой трудной игрѣ. Ему нужно было для увѣренности въ успѣхѣ съ одной стороны имѣть возможность вполнѣ полагаться на нѣмецкія государства, не слившіяся еще въ то время въ одно цѣлое, съ другой, устроить дѣло такъ, чтобы соединенная Германія имѣла дѣло только съ Франціей и больше ни съ кѣмъ. Что касается нѣмецкихъ государствъ, то мы уже видѣли, съ какимъ искусствомъ князь Бисмаркъ дѣйствовалъ по отношенію къ нимъ и какъ мастерски онъ поставилъ передъ ними дилемму: или присоединяйтесь добровольно, или вы будете присоединены тою же «силою духа національнаго единства», которою были присоединены государства сѣверной Германіи. Тотчасъ послѣ австрійской войны Бисмаркъ уже выражалъ увѣренность, что въ случаѣ внѣшняго столкновенія южная Германія станетъ за-одно съ сѣверною; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, читатель припомнитъ, онъ нѣсколько разъ высказывалъ, что южныя государства весьма мало расположены слиться въ одно цѣлое и что стремленія къ національному единству еще слишкомъ слабы. Вотъ отчего Бисмарку нужно было выжидать, вотъ отчего онъ укрощалъ воинственный пылъ правительства, которому, по собствен-

ному признанію нѣмецкаго канцлера, такъ хотѣлось увѣнчать себя новыми лаврами. Четыре года, прошедшіе между австрійскою и французскою войнами, были употреблены Бисмаркомъ, чтобы затушить то злобное чувство, которое южныя государства должны были питать къ Пруссіи послѣ 1866 года. Его искусная политика въ значительной степени достигла желаннаго результата. Хотя въ Европѣ и было распространено мнѣніе, что южныя государства приняли сторону сѣверной Германіи во время послѣдней войны исключительно благодаря вліянію на нихъ русскаго кабинета, но мнѣніе это, не говоря уже о подозрительныхъ источникахъ его происхожденія, какъ-то дурно вяжется со всѣмъ тѣмъ, что извѣстно объ отношеніяхъ сѣверной и южной Германіи. Мы гораздо болѣе склонны думать, что южная Германія въ минуту опасности стала за-одно съ сѣверною помимо всякаго посторонняго вліянія, единственно благодаря напору воодушевившей народъ идеи.

Со стороны иностранныхъ государствъ политика князя Бисмарка встрѣчала болѣе серьёзныя затрудненія. Хотя конституціонная жизнь въ Австріи и сдѣлала весьма большіе успѣхи, чтó бы ни говорилъ князь Бисмаркъ, сдѣлавшій замѣчаніе, что австрійскій либерализмъ нравится по той же причинѣ, по которой нравится самая молодая дама, т.-е. потому только, что онъ моложе другихъ, но все-таки не настолько, чтобы лишить возможности правительство начать или вмѣшаться въ войну противъ воли народа. Правительство же австрійское не могло забыть удара, нанесеннаго Садовой, и потому естественно было расположено всегда стать на сторону враговъ Пруссіи, чтобы постараться отомстить за 1866 годъ. Война между Германіей и Франціей должна была представляться сильнымъ соблазномъ для австрійскаго правительства. Франція казалась чрезвычайно могущественною, и мало кто подозрѣвалъ, до какой степени внутренняго разложенія доведена была второю имперіею военная организація страны, со времени послѣдней ея европейской войны 1859 года. Не подозрѣвая этого разложенія, Австрія естественно могла быть расположена вступить въ союзъ съ французскимъ правительствомъ. Вслѣдъ за Австріею увлечена была бы и Италія, связанная съ Франціею столь многими узами. Бисмарку нужно было предупредить самую возможность наткнуться на тройной союзъ, и потому прежде всего онъ сознавалъ необходимость парализовать Австрію. Вотъ тутъ-то нѣмецкій канцлеръ воспользовался своимъ третьимъ сосѣдомъ, чтобы при его помощи ослабить и унизить Францію и вмѣстѣ съ тѣмъ еще болѣе, чѣмъ прежде, усилить

Германію. Мы не можемъ подробно останавливаться на той дипломатической дѣятельности князя Бисмарка, которая предшествовала началу французской войны, не можемъ и не желаемъ этого дѣлать потому, что наши разсужденія должны были бы основываться на брошенныхъ вскользь намекахъ, на догадкахъ, на газетныхъ и журнальныхъ слухахъ, наконецъ, на увѣреніяхъ одной только стороны. Тѣмъ самымъ мы нарушили бы одно изъ самыхъ мудрыхъ правилъ, столь часто забываемомъ и въ политическихъ да и въ другихъ разсужденіяхъ: Audiatur et altera pars. Много лѣтъ еще пройдетъ, прежде чѣмъ маска будетъ сорвана съ тѣхъ дипломатическихъ отношеній, которыя привели къ катастрофѣ 1871 года и къ окончательному разрушенію системы политическаго равновѣсія Европы.

Разрушеніе этой системы совершено было исключительно въ интересахъ Германіи. Что Россіи могло быть невыгодно столь непомѣрное возвеличеніе своего нѣмецкаго сосѣда, что въ ея интересахъ могло бы быть недопущеніе Франціи до слишкомъ большого ослабленія и даже раздробленія, объ этомъ, если князь Бисмаркъ и думалъ, то онъ держалъ это про себя. Другимъ же, очевидно, это не приходило и въ голову. Изъ всѣхъ слуховъ, толковъ, увѣреній, сопровождавшихъ французскую войну, за болѣе или менѣе основательное можно принять одно: князь Бисмаркъ въ своей мудрой политикѣ, направленной, само собою разумѣется, исключительно къ нѣмецкимъ интересамъ, и вовсе не заботящейся о томъ, какъ онъ самъ выразился, «чтобы дѣйствовать въ интересахъ русской политики»,—успѣлъ достигнуть гарантіи невмѣшательства Австріи во французскую войну. Двинется Австрія на помощь Франціи, двинется и Россія на помощь Германіи. Была ли Россія готова къ войнѣ, было ли у нея хорошо обученное войско, было ли оно хорошо вооружено и т. д., все это мы оставляемъ въ сторонѣ. Какъ бы то ни было, Россія въ глазахъ Европы не потеряла еще значенія сильнаго государства, такъ что угроза ея двинуть свои полки къ австрійской границѣ, на случай, еслибы австрійскіе двинулись къ предѣламъ Франціи или Германіи, была совершенно достаточна, чтобы заставить Австрію хранить строгій нейтралитетъ, какъ бы ни было сильно у ея правительства взять свой revanche за Садову.

Такимъ образомъ, Бисмаркъ могъ имѣть увѣренность, что ему предоставлено будетъ одному раздѣлываться съ Франціей. Но все предусматривая, обдумывая впередъ каждую мельчайшую подробность своего плана, Бисмаркъ вмѣстѣ съ тѣмъ до самой послѣдней минуты въ своихъ парламентскихъ рѣчахъ продолжалъ

возставать энергически противъ самой идеи о возможности войны между Германіею и Франціею: «Подстрекать къ войнѣ двѣ великія націи, которыя, находясь въ центрѣ европейской цивилизаціи, обѣ искренно желаютъ жить въ мирѣ, не имѣя никакихъ существенныхъ интересовъ, могущихъ ихъ разъединять, и прибѣгать съ этою цѣлію къ распространенію всякой лжи и раздачѣ крупныхъ суммъ,—это называется преступнымъ предпріятіемъ. Мнѣ нѣтъ надобности замыкаться въ общія обвиненія. Ни для кого изъ васъ не составляютъ тайны тѣ маневры, которые имѣютъ своею цѣлію распространить во Франціи, націи чрезвычайно щекотливой во всемъ, что касается ея чести и храбрости, распространить путемъ печати слухъ, что Германія хочетъ воспользоваться своею небывалою силою, которою она обязана своему единству, для того, чтобы объявить Франціи войну, становясь во враждебное къ ней положеніе. Во французскихъ журналахъ каждый день вы встрѣчаете подобную ложь...» Бисмаркъ кончаетъ тѣмъ, что выражаетъ свое удивленіе тому факту, что находятся столько лицъ, которые могутъ «принимать за серьёзное подобныя безсмыслицы». Послѣднее доказываетъ, по мнѣнію князя Бисмарка, только то, «какъ мало знаютъ истинное положеніе вещей». Нѣмецкій канцлеръ не упомянулъ тутъ о тѣхъ враждебныхъ выходкахъ, которымъ подвергалась Франція послѣ войны 1866 года, со стороны нѣмецкихъ газетъ и журналовъ, выходкахъ, подобныхъ тѣмъ, которымъ подвергается Россія со времени окончанія французской войны. Быть можетъ, въ Германіи назовутъ рано или поздно «преступными» также и тѣ предостереженія и тѣ опасенія, внушаемыя могущественнымъ сосѣдомъ, вступившимъ на путь завоевательной политики, которыя высказываются порою по глубокому убѣжденію и въ русской литературѣ.

Затѣмъ, вплоть до самой войны, мы не встрѣчаемъ больше въ рѣчахъ князя Бисмарка такихъ, которыя бы прямо относились къ отношеніямъ между Франціею и Германіею. Нѣсколько словъ, брошенныхъ вскользь медовыхъ словъ, увѣряли, что все обстоитъ благополучно, и что у Франціи нѣтъ лучшаго друга какъ Германія. Война объявлена. Бисмаркъ появляется въ рейхстагѣ на нѣсколько минутъ, чтобы только закрыть его сессію и всю нравственную отвѣтственность за войну взвалить исключительно на одну Францію. Германія ничего такъ не желала какъ мира, ее вынуждаютъ обнажить свой мечъ, она уступаетъ горькой необходимости—вотъ смыслъ послѣднихъ словъ князя Бисмарка передъ началомъ военныхъ дѣйствій. Все, что слѣдовало далѣе, слишкомъ извѣстно, чтобы говорить о томъ, но мы были бы не-

правы, еслибы ничего не сказали о тѣхъ его рѣчахъ, которыя относятся къ періоду, слѣдовавшему за заключеніемъ мира. Рѣчи эти важны, такъ какъ онѣ служатъ сильнымъ подкрѣпленіемъ тѣмъ основнымъ правиламъ практической философіи нашего времени, о которыхъ мы говорили, переходя къ разбору внѣшней политики.

Результатомъ войны 1870-го года было во-первыхъ, образованіе нѣмецкой имперіи и затѣмъ присоединеніе къ ней Эльзаса и Лотарингіи. Само собою разумѣется, что мы говоримъ тутъ только о результатѣ внѣшнемъ, осязаемомъ, бросающемся въ глаза, помимо котораго были и другіе результаты, если и не столь очевидные, то не менѣе важные. Въ силу какого же начала, съ точки зрѣнія князя Бисмарка, Франція была раздроблена и отъ нея оторваны двѣ области, противъ рѣзко выраженной воли населенія. Когда завоеванъ былъ Шлезвигъ-Гольштейнъ, когда «присоединены» были Ганноверъ, Нассау и другія нѣмецкія земли, то тутъ завоеваніе и присоединеніе были совершаемы во имя единства нѣмецкой націи, во имя общихъ нѣмецкихъ интересовъ. Если ученые, а по ихъ слѣдамъ и неученые нѣмцы смѣло утверждали, что присоединеніе Эльзаса и Лотарингіи совершается точно также во имя единства нѣмецкой націи; если они пустили въ ходъ всѣ свои историческія и археологическія познанія, чтобы заставить замолчать всѣхъ тѣхъ, которые осмѣливались заикнуться только, что присоединеніе Эльзаса и Лотарингіи дѣло не совсѣмъ справедливое, то князь Бисмаркъ не подражалъ ихъ примѣру. Онъ слишкомъ умный человѣкъ, чтобы основывать въ наше смутное время свое право на пожелтѣвшихъ пергаментахъ и на какихъ-то археологическихъ измышленіяхъ. Онъ оставляетъ въ покоѣ всевозможныя историческія натяжки, онъ не ищетъ основаній своего права въ томъ, что покрыто густымъ слоемъ вѣковой пыли и плѣсени. Его право живое, право политической необходимости, государственной пользы, — другого оправданія ему не нужно и онъ не ищетъ его. Завоеваніе Эльзаса и Лотарингіи необходимо было для «спокойствія» и «безопасности» Германіи, — другихъ объясненій, другихъ оправданій нечего искать.

Германія, разсуждалъ князь Бисмаркъ, была погружена въ глубокій миръ, никто не думалъ, никто не желалъ войны, насъ вызвали на нее, мы должны на будущее время предостеречь себя отъ подобныхъ же сюрпризовъ. Впрочемъ, приведемъ лучше подлинныя слова нѣмецкаго канцлера, который обладаетъ необыкновеннымъ искусствомъ связывать самыя противорѣчащія мысли

и давать имъ такую форму, какъ будто бы никакого противорѣчія и не существовало. «Обращаясь годъ назадъ, или вѣрнѣе десять мѣсяцевъ,—говорилъ онъ въ 1871 году,—мы можемъ сказать, что Германія была единодушна въ желаніи мира; едва ли былъ хоть одинъ нѣмецъ, который не желалъ этого мира съ Франціею, до тѣхъ поръ, пока существовала возможность поддерживать этотъ миръ съ честью. Что касается до тѣхъ вредныхъ исключеній, которыя желали войны, въ надеждѣ, что ихъ собственная родина падетъ въ ней, то эти люди недостойны имени нѣмцевъ и я не считаю ихъ за нѣмцевъ. Я утверждаю, что нѣмцы единодушно желали мира. Но не менѣе единодушны были они тогда, когда насъ вынудили къ войнѣ, когда мы волей-неволей должны были взяться за оружіе для собственной защиты— не менѣе единодушно приняли рѣшеніе — если Богъ даруетъ намъ только побѣду въ борьбѣ, которую мы рѣшились вести энергически, требовать гарантій, которыя сдѣлали бы невозможнымъ возвращеніе подобной войны, или, по крайней мѣрѣ, если бы она должна была возобновиться, облегчили бы нашу защиту. Каждый помнилъ, что среди нашихъ отцовъ, въ теченіи трехъ столѣтій, едва ли было хоть одно поколѣніе, которое не было бы вынуждено обнажить мечъ противъ Франціи, и каждый говорилъ себѣ, что если прежде, когда Германія находилась въ числѣ побѣдителей Франціи, упустили случай обезпечить Германіи лучшій оплотъ со стороны запада, то только потому, что мы одерживали побѣду вмѣстѣ съ союзниками, интересы которыхъ не были солидарны съ нашими. Каждый принялъ твердую рѣшимость — теперь, когда мы одержимъ побѣду одни, опираясь исключительно на нашъ собственный мечъ и наше собственное право — употребить самыя серьёзныя усилія, чтобы оставить нашимъ дѣтямъ лучше обезпеченную будущность».

Тутъ, какъ видитъ читатель, нѣтъ и намёка на всѣ тѣ разглагольствованія нѣмецкихъ ученыхъ и журналистовъ, доказывавшихъ, что Эльзасъ долженъ быть присоединенъ къ Германіи, потому что это нѣмецкая земля; Бисмаркъ смотритъ на вопросъ иными глазами, и нужно питать непримиримую антипатію и ненависть къ нѣмецкому канцлеру, чтобы не согласиться, что его воззрѣнія, его основанія: «мечъ» и «безопасность» все-таки болѣе къ себѣ располагаютъ, нежели іезуитское право, основывающееся на громкомъ принципѣ національности. Онъ настолько откровененъ и настолько глубоко проникнутъ сознаніемъ справедливости своихъ началъ практической философіи, что смѣло заявляетъ, что завоевательная политика вовсе не вышла еще изъ

употребленія, и что принципъ завоеванія нисколько не хуже другихъ принциповъ, господствующихъ въ современномъ политическомъ устройствѣ европейскаго общества. Эльзасъ, Страсбургъ, Мецъ необходимы для безопасности Германіи, и Бисмаркъ заботится только объ одномъ — это убѣдить въ ихъ дѣйствительной необходимости. Оборонительная линія Германіи никуда не годилась, ей постоянно могли угрожать нападеніемъ; не годилась она точно также и для Франціи, потому что постоянно представляла соблазнъ, искушеніе отодвинуть свои границы. Князь Бисмаркъ въ подкрѣпленіе своего завоевательнаго права могъ бы напомнить слова Фридриха II, которыя мы имѣли случай привести, но онъ приводитъ болѣе современныя слова, сказанныя во время восточной войны королемъ Виртембергскимъ: «Узелъ вопроса, говорилъ этотъ король, заключается въ Страсбургѣ, такъ какъ городъ этотъ, до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ нѣмецкимъ, всегда будетъ составлять преграду, мѣшающую южной Германіи примкнуть безусловно къ нѣмецкому единству, слѣдовать безъ всякихъ ограниченій нѣмецкой національной политикѣ. До тѣхъ поръ, пока Страсбургъ будетъ служить воротами, изъ которыхъ можетъ выдти армія, всегда готовая для борьбы, армія въ сто или полтораста тысячъ человѣкъ, въ то время, когда Германія не въ состояніи придвинуть къ верхнему Рейну равныхъ военныхъ силъ, французы всегда будутъ брать верхъ». Бисмаркъ прибавляетъ къ этому, что примѣръ этотъ, взятый изъ нѣмецкой политической жизни, говоритъ собою все, и къ нему ничего нельзя прибавить.

Изъ словъ Бисмарка слѣдуетъ только одно, что мысль завладѣть Страсбургомъ, давно уже занимала его, что Эльзасъ—вотъ та цѣль, къ которой онъ стремился съ первыхъ шаговъ своей внѣшней политики. Рѣчи, произнесенныя послѣ войны, объясняютъ, какъ слѣдуетъ понимать его рѣчи, произнесенныя до войны, и мы должны были бы обладать легкомысліемъ французскаго правительства, чтобы не обратить никакого вниманія на политику князя Бисмарка въ отношеніи Франціи до и послѣ войны. Читатель не забылъ, какъ горячо увѣрялъ князь Бисмаркъ, наканунѣ самой войны, что Германія не питаетъ къ Франціи никакихъ иныхъ чувствъ, кромѣ дружбы и расположенія жить въ мирѣ. Насколько тутъ было справедливаго, можно судить по тѣмъ словамъ, которыми князь Бисмаркъ защищаетъ завоеваніе Эльзаса: «Франція, при своемъ выгодномъ положеніи, съ выдвинутымъ впередъ бастіономъ, которымъ служилъ ей Страсбургъ противъ Германіи, всегда была наклонна уступить искушенію, какъ только ея внутреннее положеніе заставляло ее искать вы-

хода во внѣшней политикѣ; мы это видѣли въ теченіи послѣднихъ десяти и двадцати лѣтъ. Извѣстно, что 6-го августа 1866-го года ко мнѣ пріѣхалъ французскій посланникъ и въ нѣсколькихъ словахъ объявилъ такого рода ультиматумъ: мы должны уступить Франціи Майнцъ, въ противномъ случаѣ намъ немедленно будетъ объявлена война. Само собою разумѣется, что я не сомнѣвался ни одной минуты относительно отвѣта, который я долженъ былъ дать. Я отвѣчалъ: «если такъ, пусть будетъ война!» Съ этимъ отвѣтомъ посланникъ уѣхалъ въ Парижъ; нѣсколько дней спустя въ Парижѣ одумались, и мнѣ дали понять, что инструкціи тѣ были вырваны у императора Наполеона во время болѣзни. Послѣдующія попытки, по поводу Люксембурга и другихъ вопросовъ, извѣстны. Мнѣ нѣтъ нужды, кажется, доказывать, что Франція не всегда обладала достаточною силою воли, чтобы воспротивиться искушеніямъ, которыя возникали для нея вслѣдствіе обладанія Эльзасомъ».

Нѣмецкую политику нужно было бы представлять себѣ какою-то ангельскою политикою, если допустить возможность, чтобы князь Бисмаркъ, несмотря на тѣ отношенія между Франціею и Германіею, которыя онъ такъ удачно охарактеризовалъ нѣсколькими словами, не помышлялъ о войнѣ и объ отнятіи французскихъ провинцій, въ то время, когда на устахъ его былъ медъ и, повидимому, искреннія увѣренія въ мирѣ и дружбѣ. Впрочемъ, князь Бисмаркъ такъ рельефно выставилъ на видъ необходимость присоединенія Эльзаса, что всякія сомнѣнія на счетъ его истинныхъ, давно обдуманныхъ замысловъ должны быть устранены. Какъ только была имъ признана необходимость защитить «безопасность» Германіи со стороны ея западной границы, для него не могло быть уже никакихъ колебаній относительно способа этой защиты. Бисмаркъ не придаетъ никакого значенія гарантіи всѣхъ европейскихъ государствъ; подобныя гарантіи кажутся ему пустыми словами. Иначе онъ не могъ смотрѣть: гарантіи европейскихъ государствъ основываются на трактатахъ, относительно прочности которыхъ онъ былъ въ сущности такого же мнѣнія, какъ и Фридрихъ. Завоеваніе французскихъ провинцій кажется ему до такой степени естественнымъ, что онъ даже удивляется тому, какъ всѣ европейскія государства не поспѣшили выразить радости, что Германія присоединила къ себѣ Эльзасъ и Лотарингію. Первая мысль, самое простое средство, которое должно было представиться каждому уму для предотвращенія на будущее время страшной борьбы, должно было, по его мнѣнію, заключаться въ томъ, «чтобы усилить защиту той изъ двухъ сто-

ронъ, которая безспорно болѣе мирная». Нужно ли говорить, что «безспорно» самая мирная страна—это Германія! Разрушеніе такихъ крѣпостей, какъ Страсбургъ, Мецъ и т. д. также не казалось достаточнымъ князю Бисмарку. Крѣпости такъ легко снова воздвигнуть! Образованіе изъ Эльзаса и Лотарингіи нейтральнаго государства одинаково не соотвѣтствовало планамъ нѣмецкаго канцлера. Нейтральныя государства, разсуждалъ онъ, которыми была бы со стороны Германіи окружена Франція, были бы выгодны для послѣдней, охраняя ее отъ Германіи, и были бы ничтожны по значенію для Германіи, такъ какъ нейтральныя государства всегда бы тянули къ Франціи. Это признаніе, на которое нельзя не обратить вниманія. Что же, спрашивается, оставалось? «Не оставалось другого средства, говоритъ князь Бисмаркъ, какъ присоединить къ намъ эти земли со всѣми ихъ крѣпостями, чтобы защищать ихъ самихъ противъ Франціи, какъ могущественный оплотъ Германіи, и чтобы отдалить на нѣсколько дней пути исходный пунктъ французскаго нападенія, если бы когда-нибудь Франція, своими ли собственными поправившимися силами или съ помощію пріобрѣтенныхъ ею союзниковъ, еще разъ бросила намъ перчатку». Такимъ образомъ, и тутъ завоеваніе французскихъ областей дѣлалось исключительно съ цѣлію «безопасности» и охраненія «независимости» Германіи. Бисмаркъ настолько искрененъ въ своихъ дѣйствіяхъ, что и не думаетъ какими-либо софизмами прикрывать совершаемое имъ насиліе надъ волею населенія, народа. Выгода государства, польза прикрываетъ собою всѣ принципы; что же касается до какихъ-то требованій, до какихъ-то высшихъ идей небольшого меньшинства современнаго общества, то такія идеи и принципы совершенно чужды нѣмецкому канцлеру, и онъ отъ души бы посмѣялся надъ такимъ государственнымъ человѣкомъ, который сталъ бы руководствоваться ими въ своей политикѣ.

Но какъ бы безцеремонно ни смотрѣлъ князь Бисмаркъ на волю народа, когда вопросъ идетъ о созданіи сильнаго и могущественнаго государства, какъ бы презрительно онъ ни относился ко всѣмъ современнымъ нападкамъ на завоевательную политику, но въ одномъ ему слѣдуетъ отдать справедливость. Если онъ топчетъ самостоятельность и независимость тѣхъ частей государства, народа, которыя должны быть присоединены къ Германіи, за то онъ не считаетъ, чтобы торжество Германіи надъ другою страною давало ей право мѣшаться во внутреннія дѣла этой страны. Во всемъ, что̀ касается самостоятельности и независимости внутренняго управленія страны, не «присоединяемой» къ

Германіи, онъ относится съ уваженіемъ. Это особенно обнаружилось въ его отношеніяхъ къ Франціи. Нельзя не сказать, что положеніе Франціи послѣ заключенія мира было таково, что могло соблазнить нѣмецкаго канцлера вмѣшаться въ ея внутреннія дѣла и сдѣлаться такъ-сказать рѣшителемъ ея судебъ. Это казалось настолько возможно, что мелкіе государственные люди Франціи, стоявшіе во главѣ ея управленія, не гнушались прибѣгать къ унизительному средству запугивать страну, дѣлая намеки на вторженіе Германіи во внутреннія дѣла государства. Князь Бисмаркъ, между тѣмъ, каждый разъ, какъ ему представлялся случай, высказывалъ въ рейхстагѣ, что онъ никогда не рѣшится вмѣшаться во внутреннія дѣла Франціи. Какая бы форма правленія ни установилась во Франціи, какое бы правительство ни избрала она, пусть только условія заключеннаго мира будутъ строго соблюдены, и мы уважимъ всякое правительство, всякую форму правленія. Исполняйте договоръ, исполняйте, говорилъ онъ, ваши обязательства по отношенію къ Германіи, а до остальнаго намъ нѣтъ никакого дѣла. Наше намѣреніе, высказывалъ князь Бисмаркъ, «воздержаться отъ всякаго вмѣшательства во внутреннія дѣла Франціи, отъ всякаго дѣйствія, касающагося будущаго великаго народа, нашего сосѣда.» Само собою разумѣется, что онъ прибавилъ къ своимъ словамъ и другія, смыслъ которыхъ таковъ: мы не отступимся отъ нашей рѣшимости воздержаться отъ всякаго вмѣшательства до тѣхъ поръ, пока интересы Германіи не будутъ нарушены. До всего остальнаго ему нѣтъ дѣла. Конституціонная монархія, или легитимистская имперія, или республика всѣхъ цвѣтовъ, даже до коммуны, Бисмарку все равно, лишь бы обязательства были выполнены. Онъ не прочь былъ войти въ соглашеніе съ коммуной, если бы она восторжествовала, и онъ высказывалъ, что въ случаѣ неисполненія мирныхъ условій, онъ вынужденъ будетъ снова занять Парижъ «по соглашенію съ коммуной или силой.» Мы упоминаемъ это только къ тому, чтобы показать, что у него есть своего рода уваженіе къ самостоятельности и независимости націи. Словомъ, Франціи нечего было опасаться въ 1871-мъ году, чтобы нѣмецкія войска воздвигли во Франціи императорскій или королевскій тронъ и посадили на него того или другого претендента, какъ то было въ началѣ нашего столѣтія. Это правило невмѣшательства вызвано точно также разсчетомъ, выгодой, такъ какъ историческій опытъ научилъ его, что подобныя распоряженія судьбою той или другой націи никогда не приводятъ ни къ какому прочному результату. Въ кодексѣ практической мудрости князя Бисмарка такъ мало правилъ и по-

ложеній, не идущихъ въ разрѣзъ съ достоинствомъ и волею народа, что было бы несправедливо не указать на тѣ, которыя фигурируютъ въ немъ.

Планъ Бисмарка, повидимому, осуществленъ до конца. Пораженіе Франціи было послѣднимъ актомъ десятилѣтняго періода его управленія дѣлами нѣмецкаго народа. Германія слита въ одно цѣлое, на мѣстѣ стараго германскаго союза возникла нѣмецкая имперія. Два врага, два сосѣда Германіи лежатъ у ея ногъ. Передъ Бисмаркомъ небо чисто. Опасность, кажется, болѣе ни откуда не угрожаетъ. «Безопасность» и «независимость» Германіи защищены непроницаемою бронею. Ему нечего больше бояться Австріи, ему нечего опасаться Франціи. Послѣ десятилѣтняго періода войнъ, Германія должна была бы успокоиться, выпустить оружіе изъ своихъ рукъ, но она этого не дѣлаетъ. Бисмаркъ послѣ окончанія французской войны по прежнему говоритъ: не трогайте военнаго бюджета, не трогайте «военной» казны, думайте о «безопасности» и «независимости» Германіи! Кого же можетъ опасаться князь Бисмаркъ? неужели третьяго сосѣда? Скорѣе ужъ третьему сосѣду слѣдуетъ опасаться теперь «самой могущественной державы въ Европѣ», какъ называетъ нѣмецкій канцлеръ Германію. Мы видѣли, какъ князь Бисмаркъ въ датской войнѣ воспользовался Австріею, чтобы затѣмъ лучше нанести ей самой рѣшительный ударъ; мы видѣли, какъ воспользовался онъ во время австрійской войны Франціею, чтобы впослѣдствіи сломить ея силу; вопросъ, можетъ быть, не былъ бы слишкомъ нелѣпъ, если бы кто-нибудь спросилъ: не пользуется ли онъ и Россіей, чтобы затѣмъ при удобномъ случаѣ нанести крѣпкій ударъ и этому третьему и послѣднему сосѣду? Впрочемъ, вопросъ этотъ довольно понятенъ, и надъ нимъ стóитъ призадуматься, особенно, когда мы знаемъ, что довольно значительная сумма изъ французской контрибуціи предназначена для усиленія нѣмецкихъ крѣпостей, и притомъ больше трети этой суммы опредѣлено употребить на укрѣпленіе восточной границы Германіи.

Не желая занимать читателя нашими гаданіями и предсказаніями весьма возможныхъ будущихъ событій, мы познакомимъ его лучше съ тѣми немногими, но за то сладкими рѣчами князя Бисмарка, относящимися прямо или косвенно до Россіи. Пусть каждый дѣлаетъ изъ нихъ какіе угодно выводы: можно, конечно познакомясь съ тѣмъ, чтó высказывалъ нѣмецкій канцлеръ по поводу отношеній Германіи къ Россіи, придти къ самымъ розовымъ результатамъ, можно получить, если желательно,

увѣренность, что эти дружескія отношенія также незыблемы, какъ скала гранитная, и всякія опасенія, всякія сомнѣнія на этотъ счетъ обозвать химерою, бредомъ испуганнаго воображенія. Можетъ и такъ; говорятъ вѣдь, что у страха глаза велики. Тѣмъ не менѣе, мы не удивимся, если найдутся и такіе скептики, которые скажутъ: мы знаемъ цѣну этимъ медоточивымъ рѣчамъ, мы убѣдились опытомъ Франціи, что дружескія увѣренія имѣютъ весьма ничтожный вѣсъ въ устахъ князя Бисмарка, а потому лучше взяться за умъ и подумать надъ вопросомъ: а чтó какъ Германія, вступившая уже на путь завоеваній, подумаетъ, что не всѣ земли, «гдѣ раздается нѣмецкая рѣчь», слились еще съ общею родиною, и что недурно было бы въ виду этого нѣсколько округлить «восточныя» границы. Франція не знала поговорки, которую сложила наша народная опытность: на Бога надѣйся, а самъ не плошай! и за то потерпѣла суровое наказаніе. Аналогіею, конечно, не слѣдуетъ злоупотреблять, но нельзя также и совсѣмъ пренебрегать ею.

XII.

У князя Бисмарка въ отношеніи къ своимъ сосѣдямъ бываетъ обыкновенно два періода. Одинъ періодъ именно тотъ, когда онъ пользуется и эксплуатируетъ сосѣда;—это періодъ, повидимому, искренней дружбы, горячихъ и настойчивыхъ увѣреній въ общности интересовъ и щедро расточаемыхъ сладкихъ и лестныхъ словъ. Другой, когда игра раскрывается, и онъ наноситъ сосѣду мѣткій и рѣшительный ударъ. Тутъ уже не можетъ быть рѣчи о пощадѣ; напоминаніе оказанныхъ услугъ, воззваніе къ чувству благодарности—все это тщетно, политика князя Бисмарка чужда всякой сентиментальности, всякой чувствительности. Австріи и Франціи хорошо знакомы эти два періода, и только тогда, когда второй періодъ уже наступилъ безповоротно, политики хватаются за голову и говорятъ себѣ: какъ это случилось, какъ мы не видѣли прежде, какъ мы въ томъ, чтó говорилось и писалось, не умѣли читать между строкъ. Но сожалѣніе и раскаяніе лишены всякаго смысла въ вопросахъ политики, требующей по преимуществу предусмотрительности и проницательности. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи лучше пересолить, нежели недосолить, лучше быть излишне подозрительнымъ къ намѣреніямъ сосѣда, нежели слишкомъ довѣрчивымъ, лучше быть всегда готовымъ вступить съ нимъ въ борьбу, нежели въ какую-нибудь минуту быть пойман-

нымъ въ расплохъ. Довѣріе въ политикѣ точно такое же неумѣстное слово, какъ и благодарность и вѣрность трактатамъ. Недовѣрять другимъ и полагаться только на собственныя силы, не разсчитывая на союзниковъ — вотъ правило, котораго держался Фридрихъ, держится Бисмаркъ, и которому, при настоящихъ условіяхъ политическаго міра, должны слѣдовать волей-неволей всѣ государства, не желающія видѣть себя растерзанными львиными когтями.

Германія въ отношеніи насъ находится, очевидно, въ періодѣ дружбы, сладкихъ увѣреній въ солидарности интересовъ, взаимной любезности, однимъ словомъ, въ такихъ отношеніяхъ, которыя, казалось бы, должны были исключать всякую мысль о возможности какого-либо столкновенія даже въ самомъ далекомъ будущемъ. Какіе же, въ самомъ дѣлѣ, можетъ спросить читатель, существуютъ пункты соприкосновенія и возможности столкновенія между Россіею и Германіею? Общественное мнѣніе Германіи и общественный «говоръ» Россіи называютъ два такихъ пункта: Польшу и Остзейскій край. Какъ по поводу одного, такъ и по поводу другого высказывается князь Бисмаркъ, и все, что̀ онъ говоритъ, клонится, само собою разумѣется, къ тому, чтобы совершенно успокоить сосѣда и завѣрить Россію въ самыхъ дружелюбныхъ чувствахъ, питаемыхъ къ ней Германіею. Мы не станемъ здѣсь говорить о томъ, какъ въ самомъ дѣлѣ относится къ Россіи нѣмецкое общество, воззрѣнія котораго выражаются въ литературѣ, во всевозможныхъ брошюрахъ, толстыхъ книгахъ, ежедневныхъ органахъ печати и т. п. Отношеніе это пропитано злобою, ненавистью, презрѣніемъ. Нѣтъ такой выдумки, нѣтъ такой клеветы, которая на-лету не подхватывалась бы нѣмецкими газетами, не разносилась бы ими съ чувствомъ злорадства, какъ-бы направляя, «подъуськивая» правительство противъ «сѣверныхъ варваровъ», противъ «полуазіатскаго государства». Все это не входитъ въ нашу программу, и мы тѣмъ болѣе можемъ оставить въ сторонѣ отношенія нѣмецкаго общества, нѣмецкой печати къ Россіи, что объ этихъ отношеніяхъ было уже достаточно говорено на страницахъ нашего журнала [1]). Князь Бисмаркъ не разъ съ достаточнымъ презрѣніемъ отзывался о нѣмецкой прессѣ, чтобы ему можно было ставить въ вину весь тотъ наглый вздоръ, распространяемый юродствующею нѣмецкою печатью, которая для русскаго народа не знаетъ достаточно бранныхъ словъ. Непріязненное отношеніе нѣмецкой печати къ Россіи

---

[1]) См. Восточная политика Германія—Вѣстн. Евр. 1872.

тѣмъ болѣе любопытно, чѣмъ менѣе оно можетъ быть объяснено. Чѣмъ и въ чемъ, въ самомъ дѣлѣ, провинились мы передъ нѣмцами? Ужъ не мы ли были ихъ вѣрными союзниками, ужъ не нами ли помыкали они въ волю, ужъ не мы ли относимся къ нимъ съ уваженіемъ и даже подобострастіемъ? Вина Россіи очевидно заключается въ томъ, что мы не спѣшимъ приподнести нашему могущественному сосѣду польскія провинціи да Остзейскій край, которыя такъ хорошо бы «округлили» Германію. Тогда, безъ сомнѣнія, они смѣнили бы гнѣвъ на милость и, пожалуй, согласились бы за русскимъ народомъ признать право на существованіе и даже среди европейскихъ народовъ. Чѣмъ злобнѣе относится къ Россіи нѣмецкая печать и нѣмецкое общество, тѣмъ мягче и дружелюбнѣе представляется отношеніе нѣмецкаго канцлера, чтó впрочемъ не мѣшаетъ ему подчасъ высказывать о насъ не совсѣмъ лестныя мнѣнія, горечь которыхъ чувствуется тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше сознаешь иногда всю ихъ справедливость.

Большая часть рѣчей князя Бисмарка, касающихся Россіи, относится къ польскому вопросу, на которомъ мы прежде всего и остановимся. Въ этомъ вопросѣ нѣмецкій канцлеръ стоитъ безусловно на сторонѣ Россіи, чтó, впрочемъ, совершенно понятно, особенно если принять во вниманіе его общее воззрѣніе на Польшу. Князь Бисмаркъ терпѣть не можетъ Польши, онъ не хочетъ признавать существованія польскаго вопроса и ему кажутся наглыми всѣ притязанія поляковъ на независимое существованіе. Польши нѣтъ и быть не можетъ, повторяетъ на всѣ лады нѣмецкій канцлеръ, и мечтанія о Польшѣ, какъ о живомъ тѣлѣ, ему представляются самыми дикими утопіями. Что вы кричите, обращался онъ много разъ къ польскимъ депутатамъ, о насиліи, о правѣ завоеванія, въ силу котораго три государства владѣютъ вами; развѣ ваша собственная исторія не есть исторія насилія и завоеванія! Развѣ не въ силу завоеванія, спрашиваетъ онъ, Польша стала владычицею Западной Пруссіи? «Она быстро воспользовалась своимъ господствомъ, чтобы полонизировать край, и вовсе не внося туда цивилизацію, какъ то дѣлаемъ мы въ этой Польшѣ, въ онѣмеченіи которой насъ обвиняютъ, но полонизируя его огнемъ, желѣзомъ и тиранніею. Презирая заключенные трактаты, она наполняла западную Польшу польскими чиновниками, которые обогащались, грабя дворянство и силою ополячивая ихъ. Такимъ образомъ, изъ имени старой нѣмецкой фамиліи Hutten, при помощи простого перевода дѣлали: Czapski; Rautenberg становилось по-польски: Plinski; Stein—Kaminski. Я могъ бы, продолжаетъ князь Бисмаркъ, умножить эти примѣры и показать

вамъ, что нѣмецкая кровь течетъ въ жилахъ тѣхъ людей, которые являются въ настоящее время самыми непримиримыми врагами Германіи. Вольности городовъ были нарушены; впослѣдствіи была обѣщана свобода религіи, ее даровали хотя въ теоріи, но и то только для того, чтобы насмѣяться надъ нею на практикѣ, закрывая церкви и конфискуя ихъ въ пользу католическихъ общинъ, которыя вовсе не существовали, которыя нужно было создать и узломъ которыхъ сдѣлались благородные пріобрѣтатели имѣній или чиновники, посланные въ провинцію. Сколько гражданъ—я напомню только примѣръ города Торна—своею головою должны были заплатить за свой протестъ. Изъ 19,000 деревень только 3,000 избѣгли польскаго разоренія въ Западной Пруссіи послѣ битвы при Танненбергѣ. И это казалось имъ еще слишкомъ много».

Напомнивъ, такимъ образомъ, насилія поляковъ, происходившія въ XV ст., Бисмаркъ прибавляетъ: «Какъ послѣ такихъ фактовъ, послѣ того насилія, которое ваши предки всюду вносили, вы, господа, можете взывать еще къ справедливости исторіи, этого я не понимаю». Во всѣхъ своихъ историческихъ разсужденіяхъ князь Бисмаркъ смѣло приравниваетъ факты и событія, относящіяся къ XIV и XV ст., къ фактамъ и событіямъ XVIII и XIX вѣковъ. Онъ не дѣлаетъ никакого различія между различными эпохами, и что могло быть оправдываемо грубостью нравовъ и жалкимъ состояніемъ общественной культуры нѣсколько вѣковъ тому назадъ, то, по его мнѣнію, должно быть оправдываемо и при настоящемъ состояніи цивилизаціи. Если прежде государства образовывались и расширялись силою завоеванія, то нѣтъ причины, чтобы то же самое не совершалось и теперь; оно, впрочемъ, не особенно удивительно, потому что воззрѣнія завоевателей на народъ и право распоряжаться его судьбою мало разнились отъ воззрѣній нѣмецкаго канцлера второй половины XIX вѣка. Раздѣлъ Польши Бисмаркъ признаетъ дѣломъ справедливымъ, только потому что онъ вызванъ былъ выгодою трехъ государствъ. «Во время семилѣтней войны, говоритъ онъ, Польша вмѣсто того, чтобы служить намъ оплотомъ, всегда была пунктомъ соединенія и пріюта для русскихъ войскъ. Мы завоевали этотъ край во второй разъ въ 1815 году, вслѣдствіе страшной борьбы, завязанной съ непріятелемъ, превосходившимъ насъ силами. Трактаты освятили это завоеваніе. Всѣ государства образуются подобнымъ же образомъ. Мы владѣемъ Польшею и Силезіею въ силу одного и того же права. Если вы оспариваете право завоеванія, то этимъ вы доказываете только, что вы не читали вашей собственной исторіи. Но вы читали ее: вы только осторожно умалчиваете о томъ».

Бисмаркъ рисуетъ образованіе и развитіе польскаго королевства, говоритъ о нападеніи Польши на владѣнія Тевтонскаго ордена, затѣмъ на Россію, и всюду онъ видитъ только одно: куда проникаютъ поляки,—тамъ разореніе и варварство! Онъ не можетъ простить войны съ Тевтонскимъ орденомъ, и одно воспоминаніе о ней только разжигаетъ ненависть его къ Польшѣ. Вы напали, говоритъ онъ, на «Тевтонскій орденъ и отняли у него западную Пруссію — эту провинцію, которую орденъ законно отвоевалъ у варварства и сдѣлалъ ее цвѣтущею — вы отняли для того, чтобы разорить ее и подчинить крестьянъ, свободныхъ до той поры, тѣмъ притѣсненіямъ, которыми всегда отличалось польское господство».

То же различіе, которое существуетъ между политикой Фридриха и политикой Бисмарка, вообще существуетъ и въ отношеніи къ Польшѣ. Какъ Бисмаркъ ненавидитъ поляковъ, такъ точно ненавидѣлъ ихъ и Фридрихъ, который въ своихъ «мемуарахъ» много разъ представляетъ далеко не лестный портретъ поляковъ. Но Фридрихъ, который былъ душою польскаго раздѣла, что́ даже явно слѣдуетъ изъ его мемуаровъ, который пускалъ въ ходъ всѣ свои дипломатическія способности, чтобы присоединить къ своему королевству добрый кусокъ Польши, въ то же самое время старается придать себѣ такой видъ, какъ будто бы онъ былъ вынужденъ Австріею и Россіею приступить къ этому раздѣлу, и будто Пруссіи ничего не оставалось другого, какъ взять себѣ свою часть добычи. Словомъ, политика его, образъ дѣйствій по отношенію къ Польшѣ, отличаются тою же скрытностью, неискренностью, какою отличаются всѣ его дѣйствія. Онъ остается всегда строго вѣренъ началу: говорить одно, дѣлать другое. Отношенія же къ Польшѣ князя Бисмарка отличаются свойственною всей его политикѣ откровенностью, отъ которой онъ отступаетъ, и то не безъ труда, въ своихъ отношеніяхъ къ иностраннымъ государствамъ, въ тотъ періодъ только, когда онъ располагаетъ свою игру. Вы называете, обращается онъ къ польскимъ депутатамъ, «преступленіемъ» раздѣлъ Польши. «Господа, это было не большее преступленіе, чѣмъ раздѣлъ Россіи, который вы пытались совершить, вы, поляки, въ четырнадцатомъ вѣкѣ, когда вы были достаточно для того сильны. Спуститесь въ самихъ себя и скажите себѣ, что преступленіе завоеванія вы сами совершали сто разъ, когда вы обладали достаточнымъ могуществомъ». Польша погибла, погибла навсегда, погибла безвозвратно, и думать о возможности ея возстановленія, это самая безсмысленная фантазія, утопія—вотъ что проводитъ

во всѣхъ своихъ рѣчахъ князь Бисмаркъ, приглашая поляковъ сдѣлаться добрыми пруссаками.

По мнѣнію нѣмецкаго канцлера, возстановленіе Польши невозможно уже и потому, что нѣтъ болѣе для того достаточно поляковъ. «Поляки несравненно менѣе многочисленны, нежели обыкновенно полагаютъ. Считать, что ихъ 16 милліоновъ, это ошибка». Бисмаркъ дѣлаетъ счетъ всѣмъ полякамъ и приходитъ къ выводу, что всѣхъ поляковъ всего на все 6.500,000. «И во имя-то этихъ шести милліоновъ вы хотите господствовать надъ двадцатью четырьмя милліонами населенія, а тонъ, который вы придаете вашему требованію, могъ бы заставить подумать, что для васъ нѣтъ болѣе глубокаго униженія, болѣе позорнаго рабства, какъ то сознаніе, что вы не можете болѣе держать подъ своимъ игомъ и угнетать народы, какъ вы, къ несчастью, дѣлали это въ продолженіе вѣковъ, да, въ теченіе пяти столѣтій». Возстановленіе Польши, это утопія, такая утопія, которая для того, чтобы она могла быть осуществлена, потребовала бы прежде всего разрушенія трехъ большихъ державъ: Австріи, Пруссіи и Россіи; «нужно было бы изъ пяти или шести большихъ европейскихъ государствъ разрушить три, для того, чтобы изъ ихъ обломковъ возстановить фантастическое господство шести милліоновъ поляковъ надъ восемнадцатью не-поляковъ. Да и эти шесть милліоновъ, захотѣли ли они быть управляемы по-польски? Я не думаю; прошедшее завѣщало имъ слишкомъ печальныя испытанія». Бисмаркъ подкрѣпляетъ свою послѣднюю мысль, говоря: «я не могу, конечно, восхвалять русскаго господства, какъ слишкомъ милостиваго, но польскій крестьянинъ предпочитаетъ даже его господству своихъ собственниковъ-дворянъ». Не думайте о возстановленіи Польши, забудьте даже о ея прежнемъ существованіи, Польша не возстанетъ изъ пепла! Бисмаркъ вмѣстѣ съ поэтомъ повторяетъ: «минута, которую ты упустилъ, вѣчность не возвратитъ тебѣ ея».

Указывая на судьбу Польши, какъ на краснорѣчивое поученіе, Бисмаркъ обращается къ собранію нѣмецкихъ представителей и дѣлаетъ такого рода наставительное обобщеніе: «Вотъ куда можетъ быть приведено большое и могущественное государство, управляемое дворянствомъ храбрымъ и воинственнымъ, но эгоистическимъ, когда въ этомъ государствѣ ставятъ личную свободу выше, я не скажу единства государства, но его внѣшней безопасности, когда, другими словами, личныя вольности подавляютъ, подобно чужеядному растенію, общіе интересы». Насколько подобное обобщеніе серьёзно, намъ не нужно указывать

читателю,—онъ видитъ передъ собою, хотя и на довольно значительномъ разстояніи, весьма сильное, весьма могущественное государство, цѣльность и безопасность котораго никто не подвергаетъ сомнѣнію, и которое, вмѣстѣ съ тѣмъ, предоставляетъ своимъ гражданамъ самую широкую политическую свободу, какую можно только желать.

Если князь Бисмаркъ говорилъ, что населеніе Польши, подвластной Россіи, предпочитаетъ русское господство, которое, какъ онъ выражается, онъ не можетъ восхвалять «какъ слишкомъ милостивое», то нужно ли говорить, что онъ думаетъ о населеніи Польши, подвластной Пруссіи, и о ея расположеніи къ нѣмецкому правительству. Польское населеніе процвѣтаетъ, благоденствуетъ подъ покровомъ Пруссіи и никогда не рѣшится промѣнять его на управленіе пановъ, аристократовъ, будь они самые чистокровные поляки. «Кому, говоритъ нѣмецкій канцлеръ, я могу сообщить какъ новость, что жители прусской части старой польской республики первые почувствовали и признали блага цивилизаціи несравненно выше той, которою они пользовались прежде? Я могу сказать съ гордостью, что эта часть Польши, находящаяся подъ господствомъ Пруссіи, болѣе процвѣтаетъ, болѣе обезпечена въ своихъ правахъ, болѣе привязана къ своему правительству, нежели когда-нибудь была, не только на памяти людей, но въ теченіе всей исторіи, какая-нибудь провинція этого государства. Огромное большинство жителей провинціи каждый разъ, какъ представлялся только случай, заявляло свою признательность и привязанность къ прусскому правительству и королевскому дому. Всевозможныя средства соблазна, пущенныя въ ходъ, чтобы «воскресить національное чувство»—во время возстаній, повторяющихся каждыя пятнадцать лѣтъ—не могли увлечь прусскихъ подданныхъ польскаго языка принять участіе, въ сколько-нибудь значительномъ количествѣ, въ этихъ движеніяхъ меньшинства, въ которыхъ участвуютъ особенно дворянство, служащіе въ господскихъ помѣстьяхъ и рабочій классъ. Что касается до крестьянъ, то ихъ всегда видѣли протестующими, съ большою энергіею и даже съ оружіемъ въ рукахъ, противъ всякой попытки, имѣющей цѣлью возвратить тотъ порядокъ вещей, который они знали по наслышкѣ отъ ихъ отцовъ—они протестовали, говорю я, съ такою энергіею, что правительство было вынуждено въ 1848 году, изъ чувства гуманности, выставить противъ возставшихъ другія войска, а не польскія. На всѣхъ поляхъ битвъ—я ссылаюсь на свидѣтельство почтеннаго генерала, бывшаго во главѣ пятаго корпуса арміи—польскіе солдаты дали

доказательства тѣхъ же чувствъ преданности. Въ Даніи и въ Богеміи, они, съ свойственною ихъ національности храбростью, запечатлѣли своею кровію ихъ привязанность къ королю».

Мы нарочно привели эту длинную выписку одной изъ рѣчей князя Бисмарка, такъ какъ она можетъ служить образцомъ большей части его рѣчей, посвященныхъ польскому вопросу. Съ одной стороны, онъ относится съ необычайною твердостью даже къ мысли о независимомъ существованіи Польши, съ другой, онъ не упускаетъ случая, чтобы лишній разъ заявить, что польская нація благоденствуетъ подъ властью Пруссіи, и что польское населеніе Пруссіи, не въ примѣръ прочимъ частямъ старой Польши, глубоко благодарно правительству за всѣ благодѣянія цивилизаціи, которыми оно пользуется, и что никогда, если бы даже была у него возможность, оно не захотѣло бы возвратиться къ прежнему порядку вещей. Польскій народъ—это прусскій народъ, все различіе заключается въ томъ, что одни говорятъ на нѣмецкомъ языкѣ, другіе на польскомъ, чувства же однѣ и тѣ же. Такую мысль проводилъ онъ неизмѣнно отъ начала своей политической дѣятельности и до настоящаго времени; какъ въ 1862 году, такъ въ 1872, онъ говорилъ одно и тоже. Послѣ французской войны онъ только прибавилъ, что поляки еще разъ, въ борьбѣ въ Франціею, показали всю свою преданность своему нѣмецкому отечеству. Сила подобныхъ разсужденій по необходимости нѣсколько ослабляется только тогда, когда читаешь другія его рѣчи, въ которыхъ онъ горько жалуется, что нѣмецкій языкъ въ запущеніи, что есть цѣлыя общины, которыя, прежде будучи нѣмецкими, теперь ополячились.

Благодаря тому, продолжаетъ князь Бисмаркъ, что польскимъ учителямъ оказывалось всяческое покровительство, вслѣдствіе разсчетовъ партіи, мы видимъ «въ восточной Пруссіи общины, прежде бывшія нѣмецкими, но гдѣ теперь молодое поколѣніе не понимаетъ нѣмецкаго языка и въ теченіи вѣка, въ который мы обладаемъ этою страною, оно было совершенно ополячено. Безъ сомнѣнія, это можетъ служить блистательнымъ доказательствомъ жизненности и ловкости польской агитаціи, но она существуетъ только въ силу добродушной терпимости государства». Князь Бисмаркъ обѣщаетъ, что наступилъ послѣдній часъ этой «терпимости», и что въ будущемъ Германія въ отношеніи Польши будетъ брать примѣръ съ поведенія Франціи по отношенію къ Эльзасу. Въ добрый часъ! скажетъ читатель, но дѣло въ томъ, что князь Бисмаркъ поведеніе Франціи въ отношеніи къ Эльзасу понимаетъ совершенно по-своему. Князь Бисмаркъ обѣщаетъ,

что нѣмецкій языкъ «получитъ большее развитіе» въ восточной Пруссіи и, такимъ образомъ, надѣется до конца онѣмечить край, и это насильственное введеніе языка называетъ подражаніемъ Франціи. Въ дѣйствительности же, если бы Германія захотѣла слѣдовать примѣру Франціи въ Эльзасѣ, то она вовсе не вводила бы насильственно нѣмецкаго языка; князь Бисмаркъ отлично знаетъ, и онъ нѣсколько разъ выражалъ это въ своихъ рѣчахъ, основывая даже на этомъ свои политическія соображенія, что въ Эльзасѣ огромное большинство населенія говоритъ по-нѣмецки, и что Франція вовсе не заботилась вводить свой языкъ; край сдѣлался французскимъ, сохраняя нѣмецкій языкъ. Князь Бисмаркъ не хочетъ понять, не хочетъ согласиться, что если Эльзасъ офранцузился, а въ восточной Пруссіи, напротивъ, даже нѣмецкія общины ополячиваются, то причина такого различія лежитъ въ различіи нравовъ двухъ странъ, въ различіи политическаго строя одного и другого государства. На чьей сторонѣ преимущество, на сторонѣ ли Франціи или Германіи, едва ли нужно говорить. Насильственное введеніе языка — какъ всякая насильственная мѣра, никогда не можетъ привести ни къ офранцуженію, ни къ онѣмеченію, того или другого края.

Послѣ подобныхъ признаній князя Бисмарка невольно приходится относиться съ меньшимъ довѣріемъ къ увѣреніямъ князя Бисмарка относительно привязанности польскаго населенія къ нѣмецкой землѣ и его благодарности за всѣ «благодѣянія» нѣмецкой цивилизаціи. Еще болѣе ослабляется значеніе этихъ увѣреній, когда читаешь другія рѣчи князя Бисмарка, въ которыхъ онъ говоритъ о необходимости зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы возстаніе въ Россіи не заразило прусской Польши, и какъ чума, не распространилось бы въ ней. Мы указываемъ на эти противорѣчія для того собственно, чтобы сказать, что увѣренія князя Бисмарка относительно «процвѣтанія» и «благоденствія» прусской Польши и ея «благодарности» за дарованіе всѣхъ плодовъ нѣмецкой цивилизаціи, суть, собственно говоря, не что иное, какъ извѣстная система, средство для достиженія цѣли, которая заключается въ томъ, чтобы имѣть право сказать: изъ трехъ государствъ, раздѣлившихъ Польшу, одна только Пруссія съумѣла поступить такъ, что польское населеніе по своимъ чувствамъ, если не по языку, сдѣлалось нѣмецкимъ. Насколько это справедливо, это другой вопросъ, о которомъ здѣсь говорить не мѣсто.

Познакомившись съ воззрѣніями князя Бисмарка на Польшу вообще, мы видимъ, что отношеніе его къ польскому вопросу въ Россіи становится какъ нельзя болѣе понятнымъ, и мы не можемъ

уже чувствовать особенной благодарности за то, что въ этомъ вопросѣ онъ дѣйствовалъ такъ, а не иначе. Князь Бисмаркъ всегда въ этомъ вопросѣ дѣйствовалъ исключительно въ нѣмецкихъ интересахъ, нисколько не заботясь о выгодахъ или невыгодахъ Россіи, что, конечно, никѣмъ не можетъ быть поставлено ему въ вину. Въ свою очередь и Россія должна точно также заботиться исключительно о своихъ интересахъ, и князь Бисмаркъ не только признаетъ за нами такое право, но считаетъ «русскую» политику Россіи ея прямою обязанностью. «Россія, я знаю и каждый знаетъ это точно также какъ и я,—говоритъ князь Бисмаркъ,—не руководствуется прусской политикой и не имѣетъ никакого основанія ею руководствоваться; ея прямая обязанность, напротивъ, имѣть свою, русскую политику».

Князь Бисмаркъ, во время польскаго возстанія, несмотря на его увѣренія въ преданности и любви польскаго населенія къ прусскому правительству, болѣе всего опасался распространенія этого возстанія въ Познани и потому безусловно сочувствовалъ всѣмъ мѣрамъ, какія только предпринимались русскимъ правительствомъ для усмиренія мятежа. «Это возстаніе, говорилъ онъ, въ извѣстныхъ частяхъ польскаго королевства, и особенно вблизи прусской границы, получило развитіе, значеніе котораго выходитъ за предѣлы края. Несомнѣнная цѣль возстанія—это возстановленіе польскаго королевства и его возможное расширеніе на счетъ своихъ сосѣдей до старыхъ польскихъ границъ». Въ виду этого Бисмаркъ, руководствуясь исключительно прусскими интересами, могъ содѣйствовать мѣрамъ для усмиренія возстанія и, не думая нисколько быть пріятнымъ русскому правительству, вступить съ нимъ въ тайное или явное соглашеніе относительно польскаго вопроса. Поэтому сочувствіе и содѣйствіе, которое русскій кабинетъ находилъ въ князѣ Бисмаркѣ во время польскаго возстанія, никѣмъ не должно быть толкуемо въ томъ смыслѣ, что Пруссія оказала услугу Россіи и въ этой мнимой услугѣ видѣть залогъ дружественныхъ отношеній. «Мы имѣемъ положительныя свѣдѣнія,—говорилъ нѣмецкій канцлеръ,—относительно тѣхъ попытокъ, которыя дѣлаются, чтобы подготовить на прусской территоріи возстаніе такъ, чтобы оно могло вспыхнуть въ благопріятную минуту».

Эти «положительныя свѣдѣнія», которыми обладалъ князь Бисмаркъ, лучше всего объясняютъ ту косвенную помощь, которая была оказана Россіи Пруссіей. Отношенія Пруссіи къ Россіи были опредѣлены въ то время княземъ Бисмаркомъ на-перекоръ палатѣ. Времена, конечно, съ тѣхъ поръ перемѣнились, и въ настоящее время

князю Бисмарку не нужно было бы обращаться въ палатѣ представителей со словами: «Наклонность выражать энтузіазмъ къ чуждымъ національнымъ стремленіямъ, даже въ ущербъ нашей собственной родинѣ, это родъ политической болѣзни, на которую Германія, увы! кажется, получила привилегію». Нѣмецкіе представители едва ли не превзошли князя Бисмарка въ твердости и рѣшимости не обращать вниманія на «національныя стремленія». Но тогда было не такъ, и нѣмецкому канцлеру приходилось выдерживать борьбу. «Вы говорите,—обращался онъ къ палатѣ,—что интересъ Пруссіи требуетъ абсолютнаго нейтралитета; такое мнѣніе, по моему убѣжденію, ложно въ томъ смыслѣ, что сосѣдство императора Александра безспорно выгоднѣе для Пруссіи сосѣдства Мѣрославскаго и пропагандирующей Польши, ложно въ томъ смыслѣ, что наше коммерческое положеніе точно также, какъ общее благо государства, безспорно заинтересованы въ томъ, чтобы польское восстаніе длилось какъ можно менѣе и чтобы оно поскорѣе уступило мѣсто правильному и законному порядку вещей». Такими аргументами князь Бисмаркъ защищалъ конвенцію, заключенную между Россіей и Пруссіей, конвенцію, въ силу которой войска того и другого государства могли безпрепятственно переходить черезъ границы на довольно значительномъ протяженіи. Бисмаркъ весьма настойчиво убѣждалъ въ то время палату отложить въ сторону всякія гуманныя чувства, называя ихъ излишнею сентиментальностью и просилъ даже рѣчами не вмѣшиваться въ распоряженія русскаго правительства. «Ораторъ,—говорилъ онъ послѣ одной изъ рѣчей Вирхова,—сожалѣетъ, что вмѣсто военнаго вмѣшательства, намѣреніе котораго онъ приписываетъ намъ, мы не вмѣшались скорѣе дипломатически, предлагая русскому кабинету измѣнить систему управленія, принятую по отношенію къ Польшѣ. Я долженъ замѣтить, что подобные совѣты, даваемые иностраннымъ правительствамъ о способѣ, которымъ они должны управлять внутри страны, заключаютъ въ себѣ всегда нѣчто опасное, такъ какъ они легко могутъ привести ко взаимности».

Во всѣхъ отношеніяхъ князя Бисмарка къ Россіи или, вѣрнѣе, во всѣхъ его рѣчахъ, гдѣ онъ только долженъ былъ касаться ея, мы видимъ такую же осторожность, какъ и въ польскомъ вопросѣ. Какъ только рѣчь заходила въ палатахъ о какомъ-либо дѣйствіи русскаго правительства, Бисмаркъ тотчасъ же спѣшилъ прервать замѣчаніемъ, что «политическіе обычаи» должны были бы удерживать отъ рѣзкихъ выраженій относительно дружественной державы. Если Бисмарку и случалось подчасъ высказы-

вать несовсѣмъ лестныя мнѣнія относительно внутреннихъ порядковъ страны, то это происходило скорѣе оттого, что онъ самъ не сознавалъ, насколько его сужденія могутъ быть обидны. Въ большинствѣ же случаевъ, почти всегда, преобладала въ его рѣчахъ необыкновенная сдержанность и осторожность. Какъ на примѣръ, можно указать на то мѣсто его рѣчи, въ которой онъ отвѣчалъ одному изъ депутатовъ, обращавшему вниманіе Пруссіи на «дѣйствія» русскаго правительства въ Остзейскомъ краѣ и желавшему, чтобы нѣмецкое правительство вступилось за будто бы обижаемыхъ нами нѣмцевъ. «Между великими дружественными державами, — отвѣчалъ нѣмецкій канцлеръ, — чуждыми всякой борьбы изъ-за интересовъ, встрѣчается весьма много случаевъ, когда эти государства, естественно, дѣйствують въ полномъ согласіи, такъ какъ ихъ интересы одни и тѣ же, и нѣтъ никакой надобности стараться нарушить доброе согласіе и внести раздражительность въ отношенія между ними, приписывая одному роль подчиненія, другому—управленія. Вслѣдствіе этого, такъ какъ русская національная чувствительность также щекотлива, какъ и наша, то я желалъ бы, чтобы ораторъ воздержался принимать сторону русскихъ подданныхъ, которыхъ онъ изображаетъ угнетенными русскимъ правительствомъ. Если онъ имѣлъ серьёзное намѣреніе быть полезнымъ тѣмъ, которыхъ онъ беретъ подъ свое покровительство, то я могу его увѣрить, что онъ какъ разъ достигнетъ прямо противоположной цѣли, и что его кліенты вовсе не будутъ ему благодарны, что онъ поднялъ такой колючій вопросъ. Ораторъ сидитъ здѣсь въ полной безопасности и говоритъ нисколько не стѣсняясь. Но мы должны еще спросить,—прибавляетъ князь Бисмаркъ, выражая тѣмъ самымъ весьма обидную для насъ мысль,—каковы будутъ послѣдствія его словъ для тѣхъ, кому онъ желалъ оказать покровительство.»

Бисмаркъ съ негодованіемъ возстаетъ даже противъ самой мысли вмѣшательства во внутреннія дѣла дружественной державы и совѣтуетъ не компрометтировать остзейскихъ нѣмцевъ платоническимъ покровительствомъ, отъ котораго они могутъ только пострадать. Слова князя Бисмарка могли бы насъ безусловно успокоить какъ относительно округленія Германіи на польской границѣ, такъ и округленія со стороны Остзейскаго края, если бы только: во-первыхъ, мы не знали, что, несмотря на достойную откровенность Бисмарка въ своей внѣшней политикѣ, въ отношеніяхъ къ своимъ сосѣдямъ, онъ не вынужденъ былъ все-таки соглашаться иногда съ Талейраномъ, что слова существуютъ только для того, чтобы лучше скрывать мысли и дѣйствія; и если

бы, во-вторыхъ, общественное мнѣніе Германіи, выражающееся въ прессѣ и литературѣ, не подсказывало намъ слишкомъ часто: будьте осторожны, не полагайтесь слишкомъ на дружбу!

Если бы кто-нибудь пожелалъ, во что бы то ни стало, отыскать въ рѣчахъ князя Бисмарка хотя слабый намекъ на желаніе «округлить» границы со стороны нашихъ польскихъ провинцій, тотъ долженъ былъ бы остановиться на длинной рѣчи нѣмецкаго канцлера, посвященной пограничнымъ отношеніямъ между Россіею и Пруссіею. Трактатомъ 1815 года опредѣлены эти отношенія, выговорены права для той и другой стороны, имѣвшія въ виду исключительно границы стараго польскаго королевства, какъ онѣ представлялись въ 1772 году. Нѣмцы жаловались, что права эти нарушаются русскими властями, и что нарушенія пограничныхъ отношеній, установленныхъ въ 1815 году, отзываются крайне вредно какъ на торговыхъ отношеніяхъ края, такъ и на личной свободѣ нѣмцевъ, переходящихъ границу. Они утверждаютъ, что эта личная свобода не достаточно гарантирована въ Россіи и постоянно подвергается опасности. По поводу этихъ-то пограничныхъ отношеній былъ сдѣланъ запросъ въ палатѣ прусскому правительству, на который князь Бисмаркъ и отвѣчалъ пространною рѣчью. Сдѣланный запросъ крайне не понравился князю Бисмарку, такъ какъ онъ вынуждалъ его выдти изъ той сдержанной роли, которую онъ принялъ въ отношеніи Россіи, и сознаться, что между двумя государствами, несмотря на тѣсную дружбу, есть нѣкоторые спорные пункты. «Если,—говорилъ князь Бисмаркъ, — авторъ запроса имѣлъ цѣлью создать министерству иностранныхъ дѣлъ такого рода непріятности, которыя затрудняютъ управленіе дѣлами, то ему это вполнѣ удалось. Министръ иностранныхъ дѣлъ не можетъ принимать на себя роли публичнаго обвинителя сосѣдняго дружественнаго правительства, не нарушая тѣмъ самымъ всѣхъ международныхъ традицій. Путь, принятый правительствами для того, чтобы приходить къ соглашенію по спорнымъ вопросамъ, это — путь дипломатической переписки, а не публичныхъ разглагольствованій. Съ другой стороны, я не желалъ бы, чтобы изъ молчанія правительства кто-нибудь могъ вывести заключеніе, что съ нашей точки зрѣнія пограничныя отношенія таковы, какихъ мы только можемъ желать.»

Нѣтъ, существующими пограничными отношеніями князь Бисмаркъ не имѣетъ основанія быть довольнымъ, и онъ чистосердечно признаетъ ихъ неправильными. «Что пограничныя отношенія, — высказываетъ онъ, — не находятся въ положеніи, которое правительство могло бы признать нормальнымъ, и что подобное

положеніе вещей продолжается уже пятьдесятъ лѣтъ, то это доказывается постоянно возобновляемыми переговорами въ виду улучшенія пограничныхъ отношеній»,—переговорами, на которые въ 1867 году онъ возлагалъ свои надежды. Если князь Бисмаркъ желаетъ улучшенія пограничныхъ отношеній, то онъ желаетъ этого улучшенія не столько еще для Пруссіи, сколько для блага Россіи, интересы которой не понимаются, по его мнѣнію, такъ, какъ они должны были бы пониматься; «много разъ,—говоритъ онъ,—мы дѣлали представленія въ этомъ смыслѣ императорскому правительству, но оно полагаетъ, что лучшій судья въ томъ, что̀ отвѣчаетъ его интересамъ, что̀ нѣтъ, это само правительство, и мы ничего не можемъ возражать съ точки зрѣнія международнаго права; мы должны довольствоваться печальнымъ утѣшеніемъ, что русскіе интересы страдаютъ еще болѣе нашихъ отъ такого закрытія границъ.» Со стороны нѣмецкихъ подданныхъ постоянно возникаютъ жалобы на притѣсненія, которымъ они подвергаются со стороны русскихъ властей, какъ только переходятъ границы, и жалобы эти самаго различнаго свойства. Между прочими жалобами весьма часто возникаютъ жалобы на неправильное арестованіе и изгнаніе изъ Россіи лицъ, которыя обладаютъ паспортами, находящимися въ порядкѣ, и потому подвергаются притѣсненіямъ безъ всякаго законнаго основанія.

Князь Бисмаркъ останавливается даже и на причинахъ подобныхъ столкновеній: «Откуда рождаются, господа, подобныя столкновенія, не говоря о тѣхъ случаяхъ, которые представляютъ собою не что иное, какъ простое вымогательство? Наши соотечественники часто отправляются въ Россію на-легкѣ, безъ денегъ, безъ знанія языка, не справляясь о тѣхъ формальностяхъ, которыя они должны выполнить на границахъ. Они являются съ оружіемъ, хотя и не имѣютъ намѣренія употреблять его въ дѣло; но ношеніе оружія запрещено въ Россіи, они должны были бы это знать; ignorantia legis—вредная вещь. Другое: наши соотечественники думаютъ, что они могутъ обращаться съ русскими чиновниками точно также, какъ они обращаются съ прусскимъ ландратомъ, и когда они чувствуютъ за собою право, когда въ карманѣ у нихъ прусскія бумаги въ порядкѣ, они считаютъ себя въ правѣ возвысить голосъ на языкѣ, непонятномъ для русскаго чиновника. У насъ въ подобныхъ случаяхъ слишкомъ шумное обращеніе навлекло бы тому, который себѣ позволилъ его, только нѣкоторыя внушенія, и чиновникъ, съ которымъ имѣешь дѣло, вовсе не подумаетъ о мѣрахъ укрощенія; да къ тому же онъ и не имѣлъ бы на то законнаго права. Прусскіе путешественники избалованы терпѣніемъ

нашихъ чиновниковъ; путешествующій пруссакъ думаетъ, что онъ можетъ обращаться съ чиновникомъ на русской таможнѣ точно также, какъ онъ говоритъ съ прусскимъ министромъ. Онъ ошибается; чиновникъ сердится, и путешественникъ, воображающій себя сильнымъ, потому что у него бумаги въ порядкѣ, громко объявляетъ, что онъ честный человѣкъ, и что о немъ можно справиться въ Калишѣ, Столупянахъ или въ другомъ мѣстѣ. Его засаживаютъ въ тюрьму, безъ того, чтобы онъ понималъ за что. Въ своей жалобѣ, естественно, онъ не говоритъ: я велъ себя съ нѣкоторою заносчивостью, какъ я имѣю привычку вести себя дома. Съ своей стороны, русскій чиновникъ, спрошенный о своихъ поступкахъ, не говоритъ: я нашелъ, что путешественникъ слишкомъ возвысилъ свой голосъ для моего достоинства; но онъ отыскиваетъ въ неисчерпаемомъ арсеналѣ свода законовъ, т.-е. русскаго кодекса, по-истинѣ страдающаго излишествомъ полноты, статью, по смыслу которой путешественникъ не выполнилъ всѣхъ правилъ, чтó и сдѣлало необходимымъ принятіе мѣры предосторожности до болѣе полныхъ свѣдѣній. Вотъ что отвѣчаютъ! путешественника освобождаютъ, и таковы разстоянія и медленность въ исполненіи дѣлъ, что затѣмъ проходятъ цѣлыя недѣли и тогда уже нужнó сознаться въ винѣ; измѣнить ничего нельзя. Притомъ такого рода дѣла должны идти путемъ частныхъ жалобъ, но не могутъ,—спѣшитъ прибавить князь Бисмаркъ,—служить предлогомъ для принятія угрожающаго положенія относительно сосѣдняго могущественнаго государства; дѣла эти проистекаютъ не изъ дурныхъ намѣреній сосѣда, но изъ особенныхъ свойствъ его учрежденій. Единственное возможное средство помочь всему этому заключается въ томъ, чтобы Россійская имперія, придя сама собой къ убѣжденію, что свобода отношеній необходима и выгодна, открыла свои границы больше, нежели прежде, и передѣлала свое законодательство. Измѣненіе порядка вещей не можетъ быть достигнуто силою, намъ остается только ждать.»

Какъ ни добродушно все то, чтó высказываетъ тутъ князь Бисмаркъ, но нельзя не сказать, что даже эти поверхностныя замѣчанія показываютъ въ немъ довольно близкое знакомство съ нашими административными нравами. Притомъ слѣдуетъ еще помнить, что князь Бисмаркъ, при своей изумительной осторожности, вовсе не высказываетъ всего, чтó онъ думаетъ о русскихъ дѣлахъ, и мы находимъ подтвержденіе тому въ словахъ, сказанныхъ имъ въ различное время и относящихся до сохраненія въ Петербургѣ особаго военнаго агента. Бисмаркъ убѣдительно просилъ, чтобы его не заставляли развивать передъ палатой тѣхъ

мотивовъ, въ силу которыхъ онъ настаиваетъ на необходимости военнаго агента. «Вѣрьте мнѣ,—говорилъ онъ,—что вовсе не желаніе избѣжать усталости заставляетъ меня не распространяться объ этомъ». Бисмаркъ нѣсколько разъ напоминалъ палатѣ, что она должна ему вѣрить, когда дѣло идетъ о Россіи, такъ какъ онъ прожилъ въ Петербургѣ три года и знаетъ многое, чего не знаетъ палата. Правительство не настаивало бы такъ на сохраненіи этого поста, «если бы оно не сознавало обязанности защищать его въ силу исключительной дипломатической пользы, и если бы въ этомъ отношеніи у него не было глубокаго убѣжденія, которое заставляетъ его такъ настойчиво поддерживать необходимость военнаго агента въ Россіи».

У страха, говоритъ русская пословица, глаза велики, и потому неразумно было бы, поддаваясь этому недостойному чувству, въ каждомъ словѣ князя Бисмарка, даже самомъ незначущемъ, видѣть тайные ковы противъ Россіи; но еще менѣе разумно было бы слѣпо полагаться на тѣ дружественныя завѣренія, которыя такъ щедро расточаетъ намъ знаменитый нѣмецкій канцлеръ. Мы видѣли на примѣрѣ двухъ сосѣдей Германіи, Австріи и Франціи, какъ мало значенія слѣдуетъ придавать такого рода дружескимъ увѣреніямъ. Входя въ составъ правилъ практической философіи, представляемой въ наше время княземъ Бисмаркомъ, они также гибки, какъ гибка и самая философія. Дружба, оказанныя услуги въ прошедшемъ, благодарность—все это въ современной политикѣ однѣ пустыя слова, лишенныя всякаго содержанія. Князь Бисмаркъ не разъ высказывалъ, что прошло то время, когда возможны были кровавыя войны изъ-за «жалкихъ» династическихъ интересовъ, изъ-за ссоры двухъ монарховъ. Положеніе его имѣетъ и обратную силу. Если ужъ война не можетъ быть начата теперь изъ-за столкновенія между двумя какими-нибудь царствующими домами, то точно также она не можетъ быть остановлена дружбою двухъ домовъ; эта дружба волею-неволею должна будетъ подчиниться давленію, силѣ «національныхъ интересовъ»—этой единственной возможной причины, по словамъ нѣмецкаго канцлера, современной войны. Слѣдовательно, на всѣ увѣренія дружбы и общности интересовъ слѣдуетъ смотрѣть съ точки зрѣнія выгоды, пользы чуждаго намъ государства; съ точки зрѣнія его «національныхъ интересовъ», и притомъ понимаемыхъ такъ, какъ они понимаются въ данную минуту; однимъ словомъ, съ точки зрѣнія тѣхъ «національныхъ интересовъ», которые для своего удовлетворенія потребовали себѣ завоеванія двухъ фран-

пузскихъ областей, «округленія» Германіи Эльзасомъ и Лотарингіей.

Мы исчерпали до конца собраніе рѣчей князя Бисмарка, этого замѣчательнаго государственнаго человѣка современной намъ эпохи. Сдѣлаемъ ли мы общій выводъ, подведемъ ли итогъ всему нами высказанному или предоставимъ самому читателю сдѣлать такой выводъ изъ нашего труда и рѣшить — имѣли ли мы право назвать весь тотъ рядъ правилъ, которыми руководствуется какъ въ своей внутренней, такъ и во внѣшней политикѣ канцлеръ обновленной нѣмецкой имперіи, практическою философіею XIX-го вѣка? Изъ смысла всѣхъ рѣчей князя Бисмарка, его внутренней и внѣшней политики, мы надѣемся, читатель могъ убѣдиться въ справедливости общей характеристики нѣмецкаго канцлера, предпосланной обзору его дѣятельности. Нельзя не быть удивленнымъ, когда видишь въ этихъ рѣчахъ необыкновенную бѣдность широкихъ и глубокихъ общечеловѣческихъ идей, безъ которыхъ не можетъ быть великаго государственнаго человѣка. И несмотря на это, значеніе князя Бисмарка въ судьбѣ его родины необыкновенно велико. Онъ не только выполнилъ завѣщаніе Фридриха II, но онъ расширилъ его планъ и на мѣсто сильной и могущественной Пруссіи воздвигнулъ сильную и могущественную Германію. Конечно, огромнымъ значеніемъ въ исторіи не только Германіи, но и Европы, князь Бисмаркъ много обязанъ самому себѣ, своимъ отличительнымъ качествамъ: энергіи, рѣшительности, силѣ, ясному пониманію той цѣли, къ которой онъ стремился, что́ весьма важно и не такъ обыкновенно у государственныхъ людей; но тѣмъ не менѣе едва ли бы политическая система князя Бисмарка увѣнчалась такимъ полнымъ успѣхомъ, еслибы народы Западной Европы не находились въ такомъ печальномъ періодѣ своей политической жизни. Вездѣ старыя начала рушились, новыя не утвердились, и кажется, долго еще не утвердятся. Въ этомъ печальномъ состояніи Европы нужно видѣть одну изъ главныхъ причинъ торжества князя Бисмарка, котораго, живи онъ въ началѣ нынѣшняго вѣка, писатели романтической школы прозвали бы духомъ тьмы. Нужно было бы въ самомъ дѣлѣ имѣть много смѣлости, чтобы появленіе этого замѣчательнаго по энергіи и рѣшимости человѣка на исторической сценѣ назвать благодѣтельнымъ для человѣчества. Странная судьба постигаетъ историческихъ дѣятелей! Одни, которыхъ при жизни величаютъ богами, становятся въ глазахъ потомства воплощеніемъ зла, они представ-

ляются бичами, ниспосланными будто бы Провидѣніемъ; другіе же, которые при жизни не вызываютъ восторговъ и колѣнопреклоненія, поднимаются въ исторіи на недосягаемую высоту. Сколько ни старались бы мы оцѣнить безпристрастно значеніе князя Бисмарка и его политической системы, наши старанія напрасны. Мы, современники, не можемъ еще отрѣшиться отъ извѣстнаго пристрастія въ ту или другую сторону. Предоставляя этотъ трудъ исторіи, мы тѣмъ болѣе не въ состояніи сдѣлать еще вѣрной оцѣнки его исторической роли, что не знаемъ еще какъ прочно окажется возведенное имъ зданіе, какъ крѣпка его политическая система. Намъ кажется, что для того, чтобы зданіе князя Бисмарка было прочно, нужно, чтобы онъ и его преемники разбили старыхъ боговъ и поклонились новымъ, какъ поклонился бы имъ и весь нѣмецкій народъ. Новые боги—это новыя идеи, новыя для большинства, но старыя для тѣхъ пророковъ нѣмецкаго народа, которые носятъ имена Лессинга, Шиллера, Фихте, Бёрне.

Евг. Утинъ.

НОВѢЙШАЯ ПОЛЕМИКА РАСКОЛА

II *).

Вотъ тѣ основанія, которыя приводятся расколомъ въ наше время, чтобы доказать, что московскій соборъ 1666—67 гг., осудившій его, не только не имѣлъ надлежащаго каноническаго достоинства, но сверхъ того былъ несправедливъ въ произнесенномъ имъ осужденіи.

«Все, чтó возникаетъ не въ слѣдствіе каприза, — такъ говоритъ «Новѣйшая раскольническая Челобитня»,—по естественному ходу вещей, должно имѣть мѣсто подъ солнцемъ... Единство вѣры въ догматы и таинства, по ученію святой апостольской церкви, обязательно для каждаго члена ея, но обрядъ и обычай одной частной церкви не обязателенъ для другой. Однакожъ извѣстный обрядъ, исторически утвердившись въ какой-либо церкви (и даже приходѣ), становится обязательнымъ для членовъ ея, отъ мірянина до епископа. Народъ русскій въ правѣ имѣть свои русскіе, отечественно-церковные обычаи и обрядовыя особенности, а съ ними и тотъ складъ нравственно-религіозныхъ воззрѣній и убѣжденій, изъ коихъ между прочимъ слагается отличіе каждой національности отъ другой, и кои исторически, въ продолженіе вѣковъ, выработали у насъ тѣ особенности, кои, нисколько не отступая отъ восточнаго, апостольскаго православія, сообщили ему у насъ характеръ русской народности, образовали изъ него наше русское

*) См. выше: май, 43 стр.

православіе. И образованіе въ нашемъ отечествѣ старообрядства имѣетъ историческое основаніе. Это—несомнѣнно.

«Мы, русскіе, приняли отъ грековъ вѣроученіе христіанское вполнѣ опредѣленнымъ. Всѣ недоумѣнія, какія могли только возникнуть въ области вѣры, были высказаны и свято соборнѣ обсуждены, заблужденія осуждены и православіе навсегда утверждено. Нашимъ предкамъ не оставалось болѣе на чемъ бы упражнять ревность въ благочестію, въ которой предки наши не уступали ни одному народу и которая требовала дѣятельности. Эту-то ревность и эту-то дѣятельность и обратили они на предметы обрядовые, которые въ древней Церкви и уставомъ не были опредѣлены и исполнялись разнообразно. Эта-то разнообразность и неопредѣленность, войдя къ намъ съ Востока вмѣстѣ съ религіею, и представила нашимъ предкамъ возможность и — самые предметы для благочестивыхъ изысканій и соображеній, споровъ и соглашеній.

«12-го августа 1478 года всероссійскій митрополитъ Геронтій освящалъ нынѣшній Успенскій соборъ въ Москвѣ. При этомъ освященіи онъ ходилъ кругомъ церкви противу солнца. Дѣйствіе митрополита показалось Москвѣ столь необычайнымъ, что жалобы на него доведены были до государя. Великій князь Иванъ Васильевичъ III «гнѣвъ воздвиже нань, что священъ соборную церковь митрополитъ, да не по солнцу ходилъ съ кресты около церкви. Яко того ради, рече, гнѣвъ Божій приходитъ». Митрополитъ отстаивалъ правильность совершеннаго имъ дѣйствія. (Въ тѣ времена и не безопасно было сознаваться въ ошибкахъ). На споръ были вызваны государемъ въ Москву нарочитые въ то время авторитеты: новгородскій владыка Ѳеофанъ и ростовскій Вассіанъ. Пересмотрѣны были всѣ уставы, но нигдѣ не найдено, какъ должно ходить кругомъ, сказано ходить кругомъ церкви, а какъ ходить — вправо или влѣво — умолчано. «И много спиравшеся, не обрѣтоша истины». Споръ длился четыре года. Въ это время въ Москвѣ приготовлено было къ освященію нѣсколько церквей и придѣловъ; государь настаивалъ на посолонномъ ихъ освященіи, а митрополитъ стоялъ за противусолоніе, и изъ-за этого спора церкви оставались неосвященными. Наконецъ, дошло до того, что митрополитъ временно оставилъ митрополію, рѣшившись, — ежели государь «ѣхавъ не добіетъ ему челомъ, и роптанія того не оставитъ, что посолонь ходити,—до конца оставити санъ митрополитскій и въ келіи жити». Государь, сдался наконецъ, предоставивъ ему освящать церкви «якоже велитъ». «Устава же не учинили».

«Въ жалобахъ государю на митрополита,—продолжаетъ новѣйшій расколъ далѣе, — въ столь рѣшительномъ вмѣшательствѣ государя въ дѣла обряда, въ серьёзности, продолжительности, всенародности и, можно сказать, государственности изслѣдованій, въ словахъ государя: «яко того ради гнѣвъ Божій приходитъ», въ самомъ гнѣвѣ его на митрополита, не ясно ли высказывается, что противусолонное хожденіе, употребленное митрополитомъ Геронтіемъ, было для Москвы дѣломъ, болѣе нежели необычайнымъ, было такимъ нарушеніемъ обычая церкви, «коего ради гнѣвъ Божій приходитъ». Устойчивость же русскихъ на томъ, что было прежде, указываетъ значительную давность утвердившагося въ Москвѣ посолонія... Устава не учинили. Но споръ между государемъ и митрополитомъ, споръ, о которомъ знала и, слѣдовательно, въ которомъ по праву и по духу того времени принимала участіе вся Россія, не могъ пройти безслѣдно, не могъ не возбудить новыхъ усиленныхъ изслѣдованій и соображеній, не могъ остаться нерѣшеннымъ. Лѣтописи не записали намъ самого процесса этого рѣшенія, но церковно-богослужебныя книги, печатанныя при первыхъ пяти патріархахъ, представляютъ намъ по этому предмету результатъ изслѣдованій и соображеній. Посолоніе одержало верхъ и принято единственно обязательнымъ при совершеніи крестныхъ ходовъ и браковъ.

«*Что сказано о кругохожденіяхъ*, — заключаетъ новѣйшій расколъ по этому поводу, — то, конечно, должно разумѣть и о всѣхъ прочихъ обрядовыхъ вопросахъ, кои, подобно кругохожденіямъ, съ незапамятныхъ временъ подвергались изслѣдованіямъ, имѣли свою исторію, хотя и неписанную, проходили періоды броженія, колебаній и борьбы, но которыя ко временамъ патріаршимъ были рѣшены окончательно. А что книги, печатанныя при перво-патріархахъ, представляютъ окончательный результатъ изслѣдованій и совокупно-церковное рѣшеніе этихъ вопросовъ, это свидѣтельствуется тѣмъ, что противу рѣшеній, выраженныхъ сими книгами, не слышно было въ Россіи *ни одного протеста* до патріарха Никона» [1]).

Очевидно, новѣйшій расколъ всѣмъ этимъ разсужденіемъ говоритъ объ историческомъ происхожденіи нашихъ раскольническихъ обрядовъ, хочетъ доказать, что они произведеніе—чисто-русскаго, національнаго благочестиваго чувства, произведеніе историческое, вѣковое. Эта теорія не похожа на прежнюю раскольническую. Прежній расколъ доказывалъ, что содержимые имъ

1) Лист. 5 и 6 на оборотѣ, 9, 12, 13, 31 и 74. Тоже и въ „Объясненіи“ И. В., л. 6.

обряды древнѣе Никоновскихъ, что они,—вообще говоря,—ведутъ свое начало отъ самыхъ первыхъ временъ христіанства. Нынѣшній же этого не говоритъ. Онъ не оспариваетъ древности православныхъ обрядовъ сравнительно съ своими, даже видимо признаетъ ее. Онъ говоритъ только, что его обряды суть обряды чисто русскаго происхожденія, выработаны русскимъ благочестіемъ, вѣковою его практикою, — что они вслѣдствіе этого обязательны для всѣхъ русскихъ и что, стало быть, они несправедливо осуждены соборомъ 1666—67 гг.

Теорія эта, какъ всякій видитъ, смѣла и представлена въ рѣшительномъ видѣ. Послѣ этого мы въ правѣ ожидать отъ новѣйшаго раскола, что онъ ни въ чемъ не измѣнитъ ей, — неуклончиво проведетъ ее до конца въ своемъ возраженіи противъ собора. Однако этого не случилось.

Разбирая статью: «Разсужденіе о томъ, какое крестное знаменіе употреблялось въ древней Руси», новѣйшій расколъ начинаетъ разсуждать: «Чтобы знать,—говоритъ онъ,—какъ древніе христіане русской церкви слагали персты для крестнаго знаменія, важно знать, какое перстосложеніе приняли они отъ грековъ, такъ сказать, въ моментъ своего просвѣщенія христіанскою вѣрою. Это потому важно, что разъ и такъ торжественно принявъ то или другое перстосложеніе вмѣстѣ съ вѣрою, предки наши, по коренному духу русскаго народа, должны были это перстосложеніе сохранить неизмѣнно: сѣки, руби руку, но она не сложится иначе, какъ научили отцы и предки. Но время принятія нами христіанства при равноапостольномъ Владимірѣ было временемъ господствованія во всей вселенской церкви сложенія двуперстнаго. Слѣдовательно, нашими предками отъ церкви греческой могло быть принято сложеніе не иное, какъ двуперстное. Это положеніе сдѣлается убѣдительнѣйшимъ, если мы припомнимъ, что еще до торжественнаго принятія Россіею христіанства, вѣра христіанская имѣла уже у насъ своихъ послѣдователей, а съ вѣрою, конечно, и перстосложеніе, которое у сихъ первоначальныхъ кіевскихъ христіанъ еще менѣе могло быть недвуперстнымъ. Переносясь же мысленно въ эпоху торжественнаго принятія нами христіанства, и догадываясь, что старые кіевскіе христіане должны были быть крестными отцами и вообще руководителями новопросвѣщенныхъ, мы можемъ съ полною увѣренностію признать, что двуперстное, а не другое сложеніе было принято новообращенными изъ язычества нашими предками. Да, древняя Русь, при принятіи ею христіанской вѣры, не могла принять отъ грековъ иного перстосложенія, кромѣ двуперстнаго, а принявши его разъ

и такъ торжественно, не могла не сохранить его не только до нашихъ дней, но и на грядущія времена». («Расколъ не есть ересь и старообрядцы не еретики», брошюра, л. 19 на оборотѣ, 20, 25 и 29).

Итакъ,—двуперстіе перешло къ намъ, на Русь отъ грековъ. Слѣдовательно, оно вовсе не есть произведеніе національнаго, чисто русскаго благочестія, а между тѣмъ новѣйшій расколъ настойчиво, какъ мы видѣли, утверждаетъ, что содержимые старообрядцами обряды вполнѣ національны и въ силу этого протестуютъ противъ соборнаго отверженія ихъ.

Противъ того, что «образованіе въ нашемъ отечествѣ старообрядства имѣетъ историческое основаніе», мы, конечно, ничего не имѣемъ сказать; это — правда. Но со взглядомъ новѣйшаго раскола на самый процессъ образованія раскольническихъ обрядовъ, съ тѣмъ, что «обрядовые вопросы съ незапамятныхъ временъ подвергались изслѣдованіямъ, имѣли свою исторію, хотя и не писанную, проходили періоды броженій, колебаній и борьбы, но которые во временамъ патріаршимъ были рѣшены окончательно», съ тѣмъ, что они суть вѣковой продуктъ русскаго благочестія, нельзя согласиться.

Разсказавши споръ государя Ивана Васильевича III съ митрополитомъ Геронтіемъ изъ-за посолонія, новѣйшій расколъ вслѣдъ за тѣмъ даетъ ему такое толкованіе: «Не ясно ли,—спрашиваетъ онъ,—высказывается въ этомъ спорѣ, что противусолоннее хожденіе, употребленное митрополитомъ Геронтіемъ, было для Москвы дѣломъ, болѣе нежели необычайнымъ, было такимъ нарушеніемъ обычая церкви, «коего ради гнѣвъ Божій приходитъ». Устойчивость же русскихъ на томъ, чтó было прежде, указываетъ значительную давность утвердившагося въ Москвѣ посолонія». Этими словами онъ, видимо, силится доказать, что обычай «посолонія» появился въ Россіи съ незапамятныхъ временъ, что онъ выработанъ практикою всей русской церкви. Но самое простое объясненіе этого спора, а главное, добросовѣстное отношеніе къ нему, не допускаютъ этого вывода. Споръ этотъ показываетъ только, что посолоніе начало-было въ ту пору входить въ обыкновеніе. Да и то гдѣ? Въ одной только Москвѣ. Лѣтописецъ своимъ разсказомъ объ этомъ спорѣ не допускаетъ бóльшаго. Утверждать же, что посолоніе было давнимъ обычаемъ всей русской церкви, что за него стояла передъ митрополитомъ вся Россія—нѣтъ никакого основанія. Если бы это было такъ, если бы въ этомъ спорѣ «по праву и по духу того времени принимала участіе вся Россія», то противусолоніе не одержало бы въ этомъ случаѣ верха. Рус-

скій народъ, во главѣ съ царемъ своимъ, «по духу того времени и по праву», которое, по мнѣнію новѣйшаго раскола, извѣстно уже намъ въ чемъ состоитъ, никогда не допустилъ бы митрополиту измѣнять давніе, родные свои обычаи. Онъ скорѣе согласился бы на оставленіе послѣднимъ своей каѳедры, чѣмъ на измѣну своему родному обычаю, который въ ту пору уже равнозначущъ былъ въ его глазахъ самому догмату. Примѣръ этому—участь епископа ростовскаго Нестора, который лишенъ былъ своей каѳедры за то только, что не разрѣшалъ поста въ среду и пятницу, когда въ эти дни случались извѣстные праздники. Съ Геронтіемъ, однакожъ, подобнаго ничего не случилось. Это—во-первыхъ.

Во-вторыхъ, споръ этотъ переданъ новѣйшимъ расколомъ невѣрно, несогласно съ лѣтописью. Приводя въ своемъ разсказѣ характеристическія мѣста этого спора подлинными словами лѣтописи, онъ, само собою, долженъ былъ *всѣ* характерныя черты этого спора передать буквально. А между тѣмъ онъ этого не сдѣлалъ. Въ своемъ разсказѣ онъ тѣ только мѣста лѣтописи передаетъ собственными ея словами, которыя, очевидно, можно объяснять ему въ свою пользу. Другія же мѣста ея, которыя говорятъ противъ него, онъ передаетъ своими словами и искажаетъ мысль лѣтописца. Въ разсказѣ о томъ, какъ царь узналъ о противосолоніи, совершенномъ митрополитомъ Геронтіемъ при освященіи Успенскаго собора, онъ такъ выражается: «дѣйствіе митрополита показалось Москвѣ *столь необычайнымъ,* что *жалобы* на него доведены были до государя.» Между тѣмъ лѣтопись это передаетъ такъ, что только «*нѣціи прелестнии клеветаша* на митрополита князю» [1]). Очевидно, что слова лѣтописца и слова новѣйшаго раскола, говоря объ одномъ и томъ же предметѣ, говорятъ въ то же время различно,—расходятся между собою въ указаніи побужденій, которыми руководились доносчики царю на митрополита. Новѣйшій расколъ своими словами выражаетъ ту мысль, что дѣйствіе митрополита оскорбило благочестивое чувство Москвы, оскорбило старину, достойную всякаго уваженія и оскорбило такъ глубоко, что на него за это стали жаловаться даже самому государю. Лѣтопись же доносчиковъ называетъ прямо *прелестниками, клеветниками,* т.-е. такими людьми, которые донесли государю о поступкѣ митрополита далеко не по тому одному, что этотъ его поступокъ оскорбилъ святое ихъ чувство къ старинѣ, а совсѣмъ изъ какихъ-то темныхъ,

---

[1]) Софійскій Временникъ, ч. II, стр. 202.

заднихъ разсчетовъ. Главнымъ мотивомъ доноса ихъ было что-то тайное, чего въ точности опредѣлить нельзя, но что тѣмъ не менѣе видно изъ словъ лѣтописца. Иначе онъ не выразился бы такъ нецеремонно, не обозвалъ бы клеветниками людей, донесшихъ Ивану Васильевичу о поступкѣ митрополита Геронтія. Кому же больше вѣрить—лѣтописи ли, или новѣйшему расколу?... Конечно, доносъ свой «прелестники» могли представить царю въ благовидномъ образѣ, что́, вѣроятно, они и сдѣлали. Царь имъ повѣрилъ и занялся разслѣдованіемъ этого поступка митрополита.

Описывая затѣмъ самый споръ, новѣйшій расколъ утверждаетъ, что тогда «пересмотрѣны были *всѣ* уставы и нигдѣ не найдено, какъ должно ходить кругомъ.»—Этого нельзя сказать; лѣтопись эту мысль выражаетъ слишкомъ обще. Она говоритъ, что «написанія не обрѣте о свещеніи церкви»—и только. Откуда же онъ видитъ, что тогда «пересмотрѣны были по этому случаю *всѣ* уставы», т.-е. и древніе русскіе, и греческіе? Да и могли ли спорившіе это сдѣлать? Сомнительно. Это сомнѣніе наше можетъ перейти въ полное утвержденіе, если мы вспомнимъ, что то время въ нашей исторіи, когда происходилъ этотъ споръ, было уже временемъ крайняго упадка въ просвѣщеніи. Между тѣмъ, въ этомъ случаѣ (т.-е. въ изложеніи спора) слѣдующія слова лѣтописи: «но вси священники, и книжники, и иноки, и *міряне* по митрополитѣ глаголаху, а по великомъ князѣ *мало* ихъ,—единъ владыка ростовской князь Асафъ да архимандритъ чудовской Генадей», новѣйшій расколъ совсѣмъ опустилъ, счёлъ полезнымъ для себя не придавать имъ никакого значенія [1]). И это понятно почему. Они, какъ видитъ всякій, идутъ въ разрѣзъ съ его теоріей,—съ тѣмъ толкованіемъ, какое онъ даетъ этому спору. Сказавши, что «священники, и книжники, и иноки, и даже міряне» стояли въ этомъ спорѣ за митрополита, новѣйшій расколъ послѣ этого безъ явной логической непослѣдовательности уже не могъ бы доказывать, что «дѣйствіе митрополита показалось Москвѣ необычайнымъ», что «устойчивость русскихъ на томъ, что́ было прежде, указываетъ значительную давность утвердившагося въ Москвѣ посолонія» и проч. Большинство голосовъ за митрополита и даже, по тогдашнему, передовое («и книжники, — говоритъ лѣтопись,—и иноки»), заградило бы ему уста утверждать послѣднее. Всякій, прочитавши эти слова лѣтописи въ разсказѣ объ этомъ спорѣ, тотчасъ понялъ бы, что дѣло вовсе было не такъ, какъ его рисуетъ новѣйшій расколъ, что истина скорѣе

---

[1]) Тамъ же, стр. 224.

была на сторонѣ митрополита, чѣмъ на сторонѣ его доносчиковъ, прелестниковъ. И это — правда. Старые обычаи, конечно, болѣе были знакомы митрополиту, инокамъ, священникамъ и тогдашнимъ книжникамъ, какъ людямъ, по самому положенію своей жизни обязаннымъ беречь церковную старину, чѣмъ какому-нибудь князю Асафу, быть можетъ, даже и неграмотному, что́ въ ту пору, извѣстно, было нерѣдкость.

«Устава же не учинили», заключаетъ новѣйшій расколъ. Но почему, спрашивается? Прямого отвѣта онъ на это не даетъ. Но судя по тону самаго разсказа его объ этомъ спорѣ, по толкованію, какое онъ наводитъ на него и особенно потому, что «посолоніе», современемъ, все-таки, по его понятію, одержало верхъ надъ противосолоніемъ, мы, кажется, не ошибемся, если скажемъ, что новѣйшій расколъ видитъ причину этого въ томъ, что великій князь и его три сторонника, хотя и уступили изъ какихъ-то разсчетовъ митрополиту въ этомъ спорѣ, однако, на увѣковѣченіе противосолонія, какъ обычая, мнимо противнаго неписанной старинѣ, вѣрно, не согласились бы, если бы митрополитъ захотѣлъ этого. Такъ ли это, — имѣлъ ли подобныя побужденія митрополитъ Геронтій, захотѣлъ ли бы идти противъ нихъ великій князь— неизвѣстно; лѣтопись даже ничего не намекаетъ на счетъ этого. Не станемъ и мы вдаваться по этому поводу въ болѣе или менѣе произвольныя предположенія; это—излишне. Скажемъ только въ заключеніе нашего разсмотрѣнія разсказа лѣтописи о спорѣ митрополита съ великимъ княземъ изъ-за посолонія, что «старина» въ этомъ случаѣ все-таки одержала верхъ.

Слѣдствіе отсюда ясно и понятно. Если защитники «посолонія» согласились съ митрополитомъ, согласились, чтобы онъ освящалъ церкви противосолонно — *«какъ было въ старину»* [1]); то понятно, что обычай «посолонія» вовсе уже послѣ этого не можетъ считаться продуктомъ русскаго благочестія, выработаннымъ послѣднимъ еще съ *незапамятныхъ временъ,* что́ такъ хотѣлось новѣйшему расколу доказать искаженнымъ своимъ разсказомъ объ этомъ спорѣ. Гораздо правдивѣе, ближе къ истинѣ будетъ, если положимъ, что «посолоніе» въ ту пору только начинало-было входить въ употребленіе въ одной Москвѣ. Лѣтопись своимъ разсказомъ о разобранномъ нами спорѣ не допускаетъ, по крайней мѣрѣ, какъ мы видѣли, другого вывода. «Противосолоніе» она прямо называетъ *стариною,* а сторонниковъ «посолонія» — *клеветниками, прелестниками,* чего ужъ, конечно, она не сдѣлала

---

[1]) Тамъ же, стр. 202.

бы, если бы послѣдній обычай былъ употребляемъ въ русской церковной практикѣ еще съ незапамятныхъ временъ.

Не основательнѣе и другое положеніе новѣйшаго раскола, которымъ онъ старается подтвердить эту же свою теорію. Положеніе это — то, что «обряды, содержимые старообрядцами, представляютъ собою окончательный результатъ изслѣдованій и соображеній всей русской церкви», по той, будто бы, причинѣ, что, «внесеніе ихъ въ книги, печатанныя при первопатріархахъ, не встрѣчало тогда себѣ ни откуда противорѣчія.»

Очевидно, что и это не болѣе, какъ одно простое соображеніе новѣйшаго раскола. Почему,—спрашивается,—онъ кромѣ книгъ ни на что болѣе въ этомъ случаѣ не ссылается? «Лѣтописи, — говоритъ онъ,—молчатъ объ этомъ.» Да почему молчатъ? Лѣтопись же записала намъ споръ изъ-за посолонія. Развѣ «усиленныя изслѣдованія и соображенія» русской церкви о двуперстіи, напримѣръ, седмипросфоріи менѣе значущи были для лѣтописца, чѣмъ посолоніе? Не можетъ быть. Лѣтописи, какъ извѣстно, записывали даже несравненно маловажнѣе происшествія, чѣмъ «усиленныя изслѣдованія» русской церкви относительно обрядовыхъ вопросовъ. При томъ церковно-обрядовомъ направленіи русской жизни, какое въ особенности замѣтно въ XV-мъ и XVI-мъ вѣкахъ, подобное предположеніе невозможно. Если же лѣтописи молчатъ объ «усиленныхъ изслѣдованіяхъ и соображеніяхъ» русской церкви относительно обрядовыхъ вопросовъ,—это вѣрный знакъ, что ихъ не было.

Почему, далѣе, новѣйшій расколъ не ссылается даже на опредѣленія Стоглаваго собора, такъ уважаемыя старообрядцами? Потому, вѣроятно, что онъ побоялся тутъ того противорѣчія, въ которое бы онъ тогда неминуемо впалъ на одномъ и томъ же листѣ своего сочиненія. Ссылка на опредѣленія Стоглава тогда подрывала бы ту его мысль, что «изслѣдованія и рѣшенія по обрядовымъ вопросамъ имѣли свою исторію, хотя и не писанную, что раскольническіе обряды—продуктъ чисто *русскаго* національнаго благочестія».

Да и самыя «книги, напечатанныя при перво-патріархахъ», доказываютъ ли то, что̀ хочетъ видѣть въ нихъ новѣйшій расколъ? Если «изслѣдованія и соображенія» русской церкви относительно обрядовыхъ вопросовъ ко временамъ патріаршимъ были уже рѣшены окончательно, то книги эти, въ дѣлѣ обряда и вообще «отличительныхъ особенностей старообрядства», должны, конечно, имѣть прежде всего возможно полную однообразность, правильность. Между тѣмъ этого-то въ нихъ и не замѣчается.

Фактовъ на это можно представить множество. Въ большомъ Катехизисѣ 1627 года на оборотѣ пятаго листа, на вопросъ: «како сіе бываетъ?» какъ, т.-е. сложеніе перстовъ въ крестномъ знаменіи «показуетъ велію тайну вѣры христіанскія», —дается такой отвѣтъ: «три персты ровно имѣти, великій со двѣма малыми вкупѣ слагаеми... А два перста имѣти наклонены, а не простерты.» Ясно,—здѣсь говорится о двуперстіи. Но между тѣмъ въ предыдущемъ отвѣтѣ на вопросъ: «како на себѣ достоитъ намъ честный крестъ полагати и знаменоватися имъ», сказано: «сице знаменаемся имъ: сложивше убо три персты десныя руки и возлагаемъ на чело.» Послѣдующій же вопросъ прямо ставится такъ: «безъ таковаго же сложенія тріехъ перстовъ не возможно ли знаменатися всѣми персты, или единымъ?» Въ обоихъ этихъ случаяхъ уже, очевидно, предписывается троеперстіе; тутъ ни слова нѣтъ о двуперстіи. Въ Кирилловой книгѣ 1644 года, въ главѣ XIV, въ словѣ о крестѣ, говорится тоже, что «три перста сложити въ мѣсто, великій и малый, и третій, что подле малаго... Два же перста вышъній и средній великій въ мѣсто сложити и протянути.» Между тѣмъ, въ главѣ XXVI, «о латынскихъ ересѣхъ,» Константинъ Панагіотъ укоряетъ кардинала Ивана Азимита такъ: «почто не согбаеши три персты, но твориши крестъ обоими персты?... На колѣну покляческши шепча и твориши крестъ на земли со обѣма перстома?» Ясно, что тутъ говорится о двуперстіи; оно порицается здѣсь какъ одна изъ семидесяти двухъ латинскихъ ересей.

Неисправность тогдашнихъ, печатавшихся при перво-патріархахъ, книгъ сознавали не только одни справщики, издатели ихъ, но и другія лица. Патріархъ Филаретъ, отобравшія въ 1633 году окружною грамотою уставъ 1610 года, просто-напросто приказалъ его сжечь: «для того,—какъ сказано въ грамотѣ,—что тѣ уставы печаталъ воръ, бражникъ, Троецкаго Сергіева монастыря крылошанинъ, чернецъ Логинъ, безъ благословенія святѣйшаго Ермогена, и всего священнаго собору, и многія въ тѣхъ уставѣхъ статьи напечатаны не по апостольскому и не по отеческому преданію, своимъ самовольствомъ» [1]). Въ послѣсловіи къ книгѣ Іоанна Лѣствичника, изд. въ Москвѣ 1647 г., о царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ говорится, что онъ «видѣлъ въ книгахъ многое неисправленіе» [2]). Самъ патріархъ Іосифъ жаловался на неисправность тогдашнихъ нашихъ церковно-богослужеб-

---

1) Ист. рус. раскола, Макарія, 124.

2) Тамъ же, 117.

ныхъ книгъ, сознаваясь, что теперь «не обрящешь право писанную безъ порока, по узаконенному правилу св. отецъ, книгу въ церквахъ» [1]). Многія книги, наконецъ, изданныя при патр. Іоасафѣ и Іосифѣ, были перепечатываемы съ прежнихъ уже напечатанныхъ и перепечатываемы, главное, съ измѣненіемъ послѣднихъ. Очевидный знакъ, что прежнія книги, напечатанныя до патр. Іоасафа и Іосифа, признавались этими іерархами и современниками ихъ за неудовлетворительныя.

Всѣ эти и подобныя свидѣтельства ясно говорятъ, что книги, изданныя при перво-патріархахъ, далеко не имѣли того однообразія и правильности относительно «отличительныхъ особенностей старообрядства», какую онѣ должны были бы имѣть, если бы изслѣдованія послѣднихъ къ тому времени «окончательно были рѣшены русскою церковію», если бы онѣ «явились результатомъ усиленныхъ соображеній всей ея вѣковой предшествовавшей практики». Эти свидѣтельства показываютъ, что и «внесеніе отличительныхъ особенной старообрядства» въ печатавшіяся тогда книги несовсѣмъ не встрѣчало протеста со стороны современниковъ. Сознаніе справщиковъ-издателей въ неисправности тогдашнихъ книгъ, недовольство ими другихъ современниковъ, есть уже своего рода протестъ противъ этого внесенія, только, разумѣется, слабый. А если это внесеніе и не встрѣчало тогда себѣ протеста, подобнаго, напр., тому, какой встрѣтилъ царь Иванъ Васильевичъ за посолоніе отъ митрополита, то это, по нашему мнѣнію, происходило отъ того, что большая часть раскольническихъ обрядовъ въ ту пору уже распространена была въ обществѣ и что, главное, исправленіе и печатаніе книгъ производилось тогда очень неудовлетворительнымъ образомъ.

Что обряды эти распространены были тогда въ русскомъ обществѣ, это объясняется очень естественнымъ образомъ. Оно подготовлено было къ тому цѣлымъ предшествующимъ (XVI) вѣкомъ. Просвѣщеніе въ обществѣ въ ту пору стояло на самой низшей степени; средствъ къ образованію никакихъ почти не было. А между тѣмъ, стремленіе къ нему было еще у многихъ. Чѣмъ же они могли удовлетворить ему? Одними церковно-богослужебными книгами, наполненными ошибками, да разными сборниками. И кто же, главное, могъ руководить ими въ этомъ случаѣ, объяснять имъ темныя мѣста книгъ? Ужъ, конечно, не священники, которые въ то время сами «едва брели» по книгамъ. Являлись, естественно, самозванцы-толкователи, начётчики.

[1]) Истор. извѣст. о раскол., 60.

Любознательные и имъ были рады. И чѣмъ темнѣе, туманнѣе говорилъ имъ говорунъ-начётчикъ, тѣмъ ему болѣе и довѣряли. Да и нельзя было ему не повѣрить; онъ все говоритъ о возвышенныхъ, божественныхъ предметахъ и ссылается то-и-дѣло, въ подтвержденіе своихъ словъ, на писанія св. отцовъ. Иногда такіе говоруны писали даже книжки. И книжки эти расходились по рукамъ, читались и перечитывались, особенно если авторы ихъ, или переписчики, подписывали на нихъ имя какого-нибудь знаменитаго отца церкви. Въ XV-мъ, напр., вѣкѣ, извѣстно, во Псковѣ разсуждали о томъ: двоить или троить божественное аллилуіа. Извѣстный Геннадій спрашивалъ объ этомъ даже толмача Дмитрія Грека. Дмитрій отвѣтилъ ему, что то и другое можно допустить. Геннадій на этомъ успокоился, но не успокоились другіе. И вотъ, въ 1547 году явилось извѣстное житіе препод. Евфросина, составленное клирикомъ Василіемъ (Варлаамомъ) спустя уже около семидесяти лѣтъ по смерти святого. Въ этомъ житіи провозглашено, что только сугубая аллилуіа есть правильная. Подобнымъ же образомъ явилось въ ту пору и ученіе о двуперстіи. Естественно, что русское общество XVII-го вѣка, какъ необразованное и въ то же время подготовленное къ принятію этихъ мнѣній прежнимъ временемъ, не могло подвергнуть ихъ правильной, должной оцѣнкѣ, когда они стали вводиться справщиками-издателями въ тогдашнія церковно-богослужебныя книги. Этого мало: оно даже побоялось бы приняться за это дѣло. Мнѣнія эти, какъ извѣстно, утверждены были самимъ Стоглавымъ соборомъ и вносились въ печатаемыя при перво-патріархахъ книги, людьми, по тогдашнему, все учеными, передовыми, пользовавшимися большимъ довѣріемъ отъ самого двора и патріарховъ.

Далѣе, чтобы внесеніе раскольническихъ обрядовъ въ печатавшіяся тогда книги могло себѣ встрѣтить отпоръ со стороны самихъ справщиковъ-издателей, — для этого имъ нужно было быть людьми образованными и добросовѣстными. Печатавшіяся при перво-патріархахъ книги тогда, понятно, были бы правильны, когда бы завѣдывавшіе этимъ дѣломъ дѣятели свѣряли ихъ напередъ—прежде печатанія—съ древними харатейными славянскими и греческими книгами, когда бы это исправленіе совершалось соборнымъ образомъ. Но всѣ эти условія, при выполненіи которыхъ раскольническимъ обрядамъ трудно было бы тогда войти въ печатныя книги, нашими предками, частію по недосмотру, а еще болѣе по невозможности найти въ Великороссіи способныхъ людей для этого дѣла, совсѣмъ почти не соблюдались. И одни

справщики-издатели тогдашнихъ нашихъ церковно-богослужебныхъ книгъ вносили раскольническіе обряды въ послѣднія просто по своему незнанію достоинства этихъ обрядовъ, а другіе—по упорной привязанности къ нимъ.

При первыхъ нашихъ патріархахъ, Іовѣ и Гермогенѣ, дѣло исправленія и печатанія церковно-богослужебныхъ книгъ производилось въ очень жалкомъ видѣ. Занимавшіеся пересмотромъ рукописей для печати, греческаго языка не знали [1]). Многія книги издавались даже безъ благословенія патріарховъ. Извѣстный уже намъ чернецъ Логгинъ, въ 1610 году издалъ, напр., безъ благословенія патріарха уставъ. Другія же книги, хотя издавались и съ благословенія и даже съ освидѣтельствованіемъ ихъ отъ патріарховъ, но только это свидѣтельство состояло въ одномъ томъ, что они наблюдали за согласіемъ печатнаго текста съ избраннымъ рукописнымъ подлинникомъ, производилось уже, значитъ, во время самаго печатанія книгъ [2]). Послѣ этихъ патріарховъ дѣло исправленія книгъ стало-было принимать надлежащій видъ. Служебникъ тогда, извѣстно, стали-было исправлять по древнимъ славянскимъ и вмѣстѣ греческимъ спискамъ. Но попытка эта не удалась; участь Діонисія, архимандрита Троицко-Сергіева монастыря, главнаго справщика этой книги, и его товарищей по этому дѣлу извѣстна. И хотя многочисленныя погрѣшности, указанныя препод. Діонисіемъ въ прежденапечатанныхъ книгахъ и научили патріарха Филарета быть повнимательнѣе къ дѣлу исправленія и печатанія книгъ, однако и онъ, свѣряя однѣ книги съ «харатейными списками добрыхъ переводовъ», другія дозволялъ издавать только съ своего благословенія и освидѣтельствованія, а иныя и вовсе съ одного своего благословенія. При патр. Іоасафѣ это дѣло производилось уже съ меньшимъ вниманіемъ. Правда, и при немъ требовались изъ монастырей древнія харатейныя книги. Но неизвѣстно, какъ производилось исправленіе по этимъ книгамъ. Дѣятельность же самого патріарха въ этомъ дѣлѣ ограничивалась большею частію тѣмъ только, что онъ благословлялъ издавать книги. При немъ дѣло исправленія и печатанія книгъ было въ рукахъ однихъ почти справщиковъ и типографщиковъ. При его преемникѣ, патріархѣ Іосифѣ, справщики и типографщики совсѣмъ, наконецъ, завладѣли дѣломъ исправленія и печатанія книгъ. Будучи весьма ревностнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ престарѣлымъ и слабымъ, онъ это

[1]) Исторія русск. церкви, Филарета, т. IV, стр. 153—154.
[2]) Ист. русск. раскола, Макарія, 111.

дѣло предоставилъ въ полное распоряженіе послѣднихъ [1]). Извѣстные справщики-издатели эти — І. Нероновъ, пр. Аввакумъ, пустосвятъ Никита, Степ. Вонифатьевъ и многіе другіе—распоряжались на печатномъ дворѣ какъ дома; кáкъ хотѣли, такъ и исправляли книги. Греческими книгами въ этомъ случаѣ они совсѣмъ не пользовались. Въ послѣсловіи къ Шестодневу 1651 года они прямо говорятъ, что «съ прежнихъ переводовъ печатахомъ (сію книгу), а греческихъ еще не видѣхомъ» [2]). Пропитанные раскольническими мыслями, они только и старались о томъ, чтобы поскорѣе ввести ихъ въ церковно-богослужебныя книги, и тѣмъ, такъ сказать, оканонизовать ихъ. Извѣстный ученикъ препод. Діонисія, Симонъ Азарьевъ, говоритъ объ нихъ: «Въ оно время (около 1647 года) изволеніемъ самодержца, государя Алексія Михайловича, преподоб. Сергія житіе повелѣно бысть напечатати: сія же, яже отъ насъ быша написана, самодержецъ ту же повелѣ напечатати; печатницыжъ, иже на печатномъ дворѣ, тѣхъ новыхъ чудесъ яко тридесять и пять главизнъ напечаташа въ Сергіеву книгу, яже отъ насъ принесена быша, прочая же отъ чудесъ въ небреженіи положиша. И якоже они возгордѣвшеся и небрегоша о чудесѣхъ святаго, аще нѣцыи отъ нихъ и сами въ небреженіи животъ свой препроводиша, истину бо глаголаху ложь быти и вмѣняху въ случай, а не въ чудеса, якоже о источницѣ новоявльшагося кладезя, иже у церкви пречистыя Богородицы у паперти, небрегоша по истинѣ напечатати, и послѣди уже напечаташа съ понужденіемъ, но не по истинѣ, но нѣкую ложь отъ своего вымыслу приложише... яко совѣстію своею зазираеми бяху и иныя отъ чудесъ святаго изринуша и напечатати небрегоша» [3]).

Оказывается, такимъ образомъ, что нѣтъ ничего особенно важнаго и въ томъ, что внесеніе раскольническихъ обрядовъ въ книги, изданныя при перво-патріархахъ, не встрѣчало тогда себѣ ни откуда большого протеста. Какъ самое общество, такъ и тогдашній образъ исправленія и печатанія церковно-богослужебныхъ книгъ благопріятствовали даже этому. А то и другое, понятно, далеко не составляетъ того, чтобы внесеніе раскольническихъ обрядовъ въ тогдашнія церковныя книги представляло уже собою «результатъ усиленныхъ изслѣдованій и совокупно-церковнаго рѣшенія обрядовыхъ вопросовъ». Соборовъ, которые должны были

---

1) Третье посланіе Игнатія, митроп. Сибирскаго.

2) Ист. русск. раск., Макар., 116.

3) Русскій раск. старообрядства, Щапова, 39—40.

завѣдывать этимъ дѣломъ, какъ мы это уже знаемъ изъ первой главы настоящей статьи, не достаетъ въ этомъ случаѣ.

Итакъ, и это положеніе новѣйшаго раскола не свидѣтельствуетъ объ историчности происхожденія раскольническихъ обрядовъ, не говоритъ, чтобы они были слѣдствіемъ вѣкового чисторусскаго благочестія, которое выработывало ихъ еще съ незапамятныхъ временъ и которое окончательно выработало ихъ ко временамъ патріаршимъ, чтó видно, будто бы, изъ того, что внесеніе ихъ въ печатавшіяся въ ту пору церковно-богослужебныя книги не встрѣчало себѣ ниоткуда протеста.

Неудовлетворительность своей теоріи новѣйшій расколъ и самъ, впрочемъ, какъ будто, сознаетъ. Упоминая о ней въ другихъ мѣстахъ своихъ сочиненій, онъ нерѣдко видимую шаткость ея считаетъ нужнымъ прикрывать отъ глазъ читателей и другого рода соображеніями, которыя могутъ бросать невыгодный свѣтъ на большой Московскій соборъ, такими именно, что «мы имѣемъ полную возможность доказать, что отличительныя особенности старообрядства отличаются отъ поправленныхъ Никономъ еще тщательностію отдѣлки, нарочитою смысленностью» (Новѣйш. челоб. раск., л. 13 и проч.). Но между тѣмъ о «тщательной отдѣлкѣ отличительныхъ особенностей старообрядства» онъ нигдѣ ничего не говоритъ. Относительно же «нарочитой смысленности», заключающейся въ нихъ—представляетъ только слѣдующую теорію: «не нарушая своимъ разнообразіемъ единства въ исповѣданіи вѣры,—разсуждаетъ по этому поводу новѣйшій расколъ,— и не запиная единодушія въ общеніи единославныхъ церкви, одной съ другою, извѣстный обрядъ, при раздѣленіи церкви изъ-за разномыслія въ членахъ вѣры, становится отличительнымъ признакомъ сихъ церквей, знаменемъ православія одной церкви и неправославія другой. И если воинъ царя земного, по ученію церкви, вѣнчается вѣнцомъ мученика, умирая за свое знамя, не за матеріалъ, изъ котораго оно сооружено, а за вѣру и вѣрность, коихъ оно служитъ видимымъ знакомъ; тѣмъ болѣе достоинъ вѣнцевъ членъ церкви воинствующей, умирая, напр., за осмиконечный крестъ, не за число его концевъ, но за православіе, коего осмиконечный крестъ издревле и до сего дня народомъ русскимъ признавался и признается знаменемъ, знаменемъ православія противъ исконнаго врага нашей церкви и отечества—Запада съ его латинствомъ, папизмомъ, іезуитствомъ и польщиной, вторгавшагося къ намъ подъ своимъ знаменемъ, «крыжомъ лятскимъ»... Иначе за что же церковь ублажаетъ братьевъ Маккавеевъ? Вотъ объясненіе, — заключаетъ онъ, — смысленности старообрядства, его

жизненности и несокрушимости, и упорства той борьбы, которую вотъ уже 200 лѣтъ ведетъ оно противъ невѣжественнаго самовластительства» (тамъ же, л. 5 — 6; «Объясн. И. В.», л. 5 на обор.).

Слѣдовательно, раскольническіе обряды служили и служатъ для старообрядцевъ знакомъ православія русской церкви, противъ неправославія другой—западной. Въ этомъ, по убѣжденію новѣйшаго раскола, и заключается «несокрушимость и смысленность старообрядства».

Это объясненіе «смысленности» старообрядства на первый взглядъ дѣйствительно представляется уважительнымъ, говорящимъ за него. Но чѣмъ же, спрашивается, новѣйшій расколъ подтверждаетъ его? По обыкновенію своему—ничѣмъ. Такъ, то и другое свое убѣжденіе онъ считаетъ за аксіому, ясную для всякаго и безъ доказательствъ.

Относительно перваго своего положенія, т.-е. «тщательной отдѣлки отличительныхъ особенностей старообрядства», онъ, —замѣтили мы,—нигдѣ ничего не говоритъ. Почему? Новѣйшій расколъ, вѣроятно, догадался, что разъясненіе имъ этого положенія непремѣнно втянуло бы его въ старинную схоластику, что́ было бы и безполезно и по меньшей мѣрѣ странно. Нынѣ врядъ ли кого изъ мыслящихъ трезво можно убѣдить, что посолоніе, напр., гораздо лучше, вѣрнѣе изображаетъ собою извѣстную церковную идею, чѣмъ противосолоніе и проч. Оставимъ, поэтому, въ сторонѣ всѣ такіе вопросы, тѣмъ болѣе, что дѣло не въ существѣ самихъ обрядовъ, а въ томъ представленіи, какое, по убѣжденію новѣйшаго раскола, русскій народъ изстари, искони соединялъ съ ними. Въ послѣднемъ случаѣ важнѣе будетъ остановиться нѣсколько на «нарочитой смысленности отличительныхъ особенностей старообрядства», которая, по его убѣжденію, состоитъ въ томъ, что «эти особенности» всегда служили и служатъ для старообрядцевъ зна́комъ православія русской церкви, противъ неправославія Запада. Но если двуперстіе служитъ, напр., зна́комъ православія русской церкви противъ неправославія Запада, то это же самое можно сказать и о православномъ троеперстіи: латиняне, какъ извѣстно, слагаютъ крестъ для молитвы не двуперстный и не троеперстный.

Далѣе, подтверждаетъ ли исторія раскола эту его теорію? Если бы «отличительныя особенности» старообрядцевъ служили для нихъ зна́комъ православія русской церкви противъ неправославія Запада, то они никогда и ни въ какомъ случаѣ не придали бы имъ большого значенія. А между тѣмъ первые расколо-

учители весьма смотрѣли на эти «отличительныя особенности старообрядства», и въ нихъ полагали самое существо вѣры. Признавая ихъ коренными догматами христіанской вѣры, старообрядцы, послѣ осужденія ихъ церковію, совсѣмъ отдѣлились отъ послѣдней и одни изъ нихъ стали считать ее за это даже антихристіанскою, еретическою. И подобнаго взгляда на «отличительныя свои особенности» они болѣе или менѣе держались, даже до нашихъ дней. У всякаго еще, притомъ, въ свѣжей памяти тотъ фактъ, какъ раскольники Павловскаго посада, Богородскаго уѣзда, взглянули на имя «Іисусъ», которое окружники провозгласили равнозначущимъ имени «Ісусъ». Въ доношеніи своемъ московскому духовному совѣту они писали: «многіе христіане чрезъ окружное посланіе не довѣряютъ нашимъ церковнымъ учителямъ. Вы пишете, что въ названіи «Іисусъ» нельзя подразумѣвать иного Бога или иного Ісуса. А если такъ не разликовать, то-есть, «Ісусъ» и «Іисусъ», то вы насъ заставляете кланятися тѣмъ наименованіямъ, какія пишутся въ православной церкви на иконахъ, то-есть, Іисусъ. А мы кланяемся Богу «Ісусу», его же пріяша наши отцы и иного Ісуса не пріемлемъ; ибо боимся, не пострадать бы намъ, какъ пострадала церковь во времена Никона [1])». Не позабудется и другой фактъ, какъ извѣстный Софроній по тому же поводу взглянулъ на имя «Іисусъ». Онъ прямо проповѣдовалъ, что «господствующая нынѣ въ Россіи церковь вѣруетъ во иного Бога Іисуса, рожденнаго осьмью годами послѣ Спасителя міра Ісуса Христа», — что подъ именемъ «Іисуса» должно подразумѣвать сына погибели — антихриста». Это ученіе въ 1866 году нѣкоимъ Боженовымъ развито было еще далѣе. Признавая, какъ и Софроній, «Іисуса» инымъ Богомъ, антихристомъ, рожденнымъ спустя восемь лѣтъ послѣ «Ісуса», — онъ еще училъ, что «Іисусъ» родился точно также отъ матери Маріи, которая къ зачатію его — антихриста — была освящена наитіемъ Святаго Духа чрезъ слова архангела Гавріила, — что этотъ антихристъ распятъ на двучастномъ крестѣ и что вѣрующіе въ него имѣютъ свое крещеніе, также во имя св. Троицы, — свою хиротонію, свою просфору съ изображеніемъ четвероконечнаго креста и проч. Ученіе это утверждено даже митрополитомъ Кирилломъ, какъ «сочиненное отъ божественнаго писанія и отъ св. правилъ [2])».

Такимъ образомъ выходитъ, что не только прежній расколъ, но нѣкоторые и изъ современныхъ почти намъ старообрядцевъ,

---

[1]) Чтен. Моск. Общ. ист. и древн., 1865 г., кн. III, стр. 278—281.

[2]) Объ австр. свящ., публ. лекц. Ивановскаго.

мало сочувствующіе теоріямъ новѣйшихъ предводителей раскола смотрятъ на «отличительныя свои особенности» совсѣмъ иначе, придаютъ имъ смыслъ совсѣмъ не тотъ, какой хочется въ нихъ видѣть новѣйшему расколу. Ясно, стало быть, что онъ навязываетъ, усвояетъ двухвѣковому расколу то, чего онъ на самомъ дѣлѣ никогда не имѣлъ, и подрываетъ его въ самомъ его основаніи, уничтожаетъ всю его внутреннюю самостоятельность.

Но главное, могла ли образоваться «тщательная отдѣлка и нарочитая смысленность отличительныхъ особенностей старообрядства» при тѣхъ условіяхъ къ просвѣщенію, какія существовали у насъ въ концѣ XV-го, въ XVI-мъ и первой половинѣ XVII-го вѣковъ? Образованіе какъ духовенства, такъ и въ особенности народа было тогда въ самомъ жалкомъ положеніи. Школъ не было. Малограмотныхъ въ самомъ духовенствѣ было большинство. «Вотъ приводятъ ко мнѣ мужика, — жалуется м. Симону новгородскій арх. Геннадій, — я приказываю ему читать апостолъ, а онъ и ступить не умѣетъ; приказываю дать ему псалтирь, а онъ и по той едва бредетъ. Я отказываю ему (въ священствѣ), и на меня жалобы: земля, господине, такова; не можемъ добыть, кто бы умѣлъ грамотѣ. Бьютъ мнѣ челомъ: пожалуй, господине, вели учить. Приказываю учить эктеніи, а онъ и къ слову пристать не можетъ; ты говоришь ему то, а онъ другое. Приказываю учить азбуку, — а они, немного поучившись азбукѣ, просятся прочь, не хотятъ учить ее. А у меня духу не достаетъ ставить неучей въ священники. Мужики-невѣжи учатъ ребятъ грамотѣ и только портятъ; а между тѣмъ за ученіе вечерни принеси мастеру кашу да гривну денегъ, за утреню тоже, за часы особо. А отойдетъ отъ мастера, и ничего не умѣетъ, — едва-едва бредетъ по книгѣ; а церковнаго порядка вовсе не знаетъ» [1]). Правда, это свидѣтельство говоритъ только объ образованіи новгородскаго духовенства. Но не лучшимъ обладало и московское и все вообще тогдашнее (XVI-го вѣка) русское духовенство. Участь Максима Грека и Стоглавый соборъ — ясный и разительный примѣръ, доказательство этого. «Ставленники, замѣчаетъ послѣдній, хотящіи во діаконы и въ попы ставитися, грамоте мало умѣютъ, и святителемъ ихъ поставити, ино сопротивно священнымъ правиломъ, а не поставити, ино святыя церкви безъ пѣнія будутъ, а православные хрестьяне учнутъ безъ покаянія умирати.... Да о томъ ихъ святители истязуютъ съ великимъ запрещеніемъ: почему мало умѣютъ грамоте, и они отвѣтъ чинятъ: мы-де учимся у своихъ

---

[1]) Акты истор., т. I, стр. 147—148.

отцовъ или у своихъ мастеровъ, а инде намъ учитися негдѣ, сколько отцы наши и мастеры умѣютъ; потому и насъ учатъ. А отцы ихъ и мастеры ихъ и сами потому же мало умѣютъ и силы въ Божественномъ писанiи не знаютъ, а учитися имъ негдѣ» [1]). Характеристикою же образованiя духовенства начала XVII-го вѣка могутъ служить извѣстный процессъ преподобнаго Дiонисiя изъ-за слова: «и огнемъ» и слѣдующiя слова старца Арсенiя: «Есть, государь—пишетъ онъ въ своей челобитной къ боярину Борису Михайловичу—иные таковы, которые на насъ ересь возвели, кои едва азбуку умѣютъ, а то вѣдаю, что не знаютъ, кои въ азбуцѣ письмена гласныя и согласныя и двоегласныя, а еже осьмочастiя слова разумѣти и къ симъ пристоящая, сирѣчь роды и числа, и времена и лица, званiя же и залоги, то имъ ниже на разумъ всхаживало. Священная же философiя и въ рукахъ не была, ея же кто въ искусѣ не былъ, удобь можетъ погрѣшити не точiю въ божественныхъ писанiяхъ, но и въ земскихъ дѣлѣхъ, аще и естествомъ остроуменъ будетъ. Злословящiи насъ точiю черниломъ вѣрятъ и письменомъ единѣмъ внимаютъ, и тѣхъ въ конецъ добрѣ не свѣдятъ; не знаютъ ни православiя, ни кривославiя, божественная же писанiя точiю по чернилу проходятъ, разума же сихъ не нудятъ свѣдѣти» [2]). «Нынѣ въ Софiйскомъ дому ризничаго нѣтъ—писалъ около половины XVII-го вѣка митр. новгородскiй Аффонiй соловецкому игумену Маркеллу — а взять негдѣ, во всѣхъ монастыряхъ добрые старцы перевелись, а которые и есть, и тѣ бражничаютъ, *а грамотѣ не умѣютъ»* [3]).

Если, такимъ образомъ, въ ту пору посвящались по мѣстамъ во священники «мужики»—крайнiе невѣжды, неумѣвшiе ни читать, ни пѣть и не хотѣвшiе даже учиться; если образованiе духовенства во времена Стоглаваго собора состояло только въ механическомъ навыкѣ «писати, пѣти и чести»; если, наконецъ, Арсенiй такъ отзывается въ своей челобитной даже «о лучшихъ архимандритахъ и попахъ», которые часто «ни чимъ же разнствовали невѣжду и поселянина»: то, понятно, какъ духовенство могло выполнять свою священную обязанность—просвѣщать пасомыхъ свѣтомъ религiозно-нравственныхъ истинъ. Вмѣсто проведенiя въ паствѣ здравыхъ религiозно-нравственныхъ истинъ, оно,

---

1) Глава XXV.

2) Русск. раск. старообр., Щапова, стр. 36, 140 и 141. Въ тѣхъ же почти выраженiяхъ Арсенiй характеризуетъ умственное состоянiе современнаго себѣ духовенства и въ посланiи своемъ къ протопопу Ивану Лукьяновичу (см. Правосл. Собесѣдникъ, 1862. августъ, стр. 368).

3) Русск. раск. старообр., Щапова, стр. 187.

наоборотъ, распространяло въ средѣ ея самыя грубыя догматическія и историческія ошибки. Говоря, напримѣръ, отпуски на праздники Богородичные, священники весьма странно упоминали въ нихъ и самыя празднуемыя событія, какъ-бы испрашивая и у нихъ, какъ у самой Богородицы, молитвы за насъ; напримѣръ, въ праздникъ Введенія во храмъ пр. Богородицы говорили: «Христосъ истинный Богъ нашъ, молитвами Пречистыя Его Матери *честнаго и славнаго Ея Введенія*» и проч. Или: нерѣдко въ молитвословіяхъ упоминали вымышленныя имена, читали лишнія суевѣрныя молитвы изъ апокрифическихъ сборниковъ—сельскихъ номоканунцевъ и молитвенниковъ, внесенныя въ церковныя книги [1]).

Что же сама паства? Она коснѣла еще въ бóльшемъ невѣжествѣ. Въ ту пору было нерѣдкость встрѣтить даже вельможъ и бояръ, не умѣвшихъ ни читать, ни писать [2]). Объ остальныхъ же классахъ общества и говорить нечего. Нѣкоторые даже чувствовали предубѣжденіе противъ просвѣщенія, боялись его, какъ болѣзни, какъ ереси. «Какое несчастіе, — говоритъ Курбскій объ этомъ времени, — мнящіися быти учители говорили прельщающе юношей тщаливыхъ къ науцѣ, хотящихъ навыкати писанія, съ прещеніемъ заповѣдывали имъ глаголюще: не читайте книгъ многихъ», и указывали, какъ одинъ отъ книгъ «ума иступилъ», другой «въ книгахъ зашолся», «третій въ ересь впалъ». «О бѣда—восклицаетъ онъ—отнимаютъ оружіе, которымъ еретики обличаются, а другіе исправляются и врачевство смертоноснымъ ядомъ называютъ» [3]). «О, преблагословеннiи россійстіи людіе—говорили восточные патріархи, бывшіе въ Россіи при Алексѣѣ Михайловичѣ—вы Божіимъ милосердіемъ и благодатію ниже ига работы страждете... обаче ученія чуждаетеся волею, малоцѣняще и мудрость предстоящую Богу, не добрѣ о ней держите, презираете ю» [4]). Котошихинъ о томъ же времени замѣчаетъ, что «люди россійскаго государства никакого добраго наученія не пріемлютъ» [5]). Знавшіе же читать, читали «Рафли, Шестокрылъ, Воронограй, Остромій, Зодѣй, Алманахъ, Звѣздочетьи, Аристотель, Аристотелевы врата и иные составы мудрости и коби бѣсовскіе» [6]), читали все, что попадалось подъ руку. Не имѣя подъ руками книгъ, въ

---

1) Тамъ же, стр. 191 и 192.

2) Ист. Россіи, Соловьева, т. VII, стр. 242.

3) Тамъ же, 218; русск. раск. старообр., Щаповъ, 139; Ист. русск. церкви, Филаретъ, III, стр. 95.

4) Русск. раск. стар., Щаповъ, 142.

5) Тамъ же, 145.

6) Стоглавъ, гл. 41, вопр. 22.

которыхъ бы удобопонятно излагались религіозно-нравственныя истины, тогдашніе грамотники, книжники только и читали, что подобные упомянутымъ нами сборники, наполненные статейками обрядоваго содержанія и апокрифами, «отреченными книгами». Въ сборникахъ XVI-го и XVII-го вѣковъ мы часто можемъ встрѣчать статейки въ родѣ, напримѣръ, слѣдующей: «наставленіе о томъ, чтобъ святую воду Богоявленія соблюдати честнѣе самихъ пречистыхъ Св. Таинъ, чтобы если уканетъ или проліется,—мѣсто то изжещи угліемъ горящимъ, или истесать и въ воду вметать, или, если на ризу уканетъ, ризу изрѣзать» и проч. [1]). Что́ же были за «апокрифы»,—это можно видѣть изъ слѣдующей выписки изъ «бесѣды трехъ святителей Григорія Богослова, Ивана Златоуста и Василія Великаго»: «Григорій рече: кто первѣе Бога нарече? Иванъ рече: сатана, иже сверженъ бысть съ небеси. Василій рече: что есть высота небесная, широта земная, глубина морская? И. рече: Петръ проникъ видѣ ризы едины лежаща и сударь иже бѣ на главѣ его не съ ризами лежитъ, но особь свитъ на единомъ мѣстѣ. Г. рече: сударь бѣ два плата служебныя на блюдѣ, а ризы его верхніе небо и преисподняя, вездѣ стоитъ яко риза стихарь шестаго неба его, а поясъ — желѣзное столпіе около великаго моря, на немъ же земля плаваетъ, а патрахиль входъ и исходъ, а подъ поясомъ земля: толстота ея яко отъ востока и до запада, и повелѣ его Господень Ангелъ согнати пену морскую и сотворити землю на трехъ китехъ великихъ, на тридцати малыхъ китахъ заляжетъ тридцать околъ морскихъ, а душа ихъ третія часть райскія воня, идутъ рыбы на ту воню и тѣмъ сыты бываютъ» и проч. «В. рече: гдѣ первѣе Богъ бысть, иже не бѣ свѣта? И. рече: три коморы на небесѣхъ, въ тѣхъ коморехъ агнецемъ туто есть сударь, а свѣту нѣтъ конца. Г. протолкуй ми Троицу. И. рече: въ тѣхъ коморехъ Отецъ и Сынъ и Святый Духъ свѣтъ есть, а другій свѣтъ огнь есть. В. рече: отчего суть ангели сотворени? Г. рече: отъ Духа Господня, отъ свѣта и отъ огня. И. рече: отъ чего солнце сотворено есть? В. рече: отъ нутреннія ризы Господни. Г. рече: отъ чего луна сотворена бысть? В. рече: отъ аера и отъ Престола Господня и отъ воздуха»... Въ томъ же сборникѣ встрѣчаются и такого рода толкованія: «Вопросъ: что есть внукъ рече бабе, положи мя у себѣ, и рече ему баба, како положу тя у себѣ, ты ми отецъ? Толкъ: внукъ есть Христосъ, а баба земля... Егда распяся Господь, и Іосифъ снемъ со креста тѣло Христово и ко гробу не-

---

[1]) Русск. раск. старообр., Щапова, 447—448.

сопа, что ему глаголаше Христосъ? Толкъ: Христосъ рече Іосифу: пой Святый Боже».

Вотъ условія къ образованію русскаго народа въ эпоху происхожденія раскола. Народъ не имѣлъ, да и не могъ имѣть здравыхъ богословскихъ знаній, большинство его пребывало въ младенчествующемъ еще состояніи. Но, чтобы придать извѣстнымъ церковнымъ обрядамъ и обычаямъ «тщательную отдѣлку», чтобы народъ съ ними соединялъ одно извѣстное, болѣе или менѣе разумное, религіозно-нравственное представленіе, для этого ему и особенно вождямъ его нужно имѣть по меньшей мѣрѣ надлежащее познаніе о коренныхъ истинахъ христіанской вѣры,—о значеніи обряда вообще. Откуда же онъ могъ пріобрѣсти то и другое, когда средствъ къ этому у него совсѣмъ не было, — когда грамотники читали одни только апокрифы, а большинство духовенства «едва брело» по книгамъ, едва умѣло «писати, пѣти и чести»? Ясно, что тогдашнее образованіе скорѣе извращало мысль русскаго народа, чѣмъ просвѣщало, скорѣе приковывало ее къ одной буквѣ книги, чѣмъ къ смыслу ея. Нѣтъ ничего удивительнаго послѣ этого, если встрѣчаемъ, что загладить какое-либо безсмысленное выраженіе въ церковно-богослужебной книгѣ, для замѣненія его лучшимъ, значило въ ту пору «загладить великій догматъ премудрый»: «дрожь великая поимала и ужасъ напалъ на меня»,—говоритъ писецъ Михаилъ Медоварецъ,—когда Максимъ Грекъ приказалъ ему уничтожить нѣсколько строкъ въ одной церковно-богослужебной книгѣ [1]). Понятно, что и не иной какой, а именно вышепредставленный нами взглядъ старообрядцевъ на «отличительныя свои особенности» сравнительно съ нашими, православными, долженъ былъ у нихъ выработаться при тогдашнемъ образованіи русскаго народа и—его понятіи о церковно-богослужебныхъ книгахъ.

Итакъ, попытка новѣйшаго раскола—доказать *несправедливость* отверженія старообрядства большимъ Московскимъ соборомъ, оказывается несостоятельною. Два главныя его основанія, на которыхъ онъ въ этомъ случаѣ опирается, не выдерживаютъ самой снисходительной критики.

---

[1]) Русск. раск. старообр., Щапова, 27.

III.

Упомянувъ двумя-тремя словами о томъ, почему народъ временъ патр. Никона непріязненно, будто бы, отнесся къ реформѣ послѣдняго, новѣйшій расколъ разсуждаетъ такимъ образомъ: «Патріарху Никону и греко-московскому собору старый обрядъ показался уклоненіемъ отъ истины, неправославіемъ, или, что то же, стадо барановъ показалось непріятельскимъ войскомъ, а мельница — рыцаремъ, вызывающимъ на смертный бой.» «Одни крестятся тремя, а другіе двумя перстами; на которой сторонѣ истина?» спрашивалъ патріархъ Никонъ греческихъ іерарховъ, бывшихъ въ Москвѣ. «На которой сторонѣ истина?» На этотъ вопросъ, прекрасно отвѣчаетъ патріарху Никону покойный с.-петербургскій преосвященный митрополитъ Григорій. Въ книжицѣ своей «Отвѣтъ единовѣрца старообрядцу», онъ говоритъ: «старообрядцы для крестнаго знаменія употребляютъ двуперстное сложеніе, а православные — троеперстное. Есть ли тутъ разность въ вѣрѣ? Нѣтъ! православные своимъ перстосложеніемъ исповѣдуютъ св. Троицу, а старообрядцы—два естества въ Іисусѣ Христѣ. Въ обрядѣ разность есть, но въ вѣрѣ нѣтъ, ибо православно то и другое. Православно исповѣданіе св. Троицы, православно и исповѣдываніе двухъ естествъ въ Іисусѣ Христѣ. Исповѣдующіе св. Троицу, исповѣдуютъ и два естества въ Іисусѣ Христѣ, равно и исповѣдующіе два естества въ Іисусѣ Христѣ, исповѣдуютъ и Святую Троицу.» — Итакъ, на обѣихъ сторонахъ истина: вотъ, что отвѣчаетъ патріарху Никону современный намъ архипастырь. Много же ли смысла въ вопрошеніи патріарха Никона: на которой сторонѣ истина, а слѣдовательно и во всей его толико прославленной обрядовой реформѣ? Такъ разсуждать и спрашивать извинительно дѣтямъ и ученикамъ, а не вождямъ народа на пути спасенія. Этимъ вопросомъ патріархъ Никонъ неопровержимо доказалъ, что онъ былъ крайній буквенникъ и обрядникъ, для котораго истина заключалась не въ духѣ, а въ буквѣ, не въ смыслѣ, а въ формѣ. Вопрошеніе патріарха Никона и отвѣтъ на него можно приложить къ каждому изъ спорныхъ вопросовъ между старо- и новообрядствомъ. Итакъ, вотъ тѣ православныя побужденія и соображенія, кои подвигли патріарха Никона на исправленіе нашихъ старо-отечественныхъ обрядовъ и обычаевъ, и вотъ противъ какихъ непріятелей, мнимыхъ враговъ церкви и православія, патріархъ развиваетъ всю силу своего характера, а

греко-московскій соборъ обрушивается самыми полновѣсными, отборными и неслыханными на святой Руси клятвами и анаѳемами.

«При неукротимомъ характерѣ, неудержимомъ самовластительствѣ и при той дѣйствительно власти, которую патріархъ Никонъ умѣлъ сосредоточить у себя въ рукахъ, онъ не могъ быть удовлетворенъ священною, но смиренною обязанностію пастырства умиротворять обрядовыя разномыслія. Крайній буквенникъ и обрядникъ, — патріархъ Никонъ вообразилъ, якобы россійская церковь не вполнѣ пребудетъ вѣрною апостольскому православію, если у ней въ нѣкоторыхъ обрядахъ будетъ разность съ церковію греческою, и какъ самовластитель, не почитавшій обязательными для себя вѣковыя рѣшенія своей церкви, Никонъ пошелъ на встрѣчу обрядовымъ раздорамъ, съ тѣмъ, чтобы принявъ сторону однѣхъ, имъ избранныхъ обрядовыхъ привязанностей, другія, противныя, подавить и уничтожить, и такимъ образомъ, какъ, вѣроятно, ему казалось, навсегда покончить съ вѣковыми соперничествами и раздорами. На этотъ шагъ поощрили нашего патріарха милостыне-собиратели греки: имъ было выгоднѣе всегда тягостную позу попрошаекъ промѣнять на внушающую осанку цензоровъ и судей. И почему же было не промѣнять, когда само наше архипастырство, въ лицѣ патріарха Никона, на то ихъ вызывало, и когда само правительство, посылая за греками пословъ, встрѣчало ихъ какъ судей своихъ, уполномочивало ихъ судить свою церковь за то, что она въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ осмѣливалась быть самостоятельною и по праву этой самостоятельности образовала у себя нѣсколько обрядовыхъ особенностей. А между тѣмъ сторонничество грековъ за никоновскія обрядоисправленія есть противное международнымъ правамъ вмѣшательство чужеземца въ домашнія дѣла сосѣда. Споръ въ россійской церкви между по-и противо-солоніемъ, дву-и тре-аллилуіей, дву-и тре-перстіемъ и т. д., есть чисто наше русское домашнее дѣло. И греки не измѣнили себѣ и своей исторіи... Проклятія и анаѳемы греко-московскаго собора истекли именно изъ этого не-русскаго источника» (Новѣйш. челоб. раскольн., л. 15—21; «Объясн. И. В.», л. 5—6).

Итакъ, по убѣжденію новѣйшаго раскола, выходитъ, что патр. Никонъ потому началъ обрядоисправленіе, что «старые обряды показались, будто бы, ему уклоненіемъ отъ истины, неправославіемъ», что къ этому обрядоисправленію «поощрили его милостыне-собиратели греки» и что, наконецъ, по той же самой причинѣ и греко-московскій соборъ проклялъ ихъ. Стало быть,

вся наша тогдашняя церковь и въ лицѣ своихъ представителей заражена была, по его понятію, обрядовѣріемъ. И для убѣжденія читателя въ вѣрности, правильности этого своего взгляда новѣйшій расколъ, какъ видить всякій изъ выше представленной нами выписки, не щадитъ красокъ. Чтобы какъ можно рельефнѣе представить патр. Никона обрядовѣромъ, чтобы очернить его и большой московскій соборъ, онъ осыпаетъ ихъ насмѣшками. Но чѣмъ авторъ, въ самомъ дѣлѣ, подкрѣпляетъ свои выводы?

Въ доказательство обрядничества патр. Никона новѣйшій расколъ представляетъ всего одинъ только фактъ. Это — вопрошеніе его у восточныхъ патріарховъ относительно перстосложенія. Но для того, чтобы утверждать—обрядникъ ли былъ патр. Никонъ, или нѣтъ, ему нужно было бы представить цѣльный, полный взглядъ его на обряды, представить поболѣе фактовъ изъ его дѣятельности, которые бы наглядно всякому показали и доказали его обрядовѣріе, или необрядовѣріе. Развѣ такихъ фактовъ нѣтъ? Есть, — и новѣйшій расколъ знаетъ ихъ, но понимая, что они говорятъ противъ него, онъ прошелъ ихъ молчаніемъ, распространяется взамѣнъ того о личномъ характерѣ Никона, объ его власти, о томъ, чтó, вообще, въ этомъ случаѣ нейдетъ къ дѣлу.

Всякій знаетъ, чтó патріархъ Никонъ самъ первоначально крестился двуперстно. Узнавши же, что троеперстное сложеніе древнѣе двуперстнаго, онъ тотчасъ же перемѣнилъ свое перстосложеніе, отсталъ отъ того обычая, къ которому привыкъ съ дѣтства. Спрашивается: какъ онъ дошелъ до этого убѣжденія и зачѣмъ перемѣнилъ свой крестъ? Никонъ главною задачею своего патріаршества постановилъ—«*очищать*, просвѣщать и совершать». Разсматривая поэтому свои печатныя церковно-богослужебныя книги, онъ не могъ не замѣтить противорѣчивыхъ ихъ сказаній относительно перстосложенія для крестнаго знаменія. Эти противорѣчія, естественно, навели его на раздумье, сомнѣніе въ справедливости ихъ. За разъясненіемъ этого своего сомнѣнія онъ обратился къ греческимъ іерархамъ: «одни крестятся двумя, а другіе тремя перстами,—спросилъ онъ у нихъ,—на которой же сторонѣ истина?» т.-е. справедливость, вѣрность историческая? Никону необходимо было это знать; онъ рѣшился очистить русскія церковно-богослужебныя книги отъ вкравшихся въ нихъ погрѣшностей. Слѣдовательно, здѣсь необходимо ему было обратиться къ древности. Но кому же тогда древніе христіанскіе обычаи могли быть извѣстнѣе какъ не греческимъ іерархамъ? Вотъ Никонъ и предложилъ имъ свой вопросъ. Свѣривъ же ихъ отвѣтъ съ древними книгами, онъ убѣдился въ вѣрности его и вслѣд-

ствіе того самъ прежде всего перемѣнилъ свое перстосложеніе, чтобы тѣмъ самымъ придать, такъ сказать, авторитетность этой новизнѣ въ глазахъ массы, лично не могшей свѣриться съ древностію. Выходитъ, что на этотъ вопросъ Никона должно смотрѣть скорѣе съ исторической точки зрѣнія, чѣмъ съ догматической. Гдѣ же тутъ «обрядничество» патр. Никона? Это станетъ еще убѣдительнѣе, когда мы возьмемъ здѣсь во вниманіе слѣдующее обстоятельство.

Никона новѣйшій расколъ представляетъ «крайнимъ буквенникомъ и обрядникомъ, самовластителемъ съ неукротимымъ характеромъ». Все это такія черты, которыя даютъ намъ право полагать, что Никонъ, по своимъ убѣжденіямъ, по своему характеру и власти, былъ человѣкъ, не терпѣвшій никакихъ себѣ противорѣчій, никому не допускавшій никакихъ уступокъ въ своемъ обрядоисправленіи. А между тѣмъ, вотъ что въ раскольнической же біографіи протопопа Іоанна Неронова разсказывается о немъ: «Вопроси нѣкогда его старецъ Григорій (т.-е. самъ Нероновъ), рече: иностранныя власти нашихъ служебниковъ не хулятъ, но и не похваляютъ; патріархъ рече: все равно, по какимъ хощешь, по тѣмъ и служишь...... И доколѣ старецъ Григорій былъ на Москвѣ, умолилъ протопопа съ братіею въ соборной церкви на клиросахъ, чтобы не четверить аллилуія; тіи же послушаша старца, говорили аллилуія по дважды, въ третіе Слава Тебѣ Боже: патріархъ же ничтоже имъ глагола, точію подъякъ, псалтырь говоря, заповѣдываніе патріархово творилъ, четверилъ аллилуія» [1]). Этотъ фактъ въ жизни патріарха Никона какъ объяснить?.... Будь онъ въ самомъ дѣлѣ «крайнимъ буквенникомъ и обрядникомъ», развѣ онъ тогда допустилъ бы это, т.-е. позволилъ бы кому-либо публично идти противъ своихъ обрядоисправленій? Развѣ онъ тогда измѣнилъ бы свое перстосложеніе, къ которому, можетъ быть, привыкъ съ младенчества? Какъ «обрядникъ съ неукротимымъ характеромъ», онъ тогда, натурально, ни того, ни другого не допустилъ бы въ своей жизни. Обрядникъ не разсуждаетъ, что́ истинно и что́ нѣтъ. «Сѣки, руби руку обряднику», по выраженію новѣйшаго раскола, но она у него не сложится иначе, какъ пріучили его къ тому съ дѣтства. Обрядъ для него—догматъ. Но для патріарха Никона,—въ виду особенно послѣдняго, представленнаго нами факта изъ его жизни, — онъ не былъ догматомъ. Никонъ понималъ значеніе обряда. И потому, очищая свои церковно-богослужебныя книги отъ вкравшихся въ нихъ погрѣшно-

---

[1]) Русск. раск. старообрядства, Щапова, стр. 47 и 48.

стей, и понимая, какъ человѣкъ, по тогдашнему, высокообразованный, всю догматическую неважность многихъ изъ нихъ, дозволялъ иногда нѣкоторымъ дѣйствительнымъ «буквенникамъ и обрядникамъ» держаться мнимой старины, къ которой они уже привыкли.

Что же именно побудило Никона къ обрядоисправленію? Новѣйшій расколъ представляетъ, что видимымъ побужденіемъ къ тому были для Никона греки. Нельзя вполнѣ отрицать этого факта. Восточные святители дѣйствительно осуждали Никона за неисправленіе священныхъ книгъ и за другія церковныя вины [1], — но и только. Утверждать же, что на этотъ шагъ, т.-е. на обрядоисправленіе *поощрили* Никона попрошайки, милостыне-собиратели греки; утверждать далѣе, что «это вмѣшательство ихъ, чужеземцевъ, въ домашнія дѣла сосѣда противно международнымъ правамъ», — значитъ, по меньшей мѣрѣ, показывать этимъ свое совершенное незнаніе ни личности самого патріарха Никона, ни исторіи его реформы, ни характера, наконецъ, отношеній между русскою и греческою церковью.

Патріархъ Никонъ не нуждался ни въ какихъ стороннихъ «поощреніяхъ» къ обрядоисправленію; нужду этого онъ самъ глубоко сознавалъ. Онъ сознавалъ ее еще до патріаршества своего. Это-то сознаніе трудности исправленія церковныхъ неустройствъ и удерживало его сначала отъ принятія самого патріаршаго сана. Онъ былъ не новичёкъ въ реформаторскомъ дѣлѣ; къ обрядоисправленію онъ былъ подготовленъ предшествующею своею практикою. Еще будучи митрополитомъ новгородскимъ, патріархъ Никонъ, какъ это извѣстно, навѣрное, и новѣйшему расколу, произвелъ нѣкоторыя реформы въ церковной практикѣ и произвелъ ихъ безъ всякихъ стороннихъ «поощреній». Но если онъ, при обрядоисправленіи, обращался къ восточнымъ іерархамъ съ своими грамотами, то это Никонъ, во-первыхъ, дѣлалъ не самъ одинъ, но вмѣстѣ (1654 г.) съ царемъ. Царь же этотъ — представитель народа въ дѣлахъ церкви — призвалъ ихъ и на соборъ 1667 года. Съ другой стороны, такое отношеніе къ Востоку было и необходимо. Дѣла церкви, по существу своему, конечно, очень не похожи на дѣла политики. Вмѣшательство одной державы въ политическія дѣла другой справедливо можетъ иногда назваться нарушеніемъ международныхъ правъ. Но не то должно быть въ отношеніяхъ одной церкви къ другой, тѣмъ болѣе — нашей церкви къ восточной. По самому происхожденію своему отъ нея и по

[1] Ист. русск. раск., Макарія, стр. 155.

особеннымъ нѣкоторымъ постановленіямъ, она непремѣнно должна была снестись съ восточною въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ церковное обрядоисправленіе. Константинопольскій соборъ, состоявшійся по случаю учрежденія патріаршества въ Россіи, постановилъ: «Церковь русская во всемъ должна быть согласна съ греческою и четырьмя вселенскими патріархами, должна потреблять всякія новины» [1]). Какъ же, принявши это постановленіе Востока, наша церковь могла послѣ этого не отнестись къ нему при началѣ своей реформы?.... По этому постановленію, восточная церковь имѣла даже право сама замѣчать нашей ея неустройства. Это она и дѣлала. Мало того, объ этомъ правѣ еще книга «О вѣрѣ» говоритъ, что «Русія отъ Бога, отъ собора вселенскаго, отъ царей, князей и королей, за правое строеніе и епархію подана есть константинопольскому и апостольскому престолу и патріарху вселенскому», и что «патріарха вселенскаго (а съ нимъ и прочихъ патріарховъ), архіепископа константинопольскаго слушати, и ему подлежати, и повиноваться въ справахъ (дѣйствахъ) и въ науцѣ духовной, есть польза и пріобрѣтеніе веліе, спасительное и вѣчное» [2]). Наконецъ, этого «вмѣшательства» грековъ, по выраженію новѣйшаго раскола, въ наши тогдашнія церковныя дѣла требовало и благоразуміе. Голосъ ихъ въ этомъ случаѣ, какъ свидѣтелей древне-христіанскихъ преданій и обычаевъ, имѣлъ и имѣетъ большое значеніе; ибо если обрядоисправленіе, совершонное нашею церковью и съ согласія и утвержденія восточной, произвело такое волненіе и мятежъ въ ревнителяхъ мнимой старины, то что вышло бы, если бы оно произведено было дѣйствительно одною только русскою церковью, безъ сношенія и согласія на то православнаго Востока, по образцу Стоглаваго собора, напримѣръ?

Итакъ, не личное обрядничество патріарха Никона и не греки побудили его на церковное обрядоисправленіе, а та настоятельная нужда въ очищеніи церковной жизни отъ вѣковыхъ неурядицъ, которую сознавали еще его предшественники. Намъ нѣтъ нужды останавливаться здѣсь на всѣхъ тогдашнихъ безпорядкахъ въ русской церковной практикѣ. Остановимся на одномъ выясненіи нужды книжнаго исправленія при патріархѣ Никонѣ, которая собственно и вызвала то обрядоисправленіе.

Книжнымъ исправленіемъ наша церковь стала заниматься еще очень рано. Но только съ Максима Грека это дѣло начало-

---

[1]) Тамъ же, стр. 146.

[2]) Книга о вѣрѣ, л. 231—232.

было принимать надлежащее направленіе. Тогдашнія наши церковно-богослужебныя книги, наполненныя вообще разными невѣжественными описями и приписями, заключали нерѣдко въ себѣ и такого рода погрѣшности: въ часословахъ Христосъ Спаситель назывался, напр., не Богочеловѣкомъ, но просто только *человѣкомъ*, а Богъ-Отецъ — *собезматернимъ Сыну*. Въ тріоди объ Іисусѣ Христѣ говорилось, будто Онъ *созданъ* и *сотворенъ* и *по самому божеству* и проч. Такія ошибки не могли, разумѣется, не обращать на себя вниманія свѣдущаго грека. Онъ, дѣйствительно, со всѣмъ усердіемъ и исправлялъ ихъ. Но его труды и старанія по этому дѣлу извѣстно чѣмъ кончились. Дѣло книжнаго исправленія послѣ него остановилось. И хотя Стоглавый соборъ, сознавая неисправность церковно-богослужебныхъ книгъ, настаивалъ на исправленіи ихъ [1]), однако дѣло это плохо подвигалось впередъ. Въ предисловіи къ Апостолу, напечатанному чрезъ тринадцать лѣтъ послѣ этого собора, мы опять читаемъ, что, когда «царь повелѣлъ святыя книги покупать на торжищахъ и полагать въ церквахъ псалтыри, евангелія, апостолъ и прочія, то мало нашлось между ними годныхъ. Прочія же всѣ были испорчены отъ переписчиковъ, неученыхъ и неискусныхъ въ разумѣ, или отъ неисправленія пасущихъ» [2]). И подобные отзывы объ исправляемыхъ и печатаемыхъ церковно-богослужебныхъ книгахъ неумолкали до самаго патріарха Никона. Достоинство книгъ, исправленныхъ и изданныхъ при перво-патріархахъ и отзывы о нихъ современниковъ мы уже знаемъ. Здѣсь довольно будетъ привести еще одинъ отзывъ о тогдашнихъ церковныхъ книгахъ патріарха Іосифа, такъ уважаемаго старообрядцами. Въ предисловіи къ Кормчей, начатой при немъ, патріархъ такъ характеризуетъ книги своего времени: «Обрящешь ли,—взываетъ онъ,—гдѣ-либо право писанную безъ порока въ церквахъ святую книгу? Обрящешь ли чинъ и послѣдованіе по узаконенному правилу св. отецъ? По чину ли бывающее въ церкви? Знаю, что неудобно можешь обрѣсти не только въ соборной церкви, но даже въ епископіи или въ обителяхъ. Вотъ до какихъ, достойныхъ плача временъ, мы достигли» [3]).

Такимъ образомъ, необходимость исправленія церковно-богослужебныхъ книгъ чувствовалась и при патріархѣ Никонѣ не менѣе, чѣмъ при его предшественникахъ. Онъ это сознавалъ и

---

[1]) Глав. 27 и 28.
[2]) Полн. изв. о раск. 40.
[3]) Тамъ же, 60.

рѣшился соборнымъ образомъ исправить книги по древнимъ, славянскимъ и греческимъ, источникамъ. Понятно, что при такой постановкѣ дѣла всѣ нововведенія, позднѣйшія вставки и прибавленія, всѣ искаженія текста должны были уже исчезнуть, различныя чтенія—уступить мѣсто единству; всему должно было явиться въ чистомъ, неискаженномъ видѣ. Но, исправляя книги, справщики, естественно, должны были коснуться и обрядовъ. Извѣстныя уже намъ противорѣчивыя сказанія богослужебныхъ книгъ, изданныхъ при перво-патріархахъ, напр. о перстосложеніи для крестнаго знаменія, о седмипросфоріи и проч., не могли не остановить на себѣ вниманія патріарха Никона и его сотрудниковъ. Они самымъ естественнымъ образомъ отсылали ихъ къ истинной христіанской древности, которая и въ этомъ случаѣ должна была теперь взять перевѣсъ надъ мнимою стариною и невѣжествомъ. И она восторжествовала; древнее обрядовое единообразіе было возстановлено.

Разсмотримъ теперь, на какихъ основаніяхъ новѣйшій расколъ упрекаетъ въ «обрядничествѣ» весь московскій соборъ 1667 года.

«О достоинствѣ обрядоисправленій и особенно анаѳематствованій греко-московскаго собора, — говоритъ авторъ Челобитной, — распространяться нѣтъ надобности. «Гдѣ есть единство вѣры въ священные догматы и таинства, тамъ сему внутреннему единенію можетъ ли препятствовать нѣкоторое разнообразіе внѣшнее?!» — какъ-бы съ упрекомъ греко-московскому собору за его клятвы и анаѳемы восклицаетъ духоноснѣйшій изъ современныхъ намъ архипастырей (Слово пр. Филарета, митр. московскаго, 13 мая 1856 года). Не столько въ доказательство неразсудительности и несостоятельности этихъ клятвъ и анаѳемъ, сколько въ обличеніе двусмысленности и двоедушія, до которыхъ довели они нынѣшнее господствующее архипастырство, мы обязаны указать, что просвѣщеннѣйшіе изъ россійскаго архипастырства жалѣютъ нынѣ объ этихъ клятвахъ, стыдятся ихъ, отпираются отъ нихъ, т.-е. стараются дать имъ такое толкованіе, якобы архипастырство россійской церкви никогда не только не проклинало, но и не запрещало обрядовъ, называемыхъ нынѣ старыми; а что будто бы клятвы эти положены на держащихся этихъ обрядовъ за то, что они держались оныхъ съ противленіемъ священной власти и съ преслушаніемъ церкви. Факты и акты не подтверждаютъ, однакожъ, такихъ толкованій» (Новѣйш. раск. челобит., л. 21, на оборот., 22 и 28; «Объясн. И. В.», л. 6). «Прочитайте, — говоритъ тотъ же авторъ въ другомъ мѣстѣ, — текстъ соборнаго постановленія отъ 13 мая 1667 года, и вы увидите, что держащіеся стараго обряда прокляты яко еретики (и непокорники), а слѣдовательно

и старый обрядъ, какъ (непокореніе и) ересь» («Письм. старообр. къ Г. Ѳ.», л.. 4 и друг.). «Замѣтимъ, — заключаетъ онъ, — что и самые архипастыри, болѣе другихъ прямодушные, говоря о соборѣ 1667 года, прямо сознаются, что проклятія направлены именно противъ обрядовъ. Такъ, преосвященный Игнатій олонецкій, заканчивая и какъ бы увѣнчивая свою исторію о расколахъ, говоритъ о соборѣ: «Такимъ образомъ подтверждено все, что нынѣ содержитъ церковь: и новоисправленныя книги, и крестное знаменіе, и троякое аллилуіа, и хожденіе противу солнца, и проч., и проч.... И сколь ясно и рѣшительно осуждено, напротивъ, все то, въ чемъ состоитъ называющееся старообрядство» (Новѣйш. раск. челобитн., л. 24).

Всѣмъ этимъ новѣйшій расколъ, очевидно, хочетъ доказать «обрядничество» большого московскаго собора. Если, въ самомъ дѣлѣ, этотъ соборъ положилъ клятвы и анаѳемы даже на самые обряды, содержимые ревнителями старины, проклялъ и ихъ, какъ проклинаются, напр., ереси, то изъ-за чего же,—думаетъ онъ,— соборъ проклялъ ихъ, какъ не изъ-за собственнаго своего обрядовѣрія, не изъ-за того, что самъ отождествлялъ обрядъ съ догматомъ, считалъ ихъ равнозначущими? Доказываетъ же онъ это свое положеніе для такого вывода словами преосвященныхъ — Игнатія и Филарета и простою ссылкою на текстъ соборнаго постановленія отъ 13 мая 1667 года.

Но,—во-первыхъ,—слова преосв. Игнатія не говорятъ того, чтó хочетъ въ нихъ видѣть новѣйшій расколъ. Они нисколько не говорятъ, будто бы «проклятія собора именно направлены противъ обрядовъ». Приводя выписанное нами свидѣтельство пр. Игнатія для доказательства извѣстной своей мысли, новѣйшій расколъ, очевидно, соблазнился послѣдними его словами: «и сколь ясно и рѣшительно *осуждено*, напротивъ, все то, въ чемъ состоитъ называющееся старообрядство». Но слова—*осуждать* и *проклинать* выражаютъ не одинаковыя понятія. Проклинать кого-нибудь или чтó-нибудь значитъ предавать его отлученію отъ церкви, отвергать это какъ вредное въ дѣлѣ спасенія. А осуждать что-либо значитъ просто признавать то неправильнымъ, несовершеннымъ. И преосв. Игнатій, употребляя слово: *осуждено*, употребилъ его именно въ этомъ послѣднемъ только значеніи, т.-е., въ томъ, что обряды, содержимые приверженцами мнимой старины, какъ оказавшіеся неправильными, менѣе совершенными въ сравненіи съ истинно древне-христіанскими обрядами, отвергнуты соборомъ и отвергнуты ясно и рѣшительно на основаніи извѣстныхъ причинъ.

Понимать же слова преосвященнаго такъ, какъ понимаетъ ихъ новѣйшій расколъ, нѣтъ достаточнаго основанія.

Во-вторыхъ, слова преосв. Филарета еще менѣе идутъ къ дѣлу; они обращены къ единовѣрцамъ. А единовѣрцы и раскольники — не одно и то же; между ними есть существенное различіе. Единовѣрцы находятся въ общеніи съ церковію, имѣютъ одну и ту же съ нею іерархію, одни и тѣ же таинства. Но у раскольниковъ ни того, ни другого нѣтъ.

Что же касается текста соборнаго постановленія отъ 13 мая 1667 года, то и онъ не говоритъ того, будто бы этотъ соборъ проклялъ «и старый обрядъ, какъ (непокореніе и) ересь».

Самый текстъ этого соборнаго анаѳематствованія читается такъ: «Сіе наше соборное повелѣніе и завѣщаніе ко всѣмъ вышерѣченнымъ чиномъ православнымъ предаемъ и повелѣваемъ, всѣмъ неизмѣнно хранити и покарятися святѣй восточнѣй церкви. Аще ли же кто не послушаетъ повелѣваемыхъ отъ насъ и не покорится святѣй восточнѣй церкви и сему освященному собору, или начнетъ прекословити и противлятися намъ: и мы таковаго противника, данною властію отъ всесвятаго и животворящаго Духа, аще будетъ отъ освященнаго чина, извергаемъ и обнажаемъ отъ всякаго священнодѣйствія и благодати и проклятію предаемъ, аще же отъ мірскаго чина, отлучаемъ и чужда сотворяемъ отъ Отца и Сына и Святаго Духа и проклятію и анаѳемѣ предаемъ, *яко еретика и непокорника*, и отъ православнаго всесочлененія и стада и отъ церкве Божія отсѣкаемъ, яко гнилъ и непотребенъ удъ, *дондеже* вразумится и возвратится въ правду покаяніемъ» [1]).

Наконецъ, для доказательства обрядничества большого московскаго собора новѣйшій расколъ ссылается на то, что русская церковь долго, будто бы, и послѣ него вполнѣ раздѣляла ошибочный взглядъ на обряды, что она, вслѣдствіе вліянія на нее этого собора, заражена была такимъ же какъ и онъ обрядовѣріемъ. Въ этомъ случаѣ онъ цитуетъ указъ св. синода отъ 15 мая 1722 года, который постановилъ, будто бы, что: «которые хотя святѣй церкви и повинуются, и всѣ церковныя таинства пріемлютъ, а крестъ на себѣ изображаютъ двѣма персты: тѣхъ писать въ расколъ, не взирая ни на что» (Письм. старообр. къ Г. Ѳ., л. 4 на обор.).

Дѣйствительно, указъ въ приведенномъ видѣ подтверждаетъ мысль новѣйшаго раскола. За что же, въ самомъ дѣлѣ, св. синодъ приказываетъ записывать въ расколъ крестящихся двуперстно,

[1]) Дополн. къ Актамъ историч., т. V, стр. 487.

хотя при томъ и повинующихся церкви, пріемлющихъ ея таинства, какъ не за то только, что онъ въ двуперстіи видитъ что-то еретическое, неправославное? Чѣмъ инымъ объяснить эту строгость св. синода къ двуперстникамъ, какъ не вліяніемъ на него собора 1667 года, который, по убѣжденію новѣйшаго раскола, проклялъ, будто бы, и самые раскольническіе обряды?.. Все это такъ. Но дѣло представится совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ, когда мы взглянемъ на указъ св. синода отъ 15 мая 1722 года въ полномъ его видѣ. Приводя этотъ указъ, новѣйшій расколъ, по обыкновенію, выписалъ изъ него только тѣ мѣста, которыя идутъ въ подтвержденіе его мысли, и опустилъ тѣ, которыя говорятъ противъ него. А между тѣмъ, пропущенное мѣсто указа и составляетъ его сущность. Вотъ что говоритъ указъ: «которыя хотя святѣй церкви и повинуются и всѣ церковныя таинства пріемлютъ, а крестъ на себѣ изображаютъ двѣма персты, а не треперстнымъ сложеніемъ: тѣхъ, *кои съ противнымъ мудрованіемъ и которые хотя и по невѣжеству и отъ упорства то творятъ, обоихъ* писать въ расколъ, не взирая ни на что[1])». Ясно, что подчеркнутыя нами слова этого указа, но пропущенныя новѣйшимъ расколомъ, даютъ совершенно иное объясненіе строгому повелѣнію св. синода относительно двуперстниковъ, чѣмъ какое расколъ усвояетъ ему. Они показываютъ, что св. синодъ повелѣваетъ записывать двуперстниковъ въ расколъ только потому и тѣхъ, «кои творятъ то съ противнымъ мудрованіемъ», т.-е., съ противленіемъ церкви, отмѣнившей это перстосложеніе какъ неправильное, несовершенное, только тѣхъ, «кои творятъ то отъ упорства», обличающаго въ нихъ злую волю.

Въ послѣднее время открытъ документъ, который не мало уясняетъ и историческую причину такого, повидимому, строгаго отношенія тогдашней нашей церковной власти къ двуперстникамъ и который, главное, показываетъ взглядъ ея на самое раскольническое двуперстіе. Когда при Петрѣ Великомъ нѣкоторые изъ раскольниковъ захотѣли-было присоединиться къ церкви, удерживая всячески за собою въ то же время и свое двуперстіе; то св. синодъ въ 172[illegible] году составилъ для нихъ «увѣщательные пункты о перстномъ сложеніи», въ которыхъ всѣ вообще раскольническіе обряды причисляются имъ къ такъ-называемымъ «среднимъ вещамъ». Объяснивши, почему они считаются «средними вещами», св. синодъ вслѣдъ за этимъ говоритъ: «спросить приходящаго отъ раскола о треперстномъ сложеніи сумнящагося:

---

[1]) Собр. постановл. по ч. раскол., кн. 1, стр. 35—6.

како онъ о нашемъ и о своемъ сложеніи разумѣетъ: средняя ли вещь есть, или догматъ? Аще догматомъ наречетъ, то долженъ доказать свое мнѣніе отъ священнаго писанія, ветхозавѣтныхъ или новозавѣтныхъ книгъ, такожъ отъ важныхъ соборовъ, или отъ преданій древнихъ, то-есть, отъ согласія многихъ древнихъ учителей. Если же наречетъ вещь среднюю, то да утвердитъ слово свое клятвою. И тогда вопросите его: чесо ради не хощетъ сложенія своего переставить? Аще бо вещь есть средняя, то нѣтъ никакой важной причины, для чего оную непремѣнну содержать, кромѣ единаго упрямства; упрямствомъ же тымъ противится согласію церковному, оставляетъ на себѣ зазорный образъ, соблазняетъ ближнихъ своихъ и законнымъ властемъ и духовному правительству непокоривъ является, и развѣ симъ противъ совѣсти своей вещь среднюю изъ среды извлекаетъ и самоволіемъ въ догматъ ставитъ, и тако явно еретичествуетъ. А о церковномъ разумѣніи сіе сказать ему, что церковь святая кій-либо образъ перстнаго сложенія имѣла и имѣетъ за вещь среднюю, но раскольникамъ противится за тое, что они образъ сложенія перстнаго, каковъ они полюбили, ставятъ за догматъ вѣры, а каковъ въ нашемъ обычаѣ видятъ, ставятъ за ересь; и уже свой сложенія образъ сдѣлали злымъ, не аки бы онъ самъ собою золъ былъ, но яко непокоривой, злой, немиролюбивой и гордо-еретичествующей совѣсти ихъ свидѣтель есть. И того ради, аще кто образъ сложенія раскольничаго перемѣнити не хощетъ, мощно знать, что онъ безотвѣтно упрямъ и непокоривъ пребываетъ, и не съ доброю совѣстію, но лукаво, лицемѣрно и коварно приходитъ къ церковному соединенію».

Если въ наше время двуперстіе не можетъ быть вѣрнымъ признакомъ для обнаруженія внутреннихъ расположеній держащихся его, то отнюдь нельзя того же сказать относительно временъ Петра Великаго, когда простой народъ, по своей крайней неразвитости, считалъ его чуть ли еще не за первый догматъ и потому, не признавая видимымъ образомъ другихъ положеній раскола, ни за что въ то же время не соглашался измѣнить основному — двуперстію. Вызванный, такимъ образомъ, нуждою своего времени, упомянутый указъ и съ этой стороны нисколько не говоритъ объ обрядничествѣ св. синода, а слѣдовательно, и о вліяніи на него въ этомъ случаѣ собора 1667 года, зараженнаго, по словамъ новѣйшаго раскола, крайнимъ обрядовѣріемъ.

Будь, наконецъ, зараженъ св. синодъ обрядничествомъ большого московскаго собора, развѣ онъ тогда позволилъ бы кому-либо говорить противное себѣ? А между тѣмъ, Ѳеофилактъ Лопа-

тинскій въ своемъ «Обличеніи неправды раскольнической» прямо. напр., говоритъ, что «сложеніе перстовъ въ знаменіи крестомъ не токмо раскольническое, но и всякое иное, не есть членъ вѣры. всякому ко спасенію потребный» [1]).

Все это даетъ намъ право сказать, что большой московскій соборъ не проклиналъ раскольническихъ обрядовъ, въ чемъ такъ хотѣлось убѣдить читателей новѣйшему расколу для доказательства своей предвзятой мысли — крайняго обрядничества упомянутаго собора; акты и факты, какъ мы видѣли, не подтверждаютъ этого его убѣжденія.

Но этого мало для болѣе или менѣе полнаго разбора возраженій новѣйшаго раскола, который даже не видитъ никакого противленія церкви со стороны старообрядцевъ и въ томъ, что они изъ-за своихъ обрядовъ отдѣлились отъ нея. Опровергая убѣжденіе единовѣрца-старообрядца Г. Ѳ., который заявилъ-было, что соборъ 1667 года именно проклялъ раскольниковъ за самовольное удаленіе ихъ отъ церкви (Письмо къ старообр. Г. Ѳ., л. 1-й на обор. и далѣе), авторъ письма къ нему говоритъ: «Теперь я знаю, что вы, Г. Ѳ., прадѣдовъ своихъ и всѣхъ прежнихъ, а съ ними и нынѣшнихъ старообрядцевъ почитаете отдѣленцами, отступниками отъ святой апостольской церкви, а слѣдовательно, непокорниками ей, противниками, преслушниками. А почтенный Ѳ. З. П. прямо сознательно приравниваетъ ихъ къ тѣмъ, коихъ евангеліе называетъ татями и разбойниками — заблужденія важнѣйшія, насажденныя и возращенныя среди единовѣрія попеченіями далеко не безпритязательными и простосердечными!... Да, въ годы шаловливой, безпечной и довѣрчивой юности и я доказывалъ,—говоритъ немного далѣе авторъ письма къ Г. Ѳ.,—что старообрядцы не старообрядцы, а отступники отъ св. апостольской церкви и ея православія. Но, почтенный Г. Ѳ., ваши утвержденія, что старообрядцы суть отступники отъ сей церкви, суть ли рѣчи мужа возрастнаго, не суть ли онѣ ученическое, ребяческое, но уже довольно затвердѣлое повтореніе болтовни, которую внушаютъ наставники казеннаго, оффиціальнаго, греко-московскаго православія», и проч.? (Тамъ же, л. 10, 14 и 15).

Такимъ образомъ, взглядъ новѣйшаго раскола на вопросъ объ отношеніи старообрядцевъ къ православной церкви, становится ясенъ. Онъ является у него результатомъ взгляда его на соборъ 1667 года и на происхожденіе своихъ обрядовъ. Въ самомъ дѣлѣ, если расколъ убѣжденъ, что большой московскій соборъ, какъ со-

[1]) Облич., гл. I, л. 21.

ставленный неправильно, не имѣлъ права не только, будто бы, проклинать ихъ, но даже и разсуждать о нихъ, исправлять ихъ; далѣе, если онъ считаетъ свои мнимо-старые обряды произведеніемъ вѣкового русскаго благочестія, полнымъ глубокаго смысла и значенія, произведеніемъ, которому должны подчиняться всѣ: то, понятно, что онъ, въ силу всего этого, въ привязанности раскольниковъ къ этимъ обрядамъ, доведшей ихъ до самовольнаго отдѣленія отъ церкви, не долженъ видѣть никакого со стороны ихъ противленія ей.

Но извѣстно, что лишь только патріархъ Никонъ рѣшился произвести исправленіе церковно-богослужебныхъ книгъ и обрядовъ, какъ уже нашлись люди, которымъ это дѣло показалось неправымъ. Подъ опредѣленіями собора 1654-го года, который призналъ нужду этого исправленія, уже не подписались нѣкоторые изъ присутствовавшихъ на немъ и именно—извѣстный намъ епископъ Павелъ Коломенскій, два архимандрита, одинъ игуменъ и два протоіерея [1]). И этотъ глухой ихъ протестъ не остался безъ послѣдствій. Спустя немного времени, въ Москвѣ стали открыто появляться «нѣкіе неискусные и самомудрые, паче же суемудрые безчинія рачители», которымъ дѣло предпринятое соборомъ по иниціативѣ патріарха Никона казалось «ненавистнымъ», и которые «злокозненнѣ» возставали на него [2]). Это были — тотъ же Павелъ Коломенскій и Іоаннъ Нероновъ. Они такъ дерзко стояли теперь за правильность прежнихъ чиновъ богослужебныхъ и обрядовъ, которые наша церковь сочла необходимымъ исправить, что патріархъ Никонъ нашелся вынужденнымъ довести о поступкахъ ихъ до свѣдѣнія вселенскаго патріарха Паисія, который вмѣстѣ съ константинопольскимъ соборомъ, какъ намъ уже извѣстно, и опредѣлилъ отлучить ихъ отъ церкви, если только они не исправятся.

Но послѣдняго не случилось. Случилось, наоборотъ, нѣчто худшее; къ нимъ стали приставать другіе, съ ними соединились извѣстные Аввакумъ, Даніилъ и другіе, бывшіе справщиками при патріархѣ Іосифѣ, люди все оскорбленные патріархомъ Никономъ, обиженные имъ за удаленіе ихъ съ печатнаго двора. Они составили и подали царю «общее прошеніе на многомятежнаго Никона». Прошеніе осталось безъ послѣдствій. Негодованіе на Никона, смѣшанное съ слѣпою привязанностію ихъ къ буквѣ. старинѣ, и прежде сильная, теперь, конечно, еще болѣе овладѣла

---

[1]) Ист. р. раск., Макарія, стр. 147.

[2]) Пред. къ Скрижали, издан. въ 1656 году, 13—14.

всѣми ими. Оскорбленные, увѣренные въ справедливости своихъ убѣжденій, они рѣшились мстить Никону, открыть предъ народомъ его заблужденія. Взявшись, такимъ образомъ, за пропаганду своихъ убѣжденій, они стали чернить все и всѣхъ, стали порицать обрядоисправленіе и всю вообще книжную реформу, доказывая православнымъ, что книги и чины, исправленные патріархомъ Никономъ, неправославны, еретичны, что ихъ должно отвергать, и проч. Аввакумъ прямо, напримѣръ, писалъ: «каковъ Никонъ мерзокъ Богу, таковы суть и книги его и догматы укрѣпляющихъ; ученицы его лживіи, учители гречестіи и рустіи не со Христомъ собираютъ, но съ сатаною расточаютъ прежнихъ святыхъ отецъ вѣру Христову, и своими растлѣнными догматы антихристу путь уготовляютъ [1])». Они не оставили въ покоѣ и восточную церковь. Чтобы подорвать уваженіе къ ней въ народѣ, который не могъ не знать, что вся эта реформа производится съ благословенія и при участіи ея, они проповѣдовали, что теперь и восточная церковь, находясь подъ игомъ невѣрныхъ, уже потеряла свое православіе, что книги ея, печатаясь въ латинскихъ областяхъ, повреждены, и проч., и проч.

И пропаганда эта шла успѣшно. Благоговѣя предъ мнимою стариною, не умѣя по невѣжеству своему отдѣлять буквы отъ смысла, обряда отъ догмата, многіе вѣрили ей на-слово. Да и какъ не вѣрить? Все, чтó говорилось противъ никоновской реформы, говорилось людьми авторитетными, бывшими долго даже справщиками на печатномъ дворѣ. И вотъ, во многихъ мѣстахъ даже священники добровольно никакъ не соглашаются на принятіе новоисправленныхъ церковно-богослужебныхъ книгъ и обрядовъ [2]).

Всѣ эти факты, извѣстные всякому, знакомому съ исторіей раскола, довольно ясно указываютъ на зарождавшійся въ ту пору расколъ; несогласіе съ соборомъ, положившимъ произвести церковно-обрядовую реформу, открытое возстаніе противъ послѣдней, обличеніе дѣятелей ея въ еретичествѣ, волненія народныя, все это было явнымъ противленіемъ церкви!

Дѣло противленія церкви, предпринятое извѣстными намъ личностями, было въ такомъ положеніи, какъ мы его сейчасъ представили, только до разрыва дружбы патріарха Никона съ царемъ. Съ этого же времени зародившійся расколъ пошелъ впередъ уже быстрыми шагами. Униженный, прибитый энергическими мѣрами Никона, онъ теперь снова встрепенулся, ожилъ,

---

1) Ист. рус. раск., Макарія, стр. 162.

2) Тамъ же, стр. 166.

возсталъ. Надѣясь, что съ перемѣною участи Никона дѣла церковныя поправятся, возвратятся къ старому, предводители его, не стѣсняясь, вездѣ начали теперь говорить все, что́ только имъ не нравилось въ церковной реформѣ, все, что́ они прежде, боясь Никона, не высказывали. Стали распространяться по народу рукописныя тетрадки, посыпались къ царю челобитныя на «новоизмысленные Никономъ догматы». Противленія церковной власти со стороны приверженцевъ мнимой старины были не рѣдкость. Дѣло въ концѣ концовъ дошло до того, что «богохульное ихъ плодоношеніе,—какъ говорилъ царь Алексѣй Михайловичъ,—не точію по различныхъ царствія Богомъ намъ врученнаго странахъ, градѣхъ же и весѣхъ, обносится, но и въ самый сей градъ престола нашего вомчеся, даже и нашима въ свитцѣхъ рукама, въ словесѣхъ же ушесома прикоснутися. Яже услышавше мы и прочетше, абіе богонаставленіемъ познахомъ діаволе быти сѣмя, сицевая хулы содержащее: яко нынѣшняя церковь нѣсть церковь, тайны божественныя не тайны, крещеніе не крещеніе, архіереи не архіереи, писанія лестна, ученіе неправедное и вся скверна и неблагочестна; имъ же душеубійственнымъ злоплодіемъ мнози скудоумніи повреждьшеся, аки внѣ ума бывше, заблудиша отъ церкви въ новопрозябшая сонмища, крещеніе отложиша, грѣховъ своихъ іереемъ Божіемъ не исповѣдаша, тайнамъ животворящимъ не причащахуся, вкратцѣ рекше, весма отъ Церкве и отъ Бога отчюждишася. О злаго плода не добраго сѣмене [1])»! И все это говоритъ царь — компетентный для новѣйшаго раскола судья въ дѣлахъ церкви. Что же оставалось дѣлать собору 1667 г., которому съ такою горестью жаловался на раскольническое возстаніе самъ «прирожденный представитель народа въ дѣлахъ церкви»? Ему оставалось испробовать одно только средство, и послѣднее — вразумить заблудшихъ словомъ и увѣщаніемъ. Онъ и дѣлалъ это: всѣ расколоучители были призываемы на соборъ и вразумляемы [2]). Но старанія собора не принесли желаемаго плода; главные изъ нихъ не только не раскаялись, не оставили своихъ заблужденій, но еще съ бо́льшею, чѣмъ прежде, дерзостію повторяли ихъ предъ самимъ соборомъ. Они твердо стояли за свое, что теперь церковь «осквернена ересьми многи и антихристовою скверною», что теперь истины и православія нигдѣ — ни въ русской и ни въ греческой церкви — нѣтъ, и проч. [3]).

---

[1]) Дополн. къ ист. акт., т. V, стр. 445.

[2]) Тамъ же, стр. 447—459.

[3]) Тамъ же, стр. 459 и друг.

Такимъ образомъ и съ этой стороны новѣйшій расколъ неправъ, какъ неправъ онъ былъ, доказывая обрядничество патріарха Никона и большого московскаго собора. Въ виду сопротивленія раскола, послѣднему собору, разсматривавшему и одобрившему русскую церковно-книжную реформу, ничего уже болѣе не оставалось дѣлать съ фанатическими противниками ея, какъ только отлучить ихъ отъ церкви. Соборъ 1667-го года и отлучилъ ихъ отъ нея, проклялъ «яко еретиковъ и непокорниковъ», но проклялъ не за то, что они содержали свои мнимо-старые обряды—акты, мы видѣли, не говорятъ этого,—но за то, что они держались ихъ «съ противленіемъ священной власти, съ преслушаніемъ церкви», что они изъ-за фанатической привязанности къ нимъ хулили церковь и чрезъ это сами собою еще прежде собора отдѣлились отъ нея. За все это соборъ 1667-го года и отсѣкъ ихъ отъ тѣла церкви, «яко гнилъ и непотребенъ удъ», но и то не навсегда, а «дондеже вразумятся въ правду покаяніемъ [1])».

IV.

Мы покончили съ главными возраженіями новѣйшаго раскола; но онъ, кромѣ того, обращается къ православнымъ представителямъ церковной власти съ укоризнами за нѣкоторыя, не нравящіяся ему, постановленія ихъ относительно старообрядцевъ, и распространяется о нихъ во второй половинѣ своей «Челобитной». Но всѣ эти укоризны крайне мелочны, и только одна изъ нихъ заслуживаетъ нѣкотораго разсмотрѣнія, а именно, по вопросу о такъ-называемомъ единовѣріи.

«Когда правительство узнало свою ошибку, допустивъ московскія клятвы,—разсуждаетъ по этому поводу новѣйшій расколъ,—и стало еще съ прошлаго столѣтія протягивать руку примиренія старообрядству; то архипастырство наше, не желая отказаться отъ московскихъ анаѳемъ и боясь противорѣчить правительству, стало лавировать между предписаніями послѣдняго и московскими клятвами. Эта двоедушность, двуличность его всего яснѣе видна въ единовѣріи» (Новѣйш. раск. челоб., л. 21—42; Объясн. И. В., л. 7—13. Буквальной выписки обо всемъ этомъ мы не приводимъ, такъ какъ въ ней нѣтъ надобности). «Что такое единовѣріе»? спрашиваетъ авторъ. «Это есть подлинное подражаніе латинской уніи, только лишенное латино-іезуитской смысленности».

[1]) Тамъ же, стр. 487.

Этого мало. «Нынѣшнее разрѣшеніе св. синодомъ старообрядства для такъ-называемыхъ церквей единовѣрческихъ, разрѣшеніе далеко не полное, не свободное, не прямодушное и не просвѣщенное, по противорѣчію и самому себѣ и греко-московскому собору, способно возбуждать вопросы касательно непогрѣшимости церкви». Какимъ же образомъ? «Старообрядцы,—отвѣчаетъ на это расколъ,—соединяющіеся съ господствующимъ архипастырствомъ, названы *единовѣрцами*. Но развѣ споръ и раздѣленіе между ними шло изъ-за разногласія въ какомъ-либо *догматѣ*, или *членѣ вѣры*? Развѣ у старообрядцевъ до соединенія съ греко-россійцами была *вѣра*, а по соединеніи стала другая? Старообрядцы остаются *до буквы* вѣрными древней российской церкви. Но развѣ сія церковь до Никона была неправославна, а православною сдѣлалъ ее Никонъ»?

«Единовѣріе!... Греко-обрядцевъ Платонъ назвалъ *церковію*, а соединенцевъ другою. Но церковь безъ епископа не бываетъ, а соединенцамъ даны одни священники, то-есть, приходы, храмы, церкви, но не дано *Церкви*. И эту соединенную церковь преосв. Платонъ назвалъ *единовѣрческою*, но отнюдь не православною; ибо изъ сей переходъ въ первую строжайше возбраненъ. Но чтобы какая-нибудь церковь была единой вѣры съ православной и вмѣстѣ съ тѣмъ была неправославна,—такой безсмыслицы и представить трудно. А между тѣмъ эта безсмыслица у насъ вотъ уже шестьдесятъ слишкомъ лѣтъ оффиціально существуетъ», и проч. (Новѣйш. челоб. раск., л. 36, 85 и 86 на обор., 87 и друг.; Объясн. И. В., л. 7—14).

Все это—софизмы, которые противорѣчатъ фактамъ, всякому извѣстнымъ, и простому здравому смыслу. Мы имѣемъ полное право сказать, что, во-первыхъ, единовѣрцы до соединенія своего съ церковію дѣйствительно имѣли вѣру далеко не ту, которую исповѣдовала церковь до патріарха Никона и которую они содержатъ по соединеніи своемъ съ нею. Православные, напримѣръ, твердо вѣровали и вѣруютъ, что церковь Христова непогрѣшима, что она будетъ существовать до скончанія вѣка, что ея врата ада даже не одолѣютъ, и проч. Но старообрядцы еще 200 лѣтъ тому назадъ провозгласили, что теперь истинной церкви уже нѣтъ нигдѣ, что она погибла, что тайны—не тайны, архіереи — не архіереи. Большинство изъ нихъ еще и теперь убѣждено, что церковь заражена «ересьми многи», что въ ней царствуетъ антихристъ, и проч. Неужели новѣйшій расколъ станетъ утверждать, что русская церковь до Никона да и вся вообще восточная такъ именно вѣровала относительно, напр., непогрѣ-

нимости церкви, какъ объ этомъ мудрствовали и мудрствуютъ большинство старообрядцевъ?... Въ такомъ случаѣ не имѣла ли церковь наша и не имѣетъ ли права старообрядцевъ, отвергнувшихъ подобныя указаннымъ неправильныя свои мудрствованія о нѣкоторыхъ предметахъ вѣры, и вошедшихъ въ единеніе съ нею, называть именно *единовѣрцами*, а не другимъ какимъ-либо именемъ? Прежде они неправильно мыслили относительно нѣкоторыхъ предметовъ вѣры сравнительно съ православными. Но вотъ, съ теченіемъ времени, они познали эти свои заблужденія, раскаялись въ нихъ, идутъ въ соединеніи съ церковію и, вступивши въ него, вѣруютъ уже во все одинаково съ православными. Значитъ, они, прежде не во всемъ единовѣрные послѣднимъ, теперь уже стали *единовѣрны* имъ, сдѣлались *единовѣрцами* ихъ. Слѣдовательно, назвавъ старообрядцевъ, вошедшихъ въ единеніе съ церковію единовѣрцами, церковь наша такимъ названіемъ ихъ нимало не подаетъ повода сомнѣваться въ православіи ея.

Но, если старообрядцы, вошедшіе въ единеніе съ церковію на правахъ единовѣрія, дѣйствительно единовѣрны православнымъ; то, спрашивается далѣе: почему же они прямо не названы православными, отчего запрещенъ переходъ изъ православія въ единовѣріе?

Церковь и на это имѣетъ свои причины. Отличительный характеръ единовѣрія сравнительно съ православною церковію состоитъ, какъ извѣстно, въ томъ, что въ немъ удержаны старые, будто бы, обряды и мнимо-древніе чины. Это отличіе его какъ ни представляется на первый взглядъ маловажнымъ въ дѣлѣ православія, однако, на самомъ дѣлѣ далеко не таково, чтобы можно легко было къ нему относиться. Значеніе обряда въ дѣлѣ вѣры извѣстно. Въ силу этого значенія церковь обязана заботиться объ его улучшеніи, единообразіи. Она, дѣйствительно, заботилась и заботится. И если мы видимъ, что она допустила въ единовѣріи обряды, признаваемые ею за менѣе совершенные сравнительно съ своими—православными, то это она сдѣлала только изъ снисхожденія къ старообрядцамъ, изъ желанія такимъ своимъ снисхожденіемъ къ нимъ возвратить ихъ на путь истины. Спрашивается теперь: какъ же можно было послѣ этого старообрядцевъ-соединенцевъ назвать вполнѣ православными, когда подъ православіемъ въ общемъ смыслѣ разумѣются не одни только догматы вѣры, но и вся церковная, вѣками выработанная практика, къ которой относятся и обряды, содержимые православно-вселенскою церковію?

Это объясненіе показываетъ отчасти уже и причину запре-

щенія свободнаго перехода изъ православія въ единовѣріе. Въ самомъ дѣлѣ, судя по отличительному характеру единовѣрія сравнительно съ православіемъ, всякій пойметъ, что назначеніе единовѣрія есть назначеніе исключительное и, слѣдовательно, не для всякаго христіанина доступное. Первые согласные (бывшіе раскольники стародубскіе) писали св. синоду о желаніи своемъ остаться при старыхъ обрядахъ такъ: «какъ извѣстно, что долговременная привычка есть какъ вторая природа и перемѣнить оную стóитъ великаго труда; наши же жители и родились и издавна привыкли къ старымъ церковнымъ обрядамъ: поэтому и не можемъ вмѣстити нынѣ новопечатныхъ книгъ. Не съ тѣмъ, чтобы мы ими гнушались, но ради нѣкой немощнѣйшей братіи, въ разсужденіи сего, что они послужатъ великимъ вредомъ, а не приращеніемъ церкви» (Истор. оч. един. М. С—го, стр. 26). И церковь уважила ихъ просьбу; давши имъ благословенное священство, оставила при нихъ и старые обряды. Значитъ, единовѣріе учреждено исключительно для старообрядцевъ, ищущихъ единенія съ церковію, но желающихъ въ то же время сохранить и свои мнимо-древніе обычаи и обряды, къ которымъ они привыкли съ младенчества, съ которыми они сроднились. Если такъ, —съ какой же стати церковь дозволитъ свободный переходъ изъ православія въ единовѣріе? Если она, заботясь объ единообразіи обряда, его улучшеніи, станетъ въ то же время дозволять православнымъ, содержащимъ совершенные обряды, переходить въ единовѣріе, гдѣ допущены мнимо-древніе обряды изъ одного только снисхожденія къ слабой немощи старообрядцевъ; то это дѣйствіе церкви будетъ походить на то, какъ если бы человѣкъ одною рукою своею дѣлалъ извѣстное дѣло, а другою въ то же время разрушалъ его. Старообрядецъ переходитъ въ единовѣріе потому, что онъ, сознавши всю неправду удаленія своего отъ церкви, рѣшился, наконецъ, соединиться съ нею, которая въ то же время изъ снисхожденія своего къ нему дозволяетъ содержать и любимые имъ мнимо-старые обряды. А православный почему переходитъ въ единовѣріе? Онъ и безъ того въ союзѣ съ церковію и можетъ желать перейти въ него по одному своему личному расположенію къ мнимо-старымъ обрядамъ, расположенію, пріобрѣтенному уже въ зрѣломъ возрастѣ.

Но это еще не все. Переходъ изъ православія въ единовѣріе потому главнымъ образомъ воспрещенъ и воспрещается, что само единовѣріе далеко не соотвѣтствуетъ той идеѣ, какая положена церковію въ его основаніи. Вмѣсто того, чтобы считать себя членами единой православно-каѳолической церкви, большин-

ство единовѣрцевъ считаетъ единовѣріе чѣмъ-то отдѣльнымъ отъ православной церкви и сравнительно съ нимъ находитъ въ этой послѣдней разныя несовершенства. Еще при устройствѣ единовѣрія московскіе старообрядцы въ числѣ пунктовъ, поданныхъ митрополиту Платону при прошеніи, помѣстили и слѣдующій: «старообрядческихъ священниковъ не требовать въ греко-россійскую церковь къ соборнымъ моленіямъ, какъ-то: въ крестные ходы и тому подобное, а отправлять имъ, по благословенію вашего высокопреосвященства, въ церквахъ старообрядческихъ оныя соборныя моленія; также не принуждать старообрядцевъ къ допущенію на общія моленія знаменующихся тремя персты, брады бріющихъ и прочія имѣющихъ несогласія съ древними обыкновеніями, выключая высочайшихъ особъ» (пунктъ 5). Если перевести это желаніе старообрядцевъ, искавшихъ общенія съ церковію, на болѣе ясную, откровенную рѣчь,—выйдетъ: обряды, содержимые единовѣрцами, древни, истинны и спасительны, а обряды, содержимые греко-россійцами, не имѣютъ ни того, ни другого, ни даже, пожалуй, и третьяго. Митрополитъ Платонъ понялъ заднюю мысль, которая скрывается въ вышепредставленномъ желаніи старообрядцевъ, и потому сказавши: «что подлежитъ до недопущенія имъ въ церковь нѣкоторыхъ ими объясненныхъ особъ, на сіе согласиться предосудительно», постановилъ: «сіе (т.-е. переходъ изъ православія въ единовѣріе) не иначе дозволено быть можетъ, какъ по изслѣдованіи отъ епископа, что онъ (желающій перейти изъ перваго въ послѣднее) никогда дотолѣ въ церковь православную не ходилъ и таинствъ ея не принималъ» (отв. на 5 пунктъ).

Не въ лучшемъ отношеніи къ церкви находились единовѣрцы и въ послѣдующее время. «Въ послѣднее время, — доносилъ въ сороковыхъ годахъ чиновникъ министерству внутреннихъ дѣлъ о единовѣріи въ Костромской губерніи,—устроены здѣсь единовѣрческія церкви, но онѣ не достигли цѣли: очень рѣдко случалось, чтобы закоренѣлый раскольникъ переходилъ въ единовѣріе, напротивъ, православные, зараженные духомъ раскола, непремѣнно присоединяются къ единовѣрію. Единовѣрческія церкви управляются большею частію строителями ихъ, преимущественно крестьянами, или купцами, которые, выдавая отъ себя жалованье единовѣрческимъ священникамъ, держатъ ихъ въ постоянномъ угнетеніи и безпрекословномъ повиновеніи. Поступившіе изъ раскола въ единовѣріе имѣютъ въ виду избѣгнуть этимъ путемъ преслѣдованій мѣстнаго начальства, земской полиціи, или помѣщика; они числятся только единовѣрцами, а на самомъ дѣлѣ остаются

въ расколѣ. Въ одной единовѣрческой церкви собирались на молитву не раскольники, а православные. Самый строитель ея, богатый купецъ, только по виду придерживался единовѣрія, а на самомъ дѣлѣ былъ закоренѣлый раскольникъ?» Въ Саратовской губерніи, по отзыву другого чиновника, «единовѣрцы открыто говорили, что они не допустятъ православнаго епископа къ совершенію литургіи въ ихъ церкви, что они не имѣютъ и не хотятъ имѣть никакихъ сношеній съ единовѣрческими монастырями и не будутъ никогда руководствоваться правилами 1800 года» (Ист. мин. внутр. дѣлъ, кн. 8, 559, 560, 568). Еще въ 1869-мъ году вятское епархіальное начальство получило прошеніе отъ прихожанъ единовѣрческой церкви Омутницкаго завода, въ которомъ они просили его вывести отъ нихъ священника Устюгова за то, главнымъ образомъ, что онъ допустилъ женѣ своей и дочери ходить въ церковь въ нѣмецкой одеждѣ и молиться троеперстнымъ крестомъ и вообще позволялъ православнымъ входить въ единовѣрческую церковь, принималъ ихъ ко кресту, грамотныхъ допускалъ на клиросъ, и проч. И подобныхъ фактовъ, наглядно всякому показывающихъ ненормальныя отношенія единовѣрцевъ къ православнымъ, не мало. Очень естественно, что и церковь вслѣдствіе такого бóльшаго тяготѣнія единовѣрцевъ къ расколу, чѣмъ къ православію, должна удерживать православныхъ отъ перехода изъ православнаго прихода въ единовѣрческій. Въ одномъ только случаѣ этотъ переходъ можетъ быть допущенъ,—въ томъ именно, когда желающій его, по тщательномъ изслѣдованіи, окажется закоренѣлымъ раскольникомъ, давно уже уклонившимся изъ православія въ расколъ, совсѣмъ не посѣщающимъ православной церкви и непринимающимъ ея таинствъ.

Еще менѣе, наконецъ, единовѣріе противорѣчитъ «греко-московскому собору». Новѣйшій расколъ, очевидно, выходитъ здѣсь изъ своего своеобразнаго взгляда на происхожденіе раскола и на соборныя (1667 г.) анаѳемы. «Расколъ, — говоритъ онъ, — происходитъ изъ-за обрядовъ. Какіе же обрядовые вопросы расторгли единство россійской церкви? Посолоніе и противосолоніе» и проч. (Новѣйш. раск. челоб., л. 3). Если такъ, и если московскій соборъ, по понятію раскола, проклялъ и самые обряды, то, понятно, что церковь послѣ этого уже никакъ не можетъ благословлять ихъ безъ явнаго противорѣчія себѣ. Но дѣло въ томъ, что, во-первыхъ, понятіе его о расколѣ слишкомъ одностороннее. «По моему мнѣнію,—говоритъ бл. Іеронимъ,—между ересью и расколомъ то различіе, что ересь состоитъ въ низвращеніи догмата, а расколъ также отлучаетъ отъ церкви *по причинѣ несо-*

гласія съ епископомъ. Слѣдовательно, эти двѣ вещи, по происхожденію, могутъ казаться различными въ извѣстныхъ отношеніяхъ, *но въ основаніи нѣтъ раскола, который не имѣлъ чего-либо общаго съ какою-либо ересью, по возстанію противъ церкви»* (Догм. богосл., Макарія, т. III, 26, 31. Почти также опредѣляетъ расколъ и Василій Великій). Значитъ, сущность раскола составляетъ *несогласіе съ епископомъ, возстаніе противъ церковной власти, противъ церкви.* Нашъ расколъ таковъ именно и есть. И большой московскій соборъ осудилъ мнимыхъ старообрядцевъ не за что другое, какъ только за упорное сопротивленіе ихъ церкви, за хуленіе ея, и притомъ осудилъ не безусловно, а «*дондеже* вразумятся и возвратятся въ правду покаяніемъ». Теперь это условіе кончилось для старообрядцевъ, ищущихъ единенія съ церковью на правахъ единовѣрія; они вразумились, покаялись въ своихъ бывшихъ заблужденіяхъ, за которыя были отлучены отъ церкви. Тѣ же первые согласные (бывшіе стародубскіе раскольники) въ прошеніи своемъ св. синоду говорили: «Мы недостатки отцовъ и дѣдовъ нашихъ ясно нынѣ видимъ, и постепенно, разсужденіями, чрезъ св. Писаніе, узнали, что церковь восточная и греко-россійская есть святая, православная и самая та, о которой сказано: врата адова не одолѣютъ ей, а потому и ужасаемся о лишеніи святѣйшихъ ея таинствъ» и проч. (Ист. оч. един., М. С—го, 26).

Изъ всего сказаннаго нами о новѣйшей полемикѣ раскола ясно слѣдуетъ, что его возраженія противъ православной церкви существенно отличаются отъ возраженій прежняго раскола: новѣйшій расколъ оставляетъ далеко позади себя своихъ предшественниковъ, и по своимъ воззрѣніямъ на церковь, и по пріемамъ въ доказательствахъ. Прежній расколъ, напримѣръ, съ слѣпымъ фанатизмомъ обличалъ православіе во всевозможныхъ ересяхъ. Современный намъ уже не говоритъ ничего подобнаго: онъ обличаетъ ее только въ расколѣ, утверждая, что «не старообрядство—расколъ, а что расколъ именно есть одно только отступничество архипастырства отъ обычаевъ и обрядовъ, выработанныхъ нашею отечественною церковью» (Новѣйш. челоб. раск., л. 83, на обор.). Тотъ называлъ православныхъ еретиками, которыхъ даже убѣгать должно, а этотъ называетъ ихъ только раскольниками, коснѣющими въ грубомъ упрямствѣ и невѣжествѣ. Онъ не доказываетъ теперь, что патріархъ Никонъ измѣнилъ вѣрѣ отцовъ, «исказилъ вѣру старую, православную»; онъ утверждаетъ только, что Никонъ по одному невѣжеству своему и обрядовому упорству измѣнилъ старые отечественные обряды и тѣмъ «произвелъ

расколъ, хотя этого и не имѣлъ въ виду». Новѣйшій расколъ не говоритъ, что чрезъ выпущеніе въ символѣ вѣры буквы *а*, замѣну двуперстія троеперстіемъ и проч. наша церковь впала въ ересь аріанскую, несторіанскую и другія, но утверждаетъ только, что церковь наша въ лицѣ своего собора (1667 г.) не имѣла права осуждать все старое отечественное обрядство. Онъ не доказываетъ, будто Никоновы «новшества» противны св. Писанію и древне-церковнымъ, свято-отеческимъ установленіямъ, но утверждаетъ только, что соборъ 1667 года, въ лицѣ своихъ представителей-епископовъ, «присвоившихъ себѣ право, вопреки духу и преданіямъ святой апостольской церкви, тираннически распоряжаться обычаями и обрядами своей церкви», незаконно, будто бы, проклялъ старые обряды, достойные, напротивъ, всякаго уваженія, какъ выработанные вѣковою, русскою благочестивою практикою. Наконецъ, новѣйшій расколъ не цитуетъ уже, какъ прежде, для доказательства своихъ положеній, безчисленнаго множества древнихъ свято-отеческихъ свидѣтельствъ, но ссылается, въ этомъ случаѣ, почти на одни только современные намъ источники и большею частью развиваетъ свои положенія чисто теоретически, объясняя ихъ иногда подобіями, сравненіями.

Все это обнаруживаетъ, что новѣйшій расколъ положительно расходится съ прежнимъ въ своемъ взглядѣ на православную церковь. Двухсотлѣтняя его жизнь не прошла для него безслѣдно; время и просвѣщеніе положили замѣтно свою руку и на него. Своею настоящею полемикою противъ православія онъ наглядно убѣждаетъ, что онъ не стоитъ на одномъ мѣстѣ неподвижно, что и онъ развивается по-своему. Расколъ настоящій не бѣжитъ отъ свѣта просвѣщенія, онъ не чуждается не только сочиненій по расколу, написанныхъ православными писателями, но и сочиненій заграничныхъ писателей. Судя по произведеніямъ новѣйшаго раскола, можно заключить, что ему хорошо знакомы не только разные указы и распоряженія св. синода и мѣстнаго епархіальнаго начальства, не только исторіи раскола (преосв. Игнатія, Макарія, Муравьева) и полемическія сочиненія по этой части (митр. Филарета московскаго, въ проповѣдяхъ, и Григорія), но и разные историческіе документы (Софійскій Временникъ, соборное посланіе конст. патріарха Паисія къ патріарху Никону, окружное посланіе единой, святой, соборной и апостольской церкви ко всѣмъ православнымъ христіанамъ, посланіе восточныхъ патріарховъ къ сущимъ въ Великобританіи и проч.), современная духовная журналистика (переписка прот. I. Васильева съ Гизо) и даже латинскій и греческій языки. Но всѣмъ этимъ онъ пользуется въ

своемъ спорѣ противъ православія далеко не по правиламъ здравой, непредубѣжденной полемики. Въ этомъ отношеніи онъ отчасти сходится съ прежнимъ расколомъ. Но за то въ построеніи своихъ мыслей, въ слогѣ — новѣйшій расколъ далеко оставляетъ за собою прежній. Въ логической послѣдовательности, софистической діалектикѣ, въ правильности періодовъ, картинности, а, мѣстами, и въ чистотѣ языка ему, судя по однимъ вышепредставленнымъ выпискамъ изъ его сочиненій, отказать нельзя. Внѣшняя отдѣлка его произведеній вообще отличается стройностью и краснорѣчіемъ, но краснорѣчіемъ разсчитаннымъ на эффектъ, что особенно видно въ его быстрыхъ переходахъ отъ одного предмета къ другому, въ выводахъ, совсѣмъ неидущихъ къ дѣлу.

Такая перемѣна въ направленіи и во взглядѣ новѣйшаго раскола на церковь показываетъ, что онъ исподоволь начинаетъ приближаться къ ней, примиряться съ нею. Онъ и пододвинулся къ ней, но пододвинулся, къ сожалѣнію, еще не настолько близко, чтобы можно было предвидѣть окончательное его примиреніе съ православіемъ. Онъ далеко ещё не питаетъ къ нему расположенія. Обличая церковь въ двухсотлѣтнемъ расколѣ, новѣйшій расколъ считаетъ себя только одного правымъ, вполнѣ православнымъ. Въ силу извѣстныхъ намъ теорій своихъ, онъ считаетъ должнымъ, законнымъ свое требованіе, чтобы вся русская церковь возвратилась къ мнимому старообрядству отъ «поправленнаго новообрядства». Претензія старая,—расколъ нынѣшній и не надѣется на осуществленіе ея,—но за то онъ считаетъ непремѣнною обязанностью церкви дать ему полную свободу, собственную іерархію, независимость [1]).

Наконецъ, прежній расколъ, въ большинствѣ случаевъ, былъ простъ, откровененъ. Но у новѣйшаго этого почти не замѣчается; свое нерасположеніе къ церкви онъ старается прикрывать отъ глазъ читателей подъ своими укоризнами однимъ православнымъ представителямъ церковной власти, подъ своими возвышенными цѣлями, которыя онъ, будто бы, преслѣдуетъ въ своихъ произведеніяхъ. Хитрости въ послѣднихъ несравненно болѣе, чѣмъ даже въ «Поморскихъ отвѣтахъ». Сочиненія новѣйшаго раскола нужно читать съ усиленнымъ вниманіемъ и вниманіемъ, чтобы уловить это. Часто настоящіе его взгляды на извѣстный предметъ именно можно ловить только между строками. Вся почти переписка старообрядца съ Г. Ѳ. носитъ на себѣ именно этотъ характеръ. Здѣсь

---

1) Это требованіе новѣйшаго раскола изложено имъ въ 16-ти пунктахъ (Новѣйш. челобит. раск., въ концѣ, л. 99—108).

онъ, повидимому, и соглашается въ своихъ иныхъ взглядахъ на извѣстный вопросъ съ Г. Ѳ., но въ концѣ концовъ выходитъ не то. Своими софистическими тонкостями, своею діалектикою онъ все какъ будто проповѣдуетъ одно, но въ выводѣ оказывается другое.

Всѣ свои жалобы на несправедливость къ себѣ церкви, всѣ свои стоны и требованія новѣйшій расколъ обставляетъ высшими интересами, мотивируетъ возвышенными цѣлями. Полемизируя противъ православія, онъ маскируется здѣсь поборникомъ правды, выставляетъ себя ратующимъ не за себя только одного, но, какъ мы видѣли, за цѣлый русскій народъ, даже за его національность, за государство, правительство и, наконецъ, за самую апостольскую церковь, предъ которой наша виновата тѣмъ, что возвела, будто бы, обрядъ въ догматъ, что, неправильно составивши соборъ 1667 года, несправедливо осудила первый. И выходитъ, что подобною, по меньшей мѣрѣ небезхитростною постановкою дѣла, новѣйшій расколъ уже вполовину достигаетъ своей цѣли; простодушный читатель стоитъ на его сторонѣ, сочувствуетъ его положенію.

Впрочемъ, будетъ ли успѣшна пропаганда новѣйшаго раскола или нѣтъ — объ этомъ мы не рѣшаемся говорить; это дѣло не наше. Мы замѣтимъ только одно, что аффектація новѣйшаго раскола въ изложеніи своихъ мыслей и брань много могутъ вредить ему въ этомъ случаѣ. То и другое можетъ наводить и простодушнаго читателя на сомнѣніе въ справедливости распространяемыхъ имъ своихъ убѣжденій, можетъ наводить его на изслѣдованія послѣднихъ. Если, въ самомъ дѣлѣ, новѣйшій расколъ глубоко убѣжденъ въ справедливости своихъ положеній, — къ чему онъ, послѣ этого, при развитіи ихъ, старается поражать читателей неожиданными переходами и выводами? зачѣмъ допускаетъ въ этомъ случаѣ чуть не площадную брань?... Новѣйшій расколъ, очевидно, сознаетъ самъ свою внутреннюю несостоятельность, неустойчивость, и старается прикрыть это громкими фразами, картинами и быстрыми, поражающими мысль читателя, выводами. Немудрено послѣ этого, что онъ такъ легко впадаетъ въ противорѣчія, а иногда заговаривается даже, какъ мы видѣли, до положительнаго абсурда.

Д. Троицкій.

ТЕМНОЕ ДѢЛО

РАЗСКАЗЪ.

I.

Меблированныя комнаты мадамъ Штрундъ.

На одной изъ бойкихъ московскихъ улицъ стоялъ большой каменный домъ съ подъѣздомъ. Надъ оконными лѣпными украшеніями бель-этажа тянулась узкая черная полоса съ золотой надписью: «Контора торговаго дома братьевъ Лоскутниковыхъ и К°». Слѣва отъ воротъ шла чугунная узорчатая рѣшетка, упиравшаяся въ сосѣдній брандмауеръ, а въ глубинѣ, за главнымъ корпусомъ, виднѣлся садъ, и поодаль, влѣво, одно-этажный каменный флигель, съ большими полу-циркульными окнами. На входной двери красовалась бѣлая квадратная пластинка, извѣщавшая голубымъ шрифтомъ о существованіи меблированныхъ комнатъ у Амаліи Ивановны Штрундъ. Флигель и порастрескался, и пооблупился, и потемнѣлъ, но владѣтельница меблированныхъ комнатъ, проживавшая въ немъ болѣе десяти лѣтъ, или не замѣчала этого въ силу привычки, или не заводила съ хозяиномъ рѣчи о поправкѣ, потому что внутреннія удобства щедро выкупали его наружные недостатки. Амалія Ивановна, нѣмка изъ остзейскихъ провинцій, первоначально попала въ Москву, въ качествѣ «бонны», къ какимъ-то дѣтямъ аристократическаго происхожденія.... потомъ, влюбившись, какъ только могутъ влюбляться чувствительныя нѣмки, въ одного изъ своихъ соотечественниковъ, пришедшаго въ Бѣлокаменную съ пустымъ карманомъ и съ сердцемъ, полнымъ надеждъ на гостепріимство и радушіе москвичей,

сочеталась съ нимъ законнымъ бракомъ. Надежды г. Штрунда на гостепріимство москвичей оправдались вполнѣ и дали ему возможность свить теплое гнѣздышко... Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ управлялъ онъ богатымъ имѣніемъ какого-то графа, и пока тотъ моталъ деньги за-границей, управитель, «при трудолюбіи и искусствѣ», полегоньку округлялъ себѣ капиталецъ... Когда же графъ, движимый чувствомъ человѣколюбія, затѣялъ соорудить въ Ниццѣ домъ призрѣнія для бѣдныхъ вдовъ и сиротъ, то Штрундъ, выславшій ему съ грѣхомъ пополамъ часть требуемой суммы, смекнулъ, что въ родовомъ имѣніи русскаго вельможи управлять скоро будетъ нечѣмъ, и заблаговременно отошелъ отъ мѣста. Амалія Ивановна спала и видѣла уѣхать на родину, завестись своимъ домкомъ, но супругъ ея, полагавшій, что еще не время отдыхать «отъ трудовъ праведныхъ», задумалъ пустить капиталецъ свой въ оборотъ и увеличить его коммерческими операціями. Непривыкшій къ подобнаго рода аферамъ, предпріимчивый Штрундъ хватилъ вдругъ слишкомъ высоко, оборвался и пошелъ ко дну. Потеря состоянія такъ подѣйствовала на него, что онъ отчаянно заболѣлъ и вскорѣ умеръ, оставивъ жену въ очень незавидномъ положеніи. Слава Богу, что не было дѣтей! Другая въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ потеряла бы голову, но Амалія Ивановна, какъ женщина характерная, героически вынесла всѣ невзгоды на своихъ крѣпкихъ плечахъ. Собравъ всевозможные клочки отъ проскользнувшаго сквозь пальцы состоянія, она немедленно занялась пріискиваніемъ какой-нибудь неблестящей профессіи. Ей хотѣлось пуще всего, чтобы эта профессія избавила ее отъ необходимости идти въ чужой домъ, подъ команду, а упрочила бы за ней право самостоятельной хозяйки, къ которому она такъ привыкла въ продолженіе своего супружества. Послѣ долгихъ развѣдываній, поисковъ, рекомендацій, наткнулась она на больную старуху-нѣмку, державшую меблированныя комнаты въ томъ самомъ флигелѣ, о которомъ мы говорили и, въ качествѣ помощницы, приладилась къ ней. Расторопная Амалія Ивановна съ такимъ умѣньемъ повела хозяйство, въ такой порядокъ привела дѣла и облѣнившуюся прислугу, что хозяйка передъ ней спасовала и мало-по-малу передала ей бразды правленія. Послѣ смерти старухи, Амалія Ивановна приняла всѣ долги на себя и достигла желаемой цѣли, т.-е. сдѣлалась полновластною и единственною обладательницею тѣхъ самыхъ меблированныхъ комнатъ, куда, два года назадъ, робко вступила въ качествѣ помощницы.

Амалія Ивановна была кругленькая женщина лѣтъ 55-ти, съ

пріятнымъ и еще свѣжимъ лицомъ, такъ что, безъ угрызеній совѣсти, могла сбросить годковъ пять-шесть, а при экстренномъ случаѣ, пожалуй, и побольше... Въ щегольскомъ чепчикѣ, въ черномъ, ловко сшитомъ платьѣ, въ бѣлоснѣжномъ, туго накрахмаленномъ воротничкѣ, безъ устали вращалась она въ своихъ владѣніяхъ и неусыпно слѣдила за опрятностью, порядкомъ и комфортомъ жильцовъ. Чисто выметенный корридоръ, съ висячей лампой по срединѣ, былъ устланъ веревочной дорожкой, а подлѣ двери хозяйки красовалась черная лакированная доска съ цифрами и съ мѣдными крючочками, на которые уходившіе жильцы обыкновенно вѣшали ключъ отъ занимаемой ими комнаты. Всѣхъ нумеровъ, съ хозяйской квартирой и съ общей столовой включительно, было десять. Никогда не случалось, чтобы хоть одинъ изъ этихъ нумеровъ оставался незанятымъ болѣе двухъ сутокъ. У Амаліи Ивановны даже были постоянные, годовые жильцы; съ нѣкоторыми изъ нихъ водила она дружбу, кофейничала и игрывала въ карты «по маленькой». Прислуга ея состояла изъ повара Никитича, за которымъ она смотрѣла въ оба и не дозволяла ему частыхъ уклоненій отъ трезвости; изъ пожилой дѣвушки Настасьи и человѣка Николая. Настасья, перешедшая вмѣстѣ съ меблированными комнатами подъ дирекцію Амаліи Ивановны, строго соблюдала заведенные порядки, умѣла угодить всѣмъ и каждому, вслѣдствіе чего пользовалась довѣріемъ хозяйки и расположеніемъ жильцовъ.

Было морозное декабрьское утро. Въ угловомъ, незатѣйливо, но чисто убранномъ нумерѣ о двухъ окнахъ, обращенныхъ къ чугунной рѣшеткѣ, зѣвалъ и потягивался средняго роста плотный господинъ, въ полосатомъ халатѣ. Это былъ брюнетъ, лѣтъ подъ сорокъ, съ одною изъ обыденныхъ физіономій, встрѣчающихся на каждомъ шагу.

— Экъ я для Николы заспался! — подумалъ онъ, взглянувъ черезъ дворъ на улицу, по которой уже сновали сани и пѣшеходы. А все этотъ проклятый рамсъ! шутка—рѣзались почти до двухъ часовъ! Зѣвнувъ еще разъ, онъ быстро направился въ переднюю, отдѣлявшуюся отъ упомянутой комнаты низенькою перегородкой, пріотворилъ дверь въ корридоръ, высунулъ голову и крикнулъ густымъ баритономъ: «Николай! свѣжей воды умыться, да попроворнѣе чаю!»

— Сію секунду-съ! послышался голосъ съ противоположнаго конца.

— Ба, Андрей Николаичъ!—воскликнулъ плотный брюнетъ, увидавъ молодого человѣка красивой наружности, въ щегольской

шубѣ, въ бѣломъ шарфѣ, только-что вошедшаго въ коррйдоръ. Куда васъ Богъ носилъ такъ рано? Поздравлять что-ль кого ходили?

— Нѣтъ... ходилъ къ товарищу, неподалеку, отвѣчалъ тотъ, приближаясь къ говорившему, да не засталъ дома... такая досада!

— Холодно?

— Морозъ порядочный... а главное, очень вѣтрено.

— Вотъ это скверно! мороза не боюсь, но вѣтра терпѣть не могу: такъ всего и прохватываетъ! Не хотите ли стаканчикъ чаю?

— Развѣ еще не пили?

— Нѣтъ, не пилъ—проспалъ!

— Пожалуй, съ удовольствіемъ... только вотъ зайду къ себѣ, раздѣнусь.

— Стало-быть, у меня-то нельзя?

— Нѣтъ, ужъ лучше дома... сейчасъ вернусь.

— Ну, хорошо! а я пока умоюсь. Самоваръ живѣе! прибавилъ брюнетъ, обращаясь къ Николаю, прошмыгнувшему съ полнымъ кувшиномъ воды.

— Слушаю-съ! отвѣтилъ тотъ и черезъ минуту юркнулъ опять въ корридоръ.

Хозяинъ отправился умываться въ спальню, изъ которой низенькая однопольная дверь выходила прямо въ гостиную, куда не замедлилъ явиться Андрей Николаичъ Успенскій. На немъ была черная бархатная жакетка, свѣтлыя брюки и пестрый утренній жилетъ; отложной воротничокъ безукоризненно вымытой сорочки казался еще бѣлѣе отъ темно-русой бороды, обрамлявшей его изящное лицо.

— Экой у васъ легкій воздухъ! замѣтилъ Успенскій, расхаживая по комнатѣ. А у меня бываетъ такъ душно, въ особенности, какъ Николай нажаритъ печку, не знаю куда дѣваться!

— Развѣ форточки-то нѣтъ? спросилъ хозяинъ, вытиравшій полотенцемъ раскраснѣвшіяся щеки.

— Какъ не быть... да прямо къ помойной ямѣ...

— Фу, скверность! По-моему, комната безъ форточки грошá не стóитъ. Какъ не отворять: самоваръ начадитъ... накурятъ... жарко... безъ форточки просто задохнешься!

Дверь изъ корридора распахнулась настежъ и Николай влетѣлъ съ чайной посудой. Разставивъ всѣ принадлежности на кругломъ, покрытомъ суконной скатертью, столѣ, отправился онъ за самоваромъ, а брюнетъ тѣмъ временемъ вышелъ въ пріемную, умытый, приглаженный и замѣнившій полосатый халатъ сѣренькимъ пальто.

— Еще разъ здравствуйте! обратился онъ къ гостю.

— Ужъ это вы не для меня ли, Егоръ Егорычъ, съ халатомъ-то разстались? спросилъ тотъ.

— Э, сталъ бы я церемониться по сосѣдству! Нѣтъ, ко мнѣ того и гляди припожалуетъ купецъ Меркуловъ: я ему вчера отлично запродалъ хлѣбъ... задатокъ привезти хотѣлъ... такъ въ халатѣ-то будто неловко. Садитесь-ка, Андрей Николаичъ! да не хотите ли курнуть? Вонъ папиросы-то на письменномъ столѣ.

— У меня есть сигары—благодарю васъ.

Николай явился съ самоваромъ. Хозяинъ принялся заваривать чай, а гость, помѣстившійся подлѣ него, досталъ изъ бокового кармана черепаховую сигарочницу съ золотымъ ободкомъ и, открывъ ее, вынулъ гаванскую сигару.

— Эге! замѣтилъ Егоръ Егорычъ, да вы сигарочки-то покуриваете, кажется, недурныя?

— Да, къ несчастію, разборчивъ... много денегъ жгу! Неугодно ли? предложилъ Андрей Николаичъ, протягивая портъ-сигаръ.

— Позвольте... выкурю одну съ чаемъ.—Экая прелесть! любовался Егоръ Егорычъ, вертя въ рукахъ сигарочницу. Славная вещица! И какъ всѣ угодья прилажены искусно... и вензель въ лавровомъ вѣнкѣ... Щеголь вы, батюшка—одно слово! заключилъ онъ, положивъ сигарочницу на столъ.

— Ты чего дожидаешься? спросилъ онъ, взглянувъ на Николая, который переминался подлѣ стола, видимо собираясь повести о чемъ-то рѣчь.—Николай былъ низенькій, тщедушный человѣчекъ съ глуповато-умильной физіономіей, съ черными курчавыми волосами.

— Я, сударь, къ вамъ съ просьбицей..., ухмыльнулся онъ.

— Чтó такое?

— Я имянинникъ-съ... по тому случáю отпросился у Амаліи Ивановны на цѣлый день со двора...

— Ну?

— Отпустила... только, говоритъ, смотри—чтобъ нумера были прибраны какъ слѣдуетъ. Я полегоньку управился вездѣ... дозвольте управиться и у васъ, пока кушаете чай... а то будетъ поздно-съ: ужъ больно долго изволили почивать...

— А! ты имянинникъ? честь имѣю поздравить... Ну, убирай пока спальню, да пришей пожалуйста стяжку къ чернымъ брюкамъ—я въ нихъ поѣду. Затѣмъ, получишь рублевку и ступай на всѣ четыре стороны!

— Вотъ дай вамъ Господи добраго здоровья, сударь, про-

говорилъ съ сіяющей улыбкой Николай. Наичувствительнѣйше благодаренъ!

— А съ меня подождешь, сказалъ Андрей Николаичъ, взглянувъ на часы. Я, братъ, въ сильномъ безденежьи для твоихъ имянинъ!

— Помилуйте, сударь! перепало мнѣ отъ васъ и безъ имянинъ: вы баринъ добрый—нéчего и говорить!

— Что-жъ, хозяйка дала тебѣ на чай-то? спросилъ Егоръ Егорычъ.

— Дала-съ, да ужъ больно маловато—всего 50 копѣекъ! Ты, говоритъ, еще у меня недавно... прежде послужи. Нѣмка-съ, одно слово... за грошъ удавится! Что ей за дѣло, что имянинникъ разъ въ годъ!

— А тебѣ бы хотѣлось два? подшутилъ Егоръ Егорычъ. Экой ловкій! карманъ, знать, любишь набивать?—У насъ вонъ помѣщикъ, тоже Николай, такъ бѣгаетъ отъ имянинъ-то: зимой, въ Москвѣ говоритъ, что онъ Никола лѣтній, а лѣтомъ, въ деревнѣ—что зимній... да такъ и проводитъ на бобахъ...

Николай принесъ щетку и отправился въ спальню, а пріятели продолжали бесѣдовать за самоваромъ, частенько поглядывая на часы. Неизвѣстно, чего ждалъ Успенскій, но Егоръ Егорычъ нетерпѣливо дожидался покупщика съ обѣщаннымъ задаткомъ. Вдругъ скрипнула дверь... кто-то вошелъ въ переднюю и осторожно кашлянулъ.

— Знать, мой купчина! шепнулъ хозяинъ и поспѣшилъ встрѣтить желаннаго гостя, но вмѣсто его встрѣтилъ молодцоватаго ярославца съ рыжеватой бородкой, въ дубленомъ полушубкѣ, ловко перетянутаго краснымъ кушакомъ.

— Егору Егоровичу нижайшее почтеніе! проговорилъ ярославецъ съ какою-то вычурною отчетливостью, поклонившись и бойко встряхнувъ въ кружокъ остриженными волосами.

— А... Семенъ Иванычъ... добро пожаловать! Что скажешь?

— Да вотъ-съ Трифонъ Григорьевичъ очненно вамъ кланяются... обѣщанный задаточекъ вручить приказали.

— Дѣло хорошее! а я-было его самого поджидалъ.

— Пріѣхать сами никакъ не могутъ: въ отбытіи изъ Москвы-съ.

— Э!.. куда его Богъ понесъ?

— Дѣльцо больно подходящее съ налёта подвернулось... упустить не рука... по этой самой оказіи они рано утромъ и въ дорогу срядились. Да вѣдь это все единственно-съ: задаточекъ извольте получить отъ меня.

— Конечно, все равно: я дамъ тебѣ росписку и вся недолга!

А между прочимъ, не хочешь ли хлебнуть чайку? самоваръ на столѣ.

— Дѣло бы, сударь, незазорное... да какъ бы васъ не обезпокоить?

— Вотъ тебѣ-на! что за безпокойство—ступай!

Вошедшій ярославецъ развязно поклонился Андрею Николаичу, привѣтливо отвѣтившему на поклонъ; но прежде, чѣмъ подсаживаться къ самовару, вынулъ изъ-за пазухи бумажникъ, а изъ бумажника толстый пакетъ съ крупной надписью: «Милостивому государю Егору Егоровичу Бусыгину, отъ Трифона Григорьева Меркулова, со вложеніемъ четырехъ-сотъ рублей серебромъ.»

— Допрежъ всего, сказалъ ярославецъ, соблаговолите получить задаточекъ, да пересчитать депозитки-съ. Онъ ловко надломилъ печать, вынулъ деньги и сталъ ихъ раскладывать передъ Бусыгинымъ.

— Вотъ сотня-съ... вотъ другая... вотъ третья... вотъ четвертая... такъ ли по вашему-съ?

— Точно такъ, подтвердилъ Бусыгинъ. Экой мелочи набрали! а впрочемъ хорошо—мѣнять не нужно. Андрей Николаичъ! обратился онъ къ Успенскому, потрудитесь гостю налить стаканчикъ, а я тѣмъ временемъ росписку напишу.

Онъ отперъ ящикъ письменнаго стола, взялъ листокъ почтовой бумаги и черезъ нѣсколько минутъ росписка была готова.

— Вотъ, сказалъ Бусыгинъ, отдавая ее Семену Иванычу, читай —такъ ли?

— Все какъ надо быть-съ! заявилъ тотъ, внимательно прочитавъ написанное; потомъ сложилъ росписку вдвое, положилъ въ бумажникъ, который бережно всунулъ опять за пазуху и попробовалъ, крѣпко ли затянутъ кушакъ.

— Ахъ, деньги, деньги! сокрушался Бусыгинъ, укладывая бумажки въ пакетъ; такъ между пальцевъ и скользятъ... и ничего безъ нихъ не подѣлаешь! Вѣдь вотъ порядочный кушъ получилъ, а надолго ли хватитъ? Завтра сто рублей портному обѣщалъ... гляди, чѣмъ свѣтъ явится, мошенникъ! Сто рублей на бархатную шубку съ собольей опушкой...

— Невѣсту, надо полагать, имѣете въ виду, Егоръ Егоровичъ? лукаво перебилъ ярославецъ, принимаясь за второй стаканъ.

— Будто ужъ кромѣ невѣстъ и некому дарить такихъ шубокъ? усмѣхнулся тотъ. Эхъ ты, Семенъ Иванычъ! чай, самъ знаешь эту статью-то... а?

Семенъ Иванычъ, вмѣсто отвѣта, значительно крякнулъ, какъ

бы въ подтвержденіе, что упомянутая статья ему дѣйствительно небезъизвѣстна.

— Значить, двѣсти рублей вонъ, продолжалъ Бусыгинъ, кладя пакетъ въ ящикъ письменнаго стола. Да послѣ театра придется въ маскарадѣ поужинать съ шампанскимъ... вотъ и разсчитывай!

— А вы денегъ-то много не берите-съ, внушалъ ярославецъ, такъ и соблазна меньше будетъ... При деньгахъ какъ разъ къ бархатной шубкѣ соболью шапочку прикинете, а безъ денегъ посулить можно: посулъ ничего-съ... дѣло неубыточное!—Успенскій и Бусыгинъ засмѣялись.

— Экой плутъ! весело замѣтилъ хозяинъ, а вѣдь истинную правду говоритъ: какъ его не послушаться? — Есть въ портмоне рублей съ двадцать—авось управлюсь!—Катнемъ, Андрей Николаичъ, вмѣстѣ?

— Нѣтъ, Егоръ Егорычъ, финансы не позволяютъ... да къ тому же у меня въ виду свадьба: на-дняхъ придется съѣздить въ Клинъ.

— Какъ? развѣ женитесь?

— Не женюсь, а сестра выходитъ замужъ: надо ее устроить. Да какъ же вы попадете въ театръ? прибавилъ Успенскій; помнится, вчера говорили, что приглашены къ какому-то имянинику?

— Э... къ пріятелю, на холостой обѣдъ! Возвращусь часамъ къ восьми, переодѣнусь и въ театръ, а послѣ въ маскарадъ. Ѣдемъ—полноте жаться!

— Не могу! Впрочемъ... можетъ быть, если не задержитъ одно обстоятельство... А лучше не разсчитывайте на меня!

— Экой несговорчивый! проговорилъ Бусыгинъ, махнувъ рукой. Что-жъ ты не пьешь, Семенъ Иванычъ? обратился онъ къ ярославцу, съ котораго градомъ катился крупный потъ.

— Много благодарны, не могу-съ: оченно ужъ пропотѣлъ! Да и ко дворамъ пора: время-то, надо полагать, не мало-съ?

— Четверть перваго, сказалъ Андрей Николаичъ, посмотрѣвъ на часы.

— Ахъ, батюшки, пора-съ!

— Погоди, погоди! обратился къ нему Бусыгинъ, мнѣ надо кое-что тебѣ сказать. Да сними дубленку-то: что ты въ ней прѣешь?

— Ничего-съ... не извольте безпокоиться... и такъ посидимъ.

— Николай! крикнулъ хозяинъ, поди-ка сюда.

— Чего изволите, сударь? спросилъ вышедшій изъ спальни Николай, съ иголкою въ рукахъ.

— Я обѣщалъ тебѣ рубль — такъ?

— Точно такъ-съ.

— Вотъ тебѣ на радостяхъ два, расщедрился Бусыгинъ, вынувъ изъ портмоне, лежавшаго въ письменномъ столѣ, двѣ новенькія бумажки.

— Покорнѣйше благодарю, сударь! воскликнулъ довольный Николай, кланяясь въ-поясъ. Дай вамъ Господи получить еще больше!

— Убралъ спальню? спросилъ Бусыгинъ, задвигая ящикъ и запирая его на ключъ, который опустилъ себѣ въ карманъ.

— Убралъ-съ.

— Ну, теперь вотъ что: приготовь фракъ, сорочку съ вышитой грудью... въ середнемъ комодѣ... знаешь? бѣлый жилетъ... да осмотри, всѣ ли пуговицы; новые сапоги достань... кажется, все? Ты рано ли придешь домой-то?

— Раньше десяти не приду-съ... такъ и у Амаліи Ивановны отпросился. А развѣ на что буду нуженъ?

— Нѣтъ; я къ восьми часамъ пріѣду вѣдь только переодѣться, да и маршъ! Приготовь, что нужно, и ступай съ Богомъ; гостиную уберешь завтра: теперь и нѣкогда, и поздно.

— Слушаю-съ, отвѣтилъ Николай и ушелъ опять въ спальню.

— Ну, Семенъ Иванычъ, вотъ что я хотѣлъ сказать тебѣ, продолжалъ Бусыгинъ, садясь подлѣ ярославца.

— Что такое будетъ-съ?

— Муку-то я вѣдь вамъ продешевилъ!

— Помилуйте, Егоръ Егоровичъ! по 80-ти копѣекъ за пудъ-то? Господь съ вами! Да на что-жъ лучше этой цѣны?

— Бываетъ, милый человѣкъ, и лучше! Если бы я не поторопился, такъ Селифановъ далъ бы и по девяти гривенъ съ удовольствіемъ.

— Напрасно вы такъ полагать изволите: Селифанову супротивъ насъ не торговать-съ! Опять же съ нами дѣло не впервые имѣете... люди знакомые...

— Оно такъ, а все-таки Трифонъ Григорьичъ поприжалъ меня... Да и ты тутъ не кстати егозилъ: для чего рожь-то на пять съ четвертью сбилъ? а? безстыжіе твои глаза!

— Ничего я не сбивалъ-съ: рожь изволили продать не въ убытокъ. Ужъ больно сыровата... сами знаете...

— Врешь ты, любезный!

— Какъ передъ истиннымъ Создателемъ, сыровата-съ!

— Знай свое толкуетъ! Ну, да что тутъ перекоряться: хочешь грѣхъ пополамъ?

— Коли грѣхъ не великъ, такъ отчего же-съ...

— Уломай хозяина взять 260 мѣръ овса! Мы вчера ладились, да не сладились, а ты это дѣло обработаешь—я знаю.

Ярославецъ самодовольно усмѣхнулся.

— Хозяинъ твой, продолжалъ Бусыгинъ, больше четырехъ рублей двадцати-пяти за четверть не даетъ, а я прошу четыре тридцать-пять. Овесъ великолѣпный, сухой, крупный!

— Нѣтъ-съ, Егоръ Егоровичъ, эта музыка неподходящая! Такую цѣну по теперешнему времени мудрено вамъ получить... дорогонько!

— Ахъ, ты выжига ярославская! Что-жъ, по-твоему, стóитъ? Семенъ Иванычъ погладилъ бородку и призадумался. Потомъ, вскинувъ плутоватые глаза прямо на Бусыгина, твердо отчеканилъ:

— Четыре рублика тридцать—настоящая, безобидная цѣна... слѣдуетъ говорить по-божьему!

— Нѣтъ, ужъ ты налаживай на тридцать-пять, да и спрыснемъ сдѣлку въ Троицкомъ!

— Видитъ Богъ, нельзя-съ: нескладно будетъ! Вы пять копѣечекъ скиньте, мы, значитъ, пять копѣечекъ накинемъ, грѣхъ-атъ и выдетъ пополамъ-съ!

— Ахъ ты, мошенникъ! Ну, что съ нимъ прикажешь дѣлать? Ярославецъ хихикнулъ; за нимъ разсмѣялись Бусыгинъ и Успенскій.

— Я, сударь, убрался, сказалъ Николай, выходя изъ спальни со щеткой и жестянымъ лоточкомъ наметеннаго сора.

— Ну, ступай. Развѣ вотъ самоваръ бы снять? Впрочемъ, Настя сниметъ—ступай!

Николай ушелъ; вслѣдъ за нимъ поднялся и ярославецъ.

— Куда-жъ ты, Семенъ Иванычъ? посиди, потолкуемъ... останавливалъ его довольный сдѣлкою Бусыгинъ. Не хочешь ли рюмочку мадеры?

— Нѣтъ-съ, Егоръ Егоровичъ, благодаримъ покорно! отвѣчалъ тотъ, встряхнувъ головой. Мы эфтимъ не балуемъ...

— Какъ? неужели не пьешь?

— Ни синь-пороху, окромя пива-съ... и то при какой ни-на-есть веселой оказіи. Пиво, сами изволите знать, напитокъ не винный-съ...

— Ну, братъ, несовсѣмъ невинный, какъ хлебнешь черезъ край! захохоталъ Бусыгинъ, хлопнувъ его по плечу. Когда же хозяинъ-то пріѣдетъ? спросилъ онъ, переставъ смѣяться.

— Завтрашній день къ вечеру неотмѣнно будутъ въ Москвѣ-съ.

— Такъ я послѣ-завтра и побываю, а ты его ужъ подготовь, да смотри... не надуй...

— Помилуйте—зачѣмъ надувать! Мы тоже совѣсть имѣемъ... дѣла, слава Богу, дѣлаемъ не первый годъ, да и у хозяина въ довѣрности состоимъ.

— Ну, ладно, ладно!

— Прощенья просимъ! заключилъ ярославецъ, раскланиваясь. Счастливо оставаться-съ!

II.

Неожиданная тревога.

— Вотъ и дѣло въ шляпѣ! воскликнулъ Бусыгинъ, проводивъ ярославца и весело потирая руки. Что, Андрей Николаичъ, чай, разговоръ-то нашъ наскучилъ?

— Нисколько. Во-первыхъ, я заинтересовался приказчикомъ, а во-вторыхъ, подобные разговоры для меня не новость: въ два года таки-понаслушался ихъ у Блинова—онъ тоже торгуетъ хлѣбомъ.

— У какого Блинова?

— Да гдѣ жилъ учителемъ... я, кажется, вамъ говорилъ?

— А! сына готовили въ университетъ? помню. Что этотъ Блиновъ, ведетъ большую торговлю?

— Даже очень: у него огромный оборотъ.

— Видаетесь вы съ нимъ?

— Нѣтъ... съ тѣхъ поръ какъ отошелъ, не видаюсь...

— Жаль... недурно бы познакомиться съ такимъ тузомъ! Вы бы меня отрекомендовать могли.

— Не жалѣйте...

— А что? плутъ?

— Не больше, чѣмъ другіе, но скверный характеръ... грубый, дерзкій: какъ разъ наткнешься на непріятность.

— Такъ къ чорту его! Меркуловъ хоть и скуповатъ, да съ нимъ весело дѣла вести; главное—платится отлично, безъ задержки. Спасибо ему! добавилъ Бусыгинъ. Теперь я, по крайней мѣрѣ, съ деньгами и въ Москвѣ поживу, съ деньгами и домой вернусь.

— Святки думаете пробыть здѣсь? спросилъ Успенскій.

— Непремѣнно: надо ужъ окончательно разсчитаться съ Меркуловымъ. А сколько еще коммиссій придется исполнить—Господи! Надавали порученій съ три короба: не знаю съ чего и начинать...

— Да, деревенскіе жители на порученія не скупятся, замѣтилъ Андрей Николаичъ. Чуть прознають, кто ѣдеть въ Москву или въ Петербургъ, сейчасъ занадобится все!

— Пуще бабьё пристаетъ... сказалъ Бусыгинъ, хоть на глаза не кажись! Одной мыла привези непремѣнно отъ Буиса; другой духовъ; третьей — кофейникъ паровой; четвертой — конфектъ отъ Эйнема... и чтобы такихъ-то не клали, а этакихъ побольше... точно я стану каждую фитюльку разбирать! Да это еще что! Одна вонъ заказала талисманъ неувядаемой красоты привезти... одалискъ какой-то... Бабѣ за 50-тъ... ну, на кой ей прахъ одалискъ, посудите сами? Вѣритъ же, старая дура, что талисманъ и морщины расправляетъ, и веснушки сгоняетъ, и лицо убѣляетъ, и блескъ глазамъ придаетъ, и кожу паче бархата умягчаетъ...

— Только старухъ въ молодыхъ не превращаетъ! шутливо заключилъ Успенскій.

— Да... вотъ этого-то, знать, не смекнула! подтвердилъ Бусыгинъ. Другой, что съ утра до ночи объ женихахъ гадаетъ, африканскую... не то «американскую гадалку» привези... Ишь какія-то кабалистическія карты... въ дѣвственныхъ лѣсахъ, въ пещерахъ открыты... Стыдно и спрашивать-то: подумаютъ, этакую белиберду себѣ покупаю! Не забыть бы еще султанской, несмываемой краской для одного заштатнаго франта запастись... Христомъ-Богомъ просилъ: женится на семнадцатилѣтней институткѣ... Ну, это еще, по-моему, простительно...

— Какая несправедливость! вступился Успенскій. Смѣетесь надъ женщинами...

— Андрей Николаичъ! неожиданно перебила вошедшая Настасья, васъ какая-то дѣвушка спрашиваетъ.

— Иду! радостно воскликнулъ тотъ, и не простившись съ хозяиномъ, опрометью выбѣжалъ изъ комнаты.

— Эге, пріятель! закричалъ ему вслѣдъ Бусыгинъ. «Знать голубка прилетѣла со далекой стороны?» — Ишь обрадовался! Возьми-ка все отсюда, обратился онъ къ Настасьѣ. Я сейчасъ буду одѣваться—пора ѣхать.

Настасья, пожилая, чисто одѣтая дѣвушка, съ отчетливымъ лицомъ, взяла самоваръ и черезъ нѣсколько минутъ вернулась за посудой. Она поставила все на подносъ и осторожно приподнявъ забытый Успенскимъ портъ-сигаръ, смахнула со скатерти.

— Вамъ ничего не требуется, сударь? спросила она, собираясь уйти.

— Ничего, дружокъ—ступай! отвѣчалъ Бусыгинъ, помадясь передъ зеркаломъ.

Настасья ушла, а вскорѣ послѣ ея ухода отправился на имянины и Егоръ Егорычъ, повѣсивъ ключъ на извѣстную доску съ цифрами, подлѣ комнаты хозяйки.

Черезъ нѣсколько времени, Андрей Николаичъ, въ шубѣ, въ томъ же бѣломъ шарфѣ, стукнулся къ Бусыгину. Отвѣта нѣтъ. Стукнулся еще раза два—то же молчаніе. «Уѣхалъ», подумалъ онъ, и взявши ключъ отъ нумера Бусыгина, отперъ дверь и вошелъ туда...

— Андрей Николаичъ, здравствуйте! привѣтливо сказала Амалія Ивановна, вышедшая въ корридоръ въ то самое время, какъ Успенскій запиралъ комнату Егора Егорыча. Мы еще сегодня не видались.

— Не видались, Амалія Ивановна! подтвердилъ тотъ подходя къ ней и вѣшая ключъ.

— Что это? никакъ вы держите его подъ замкомъ? пошутила хозяйка, кивнувъ на угловой нумеръ.

— Нѣтъ, онъ уѣхалъ; а я вотъ входилъ за сигарочницей: давеча пилъ у него чай, да и позабылъ второпяхъ. Хорошо, что какъ оставилъ на столѣ, такъ и лежитъ...

— Куда же вы? сейчасъ обѣдъ подадутъ.

— Аппетитъ пропалъ,—усмѣхнулся Успенскій. Пойду къ товарищу—долгъ отдать... потомъ, быть можетъ, въ театръ отправлюсь.

— А!.. значительно протянула Амалія Ивановна. Вѣрно безденежье кончилось?

— Кончилось! завтра буду имѣть удовольствіе расквитаться и съ вами.

— Это хорошо. Мнѣ, признаюсь, деньги нужны.

— Да кому же, скажите, онѣ не нужны? Безъ денегъ плохо живется... Удивляюсь только, прибавилъ Успенскій, какъ копятъ ихъ, или какъ тратятъ умѣючи: никакъ не могу пріобрѣсти этого умѣнья! Дайте мнѣ, напримѣръ, десять тысячъ, да обяжите тратить по тысячѣ въ годъ, не больше—я буду самый несчастный человѣкъ! Ну, какъ остановиться именно на одной тысячѣ, если знаешь, что есть возможность прожить двѣ, три и четыре...

— Нѣтъ, возразила Амалія Ивановна, такъ нельзя... въ особенности, когда семейство... обязанности...

Мгновенное облако грусти скользнуло по лицу молодого человѣка.

— Вы правы, сказалъ онъ, вздохнувши. Неумѣстная трата денегъ отзывается, при случаѣ, очень тяжело... досадно бываетъ на самого себя... Ну, да авось исправлюсь! заключилъ онъ, поклонившись хозяйкѣ, потому что завидѣлъ Настасью съ миской, призывавшей Амалію Ивановну на обычный постъ.

Послѣ обѣда большая половина нахлѣбниковъ мадамъ Штрундъ разбрелась въ разныя стороны. Въ концѣ корридора, освѣщеннаго висячей лампой, подлѣ входной двери, за небольшимъ ясеневымъ столомъ сидѣла Настасья. Подперевъ обѣими руками подбородокъ, она сосредоточенно смотрѣла, какъ маленькая, горбатая старушонка раскладывала передъ ней карты.

— Ну, Настенька! прорицала ворожея, безпрестанно послюнивая концы пальцевъ, потому что грязныя карты едва отдѣлялись одна отъ другой:—трефовому королю большія хлопоты... и словно болѣсть какая... А вотъ и поздняя дорога въ бубновый домъ... Да, бубны отъ него не отходятъ!

Обложивъ трефоваго короля по общепринятому способу гадальщицъ, старушонка уткнула въ щеку палецъ правой руки и начала, послѣ глубокомысленнаго соображенія, истолковывать значеніе разложенныхъ картъ.—Думаетъ... думаетъ о поздней дорогѣ! говорила она, потряхивая головой. Антересуется письмомъ отъ марьяжной дамы... видишь? а вотъ этотъ валетъ... сродственникъ, аль пріятель какой, черезъ свиданіе съ червями, почтенную даму на сердцѣ держитъ... и черезъ трефовый антиресъ, быдто въ казенномъ домѣ... ссора выходитъ!

— У кого ссора? подобострастно спросила Настасья, потерявшая нить истолкованій. У валета съ дамой или у дамы съ трефовымъ королемъ?

— Съ дамой... съ дамой! поясняла гадальщица. Нѣтъ, мать моя, постой-ка... съ королемъ! такъ и есть, съ королемъ: вонъ винновая-то девятка гдѣ! Неладна шестерка въ головахъ... Ну, мать моя! въ поздней дорогѣ ему свиданіе и опять-таки въ бубновомъ домѣ... съ бубновой дамой... А дамѣ этой вышло скверно: ишь какъ винновый тузъ-то легъ?.. Непріятность... неожиданная непріятность! Въ глазахъ у него веселая компанія и словно драка... побои... а все-таки ничего: ему хорошо!

— Слава Богу! порадовалась Настасья. Что́-то вотъ конецъ гаданья скажетъ: чѣмъ-то все кончится?

Въ эту самую минуту входная дверь распахнулась и вошелъ Бусыгинъ, весь въ снѣгу.

— Не приходилъ Николай? спросилъ онъ вскочившую Настасью.

— Никакъ нѣтъ-съ: онъ отпущенъ до десяти часовъ, а теперь только безъ четверти восемь. Что вамъ угодно?

— Да вотъ бы шубу встряхнуть.

— Позвольте, я...

— Ну, потрудись, голубушка! Снѣгъ хоть и сухой, а все-таки непріятно.

Бусыгинъ, снявъ шубу, вошелъ къ себѣ въ нумеръ, куда Настасья вскорѣ принесла ее и широко раскинула на вѣшалкѣ.

— Спасибо, Настя! проговорилъ онъ, зажигая въ спальнѣ свѣчу.

— Не изволите чего приказать? спросила та.

— Нѣтъ, ничего: я сейчасъ ѣду—только переодѣнусь.

— Очень хорошо-съ, проговорила дѣвушка и отправилась дослушивать «вѣрнѣющій конецъ гаданья».

Не успѣла она путемъ допытаться смысла какого-то весьма темнаго пункта, какъ Бусыгинъ выскочилъ въ корридоръ, во фракѣ, въ бѣломъ жилетѣ, и самъ бѣлѣе этого жилета...

— Настасья! неистово крикнулъ онъ, гдѣ хозяйка?

Настасья, взглянувъ на него, оторопѣла.

— Слышишь? еще неистовѣе крикнулъ Бусыгинъ. Гдѣ хозяйка?.. Меня обокрали!..

— Какъ... обокрали? заикалась горничная, глядя во всѣ глаза на Егора Егорыча, лицо котораго, за минуту блѣдное, вспыхнуло какъ зарево.

— Что за шумъ? что такое, тревожно спросила Амалія Ивановна, появившаяся въ корридоръ. Слѣва выползла какая-то длинная, сухощавая нѣмка, справа выступилъ отставной майоръ, съ черешневымъ чубукомъ. Къ общей группѣ примкнула горбатая старушонка, подшептывая Настасьѣ: «Вотъ тебѣ винновый тузъ-то! вотъ непріятность-то въ бубновомъ домѣ... видишь? Ужъ даромъ слова не вымолвлю!» И она вразумительно постукивала указательнымъ пальцемъ правой руки въ ладонь лѣвой.

— Что такое? повторила Амалія Ивановна.

— То-съ, госпожа Штрундъ, рѣзко сказалъ Егоръ Егорычъ, что у меня изъ комнаты, изъ запертаго ящика, въ мое отсутствіе украли четыреста рублей серебромъ! Поняли?

Амалія Ивановна измѣнилась въ лицѣ.

— Не можетъ быть! всполошилась она. Отроду никакой кражи у меня не случалось, и вдругъ вы говорите...

— Да-съ, говорю... имѣю право говорить! Какъ пропали деньги,

кто ихъ взялъ—ваше дѣло знать! Вы хозяйка... вы должны смотрѣть... ключъ былъ здѣсь. Это ни на что не похоже! кипятился Егоръ Егорычъ, размахивая руками. Воруютъ изъ-подъ носу и хозяйка знать не знаетъ, вѣдать не вѣдаетъ! Да вѣдь это такъ не пройдетъ-съ: будьте покойны! Я заявлю въ полицію... сегодня же... сейчасъ! Хороши порядки!

— Порядки тутъ ни въ чемъ невиноваты, вступился майоръ. Я живу у Амаліи Ивановны не первый годъ, и кромѣ благочинія...

— Чортъ-ли въ этомъ благочиніи! рѣзко перебилъ Бусыгинъ. У меня украдены четыреста рублей—вотъ вамъ и благочиніе.

— Божъ мой... какой слючай! прошепелявила сухощавая нѣмка.

— Экой грѣхъ тяжкій! вздохнула горбатая старушонка, пятясь подальше отъ Бусыгина.

— Прежде, чѣмъ обвинять меня, произнесла Амалія Ивановна съ достоинствомъ, сдѣлайте одолженіе, г. Бусыгинъ, объясните въ чемъ дѣло. Я рѣшительно не понимаю, объ какихъ деньгахъ вы говорите?

— Вся исторія въ двухъ словахъ, нетерпѣливо порѣшилъ тотъ. Окружавшая его группа навострила уши.

— Купецъ, которому я запродалъ хлѣбъ, объяснялъ Егоръ Егорычъ, прислалъ мнѣ ныньче утромъ съ приказчикомъ задатокъ, четыреста рублей. Я положилъ деньги въ письменный столъ, заперъ ящикъ, взялъ съ собой ключъ... вотъ онъ—изволите видѣть? потомъ отправился на имянины. Послѣ обѣда сѣлъ играть въ карты и проигралъ почти все, что́ было въ портмоне. Заѣзжаю сюда переодѣться, хочу взять рублей пятьдесятъ, отпираю ящикъ... пакета съ деньгами нѣтъ!—Перерылъ, перекопалъ все—деньги исчезли!.. Что вы на это скажете, сударыня? заключилъ онъ, дерзко уставившись на хозяйку.

— Странная вещь! изумлялась та. Никто къ вамъ не пріѣзжалъ... я была безотлучно дома... ключъ здѣсь... Рѣшительно не понимаю!

— А я еще меньше! заносчиво сказалъ Бусыгинъ. Что приказчикъ отдалъ мнѣ собственноручно четыреста рублей, что получилъ отъ меня въ этихъ четырехъ-стахъ росписку, то могутъ засвидѣтельствовать г. Успенскій и Николай: оба они въ это время были у меня въ нумерѣ. Вы не отлучались изъ дому, ко мнѣ никто не входилъ, ящикъ не поврежденъ, а деньги украдены! Ну, разсудите на милость, что-жъ это такое?

Амалія Ивановна раздумчиво покачала головой.—Входилъ... правда... нерѣшительнымъ тономъ замѣтила она.

— Кто входилъ? рѣзко воскликнулъ Бусыгинъ, вслушавшійся въ эти слова.

— Нѣтъ... не можетъ быть... соображала хозяйка.

— Чего не можетъ быть? говорите, ради Бога! кипятился Бусыгинъ, смотря на нее въ упоръ.

— Чтобы такой прекрасный молодой человѣкъ, какъ Успенскій, былъ способенъ взять деньги... невѣроятно!

— Успенскій! почти вскрикнулъ Егоръ Егорычъ. Успенскій входилъ ко мнѣ?

— Входилъ... я сама видѣла..., подтвердила смутившаяся хозяйка, которой было тяжело увеличивать позорное обвиненіе, падавшее на Андрея Николаича.

— Входилъ? заревѣлъ Бусыгинъ, зачѣмъ?

— Ишь сигарочницу позабылъ...

— Какую сигарочницу? это вздоръ! Долго ли же онъ оставался?

— Не знаю: я встрѣтилась съ нимъ въ то время, какъ онъ ужъ запиралъ вашу дверь.

— Ну-съ?

— Ну, я пошутила съ нимъ немножко... думала, что онъ васъ заперъ...

— А онъ что?

— Ничего. Я, говоритъ, давеча пилъ тамъ чай, да сигарочницу на столѣ оставилъ: ходилъ за ней.

— Потомъ?

— Потомъ сказалъ, что обѣдать не хочетъ... пошелъ товарищу долгъ отдать... собирался въ театръ...

— Какъ же онъ отказался, когда я звалъ его съ собой? бѣсился Бусыгинъ; увѣрялъ, что денегъ нѣтъ? Даже Николаю не далъ ни копѣйки!

— А со мной завтра расплатиться хотѣлъ, заявила Амалія Ивановна. Сказалъ, что при деньгахъ...

— Мерзавецъ! перебилъ внѣ себя Бусыгинъ. Теперь я убѣжденъ, что деньги не миновали его рукъ: при немъ онѣ были привезены, при немъ я ихъ считалъ, при немъ заперъ въ ящикъ...

— Не обронили ли гдѣ, сударь? вступилась Настасья. Можетъ и положили въ ящикъ, да послѣ передумали — взяли съ собой? Какъ-нибудь на дорогѣ...

— Э, матушка... я не полоумный! То положилъ, то взялъ, то обронилъ... что за вздоръ?

— А вы, сударыня, чего смотрѣли? набросился онъ на хозяйку. Ужъ если пускаете жильцовъ безъ разбора, должны по крайней мѣрѣ ограждать порядочныхъ людей! Бусыгинъ сгоряча позабылъ, что въ окружавшей его группѣ находился квартирантъ-майоръ!

— Я не къ вамъ это отношу, Никаноръ Васильичъ, поправился онъ, спохватившись, что сдѣлалъ не совсѣмъ ловкое замѣчаніе.

— Извините, оправдывалась Амалія Ивановна, задѣтая за живое, всѣ мои квартиранты люди честные, благородные. Да и про Успенскаго ничего дурного не скажу: живетъ третій мѣсяцъ чинно, скромно...

— Дѣйствительно, ѣдко возразилъ Бусыгинъ, только деньги таскать мастеръ! — А для чего вы ему дозволили распоряжаться въ моей комнатѣ, скажите на милость? Стало быть, всякій встрѣчный и поперечный имѣетъ право входить въ чужой нумеръ, когда хозяина нѣтъ дома? Обычай что-ль у васъ такой?

— Да помилуйте, рѣзко замѣтила Амалія Ивановна, какой же онъ встрѣчный и поперечный? Вы съ нимъ видались каждый день: то вы къ нему, то онъ къ вамъ... Ну, съ какими бы я глазами остановила Успенскаго? Идетъ знакомый человѣкъ взять сигарочницу — вдругъ я его не пускаю: стойте, молъ, куда вы? И почему я знала, что случится такая вещь? Вошелъ къ пріятелю пріятель, пропали деньги... чѣмъ же я тутъ виновата, разсудите по совѣсти?

— Какой онъ чортъ пріятель! Познакомились въ нумерахъ... такихъ пріятелей у меня полъ-Москвы! А вотъ рожица смазливая, да франтъ, такъ и духу не хватило: какъ, дескать, можно, чтобъ такой милашка деньги стянулъ!

— Боже мой! грустно проговорила Амалія Ивановна. Неужели взаправду Успенскій могъ сдѣлать такую низость?

— Кто же, позвольте спросить? Если не онъ, такъ стало быть прислуга...

— Что вы, сударь! взвыла оскорбленная Настасья. Да разрази меня Царица небесная...

— Не плачь, не огорчайся, Настя! успокоивала ее хозяйка. Сдѣлайте одолженіе, продолжала она, обращаясь къ Бусыгину, не обижайте ее: Настасья дѣвушка честная, хорошая... живетъ у меня больше десяти лѣтъ: ни вашихъ, ни чьихъ денегъ она не тронетъ — вѣрьте мнѣ. Николай хоть и недавно, но я взяла его по рекомендаціи и до сихъ поръ ничего дурного за нимъ не замѣчала...

— На повѣрку выходитъ, что всѣ честные, всѣ прекрасные люди! ѣдко перебилъ Бусыгинъ. Деньги, должно быть, сами изъ ящика ушли!—А вотъ отправлюсь сейчасъ въ полицію, заявлю о пропажѣ... пусть сдѣлаютъ обыскъ—вотъ и баста!

При словахъ: «полиція, обыскъ», вся группа смутилась... Майоръ выразительно крякнулъ; Настасья заревѣла во весь голосъ; горбатая старушонка ахнула, всплеснувъ руками; сухощавая нѣмка прошептала: «Божь мой, какой шкандаль!» а Амалія Ивановна замѣтно поблѣднѣла.

— Не подождать ли до завтра, г. Бусыгинъ? упрашивала она. Вы бы переговорили съ Успенскимъ сами... можетъ быть...

— Нѣтъ-съ! отрѣзалъ Егоръ Егорычъ. Переговаривать мнѣ съ этимъ франтомъ нечего, а надо ловить его по горячимъ слѣдамъ— вотъ что!

Черезъ нѣсколько минутъ Бусыгинъ уѣхалъ, оставивъ группу въ сильномъ смятеніи. Много было толковъ, догадокъ насчетъ необычайной кражи, случившейся у мадамъ Штрундъ. Вѣсть съ быстротою молніи передавалась возвращавшимся домой квартирантамъ. Всѣ ахали, соболѣзновали, утѣшали хозяйку, и въ концѣ концовъ все-таки улеглись спать, заинтересованные развязкой предстоящей драмы.

Часу въ четвертомъ утра, когда Бусыгинъ и всѣ спали болѣе или менѣе покойнымъ сномъ, Андрей Николаичъ слегка постучался въ окно, подлѣ котораго стояла кровать Николая. Тотъ, засвѣтивъ огарокъ, отперъ дверь, впустилъ его, и Успенскій, прошептавъ: спасибо! осторожно пробрался въ свой нумеръ.

III.

Онъ, или не онъ!

На другое утро, часовъ около восьми, къ Бусыгину вошелъ судебный слѣдователь въ сопровожденіи помощника надзирателя, стереотипная личность котораго напоминала десятки ей подобныхъ. — Что́ же касается до судебнаго слѣдователя, Сергѣя Андреевича Свободина, то это былъ высокій мужчина лѣтъ 35-ти, съ спокойнымъ, но нѣсколько строгимъ лицомъ. Сѣдые волосы и темныя, рельефно расположенныя брови придавали особенный блескъ его каримъ глазамъ; вся его фигура вообще являла какой-то своеобразный типъ, непохожій на другіе.

— Честь имѣю кланяться! проговорилъ онъ. Судебный слѣдователь Свободинъ!

— Очень пріятно познакомиться! отвѣчалъ Бусыгинъ, раскланиваясь. Покорнѣйше прошу садиться, пригласилъ онъ, указывая на кресла, стоявшія вокругъ стола.—Я вчерашній день былъ у васъ, обратился онъ къ слѣдователю, но, по несчастію, не засталъ васъ дома. Изволили читать мое письмо?

— Да, я прочелъ его тотчасъ же по пріѣздѣ, и весьма сожалѣлъ, что не могъ исполнить вашего требованія: было слишкомъ поздно.

— Я вѣдь и не потревожилъ бы васъ, сказалъ Егоръ Егорычъ, но представьте себѣ мое положеніе: пріѣзжаю въ кварталъ—ни надзирателя, ни поручика нѣтъ дома... писарь лыкомъ не вяжетъ... толкую ему, такъ, молъ, и такъ... медлить некогда— ничего не понимаетъ! Насилу вашего-то адреса могъ добиться.

— Дѣло праздничное.... нельзя же-съ... пояснилъ помощникъ надзирателя, закуривая папироску. Всѣ люди, всѣ человѣки!

— Вы изволили заявить, обратился Свободинъ къ Бусыгину, что въ ваше отсутствіе, изъ запертаго ящика, пропали у васъ четыреста рублей? И что подозрѣніе ваше падаетъ на одного изъ здѣшнихъ жильцовъ — такъ?

— Точно такъ, подтвердилъ Бусыгинъ.

— На г. Успенскаго, если не ошибаюсь?

— Да, на него.

— На чемъ же, позвольте спросить, основывается ваше подозрѣніе?

— Да на всемъ!

— Это не отвѣтъ: потрудитесь разсказать обстоятельно все, какъ было, не задаваясь исключительною мыслью, что деньги взяты непремѣнно г. Успенскимъ.

— Чтó за исключительная мысль — помилуйте! воскликнулъ Егоръ Егорычъ. Я самъ былъ на тысячу верстъ отъ этой мысли, но всѣ обстоятельства такъ возстаютъ противъ него, что сомнѣніе невозможно.

— Однако, все-таки потрудитесь разсказать.

Бусыгинъ съ мельчайшими подробностями разсказалъ то, чтó уже извѣстно читателю, и окончивъ повѣствованіе, вопросительно уставился на слѣдователя. — Тотъ, пока говорилъ Егоръ Егорычъ, не сводилъ съ него своихъ проницательныхъ глазъ и внимательно вслушивался въ каждое слово.

— Чтó вамъ сказать на это? произнесъ онъ, пожимая пле-

чами. Случай, кажется, одинъ изъ такихъ, какіе встрѣчаются сплошь да рядомъ.

— Дѣло ясное, какъ день! замѣтилъ помощникъ надзирателя. Профинтился... понадобились деньги...

— На что яснѣе! поддерживалъ хозяинъ. При немъ я ихъ получилъ, при немъ считалъ...

— Что такое этотъ г. Успенскій? перебилъ слѣдователь.

— Недавно кончившій курсъ студентъ.

— Чѣмъ онъ занимается?

— А кто его знаетъ! Щеголь страшный... смазливъ... имѣетъ, пожалуй, промышленности своего рода... да вотъ, какъ видно, и стянуть при случаѣ мастеръ!

— Ну... это еще не доказано!—Давно вы съ нимъ знакомы?

— Мѣсяца два. Такъ... сошлись здѣсь въ нумерахъ, пока болтаюсь въ Москвѣ, да мѣшаю дѣло съ бездѣльемъ.

— Вы, стало быть, не здѣшній—не московскій.

— Нѣтъ, я тульскій помѣщикъ; пріѣхалъ на время, по дѣламъ.

— То-есть, по какимъ же собственно?

— Хлѣбъ продавать, какъ я уже имѣлъ удовольствіе вамъ объяснить. Хотѣлъ, по обыкновенію, провести здѣсь святки, разсчитаться съ покупщикомъ, да и домой.

— Вы говорите, что кромѣ г. Успенскаго и корридорнаго никого не было у васъ въ то время, когда приказчикъ привезъ вамъ деньги?

— Ни души! Я преспокойно ихъ пересчиталъ, вложилъ въ пакетъ, заперъ въ письменный столъ — вотъ и все! Если сомнѣваетесь, извольте спросить Меркулова: у него моя росписка. Не напрасно же...

— Помилуйте! да я надѣюсь, вамъ не безъизвѣстно, что за ложное показаніе подвергаются суду?—И не имѣли вы съ г. Успенскимъ никакой ссоры, размолвки?

— Ни малѣйшей!

Свободинъ всталъ и принялся внимательно осматривать нумеръ Бусыгина. Ни одна, кажется, полоска на обояхъ не избѣгла его строгаго обзора. Долго стоялъ онъ передъ окномъ спальни, выходившимъ на разстояніи трехъ-четырехъ шаговъ въ сосѣднему брандмауеру, но кромѣ снѣжной глыбы, наметенной съ вечера, ничего подозрительнаго не представлялось его глазамъ.

— Комодъ былъ тоже запертъ? спросилъ онъ, увидавъ въ нижнемъ ящикѣ торчавшій ключъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Бусыгинъ, не запертъ. Я всегда его ос-

тавляю такъ: лежитъ бѣлье, кое-какія мелочи... стóитъ ли запирать!—А что?

Свободинъ, вмѣсто отвѣта, наклонился, вынулъ ключъ, и осмотрѣвъ его со всѣхъ сторонъ, направился къ письменному столу... попробовалъ: ключъ вошелъ какъ разъ!.. Онъ безпрепятственно повернулъ его и выдвинулъ ящикъ! Бусыгинъ, слѣдившій за всѣми движеніями Свободина, такъ и обомлѣлъ!

— Вотъ и разгадка, почему деньги украдены безъ взлома! пояснилъ поручикъ, разводя руками.

— Видите ли, какая вещь? обратился слѣдователь къ Бусыгину. Прежде, чѣмъ настоятельно обвинять г. Успенскаго, подумайте хорошенько, не могъ ли кто другой воспользоваться этимъ обстоятельствомъ?

— Нéкому, нéкому! горячо увѣрялъ тотъ. Ключъ всегда оставался въ комодѣ...

— И ничего не пропадало?

— Рѣшительно ничего! Ужъ если бы кто зналъ эту механику, давно бы понавѣдался въ столъ, согласитесь сами? У меня постоянно тамъ деньги, хоть и небольшія, а все-таки деньги, отчего-жъ до вчерашняго дня все было цѣло? Нѣтъ, я готовъ присягнуть, что Успенскій сыгралъ со мной эту мошенническую штуку! Входилъ въ нумеръ, оставался одинъ, могъ подбирать ключи... никому и невдомёкъ, чтó онъ тутъ стряпаетъ! — Опять же утромъ говорилъ, нѣтъ денегъ и вдругъ, черезъ какіе-нибудь два-три часа времени, объявляетъ хозяйкѣ, что хóчетъ расплатиться съ ней... собирается въ театръ... къ чорту на кулички... чтó это такое? Вѣдь не съ неба же ему свалились деньги!—Полноте выгораживать этого мерзавца! гнѣвно заключилъ Бусыгинъ, махнувъ рукой.

— Позвольте замѣтить, что никого, никогда я не выгораживаю, строго произнесъ Свободинъ, но не имѣю привычки дѣйствовать и очертя голову, потому что легче сдѣлать ошибку, чѣмъ послѣ поправить ее. Въ настоящемъ случаѣ всѣ видимыя улики дѣйствительно противъ г. Успенскаго, но улики требуютъ подтвержденія. Дома онъ?

— Еще спитъ, отвѣчалъ смягчившійся Бусыгинъ, я недавно справлялся. Ишь откуда-то въ четвертомъ часу вернулся домой.

— Тѣмъ лучше, сказалъ Свободинъ. Потрудитесь, Петръ Иванычъ, позвать свидѣтелей, добавилъ онъ, обращаясь къ помощнику надзирателя. Сейчасъ же отберемъ показанія отъ хозяйки, отъ прислуги, составимъ протоколъ, да и къ г. Успенскому. Васъ, г. Бусыгинъ, я попрошу пожаловать вмѣстѣ съ нами.

Андрей Николаичъ только-что проснулся и съ закинутыми руками лежалъ въ какомъ-то сосредоточенномъ раздумьи. Лучъ зимняго солнца весело заглядывалъ въ окно его уютной комнатки и пробивался къ нему за перегородку. Неизвѣстно, сколько бы времени пролежалъ молодой человѣкъ, занятый своими мыслями, если бы стукъ въ дверь не заставилъ его очнуться.

— Кто тутъ? громко окликнулъ онъ, приподнимаясь на локтѣ.

— Отворите, г. Успенскій! послышался незнакомый голосъ.

— Я еще не вставалъ! вѣжливо, но сухо отозвался Андрей Николаичъ, недовольный безцеремонностью неизвѣстнаго посѣтителя.

— Нужды нѣтъ, заявилъ Бусыгинъ. Отворите пожалуйста: есть до васъ дѣло...

— Ахъ, Егоръ Егорычъ! Извините... сейчасъ... сію минуту!

Успенскій проворно вскочилъ съ постели, обулся, накинулъ халатъ, и пригладивъ волосы, отперъ дверь.

— Чтó вамъ угодно? изумился онъ, взглянувъ на типичное лицо судебнаго слѣдователя, который въ свою очередь окинулъ его бѣглымъ, но проницательнымъ взглядомъ.

— А вотъ сейчасъ узнаете, *чтó* намъ угодно! съ торжественной угрозой произнесъ Бусыгинъ, входя въ комнату и не обращая вниманія на протянутую ему Успенскимъ руку.

Тотъ еще болѣе изумился: что означалъ ранній визитъ Егора Егорыча въ сопровожденіи неизвѣстнаго господина? Къ чему, вмѣсто обычнаго дружелюбія, торжественный тонъ? Развѣ шутка? Но что за цѣль подобнаго рода шутки?

— Милости прошу садиться! сказалъ Успенскій, пододвигая имъ стулья и самъ садясь нѣсколько поодаль. Извините, сказалъ онъ, замѣтивъ, какъ слѣдователь обводилъ глазами его комнату, что у меня еще такой безпорядокъ... Онъ указалъ на разбросанныя принадлежности своего туалета и снялъ со стола шляпу, въ которой виднѣлись свѣтлыя лайковыя перчатки. Поздно воротился изъ маскарада и проспалъ безъ зазрѣнія совѣсти!

Непринужденность хозяина нѣсколько удивила Сергѣя Андреича, даже Бусыгину сдѣлалось какъ будто неловко. Успенскій вопросительно посмотрѣлъ на гостей. Въ эту самую минуту влетѣлъ помощникъ надзирателя.

— Прикажете позвать свидѣтелей, Сергѣй Андреичъ? спросилъ онъ, раскланявшись съ Успенскимъ.

— Чтó такое, господа? недоумѣвалъ тотъ, ошеломленный внезапнымъ появленіемъ новаго лица. Полицейскій чиновникъ... свидѣтели... чтó такое?

— Видите ли, въ чемъ дѣло... осторожно началъ Сергѣй Андреичъ. Г. Бусыгинъ...

Но Бусыгинъ не выдержалъ и перебилъ его на первомъ же словѣ.

— Да-съ, милостивый государь, вскинулся онъ на Успенскаго, я считалъ васъ порядочнымъ человѣкомъ... обходился съ вами по-пріятельски... а вы удрали такую штуку, что мое почтеніе!

— О чемъ вы говорите, Егоръ Егорычъ? Я васъ рѣшительно не понимаю! удивлялся нѣсколько встревоженный Успенскій.

— Полно такъ ли? дерзко усмѣхнулся Бусыгинъ. Пружины-то подвели хоть и мастеровато, а все-таки онѣ лопнули... вотъ что-съ!

— Полегче, г. Бусыгинъ! вступился слѣдователь. Можно все объяснить г. Успенскому безъ неумѣстныхъ метафоръ.

— Не до церемоній мнѣ—позвольте! бѣсновался Егоръ Егорычъ, позабывая всякое приличіе. У меня пропали деньги, ваша обязанность ихъ отыскать: на то вы и судебный слѣдователь... Называть же этого господина честнымъ человѣкомъ — вы меня не заставите.

Сосредоточенный взглядъ Сергѣя Андреича буквально былъ прикованъ къ Успенскому: его въ высшей степени занималъ этотъ изящный молодой человѣкъ, въ синемъ халатѣ, съ полурастегнутымъ воротомъ бѣлой, какъ снѣгъ, сорочки, на котораго изъ ярко-озареннаго солнцемъ окна прямо падалъ свѣтъ. Онъ видѣлъ, какъ при словѣ: «судебный слѣдователь», поблѣднѣло его красивое лицо, какъ вспыхнули глаза, какъ нервно дрогнули губы! Что-жъ вызвало это движеніе? дерзкій ли, оскорбительный намекъ Бусыгина, или страхъ, что преступное дѣяніе открылось такъ неожиданно, такъ скоро?

— Что вы сейчасъ сказали? вспыхнулъ Андрей Николаичъ, круто повернувшись къ Бусыгину.

— То и сказалъ, что у меня пропали четыреста рублей... и что кромѣ васъ...

Не успѣлъ онъ докончить рѣчи, какъ Андрей Николаичъ размахнулся и полновѣсная пощечина непремѣнно сорвалась бы на пышную ланиту тульскаго помѣщика, если бы Свободинъ не спасъ ее отъ угрожавшей опасности: онъ быстро бросился на молодого человѣка и во-время удержалъ его руку.

— Не стыдно ли, господа! укоризненно воскликнулъ онъ. Вы, г. Успенскій, ничего не докажете пощечиной; а вы, г. Бусыгинъ, хотя и имѣете право заявлять на кого бы то ни было

подозрѣніе, но до тѣхъ поръ, пока судебная власть не произнесетъ своего приговора, не можете никого клеймить никакимъ позорнымъ названіемъ. Поэтому, совѣтую вамъ обоимъ не переступать границъ благопристойности: не вынуждайте меня прибѣгать къ содѣйствію полиціи.

Жосткое замѣчаніе Свободина видимо образумило расходившагося Егора Егорыча. Онъ выпилъ стаканъ воды изъ стоявшаго на окнѣ графина, и принялся обмахивать платкомъ разгорѣвшееся лицо.—Успенскій, блѣдный, взволнованный, съ какимъ-то неопредѣленнымъ выраженіемъ во взглядѣ, прислонился къ перегородкѣ, стиснулъ зубы и медленно провелъ рукою по лбу.

— Черниленкой бы разжиться! хлопоталъ между тѣмъ Петръ Иванычъ, поглядывая по сторонамъ. Привычка къ подобнаго рода сценамъ крѣпкой броней, должно быть, ограждала его душу отъ всякихъ впечатлѣній, изумленій и смущеній. Мысль его сосредоточивалась въ настоящее время на одномъ: у тульскаго помѣщика украдены четыреста рублей франтоватымъ господиномъ, противъ котораго возстаютъ самыя непреложныя улики; слѣдуетъ составить «актецъ», скрѣпить его извѣстнымъ образомъ, затѣмъ предоставить развязку высшимъ властямъ и разнымъ судебнымъ инстанціямъ; самому же волноваться, надрываться нечего: все близко принимать къ сердцу—силъ не хватитъ!

— Такъ какъ-же на счетъ черниленки-то? повторилъ онъ, видя, что хозяинъ не трогается съ мѣста.

Успенскій взялъ съ письменнаго стола бронзовую чернилицу и поставилъ ее передъ помощникомъ надзирателя.

— Прикажете, Сергѣй Андреичъ, позвать свидѣтелей? спросилъ тотъ, желая поскорѣе приступить къ составленію акта.

— Повремените, отвѣчалъ Свободинъ, дѣло еще пока обойдется безъ нихъ.—Г. Успенскій! обратился онъ къ Андрею Николаичу, безсознательно остановившемуся передъ окномъ; не угодно ли вамъ отвѣтить на нѣкоторые вопросы?

— Спрашивайте! съ тупымъ равнодушіемъ вымолвилъ тотъ, повернувшись къ судебному слѣдователю. Только прошу васъ объ одномъ: объясните, ради Бога, что́ именно дало г. Бусыгину поводъ и право обвинять меня?

Егоръ Егорычъ рванулся-было что-то заявить, но суровый взглядъ Сергѣя Андреича мгновенно остановилъ этотъ порывъ.

— Давно вы знакомы съ г. Бусыгинымъ? началъ слѣдователь, обращаясь къ Успенскому.

— Очень недавно, отвѣчалъ тотъ.

— Но все-таки имѣли съ нимъ пріятельскія отношенія, часто видались?

— Да!

— Вчерашній день утромъ, напримѣръ, видѣлись вы съ г. Бусыгинымъ?

— Видѣлся. Я долго сидѣлъ у него... пилъ чай.

— При васъ, стало быть, отдалъ ему приказчикъ деньги — четыреста рублей?

— При мнѣ.

— Вы никому не упоминали объ этомъ обстоятельствѣ?

— О какомъ обстоятельствѣ?

— Что г. Бусыгинъ получилъ деньги?

— И разговора не было: что-жъ тутъ необыкновеннаго!

— Видѣли вы, какъ г. Бусыгинъ считалъ эти деньги?

— Видѣлъ.

— Замѣтили, какъ положилъ въ ящикъ письменнаго стола?

— Замѣтилъ.

— Обратили вниманіе, когда г. Бусыгинъ заперъ ящикъ и ключъ взялъ къ себѣ?

— Этого обстоятельства хорошенько не припомню: я разговаривалъ съ приказчикомъ.

Егоръ Егорычъ опять-было рванулся съ какимъ-то аргументомъ, и опять-таки судебный слѣдователь остановилъ его. Разспрашивая Андрея Николаича, онъ напряженно смотрѣлъ ему прямо въ глаза: все будто хотѣлось въ нихъ что-то вычитать, уяснить! Но Андрей Николаичъ, блѣдный какъ полотно, былъ спокойно-холоденъ, и стойко выносилъ пытливый взглядъ Свободина.

— По отъѣздѣ г. Бусыгина, продолжалъ тотъ, входили вы въ его комнату?

— Входилъ.

— И оставались тамъ одни?

— Одинъ.

— Съ какой цѣлью?

— Съ цѣлью взять сигарочницу, позабытую на столѣ: она мнѣ понадобилась.

— Почему же вы предположили, что сигарочница осталась именно на столѣ?

— Ничего я не предполагалъ, а просто постучался къ г. Бусыгину, думая, что онъ еще дома! Когда же убѣдился въ противномъ, то взялъ ключъ, отперъ дверь, вошелъ въ комнату, и къ счастію, увидалъ ее на столѣ. Но что же тутъ общаго съ обвиненіемъ г. Бусыгина? Я рѣшительно не понимаю...

— Вотъ что тутъ общаго, вѣско проговорилъ слѣдователь. Изъ комнаты г. Бусыгина, изъ запертаго ящика, пропали извѣстные вамъ четыреста рублей! Ни г. Бусыгинъ, ни корридорный, какъ видно изъ его показанія, ни вы, наконецъ, какъ объявили сами, ни съ кѣмъ не имѣли разговора объ этихъ деньгахъ; слѣдовательно, никто изъ живущихъ не зналъ, были онѣ получены г. Бусыгинымъ или нѣтъ? Въ его отсутствіе, никто, кромѣ васъ, къ нему не входилъ: сама хозяйка подтверждаетъ этотъ фактъ; почти всѣ квартиранты были внѣ дома.... и деньги вдругъ пропали! Обстоятельства пропажи вопіющимъ образомъ совпадаютъ...

— О!.. теперь мнѣ все понятно!.. перебилъ отчаянно Успенскій, и схватился за голову.

Свободинъ раздумчиво смотрѣлъ на него, Бусыгинъ вертѣлся какъ на иголкахъ; даже безмятежный Петръ Иванычъ пріостановился жечь папироски.—Съ минуту длилось молчаніе.

— Такъ вы думаете, что *я* взялъ... или, по вашему, укралъ эти деньги? отнесся Андрей Николаичъ къ Бусыгину, окинувъ его презрительнымъ взглядомъ.

— Вы, тысячу разъ, вы! прорвался тотъ, вскочивъ со стула. Больше некому! Поутру ныли, что денегъ нѣтъ, сидѣли безъ гроша, а къ вечеру вдругъ проявились деньги! Откуда? какимъ образомъ? Вѣдь не кладъ же дался вамъ въ руки!

— Изъ чего вы заключаете, что у меня проявились деньги?

— Слава тебѣ Господи! Да не сами-ль вы обѣщались расплатиться съ хозяйкой? говорили, что безденежье кончилось... полетѣли въ театръ, въ маскарадъ!

— Дѣйствительно, г. Успенскій, вступился слѣдователь, обстоятельство это бросаетъ на васъ сильную тѣнь подозрѣнія. Положимъ, вы позабыли у г. Бусыгина сигарочницу, сигарочница понадобилась вамъ—все это такъ; но согласитесь сами, что было бы гораздо натуральнѣе, если бы вы обратились къ хозяйкѣ съ просьбой отпереть нумеръ г. Бусыгина? Къ тому же вамъ было извѣстно, что полученные имъ четыреста рублей лежатъ въ письменномъ столѣ...

— Не могу не согласиться, что такъ было бы гораздо лучше, подтвердилъ Успенскій, но я объ этомъ не подумалъ; тѣмъ болѣе, что въ мое отсутствіе самъ г. Бусыгинъ не разъ входилъ ко мнѣ въ комнату за книгой, за газетами, за чѣмъ-нибудь другимъ. Объ деньгахъ же я совершенно позабылъ, да если бы и помнилъ, то все равно это обстоятельство не помѣшало бы мнѣ войти въ нумеръ г. Бусыгина: развѣ я могъ предполагать, что меня заподозрятъ въ воровствѣ!

— Отъ сумы, да отъ тюрьмы никогда не слѣдуетъ отрекаться! наставительно замѣтилъ Петръ Иванычъ.

— Замѣчаніе справедливо! горько усмѣхнулся Успенскій. Скажи мнѣ кто-нибудь за минуту до вашего прихода, что на меня обрушится такое позорное обвиненіе, я, или счелъ бы того сумасшедшимъ, или посмѣялся бы отъ души ни съ чѣмъ несообразному предсказанію! Но какъ ни странно складываются противъ меня обстоятельства пропажи, я все-таки отчаяваться не хочу: рано или поздно истина должна открыться непремѣнно!

— Эки нѣжности распустилъ! слегка ухмыльнулся Бусыгинъ. Да ужъ какъ ни прихеривайся, голубчикъ, а деньги рукъ твоихъ не миновали!

— Все это такъ, г. Успенскій, проговорилъ слѣдователь, но если вы не можете указать источникъ, изъ котораго получили деньги...

— Что-жъ тогда? тревожно произнесъ молодой человѣкъ.

— Во-первыхъ, я сейчасъ же, при свидѣтеляхъ, произведу въ вашей квартирѣ обыскъ, а во-вторыхъ, если найдутся деньги и вы не укажете, откуда ихъ взяли, то... извините... долженъ буду васъ задержать.

— Клянусь вамъ честью! горячо воскликнулъ Успенскій, я невиноватъ!

Егоръ Егорычъ, недовольный медленностію слѣдователя, сердито пробуркнулъ какую-то фразу и отвернулся къ окну.

— Если вы находите обвиненіе г. Бусыгина ошибочнымъ, не имѣющимъ никакого основанія, обратился Свободинъ къ Успенскому, потрудитесь объясниться.

— Какого объясненія вы требуете? холодно спросилъ тотъ.

— Откуда у васъ взялись деньги?

— На это отвѣтить не могу, сухо порѣшилъ молодой человѣкъ.

— Можете, или не можете—это все равно; по крайней мѣрѣ, вы не отвергаете, что у васъ дѣйствительно есть деньги? допытывался Свободинъ.

— Нѣтъ, не отвергаю.

— Гдѣ же? сколько?

— Чтобы избавить васъ отъ труда производить обыскъ съ оффиціальными церемоніями, иронически усмѣхнулся Успенскій, потрудитесь выдвинуть ящикъ письменнаго стола—онъ не запертъ... тамъ всѣ мои деньги!..

Бусыгинъ быстро обернулся, Петръ Иванычъ привсталъ, а Свободинъ, бросивъ на молодого человѣка недоумѣвающій взглядъ,

медленно выдвинулъ ящикъ, гдѣ лежали разныя бумаги и сверху большой пакетъ съ крупной надписью...

— Вотъ... вотъ онъ самый, обрадовался Егоръ Егорычъ, бросаясь къ столу.

— Ошибаетесь г. Бусыгинъ! ѣдко замѣтилъ Успенскій. Въ этомъ пакетѣ письмо моего отца!

Дѣйствительно, адресъ былъ на имя Андрея Николаича. — Приподнявъ мелко исписанную тетрадь, что-то въ родѣ учебныхъ замѣтокъ, Свободинъ увидалъ небольшой, продолговатый конвертъ, изъ котораго заманчиво выглядывалъ уголъ десяти-рублевой бумажки!..

— Деньги... деньги! неистово вскрикнулъ Бусыгинъ. Нашлись! давайте ихъ сюда!

— Не торопитесь! холодно отстранилъ его Сергѣй Андреичъ. Въ конвертѣ деньги, это правда, но пока еще слѣдствіемъ не дознано, точно ли онѣ ваши, вы не имѣете на нихъ никакого права: до окончательнаго рѣшенія дѣла, деньги останутся въ моихъ рукахъ.

— Ахъ ты Господи! простоналъ озадаченный Бусыгинъ.

Сергѣй Андреичъ взялъ конвертъ, отъ котораго такъ и повѣяло тонкимъ запахомъ violette de Parme... Долго вертѣлъ онъ этотъ атласистый конвертъ, безъ надписи, безъ вензеля!..

— Вы говорите, что у васъ было ровно четыреста рублей? спросилъ онъ Бусыгина!

— Ровно четыреста рублей, нетерпѣливо подтвердилъ тотъ.

— Какого достоинства были ассигнаціи: крупныя, или мелкія?

— Всякія были... и крупныя и мелкія.

— Однако постарайтесь припомнить, сколько и какихъ было счетомъ.

Бусыгинъ оторопѣлъ. Онъ наканунѣ такъ обрадовался полученію задатка, что ему и въ голову не пришло дѣлать подробный перечень бумажекъ, присланныхъ Меркуловымъ.

— Я... право, не знаю... заминался онъ. Вся сумма была пересчитана вѣрно, а сколько въ ней находилось кредитокъ такихъ или другихъ—ей-Богу не знаю! Впрочемъ, позвольте... припоминалъ онъ, вскинувъ глаза къ потолку. Были двѣ пятидесятныя... ни одной сотенной... это вѣрно!—Затѣмъ, соображалъ онъ, кажется нѣсколько двадцати-пяти-рублевыхъ... десяти-рублевыхъ... Нѣтъ! отчаянно закончилъ Егоръ Егорычъ, не знаю!— Такъ какъ я не предполагалъ, что деньги будутъ украдены, и что отъ меня потребуется оффиціальный перечень всѣхъ бумажекъ отъ сотенной до рублевой, то понятно, не имѣлъ предосто-

рожности выучить ихъ наизусть! Впрочемъ, надѣюсь, что обстоятельство это не измѣняетъ ходъ дѣла? тѣмъ болѣе, будь у меня хоть сотенныя подъ-рядъ — ихъ въ мелочь обратить не мудрено!

Во все продолженіе этого разговора, Андрей Николаичъ равнодушно смотрѣлъ на все его окружавшее; только когда Свободинъ началъ вынимать изъ конверта деньги, его брови слегка дрогнули.

— Ну, не правду ли я говорилъ! воскликнулъ Бусыгинъ, сразу увидавшій двѣ пятидесятныхъ. Ни одной сотенной... двѣ пятидесятныхъ... перечислялъ онъ кредитные билеты, которые слѣдователь клалъ на столъ отдѣльными пачками. Двадцати-пятирублевыя... десяти-рублевыя... Смотрите, ради Бога: вотъ и мелкота пошла! — Триста... триста пятьдесятъ... Всѣ! повершилъ онъ, едва сдерживаясь отъ радостнаго волненія.

— Нѣтъ, до четырехъ-сотъ не достаетъ семнадцати рублей, сказалъ Свободинъ, снова вкладывая деньги. Вы, вѣроятно, истратили ихъ, г. Успенскій?

— Да, я ихъ истратилъ... сквозь зубы подтвердилъ тотъ.

— Значитъ, было четыреста рублей?

— Четыреста рублей.

— Надѣюсь, вы теперь сами видите, что всѣ обстоятельства пропажи возстаютъ противъ васъ? Не имѣетъ ли дѣйствительно г. Бусыгинъ основанія заподозрить васъ въ похищеніи его собственности?

— Нѣтъ, не имѣетъ! вспыхнулъ Успенскій. Я не бралъ... я не способенъ... я не могъ взять его денегъ!..

— Предположимъ — вы не взяли ихъ; но не можетъ же правосудіе удовлетвориться голословнымъ отрицаніемъ обвиняемаго лица: ему нужны факты, неопровержимые факты! Укажите на источникъ, изъ котораго добыли деньги, назовите лицо, которое могло вамъ ихъ дать, и если оно передъ судомъ подтвердитъ ваше показаніе, то само собой разумѣется, что обвиненіе г. Бусыгина окажется лишеннымъ всякаго основанія. Иначе, запирательство ваше придастъ ему еще больше силы и вѣроятія. Ну, скажите же, продолжалъ Свободинъ, слегка притрогиваясь къ рукѣ Успенскаго, холодной какъ ледъ, кто далъ вамъ эти деньги? Мы сейчасъ наведемъ справки... сдѣлаемъ запросъ...

— Ахъ, чего вы отъ меня требуете! задыхающимся голосомъ прошепталъ Успенскій и закрылъ лицо руками.

— Владыко многомилостивый! вполголоса проговорилъ Бусыгинъ, обращаясь къ Петру Иванычу. Чего онъ дожидается — скажите на милость?

— Да-съ, шепнулъ помощникъ надзирателя, затяжки многовато! Съ нимъ, я вамъ доложу, какое ни на есть слѣдствіе — бѣда! Все у него какъ-то по-своему... «Судебныя, говоритъ, формальности пойдутъ своимъ чередомъ, а мнѣ важнѣе всего вѣрныя справки навести!» Ужъ и разспрашиваетъ, и разглядываетъ, и всѣ-то мышиныя норы обнюхиваетъ — инда тоска беретъ! А чуть мало-мальски замѣтишь, что дѣло-то молъ, гроша горѣлаго не стóитъ—сейчасъ закинется... Непріятный человѣкъ!

— Эхъ, кабы знато да вѣдано, не связываться бы лучше съ нимъ! пожалѣлъ Бусыгинъ, кивнувъ на Свободина. А Свободинъ все смотрѣлъ на Успенскаго, все ожидалъ его отвѣта.

— Что-же, проговорилъ онъ наконецъ, угодно вамъ объяснить...

— Вы хотите, чтобы я сказалъ откуда взялъ деньги? рѣзко отозвался тотъ, какъ-бы выведенный изъ тяжелаго усыпленія.

— Да, непремѣнно... иначе...

— Эти деньги... перебилъ вспыхнувшій, какъ зарево, Успенскій и—оборвался!—Нѣтъ, твердо прибавилъ онъ черезъ минуту, не могу!.. Я объявилъ разъ навсегда, что денегъ у г. Бусыгина не бралъ, да и ни у кого не способенъ ихъ взять; что-же касается до той суммы, которую вы нашли въ письменномъ столѣ, она моя, моя собственная... отчета въ ней отдавать я никому не намѣренъ! Дѣлайте, что хотите... составляйте свои протоколы, акты... арестуйте меня: я ничего вамъ больше не скажу!.. Онъ съ какой-то торжественной рѣшимостью встряхнулъ волосами и отвернулся къ окну!

Начался обычный допросъ обвиняемаго въ присутствіи двухъ свидѣтелей-чуекъ, явившихся изъ корридора на давно желанный призывъ. Бусыгинъ ожилъ, соскучившійся Петръ Иванычъ принялся бойко строчить, и формальный актъ, за подписью свидѣтелей, былъ составленъ по общепринятымъ правиламъ. Когда очередь подписи дошла до Андрея Николаича, онъ на минуту призадумался... пальцы его задрожали... что-то готово было сорваться съ языка... но онъ отчаянно махнулъ рукой и на формальномъ актѣ подписалъ свой приговоръ!..

Черезъ полчаса, совсѣмъ одѣтый, въ шубѣ, въ знакомомъ намъ бѣломъ шарфѣ, Андрей Николаичъ проходилъ корридоромъ, чтобы подъ прикрытіемъ Петра Иваныча отправиться въ арестантскую камеру частнаго дома.

— Тамъ не дурно-съ... вы не безпокойтесь, утѣшалъ его по-

ручникъ. И содержаніе очень удовлетворительное, и народъ порядочный—не разночинцы... стѣсненія большого не будетъ!

Всѣ квартиранты были въ сборѣ, и подъ вліяніемъ тяжелаго впечатлѣнія, грустно провожали молодого человѣка, привѣтливый и симпатичный нравъ котораго всѣхъ ихъ къ себѣ располагалъ. Амалія Ивановна видимо была разстроена и часто подносила платокъ къ глазамъ.

— Прощайте, Амалія Ивановна! прощайте, господа! взволнованнымъ голосомъ сказалъ Успенскій, притрогиваясь къ шляпѣ. Прощайте и вы, г. Бусыгинъ! презрительно отнесся онъ къ тутъ же стоявшему Егору Егорычу. Повторяю передъ лицомъ всѣхъ присутствующихъ, что денегъ вашихъ я не бралъ! Вы испортили мнѣ будущность — Богъ вамъ судья!..

— «А что, если не онъ? мелькнуло въ головѣ Бусыгина, охваченнаго вдругъ какимъ-то тревожнымъ чувствомъ. Э!.. черезъ минуту порѣшилъ онъ, кому же больше? Деньги нашлись у него... четыреста рублей нота въ ноту... какихъ уликъ еще нужно? Пусть посидитъ!»

Свободинъ, простившись съ Успенскимъ, опять разспросилъ хозяйку и многихъ изъ квартирантовъ относительно образа жизни Андрея Николаича, но ничего, кромѣ хорошихъ отзывовъ объ немъ, не вынесъ изъ меблированныхъ комнатъ мадамъ Штрундъ.

IV.

Судебный слѣдователь.

Бывши еще студентомъ юридическаго факультета, Сергѣй Андреичъ Свободинъ пристрастился къ чтенію «Causes célèbres», надъ которыми нерѣдко просиживалъ цѣлыя ночи. Всѣ болѣе или менѣе крупные случаи изъ судебной практики были ему извѣстны; надъ ними-то, прежде чѣмъ заглядывать въ ихъ развязку, обыкновенно и любилъ онъ задаваться вопросомъ: «А что, если бы мнѣ пришлось раскрывать подобнаго рода преступленіе, какъ поступилъ бы я?» Если его выводы совпадали съ результатомъ выводовъ кого-нибудь изъ замѣчательныхъ юристовъ, онъ испытывалъ свѣтлыя минуты довольства самимъ собою и съ новымъ увлеченіемъ предавался судебнымъ изысканіямъ. Призадумываясь надъ ними, Свободинъ пришелъ къ заключенію, что скромная роль судебнаго слѣдователя далеко не такъ маловажна и безцвѣтна, какъ привыкли то думать другіе. Отъ него перваго

и отъ собранныхъ имъ на мѣстѣ преступленія матеріаловъ, которые впослѣдствіи служатъ фундаментомъ для обвиненія, зависитъ правильный ходъ уголовнаго процесса. Между судебнымъ слѣдователемъ и преступникомъ возникаетъ нѣкотораго рода борьба: судебная власть хочетъ во что бы то ни стало добиться истины, преступникъ всевозможными изворотами уклоняется отъ преслѣдованія закона. Если судебный слѣдователь, не довольствуясь наружной обстановкой дѣла, не удовлетворяясь, быть можетъ, случайно подвернувшейся уликой, задастся мыслью поглубже, пооснователънѣе вникнуть въ сущность даже побочныхъ обстоятельствъ, то притронется, пожалуй, такъ неожиданно къ ловко скрытой пружинкѣ, что всѣ предположенія, основанныя, повидимому, на твердыхъ данныхъ, распадутся сами собою и раскроютъ настоящую драму преступленія. Судебному слѣдователю первому предстоитъ войти въ лабиринтъ лжи, обмана, разнорѣчивыхъ показаній, предстоитъ во всемъ этомъ хаосѣ уловить таинственную нить къ истинѣ, схватиться за нее, напасть на слѣды преступленія, не давая виновному времени сгладить, уничтожить ихъ. Въ воображеніи Сергѣя Андреича все яснѣе и яснѣе выработывался типъ судебнаго слѣдователя, который, по его мнѣнію, долженъ прежде всего проникнуться сознаніемъ своей обязанности и желаніемъ служить истинѣ дѣломъ, а не словомъ. Вѣрно или ошибочно было его предположеніе, но онъ думалъ, что не одно знаніе и неуклонное исполненіе судебной процедуры должно руководить разслѣдованіями какого-бы то ни было процесса. Ему казалось, что судебному слѣдователю необходимо обладать горячимъ, задушевнымъ словомъ, способнымъ при случаѣ заронить искру раскаянія въ сердцѣ преступника, быть тонкимъ наблюдателемъ, чтобы съумѣть подмѣтить каждую жилку въ лицѣ подсудимаго, прочесть во взглядѣ то, чего не прочтутъ другіе, и имѣть нѣкотораго рода инстинктъ, который иногда вѣрнѣе всякихъ судебныхъ умозаключеній раскрываетъ истину!

По выходѣ изъ университета, Свободину представлялась возможность вступить на поприще адвокатуры и сдѣлаться современемъ, быть можетъ, однимъ изъ лучшихъ адвокатовъ, но онъ предпочелъ блестящей будущности скромную карьеру судебнаго слѣдователя. Этой скромной карьерѣ, въ ущербъ денежнымъ интересамъ, даже иногда въ ущербъ здоровью, посвящалъ онъ всецѣло свою жизнь и предавался ей всей душой, какъ истинный артистъ любимому искусству. Не утомляли его ни труды, ни разъѣзды во всякую непогоду, ни безсонныя ночи, когда онъ часто до изнеможенія доискивался какой-нибудь неуловимой нити пре-

ступленія, отъ которой зависѣла судьба подсудимаго; за то не было для него выше радости, когда силою своихъ соображеній и выводовъ удавалось ему не разрубить, а распутать крѣпко затянутый узелъ какого-нибудь темнаго дѣла!

Вышедши въ какомъ-то неопредѣленномъ раздумьи изъ меблированныхъ комнатъ мадамъ Штрундъ, Сергѣй Андреичъ медленными шагами направился домой. Мысль объ Успенскомъ сильно занимала его воображеніе: онъ чуялъ, что въ этомъ дѣлѣ что-то пролегало темной полосой, но что́ именно—не могъ еще ни понять, ни сообразить. Передъ нимъ отчетливо рисовалась стройная фигура молодого человѣка, съ спокойнымъ лицомъ, съ яснымъ, открытымъ взглядомъ; онъ вспоминалъ, какъ поблѣднѣло это лицо, какъ вспыхнулъ, загорѣлся этотъ взглядъ при дерзкомъ намекѣ Бусыгина, и терялся въ догадкахъ: былъ ли то признакъ оскорбленной чести, или искусно подготовленный порывъ? Дѣйствовалъ ли Успенскій, не ограждаясь никакими предосторожностями, въ силу отважно задуманнаго плана, который могъ сложиться въ его воображеніи при видѣ полученныхъ Бусыгинымъ денегъ, или онъ ненарочно позабылъ сигарочницу, и не заставъ Бусыгина, не счелъ предосудительнымъ войти на нѣсколько минутъ въ его нумеръ? Если допустить это предположеніе, то кто же, кромѣ него, могъ знать, что деньги лежатъ именно въ ящикѣ письменнаго стола? Воръ, незнакомый съ этимъ обстоятельствомъ, непремѣнно бы оставилъ слѣды попытокъ овладѣть собственностію Бусыгина: тутъ стоялъ и комодъ, и дорожный чемоданъ, куда могли быть спрятаны деньги, но ни къ комоду, ни къ чемодану никто не притронулся; деньги были вынуты завѣдомо, безъ взлома, безъ поврежденія замка, а былъ ли ящикъ дѣйствительно отпертъ ключомъ отъ комода, или другимъ, который также легко могъ подойти—вопросъ нерѣшеный! Да и откуда бы взялся воръ? Никто, кромѣ Успенскаго и Николая, не зналъ, что Бусыгинъ получилъ четыреста рублей; а-такъ какъ извѣстное и всѣми подтвержденное отсутствіе Николая изъ дома снимаетъ съ него самомалѣйшую тѣнь подозрѣнія, то преступное дѣйствіе, въ виду неотразимыхъ уликъ, прямо падаетъ на Успенскаго! Ужели гнѣвно дрогнувшія губы, негодованіемъ вспыхнувшіе глаза, намѣреніе дать Бусыгину пощечину и холодное спокойствіе при формальномъ допросѣ, не что иное, какъ тонко разсчитанная игра искуснаго актера? Почему же нѣтъ: арена дѣйствительной жизни едва ли не богаче подобными представи-

телями сценическаго искусства, чѣмъ подмостки любого театра! Къ тому же, въ продолженіе шестилѣтней практики, Свободинъ имѣлъ много темныхъ криминальныхъ случаевъ, гдѣ настоящимъ героемъ драмы являлся иногда не полупьяный, забитый нуждою оборванецъ, а человѣкъ изъ хорошаго круга, человѣкъ, которому и воспитаніе, и общественное положеніе, и понятія о чести должны бы, кажется, были указывать только прямой путь!

Сергѣй Андреичъ задавался всевозможными вопросами, но изъ всѣхъ разнорѣчій и догадокъ никакъ не могъ добиться положительнаго вывода ни за, ни противъ обвиняемаго. Онъ зналъ, что отъ его постановленія зависѣла судьба Успенскаго, что ему первому предстояло запятнать его будущую карьеру, видѣлъ, что всѣ собранныя улики возстаютъ противъ молодого человѣка, какъ противъ похитителя чужой собственности, а между тѣмъ какое-то нравственное убѣжденіе отвергало эти улики, что-то неуловимое протестовало противъ виновности Успенскаго! Останавливалась мысль Свободина и на конвертѣ съ замѣтнымъ запахомъ violette de Parme... Отчего именно въ этомъ конвертѣ лежали деньги, а не въ одномъ изъ тѣхъ, иного формата, съ четкими буквами А. У., которые онъ замѣтилъ въ письменномъ столѣ? Какъ ни думалъ, какъ ни соображалъ Сергѣй Андреичъ, а все-таки для оправданія Успенскаго не было у него ни малѣйшей опоры. На вторичный допросъ разсчитывалъ онъ тоже не много: по всѣмъ видимостямъ, Успенскій принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые, однажды задавшись мыслію дѣйствовать такъ, или иначе, неспособны измѣнять своихъ показаній.

Изъ формальнаго допроса сдѣлалось извѣстно, что Андрей Успенскій, сынъ бѣднаго сельскаго священника, учился въ одной изъ московскихъ гимназій, потомъ поступилъ въ университетъ, гдѣ на словесномъ факультетѣ и кончилъ курсъ. Бывши еще гимназистомъ шестого класса, имѣлъ онъ постоянно уроки и заработывалъ настолько, что не обращался за помощью къ отцу, у котораго, кромѣ него, подростала дочь. По окончаніи курса, Андрей Николаичъ жилъ около двухъ лѣтъ у купца Блинова домашнимъ учителемъ, съ платою по шестисотъ рублей въ годъ и съ правомъ давать частные уроки въ свободное время. Отошелъ же отъ него потому, что надѣялся получить болѣе выгодное мѣсто, въ ожиданіи котораго и жилъ у мадамъ Штрундъ. Обстановка Андрея Николаича была хотя не блестящая, но далеко не бѣдная: нѣкоторый комфортъ, красивыя вещицы, замѣченныя Свободинымъ на столѣ, наконецъ, вся изящная персона Успенскаго, показывали, что онъ пользовался не только необходимыми средствами

въ жизни, но даже имѣлъ возможность и удовлетворять своимъ прихотямъ. Да что-жъ изъ этого? Иногда послѣднее-то обстоятельство, въ минуты безденежья, и заставляетъ молодыхъ людей сворачивать съ прямой дороги.... А красивая рука въ лайковой перчаткѣ такъ же ловко съумѣетъ притронуться къ чужой собственности, какъ и грязная, мозолистая рука острожника!

Какъ бы то ни было, Сергѣй Андреичъ все-таки порѣшилъ вечеромъ того же дня съѣздить къ Блинову, имя котораго было ему извѣстно по-наслышкѣ. Успенскій жилъ у него около двухъ лѣтъ, принадлежалъ нѣкоторымъ образомъ къ семейству, а въ такой срокъ и при такихъ обстоятельствахъ можно, если не совсѣмъ изучить человѣка, то быть, по крайней мѣрѣ, въ состояніи многое сказать относительно его характеристики. Предрѣшивъ, что Успенскій неспособенъ измѣнить своихъ показаній, Сергѣй Андреичъ не ошибся: послѣ вторичнаго допроса въ частномъ домѣ, молодой человѣкъ подтвердилъ только то, что уже было извѣстно. Не успѣлъ Свободинъ выдти изъ арестантской, какъ ему объявили, что близъ одного изъ подмосковныхъ сёлъ, славившагося съ нѣкотораго времени своими кровавыми драмами, совершилось страшное убійство, нагнавшее паническій страхъ на всѣхъ окрестныхъ жителей.

Чтобы напасть на горячіе слѣды, медлить было некогда, да Сергѣй Андреичъ, по обыкновенію, и не медлилъ: онъ тотчасъ же отправился домой, наскоро снарядился и черезъ нѣсколько минутъ лихая пара уже мчала его по снѣжной, ухабистой дорогѣ къ мѣсту преступленія.

Дѣло оказалось сложнымъ, запутаннымъ и, сверхъ чаянія, продержало его трое сутокъ внѣ города. Воротившись домой только на четвертый день, въ сумерки, и немного отдохнувъ, Свободинъ отправился къ Блинову, но прежде заѣхалъ провѣдать Успенскаго. Онъ засталъ его въ какомъ-то безотрадномъ настроеніи духа. Передъ нимъ лежала злополучная черепаховая сигарочница и развернутый нумеръ газеты. Красивое лицо его замѣтно похудѣло, подъ глазами рѣзко обозначились темно-синія полосы, глаза утратили всю живость, весь свой блескъ! Не добившись отъ него ничего новаго, кромѣ увѣренія, что онъ не признаетъ, не можетъ признать себя виновнымъ въ кражѣ денегъ, Свободинъ пожалъ плечами и простился съ нимъ.

V.

Семейство Блиновыхъ.

Въ столовой, оклеенной лакированными обоями подъ дубъ, при свѣтѣ лампы съ зеленымъ абажуромъ, суетилась расторопная дѣвушка лѣтъ 25-ти, приготовляя чайныя принадлежности. Арка справа, прикрытая вполовину суконной драпировкой, вела въ кабинетъ хозяина; дверь слѣва была отворена въ залу, гдѣ раздавался дѣтскій говоръ и звонкій смѣхъ: двое мальчиковъ, въ красныхъ канаусовыхъ рубашкахъ, играли въ лошади.

— Ты брыкайся, Миша... вотъ такъ... смотри! училъ десятилѣтній Володя своего меньшого брата. А голову-то гни на-сторону, какъ папашина пристяжка... круче... еще круче!

Миша, толстый, хорошенькій мальчишка, съ синими, какъ васильки, глазами, выгнулся всѣмъ корпусомъ и принялся такъ усердно копировать «папашину пристяжку», что, потерявъ равновѣсіе, шлёпнулся на паркетъ.

— Дѣти!.. что такое?.. испуганно вскрикнула молодая женщина, выбѣжавшая изъ столовой.

— Мамочка, не бойся! успокоивалъ Володя, хватая ее за руки. Онъ не ушибся... онъ смѣется... видишь?

— Я не ушибся! весело подтвердилъ вскочившій Миша, съ размаха бросаясь къ матери. Я представлялъ пристяжку... а Володя все кричалъ: круче, круче! Я и упалъ...

— Ахъ, Володя! такой большой мальчикъ и такъ шалишь— не стыдно ли? Папаша дома, а вы рѣзвитесь, шумите... вотъ за шалости и въ циркъ не повезу!

— Мамочка, душечка, не сердись—не будемъ! твердили дѣти, ласкаясь къ молодой женщинѣ, которая и укоряла ихъ, и свѣтло улыбалась.

— Дѣлай чай—самоваръ поданъ! послышался рѣзко-непріятный возгласъ изъ столовой.

— Иду! поспѣшно отозвалась молодая женщина. Смотрите же, прошептала она, наклоняясь къ мальчикамъ и приглаживая взъерошеннаго Мишу, за чаемъ не шумите... ведите себя какъ слѣдуетъ — не сердите папашу!

— Ахъ, мамочка, не безпокойся! съ достоинствомъ произнесъ Володя. Мы, вѣдь, это такъ... нечаянно...

— Ну, хорошо, хорошо — пойдемте! Папаша дожидается.

За столомъ уже сидѣлъ пожилой, рыжеватый мужчина, съ рябымъ, непривѣтливымъ лицомъ, въ крапчатой жакеткѣ и въ длинномъ галстукѣ съ изумрудной булавкой. Это былъ глава семейства, богатый первой гильдіи купецъ, Матвѣй Антонычъ Блиновъ.

— Помилуй, Наталья! недовольнымъ голосомъ проговорилъ онъ. Тебя не дождешься: самоваръ совсѣмъ заглохъ!

Молодая женщина могла бы возразить противное, но ничего не возразила, а принялась молча дѣлать чай. Мальчики смирно усѣлись около матери, на которую походили, какъ двѣ капли воды. Мягкій свѣтъ лампы упалъ прямо на ихъ разгорѣвшіяся, хорошенькія личики.

— Матвѣй Антонычъ! обратилась Блинова къ мужу, протягивая налитой стаканъ.

— Позвольте, па́почка, я вамъ передамъ, хотѣлъ-было подслужиться Володя.

— Не суйся—безъ тебя возьмутъ! сердито пробуркнулъ отецъ, отстраняя его руку.

Мальчикъ вспыхнулъ и сконфузился.

— Не сердитесь на нихъ! тихо вступилась Наталья Валерьяновна. Они немножко пошалили, да вѣдь нельзя же: дѣти!

— Э, полно, матушка, не заступайся! Избалованы, ни на что не похоже... чуть на головахъ не ходятъ! Вонъ у Ермолаевыхъ тоже дѣти, цѣлыхъ пятеро, а погляди-ка въ какой струнѣ: шелохнуться не смѣютъ!

— Не смѣютъ, покуда на глазахъ! съ оттѣнкомъ досады замѣтила Блинова. А заберутся на антресоли, такъ готовы другъ другу шею свернуть... одинъ, вонъ, гувернанткѣ глазъ выкололъ... да и учатся-то изъ-подъ палки!

— У тебя ужъ сейчасъ и изъ-подъ палки! Не велика бѣда, если отецъ выстегаетъ разъ-другой-третій... или задастъ потасовку: мальчишекъ не убудетъ, а по крайней мѣрѣ страхъ имѣютъ.... За битаго-то, матушка, двухъ небитыхъ даютъ!

Хотя Блиновъ стригся и одѣвался по-нѣмецки, силился жить по-барски, а мыслилъ, какъ видите, нó-просту, по-русски... При всякомъ удобномъ случаѣ медвѣжья натура изъ-подъ европейскаго костюма просилась на просторъ! Глаза Блиновой мгновенно засвѣтились и что-то неопредѣленное скользнуло по лицу.

— Дѣтямъ нужны не стеганья, неровнымъ голосомъ замѣтила она, а хорошій примѣръ, да разумное наблюденіе...

— Ну, понесла свое! досадливо перебилъ мужъ. Начиталась, наслушалась разныхъ фанаберій... знай поетъ съ чужого голоса!

— Зачѣмъ пѣть съ чужого, когда есть хоть маленькій да

свой! возразила затронутая Наталья Валерьяновна. Вы сами иногда говаривали, что излишняя строгость...

— Нельзя ли безъ замѣчаній? перебилъ опять Матвѣй Антонычъ; ты знаешь, я до нихъ не охотникъ? Отдамъ, вотъ, твоихъ баловней въ гимназію, да и дѣлу конецъ — что тутъ за подготовки! Тамъ и подготовятъ, и вышколятъ за-одно—безъ хлопотъ!

Наталья Валерьяновна опустила глаза и тихо вздохнула. Нѣсколько минутъ длилось молчаніе.

— Папаша, можно вамъ сказать одно словечко? сказалъ вдругъ Миша, подбѣгая къ отцу, на котораго вопросительно уставилъ бойкіе глазёнки. Тотъ видимо просвѣтлѣлъ отъ неожиданной выходки сына, и слегка щелкнулъ его въ кругленькій подбородокъ.

— Какое такое словечко... говори!

— Не отдавайте насъ съ Володей въ гимназію!

— Вотъ тебѣ здравствуй! Куда же васъ отдать?

— Никуда не отдавайте: оставьте дома.

— Э... плутъ! да у тебя губа не дура: знать, въ лошади-то играть веселѣе, чѣмъ учиться?

— Нѣтъ! въ лошади играть само собой, а учиться—само собой... только возьмите намъ Андрея Николаича!

— Ахъ, папаша, возьмите! подтвердилъ Володя. Онъ добрый, ласковый... мы любимъ его! И оба мальчика кинулись отцу на шею.

— Это что за новости? изумился тотъ, отстраняя дѣтей. Если вы еще осмѣлитесь...

Въ эту минуту раздался звонокъ, къ счастію, быть можетъ, прервавшій семейную сцену. Горничная побѣжала отпирать дверь и возвратилась съ визитной карточкой въ рукахъ.

— Отъ кого это? спросилъ Блиновъ.

— Пріѣхалъ какой-то высокій баринъ... ишь очень нужно съ вами повидаться. Спрашиваетъ, можете ли принять?

«Судебный слѣдователь Свободинъ», на-скоро прочелъ Блиновъ.—Проси его, Маша! добавилъ онъ, бросая карточку на столъ.

— Извините, проговорилъ вошедшій Свободинъ, раскланиваясь, что, не имѣя чести быть съ вами знакомымъ, я осмѣлился потревожить васъ.

— Помилуйте... очень пріятно! отвѣтилъ Матвѣй Антонычъ, сильно заинтересованный посѣщеніемъ должностного лица. Не угодно ли въ кабинетъ? тамъ удобнѣе... а ты, Наташа, пришли намъ чаю.

Хозяинъ ввелъ гостя въ просторную, красиво меблированную

комнату съ итальянскимъ окномъ, усадилъ на мягкій диванъ, и нетерпѣливо ожидалъ разгадки неожиданнаго визита. Дѣти опять смирно пріютились около чайнаго стола и занялись вареньемъ, а Наталья Валерьяновна стала приготовлять свѣжій чай.

— Мнѣ, право, совѣстно... началъ Сергѣй Андреичъ, обращаясь къ Блинову. Вы, можетъ быть, заняты... вамъ некогда...

— Сдѣлайте одолженіе! успокоивалъ его тотъ; я совершенно свободенъ. Хотѣлъ-было съѣздить въ клубъ, да раздумалъ—отложилъ до завтра.

— Въ такомъ случаѣ, потрудитесь, пожалуйста, сообщить мнѣ нѣкоторыя свѣдѣнія объ Андреѣ Николаичѣ Успенскомъ: жилъ онъ у васъ?

— Успенскій? переспросилъ удивленный Блиновъ, жилъ...

— Долго?

— Около двухъ лѣтъ.

— Учителемъ?

— Да, онъ занимался съ моимъ старшимъ сыномъ отъ первой жены: вздумалось поступить въ университетъ — не захотѣлъ идти по торговой части; потомъ подготовлялъ въ гимназію двухъ младшихъ сыновей.

— Почему онъ отошелъ отъ васъ?

— Потому... что я отказалъ.

— Отказали? изумился Свободинъ, припомнивъ, что Успенскій показалъ на допросѣ, будто самъ отошелъ отъ мѣста, имѣя въ виду другое, лучшее.—Отчего же? развѣ плохо исполнялъ свою обязанность?

— Не то, чтобы плохо.... Да позвольте, замѣтилъ пріободрившійся Блиновъ, смекнувъ, что цѣль посѣщенія не касалась его собственной личности, къ чему клонятся ваши разспросы объ Успенскомъ и почему вы обратились именно ко мнѣ?

— Потому обратился именно къ вамъ, что онъ въ вашемъ домѣ жилъ почти два года; слѣдовательно, его характеръ и привычки должны лучше быть извѣстны вамъ, чѣмъ кому-нибудь другому.

— А развѣ кому понадобилось знать характеръ и привычки Успенскаго?

— Точно такъ: понадобилось мнѣ!

— Вамъ?

— Да, мнѣ! значительно подтвердилъ Сергѣй Андреичъ. Видите ли, въ чемъ дѣло, пояснилъ онъ, замѣтивъ изумленіе хозяина; Успенскій заподозрѣнъ въ похищеніи четырехсотъ рублей и вотъ уже пятый день содержится въ частномъ домѣ. Всѣ улики...

— Поосторожнѣе! внезапно перебилъ его Матвѣй Антонычъ, услыхавъ звонъ разбившейся посуды. Опять шалятъ мальчишки! гнѣвно заключилъ онъ. Наташа! отошли ихъ на верхъ—они мѣшаютъ... да чтó же чаю? Такъ вы изволите говорить, продолжалъ онъ, снова обращаясь къ Сергѣю Андреичу, что всѣ улики...

— Всѣ улики противъ Успенскаго, закончилъ тотъ. Но такъ какъ мнѣ почему-то несовсѣмъ вѣрится, чтобы онъ былъ способенъ на такой позорный поступокъ, то я и попросилъ бы васъ, во имя правды, отъ которой зависитъ вся будущность молодого человѣка, дать мнѣ, насколько возможно, вѣрныя свѣдѣнія объ немъ: это для меня очень важно.

— Кто же и какимъ образомъ обвиняетъ его въ кражѣ? спросилъ Блиновъ.

Сергѣй Андреичъ принужденъ былъ вкратцѣ повторить уже извѣстную намъ исторію, и пока онъ говорилъ, человѣкъ подалъ ему на кругломъ серебряномъ подносѣ чай.

— Кáкъ вамъ сказать объ Успенскомъ? промолвилъ хозяинъ, выслушавъ Сергѣя Андреича до конца. Пустой онъ малый... фанфаронъ — больше ничего!

— На чемъ же вы основываете его пустоту и фанфаронство?

— Да какъ же-съ! Получалъ у меня шестьсотъ рублей на всемъ на готовомъ, да съ частныхъ уроковъ, пожалуй, не меньше, а никогда гроша не было за душой! И франтилъ, и по театрамъ, и по концертамъ шатался, и всякіе пустяки накупалъ... Ну, къ чему, разсудите сами, человѣку безъ состоянія жить выше головы? У него старикъ-отецъ: въ селѣ, чай, по копѣйкѣ собираетъ... бесприданница сестра... а онъ зря деньгами соритъ! И ужъ какъ высокомѣренъ—спаси Господи! Думаетъ, умнѣе его и на свѣтѣ нѣтъ... Начнетъ, бывало, правительственныя распоряженія, торговлю порицать: и то не такъ, и это не сякъ... одно косо, третье криво, десятое не по немъ... чуть въ министры не лѣзетъ! Пустельга-съ! порѣшилъ Блиновъ.

— Положимъ, что такъ, замѣтилъ Свободинъ; однако отъ пустоты до воровства далеко — неправда ли? Успенскій могъ франтить, могъ накупать безполезныхъ вещей, но вѣдь онъ моталъ свои собственныя, трудовыя деньги? Вѣдь не замѣчали же вы его въ чемъ-нибудь... предосудительномъ?

— Нѣтъ... не замѣчалъ, но ручаться за честность этого поповича все-таки не могу... кто его знаетъ! Третій мѣсяцъ безъ мѣста... уроковъ, гляди, не ахти-сколько... деньги подвернулись ловко... какихъ случаевъ не бываетъ!..

Вглядываясь въ непріятную физіономію Блинова, вслушиваясь въ его голосъ, въ которомъ будто слегка звучало затаенное раздраженіе, Свободинъ чуялъ, что отзывы этого человѣка заключали въ себѣ что-то недоброжелательное, даже враждебное относительно Успенскаго: положительно онъ его не обвинялъ, правда, за то далеко и не отстаивалъ!

Какъ ни старался Сергѣй Андреичъ отобрать болѣе опредѣленныя свѣдѣнія о молодомъ человѣкѣ, Блиновъ продолжалъ уклончиво отвѣчать на его вопросы и видимо отстранялся отъ дальнѣйшихъ объясненій.

— Очень жаль, сказалъ Свободинъ, вставая, что противъ моего ожиданія отзывы ваши о г. Успенскомъ такъ неудовлетворительны!

— Отзывы—дѣло мудреное, смиренно замѣтилъ Блиновъ. Человѣкъ въ иную-пору и за себя не поручится, а вѣдь чужая душа— потемки... сами, чай, изволите знать?

— Однако, онъ жилъ у васъ два года...

— Чтоже-съ! прожилъ бы и двадцать два, а все-таки бы я не зналъ, насколько потянетъ его честности...

— Ну, въ такомъ случаѣ, извините, что я васъ потревожилъ!

— Помилуйте... ничего-съ! любезно отвѣтилъ Матвѣй Антонычъ, пощипывая свою рѣденькую бороду.

Когда гость и хозяинъ вышли въ столовую, тамъ уже никого не было, кромѣ старушки-няни, убиравшей посуду. Свободинъ раскланялся съ Блиновымъ и въ прежнемъ раздумьи на счетъ Успенскаго отправился домой.

VI.

Violette de Parme.

— Илья!

— Чего изволите?

— Кто принесъ это письмо?

— Какая-то дѣвушка.

— Что-жъ она сказала? отъ кого?

— Ничего не сказала. Спросила допрежъ всего, дома ли вы; нѣтъ, молъ, сейчасъ только уѣхали. Ну, говоритъ, отдайте барину письмецо какъ пріѣдетъ, да съ тѣмъ и ушла.

— Давно ли она приходила?

— Съ полчаса времени.

— Отчего ты меня не разбудилъ? я и такъ проспалъ: скоро восемь часовъ.

— Да пожалѣлъ я, сударь, васъ будить: четверо сутокъ мучились на слѣдствіи — шутка сказать! Опять же дѣвушка отвѣта не дожидалась—сама спѣшила куда-то, я и подумалъ, что дѣло, знать, не больно важное...

— Хорошо. Ступай, попроворнѣе готовь чай—мнѣ надо ѣхать.

— Слушаю-съ.

Разговоръ этотъ происходилъ въ спальнѣ только-что проснувшагося Свободина, которому Илья подалъ принесенное дѣвушкой письмо. При первомъ прикосновеніи къ конверту съ легкимъ, знакомымъ запахомъ violette de Parme, Сергѣй Андреичъ встрепенулся: этотъ атласистый конвертъ безъ вензеля мгновенно напомнилъ ему другой, такой же, съ тѣмъ же самымъ запахомъ, найденный въ письменномъ столѣ Успенскаго! Ему вдругъ почудилось, что раннее, неизвѣстно кѣмъ присланное письмо должно непремѣнно имѣть какую-нибудь связь съ судьбою молодого человѣка. Онъ надорвалъ конвертъ и вынулъ листокъ почтовой бумаги, гдѣ въ нѣсколькихъ строчкахъ, торопливо написанныхъ женской рукой, самымъ убѣдительнымъ образомъ просили его побыть вечеромъ того же дня дома и часу въ девятомъ, безъ постороннихъ посѣтителей, принять одну особу, которой необходимо сообщить ему что-то очень важное, нетерпящее отлагательства. Кто, съ какой цѣлью прислалъ ему загадочное посланіе безъ подписи? Прочитавъ его не одинъ разъ, Свободинъ задумался надъ нимъ, и только повѣстка Ильи: «Чай готовъ-съ... пожалуйте!» заставила его вскочить съ постели и проворно умыться.

Свободинъ напился чаю, одѣлся и уѣхалъ. Воротился онъ домой уже около шести часовъ и строго запретилъ Ильѣ принимать кого бы то ни было.

— Всѣмъ, рѣшительно всѣмъ говори, что меня нѣтъ, что я не скоро буду, наказывалъ онъ. Только когда пріѣдетъ одна дама, ты ее тотчасъ-же впусти и проси прямо въ кабинетъ—слышишь?

— Слышу-съ, значительно подтвердилъ Илья, вскользь посмотрѣвъ на барина. Должно быть, визиты подобнаго рода считались дѣломъ не совсѣмъ обыденнымъ въ холостой жизни Сергѣя Андреича...

— Дама-то молодая, аль старушка? лукаво допытывался Илья.

— Не знаю, какая... я съ ней незнакомъ, не видалъ: пріѣдетъ по дѣлу.

— Такъ-съ... а ужъ я-было подумалъ...

— Напрасно ты подумалъ, слегка усмѣхнулся Свободинъ.

Послѣ ухода Ильи, сѣлъ-было онъ писать, но ему не писалось; открылъ книгу — не читалось: тревожное чувство ожиданія, разныя предположенія мѣшали заняться какимъ-нибудь дѣломъ. Онъ принялся ходить по кабинету и ходилъ до тѣхъ поръ, пока не раздался звонокъ. Черезъ нѣсколько минутъ послышались легкіе шаги... Свободинъ поспѣшно отворилъ дверь и встрѣтилъ гостью, блѣдную, смущенную... Взглянувъ на нее, онъ сейчасъ же вспомнилъ, гдѣ недавно видѣлъ эту молодую, стройную женщину, въ черномъ платьѣ...

— Прошу покорно! привѣтствовалъ онъ ее, затворивъ дверь и указывая на стоявшія полукружіемъ кресла. Но гостья, къ крайнему его удивленію, молчала, не трогалась съ мѣста и еще замѣтнѣе поблѣднѣла.

— Что съ вами? воскликнулъ озадаченный Свободинъ. Видя, что взволнованная посѣтительница находится въ какомъ-то напряженномъ, неестественномъ состояніи, онъ заботливо взялъ ее подъ-руку и усадилъ на диванъ.

— Успокойтесь, ради Бога! уговаривалъ Сергѣй Андреичъ. Вѣрьте, все, что́ бы вы ни сказали, дальше этой комнаты никогда никуда не пойдетъ: вы имѣете дѣло съ честнымъ человѣкомъ— вотъ вамъ моя рука!

Гостья, робко взглянувшая на хозяина, видимо пріободрилась: этотъ теплый привѣтъ, это доброе, честное лицо, эти хорошіе глаза, такъ много говорили въ пользу судебнаго слѣдователя, такъ къ нему располагали!

— Мнѣ, право, совѣстно... извинялась она дрожащимъ голосомъ, слабо сжимая протянутую ей руку. Въ первый разъ... я не знаю...

— Знайте только одно, сударыня, горячо прервалъ Сергѣй Андреичъ, что вы безбоязненно можете говорить со мною... обо всемъ! Это слово онъ замѣтно подчеркнулъ. Если я вамъ на что-нибудь пригоденъ, располагайте мною: все, что́ отъ меня зависитъ, все, что́ возможно—я готовъ сдѣлать для васъ!

— Благодарю! съ чувствомъ произнесла посѣтительница. Я писала...,—нетвердымъ голосомъ, запинаясь, продолжала она,—что имѣю сообщить вамъ нѣчто важное... дѣйствительно... по этому поводу... я рѣшилась... Голосъ ея вдругъ оборвался, слезы подступили къ горлу. Она смѣшалась и опустила голову.

Свободинъ видѣлъ, понималъ эти нравственныя страданія и угадывалъ, что передъ нимъ женщина—«неподготовленная къ борьбѣ», а просто женщина обыкновенная, робкая, съ устъ ко-

торой и срывается, и на лету замираетъ тягостное, неизбѣжное признаніе!

— Какое малодушіе! какая слабость! отчаянно шептала она, чувствуя, что судебный слѣдователь пристально смотритъ на нее. Вдругъ щеки ея мгновенно облились румянцемъ, глаза заискрились рѣшимостью... и она, будто отъ электрическаго удара, выпрямилась передъ Свободинымъ во весь ростъ...

— Карайте меня названіемъ безчестной жены, безчестной матери! порывисто воскликнула посѣтительница, но у меня больше не хватаетъ силъ молчать... Я—Блинова! продолжала она еще порывистѣе, я люблю Успенскаго!.. Отъ меня онъ получилъ четыреста рублей... вотъ доказательство!

Она судорожно выхватила изъ кармана смятое письмо и протянула его Свободину.

— Я васъ узналъ съ перваго взгляда, спокойно сказалъ Сергѣй Андреичъ, взявъ письмо. Я имѣлъ честь видѣть васъ вчера вечеромъ, когда пріѣзжалъ къ вашему супругу. Надѣюсь, дальнѣйшія разъясненія дадутъ мнѣ возможность...

Наталья Валерьяновна смутилась: ей сдѣлалось какъ-то совѣстно, неловко... она едва вѣрила самой себѣ, что такъ рѣшительно, такъ смѣло выдала любовь свою!.. Что̀ подумаетъ судебный слѣдователь? къ какому разряду женщинъ отнесетъ ее? А развѣ можно было поступить иначе? Она знала, что отъ него зависѣла судьба Успенскаго, знала, что объясненіе необходимо: что-же оставалось дѣлать ей?..

Сергѣй Андреичъ мягко взглянулъ на молодую женщину: онъ понялъ, чего ей сто̀итъ оправданіе любимаго человѣка! Передъ нимъ мало-по-малу приподнималась завѣса, до настоящей минуты скрывавшая загадочное поведеніе Успенскаго: возможно ли ему было сказать, что деньги отъ Блиновой? возможно ли было набросить тѣнь подозрѣнія на ея имя? Нѣтъ! онъ губилъ себя, за то спасалъ отъ позорной огласки женщину, отъ тяжкой отвѣтственности передъ мужемъ—жену, отъ стыда передъ дѣтьми—мать! Все это молніей пронеслось въ головѣ Свободина и радостное чувство самодовольства охватило его: усумнившись въ виновности Успенскаго, онъ, значитъ, не ошибся! Не время, не мѣсто было соображать, кто именно совершилъ кражу, но Сергѣй Андреичъ твердо порѣшилъ во что бы то ни стало отыскать виновнаго.

— Сергѣй Андреичъ! стыдливо произнесла Наталья Валерьяновна, опустивъ глаза; не думайте, ради Бога... не считайте меня одной изъ тѣхъ женщинъ...

— Напрасно вы безпокоитесь, сударыня! ласково перебилъ тотъ. Ужели вы такъ мало предполагаете во мнѣ проницательности, что я не могъ, не способенъ былъ васъ разгадать?

— Какъ успокоиваютъ меня ваши добрыя слова! съ чувствомъ проговорила Наталья Валерьяновна. Теперь, прибавила она смѣлѣе, когда въ вашей власти и моя тайна, и *его* оправданіе, я попросила бы васъ объ одномъ: не поскучайте выслушать меня—мнѣ такъ бы хотѣлось высказаться передъ вами!

— Сдѣлайте одолженіе! ободрилъ ее Свободинъ. Я самъ желалъ, но не смѣлъ просить объ этомъ. Говорите, пожалуйста говорите — я слушаю васъ! Тѣмъ болѣе, что изъ вашего разсказа можетъ очень многое выясниться въ пользу г. Успенскаго.

— Я на казенный счетъ воспитывалась въ институтѣ, начала Блинова, по протекціи одной вліятельной особы, у которой отецъ мой, бѣдный, незначительный чиновникъ, завѣдывалъ дѣлами по поводу какого-то нескончаемаго процесса. Послѣ его смерти, мать моя, одинокая, больная женщина, осталась почти безъ всякихъ средствъ, и мнѣ, по выходѣ изъ института, пришлось пережить не мало безотрадныхъ дней. За невозможностью поступить въ гувернантки, я добывала кое-какую швейную работу, учила дѣтей приходскаго священника, чѣмъ и поддерживала наше грустное существованіе. Въ церкви, куда хаживала по праздникамъ къ обѣдни, имѣла я несчастіе настолько понравиться богатому вдовцу Блинову, что онъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе. Матушка, узнавъ объ этомъ, чуть не сошла съ ума отъ радости; что же касается до меня, то, несмотря на ограниченность нашихъ средствъ, я всѣми силами отбивалась отъ ненавистнаго сватовства: Блиновъ мнѣ не нравился и я предчувствовала, что полюбить его несмогу никогда. Какъ я ни плакала, какъ ни упрашивала не связывать на вѣкъ моей судьбы съ судьбой немилаго человѣка, матушка ничего и слушать не хотѣла. Она жаловалась на безразсудное упорство дочери, лишавшей ее удобствъ обезпеченной жизни, и этимъ жалобамъ не было конца! Горькое, безвыходное положеніе заставило меня противъ воли сдѣлаться женою Блинова... Вскорѣ послѣ моего замужства, матушка умерла, успокоенная, что Богъ привелъ ей такъ блистательно устроить дочь!.. Не хочу васъ утомлять подробностями своей супружеской жизни, скажу только, что она была невыносимо тяжела. Матвѣй Антонычъ, заносчивый, своенравный, мелочной, требовалъ отъ меня какого-то безусловнаго повиновенія, какой-то нескончаемой благодарности за сдѣланную будто бы мнѣ честь, за оказанное благодѣяніе! Вначалѣ я оскорблялась, плакала по цѣлымъ днямъ,

мучилась... потомъ вступилась за свою нравственную свободу, начала смѣло отстаивать ее, на грязные, безсмысленные упреки отвѣчать правдивой рѣчью... впослѣдствіи же, увидавъ, что ни слезы, ни правдивыя рѣчи не только не улучшають, но видимо ухудшають нашъ семейный быть, я мало-по-малу примолкла, присмирѣла! Я пришла въ убѣжденію, что у меня не хватить силъ выбиться изъ-подъ тяжелаго гнёта, что съ слабой грудью плыть противъ теченія немыслимо: надорвешься, а до берега все-таки не доплывешь! Я порѣшила, что Богъ не судилъ мнѣ быть счастливой, однако ошиблась: когда родился Володя, потомъ Миша, я увидала, что счастіе и для меня возможно!.. Нераздѣльно принадлежала дѣтямъ вся моя жизнь, всѣ помыслы... до встрѣчи съ Андреемъ... съ Успенскимъ! поправилась она.

— Да, раздумчиво сказалъ Свободинъ, при безотрадной обстановкѣ вашей жизни, при вашемъ взглядѣ на все васъ окружавшее, сближеніе съ Успенскимъ было неизбѣжно. Оба молоды... оба такъ часто, такъ близко одинъ къ другому...

— Вначалѣ я какъ будто его дичилась, продолжала Блинова. Мнѣ было и совѣстно, и больно обнаруживать передъ постороннимъ человѣкомъ болячки семейной жизни; его присутствіе дѣлало меня обидчивѣе, нетерпѣливѣе... выходки мужа казались уродливѣе обыкновеннаго... его небрежные отзывы объ Успенскомъ почему-то раздражали меня... «Велика фигура учитель! говаривалъ Матвѣй Антонычъ. Плати только деньги—отбоя не будетъ: любого выбирай. Захочется крикнуть: «ну-ка ты, ученый, подавай мнѣ чай!» и крикну... и подастъ! А я вотъ, неученый, ему не подамъ... да ничего со мной и не подѣлаешь... а вѣдь это разсчетъ!» За послѣдніе годы Матвѣй Антонычъ почему-то ударился въ «современность», т.-е. началъ ѣздить въ театръ, записался въ клубъ, сталъ одѣваться у Бургеса, далъ позволеніе старшему сыну вступить въ университетъ, но на этой наружной оболочкѣ и пріостановилась его «современность». Не скажу, что мужъ мой злой, недобрый человѣкъ—нѣтъ! Онъ просто одинъ изъ деспотовъ-самодуровъ, мыслимыхъ только въ нелѣпомъ купеческомъ быту, гдѣ грозный глава семейства не подлежитъ никакому контролю. Успенскій все понялъ, все разгадалъ очень скоро... съ этой-то разгадки и началось наше сближеніе. Онъ такъ искренно высказывалъ мнѣ свое сочувствіе, такъ видимо искалъ моего расположенія, такъ полюбилъ моихъ дѣтей, такъ съумѣлъ ихъ привязать къ себѣ... Нѣтъ! не хватаетъ силъ! задыхающимся голосомъ порѣшила взволнованная Блинова. Не могу, не смѣю пере-

давать тѣхъ минуть свѣтлаго, нежданнаго счастья... Она остановилась и закрыла обѣими руками пылавшее лицо.

Свободинъ всталъ и прошелся по кабинету. Исповѣдь этой молодой женщины затронула его. Но такъ какъ онъ былъ не столько «мужчина», сколько судебный слѣдователь, задавшійся мыслью остановиться на чемъ-нибудь болѣе твердомъ, нежели эта исповѣдь, то снова и обратился къ Блиновой съ прозаическими, необходимыми распросами.

— Правда-ли... Позвольте узнать имя-отчество? началъ онъ, садясь подлѣ нея.

— Наталья Валерьяновна.

— Правда-ли, Наталья Валерьяновна, что Успенскій отошелъ отъ васъ по поводу лучшаго мѣста, которое будто бы имѣлъ въ виду?

Та съ удивленіемъ взглянула на Свободина.

— Да, подтвердилъ Сергѣй Андреичъ, такъ онъ по крайней мѣрѣ показалъ на допросѣ. Супругъ же вашъ утверждаетъ совсѣмъ противное: что не Успенскій отказался отъ мѣста, а что онъ самъ отказалъ Успенскому. Говорите, пожалуйста, откровенно, ласково продолжалъ онъ. Отъ вашей откровенности зависитъ если не все, то очень многое.

— Мужъ правъ, отвѣтила Наталья Валерьяновна; онъ самъ отказалъ ему.

— Вслѣдствіе какихъ же именно причинъ? ревность что-ли замѣшалась?

— Не думаю, потому что онъ не могъ и подозрѣвать нашей любви, а скорѣе что-то похожее на досаду, на зависть, что мы сошлись такъ близко. Ему казалось, будто Успенскій черезчуръ фамильярно обходится съ женой богатаго первостатейнаго купца, и что эта жена позволяетъ становиться съ собой на одну доску «учителю-поповичу»! Онъ никогда не былъ съ нимъ особенно привѣтливъ, а ужъ тутъ малѣйшее обстоятельство начало возбуждать его неудовольствіе; даже привязанность дѣтей къ учителю бѣсила его! Когда старшій сынъ вступилъ въ университетъ, Матвѣй Антонычъ сталъ частенько поговаривать, что Успенскій не нуженъ, что для подготовленія мальчиковъ въ гимназію можно взять учителя по-проще, по-дешевле. Мы поняли, что разлука наша близка, что Успенскому самому слѣдуетъ предупредить этотъ отказъ, а все-таки медлили разстаться! И онъ и я страдали одинъ за другого: его терзала мысль, что онъ не можетъ, не смѣетъ вступиться за меня; что человѣкъ, котораго онъ презираетъ, имѣетъ право безнаказанно разбить все счастье

вашей любви... Я видѣла, какъ дорого обходилась ему его лихорадочная, напряженная сдержанность, и каждую минуту опасалась неизбѣжнаго взрыва! Опасенія мои, слава Богу, не оправдались, за то Матвѣй Антонычъ прямо, безъ всякихъ оговорокъ, безъ предупрежденій, на-отрѣзъ отказалъ ему!..

«Теперь мнѣ понятно лживое показаніе Успенскаго!» подумалъ Сергѣй Андреичъ. — Послѣ того, продолжалъ онъ вслухъ, какъ г. Успенскій выѣхалъ отъ васъ, видались вы съ нимъ?

— Да..., отвѣтила замявшись Наталья Валерьяновна, но очень рѣдко... съ большими предосторожностями... я всегда предупреждала его...

— Значитъ, дѣвушка, приходившая къ нему въ Николинъ день...

— Была моя горничная, Маша. Съ ней я прислала ему четыреста рублей.

«Ну, возможно ли было предвидѣть такое невѣроятное совпаденіе обстоятельствъ!» подумалъ опять Свободинъ. — Горничной, стало быть, извѣстны ваши отношенія съ г. Успенскимъ? спросилъ онъ.

— Извѣстны... давно... но я увѣрена въ ея скромности: она искренно предана намъ обоимъ!

— По какому же случаю были вами присланы г. Успенскому деньги?

— Потрудитесь прочесть привезенное мной письмо: оно вамъ яснѣе отвѣтитъ, чѣмъ я.

«А что, мелькнуло въ головѣ Свободина, если это письмо подготовлено и прислано ей Успенскимъ изъ-подъ ареста? Нѣтъ, въ ту же минуту порѣшилъ онъ, ни Успенскій, ни эта женщина, въ словахъ которой звучало столько истины и чувства, неспособны на обманъ!» Онъ развернулъ письмо и прочелъ слѣдующее:

«Мой добрый другъ Наташа!

«Если бы я исписалъ десять листовъ кругомъ, то все равно не «высказалъ бы тебѣ и сотой доли того чувства благодарности, «которымъ переполнено мое сердце! Ты знала, какъ меня тре«вожила судьба сестры, какъ безпощадно я упрекалъ себя въ «безпечности, какъ мучился, гдѣ и какъ добыть давно обѣщанные «ей триста рублей, отъ которыхъ зависѣла ея свадьба, и вдругъ «такъ неожиданно присылаешь мнѣ сегодня не триста, а четы«реста рублей: ты даже подумала о моихъ долгахъ! Ахъ, На«таша, ты окончательно уничтожаешь меня своимъ великоду-

«щіемъ! Я знаю, сколькихъ тревогъ, сколькихъ ухищреній стоили «эти деньги женѣ богача! Я увѣренъ, что ты или продала, или «заложила свои вещи... не правда ли—скажи? И все это для «меня?..»

Свободинъ поднялъ голову и вопросительно взглянулъ на Блинову.

— Да, онъ не совсѣмъ ошибся! горько усмѣхнулась та. Еслибы я не сберегла банковаго билета въ двѣсти рублей, когда-то подареннаго богатымъ женихомъ бѣдной невѣстѣ на булавки, и если бы Маша не заложила моихъ бриллiантовыхъ серегъ, я не смогла бы выручить Успенскаго: обычай Матвѣя Антоныча держать и приказчиковъ, и жену на отчетѣ!

«Мнѣ сдѣлалось совѣстно, досадно,—продолжалъ читать Сергѣй Андреичъ письмо Успенскаго,—что я, при хорошемъ жалованьи, при хорошихъ урокахъ, не съумѣлъ ничего отложить «сестрѣ, не подумалъ, что деньги, тратившiяся на излишнiя вещи, «безъ которыхъ легко обойтись, понадобятся современемъ Мареушѣ; что за недостаткомъ этихъ безразсудно потраченныхъ «денегъ придется ей, быть можетъ, сидѣть цѣлый вѣкъ въ дѣвкахъ... Нѣтъ, я не подумалъ ни о чемъ! Мнѣ было такъ хорошо подлѣ тебя... я былъ такъ счастливъ... чего-же больше? «Только скорбное письмо отца способно было мнѣ напомнить «мои обязанности, мое обѣщанiе—какой отвратительный эгоизмъ! «Но теперь я твой должникъ, Наташа: ты увидишь, какъ я примусь трудиться и, главное—беречь деньги; хочу какъ можно «скорѣе съ тобою расквитаться! Неужели не шутя спрашиваешь, «можно ли намъ видѣться сегодня? свободенъ ли я? Маша просто разсердила меня этимъ вопросомъ: развѣ не знаешь, какъ «я дорожу минутами нашихъ рѣдкихъ свиданiй, развѣ сомнѣваешься въ моей любви? Ахъ, еслибы ты могла видѣть, съ какимъ нетерпѣнiемъ я ожидалъ сегодня обѣщанной тобой «повѣстки», то увѣренъ, не предложила бы мнѣ такого обиднаго «вопроса! Буду, ангелъ мой, буду непремѣнно! Горю нетерпѣнiемъ «поблагодарить тебя и расцѣловать твои хорошенькiя губки!

«Весь твой и навсегда Андрей».

«PS. Когда же соберешься въ циркъ и доставишь мнѣ удовольствiе взглянуть хоть издали на дѣтей»?

— Ваше признанiе и то, что пишетъ г. Успенскiй, сказалъ

Свободинъ, складывая письмо, ясно убѣждаютъ меня въ его невиновности. Какъ хорошо вы поступили, Наталья Валерьяновна, что рѣшились обратиться прямо ко мнѣ! Стало быть, вы слышали мой вчерашній разговоръ съ вашимъ мужемъ?

— Къ счастію! горячо отвѣтила Блинова; иначе, при другой обстановкѣ, это извѣстіе окончательно бы сразило, погубило меня! Когда вы сказали, что Успенскій обвиненъ... въ воровствѣ, что онъ подъ арестомъ... точно кто молотомъ ударилъ мнѣ прямо въ сердце! Удивляюсь, какъ я не вскрикнула, какъ я не повалилась! А ужъ когда разбила чашку—Господи!.. такъ и почудилось, что мужъ идетъ въ столовую... видитъ... догадывается... Ахъ, чего мнѣ стоили эти минуты! Мы съ Машей не спали всю ночь, придумывая, чѣмъ и какъ спасти Успенскаго; наконецъ, я рѣшилась послать вамъ письмо...

— Кто же вамъ далъ мой адресъ?

— Ваша вчерашняя карточка.

— Да, въ самомъ дѣлѣ, припомнилъ Свободинъ. Успокойтесь, Наталья Валерьяновна,—продолжалъ онъ,—съ г. Успенскимъ дурного ничего не будетъ: еще не знаю, гдѣ, какимъ образомъ примусь отыскивать слѣды воровства, но вѣрьте, найду ихъ непремѣнно!

— Стало быть, вы теперь же освободите его? радостно спросила Блинова.

— Къ несчастію, нѣтъ! Пока не найдется настоящій похититель денегъ, г. Успенскій долженъ содержаться подъ арестомъ; во-первыхъ, потому, что безъ вашего вмѣшательства въ это дѣло, гласно, при свидѣтеляхъ, нельзя оправдывать его, а во-вторыхъ, онъ самъ не желаетъ подобнаго оправданія; иначе для чего бы онъ молчалъ такъ упорно?

— Онъ щадитъ меня! воскликнула Блинова. Добрый! благородный!... Сергѣй Андреичъ! съ жаромъ продолжала она, я буду ждать, надѣяться... Но если для его оправданія не найдется другихъ средствъ кромѣ моего заявленія, скажите... предупредите! Пусть оскорбляетъ меня мужъ, пусть осуждаетъ свѣтъ — я всетаки спасу Успенскаго: Богъ и дѣти простятъ меня!...

«Хорошъ *онъ*, да хороша и *она!*» подумалъ Сергѣй Андреичъ, глядя на молодую женщину, съ разгорѣвшимся лицомъ, съ сверкавшими глазами, готовую купить цѣною чести свободу любимаго человѣка!...

— Ободрите его... просила она; скажите ему...

— Будьте увѣрены, успокоивалъ Свободинъ, сдѣлаю все, что́ можно, что́ должно. Я обѣщалъ вамъ оправдать г. Успенскаго, и сдержу слово!

Простившись съ Свободинымъ, Наталья Валерьяновна, нѣсколько успокоенная, обнадеженная, отправилась домой, а онъ въ раздумьи долго еще ходилъ по кабинету и не одни судебныя соображенія на этотъ разъ исключительно занимали его умъ!...

VII.

Темное дѣло.

Много было толковъ, предположеній и догадокъ въ меблированныхъ комнатахъ мадамъ Штрундъ по поводу драмы, закончившейся арестомъ Успенскаго. Эта драма, въ продолженіи двухъ-трехъ дней, служила нескончаемой темой разговора для квартирантовъ Амаліи Ивановны. Успенскаго и жалѣли, и порицали, и оправдывали, и сажали въ острогъ, кто на два года, а кто покруче, и на четыре; печалились объ участи несчастнаго старика-отца, предполагали, такъ или иначе отзовется на немъ неожиданный ударъ, а все-таки, наконецъ, всѣ выговорились, выдохлись, за исключеніемъ хозяйки да главнаго героя происшествія, Бусыгина. Хозяйка сокрушалась, что исторія покражи непремѣнно повредитъ репутаціи ея меблированныхъ комнатъ, гдѣ въ продолженіи столькихъ лѣтъ все обстояло такъ чинно, такъ благополучно; сокрушалась, что нумеръ Успенскаго будетъ пустовать до окончанія дѣла, а кто и какимъ образомъ вознаградитъ ее за понесенные убытки — вопросъ нерѣшенный. Бусыгинъ, какъ лицо пострадавшее, не переставалъ повторять встрѣчному и поперечному исторію похищенія денегъ съ начала до конца, и при всякомъ удобномъ случаѣ ругалъ Успенскаго всласть. Однако, вскорѣ и хозяйка, постоянно утѣшаемая квартирантами, поуспокоилась; и Бусыгинъ, выпросившій у Меркулова сверхъ задатка еще сто рублей, сдѣлался потише; онъ уже не такъ часто и не такъ подробно разсказывалъ исторію покражи.

Въ меблированныхъ комнатахъ мало-по-малу водворялся прежній порядокъ. Имя Успенскаго слышалось рѣже и рѣже, на сцену выступили разговоры о вновь прибывшей труппѣ акробатовъ, о какой-то безрукой необыкновенной дѣвицѣ, которая посредствомъ ногъ писала, вышивала, даже будто бы стрѣляла изъ пистолета. Амалія Ивановна снова принялась варить утренній кофе, къ величайшему удовольствію квартирантовъ, потому что соотечественница ея, фрау Беръ, гостившая ради печальнаго событія, отпускала имъ съ микроскопической порціею сахара такую

грибную жижу вмѣсто кофе, что тѣ громко вознегодовали. Поваръ, безъ строгаго надзора хозяйки, готовилъ скверно и подалъ тухлыхъ рябчиковъ; корридоръ мелся плохо; даже Настасья до того забалтывалась съ горбатой старушонкой о судьбѣ Успенскаго, что забывала во-время убирать комнаты, накрывать на столъ и править иныя службы.

Утромъ того дня, въ который я попрошу читателя снова перенестись къ мадамъ Штрундъ, рано проснувшійся Егоръ Егорычъ, совсѣмъ одѣтый, сидѣлъ за стаканомъ кофе, калякая, по обыкновенію, съ Николаемъ, который, выставивъ правую ногу и заложивъ руки назадъ, стоялъ передъ нимъ.

— Да, братъ! это знакомство у меня вотъ гдѣ! говорилъ Бусыгинъ, хлопая себя по затылку. Угостилъ пріятель — нечего сказать! Не выручи Меркуловъ, пришлось бы свистать въ кулакъ! Вѣдь ухитрился же, подлецъ этакій!

— Да-съ, подтвердилъ Николай, поддѣлъ онъ васъ ловко! И когда вошелъ, и когда взялъ — оказія! А что Егоръ Егорычъ, продолжалъ онъ, какъ вы наслышаны объ немъ: еще содержится?

— Содержаться-то содержится, да вся эта исторія подвигается что-то плохо! Судебный слѣдователь, кажется, больше мастеръ говорить, чѣмъ дѣло дѣлать: то былъ въ отлучкѣ, то, знать, отдыхалъ, а время-то все идетъ да идетъ — вѣдь вотъ ужъ почти недѣля! Зналъ, лучше бы прямо въ полицію заявилъ — живо бы все обработали!

— А хоша Андрей Николаичъ и замаралъ себя, замѣтилъ сокрушительно Николай, мнѣ все-таки его жалко: баринъ добрый, ласковый!

— Ну его къ чорту и съ лаской! Другой оборветъ, облаетъ съ-плеча, за то и видишь его насквозь, а вотъ этакіе-то франты миндальничаютъ-миндальничаютъ, да и надѣлаютъ тебѣ непріятностей съ три короба!

— Какъ я-то, сударь, благодарю Создателя, умилительно вздохнулъ Николай, что не попалъ подъ лабетъ! Не будь имянинникъ, не уйди со двора на цѣлый день — бѣда бы, какъ есть бѣда! Прежде всѣхъ былъ бы въ отвѣтѣ: находился, дескать, тутъ... видѣлъ деньги... Ну, и потянули бы раба божія!

— Да, потвердилъ Егоръ Егорычъ, хоть малый ты, кажется, и честный, а подъ такой случай извини: отца родного прицѣпишь — четыреста рублей не шутка!

— Чтó за шутка — помилуйте! Какъ вернулся я домой, какъ сказали мнѣ, чтó у насъ сотворилось, такъ я и ахнулъ! Господи,

молъ, твоя воля! баринъ хорошій, а на этакое дѣло пошелъ! И словно чуяло мое сердце...

— Егоръ Егорычъ, встали? спросилъ кто-то, пріотворивъ дверь.

— Всталъ, давно всталъ—добро пожаловать! закричалъ Бусыгинъ, узнавъ голосъ квартиранта-майора.

— Съ добрымъ утромъ! привѣтствовалъ тотъ хозяина, входя и протягивая ему руку. Забрелъ провѣдать васъ.

— Хорошо сдѣлали! не хотите ли стаканчикъ кофейку?

— Премного благодаренъ — сію минуту пилъ и, признаюсь, съ удовольствіемъ; видно, что Амалія Ивановна варила сама: запахъ, ароматъ—просто прелесть. А вотъ во время разстройки-то подруга ея подчивала насъ такой бурдой, инда тошнило...

— Прикажете снять? спросилъ Николай, видя, что Бусыгинъ допилъ свой стаканъ.

— Снимай, больше не буду, отвѣтилъ тотъ; и Николай забравши посуду вышелъ.

— Ну, чтó, Егоръ Егорычъ, подвигается ли ваше дѣльцо? спросилъ майоръ.

— Плохо, Никаноръ Васильичъ, очень плохо! сокрушительно промолвилъ хозяинъ. Заѣзжалъ раза два къ слѣдователю—дома нѣтъ: ишь куда-то на слѣдствіе командировали, далеко. Теперь, говорятъ, вернулся; хочу сегодня же понавѣдаться къ нему. Ужъ такая истома—не приведи Господи! Какъ вы тамъ меня ни убѣждайте, что теперешнее слѣдствіе лучше, быстрѣе прежняго идетъ, я съ вами никогда не соглашусь: гдѣ, въ чемъ это улучшеніе, позвольте спросить? Вотъ хоть бы мои четыреста рублей? Нашлись у Успенскаго—чего-жъ яснѣе? Ну и отдай ихъ тутъ же по принадлежности... Нѣтъ-съ, извините! Пошли допросы, развѣдыванія, справки, всякая чепуха... одурь беретъ!

— Нельзя безъ этого, Егоръ Егорычъ, внушалъ майоръ; у судопроизводства свои формы, отъ которыхъ оно не имѣетъ права отступать. Чтó же касается до новыхъ порядковъ, напрасно вы ихъ порицаете; воззрѣнія мои относительно этихъ порядковъ основываются на весьма уважительныхъ данныхъ. Я многое въ жизни видалъ, многое читалъ, кое о-чемъ размышлялъ и самъ, и пришелъ, наконецъ, къ убѣжденію, что мы, русскіе, по части цивилизаціи вообще и по судебной реформѣ въ особенности, сдѣлали громадный шагъ впередъ! Смѣло могу сказать, съ увлеченіемъ заключилъ майоръ, что касательно гуманности мы даже опередили всю Европу!

— Ужъ и всю Европу! недовѣрчиво ухмыльнулся Бусыгинъ.

— Да-съ! вѣско подтвердилъ майоръ, любившій горячо потрактовать о судебномъ прогрессѣ. Примѣровъ нашей гуманности весьма не мало — умѣйте только обратить на нихъ вниманіе... Я вотъ постоянно слѣжу за этимъ любопытнымъ предметомъ, и недальше какъ вчера прочелъ въ русскихъ вѣдомостяхъ поразительный случай судебнаго мягкосердія...

— Какой же это случай?

— А вотъ извольте прислушать. Въ какой именно губерніи, не припомню... черемисъ... не то чувашъ... убилъ родного сына вслѣдствіе подстрекательства своей второй жены, то-есть, мачихи убитаго, въ чемъ и не запирался передъ судомъ. Слышите-съ?

— Слышу. Въ припадкѣ помѣшательства чтó-ли?

— Нѣтъ, о помѣшательствѣ не упоминается... Чѣмъ же, вы полагаете, кончилось дѣло? спрашивалъ Никаноръ Васильичъ, какъ-бы заранѣе предвкушая эффектъ разсказа.

— Да чѣмъ же кончиться? хладнокровно замѣтилъ Бусыгинъ. Отецъ ни съ того, ни съ сего убилъ родного сина, добровольно сознался въ преступленіи — въ каторгу его лѣтъ на пятнадцать, да и шабашъ!

— Такъ и зналъ, что вы это бухнете! ликовалъ майоръ. А вотъ и ошиблись, государь мой, да еще какъ ошиблись-то!

— Ошибся? не безъ удивленія спросилъ Егоръ Егорычъ.

— Да-съ! иронически подтвердилъ майоръ. Конечно, случись это въ странахъ просвѣщенныхъ, гуманныхъ... сейчасъ бы пустили въ ходъ ссылки, каторжныя работы, лишеніе всѣхъ правъ состоянія и проч. Снизошли бы, пожалуй, до какихъ-нибудь смягчающихъ обстоятельствъ, никакъ не дальше... Ну, а мы, варвары, не таковы-съ! торжественно заключилъ онъ. Наши добрые, истинно-гуманные судьи не только не наказали преступнаго сыноубійцу, но даже, по добротѣ души и христіанскому всепрощенію, тутъ же ему въ судѣ собрали десять рублей!.. Умилительно, ей-богу, умилительно! И глубоко растроганный ораторъ съ чувствомъ высморкался въ пестрый фуляръ.

— Помилуйте! изумился Бусыгинъ; чтó тутъ умилительнаго? По-моему это просто поблажка, да еще какая! «Вотъ, молъ, голубчикъ — за труды! Валяй тутъ же кстати и жену, и дочь, если есть: еще десять рублей соберемъ!» Хороша гуманность! Это, по-моему, ни на что не похоже!

Майоръ сдѣлалъ движеніе и знаменательно взглянулъ на Бусыгина.

— Да-съ, ни на что не похоже! уперся тотъ. Теперь, значитъ, и Успенскаго можно освободить отъ суда и расправы? Эка

бѣда, что четыреста рублей подтибрилъ! Человѣкъ молодой, пріятной наружности... ему необходимъ и комфортъ, и пятое-десятое... не гноить же его въ острогѣ! Да и пусть, молъ, руку набиваетъ!...

— Г. Бусыгинъ! можно войти?

— Кто тамъ? спросилъ Егоръ Егорычъ. Ахъ, господинъ Свободинъ — милости просимъ! радостно добавилъ онъ, увидавъ вошедшаго Сергѣя Андреича. А я ужъ нынче собирался къ вамъ...

— Что дѣлать, г. Бусыгинъ! былъ въ отлучкѣ... позамедлилъ... говорилъ Сергѣй Андреичъ, входя въ комнату и раскланиваясь съ майоромъ.

— Не лишній ли я здѣсь, господа? вѣжливо спросилъ тотъ, нѣсколько рисуясь.

— Помилуйте, у насъ секретовъ нѣтъ! сказалъ Бусыгинъ. Ну что новенькаго? нетерпѣливо полюбопытствовалъ онъ, обращаясь къ Свободину.

— Пока ничего: дѣло еще все въ прежнемъ положеніи. Я вотъ хочу немножко побезпокоить васъ...

— Чѣмъ? испугался Егоръ Егорычъ.

— Да надо бы здѣшнюю прислугу еще разокъ переспросить «келейно»... и если бы вы позволили, такъ теперь же, у васъ.

— Какъ вамъ угодно; хотя рѣшительно не понимаю, къ чему поведетъ эта «келейность»! Вѣдь ужъ дѣло, кажется, ясно какъ дважды-два-четыре?

— Положимъ... но все-таки это необходимо для нѣкоторыхъ судебныхъ соображеній.

— Воръ пойманъ съ поличнымъ—какія же тутъ еще судебныя соображенія? замѣтилъ недовольнымъ голосомъ Бусыгинъ, ядовито взглянувъ на майора-прогрессиста.

— Нельзя безъ нихъ, г. Бусыгинъ, урезонивалъ Сергѣй Андреичъ. Замѣтьте, я всѣми силами стараюсь какъ можно скорѣе возвратить вамъ деньги.

— Ахъ, дай-то Господи! воскликнулъ Егоръ Егорычъ, всплеснувъ руками. Допрашивайте, г. слѣдователь, хоть всѣхъ поголовно, распоряжайтесь — только ужъ не томите! Вѣрите ли, какимъ пудовикомъ лежитъ у меня на душѣ это проклятое дѣло!

— Вѣрю, г. Бусыгинъ, очень вѣрю! И мнѣ вѣдь не сласть какая распутывать его!

— Да распутывать-то, кажется, нечего? — Впрочемъ, поступайте какъ угодно, спохватился Егоръ Егорычъ, боясь излишнимъ напоромъ прогнѣвать «самонравнаго» слѣдователя. Я вамъ тутъ ни на что не нуженъ? мягко закончилъ онъ.

— Вѣроятно, г. слѣдователю будетъ удобнѣе спрашивать

прислугу въ вашемъ отсутствіи, вступился майоръ; да и прислугѣ будто не такъ стѣснительно...

— Совершенно вѣрно, подтвердилъ Свободинъ.

— Развѣ тѣмъ временемъ къ Амаліи Ивановнѣ пойти? размышлялъ Бусыгинъ.

— А почему же не ко мнѣ? Сразимтесь-ка въ шашки отъ нечего дѣлать, пригласилъ Никапоръ Васильичъ.

— Ну, ладно, пойдемте! Если на что понадоблюсь, г. Свободинъ—потрудитесь извѣстить.

— Хорошо, извѣщу.

— Прикажете послать Николая? предложилъ Бусыгинъ, или Настасью прежде?

— Вы очень обязательны... благодарю васъ...

— Такъ кого же: Николая?

— Хоть его.

— А стаканчикъ чаю не желаете?

— Не безпокойтесь — пилъ недавно.

— Въ такомъ случаѣ, до свиданія!

Бусыгинъ ушелъ въ сопровожденіи майора, а Сергѣй Андреичъ принялся опять осматривать комнату; но какъ и въ первый разъ, подозрительнаго ничего не отыскалъ: тотъ же брандмауеръ передъ окномъ спальни, тѣ же снѣжные сугробы подъ окномъ, та же тщательно заклеенная дверь въ чужой нумеръ — больше ничего!

Вошелъ Николай и почтительно остановился на порогѣ гостиной. Мысль, что онъ явился на допросъ къ судебному слѣдователю, видимо взволновала его, какъ взволновала бы, конечно, и всякаго; глуповато-умильное лицо его было нѣсколько блѣдно.

— Поди сюда, любезный! сказалъ Свободинъ. Поближе... еще поближе—не бойся!

Николай подошелъ.

— Ты вѣдь знаешь, у г. Бусыгина пропали деньги—такъ?

— Точно такъ-съ.

— Знаешь, что подозрѣніе пало на г. Успенскаго?

— Знаю-съ.

— Ну, а какъ по-твоему, могъ онъ ихъ взять, или нѣтъ?

— Почему же мнѣ знать-съ?

— Однако, не замѣчалъ ли ты за нимъ чего-нибудь такого... какъ бы сказать попроще... неладнаго?

— Ничего не замѣчалъ-съ.

— Ишь вонъ къ нему какая-то дѣвчура бѣгаетъ?

— Можетъ статься... не видалъ-съ.

— Не поигрываетъ ли онъ въ картишки?

— Не извѣстенъ-съ.

— А что онъ, мотоватъ?

— Кто-съ?

— Да Успенскій-то?

— Не могу знать-съ.

Свободинъ пристально посмотрѣлъ на Николая. Какъ онъ ни пробовалъ заводить съ нимъ рѣчь на всякіе лады, тотъ, изъ коротнихъ отвѣтовъ: «не знаю, не могу знать-съ», ни на шагъ не выступалъ и крѣпче всего держался за свое отсутствіе. Вслѣдъ за нимъ явилась тоже нѣсколько встревоженная Настасья, а такъ какъ уклончивые отвѣты и видимая сдержанность Николая показались Свободину не совсѣмъ натуральны, то онъ и рѣшился измѣнить свой маршрутъ, зная по опыту, что иногда окольный путь вѣрнѣе приводитъ къ желаемой цѣли, нежели большая проѣзжая дорога.

— Скажи мнѣ, душа моя, ласково обратился онъ къ дѣвушкѣ, есть у васъ, кромѣ тебя да Николая, еще какая-нибудь прислуга въ нумерахъ?

— Старичокъ-поваръ есть, только онъ къ намъ не касается: онъ постоянно въ кухнѣ, внизу. Амалія Ивановна окромя кушанья ничѣмъ его не отягощаютъ.

— Давно живетъ?

— Да почитай пять лѣтъ-съ.

— Хорошій старикъ?

— На что лучше: услужливый, чистоплотный... Выпить бы иной разъ не прочь, да Амалія Ивановна повадки не даютъ — страсть ихъ боится!

— А Николай-то у васъ недавно?

— Недавно-съ; гляди, четырехъ мѣсяцевъ не будетъ.

— Что онъ, по-твоему, тоже человѣкъ хорошій? Тебѣ вѣдь его легче распознать, нежели кому другому, съ видомъ простодушія продолжалъ Свободинъ. Ты столько лѣтъ живешь у хозяйки, всѣмъ завѣдуешь, распоряжаешься: ты ея правая рука; значитъ, онъ у тебя всегда на виду. Хозяйка чего пожалуй и не домекнётся, а ужъ тебя-то онъ не проведетъ—не такъ ли?

Слова судебнаго слѣдователя видимо пріободрили Настасью и пріятно затронули ея самолюбіе.

— Правду истинную говорить изволите, не безъ достоинства подтвердила она. Ужъ такъ я, кажется, служу Амаліи Ивановнѣ, такъ блюду ея добро, что на томъ свѣтѣ Господу-Богу отвѣта ни въ одной порошинкѣ не дамъ! Иной разъ онѣ бы много упуще-

ній сдѣлали изъ-за своей доброты, опять же хозяйскій глазъ не всегда усторожитъ нашего брата, а ужъ я лукавствомъ да хитростью ихъ не обману — нѣтъ, ужъ никогда-съ!

И Настасья, качнувъ головой, плавно развела руками.

— Я вижу, ты дѣвушка хорошая, честная; вотъ Николай-то, сдается мнѣ, не того...

— Нѣтъ, сударь, объ Николаѣ тоже молвить худа нечего, замѣтила поразговорившаяся Настасья. Онъ малый простой; не видать, чтобы и отъ дѣла больно лынялъ, и непьющій...

— А не пошаливаетъ, гдѣ плохо лежитъ?

— Охъ, сударь, этого, кажись, незамѣтно! Вотъ развѣ на кусокъ падокъ: несетъ, тамъ, котлетки, аль пирожки—урветъ безпремѣнно, коли не досмотришь. Пытала не разъ журить его: «чтó, молъ, ты сытъ что-ль этимъ будешь? какъ тебѣ не совѣстно!» Ну, а прочимъ дѣломъ незамѣтно — нечего болтать пустое!

— Что онъ, человѣкъ женатый, семейный?

— Нѣтъ, пока холостой, а жениться собирается.

— Э! ужъ не на тебѣ ли?

— Помилуйте, сударь! какой складъ въ мои годы замужъ идти.... У него невѣста молодая, красивая.

— Ты, стало-быть, ее видала?

— Какъ-же! она ходитъ къ нему частенько, да дѣло-то все у нихъ что-то не склеивается!

— Отчего же?

— Богъ ихъ знаетъ! Она дѣвушка-то бы и ничего-себѣ, продолжала увлекшаяся Настасья, да ужъ больно форсиста, вертитъ имъ словно тряпкой, а онъ такъ въ глаза ей и лѣзетъ — смерть любитъ!

— Что-жъ она, въ горничныхъ что-ль живетъ? продолжалъ разспрашивать Свободинъ.

— Нѣтъ-съ, возразила Настасья, она бѣлошвейка. Еще въ ученьи была, съ нимъ познакомилась... а теперь онъ ей квартиру нанимаетъ.

Разговорчивость Настасьи неожиданно натолкнула Сергѣя Андреича на новую дорогу, которую, быть можетъ, долго и тщетно пришлось бы ему отыскивать самому.

— Вотъ какъ! проговорилъ онъ. И хорошую?

— Не видала, не знаю-съ. А много разъ звала: «Приходи, говоритъ, Настюша, чайку попить!»—Приду, молъ, Раиса Григорьевна, приду безпремѣнно, да такъ на посулѣ и отъѣзжаю: все некогда!

— Ужъ и некогда! скажи лучше, на извозчика денегъ жаль...

— На Грачовку-то не грѣхъ и пѣшкомъ дойти—на что мнѣ извозчикъ!

— А она живетъ на Грачовкѣ?

— Да-съ. На углу ишь будка, а за будку-то какъ повернешь въ переулокъ, третій домъ на лѣвой рукѣ, сѣренькій, съ мезониномъ.

— Одинокая она, или родня какая есть?

— Одинокая-съ, да сама съёмщица вмѣстѣ съ ней живетъ—не скучно. Такая, говоритъ, женщина славная, обходительная... Матреной Семеновной зовутъ.

Узнавъ, что́ было нужно, и не желая въ глазахъ Настасьи придавать особаго значенія своимъ разспросамъ относительно Николая и его возлюбленной, Свободинъ перевелъ рѣчь на домашніе порядки, на образъ жизни Амаліи Ивановны и ея квартирантовъ.

— Однако, я позаболтался! шутя замѣтилъ онъ, взглянувъ на часы. Да ужъ говорить-то ты большая мастерица — съ тобой и дѣло позабудешь!

— Благодаримъ на ласковомъ словѣ! промолвила довольная Настасья, скромно потупивъ глаза.

— Теперь вотъ что́, душа моя: сходи ты къ г. Бусыгину— онъ тутъ у какого-то военнаго; скажи ему..... Свободинъ вдругъ остановился и чутко навострилъ ухо. Кто тутъ? спросилъ онъ, указавъ на дверь въ сосѣдній нумеръ, откуда отчетливо послышалась мужская рѣчь съ примѣсью иностраннаго акцента.

— Что-жъ кофе? спрашивалъ чей-то суровый басъ. Ты знаешь, я не люблю сто разъ твердить одно и то же!

— Виноватъ-съ, отвѣтилъ знакомый голосъ Николая, маленько позамѣшкалъ...

— То-то, позамѣшкалъ: всякій день слышу эту отговорку. Не выводи меня изъ терпѣнія—право, Амаліи Ивановнѣ скажу!

— Не извольте гнѣваться... подамъ сію секунду-съ!

Раздалось торопливое стуканье удалявшихся каблуковъ и недовольное ворчаніе сосѣда.

— Кто́ здѣсь живетъ? повторилъ вполголоса Свободинъ, обращаясь къ пріостановившейся Настасьѣ.

— Нѣмецъ, Иванъ Карлычъ, шопотомъ отвѣтила та.

— Давно живетъ?

— Позвольте... дай Богъ память! соображала Настасья. Съ октября, припомнила она; такъ и есть: на самую на Казанскую переѣхалъ.

— Учитель что-ль какой?

— Нѣтъ-съ, онъ слесарь.

Свободинъ встрепенулся: одно это слово будто электричествомъ ударило его! Ужели къ раскрытію истины ведетъ не та тропинка, на которой, какъ двѣ туманныя фигуры, едва обозначились Николай и Раиса?

— Сосѣдъ Бусыгина — слесарь! подумалъ Сергѣй Андреичъ. Если я такъ явственно слышалъ его разговоръ съ Николаемъ, значитъ и онъ могъ слышать все, что̀ говорилось у Бусыгина? Отъ новаго, неожиданнаго открытія бросило его въ жаръ.

— Стало-быть, этотъ слесарь и мастерство свое здѣсь производитъ? спросилъ онъ какъ можно натуральнѣе, разсчитывая на словоохотливость Настасьи.

— Нѣтъ-съ, какъ можно ему у насъ въ нумерахъ мастерство производить! Онъ ишь прежде во̀ды составлялъ—вотъ чипучія-то... изволите знать? потомъ фортупьяны дѣлалъ, народу человѣкъ десять держалъ, и ужъ по какому случа̀ю заведеніе прикончилъ—не умѣю вамъ сказать. Принялся-было въ запрошломъ году орудовать слесарнымъ мастерствомъ — тоже, знать, на ладъ не пошло: порѣшилъ и его. Собирается теперь въ Харьковѣ, не то въ Кіевѣ дѣла производить, да вотъ покуда и живетъ у насъ.

— Что-жъ это все ему не къ рукѣ? выпить что-ль любитъ?

— Сохрани Господи! Такъ, можетъ-статься, вышла незадача: всяко бываетъ. Нѣмецъ онъ съ виду хоша и несуразый, необходительный, а ужъ куда дотошливъ! видать, что на производство молодецъ, одобрительно заключила Настасья. Онамедни, вонъ, Амалія Ивановна засунули куда-то ключъ отъ секлетерки—искали, искали... Нѣтъ ключа... а секлетерку надо безпремѣнно отворить: дровяникъ денегъ дожидается. Что дѣлать? Побѣжала я это у жильцовъ ключи собирать: не подойдетъ ли, молъ, какой? Хвать-хвать... ни одинъ не подходитъ! Прибѣгаю къ нему: такъ и такъ, дескать, Иванъ Карлычъ, ключъ отъ секлетерки затеряли... пожалуйте своего—не отопретъ ли? Нѣтъ, говоритъ, мой не годится, да я и безъ ключа отопру! Вынулъ изъ ящика струментикъ какой-то... и пошелъ къ Амаліи Ивановнѣ. Не успѣли мы глазомъ мигнуть, какъ онъ... бацъ — и отперъ! Да вѣдь какъ отперъ-то: замка ни чуточки не попортилъ!

— Да, молодецъ! раздумчиво замѣтилъ Сергѣй Андреичъ.

— Ужъ какъ обрадовались мы! А ключъ-то опосля нашелся: у Амаліи Ивановны въ утреннемъ капотѣ былъ, постылый!

— И жена тутъ же съ нимъ живетъ? перебилъ наудачу Свободинъ, чтобы удержать словоохотливую Настасью.

— Жены у него нѣтъ: онъ вдовый. А страсть, полагаю, на-

ровить! прибавила разсказчица, мотая головой. Смотритъ изъ-подлобья, сидитъ себѣ одинъ-одинёхонекъ: знай, читаетъ газеты да покуриваетъ! И до гостей-то не охочъ — только вотъ къ Амаліи Ивановнѣ и ходитъ. За то ужъ и онѣ любятъ и наблюдаютъ его не въ примѣръ передъ другими: и кусокъ-то ему получше наровятъ, и сахару-то въ кофей больше кладутъ, и все этакое... Что-то было маленько прихворнулъ, добавила Настасья; съ самаго Николы кукчится... Николай-то былъ имянинникъ, ушелъ... мяту ему заваривала... ишь желудкомъ поразладился... лежалъ...

— Такъ-таки цѣлый день и пробылъ дома?

— Цѣлый день-съ... чудакъ до страсти... мнительный!

— Вотъ что, голубушка, сказалъ Свободинъ; мнѣ время ѣхать, такъ ты г. Бусыгина не тревожь, а скажи только, что если не сегодня вечеромъ, то завтра утромъ я непремѣнно буду — слышишь?

— Очень хорошо-съ, отвѣтила Настасья, подавая ему шубу. А если угодно — добѣгу сію минуту...

— Не трудись: мнѣ теперь некогда, да и нѣтъ особенной надобности видѣться съ нимъ — послѣ заѣду.

Вышедши отъ Бусыгина, Сергѣй Андреичъ почти наткнулся на сосѣда-нѣмца, который, потерявъ терпѣніе, шелъ, вѣроятно, къ хозяйкѣ съ жалобой на Николая. Это былъ плотный, рыжеватый мужчина среднихъ лѣтъ, съ угрюмымъ лицомъ, съисподлобья глядѣвшими глазами.

— Если этотъ искусникъ такъ ловко отпираетъ секретеры, подумалъ Свободинъ уходя, то мудрено ли ему, при случаѣ, отпереть чужую дверь или столъ съ простымъ замкомъ? Что изъ его нумера былъ слышанъ весь разговоръ, въ томъ я сейчасъ убѣдился, тѣмъ болѣе, что Бусыгинъ говоритъ очень громко; что у него могло явиться намѣреніе овладѣть деньгами сосѣда, и онъ, для бóльшаго удобства дѣйствій, сказался больнымъ—понятно; что четыреста рублей взяты или Николаемъ, или нѣмцемъ—въ томъ я увѣренъ; но кѣмъ именно? — вотъ вопросъ! За кого изъ нихъ приняться: за слесаря или за Николая? недоумѣвалъ Свободинъ. Э! порѣшилъ онъ; давай на счастье примусь за Николая! Николай человѣкъ свой, а нѣмецъ гость: подождемъ его тревожить до поры до времени! Остановившись на мысли начать дѣло съ Николая, Сергѣй Андреичъ отправился прямо въ часть. Тамъ заручился онъ извѣстнымъ уже намъ Петромъ Иванычемъ и, вкратцѣ изложивъ ему свой планъ, наказалъ захватить двухъ свидѣтелей, какіе подвернутся подъ руку, немедленно отправляться на Грачовку, въ такой-то переулокъ, гдѣ и ожидать его перваго при-

зыва. Петръ Иванычъ, которому казалось, что безпокойный слѣдователь черезчуръ умничаетъ и вертитъ людьми «безъ всякаго резона», хотя и ругнулъ его въ душѣ, а все-таки, по долгу службы, не прекословилъ, и черезъ полчаса уже прогуливался въ сопровожденіи какихъ-то двухъ личностей около сѣренькаго домика, куда вошелъ Свободинъ.

VIII.

Съемщица.

Небольшой дворъ съ кучами снѣга, гдѣ безъ зазрѣнія совѣсти была налита и набросана всякая дрянь, привлекавшая цѣлую стáю воронъ, покривившееся крыльцо, подпертое двумя столбиками, съ площадкой, поросшей ледяными шипками; прямо — грязная лѣстница въ верхній этажъ; справа и слѣва—двери, обитыя цыновкой, въ нижній,—вотъ чтó представилось глазамъ Свободина, явившагося отыскивать съёмщицу Матрену Семеновну, у которой жила Раиса. Наудачу отворилъ онъ дверь справа и вошелъ прямо въ кухню, гдѣ охватило его запахомъ луку и смрадомъ перегорѣлаго постнаго масла. Въ крошечное оконце, немытое, вѣроятно, съ самаго начала его существованія, скупо пробивался свѣтъ; на подоконникѣ красовался огарокъ въ глиняномъ подсвѣчникѣ; подлѣ печки, въ углу, стояла обитая тарелка, въ дно которой усердно долбили двѣ кохинхинки, а изъ комнаты съ пріотворенной дверью слышалось поученіе, видимо относившееся къ виновной кошкѣ.

— Мышей не ловишь, мерзавка! укорялъ женскій голосъ, а къ рыбѣ такъ сейчасъ подобралась.... ахъ ты, окаянная! брысь, проклятая! Тарелку-то вѣдь разбила... скажите на милость!

Свободинъ громко кашлянулъ.

— Кто тамъ? окликнулъ голосъ.

— Здѣсь живетъ бѣлошвейка Раиса Григорьевна? вмѣсто отвѣта спросилъ Сергѣй Андреичъ.

Послышались торопливые шаги и передъ нимъ явилась худощавая женщина лѣтъ подъ пятьдесятъ, въ ситцевомъ платьѣ, въ засаленной ватной кофтѣ, за то въ сѣткѣ, вышитой блестящими бусами и съ кисточкой у лѣваго виска.

— Нѣтъ, батюшка, отвѣтила она, оглядывая его съ головы до ногъ; Раиса Григорьевна здѣсь не живетъ... съѣхала-съ. А вамъ на что ее? полюбопытствовала хозяйка, сильно заинтересо-

ванная визитомъ «барина» въ енотовой шубѣ, въ собольей бояркѣ! Да неугодно ли пожаловать въ горницу! привѣтливо заманивала она; здѣсь маленько чадно...

Свободинъ, догадавшійся, что передъ нимъ сама съёмщица, Матрена Семеновна, и удивившій по приглашенію пожаловать ни съ того, ни съ сего «въ горницу», что она съ успѣхомъ можетъ докончить начатое словоохотливой Настасьей относительно біографіи и новаго мѣстожительства Раисы, вошелъ въ ея горницу. Налѣво ширмы, обтянутыя полинялымъ коленкоромъ, большой, покрытый ковромъ, сундукъ, преграждавшій путь въ сосѣднюю комнату; въ простѣнкѣ, между двумя окнами, старомодный диванъ съ высокой спинкой, надъ диваномъ зеркало въ топорной рамѣ подъ орѣхъ; столъ, нѣсколько разнокалиберныхъ стульевъ, три горшка ерани, да въ сигарномъ ящикѣ густо-разросшійся молодой лукъ,—вотъ все убранство горницы. Направо, за досчатой перегородкой, облѣпленной сверху до низу картинами самаго разнообразнаго свойства, съ дверью, когда-то выкрашенной клеевою краской, была еще крошечная комнатка, гдѣ, по всѣмъ вѣроятіямъ, недавно проживала возлюбленная Николая.

— Прошу покорно, сударь... пожалуйте! юлила съёмщица, указывая на диванъ и сгорая нетерпѣніемъ допытаться отъ гостя, зачѣмъ именно понадобилась ему Раиса.

— Жаль, сказалъ Свободинъ, что эта дѣвушка съѣхала отъ васъ! Мнѣ ее рекомендовали, какъ отличную бѣлошвейку: хотѣлъ дюжину сорочекъ отдать... и полотна тонкаго купилъ... экая досада!

— Ну, батюшка, не досадуйте... не сокрушайтесь! Слава тебѣ Господи, что не отдали: все бы перепортила какъ есть!

— Чтó вы? значитъ, плохо шьетъ?

— Шить-то еще кое-какъ шьетъ.., изъ пятаго въ десятое, а ужъ насчетъ кройки ничего не смыслитъ! Рѣжетъ, бывало, рѣжетъ... кромсаетъ-кромсаетъ, да куль-кулемъ и сошьетъ... никуда не годится! Ужъ если вамъ желательно имѣть хорошія, паратныя сорочки, такъ осмѣлюсь вымолвить слово насчетъ своей племянницы: вотъ эта шьетъ такъ шьетъ... эта—настоящая бѣлошвейка! Трехъ мастерицъ, доложу вамъ, держитъ, на Кузнецкій мостъ французу въ магазинъ сорочки работаетъ... самые моднѣющіе фасоны знаетъ... и недорого беретъ! Отдайте, батюшка! уговаривала съёмщица, залѣзая Свободину почти въ лицо; останетесь довольны... и мнѣ не разъ спасибо скажете! Бѣлошвейка—первый сортъ... какъ передъ истиннымъ Создателемъ говорю! И живетъ-то рукой подать: неугодно ли провожу сію минуту? Вотъ накинуть платокъ да пальтичко... горницу запру...

И, не дожидаясь отвѣта, Матрена Семеновна юркнула за ширмы.

— Постойте, хозяюшка... постойте, не хлопочите! остановилъ ее Сергѣй Андреичъ, видя, что разговоръ повернулъ не туда, куда ему хотѣлось.

— Аль раздумали? спросила съёмщица, появившаяся изъ-за ширмъ уже съ накинутымъ на голову платкомъ.

— Снимите платокъ-то, да и потолкуемъ кое-о-чемъ... Съ вами, я вижу, можно говорить по-душѣ, напрямикъ... Вотъ въ чемъ дѣло: хорошо ли, плохо ли шьетъ Раиса — все равно; мнѣ бы хотѣлось только узнать навѣрное, чтó она за дѣвушка такая? Вы съ ней знакомы, жили вмѣстѣ... значитъ, вамъ и книги въ руки....

— Э... такъ вотъ она линія-то куда пошла! тонко усмѣхнулась Матрена Семеновна, понимаю!

— Ну, и хорошо, что понимаете! шутливо замѣтилъ Свободинъ. Разскажите же мнѣ все пообстоятельнѣе, продолжалъ онъ, вынувъ изъ портмоне трехъ-рублевую бумажку, а вотъ это примите въ подарокъ.

— Ахъ, сударь... зачѣмъ же... помилуйте! жеманилась съёмщица, подхвативъ съ пріятной улыбкой ассигнацію и ловко сунувъ ее въ карманъ. Я бы и такъ... съ удовольствіемъ...

— Вѣрю... а все-таки, сами знаете... какъ васъ звать?

— Матреной Семеновной.

— Что сухая ложка ротъ деретъ... Не такъ ли, Матрена Семеновна?

— Оно конечно... да вѣдь тутъ дѣло не секретное... житейское... я очень понимаю... Иной разъ полюбится сатана пуще яснаго сокола... ну, а Раиса дѣвушка казистая: вровь съ молокомъ!

— Сколько ей лѣтъ? спросилъ Свободинъ, видя, что Матрена Семеновна принимаетъ его за соперника Николая и не намѣреваясь выводить ее изъ этого заблужденія.

— Съ успленья двадцать первый пошелъ. Дѣвка, что называется, въ порѣ.., нахваливала она.

— А какъ на счетъ... поведенія-то?

— Ну... есть душенька... какъ не быть! Николаемъ прозывается, въ нумерахъ у какой-то нѣмки служитъ. Онъ только одинъ и хаживалъ сюда и то не часто; чтó же было на сторонѣ—Богъ вѣсть! И за родную дочь иной разъ не поручишься, сами изволите знать!—Гдѣ же вы-то, мой батюшка, повстрѣчались съ ней? полюбопытствовала съёмщица.

— Въ церкви, отвѣтилъ Свободинъ на удачу.

— Скажите пожалуста! Да она и во храмъ-то Божій почти не заглядывала: когда-жъ бы это?

— То-есть у церкви, поправился Сергѣй Андреичъ. Она остановилась помолиться... я съ ней заговорилъ... ну, слово-за-слово... дальше да больше... и познакомились!

— Дѣвка она шустрая—что говорить! Еще маленько изъянчикъ подъѣлъ: чай, замѣтили?

— Какъ не замѣтить! подтвердилъ Свободинъ, не понимая, о какомъ «изъянчикѣ» идетъ рѣчь.

— Начнетъ говорить, словно горохъ сыплетъ: гагакаетъ-гагакаетъ—инда слушать тяжко!

— Ничего, усмѣхнулся догадавшійся Свободинъ, картавятъ и хуже!—Однако, Матрена Семеновна, шутя замѣтилъ онъ, на повѣрку выходитъ, не я васъ разспрашиваю, а вы меня: уговоръ-то былъ не тотъ... помните?

— Охъ, сударь, извините! спохватилась съёмщица. Я вѣдь такъ, ради любознательности... какъ это все у васъ тамъ было... Что-жъ вамъ еще знать-то желательно? прибавила она съ готовностію подслужиться отвѣтами.

— Да вотъ что: сколько времени жила у васъ Раиса?

— Ровнехонько полтора года.

— Заработывала много денегъ?

— Какіе заработки: три-четыре рубля въ мѣсяцъ — никакъ не больше. Шьетъ плохо, къ тому же лѣнива, любитъ поспать, понѣжиться... ну, и до лакомаго кусочка охотница, и чайку лишній разъ выпить не прочь...

— Однако, на три, на четыре рубля разнѣжишься не очень, замѣтилъ Свободинъ.

— А Николай-то на что? Онъ ей почитай все жалованье отдаетъ. Врѣзамшись по-уши: спитъ и видитъ повѣнчаться съ ней, да она-то на законный бракъ не больно зарится.

— Отчего же?

— «Что, говоритъ, за неволя замужъ идти? Теперь онъ меня содержитъ въ холѣ, всѣ деньги отдаетъ—живу себѣ барыней; а попробуй, выдь за него, и упечетъ, пожалуй, въ горничныя, аль въ прачки, да меня же станетъ обирать! Ты, говоритъ, любезный, разбогатѣй допрежъ всего, а тамъ я за тебя и замужъ пойду!» Дѣйствительно, сударь, прибавила съёмщица въ видѣ поученія, она не безъ резонта говоритъ: въ нашемъ сословіи, мужъ не токма женѣ помо́чь—самъ наровитъ стащить послѣднее... вотъ что-съ! Опять же...

— Давно она съѣхала отъ васъ? перебилъ Свободинъ.

— Послѣ Николы на другой день.

— Чтó ей вздумалось? Квартирка у васъ недурная... вы, кажется, женщина добрая, привѣтливая?

— Ну вотъ подите! Все жила какъ слѣдованно, всѣмъ была довольна... вдругъ вздурилась: стало и холодно, и угарно, и тѣсно—всѣ причуды въ одну секунду поднялись! Утромъ полетѣла отыскивать квартиру... къ вечеру, глядь, собирается моя дѣвка: «Съѣзжаю, говоритъ, прощайте!» Вотъ тебѣ здравствуй! И наняла-то недалеко, у портного; онъ производствомъ занимается, а жена, не плошь меня, жильцовъ пускаетъ, нахлѣбниковъ держитъ, закладами пробавляется... И чтó ей тамъ полюбилось, скажите на милость? «Комната, говоритъ, особенная... и больше, и лучше... небель новѣе...», а у меня чѣмъ небель плоха? И кроватка подъ красное дерево... и комодецъ, и стульчики... чего еще надо? У самой вѣдь окромя постели, сундучишка да самовара, нѣтъ ни зерна: изъ чего бы форсить-то? Не понимаю, откуда прыть взялась! Развѣ кто подъ веселую руку подвернулся — денегъ далъ... разбогатѣла? повершила Матрена Семеновна, значительно взглянувъ на Свободина.

— Ну! для того, чтобъ имѣть квартиру на два, на три рубля въ мѣсяцъ дороже, замѣтилъ тотъ, денегъ большихъ не нужно!

— Нѣтъ, сударь, позвольте: въ нашемъ быту два-три рубля въ мѣсяцъ—разсчетъ! Опять же ея шубка да кашемировый платокъ очень сумлительны: кабы не завелись деньжонки, не изъ-чего бы ей такъ франтить—воля ваша! Здѣсь полтора года жила, не выработала шубки шерстяной, а тутъ, Богъ-вѣсть откуда, проявилась атласная, съ мѣховымъ воротникомъ! И платокъ такой хорошій; знать, не изъ дешевыхъ. Я-таки поглядѣла на нее...

— Гдѣ-жъ вы ее видѣли? когда? спросилъ Свободинъ.

— Да вечорась. Зашелъ ко мнѣ утромъ кумъ: человѣкъ онъ нужный, не угостить нельзя. Поставила я самоваръ, да и побѣжала въ питейное; выхожу оттуда... глядь, жиличка моя Раиса Григорьевна плыветъ... и не кланяется! Ну, молъ, коли ты не кланяешься, такъ и отъ меня поклона не жди: я сама не хуже! съ достоинствомъ произнесла Матрена Семеновна.

— Не подарилъ ли шубку-то ей кто изъ родныхъ?

— Помилуйте-съ! У ней окромя тетки, кривой Анисьи, родныхъ ни души. Тетка сама за два съ четвертью у купца Тряпкина въ черныхъ кухаркахъ спину гнетъ: гдѣ ей такіе подарки дарить! Вонъ Николаю на имянины чашку принесла, такъ и то кряхтѣла, да охала!

— А... значитъ, шестого Николай былъ имянинникъ?

— Какъ же... цѣлый день здѣсь пировалъ. Раиса-то и пироги пекла, и судака заливала... здѣсь онъ и обѣдалъ. Насилу ужъ къ десяти часамъ распрощался съ своей кралей!

— Никуда онъ не уходилъ?

— Кажись, никуда...

— Припомните, Матрена Семеновна, хорошенько: полно не уходилъ ли?

— Позвольте... позвольте... глубокомысленно соображала та, подперевъ щеку рукой. А вѣдь уходилъ-съ! вдругъ воскликнула она. И оченно мнѣ это въ память: пообѣдала я съ ними... ну, покалякали, выпили по рюмочкѣ, по другой, нельзя имянинника не проздравить... потомъ, проводимши Раисину тетку, легла я соснуть маленько. Легла, да и проспала, знать, часу до шестого... встаю—совсѣмъ темнехонько! Батюшки... время самоваръ наставлять! Только въ сѣни-то вышла углей насыпать, глядь—Николай въ шинели, въ картузѣ. Куда же, молъ, Николай Кузьмичъ, отъ чаю бѣжите? Я, говоритъ, маленько прогуляться хочу — скоро вернусь. Ну, покуда я провозилась... покуда што... часъ времени прошелъ, и не замѣтили. А тутъ онъ вернулся... у Раисы-то ужъ самоваръ вскипѣлъ...

— Что-жъ дальше? нетерпѣливо перебилъ Сергѣй Андреичъ.

— Да ничего особеннаго. Только памятно мнѣ, что ни съ того, ни съ сего заперлись они въ каморку и прошушукали цѣлый вечеръ, а ужъ объ чемъ—доложить вамъ не умѣю: не слыхала. Вотъ на утро-то и взбѣленилась Раиса съѣзжать. И зачѣмъ понадобилась другая квартира, и что́ такую за благодать у портного нашла—до сей поры не понимаю! Народу въ домѣ тьма-тьмущая... мастеровщина... безобразники... чего не видала? Ужъ если вы, сударь, поладите съ ней сурьёзно, продолжала Матрена Семеновна, перевозите ее ко мнѣ — по душѣ вамъ совѣтую! У меня жильцы хорошіе, у меня тихо, скромно; ни избаловаться, ни повѣсничать ей не съ кѣмъ... глупостей никакихъ я не допущу... сохрани царица небесная! Пуще чѣмъ за родной дочерью присмотрю!

— Непремѣнно, непремѣнно... даже за комнату вамъ надбавлю! весело пообѣщалъ Свободинъ. Я сейчасъ же и отправлюсь къ ней... можно? какъ вы думаете?

— Отчего же не можно: смѣлость города беретъ! Къ тому же Николай вамъ не помѣха... Только вы, сударь, за дѣло все-таки возьмитесь поаккуратнѣе: онъ хоша на видъ и плюгавый, а пресильнѣющій! Однова Ѳедькѣ-башмачнику совсѣмъ-было глазъ

высадилъ... не подъѣзжай, дескать, къ моей королевѣ! Такъ вы прежде сторонкой поразвѣдайте, не у нея ли Николай... дворнику что-ль тамъ гривенничекъ дайте... онъ васъ и упредитъ. Нельзя, батюшка, при такой оказіи, безъ опаски дѣйствовать... береженаго, сами знаете, и Богъ бережетъ!

— Дѣло понятное! Растолкуйте же мнѣ, Матрена Семеновна, гдѣ живетъ Раиса?

— Близехонько: какъ теперь выдете изъ воротъ на-право, все и поднимайтесь къ верху, къ большой улицѣ-то. Дойдете до угла—на углу колбасная, а супротивъ колбасной, черезъ дорогу, переулокъ. Войдете въ этотъ самый переулокъ, на правой рукѣ второй домъ... забыла, какъ прозывается... да все равно—вы найдете: второй отъ угла... внизу лавочка... надъ воротами ножницы...

— Понялъ — благодарю! прервалъ Свободинъ, взявшись за шапку. Прощайте, Матрена Семеновна—скоро увидимся!

— Оченно, оченно буду рада! ликовала довольная съёмщица, провожая гостя. Дай вамъ Господи успѣха и всякаго благополучія! кричала она ему вслѣдъ. Перевозите ко мнѣ... ужъ будете довольны... ужъ соблюду!...

По выходѣ отъ съёмщицы, Сергѣй Андреичъ нашелъ на улицѣ дожидавшихся его поручика и двухъ свидѣтелей, нетерпѣливо постукивавшихъ нога-объ-нóгу.

— Вы насъ совсѣмъ заморозили! сказалъ недовольный Петръ Иванычъ.

— Да-съ, ваше благородіе, подтвердилъ одинъ изъ свидѣтелей; инда сердце выщемило!

— Хоть бы чайкомъ пообогрѣться! присовокупилъ другой.

— А что, Сергѣй Андреичъ? вопросительно осклабился поручикъ, въ воображеніи котораго заманчиво мелькнулъ трактиръ: эхъ, хорошо бы пропустить «маленькую», да закусить пирожкомъ съ груздями!

— Нѣтъ, господа—не время! сказалъ Свободинъ. Надо покончить дѣло, а тамъ отправляйтесь куда угодно — задерживать не стану. Дѣвушка-то вѣдь отсюда съѣхала! обратился онъ къ поручику.

— Такъ изъ чего же мы здѣсь мерзли? изумился тотъ. Стало быть, всѣ ваши розыски...

— Ненапрасны! весело закончилъ Сергѣй Андреичъ. Я узналъ болѣе, чѣмъ ожидалъ. Пойдемте, господа! тутъ недалеко: вонъ только подняться вверхъ, да улицу перейти.

«А!.. чтобъ тебя волки съѣли и съ дѣвушкой!» подумалъ Петръ Иванычъ, шагая за Свободинымъ.

— Какъ же такъ, ваше благородіе! заговорилъ-было первый свидѣтель; у меня въ лавкѣ-то махонькій парнишка одинъ...

Свободинъ, не слушая его, быстро шелъ по переулку, на углу котораго дѣйствительно оказался большой каменный домъ, съ фасадомъ на улицу. Внизу, надъ колбасной, била прямо въ глаза синяя вывѣска съ иголочки, невольно обращавшая на себя вниманіе маленькою оригинальностію: по обѣимъ сторонамъ рельефно выдавались двѣ свиныя, мастерски вызолоченныя головы, между которыми отчетливо блестѣла надпись: «Братья Ивановы»... Перешедши черезъ улицу, Свободинъ сейчасъ же замѣтилъ каменный облупившійся домъ. Внизу мелочная лавочка, надъ воротами вывѣска портного, съ лаконическою надписью: «Гавриловъ и принимаетъ заказы».

— Вотъ мы и пришли! сказалъ онъ. Дѣвушка живетъ у портного.

— Знаю я этого портного, замѣтилъ Петръ Иванычъ; работалъ онъ прежде на меня, да больно нефасонисто шьетъ—пересталъ отдавать.

— Хотя свѣдѣнія мои болѣе чѣмъ удовлетворительны, продолжалъ Свободинъ, не обращая вниманія на заявленіе поручика, но все-таки, чтобы какъ-нибудь не промахнуться, надо мнѣ непремѣнно переговорить съ бѣлошвейкой глазъ-на-глазъ. Значитъ, вы здѣсь меня пообождите, и пожалуйста никуда не отлучайтесь.

— Эхма! сокрушался первый свидѣтель; шибко ужъ мы перезябли...

— Опять же стоять на одномъ мѣстѣ — смерть! добавилъ другой.

— А не зайти ли намъ къ Гаврилову, Сергѣй Андреичъ? спросилъ поручикъ. Скажу: давальцевъ привелъ; станемъ сукно выбирать, торговаться... И обогрѣемся, и подъ рукой будемъ.

— Пожалуй, согласился Свободинъ; только повремените — дайте мнѣ уйти.

— Хорошо. Мы постоимъ здѣсь минутъ десятокъ, а вы пока розыщите кого слѣдуетъ.

IX.

Раиса.

Свободинъ вошелъ въ калитку и прямо, въ глубинѣ двора, надъ деревяннымъ флигелемъ, увидалъ повтореніе знакомой вывѣски въ миніатюрѣ. На крыльцѣ, живо напомнившемъ ему крыльцо Матрены Семеновны, около обмерзлой кадушки возилась какая-то баба въ стеганомъ шугаѣ, въ сапогахъ.

— Гдѣ живетъ бѣлошвейка Раиса Григорьевна? спросилъ онъ ее.

— Вонъ..., указала баба въ сѣни. Въ прихожую-то войдете — первая дверь налѣво.

— Спасибо, матушка! поблагодарилъ Свободинъ. Онъ отворилъ дверь, обитую клеенкой, и изъ грязной передней вошелъ прямо въ свѣтлую, довольно большую комнату, съ постелью подъ пестрымъ ситцевымъ одѣяломъ, съ незатѣйливой омеблировкой извѣстнаго склада. На столѣ во весь опоръ кипѣлъ нечищеный самоваръ и стояла налитая чашка. Тутъ же красовались калачи, связка филиповскихъ барановъ, фунтовая баночка съ малиновымъ вареньемъ, икра, семга, непочатой лимонъ, а наклонясь къ окну, распаковывала какой-то свертокъ обитательница комнаты, бѣлошвейка Раиса.

— Что вамъ угодно? спросила она, быстро повернувшись къ незнакомому посѣтителю.

Раиса была высокая, статная дѣвушка. Круглое, румяное лицо дышало избыткомъ здоровья, черные глаза съ какой-то подзадоривающей поволокой, смотрѣли больше чѣмъ смѣло; крупныя, алыя губы рѣзко выдавались впередъ и только крошечный лобъ, несмотря на взбитые, зачесанные кверху волосы, значительно портилъ общую пикантность физіономіи. Во всей фигурѣ Раисы проглядывало что-то избалованное, лѣнивое, являвшее скорѣе «бѣлоручку», нежели труженицу, привыкшую гнуть спину надъ работой.

— Что вамъ угодно? повторила она, слегка прищурившись на Свободина.

— Вы Раиса Григорьевна, бѣлошвейка? вѣжливо спросилъ тотъ.

— Да... я шью бѣлье...

— И очень хорошо, какъ я наслышанъ! Мнѣ-бы хотѣлось

заказать вамъ дюжину тонкихъ сорочекъ... полотно готово — доставлю хоть сегодня.

— Н-нѣтъ-съ.., какъ-то нерѣшительно отвѣтила она, не могу; я и такъ спѣшной работой забралась... некогда!

Раиса замѣтно грѣшила противъ буквы р, на что́ указывала Матрена Семеновна, но этотъ недостатокъ не только не портилъ ея рѣчи, но даже придавалъ ей нѣкоторую пріятность.

Свободинъ мимолетнымъ взглядомъ окинулъ комнату: ни обрѣзковъ, ни малѣйшихъ швейныхъ принадлежностей, ни даже обычнаго «кирпичика» для прикалыванія — ничего нигдѣ не оказалось.

«Лжетъ! подумалъ онъ. Да и при спѣшной работѣ некогда вполдень разсиживать за самоваромъ».

— Очень жаль! сокрушительно проговорилъ онъ вслухъ. А я-было такъ надѣялся на васъ... полотно не дешевое... отдашь, Богъ знаетъ, въ какія руки... къ тому же я человѣкъ заѣзжій... Москвы почти не знаю... Ужъ если сами не беретесь, порекомендуйте по крайней мѣрѣ кого-нибудь изъ знакомыхъ: премного бы одолжили!

— Нѣтъ у меня знакомыхъ бѣлошвеекъ! рѣзко проговорила Раиса, искоса поглядывавшая на Свободина.

— А все-таки, продолжалъ тотъ, вамъ отыскать-бы ихъ легче, нежели мнѣ... сдѣлайте одолженіе!

— Изъ чего вы взяли? заносчиво перебила Раиса, видимо недовольная навязчивостію непрошеннаго давальца. Стану я бѣгать, розыскивать бѣлошвеекъ—вотъ новости! Ноги-то, чай, у самихъ некупленныя. И она ухарски кивнула головой.

— Не сердитесь... я васъ обидѣть не желалъ, но какъ заѣзжій.... Однако, неожиданно прибавилъ онъ, снимая шубу, позвольте пообогрѣться! Я издалека... прозябъ...

— Здѣсь не трактиръ! вспыхнула хозяйка на безцеремонность гостя. Да и некогда съ вами прохлаждаться: мнѣ время со двора идти.

— Я васъ задерживать и не намѣренъ... но позвольте же немного обогрѣться! Я вамъ не помѣшаю.

Раиса нехотя сѣла за самоваръ и почему-то сконфузилась отъ упорно-пристальныхъ взглядовъ гостя.

— Скажите, Раиса Григорьевна, что́ въ Москвѣ обыкновенно платится за сорочку? спросилъ Свободинъ.

— Цѣны разныя, отвѣтила та сквозь зубы.

— Однако... приблизительно? Вотъ хоть вы, напримѣръ, сколько берете?

— Три рубля! рѣзко отвѣтила хозяйка, желая отвязаться отъ разспросовъ надоѣдливаго гостя.

— Э... какъ дорого! У насъ такъ девять гривенъ, много рубль — красная цѣна! Правда, что наши бѣлошвейки и живутъ иначе, прибавилъ онъ, обводя глазами лежавшіе на столѣ припасы. Въ домѣ иной разъ куска черного хлѣба нѣтъ, а вы чаёкъ-то вотъ кушаете съ калачиками, съ бараночками, съ вареньицемъ... вонъ у васъ и икра, и семга... совсѣмъ другое дѣло.

Раиса досадливо двинула стуломъ.

— Какъ здѣсь свѣтло, тепло, привольно! продолжалъ тотъ, расхаживая по комнатѣ. Славная квартирка! думаю, не дешево изволите платить? О! да вы и щеголиха! Ишь какая шубка — атласная, съ мѣховымъ воротникомъ... поздравляю! И Сергѣй Андреичъ, распахнувъ полы висѣвшей около кровати шубки, принялся ею любоваться. Дорого дали?

Раиса не выдержала и быстро вскочила съ мѣста.

— Чтó вы все разглядываете, да разсматриваете! вспыхнула она, почти оттолкнувъ Свободина. Что за левизоръ такой! Сказано, сорочки шить не берусь... ну, и ступайте — не проѣдайтесь! Зашелъ себѣ какъ въ харчевню... шныритъ по всѣмъ угламъ... чтó, въ самомъ дѣлѣ, за срамъ такой!

— Ну вотъ опять разсердились! отвѣтилъ, будто обидѣвшись, Свободинъ. Велика бѣда, что человѣкъ полюбопытствовалъ узнать, чтó стоитъ шубка!

— Бѣда не бѣда, а нéчего тутъ разспрашивать: чтó-бы ни стоила—не ваше дѣло! Ничего вотъ не стóитъ! задорилась Раиса; мнѣ ее подарили... тётенька подарила...

— Тётенька? усмѣхнулся онъ. Ужъ не кривая ли Анисья, чтó у купца Тряпкина въ кухаркахъ за два съ четвертью живетъ?

Озадаченная Раиса примѣтно смутилась.

— Почемъ вы знаете? несовсѣмъ твердымъ голосомъ спросила она.

— Мало ли чтó я знаю! вѣско произнесъ Свободинъ, убѣжденный, что нить темнаго дѣла была въ его рукахъ.

Предварительный разговоръ съ Матреной Семеновной, лживыя увертки Раисы, ея смущеніе, внезапная перемѣна квартиры, чай со всевозможными закусками, щегольская шубка — все доказывало ему, что деньги Бусыгина украдены Николаемъ и отданы Раисѣ: теперь въ ея признаніи вся сила!

«Хорошо, что я не тронулъ нѣмца! подумалъ Свободинъ. Хотя онъ и мастеръ отпирать чужіе секретеры, однако въ этомъ дѣлѣ пожалуй ни при чемъ!»

— Кто васъ прислалъ ко мнѣ? спросила Раиса, стараясь придать вопросу тонъ безпечности.

— Ни-ко-лай! разстановисто проговорилъ Свободинъ.

При этомъ нежданномъ отвѣтѣ Раиса вздрогнула: предчувствіе чего-то недобраго мгновенно охватило ее.

— Какой Николай? Я не знаю никакого Николая! отпиралась она.

— Тотъ самый, что служитъ въ нумерахъ госпожи Штрундъ!

— Чтó такая за госпожа Штрундъ? И госпожи Штрундъ не знаю, и никакихъ нумеровъ не знаю... ничего... ничего я не знаю!

— Полноте, Раиса Григорьевна, какъ не знать! Не сами ли собирались за него замужъ? только вѣдь и ждали, пока разбогатѣетъ! Ну, Николай теперь разбогатѣлъ... свадьбу, значитъ, откладывать нéчего... Жаль, что придется сыграть ее не всласть: на владимірской дорожкѣ!

Свободинъ умышленно озадачилъ поблѣднѣвшую Раису.

— На владимірской дорожкѣ! машинально повторила она, и опустила руки.

— Да, ужъ не прогнѣвайтесь: вашъ будущій сожитель обвиненъ въ кражѣ четырехсотъ рублей и арестованъ!

— Неправда! воскликнула растерявшаяся Раиса. Арестованъ учитель Успенскій, а не онъ!

— Э!.. да вѣдь вы не знаете Николая, не бываете въ нумерахъ госпожи Штрундъ—откуда же эта вѣсть дошла до васъ?

Раиса вспыхнула и спохватилась, что попала въ западню.

— Чтó вы за допросчикъ? накинулась она на Свободина. Какое право имѣете приставать къ незнакомой дѣвушкѣ? Кликну вотъ хозяина... турнетъ—своихъ не узнáете! Придетъ всякой, да безобразничать начнетъ — много будетъ! Чтó вамъ надо? чтó вы за человѣкъ? кипятилась она, подступая къ Свободину.

— Я судебный слѣдователь! серьезно сказалъ онъ, взглянувъ ей прямо въ глаза. Скажу слово — и сію же минуту полицейскій чиновникъ сдѣлаетъ здѣсь обыскъ: берегитесь, если найдутся деньги!

Эта неожиданная угроза, этотъ глубокій, насквозь прохватывающій взглядъ, мигомъ усмирили Раису.

— Знайте, продолжалъ Сергѣй Андреичъ, что укрыватель чужой собственности подвергается одинаковому наказанію съ виновнымъ.—Предрѣшивъ, что Раису ни религіей, ни долгомъ чести, ни горячимъ словомъ не проймешь, онъ, какъ опытный наблюдатель, принялся развертывать передъ ней мрачную перспективу тюремнаго заключенія со всей его тяжелой обстановкой. Налегая

на матеріальныя лишенія, онъ зналъ, что для такой личности, какъ Раиса, были они страшнѣе всякой нравственной пытки, невыносимѣе всѣхъ угрызеній совѣсти.

— Лучше сознайтесь чистосердечно, заключилъ онъ; судъ возьметъ во вниманіе ваше раскаяніе и уменьшитъ степень наказанія: даже совсѣмъ, быть можетъ, оправдаетъ.

Разсчетъ Свободина оказался вѣренъ: слова его сильно подѣйствовали на Раису и она совсѣмъ ужъ-было замахнулась въ чемъ-то повиниться... Вдругъ по влажнымъ губамъ ея скользнула дерзкая усмѣшка, что-то вызывающее, удалое блеснуло въ глазахъ.

— Никакихъ денегъ я не крала, твердо проговорила она; ни отъ кого ничего краденаго не принимала, а не вѣрите—дѣлайте обыскъ! И, постукивая каблуками, Раиса отошла къ столу.

«Откуда взялась такая прыть? подумалъ Свободинъ, посмотрѣвъ ей вслѣдъ. Вѣрно, надѣется — деньги припрятаны далеко, не найду?» — Такъ вы утверждаете, что краденыхъ денегъ у васъ нѣтъ, что вы ни въ чемъ невиноваты? обратился онъ къ ней.

— Ни въ чемъ невиновата! рѣзко подтвердила она.

— Зачѣмъ же солгали, что незнакомы съ Николаемъ?

— Еще бы не солгать! иронически усмѣхнулась Раиса. Какая честная дѣвушка станетъ разсказывать встрѣчному и поперечному, что у нея есть любовникъ!

«Ого! подумалъ опять Свободинъ, да она смѣтливѣе, чѣмъ я предполагалъ: за́-словомъ въ карманъ не ходитъ!» —Прекрасно-съ! добавилъ онъ вслухъ; но, вѣдь, найдутся или не найдутся у васъ деньги — ареста вамъ все-таки не миновать.

— Эка важность арестъ; арестуйте! Подержите - подержите, да и выпустите — дѣло извѣстное!

— Ну, это мы еще увидимъ!

— Увидимъ! насмѣшливо заключила Раиса.

Свободинъ распахнулъ дверь въ сѣни, гдѣ уже дожидались его обогрѣвшіеся свидѣтели и поручикъ, присутствіе которыхъ начинало производить нѣкотораго рода волненіе между обитателями флигеля.

— Пожалуйте, господа! проговорилъ Сергѣй Андреичъ. Надо произвести обыскъ!

При появленіи новыхъ лицъ, Раиса будто вздрогнула и поблѣднѣла, что́ не укрылось отъ вниманія судебнаго слѣдователя.

— Съ чего прикажете начать? спросилъ развернувшійся поручикъ, сбросивъ шинель.

— Погодите, Петръ Иванычъ... погодите... дайте пообдумать,

чтобы времени не тратить понапрасну. «Гдѣ у нея деньги? принялся соображать Свободинъ. Стѣны штукатуренныя, бѣленыя... полъ новый: ни одной щели... стулья плетеные... Въ сундукѣ? Нѣтъ, въ сундукѣ побоится держать такую сумму, если не изъ опасенія обыска, то изъ страха — кто-бъ не забрался: народу въ домѣ много. Диванъ хозяйскій — могутъ переставить въ другое мѣсто. Подушки очень жидки... на-виду. Вѣроятнѣе всего въ матрацѣ—дѣло бывалое!» порѣшилъ Свободинъ, бившій на счастье, не разъ помогавшее ему въ крайнихъ случаяхъ.

— Надо прежде всего осмотрѣть постель, проговорилъ онъ вслухъ.

Раиса всполошилась....

— Сейчасъ-съ! рванулся одинъ изъ свидѣтелей, желая подслужиться. Онъ живо сбросилъ подушки, сдернулъ одѣяло и, съ помощію подоспѣвшаго товарища, стащилъ полосатый тиковый матрацъ.

Свободинъ нагнулся къ матрацу и принялся внимательно осматривать его со всѣхъ сторонъ.

— Такъ и есть! вдругъ радостно воскликнулъ онъ, приподнявъ лѣвый край. Смотрите... зашито!

— Дѣйствительно! изумился Петръ Иванычъ, присѣвъ на корточки. И зашито-то какъ замѣтно — бѣлыми нитками... нáскоро... Сейчасъ подпорю-съ! И онъ кинулся отыскивать ножницы.

— Постойте... погодите! вскрикнула Раиса. Я сама... сама отдамъ!...

Схвативъ со стола ножикъ, блѣдная, взволнованная, подбѣжала она къ Свободину и остановилась передъ нимъ.

— Вы говорили, что судъ прощаетъ, оправдываетъ за добровольное сознаніе? порывисто прошептала она.

— Если не оправдываетъ, то значительно смягчаетъ мѣру наказанія—это вѣрно.

— Такъ деньги у меня... винюсь!..

Петръ Иванычъ и свидѣтели въ недоумѣніи смотрѣли на все происходившее у нихъ передъ глазами. Раиса быстро подпорола уголъ матраца, и засунувъ руку по-локоть, вынула что-то завернутое въ синюю сахарную бумагу, перевязанную крестъ-на-крестъ бичовкой.

— Эка дѣвка-плутъ! подивился Петръ Иванычъ, относясь къ свидѣтелямъ. Видитъ, кривая не вывезла — дай, молъ, повинюсь!

— Ну, ужъ и онъ дока! замѣтилъ свидѣтель, кивнувъ на слѣдователя.

Свободинъ сдвинулъ бичовку и вынулъ изъ плотно улежавшейся бумаги знакомый намъ пакетъ съ крупной надписью: «Милостивому Государю Егору Егоровичу Бусыгину, отъ Трофима Григорьева Меркулова, со вложеніемъ четырекъ-сотъ рублей серебромъ». Въ пакетѣ не доставало ровно пятидесяти.

— Эхъ вѣдь дала какого маха! подивился первый свидѣтель. Краденыя деньги оставила въ томъ же самомъ пакетѣ—вотъ ты и поди! Ужъ именно, гдѣ грѣху-то быть, тутъ и затмѣніе найдетъ!

— Да вѣдь пакетъ въ этомъ дѣлѣ ни при чемъ! порѣшилъ Петръ Иванычъ. Денежки отыскались—значитъ, сказывай откуда ихъ взяла: не бѣлошвейнымъ же мастерствомъ наработала четыреста рублей!

— Батюшка! ваше благородіе! заголосила вдругъ Раиса. Не погубите... сама вѣдь руками отдала... сдѣлайте божескую милость! Невиновата, ей-богу, невиновата... грѣхъ попуталъ... Николай облестилъ, окаянный! словно чѣмъ одурманилъ... я дѣвушка молодая, неопытная... не знала, что деньги краденыя... почемъ мнѣ знать! И Раиса со слезами бухнулась слѣдователю въ ноги.

— Встаньте, полноте плакать! уговаривалъ Сергѣй Андреичъ, добившійся, наконецъ, желаннаго результата. — Ну вотъ, Петръ Иванычъ, усмѣхнулся онъ, обращаясь къ поручику, вы все на Успенскаго-то зубы грызли? а?

— Каюсь! смиренно повинился тотъ. Опростоволосился! Молодецъ вы, Сергѣй Андреичъ—одно слово! Не намъ, грѣшнымъ, чета!

Свидѣтели съ подобострастіемъ взглянули на слѣдователя и знаменательно перемигнулись.

По составленіи акта, расплаканная Раиса вышла въ сѣни подъ конвоемъ Петра Иваныча, Свободина и двухъ свидѣтелей. Сѣни были биткомъ набиты всевозможными личностями: хозяйка, подслушивавшая у дверей, разблаговѣстила по всему дому, что новая жилица воровка, что полиція нашла у нея въ тюфякѣ три тысячи, что ее везутъ въ острогъ, оттуда въ дальній монастырь на покаяніе, и тому подобные варіанты. Свидѣтели отправились прямо въ трактиръ, поручикъ повезъ Раису въ частный домъ, а Свободинъ, взявъ перваго попавшагося извозчика, полетѣлъ съ радостнымъ извѣстіемъ къ Успенскому, и съ сильно возбужденнымъ чувствомъ любопытства, какъ и когда украдены деньги Николаемъ, въ признаніи котораго онъ почти не сомнѣвался.

Вѣсть объ освобожденіи Успенскаго, о его неприкосновенности въ кражѣ, неожиданный арестъ Николая, его признаніе—все это, какъ бомба, упало въ меблированныя комнаты мадамъ Штрундъ. Разговорамъ, изумленіямъ, толкамъ не было конца. Защитники Андрея Николаича торжествовали, обвинители сильно сконфузились, а самъ герой происшествія, Егоръ Егорычъ Бусыгинъ, положительно былъ уничтоженъ. Прогрессистъ-майоръ отворачивался отъ него, какъ отъ зачумленнаго, Амалія Ивановна, ея квартиранты—и защитники, и обвинители, всѣ безъ исключенія, вдругъ отдалились отъ него. Жизнь въ нумерахъ мадамъ Штрундъ сдѣлалась ему крайне непріятна, и въ ожиданіи окончательнаго разсчета съ Меркуловымъ, перебрался онъ въ какія-то «chambres garnies», на Лубянку. За то Успенскій былъ встрѣченъ съ полнѣйшимъ тріумфомъ! Блѣдный, похудѣвшій, какъ будто еще недовѣрявшій своему освобожденію, машинально пожималъ онъ протягивавшіяся къ нему руки и почти задыхался отъ волненія. Мысль, что въ этомъ самомъ домѣ, эти самые люди такъ еще недавно клеймили его названіемъ вора, сжимала ему сердце, леденила кровь. Успенскій ихъ не обвинялъ, не имѣлъ права обвинять: всѣ обстоятельства кражи слишкомъ несчастливо сложились противъ него; не будь Свободина, не будь Наташи, этихъ двухъ свѣтлыхъ существъ, къ которымъ онъ чувствовалъ какую-то безпредѣльную, нескончаемую благодарность, вся его будущность погибла бы навсегда! Несмотря на всеобщее вниманіе и ласку, ему было какъ-то неловко, тяжело у Амаліи Ивановны Штрундъ. Расплатившись съ нею, онъ скоро уѣхалъ въ Клинъ: надо же было отвезти сестрѣ деньги! При воспоминаніи, чего стоилъ этотъ свадебный подарокъ, Успенскій вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ и впадалъ въ безотчетное раздумье.

Узнавъ, что деньги Бусыгина нашлись у Раисы, что она арестована, Николай откровенно сознался въ преступленіи и разсказалъ безъ утайки все, какъ было.

Когда, въ Николинъ день, Меркуловскій приказчикъ отдалъ Бусыгину четыреста рублей, Николай, убиравшій спальню, невольно позавидовалъ помѣщику-счастливцу. «Ишь-ты, подумалъ онъ, задатокъ—четыреста рублей! Ну, за что? Мужики и сѣяли, и пахали, и работали до упаду, а онъ продалъ готовенькое, да знай ломитъ деньгу! И вѣдь, гляди, пролюрдонитъ такъ... по пустякамъ! Вонъ въ театръ собирается... въ маскарадъ... шубку ишь кому-то посулилъ... Эхъ, кабы такія денежки достались мнѣ, какъ бы я свою Раису снарядилъ! — Сначала сыграли бы свадьбу... отъ нѣмки бы отошелъ... открыли бы бѣлошвейное и

зажили бы своимъ домкомъ!» Мечты Николая все становились радужнѣе, все ярче... обольстительный образъ Раисы съ своимъ роскошнымъ, упругимъ станомъ, съ своими сладострастными глазами, дразнилъ, распалялъ его воображеніе... мысль о присвоеніи денегъ сильнѣе и сильнѣе охватывала всѣ помыслы!—Онъ зналъ, что Бусыгинъ уѣдетъ на имянины, возвратится около восьми часовъ, переодѣнется и отправится въ театръ. Квартиранты, по обыкновенію, разойдутся: дѣло праздничное... деньги въ столѣ... а ключъ отъ комода подходитъ къ столу!.. Обстоятельство это было ему давно извѣстно, но до настоящей минуты онъ никогда не злоупотреблялъ случайнымъ открытіемъ: и въ голову не приходило попользоваться иногда мелочью, которую, по всѣмъ вѣроятіямъ, не пересчитывалъ Бусыгинъ. Все яснѣе, все обаятельнѣе чудилось ему, будто знакомый, любимый голосъ шепчетъ надъ самымъ ухомъ: «Возьми... возьми — замужъ пойду!» Но какъ взять? какимъ образомъ? Этотъ вопросъ неотступно мучилъ Николая! Уйти, воротиться, взять деньги и опять уйти? невозможно: или хозяйка, или Настасья непремѣнно увидятъ, спросятъ — зачѣмъ вернулся? Откроется пропажа—подозрѣніе падетъ прямо на него: возвращался, дескать, домой, входилъ въ нумеръ... Время все шло; да шло, а Николай ни на что еще не рѣшился, ничего еще не придумалъ! «Знать, не судьба владѣть чужими деньгами!» грустно заключилъ онъ, затворяя форточку... Вдругъ, будто озаренный какимъ-то свѣтомъ, остановился—и замеръ!.. Окно большое, форточка во все стекло, между сосѣднимъ брандмауеромъ и домомъ узкое пространство, куда никто и не заглядываетъ даже днемъ; не замыкать форточку, пролѣзть въ нее когда стемнѣетъ— вотъ планъ, мгновенно сложившійся въ головѣ Николая, который онъ и порѣшилъ привести въ исполненіе. — Возвратившись отъ Раисы, онъ осторожно прокрался къ окну спальни. Было уже совсѣмъ темно; шелъ мелкій, частый снѣгъ — тѣмъ лучше: замететъ слѣды. Легонько стукнулъ онъ въ окно, опасаясь, не вернулся ли Бусыгинъ, не прилегъ ли... стукнулъ посильнѣе... еще посильнѣе — нѣтъ, все тихо, темно... Егоръ Егорычъ еще не пріѣзжалъ! Николай сбросилъ шинель, калоши и вскарабкался на подоконникъ... Въ виски ему било будто молотомъ, сердце ёкало отъ страха и волненія, въ глазахъ мутилось... но онъ скоро превозмогъ себя и мысль о Раисѣ смѣнила укоризны встревоженной совѣсти. Тихо, осторожно распахнулъ онъ форточку, влѣзъ къ Бусыгину, обтеревъ ноги полою сюртука, чтобы не наслѣдить, и черезъ нѣсколько минутъ, тою же дорогой спустился на подо-

конникъ, тщательно притворилъ форточку, и благополучно спрыгнулъ прямо на снѣгъ обладателемъ четырехъ-сотъ рублей!..

Вернувшись къ десяти часамъ домой и узнавъ, что подозрѣніе въ кражѣ, въ виду уже извѣстныхъ читателю обстоятельствъ, заявлено Бусыгинымъ на Успенскаго, Николай еще далеко не успокоился духомъ: мысли его тревожно сосредоточивались на незапертой форточкѣ. Разсердившійся Бусыгинъ увезъ ключъ отъ нумера съ собою, значитъ, нѣтъ никакой возможности зачѣмъ бы то ни было войти къ нему. А что, если по пріѣздѣ, вздумаетъ онъ самъ отворить ее? Отъ этого предположенія лихорадочная дрожь пробѣгала по всему тѣлу Николая и неотступный страхъ мучилъ его! Но когда возвратившійся Бусыгинъ остановился съ кѣмъ-то въ корридорѣ, и отдавъ Николаю ключъ, велѣлъ попроворнѣе стлать постель, тотъ отъ радости едва устоялъ на ногахъ! Онъ отперъ дверь, вошелъ въ комнату и прежде всего, въ потьмахъ, бросился запирать форточку... потомъ зажегъ свѣчу, осмотрѣлъ полъ: слѣдовъ не видно... все въ порядкѣ... онъ перекрестился и вздохнулъ свободно!

Потеряй Николай голову, не спохватись замкнуть форточку, Сергѣй Андреичъ, осматривавшій ее съ такимъ вниманіемъ, видѣвшій, что влѣзть въ нее снаружи весьма удобно, непремѣнно бы остановился на этомъ обстоятельствѣ; но удостовѣренія Бусыгина, что форточка была закрыта и крѣпко замкнута, разбивали всѣ его соображенія. Что, если бы онъ ограничился только тѣми уликами, которыя такъ неотразимо возставали противъ Успенскаго?

Е. В. Л.

РУССКІЙ РАБОЧІЙ

у

АМЕРИКАНСКАГО ПЛАНТАТОРА

Разсказы и воспоминанія.

I.

Гамбургъ.—Способы переѣзда въ Америку.—Schiffs-kontrakt.—Переѣздъ до Лита.—Поиски агента въ Литѣ.—Переѣздъ въ Глазго.—Ожиданіе отъѣзда.—Слухи о жизни въ Америкѣ.—Пароходъ «Каледонія».—Мистеръ Андерсонъ, переводчикъ и агентъ эмиграціонной коммиссіи.—Причины и цѣль моей поѣздки въ Америку.—Пассажиры «Каледоніи».—Разсказы объ Америкѣ.—Похороны на кораблѣ.—Конецъ плаванія и берега Новаго Свѣта.—Формальности при высадкѣ на берегъ переселенцевъ.—Гостинница «Золотой Левъ» въ Нью-Іоркѣ.—Справка въ русскомъ консульствѣ.—Прогулка по Нью-Іорку.—Конныя желѣзныя дороги.—Бегге и сельки.—Приключеніе съ Якобсомъ.—Отъѣздъ въ Чикаго.—Мои спутники.—Ѣзда съ эмигрантскимъ поѣздомъ.—Видъ мѣстности у желѣзной дороги.

...Берлинскій поѣздъ пришелъ въ Гамбургъ въ 5 часовъ утра. Въ вокзалѣ не было ни одного динстмана, потому я обратился къ первому встрѣтившемуся мнѣ господину съ просьбою объяснить, какъ добраться до «Эльснеръ-отеля», гдѣ желалъ остановиться. Случай натолкнулъ меня на одного изъ тѣхъ содержателей меблированныхъ комнатъ, которые ожидаютъ прихода поѣздовъ и стараются заманить къ себѣ пріѣзжающихъ. Понятно, что герръ Кунъ, какъ назвалъ себя господинъ, къ которому я обратился, старался всѣми силами доказать, что въ большихъ отеляхъ остановка обходится очень дорого и путешественникъ далеко не

можетъ пользоваться тѣми удобствами, какія доставятъ герръ Кунъ и его супруга, содержащая весь домъ въ образцовой чистотѣ, умѣющая готовить такія вкусныя блюда, что если кто разъ попробовалъ остановиться у нихъ, то уже въ другой пріѣздъ, ни за что не остановится въ другомъ мѣстѣ. Я согласился отправиться къ герру Куну, отчасти потому, что было какъ-то неловко на отрѣзъ отказаться и оставить безъ вниманія его краснорѣчіе,—а говорилъ онъ очень ужъ краснорѣчиво и много,—отчасти потому, что намѣревался остаться въ Гамбургѣ только время нужное для полученія билета на переѣздъ въ Америку. А не все ли равно, гдѣ остановиться на эти нѣсколько часовъ. Герръ Кунъ взялъ мой мѣшокъ и повелъ меня къ себѣ, болтая безъ умолку всю дорогу.

Услыхавъ, что я собираюсь ѣхать въ Америку, онъ сообщилъ мнѣ, что состоитъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ агентомъ коммиссіи, занимающейся перевозкой эмигрантовъ въ Америку и что берется устроить мой отъѣздъ, такъ что мнѣ не придется ни о чемъ хлопотать и безпокоиться. Черезъ полчаса ходьбы по узкимъ улицамъ стараго города герръ Кунъ привелъ меня къ себѣ, указалъ мнѣ комнату, сдалъ на попеченіе своей жены, пожилой, еще болѣе словоохотливой, чѣмъ ея мужъ, и отправился хлопотать, по его словамъ, о моемъ отъѣздѣ.

Отведенная мнѣ комната, равно какъ и вся квартира герра Куна, дѣйствительно отличалась необыкновеннымъ порядкомъ и чистотой. Поданный мнѣ завтракъ и кофе также вполнѣ оправдали слова хозяина, которымъ, признаться, я не вполнѣ довѣрялъ въ вокзалѣ. Дѣйствительно за ту цѣну, за которую мы сговорились, т.-е. одинъ прусскій талеръ въ сутки за квартиру и кушанье, врядъ ли можно бы было имѣть въ отелѣ такое помѣщеніе и столъ. Часовъ въ 10 утра герръ Кунъ вошелъ ко мнѣ въ комнату съ какимъ-то другимъ господиномъ, котораго отрекомендовалъ какъ одного изъ агентовъ, служащихъ при коммиссіи для перевозки эмигрантовъ въ Америку. Агентъ объяснилъ мнѣ, что гамбургскій пароходъ только вчера отправился въ Нью-Іоркъ. А такъ какъ пароходы изъ Гамбурга отходятъ въ Америку только одинъ разъ въ недѣлю, то мнѣ приходилось прождать шесть дней до слѣдующаго парохода или ѣхать черезъ Англію, какъ отправляются очень многіе эмигранты и куда отходитъ пароходъ сегодня же въ 2 часа. Дорога черезъ Англію стóитъ то же самое, что прямо изъ Гамбурга, придется только проѣхать лишнихъ два или три дня. Эта потеря времени впрочемъ вознаграждается тѣмъ, что можно хоть мелькомъ взглянуть

на Англію, не потерявъ на это лишнихъ денегъ. Отъ агента узналъ я также, что прежде эмигранты подвергались разнаго рода надувательствамъ, что побудило устроить особое учрежденіе подъ именемъ эмиграціонной коммиссіи, которая заботится о томъ, чтобы гарантировать эмигрантовъ отъ всякаго рода мошенничества и притѣсненій. Компанія, занимающаяся перевозкой эмигрантовъ, находится подъ контролемъ этой коммиссіи и гарантируетъ правильность своихъ дѣйствій залогомъ въ нѣсколько сотъ тысячъ талеровъ. Компанія обязана содержать агентовъ, оказывающихъ содѣйствіе эмигрантамъ, какъ при отправкѣ ихъ изъ Европы, такъ и во время дороги до Нью-Іорка, гдѣ послѣдніе поступаютъ подъ покровительство тамошней эмиграціонной коммиссіи. Безъ этого покровительства, говоритъ мнѣ агентъ, эмигрантамъ было бы очень плохо, въ особенности въ Америкѣ, гдѣ всякій только и думаетъ, какъ бы попользоваться на счетъ ближняго. Стоимость переѣзда съ содержаніемъ слѣдующая: каюта 1-го класса 120 прусскихъ талеровъ, каюта 2-го класса 72 и междупалубное пространство или 3-й классъ 50 талеровъ. Пассажиры 2-го и 3-го классовъ обязаны имѣть свой тюфякъ, одѣяло и подушку, такъ какъ имъ отводится только пустая койка на пароходѣ; также свою посуду для кушанья и умыванья. Эмигрантовъ, переселяемыхъ черезъ Англію, компанія за ту же плату доставляетъ въ одинъ изъ восточныхъ портовъ на пароходѣ, откуда по желѣзной дорогѣ въ ближайшій западный портъ, гдѣ передаетъ на пароходъ, отправляющійся въ Америку. Эмигранты, отправляющіеся сегодня, должны ѣхать въ Литъ, куда идетъ пароходъ. Особый агентъ долженъ встрѣтить ихъ у пристани и доставить по желѣзной дорогѣ въ Глазго, гдѣ придется подождать день или два отхода парохода въ особой, нарочно устроенной для эмигрантовъ гостинницѣ, гдѣ за содержаніе эмигрантовъ платитъ коммиссія.

Я нашелъ болѣе удобнымъ отправиться въ тотъ же день черезъ Англію и хотѣлъ взять билетъ въ междупалубномъ пространствѣ, такъ какъ стоимость переѣзда въ немъ болѣе всего соотвѣтствовала моимъ, довольно скуднымъ, денежнымъ средствамъ. Но агентъ и герръ Кунъ отсовѣтовали мнѣ это, увѣряя, что безъ привычки къ морскому путешествію мнѣ будетъ слишкомъ трудно переносить неудобства переѣзда въ третьемъ классѣ, приходящіяся часто не подъ силу даже привычнымъ къ разнымъ лишеніямъ чернорабочимъ. Я рѣшился ѣхать во второй каютѣ. Агентъ посмотрѣлъ мой паспортъ, выписалъ имя и просилъ придти въ 12 часовъ въ контору компаніи, гдѣ уплативъ деньги, я получу

билетъ или какъ его зовутъ Schiffs-kontrakt. Въ конторѣ, уплативъ 6 талеровъ, я могу получить постель и жестяную посуду. Также могу размѣнять деньги на американскія и сдать кладь, которую было бы неудобно таскать съ собою, а лучше получить по пріѣздѣ въ Америку. Время до 12-ти часовъ онъ совѣтовалъ употребить на то, чтобы купить себѣ фланелевое бѣлье, безъ котораго въ морѣ легко простудиться, туфли, сигары, морсу для питья во время морской болѣзни и пр.

Герръ Кунъ вызвался проводить меня и помочь закупить что̀ нужно. Въ 12 часовъ, заплативъ деньги въ конторѣ, я получилъ свой шифъ-контрактъ, въ которомъ было прописано, какое количество съѣстныхъ припасовъ я буду получать въ видѣ изготовленныхъ мяса, картофеля, крупы и хлѣба; что кромѣ содержанія компанія обязуется дать мнѣ помѣщеніе, гдѣ на каждаго пассажира приходилось бы не менѣе 10-ти кубическихъ футъ воздуха. Въ случаѣ несчастія съ пароходомъ, на которомъ я поѣду, доставить меня все-таки на мѣсто назначенія, т.-е. въ Нью-Іоркъ, причемъ всѣ издержки за эту доставку падаютъ на коммиссію. На случай болѣзни на пароходѣ подается помощь безвозмездно докторомъ, нарочно для этого имѣющимся на пароходѣ. Жалобы на невыполненіе обязательствъ коммиссіи приносятся германскому консулу въ Нью-Іоркѣ. Было также прописано, что за уплаченные мною 6 талеровъ, сверхъ денегъ за переѣздъ, я имѣю получить на пароходѣ нужную посуду и постель. Кассиръ опять предложилъ мнѣ размѣнять деньги и сдать багажъ, но это я нашелъ лишнимъ, такъ какъ деньги были у меня въ англійскихъ фунтахъ, а багажъ весь заключался въ двухъ дорожныхъ мѣшкахъ, которые не могли мнѣ сдѣлать большого затрудненія. Когда будетъ время отправляться на пароходъ, за мною долженъ былъ зайти тотъ же агентъ, который былъ у меня утромъ. Дѣйствительно, въ половинѣ второго зашелъ агентъ и я, расплатившись съ герромъ Куномъ, оставшимся очень довольнымъ, что я далъ ему 2 талера за хлопоты, отправился на пароходъ. Дорогой агентъ сказалъ мнѣ, что на пароходѣ, на которомъ я поѣду до Лита, нѣтъ второго класса и что мнѣ придется ѣхать или въ междупалубномъ пространствѣ или въ первой каютѣ, если я захочу заплатить за столъ, что̀ составитъ полъ-англійскаго фунта за два дня переѣзда. Я предпочелъ послѣднее. Тогда онъ передалъ мнѣ заранѣе приготовленный билетъ 1-го класса.

Пароходъ не былъ еще нагруженъ, почему, вмѣсто двухъ часовъ, мы ушли только въ шесть. Передъ отъѣздомъ полицейскіе чиновники весьма тщательно осмотрѣли паспорты всѣхъ пас-

сажировъ. Между пассажирами подозрительныхъ лицъ не оказалось; чиновники сошли съ парохода и, по знаку капитана, мы двинулись внизъ по Эльбѣ. Двухъ-суточное плаваніе до Лита было очень удачно. Море было совершенно спокойно, только на второй день къ вечеру поднялось небольшое волненіе, причинившее морскую болѣзнь нѣкоторымъ пассажирамъ. На меня качка не произвела никакого впечатлѣнія. Пассажиры въ первой каютѣ были англичане, нѣкоторые изъ нихъ говорили хорошо по-нѣмецки и по-французски. Это было большое счастье для меня, не знавшаго ни слова по-англійски. Въ разговорахъ съ умными, любезными спутниками незамѣтно прошло время. На третій день показались красивые берега Англіи, и пароходъ, пройдя между скалистыми островами, изъ которыхъ иные имѣли совершенно бѣлый цвѣтъ отъ множества сидѣвшихъ на нихъ птицъ, остановился противъ гавани Лита. По причинѣ отлива въ гавань войти было нельзя. Маленькій рѣчной пароходикъ подвезъ къ намъ таможенныхъ чиновниковъ, осмотрѣвшихъ довольно поверхностно чемоданы, заботясь только, чтобы въ нихъ не было значительнаго количества спиртныхъ напитковъ и табаку. Тотъ же рѣчной пароходъ забралъ насъ всѣхъ, пассажировъ, съ нашимъ багажемъ и высадилъ на набережную, гдѣ пассажиры тотчасъ разошлись. Напрасно я искалъ глазами агента, долженствовавшаго встрѣтить меня здѣсь и отправить въ Глазго. На всемъ протяженіи набережной я не видалъ ничего похожаго на агентство или контору. Вдоль всего берега тянулись какія-то закопченыя, кирпичныя зданія, безъ всякой вывѣски или надписи, вѣроятно, склады товаровъ. По набережной изрѣдка проходили какія-то личности въ испачканныхъ рабочихъ курткахъ, вовсе непохожіе на агентовъ. Неподалеку отъ меня стоялъ нѣмецъ, по имени Якобсъ. Онъ также ѣхалъ въ Америку, куда сопровождалъ трехъ женщинъ, своихъ землячекъ. Они всѣ четверо ѣхали изъ Гамбурга въ междупалубномъ помѣщеніи, такъ что я почти передъ самымъ пріѣздомъ въ Литъ сошелся съ Якобсомъ на палубѣ и узналъ, что мы съ нимъ попутчики. Стоя около нѣсколькихъ сундуковъ, на которыхъ сидѣли его спутницы, онъ оглядывался, ища, подобно мнѣ, агента и былъ видимо еще въ большемъ недоумѣніи, чѣмъ я. Я подошелъ къ нему и спросилъ, что намѣренъ онъ теперь дѣлать. «Не знаю, отвѣчалъ онъ, взяли деньги за проѣздъ до Америки, дали какой-то контрактъ, сказали, что агенты будутъ вездѣ встрѣчать насъ и отправлять куда слѣдуетъ, а теперь высадили сюда на берегъ, въ городѣ, гдѣ никто ни одного слова не понимаетъ по-нѣмецки, такъ что, пожалуй,

не только агента, да и мѣста, гдѣ переночевать, не отыщешь». Однако, печаловаться было безполезно, надо было что-нибудь предпринять, чтобы въ самомъ дѣлѣ не остаться до ночи на набережной, въ ожиданіи агента, который, пожалуй, и вовсе не придетъ. Я предложилъ устроиться такъ: оставивъ сундуки и мои вещи подъ надзоромъ женщинъ, намъ съ Якобсомъ идти и поискать, не найдется ли кто-нибудь, кто бы могъ намъ указать, если не агента, то, по-крайней-мѣрѣ, гостинницу, гдѣ бы сколько-нибудь понимали по-нѣмецки или по-французски. Встрѣтить кого-нибудь понимающаго по-русски я, разумѣется, не надѣялся.

Женщины сильно запротестовали, противъ того, чтобы остаться одним, безъ покровителя, даже заплакали отъ страха; однако. Якобсъ кое-какъ ихъ успокоилъ и мы отправились на поиски. Неподалеку отъ насъ стоялъ какой-то рабочій, опершись о каменный столбъ набережной и глядѣлъ въ воду. Мы обратились къ нему съ начала на нѣмецкомъ, потомъ на французскомъ языкѣ, съ просьбою вывести насъ изъ затруднительнаго положенія. Англичанинъ выслушалъ, что мы ему говорили, подумалъ съ минуту, процѣдилъ по-англійски «не понимаю» и принялся опять смотрѣть въ воду. Отправились дальше. На встрѣчу попался какой-то господинъ въ пальто и цилиндрѣ. Онъ также терпѣливо выслушалъ насъ, сказалъ свое «не понимаю», повернулся спиной и пошелъ дальше. Двери въ нѣкоторые амбары были не заперты и внутри виднѣлись люди. Вошли въ одинъ изъ нихъ и опять обратились на двухъ извѣстныхъ намъ языкахъ къ господину, писавшему что-то, стоя у конторки. То же терпѣливое выслушиваніе и физіономія, какъ будто человѣкъ понимаетъ, что ему говорятъ, и въ концѣ концовъ то же «не понимаю». Вооружившись терпѣніемъ, мы останавливали всѣхъ встрѣчныхъ, заходили во всѣ отворенные пакгаузы, разсчитывая, что вѣдь есть же тутъ, въ гавани такого большого города, кто-нибудь понимающій хоть нѣсколько словъ по-нѣмецки или по-французски. Дѣйствительно, отошедши довольно далеко, въ одномъ изъ пакгаузовъ, едва мы заговорили, какъ къ намъ подскочилъ человѣкъ небольшого роста и спросилъ насъ, не эмигранты ли мы. Этотъ человѣкъ оказался агентомъ компаніи, переправляющимъ эмигрантовъ съ пристани на желѣзную дорогу. Онъ не ожидалъ, что пароходъ придетъ такъ рано и счелъ лишнимъ оставлять свою работу и идти на пристань. Узнавъ, что мы дѣйствительно эмигранты, онъ быстро зашагалъ по направленію, противуположному тому откуда мы пришли, приглашая насъ слѣдовать за собою и поспѣшить, чтобы не опоздать на поѣздъ желѣзной дороги. Насилу успѣли

мы растолковать ему, что мы не одни и что другіе эмигранты ждутъ нашего возвращенія у вещей на пристани. Тогда онъ сказалъ, чтобы мы шли назадъ, на пристань, а самъ забѣжавъ въ пакгаузъ, скоро догналъ насъ, сидя въ двухколесной телегѣ, запряженной лошадью такихъ колоссальныхъ размѣровъ, какихъ мнѣ никогда не случалось видѣть. Сундуки и мѣшки были скоро взвалены на этотъ кабріолетъ, размѣрами и крѣпостью вполнѣ соотвѣтствующій впряженному въ него животному, и черезъ часъ мы сидѣли уже въ отдѣленіи вагона, запертые на ключъ и неслись, то по тоннелямъ, то надъ городами, съ быстротою, о которой трудно составить понятіе по ѣздѣ на желѣзныхъ дорогахъ континента. Въ теченіи четырехъ часовъ, отъ Лита до Глазго, насъ продержали подъ ключемъ и ни разу не дали выдти на станціяхъ, на которыхъ остановки были чрезвычайно коротки. Въ Глазго встрѣтилъ насъ агентъ тоже въ костюмѣ рабочаго. Онъ подозвалъ двухъ другихъ рабочихъ, и съ ихъ помощью взваливъ наши вещи на ручную тележку, повезъ изъ вокзала, приглашая насъ слѣдовать за собою. Слѣдомъ за нихъ, мы пришли въ гостинницу Митчеля, устроенную для эмигрантовъ въ Уоркъ-стритѣ. Здѣсь ждалъ насъ обильный ужинъ и очень кстати, такъ какъ мы съ завтрака на пароходѣ, т.-е. съ 9-ти часовъ утра, ничего не ѣли, а было уже около девяти часовъ вечера. Агентъ, сдавъ насъ хозяйкѣ, предложилъ намъ взять съ тележки тѣ вещи, которыя могутъ намъ понадобиться въ эти дни и повезъ остальныя въ пакгаузъ, гдѣ онѣ должны были храниться до нашего отправленія въ Америку. Какъ хозяйка, такъ и никто изъ прислуги не говорилъ ни слова по-нѣмецки, такъ что мы не могли узнать ничего на счетъ времени нашего отправленія, а если встрѣчалась въ чемъ-нибудь надобность, то приходилось объясняться знаками, что причиняло часто презабавныя недоразумѣнія. На другой день, не зная, когда намъ придется ѣхать и ожидая каждую минуту, что за нами придетъ агентъ, мы просидѣли цѣлый день въ гостинницѣ. Къ вечеру прибыло изъ Гамбурга еще 8 человѣкъ эмигрантовъ-нѣмцевъ; изъ нихъ нѣкоторые говорили по-англійски. Черезъ нихъ мы узнали, что пароходъ пойдетъ въ Нью-Іоркъ еще черезъ пять дней, которые намъ придется провести въ гостинницѣ. Отъ нечего дѣлать, все это время, казавшееся ужасно длиннымъ, ходили осматривать городъ. Я купилъ англійскій самоучитель, чтобы выучить хотя самыя употребительныя слова и выраженія.

Дня черезъ три въ нашей гостинницѣ появился какой-то старикъ, только-что вернувшійся изъ Америки, гдѣ онъ пробылъ

лѣтъ 20. Неутѣшительныя вещи разсказывалъ онъ намъ про страну, въ которую мы ѣхали. И жить-то тамъ дорого, и работать-то трудно. Заработная плата хоть кажется и велика, а не хватаетъ на содержаніе. Мошенниковъ тамъ страшное множество, чуть ли не всѣ поголовно. Убійства и грабежи безпрестанные. Работу достать трудно, а нѣтъ работы — приходится умирать съ голоду. Хоть я составилъ себѣ понятіе о жизни въ Америкѣ совершенно противоположное разсказамъ старика, которымъ не слишкомъ-то вѣрилъ, однако эти разсказы произвели на меня непріятное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что одинъ изъ нѣмцевъ былъ уже разъ въ Америкѣ, куда онъ ѣдетъ во второй разъ, поддакивалъ разсказамъ старика, увѣряя, что ему бѣда какъ трудно было первое время по пріѣздѣ въ Америку и что товарищи его, пріѣхавшіе туда съ нимъ, почти всѣ погибли, не будучи въ состояніи вынести трудности новой жизни.

Наконецъ, шесть дней томительнаго ожиданія, проведенные въ гостинницѣ Митчеля, пришли къ концу. Въ теченіи этихъ шести дней постоянно прибывали новыя партіи эмигрантовъ изъ Германіи, Швеціи, Норвегіи и Даніи, такъ что въ послѣдніе дни набралось человѣкъ до 200 и въ гостинницѣ стало тѣсно. Въ среду утромъ въ гостинницу пришелъ агентъ эмиграціонной коммиссіи, опросилъ насъ, довольны ли мы содержаніемъ, выкликая по списку осмотрѣлъ наши контракты, выдалъ билеты и просилъ не отлучаться далеко, такъ какъ часовъ въ 12, онъ зайдетъ за нами, чтобы отвести на пароходъ «Каледонія», отходящій въ два часа изъ Глазго въ Нью-Іоркъ. Дѣйствительно въ 12 часовъ, послѣ вторичной переклички, насъ толпою повели къ пристани и сдали на пароходъ. Въ два часа, при прощальныхъ крикахъ толпы народа, собравшейся на берегу, «Каледонія» отчалила отъ пристани и при помощи небольшого буксирнаго парохода, такъ какъ фарватеръ очень узокъ, пошла внизъ по рѣкѣ, къ проливу св. Георгія. На другой день, часа въ 4 утра, мы зашли въ Коркъ, гдѣ число пассажировъ увеличилось партіей ирландцевъ, человѣкъ въ 150, и пройдя мимо живописныхъ скалистыхъ береговъ Ирландіи, къ вечеру вышли въ открытый океанъ. Для перевозки изъ Европы въ Америку эмигрантовъ, ѣдущихъ огромными массами, устроилось нѣсколько компаній, имѣющихъ по нѣскольку паровыхъ судовъ большихъ размѣровъ и спеціально выстроенныхъ для перевозки эмигрантовъ. На континентѣ имѣются такія компаніи въ Штетинѣ, Гамбургѣ, Бременѣ и Гаврѣ. Но суда этихъ компаній не могутъ перевозить всего числа эмигрантовъ съ континента, почему континентальныя компаніи входятъ въ соглаше-

ніе съ болѣе богатыми и обладающими бо́льшимъ числомъ перевозочныхъ судовъ американскими и англійскими компаніями. Суда этихъ компаній совершаютъ правильные рейсы преимущественно между Нью-Іоркомъ въ Америкѣ, и Ливерпулемъ и Глазго въ Англіи.

«Каледонія», на которой ѣхалъ я, е́сть одинъ изъ шестнадцати паровыхъ судовъ компаніи Anchore Line, совершающихъ рейсы между Нью-Іоркомъ и Глазго. По «Каледоніи» можно судить и о всѣхъ судахъ для перевозки эмигрантовъ, такъ какъ по своему устройству и размѣрамъ они отличаются другъ отъ друга очень мало и подчиняются правиламъ, установленнымъ эмиграціонными коммиссіями.

«Каледонія»—большой винтовый пароходъ, снабженный тремя мачтами, такъ что, кромѣ пара, можетъ идти подъ парусами. Онъ имѣетъ три палубы, изъ которыхъ двѣ нижнія сплошныя, отъ борта до борта, а верхняя, кромѣ задней части и небольшого пространства у носа, гдѣ она тоже сплошная, занимаетъ только середину парохода, оставляя по обѣ стороны часть второй палубы открытою, въ видѣ двухъ корридоровъ. Машина помѣщается въ срединѣ парохода и раздѣляетъ его на двѣ части, переднюю и заднюю. Между первой и второй палубой, въ задней части помѣщаются капитанская каюта, каюта пассажировъ перваго класса и каюты старшихъ офицеровъ. Въ передней части—каюты младшихъ офицеровъ, кухня, каюта пассажировъ второго класса, лазаретъ, и въ носовой части—помѣщеніе для матросовъ. Все пространство между второй и третьей палубой, кромѣ мѣста занимаемаго машиной и кладовой въ носовой части, составляетъ помѣщеніе пассажировъ третьяго класса или междупалубнаго пространства. Каюта перваго класса состоитъ изъ большой общей залы посрединѣ и небольшихъ спальныхъ каютъ, на четыре человѣка каждая. Отдѣлана и омеблирована она не только хорошо и комфортабельно, но даже роскошно.

Вторая каюта далеко уступаетъ первой. Не имѣетъ общей залы, не было и помину о коврахъ, мягкихъ диванахъ, столахъ и другихъ принадлежностяхъ комфорта. Койки изъ дерева, выкрашеннаго масляною краскою, лѣпились у стѣнъ въ два яруса, какъ нары въ русскихъ избахъ, только не сплошь, а раздѣлялись стѣнками, образуя помѣщеніе для каждаго пассажира. Всякую мебель замѣняли деревянныя скамейки, служившія и стульями и столами во время обѣда. Но такъ какъ публика во второй каютѣ была поопрятнѣе пассажировъ 3-го класса и на каждаго приходилось большее пространство, наконецъ, такъ какъ вторая

каюта помѣщалась между верхнею, несплошною и 2-ю палубами, что значительно облегчало вентиляцію, то и казалась раемъ сравнительно съ междупалубнымъ пространствомъ.

Въ междупалубномъ пространствѣ, очень худо освѣщаемомъ маленькими круглыми окошками почти надъ самымъ уровнемъ моря, такъ что здѣсь царствовалъ постоянный полумракъ. По сторонамъ довольно широкаго прохода устроены изъ грубо сколоченныхъ досокъ отдѣленія, похожія на стойла. Въ этихъ отдѣленіяхъ нераздѣленныя ничѣмъ нары въ два яруса, на которыхъ помѣщались въ перемежку мужчины, женщины и дѣти, счетомъ по 24 человѣка взрослыхъ въ каждомъ отдѣленіи. Несмотря на холщевые мѣшки, идущіе изъ междупалубнаго пространства на верхнюю палубу и служащіе для образованія постояннаго сквозного вѣтра для очищенія атмосферы, несмотря на частое куренье уксусомъ и заботы корабельной прислуги о содержаніи отдѣленія въ чистотѣ, воздухъ былъ ужасно спертъ. Кромѣ особаго запаха, присущаго кораблю, неопрятные, скученные пассажиры не мало способствовали порчѣ воздуха, особенно во время качки, когда подвергались морской болѣзни. Мнѣ кажется, что чистоплотные нѣмцы, страдавшіе этою болѣзнью больше другихъ, заболѣвали не столько отъ качки, сколько отъ вони и нечистоты, распространяемой ирландцами.

Я отъ души благодарилъ герра Куна и агента, отсовѣтовавшихъ мнѣ ѣхать въ междупалубномъ помѣщеніи.

Послѣ первыхъ двухъ дней, довольно бурныхъ, какъ намъ казалось, вѣтеръ стихъ и жизнь на пароходѣ пришла въ нормальный порядокъ. Я могъ приглядѣться къ моимъ спутникамъ и познакомиться съ нѣкоторыми изъ нихъ. Въ первомъ классѣ ѣхали только трое пассажировъ-англичанъ. Во второй каютѣ человѣкъ 12 мужчинъ и 7 женщинъ. Вторая каюта, помѣщавшаяся на второй палубѣ, раздѣлялась на двѣ половины, изъ которыхъ каждая, представляя собою что-то въ родѣ корридора, заключала 40 коекъ, расположенныхъ по двѣ, одна надъ другой, вдоль стѣнъ.

Правая половина каюты предназначалась для женщинъ, лѣвая для мужчинъ. Такъ какъ пассажировъ было всего 12, то намъ было очень просторно и мы могли, не громоздясь другъ надъ другомъ, размѣститься довольно удобно и не стѣсняя никого, имѣть при себѣ свои вещи. Переводчикъ, онъ же и агентъ эмиграціонной коммиссіи, помѣстился недалеко отъ меня, что было очень пріятно, такъ какъ при его посредствѣ я могъ говорить съ моими сосѣдями, англичанами, не говорившими ни на какомъ языкѣ, кромѣ англійскаго.

Переводчикъ, онъ же и агентъ, родомъ изъ Норвегіи, зимой служитъ матросомъ на купеческихъ корабляхъ, а лѣтомъ, когда ѣдетъ болѣе всего эмигрантовъ, пользуясь своимъ знаніемъ шведскаго, англійскаго, французскаго, итальянскаго и испанскаго языковъ, служитъ агентомъ и переводчикомъ при эмиграціонной коммиссіи, причемъ, разумѣется, получаетъ несравненно большее вознагражденіе, чѣмъ въ качествѣ матроса. До сихъ поръ онъ былъ очень доволенъ своимъ положеніемъ, но въ этомъ году одно обстоятельство сильно смущаетъ его. До нынѣшняго года переселенцы изъ Германіи рѣдко направлялись на Литъ и Глазго, а ѣхали черезъ Гулль и Ливерпуль. Теперь же, вслѣдствіе значительно усилившейся эмиграціи изъ Германіи, почти ни одинъ пароходъ не уходитъ изъ Глазго въ Нью-Іоркъ, не имѣя на бортѣ партіи нѣмецкихъ эмигрантовъ.

Г. Андерсенъ, какъ зовутъ переводчика на «Каледоніи», не знаетъ нѣмецкаго языка, и увѣряетъ, что несмотря на свои старанія, не можетъ его выучить, приписывая это какъ трудности языка, такъ и тому, что въ его годы (ему за пятьдесятъ), память сильно измѣняетъ. При усиленіи нѣмецкой эмиграціи, ему придется потерять пожалуй прибыльное мѣсто, что будетъ, пожалуй, большая потеря для эмигрантовъ не-нѣмецкихъ, потому что врядъ ли найдется такой добросовѣстный, внимательный и предупредительный агентъ, какъ г. Андерсенъ. Покамѣсть онъ старается пополнять свой недостатокъ знанія нѣмецкаго языка тѣмъ, что отыскиваетъ между пассажирами людей, говорящихъ по-нѣмецки, чрезъ которыхъ и объясняется съ нѣмцами. Мое знаніе нѣмецкаго и французскаго языковъ дало мнѣ возможность часто помогать г. Андерсену и тѣмъ, хотя сколько-нибудь, отблагодарить его за расположеніе и предупредительность ко мнѣ.

Пассажиры второй каюты—англичане и ирландцы, ѣхавшіе, по большей части, не въ первый разъ въ Нью-Іоркъ по дѣламъ. Это все люди порядочные, обладающіе изряднымъ запасомъ разнообразныхъ свѣдѣній, насколько можно судить о людяхъ, проживя съ ними двѣ недѣли въ каютѣ и разговаривая не иначе, какъ съ помощію переводчика.

Якобсъ съ своими спутницами помѣщался въ междупалубномъ пространствѣ. Я часто ходилъ къ нему и могъ отчасти приглядѣться къ эмигрантамъ, ѣдущимъ, подобно мнѣ, искать счастья за моремъ и расположенныхъ въ тѣсныхъ, грязныхъ отдѣленіяхъ по 24 человѣка въ каждомъ, безъ различія пола и возраста.

Чтобы сдѣлать понятнымъ живой интересъ, съ какимъ я

старался сблизиться съ пассажирами междупалубнаго пространства, да и вообще, чтобы сдѣлать удобопонятнымъ мой дальнѣйшій разсказъ, считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о цѣли моей поѣздки и о причинахъ, принудившихъ меня ѣхать въ Америку.

Получивъ образованіе въ одномъ изъ высшихъ техническихъ учебныхъ заведеній въ Петербургѣ, я хотѣлъ примѣнить пріобрѣтенныя знанія къ сельскому хозяйству и отправился въ наслѣдственное имѣніе. Это было въ 1862 году, вскорѣ послѣ освобожденія крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, когда, вслѣдствіе новыхъ условій, прежній порядокъ веденія хозяйства оказался неприменимымъ и усилія лучшихъ хозяевъ были направлены на выработку новаго метода хозяйства, болѣе сообразнаго съ новыми условіями. Вооруженный теоретическими и техническими свѣдѣніями, я считалъ себя поставленнымъ болѣе выгодно, чѣмъ другіе хозяева, получившіе по бо́льшей части классическое образованіе и успѣвшіе уже нѣсколько привыкнуть и сродниться съ пріемами, существовавшими при крѣпостномъ правѣ. Но на первыхъ же порахъ оказалось, что мои свѣдѣнія, хотя могутъ принести большую помощь въ веденіи хозяйства, оказываются совершенно безсильными для преодолѣнія того сумбура понятій, предразсудковъ, искусственно составленныхъ неестественныхъ отношеній, массы затрудненій, являвшихся на каждомъ шагу, однимъ словомъ, противъ того безпорядка, въ которомъ находился тогда русскій сельско-хозяйственный міръ. Среди этого хаоса я не зналъ, какой избрать путь, и думалъ въ литературѣ найти что-нибудь, могущее помочь мнѣ составить ясный, опредѣленный планъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Но тогдашняя литература еще не выработала ни одного идеальнаго дѣлового характера. Дѣловые люди являлись въ видѣ какихъ-то туманныхъ призраковъ, и литература не задавала себѣ такихъ вопросовъ, интересовавшихъ, впрочемъ, три-четверти народонаселенія, какъ, напримѣръ, вопросъ о томъ, какой способъ обработки полей землевладѣльцевъ выгоднѣе какъ для нихъ, такъ и для крестьянъ, и какимъ путемъ могутъ быть вводимы въ простое крестьянское хозяйство усовершенствованные пріемы. Чисто-техническія, сельско-хозяйственныя сочиненія занимались изученіемъ и описаніемъ методовъ хозяйства и разныхъ машинъ и орудій, выработавшихся въ западной Европѣ и примѣнимыхъ у насъ только въ весьма немногихъ случаяхъ и то съ разнаго рода измѣненіями. Сосѣди мои, хозяева, были еще въ болѣе затруднительномъ положеніи и самые благоразумные стали выжидать, закрыли свои запашки,

распродали инвентарь и заботились только о томъ, чтобы сосредоточить въ своихъ рукахъ побольше наличныхъ денегъ, обращая въ нихъ все, что было возможно. Такой выжидательный методъ былъ мнѣ не по-сердцу, я хотѣлъ работать во что бы то ни стало и рѣшившись примѣнить, насколько возможно, научныя данныя и замѣнить ручную работу машинами, принялся за дѣло. По истеченіи девяти лѣтъ усиленнаго труда, для котораго я не щадилъ ничего, оказалось, что я не только не добился никакого путнаго результата, но прохозяйничалъ все мое довольно значительное состояніе, отъ котораго у меня осталось всего-на-все какихъ-нибудь пятьсотъ рублей. Всматриваясь въ мою прошлую дѣятельность, я видѣлъ, что особенныхъ глупостей не дѣлалъ. Предпріятія, хорошо задуманныя и обстановленныя, имѣвшія всѣ шансы на успѣхъ, не удавались вслѣдствіе самыхъ, повидимому, пустыхъ обстоятельствъ. То рабочіе разбѣгутся, забравъ деньги впередъ и оставивъ работу въ самое нужное время; то испортится машина и чинить ее надо везти въ Петербургъ, верстъ за четыреста; то выкупная ссуда, вошедшая въ бюджетъ расходовъ, путешествуетъ по разнымъ инстанціямъ, отъ мирового посредника до главнаго выкупного учрежденія, взадъ и впередъ, вмѣсто предполагаемыхъ двухъ, цѣлыхъ шесть лѣтъ; то веревки и шворни въ телѣгахъ исчезнутъ неизвѣстно куда и спѣшная работа стоитъ, пока телѣги не приведены въ порядокъ; то управляющій, воспользовавшись моей отлучкой, заиграется въ карты съ мельникомъ, забудетъ открыть, послѣ дождя, заставки во вновь строющейся мельницѣ—и плотину разнесетъ и размоетъ. Изъ сосѣдей моихъ большая часть давно побросала хозяйство и пристроились кто на государственную службу, кто къ желѣзнымъ дорогамъ. Въ двухъ-трехъ имѣніяхъ ведется образцовое хозяйство. Владѣльцы этихъ имѣній, обладая значительными капиталами, улучшаютъ хозяйства, которыя обѣщаютъ давать доходъ со временемъ, а покамѣсть, кромѣ хлопотъ и расходовъ, не приносятъ ничего. Успѣшнѣе всего идетъ хозяйство у мелкихъ владѣльцевъ, особенно изъ крестьянъ, но по первобытнымъ пріемамъ и способамъ обработки даютъ средства къ существованію — не болѣе. Важнѣйшую причину неудачнаго хода хозяйствъ я нахожу въ томъ обстоятельствѣ, что владѣльцы, понимая, какъ должна производиться работа, не умѣютъ показать сами, какъ ее сдѣлать, и въ отчужденіи, взаимномъ нерасположеніи, отчасти во враждебныхъ отношеніяхъ между владѣльцемъ и рабочимъ, также въ ощутительномъ недостаткѣ толковыхъ помощниковъ, способныхъ понять и приводить въ исполненіе предположенія хозяина. А та-

кіе помощники могутъ образоваться при настоящихъ условіяхъ только изъ людей, прошедшихъ лично всѣ ступени хозяйственной іерархіи, отъ рабочаго и пастуха до распорядителя, умѣющаго работать всякую работу и вполнѣ понимающаго нужды и интересы рабочаго. Такихъ личностей мало и образованію ихъ представляется много затрудненій по неразвитости и неграмотности рабочихъ.

Поставленному въ необходимость самому заработывать хлѣбъ, мнѣ оставалось или идти на службу, т.-е. признать за собою окончательную неспособность заниматься разъ начатымъ дѣломъ и забросить свѣдѣнія и опытность, пріобрѣтенныя девятилѣтнею работою и потерею цѣлаго состоянія, или выработать изъ себя хорошаго управляющаго имѣніемъ, пройдя лично всѣ работы и изучивъ каждую изъ нихъ. Пройти эту школу въ Россіи я считалъ не такъ полезнымъ, да и самолюбіе и барская спѣсь не позволяли этого. Потому я рѣшился отправиться въ Америку, гдѣ люди справляются съ большими затрудненіями и въ какіе-нибудь сто лѣтъ изъ дикой пустыни образовали первоклассное государство, единственно умѣньемъ работать. Въ Америкѣ я разсчитываю, начиная съ чернорабочаго, пройти по ступенямъ дѣловой іерархіи такъ высоко, какъ позволятъ мнѣ мои силы, и съ запасомъ практическихъ знаній, а, если Богъ поможетъ, и денегъ, возвратиться въ Россію и снова заняться сельскимъ хозяйствомъ. Насколько удастся мнѣ выполнить этотъ планъ или придется его измѣнить вовсе—покажетъ время и новыя условія въ совершенно незнакомой странѣ.

Мнѣ случалось читать много объ Америкѣ, но изъ всего прочитаннаго я могъ вынести то, что всякому желающему работать тамъ хорошо, что всякое дѣло идетъ тамъ такъ быстро и успѣшно, что если бы не были видны результаты американской дѣятельности, то было бы трудно повѣрить этому быстрому развитію. Но совершенно яснаго понятія о томъ, какъ живутъ и работаютъ люди въ Америкѣ, я составить себѣ не могъ. Въ прочитанныхъ сочиненіяхъ описываются весьма подробно результаты, до которыхъ достигли разныя отрасли общественной дѣятельности, но не выяснялись причины и способы, возбуждающіе и поддерживающіе эту живую дѣятельность. Съ частною жизнью американцевъ трудно было познакомиться, такъ какъ знакомиться приходилось по романамъ, сильно противорѣчащимъ одинъ другому.

Приведя свои свѣдѣнія объ Америкѣ въ нѣкоторую систему, я убѣдился, что почти ничего не знаю о странѣ, въ которую отправляюсь, почему рѣшился, не задаваясь впередъ никакими точ-

ными планами, всматриваться во все самому и, положившись на случай, стараться пользоваться имъ. Я зналъ, что одна изъ причинъ быстраго возрастанія народонаселенія и благосостоянія въ Соединенныхъ Штатахъ есть сильный притокъ переселенцевъ изъ Европы. Эти переселенцы несутъ въ Америку какъ свою работу, такъ и запасъ знаній, отчасти даже капиталы, пріобрѣтенные въ Европѣ.

Столкнувшись на пароходѣ съ значительнымъ числомъ переселенцевъ, ѣдущихъ въ Америку, чтобы найти тамъ новое отечество, и съ людьми, которые уже бывали тамъ и должны быть знакомы съ условіями жизни въ Америкѣ, я хотѣлъ провѣрить и пополнить свой скудный запасъ свѣдѣній по этому предмету.

Сойдясь съ бо́льшею частью пассажировъ междупалубнаго пространства и разспрашивая ихъ о томъ, что̀ они намѣрены предпринять въ новой странѣ, я былъ чрезвычайно удивленъ, убѣдившись, что свѣдѣнія ихъ объ Америкѣ еще ничтожнѣе и менѣе ясны, чѣмъ мои. Очень немногіе имѣли родственниковъ и знакомыхъ въ разныхъ мѣстахъ Союза, которые, вызвавъ ихъ на переѣздъ изъ Европы, снабдили надлежащими наставленіями, какъ добраться до извѣстнаго мѣста. Затѣмъ всѣ свѣдѣнія этихъ господъ ограничивались тѣмъ, что въ Америкѣ лучше, чѣмъ въ Европѣ, что̀ ихъ родственники, переселившіеся изъ Европы нѣсколько лѣтъ тому назадъ безъ гроша, пробѣдствовавъ сначала, успѣли составить себѣ порядочное состояніе и обѣщаютъ имъ помочь устроиться несравненно лучше, чѣмъ въ Европѣ. Остальные эмигранты знали еще того менѣе. Они слыхали, что въ Америкѣ очень легко разбогатѣть, и ѣдутъ туда, истративъ на проѣздъ почти всѣ свои деньги. Куда они ѣдутъ, зачѣмъ, даже о томъ, гдѣ находится обѣтованная страна Америка, они имѣли самыя туманныя свѣдѣнія. Всѣ они вполнѣ были убѣждены, что сто̀итъ только разъ попасть туда, какъ уже съ неба посыплется всякая благодать, особенно въ видѣ золота, и счастливому переселенцу остается только трудъ подбирать это золото и расходовать его по своему вкусу. Меня поразили также грубость понятій, невѣжество и дикость бо́льшей части переселенцевъ, принадлежащихъ къ національностямъ, считающимся передовыми по образованію. Такой узкости понятій и свѣдѣній мнѣ не случалось встрѣчать ни разу между русскими, даже бѣлорусскими мужиками, обвиняемыми въ полнѣйшей неразвитости. Нѣмцы и французы были грамотные, но, несмотря на это, кромѣ необходимыхъ для ихъ ремесла, положительно не имѣли никакихъ свѣдѣній ни по одной отрасли человѣческихъ знаній и не интересо-

вались ничѣмъ, что выходило за кругъ ихъ обыденныхъ занятій или прямо не касалось города или мѣстечка, гдѣ они родились. Ирландцы были еще невѣжественнѣе; почти всѣ безграмотные, они выросли въ испорченной атмосферѣ фабричныхъ городовъ и вынесли оттуда совершенную нравственную распущенность и неслыханные у насъ, въ Россіи, пороки.

Пассажиры второго класса принадлежали къ торговому сословію, и какъ видно получили не обширное, но прочное образованіе. Вслѣдствіе дѣятельной жизни и частыхъ путешествій, они пріобрѣли и усвоили себѣ много разнообразныхъ знаній. Они, видимо, гордились тѣмъ, что въ большей части американскихъ городовъ считають себя какъ дома и охотно разсказывали о своемъ пребываніи тамъ. Но изъ этихъ разсказовъ опять-таки трудно было вывести что-нибудь опредѣленное. Такъ, одинъ постоянно разсказывалъ о различныхъ крупныхъ биржевыхъ спекуляціяхъ, сплошь и рядомъ встрѣчающихся въ Нью-Іоркѣ, отъ которыхъ бѣдняки, не отличающіеся даже особыми способностями, въ нѣсколько дней становились милліонерами. Однако, самъ онъ, такъ хорошо знакомый съ механизмомъ этихъ милліонныхъ оборотовъ, далеко не милліонеръ и довольствуется мѣстомъ клерка въ банкирской конторѣ, въ Глазго, съ жалованьемъ 200 фунтовъ въ годъ. Другой разсказывалъ о западныхъ штатахъ, гдѣ простые рабочіе въ самое непродолжительное время пріобрѣтали поземельную собственность и достигали благосостоянія. Третій имѣлъ огромный запасъ разныхъ страшныхъ исторій объ убійствахъ, грабежахъ и всякаго рода безчинствахъ, совершонныхъ безнаказанно въ республикѣ. Причиною этихъ безчинствъ онъ выставлялъ голодъ и безъисходность положенія, въ которое становятся иногда американскіе работники. Разсказывали много о безобразіяхъ въ южныхъ штатахъ, о буйствахъ, насиліяхъ и плутняхъ на выборахъ. Всѣ, однако, соглашались въ томъ, что нигдѣ дѣла не идутъ такъ хорошо, какъ въ Америкѣ и что всякому переселенцу приходится очень плохо на первыхъ порахъ, гдѣ его окружають всякаго рода махинаціями, для выманиванія денегъ, и гдѣ онъ рискуетъ быть даже убитымъ, если съумѣетъ не поддаться этимъ махинаціямъ. Признаюсь, я не могъ привести ничего въ систему изъ всѣхъ этихъ разсказовъ. Мои свѣдѣнія о бытѣ въ Америкѣ не подвинулись почти ни на шагъ. Убѣдился я только въ томъ, что по очень малому запасу денегъ, оставшихся у меня послѣ проѣзда, я, вѣроятно, не рискую попасть ни подъ какую мошенническую штуку.

Вмѣсто предполагаемыхъ 10-ти дней «Каледонія» сдѣлала пе-

реѣздъ изъ Глазго въ Нью-Іоркъ въ 14 дней. Причиною этого замедленія было отсутствіе попутнаго вѣтра. Это промедленіе вполнѣ вознаграждалось тѣмъ, что кромѣ первыхъ двухъ дней и еще 7-го и 8-го, довольно бурныхъ, не было качки съ ея обыкновенными непріятными послѣдствіями въ видѣ морской болѣзни. Хотя я самъ не подверженъ морской болѣзни, но сидѣть цѣлый день въ каютѣ, не смѣть выдти на палубу, гдѣ съ непривычки трудно ходить не держась за что-нибудь и рискуешь быть облитымъ съ ногъ до головы плеснувшей черезъ бортъ волною,— страшная скука. Во второй каютѣ было мало больныхъ, но все-таки всѣ чувствовали какое-то томленіе, лежали въ своихъ койкахъ и неохотно вступали въ разговоры. Въ междупалубномъ пространствѣ, куда я заходилъ въ бурное время къ больному Якобсу, царствовалъ страшный безпорядокъ. Неряшливость ирландцевъ проявилась въ полной силѣ и надо было отворачиваться и дѣлать надъ собою усилія, проходя мимо нихъ, чтобы самому не сдѣлалось дурно. Капитанъ «Каледоніи», нестарый еще человѣкъ, очень заботился о своихъ пассажирахъ: во время качки часто сходилъ къ нимъ, вмѣстѣ съ докторомъ, и старался ободрить больныхъ. Въ хорошую погоду онъ устраивалъ на палубѣ игры и подбивалъ на танцы, но такъ какъ за этимъ, все-таки, оставалось много времени, то, чтобы пассажировъ не одолѣла скука, ихъ снабжали книгами, преимущественно духовнаго содержанія, издаваемыми на различныхъ языкахъ Нью-Іоркскимъ библейскимъ обществомъ. На 11-й день пути умеръ одинъ пассажиръ первой каюты, отъ воспаленія мозга, проболѣвъ нѣсколько часовъ. На борту не было методистскаго священника, почему отходную прочиталъ надъ нимъ капитанъ. Покойника завернули въ старый флагъ, прикрѣпивъ къ нему кусокъ каменнаго угля и при напутственной молитвѣ капитана спустили въ море, гдѣ онъ быстро пошелъ ко дну. Похороны произвели на всѣхъ какое-то тоскливое впечатлѣніе, и какъ ни старались капитанъ и офицеры развлечь пассажировъ, все какъ-то не клеилось и только подъ вечеръ, когда вдали за поднявшимся туманомъ увидѣли узкую полоску земли, берега Нью-Фаундленда, печальныя лица пассажировъ повеселѣли. На тринадцатый день, къ нашему пароходу подъѣхала лодка лоцмана и «Каледонія» убавивъ ходу, между множествомъ различныхъ судовъ, снованшихъ взадъ и впередъ, вошла въ устье Гудсонъ-Ривера. Берега, казавшіеся сначала сѣрыми полосками на горизонтѣ, такъ что ихъ можно было принять за облако, стали мало-по-малу приближаться и представили собою довольно красивую мѣстность, покрытую затѣйливыми

загородными домиками и густыми садами. Часовъ въ 11 вечера бросили якорь у Губернаторскаго острова. Кажется, всю ночь никто изъ эмигрантовъ не сходилъ въ каюту. Всѣ были на верхней палубѣ и старались вглядѣться, хоть издали, на землю, куда такъ давно стремились и гдѣ, думается, осуществятся самыя завѣтныя мечты. Немногое можно было разсмотрѣть въ безлунную ночь. Чернымъ лѣсомъ стояли мачты на судахъ, причаленныхъ въ огромномъ числѣ къ берегамъ. За этимъ лѣсомъ, на огромномъ пространствѣ, виднѣлись вечерніе городскіе огни, отъ которыхъ какъ заревомъ освѣщалась часть неба. Въ гавани мелькали то тамъ, то здѣсь зеленые и красные сигнальные фонари пароходовъ, совершающихъ и днемъ и ночью свои рейсы отъ одного берега къ другому. Затѣмъ не было видно ничего и воображеніе могло рисовать каждому изъ насъ какую угодно картину. На другой день рано утромъ насъ попросили собрать и уложить вещи такъ, чтобы не дѣлать задержки таможеннымъ чиновникамъ при осмотрѣ. Часовъ въ 6 утра подошелъ пароходикъ, съ котораго сошло нѣсколько джентльменовъ въ соломенныхъ шляпахъ, надѣтыхъ на затылокъ и коротенькихъ пиджакахъ; это были два доктора и таможенные чиновники. Пассажировъ 2-го и 3-го классовъ согнали на переднюю часть палубы и заставили проходить поодиночкѣ мимо докторовъ, смотрѣвшихъ пристально на проходящихъ и задававшихъ нѣкоторымъ вопросы о причинѣ блѣдности и состоянія здоровья. Послѣ осмотра докторовъ, нашедшихъ всѣхъ здоровыми, спустились на вторую палубу. Здѣсь таможенные чиновники открывали и осматривали сундуки и мѣшки, тщательно перерывали нѣкоторые, пробуя даже, нѣтъ ли гдѣ двойного дна, ставили крестъ, что означало, что багажъ осмотрѣнъ. Послѣ осмотра, окончившагося благополучно, пароходикъ отчалилъ, увозя съ собою докторовъ, чиновниковъ и пассажировъ перваго класса съ ихъ багажемъ, а «Каледонія», поднявъ якорь, подтянулась далѣе вверхъ по Гудсонъ-Риверу и остановилась противъ Кестель-Гардена, зданія, куда высаживаютъ пассажировъ. Крытая барка, прицѣпленная бокомъ къ маленькому пароходу, приняла насъ съ нашимъ багажемъ и привезла къ пристани Кестель-Гардена, при прощальныхъ крикахъ экипажа съ «Каледоніи» и переселенцевъ на баркѣ. На пристани Кестель-Гардена, у входа въ большое зданіе, стоящее особнякомъ и обнесенное высокимъ деревяннымъ заборомъ, на плетеныхъ скамейкахъ, сидѣло нѣсколько джентльменовъ, по костюму похожихъ на бывшихъ на нашемъ пароходѣ таможенныхъ чиновниковъ. Они сидѣли съ сигарами въ зубахъ, въ весьма, повидимому, неудобныхъ позахъ,

закинувъ ноги за ручки и спинки скамеекъ. Когда наша барка причалила, эти джентльмены встали, пособили намъ вытащить на пристань наши вещи и провели въ зданіе, гдѣ, раздѣливъ по національностямъ, заставили насъ проходить между двумя перилами къ конторкѣ, гдѣ джентльменъ въ цилиндрѣ, чиновникъ эмиграціонной коммиссіи, вписывалъ имя, возрастъ, мѣсто рожденія и опрашивалъ, желаетъ ли переселенецъ оставаться въ Нью-Іоркѣ или ѣхать далѣе на западъ, есть ли у переселенца знакомые въ Америкѣ или нѣтъ. Опросивъ каждаго, впускалъ въ отгороженное пространство, гдѣ было очень много народа разнаго пола и возраста. Это были, какъ мнѣ сказали, эмигранты, пріѣхавшіе ранѣе насъ и оставшіеся въ Кестель-Гарденѣ, въ ожиданіи, что эмиграціонная коммиссія препроводитъ ихъ далѣе, къ мѣсту ихъ назначенія. Всякій эмигрантъ, высадившійся въ Нью-Іоркѣ, можетъ оставаться нѣсколько времени въ Кестель-Гарденѣ, пока не пріищетъ себѣ мѣста, или не захочетъ отправиться далѣе, подъ покровительствомъ эмиграціонной коммиссіи. Для переѣзда эмигрантовъ въ разныя части Союза устраиваются особые поѣзды на желѣзныхъ дорогахъ, съ уменьшенною платою. Не желающіе останавливаться въ Кестель-Гарденѣ могутъ отправляться куда имъ угодно, причемъ агентъ эмиграціонной коммиссіи предостерегаетъ ихъ, совѣтуя не слишкомъ полагаться на разныя обѣщанія и покрѣпче держать свои деньги, стараясь имѣть на первыхъ порахъ дѣло съ содержателями гостинницъ, или такъ называемыхъ бордингъ-гаузовъ, имѣющими право входа въ Кестель-Гарденъ. Не зная, какъ мнѣ быть первое время въ Америкѣ, я рѣшилъ поступить такъ: высадившись въ Нью-Іоркѣ, постараться отыскать кого-нибудь изъ русскихъ, освоившагося въ Америкѣ, разсчитывая, что русскій не откажетъ земляку въ совѣтѣ, какъ устроиться на новомъ мѣстѣ. Еще на пароходѣ г. Андерсенъ посовѣтовалъ мнѣ не оставаться въ Кестель-Гарденѣ, а остановиться въ гостинницѣ «Золотой Левъ», гдѣ, по его словамъ, останавливаться дешевле всего и гдѣ хозяинъ гостинницы охотно поможетъ мнѣ въ моихъ поискахъ. Самъ Андерсенъ пристаетъ въ той же гостинницѣ. Чтобы отыскать гостинницу «Золотой Левъ», лежащую недалеко отъ Кестель-Гардена, Андерсенъ далъ мнѣ красиво отлитографированную карточку съ адресомъ гостинницы. Такія же карточки онъ далъ Якобсу и нѣкоторымъ изъ пассажировъ, не бывавшимъ еще въ Нью-Іоркѣ. Оставшись среди толпы незнакомаго народа одинъ, въ обширномъ зданіи со множествомъ выходовъ, въ томъ странномъ состояніи, въ которое впадаетъ человѣкъ, попавшій послѣ долгой жизни въ деревнѣ въ шумный

городъ или высадившійся на берегъ послѣ продолжительнаго морского путешествія, я нѣсколько растерялся и не зналъ, куда направиться, чтобы выйдти изъ Кестель-Гардена на улицу и отыскать рекомендованную гостинницу. На мое счастье я увидѣлъ на другомъ концѣ г. Андерсена, хлопотавшаго о размѣщеніи эмигрантовъ съ нашего парохода, желавшихъ остаться въ Кестель-Гарденѣ, и подошелъ къ нему. Г. Андерсенъ провелъ меня въ другое отдѣленіе Кестель-Гардена, подвелъ къ какому-то джентльмену, котораго назвалъ хозяиномъ «Золотого Льва», сдалъ меня ему и, пообѣщавъ придти въ гостинницу часа черезъ два, отправился опять хлопотать по своей обязанности. Изъ всѣхъ, получившихъ отъ Андерсена карточки, оказался я одинъ, желающій остановиться въ рекомендованной имъ гостинницѣ. Остальные эмигранты, въ томъ числѣ и Якобсъ, желавшіе только отдохнуть дня два въ Нью-Іоркѣ, сдавъ свой багажъ въ пакгаузъ Кестель-Гардена, отправились въ городъ. Хозяинъ гостинницы повелъ меня къ себѣ по каменнымъ дорожкамъ садика, отдѣляющаго Кестель-Гарденъ отъ Battery Place, сплошь покрытаго массою пѣшеходовъ и вереницами огромныхъ паро-конныхъ рессорныхъ фуръ, называемыхъ «экспрессо». Гостинница «Золотой Левъ» помѣщалась на этой площади. За полтора доллара въ сутки хозяинъ отвелъ мнѣ чистенькую комнату, за ту же плату я могъ пользоваться завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ, для чего долженъ былъ ходить въ общую столовую въ опредѣленные часы дня.

Отдохнувъ нѣсколько и взявъ ванну въ особомъ помѣщеніи, составляющемъ, какъ мнѣ сказали, принадлежность всякой гостинницы въ Америкѣ, я, не желая тратить по пустому времени, сошелъ внизъ къ хозяину и спросилъ у него, не знаетъ ли онъ кого-нибудь изъ русскихъ въ Нью-Іоркѣ. На мой вопросъ онъ отвѣтилъ, что хотя въ Нью-Іоркѣ живетъ большое число русскихъ и мистеру Скау, такъ звали хозяина, случалось довольно часто встрѣчаться съ ними, но онъ не можетъ указать мѣста жительства ни одного изъ нихъ, а лучше всего совѣтуетъ обратиться въ русское генеральное консульство, куда тотчасъ же и проводилъ меня. Въ консульствѣ я засталъ одного чиновника, кажется секретаря генеральнаго консула, не говорящаго ни слова по-русски. На мой вопросъ о русскихъ, онъ сказалъ мнѣ, что кромѣ служащихъ при миссіи, въ консульствѣ неизвѣстны русскіе, проживающіе въ Нью-Іоркѣ, что̀ вѣроятно мнѣ скажетъ и консулъ, котораго я могу застать завтра отъ 12-ти до трехъ часовъ. Хотя мнѣ этого не было высказано, но изъ всѣхъ отвѣтовъ видно было ясно, что отъ меня, не знаю почему, желаютъ отдѣлаться,

и находять очень страннымъ, что человѣкъ ищетъ русскихъ черезъ русское консульство. Такой пріемъ озадачилъ меня и я рѣшился придти другой разъ въ консульство только въ случаѣ крайней на то необходимости. Денегъ, хотя не очень много, у меня еще имѣлось, такъ что мое существованіе мѣсяца на три было обезпечено. Въ три мѣсяца, вѣроятно, я ознакомлюсь нѣсколько съ мѣстностью и наткнусь на какое-нибудь дѣло.

По возвращеніи въ гостинницу, я засталъ тамъ г. Андерсена, который предложилъ мнѣ пройтись съ нимъ и посмотрѣть на самый замѣчательный торговый городъ Сѣверной Америки. Мы прошлись по Бродвею, сплошь застроенному великолѣпными домами съ вывѣсками всевозможныхъ видовъ и огромными зеркальными стеклами въ конторахъ и магазинахъ; посмотрѣли на знаменитый желѣзный домъ Стюарта и на вновь строющееся зданіе почтамта; проѣхались по конно-желѣзной дорогѣ до центральнаго парка, единственнаго парка въ мірѣ по величинѣ и разнообразію, куда жители Нью-Іорка собираются подышать свѣжимъ воздухомъ. Когда стемнѣло, городъ освѣтился газомъ и мы отправились домой по залитымъ свѣтомъ улицамъ, казавшимся при яркомъ освѣщеніи еще красивѣе чѣмъ днемъ. Не могу съ точностью опредѣлить, вслѣдствіе ли быстраго перехода отъ однообразія, окружавшаго меня въ теченіи двухъ недѣль океана, въ шумъ и разнообразіе многолюднаго города, или оттого, что оно дѣйствительно такъ есть, но мнѣ казалось, что все въ Нью-Іоркѣ носитъ на себѣ отпечатокъ какой-то особенной, незамѣченной мною по ту сторону океана, кипучей, дѣятельной жизни. Люди здѣсь, согласно съ тѣмъ понятіемъ, какое я составилъ себѣ еще ранѣе объ Америкѣ, работаютъ постоянно и толково для увеличенія своихъ матеріальныхъ средствъ и не жалѣютъ этихъ средствъ для того, чтобы окружить себя возможнымъ комфортомъ и доставить себѣ всѣ возможныя удобства до послѣднихъ мелочей. Это стремленіе къ удобству проглядываетъ во всемъ, что ни попадается на глаза, даже при бѣгломъ осмотрѣ города. Постройки по наружному даже виду вполнѣ приспособлены къ своему назначенію. Такъ, дома на Бродвеѣ, Баури и другихъ торговыхъ улицахъ отличаются огромными размѣрами, снабжены огромными окнами съ зеркальными стеклами, такъ что можно съ улицы видѣть массу товаровъ, разложенныхъ внутри магазина въ разсчитанномъ порядкѣ, чтобы плѣнить глазъ покупателей. Въ неторговыхъ улицахъ, гдѣ живутъ семейства дѣловыхъ людей, дома носятъ совсѣмъ другой характеръ. Узкіе, трехъ-этажные, безъ вычурной наружной отдѣлки, безъ всякихъ помѣщеній для торговли, они

видимо устроены такъ, чтобы человѣкъ послѣ работы могъ отдохнуть въ кругу своего семейства, вдали отъ кипучей дѣятельности. На улицахъ бросаются въ глаза отличныя мостовыя, частью изъ небольшихъ каменныхъ плитъ, частью деревянныя, торцовыя, а въ улицахъ, гдѣ живутъ нью-іорскскіе богачи, дорогой, но за то гладкій и красивый макъ-адамъ. Улицы прямыя и широкія, всѣ освѣщены газомъ и снабжены водопроводами. Уже другихъ лучшая улица Бродвей и прилегающія къ ней въ такъ-называемомъ «старомъ городѣ». По всѣмъ большимъ улицамъ кромѣ Бродвея проложены рельсы конно-желѣзной дороги, на нѣкоторыхъ даже по нѣсколько рядовъ. Нечего говорить, какое удобство представляютъ эти конно-желѣзныя дороги, въ особенности устроенныя такъ, какъ въ Нью-Іоркѣ. Всѣ пути конно-желѣзныхъ дорогъ, принадлежащихъ разнымъ частнымъ обществамъ, начинаются на небольшой площади у Сити-Галль или ратуши, откуда они идутъ во всѣ концы города по главнымъ улицамъ, кончаясь преимущественно у перевозовъ, служащихъ для сообщенія съ Брукливомъ, Вильямсбургомъ, Гобокеномъ и другими отдѣльными городами, составляющими какъ-бы части Нью-Іорка и лежащими частью на материкѣ, частью на островѣ Лонгъ-Эйландѣ. Самый Нью-Іоркъ, какъ извѣстно, занимаетъ собою островъ того же имени, лежащій при устьѣ Гудсонъ-Ривера, раздѣляющагося на два рукава, носящихъ названія North и South River. Кареты конно-желѣзной дороги отходятъ отъ конечныхъ пунктовъ каждыя пять минутъ, причемъ не дожидаются, чтобы въ нихъ вошло опредѣленное число пассажировъ. По дорогѣ всякій, желающій сѣсть въ карету, даетъ знать рукою кучеру и тотъ придерживаетъ лошадей и ѣдетъ мимо желающаго сѣсть въ карету нѣсколько тише, если это—молодой человѣкъ, и останавливается вовсе, если—леди или старикъ. При выходѣ изъ кареты поступаютъ также. При входѣ кондуктору платятъ пять центовъ, за которые везутъ разстояніе, чуть ли не въ двадцать верстъ. Пассажировъ въ карету пускаютъ безъ счета. Кто вошелъ ранѣе, садится на скамейку, вошедшіе, когда всѣ мѣста заняты, стоятъ на платформѣ или внутри кареты, держась за нарочно для этого сдѣланные ремни въ крышкѣ кареты. Если въ карету входитъ леди и мѣста всѣ заняты, то ближайшій къ ней мужчина обязанъ уступить ей свое мѣсто на скамейкѣ, а самъ долженъ простоять остальную часть пути, если не освободится мѣсто. Несмотря на множество и помѣстительность каретъ, онѣ всегда набиты биткомъ и едва успѣваютъ перевозить всѣхъ желающихъ. Да и вообще на улицахъ,

съ ранняго утра до вечера, такое движеніе, что не видавши самому трудно повѣрить. Улицы, въ особенности прилегающія къ набережнымъ, сплошь покрыты экспрессо и разныхъ видовъ экипажами. Но экипажей сравнительно мало и они совершенно теряются въ массѣ экспрессо, служащихъ для перевозки клади. По широкимъ тротуарамъ постоянно снуетъ густая толпа пѣшеходовъ, какъ будто спѣшащихъ куда-нибудь. Вглядываясь въ эту толпу, не замѣчаешь той пестроты, того разнообразія костюмовъ, къ которому привыкаетъ глазъ на большихъ улицахъ европейскихъ городовъ. Пѣшеходы по большей части мужчины, видимо идущіе по дѣлу, а не праздные фланеры. Въ костюмахъ не видно ни особой роскоши, ни нищенскихъ лохмотьевъ. Видно, всѣ эти люди пользуются достаточнымъ благосостояніемъ. Несмотря на толпу, на улицахъ царствуетъ полнѣйшій порядокъ. Нѣтъ ни толкотни, ни давки, такъ что полисменамъ, стоящимъ на углахъ улицъ, остается кажется одно занятіе, переводить боязливыхъ леди черезъ улицы. Это впрочемъ составляетъ, какъ мнѣ говорили, одну изъ ихъ прямыхъ обязанностей. Рѣзкую противоположность съ улицами, гдѣ сосредоточена торговая дѣятельность Нью-Іорка, составляютъ 5-ое Avenue и прилегающія къ нему. Здѣсь живутъ семейства богатыхъ жителей города. Улицы почти пусты, не видать тяжело нагруженныхъ экспрессо. Изрѣдка пронесется щегольская коляска или легкое бегге. Въ центральномъ паркѣ, куда подъ-вечеръ, когда спадетъ жара, собирается чуть-ли не вся денежная аристократія города, глаза разбѣгаются на массу великолѣпныхъ женскихъ костюмовъ и цѣнныхъ щегольскихъ экипажей. Здѣшніе экипажи отличаются своимъ легкимъ видомъ, тонкостью колесъ и другихъ частей, что не мѣшаетъ имъ превосходить прочностью европейскіе. Между множествомъ каретъ, колясокъ и проч. встрѣчаются безпрестанно чисто американскіе бегге и сельки. Бегге имѣютъ видъ невысокаго четырехъ-угольнаго ящика съ привинченнымъ сверху сидѣньемъ и разборчатымъ верхомъ. Бегге помѣщается на лежачихъ рессорахъ и снабжено четырьмя высокими колесами до такой степени тонкими, что при быстрой ѣздѣ ихъ почти не видать и кажется, что бегге идетъ по воздуху. Бегге запрягаются одиночкою или парою. Сельки состоитъ изъ двухъ высокихъ колесъ, на оси которыхъ помѣщается рессорное сидѣнье, для одного человѣка. Сельки употребляются для рысистыхъ бѣговъ, до которыхъ американцы большіе охотники. Лошади на подборъ первоклассныя, полукровныя англійскія. Ихъ приводятъ преимущественно изъ штата Кентукки, гдѣ коневодство ведется въ обширныхъ размѣ-

рахъ. Попалась мнѣ на встрѣчу пара сѣрыхъ рысаковъ, по складу напомнившихъ мнѣ орловскихъ. Ужъ не наши ли земляки попали за океанъ?

Мы вернулись домой часовъ въ девять вечера, какъ разъ къ ужину, за которымъ собрались въ общей столовой всѣ жильцы «Золотого Льва», преимущественно шведы и норвежцы, только-что прибывшіе изъ Европы и ходившіе тоже смотрѣть городъ, отъ котораго они были положительно въ восторгѣ. Послѣ ужина я отправился въ свою комнату, гдѣ чистая постель, стоящая на твердомъ полу, доставила мнѣ возможность выспаться такъ, какъ я кажется никогда не спалъ. Какъ крѣпко я заснулъ, пойметъ только тотъ, кому приходилось проспать нѣсколько ночей подъ рядъ въ пароходной койкѣ, гдѣ всю ночь качаетъ съ боку на бокъ, иногда чуть не выкидываетъ вонъ и надъ головой слышится грохотъ и визгъ машины, служащей для подниманія и спуска парусовъ. На другой день, часовъ въ десять, меня разбудилъ стукъ въ дверь. Отворяю—и вижу Якобса. По его лицу видно было, что съ нимъ случилось что-то непріятное, чтó подтвердилось его разсказомъ. Выйдя съ другими эмигрантами изъ Кестель-Гардена съ намѣреніемъ отправиться въ гостинницу «Золотого Льва», онъ попросилъ перваго встрѣчнаго указать ему дорогу. На бѣду имъ попался агентъ одного изъ мошенническихъ притоновъ, прикинувшійся тоже недавно прибывшимъ изъ Европы. Онъ доказалъ Якобсу и его спутникамъ, что идти въ гостинницу «Золотого Льва» не стóитъ, такъ какъ тамъ за все берутъ слишкомъ дорого, и уговорилъ ихъ идти съ нимъ въ гостинницу въ Гренвичъ-стритъ, гдѣ при бóльшихъ удобствахъ жизнь обходится гораздо дешевле и гдѣ хозяинъ нѣмецъ, а не датчанинъ, какъ въ «Золотомъ Львѣ». Въ довольно грязненькой гостинницѣ, куда ихъ привели, Якобсъ сговорился такимъ образомъ: за двѣ взятыхъ имъ комнаты для себя и для женщинъ, два доллара въ сутки, а за столъ по пятидесяти центовъ въ день съ человѣка, такъ что выходило всего расхода для Якобса и трехъ его спутницъ четыре доллара въ день. Якобсъ хотѣлъ пробыть въ Нью-Іоркѣ дня три, чтобы дать отдохнуть женщинамъ, отыскать какого-то родственника и затѣмъ ѣхать далѣе, въ Чикаго. Остальные, пришедшіе съ нимъ эмигранты должны были на другой день, въ девять часовъ утра, быть въ Кестель-Гарденѣ, откуда отправлялись далѣе въ различные западные штаты. Въ гостинницѣ нашлись земляки, очень обрадовавшіеся новымъ пріѣзжимъ. Устроилась попойка, кончившаяся карточной игрою. Сначала вновь прибывшимъ повѣзло; но потомъ они стали проигрывать подъ рядъ. Якобсъ проигралъ

около пятидесяти долларовъ. Очевидно, ихъ обыгрывали, даже одного изъ игроковъ поймали въ плутнѣ, вслѣдствіе чего поднялся шумъ. Тогда хозяинъ гостинницы, не присутствовавшій при игрѣ, вошелъ въ комнату, объявилъ, что такъ какъ азартныя игры запрещены закономъ, то онъ не потерпитъ, чтобы въ его домѣ производилась игра, выгналъ игроковъ вонъ, а обыгранныхъ эмигрантовъ заставилъ, несмотря на ихъ протестъ, разойтись по комнатамъ. Поутру при разсчетѣ эмигранты только ахнули, увидѣвъ представленный счетъ; но дѣлать было нечего, время приближалось къ девяти, когда имъ нужно было отправляться, и они скрѣпя сердце заплатили деньги. Съ Якобса тоже потребовали платы за прожитыя сутки. Оказалось, что ему надо заплатить за помѣщеніе не два доллара за всѣхъ, а по два доллара съ человѣка, т.-е. 8 долларовъ. За столъ пришлось заплатить за завтракъ, обѣдъ и ужинъ отдѣльно по 50 центовъ, т.-е. $1^1/_2$ доллара съ человѣка или всего 6 долларовъ. Кромѣ того за выпитое пиво и вино, такъ какъ новые знакомые ушли не заплативъ, ему пришлось заплатить еще 10 долларовъ. Понятно, что такая исторія взбѣсила Якобса и онъ, не зная, что дѣлать, пришелъ ко мнѣ за совѣтомъ, какъ быть дальше. Одѣвшись, я сошелъ внизъ къ мистеру Скау и передалъ ему случившееся съ моими товарищами по путешествію. Онъ объяснилъ, что Якобсъ съ товарищами сами виноваты во всемъ, отправляясь, несмотря на предупрежденіе агентовъ эмиграціи, въ одинъ изъ притоновъ, нарочно устроенныхъ съ цѣлью пользоваться глупостью «зеленыхъ» (здѣсь такъ зовутъ вновь пріѣхавшихъ эмигрантовъ), воображающихъ себя умнѣе всѣхъ на свѣтѣ и попадающихся на первую ловушку; что заплаченныхъ денегъ уже не вернуть, а пусть Якобсъ похлопочетъ перевезти свои вещи въ гостинницу «Золотаго Льва», гдѣ онъ можетъ помѣститься со своими спутницами за четыре доллара въ сутки, въ двухъ комнатахъ со столомъ, такъ какъ это обыкновенная цѣна. Якобсъ отправился въ свою гостинницу, но вернулся черезъ полчаса безъ вещей, такъ какъ его хозяинъ объявилъ, что не выдастъ вещей, пока не получитъ по восьми долларовъ еще за двое сутокъ, которые Якобсъ намѣревался пробыть въ Нью-Іоркѣ. Хорошо, что тутъ явился г. Андерсенъ: узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ сходилъ за какимъ-то чиновникомъ въ Кестель-Гарденъ и мы въ четверомъ отправились въ Гринвичъ-стритъ выручать вещи и спутницъ Якобса. Послѣ горячаго и довольно громкаго спора между эмиграціоннымъ агентомъ и хозяиномъ гостинницы, въ концѣ котораго первый хотѣлъ уже прибѣгнуть къ помощи полиціи, вещи были вынесены изъ гостинницы и мы съ тремя женщи-

нами отправились обратно на Батери-плэсъ, напутствуемые громкими ругательствами хозяина, которыми онъ не скупясь осыпалъ насъ на всевозможныхъ языкахъ, стоя въ дверяхъ своего вертепа. Въ довершеніе всѣхъ прелестей остановки у земляка, прусскаго нѣмца, оказалось, что женщинамъ всю ночь не давали спать клопы и другія насѣкомыя, не виданныя ими въ Европѣ, такъ что они были очень рады помѣстившись въ чистенькихъ комнатахъ «Золотого Льва». Идя по Гринвичь-стритъ, я замѣтилъ вещи, которыхъ не видалъ, ходя наканунѣ по Нью-Іорку. Привлеченныя шумомъ, выползли разныя весьма подозрительныя личности. По ихъ ободранному платью, худымъ болѣзненнымъ лицамъ можно было ясно видѣть, что не всѣмъ хорошо въ Америкѣ, что и здѣсь гнѣздится нищета со своими спутниками, развратомъ и всевозможными пороками, можетъ быть преступленіями. Видъ этихъ личностей, случай съ Якобсомъ и разные разсказы о мошенничествахъ и грабежахъ, которые мнѣ пришлось слышать въ мое суточное пребываніе въ Нью-Іоркѣ и отъ г. Андерсена и мистера Скау и отъ многихъ жильцовъ «Золотого Льва», наконецъ мѣры, принимаемыя самимъ правительствомъ для огражденія эмигрантовъ отъ разныхъ надувательствъ, заставили меня призадуматься надъ своимъ положеніемъ, и когда Якобсъ повторилъ мнѣ сдѣланное еще на «Каледоніи» предложеніе ѣхать въ Чикаго, и тамъ вмѣстѣ, подъ руководствомъ хорошо извѣстныхъ ему людей, пріучаться къ новому образу жизни, я съ радостью согласился и мы порѣшили на другой же день уѣхать изъ Нью-Іорка, и объявили объ этомъ мистеру Скау. Г. Андерсенъ взялся достать билеты на эмигрантскій поѣздъ, и дѣйствительно на другой день принесъ намъ пять билетовъ и велѣлъ быть въ вокзалѣ западной дороги, никакъ не позже двухъ часовъ пополудни.

Билетъ отъ Нью-Іорка до Чикаго въ пассажирскомъ поѣздѣ стóитъ 22 доллара; для эмигрантовъ дѣлается уступка и билетъ стóитъ 14 долл. Хотя съ эмигрантскимъ поѣздомъ придется пробыть въ дорогѣ лишнія сутки, но за то при поѣздѣ всегда имѣется агентъ эмиграціонной коммиссіи, подъ покровительствомъ котораго не встрѣтятся тѣ затрудненія, тѣ ловушки, въ которыя, какъ мнѣ говорили, попадаетъ всякій новичекъ при ѣздѣ по американскимъ дорогамъ. Запасшись съѣстными припасами на четыре дня, по совѣту Андерсена, мы простились съ нимъ, разсчитались съ мистеромъ Скау, причемъ не вышло никакихъ недоразумѣній, взобрались на экспрессо и ровно въ два часа пріѣхали въ обширный вокзалъ. Экспресманъ, привезшій насъ, положительно отказался отъ всякаго вознагражденія, такъ какъ онъ

служить при гостинницѣ «Золотого Льва» собственно для отправки постояльцевъ и ихъ багажа. Считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о лицахъ, съ которыми вслѣдствіе общности временныхъ интересовъ и новости положенія въ чуждой обстановкѣ, мы стали считаться какъ-бы своими. Съ Лита, гдѣ мы впервые почувствовали свое одиночество, оставшись одни на набережной, Якобсъ и я, мы сошлись какъ-то ближе, чѣмъ съ другими спутниками и стали питать почему-то большое довѣріе другъ къ другу. Якобсъ—отставной егерь прусской службы, чѣмъ очень гордится, сынъ фермера. Онъ наслѣдовалъ отъ отца хорошую ферму въ восточной Пруссіи, гдѣ по окончаніи срока службы занимался хозяйствомъ; но мелочное нѣмецкое хозяйство пришлось ему не по душѣ и онъ уже давно задумывалъ сбыть ферму и пріискать себѣ другое занятіе. Въ прошломъ году пріѣзжалъ на родину старый школьный товарищъ Якобса, ушедшій изъ Европы нищимъ и составившій въ нѣсколько лѣтъ значительное состояніе. Этотъ товарищъ уговаривалъ его бросить все и ѣхать въ Америку. Уѣхавъ назадъ въ Чикаго, гдѣ отлично устроился, онъ письменно не переставалъ звать Якобса, обѣщая помочь ему всѣми силами на первыхъ порахъ. Якобсъ распродалъ свое имущество, выручилъ 6,000 талеровъ и съ этими деньгами отправился искать счастья въ Новый Свѣтъ, взявъ съ собою немолодую женщину Анну, занимавшуюся у него женскимъ хозяйствомъ нѣсколько лѣтъ, такъ какъ онъ не женатъ. У Анны Балингъ была еще причина, побуждавшая ее переселиться въ Америку. Она вдова, и единственный сынъ ея Густавъ, молодой человѣкъ лѣтъ 22-хъ, ремесломъ столяръ, бѣжалъ въ прошломъ году отъ солдатчины въ Америку, гдѣ въ Чикаго, при помощи Бумана, товарища Якобса, скоро нашелъ выгодную работу и желалъ тамъ остаться навсегда. Другія двѣ молодыя дѣвушки были постороннія для Якобса, ѣхали только подъ его покровительствомъ, на свой собственный счетъ. Одна изъ нихъ, Фридерика, ѣхала по вызову бездѣтнаго дяди, куда-то за Чикаго; другая, Кристина, съ груднымъ ребенкомъ, ѣхала къ своему жениху, по имени Гекену. Гекенъ хотѣлъ жениться на Кристинѣ, но попалъ въ солдаты, гдѣ ударилъ офицера:—долженъ былъ дезертировать и спасаться въ Америку, оставивъ Кристину беременною. Когда Кристина родила, родственники, у которыхъ она жила, выгнали ее изъ дома и плохо бы пришлось бѣдняжкѣ, если бы Якобсъ не пріютилъ ее у себя. Гекенъ сколотилъ нѣсколько денегъ въ Америкѣ и выслалъ нужную на проѣздъ сумму, прося Якобса,

съ которымъ былъ друженъ на родинѣ, привезти Кристину съ собою въ Чикаго.

Пріѣхавъ въ два часа въ вокзалъ, мы съ Якобсомъ отправились разыскивать агента. Съ полчаса ходили по большимъ заламъ, по дебаркадеру, у котораго безпрестанно останавливались и отходили поѣзды. Служащихъ при дорогѣ не видать. Публика безъ звонковъ, безъ помощи кондукторовъ входитъ въ вагоны и выходитъ изъ нихъ. Пробовали спрашивать, насъ выслушивали, но не понимали. Агента нигдѣ не оказывалось. Это начало приводить насъ въ недоумѣніе, женщины начали втихомолку плакать. Наконецъ, у входа въ одну залу мы увидали толпу мужчинъ и женщинъ. По платью, по разнокалибернымъ шляпамъ и пестрымъ узламъ не трудно было догадаться, что это эмигранты, нѣмцы. Подойдя къ нимъ, мы узнали, что они, боясь опоздать, пріѣхали въ вокзалъ чуть-ли не съ 12-ти часовъ, нашли другъ друга, собрались въ одно мѣсто и ждутъ агента, долженствующаго отвезти ихъ, какъ и насъ, въ Чикаго. Мы тоже присоединились къ этой толпѣ и стали ожидать. Мало-по-малу стали еще прибывать запыхавшіеся, боявшіеся что опоздали, переселенцы, такъ что насъ составилась большая толпа. Между тѣмъ, время шло. На большихъ часахъ надъ дверью, у которой мы помѣстились, пробило три, потомъ четыре часа, а агента все нѣтъ какъ нѣтъ. Между переселенцами послышался ропотъ, предположеніе, что не надули ли насъ всѣхъ, такъ какъ въ этой проклятой странѣ чтó ни шагъ, то надувательство. Надо замѣтить, что считая лишнимъ слушаться предостереженій эмиграціонныхъ агентовъ, почти всѣ изъ собравшихся здѣсь поплатились за свою самонадѣянность и разсказывали тутъ же, на какія глупыя штуки ихъ поддѣвали. Эта неудача на первомъ шагу обдала самонадѣянныхъ нѣмцевъ какъ варомъ и поселила въ нихъ какую-то боязнь и недовѣріе даже къ эмиграціонной коммиссіи, предупреждавшей ихъ быть осторожнѣе. Наконецъ, когда часовая стрѣлка подходила уже къ пяти, къ намъ подбѣжалъ какой-то джентльменъ въ пиджакѣ, въ соломенной шляпѣ на затылкѣ, и сказавъ, что онъ давно-ожидаемый агентъ и кондукторъ на поѣздѣ, съ которымъ мы поѣдемъ, осмотрѣлъ наши билеты, пересчиталъ и велѣвъ не расходиться, опять убѣжалъ куда-то.

У всѣхъ отлегло отъ сердца: отыскался такъ давно-ожидаемый агентъ, значитъ, надо полагать, насъ не надули и, наконецъ, повезутъ куда слѣдуетъ. Черезъ полчаса опять прибѣжалъ къ намъ агентъ и велѣвъ взять мѣшки и идти за нимъ садиться въ

вагоны, побѣжалъ на дебаркадеръ, оттуда на полотно дороги и очень проворно пролѣзая между вагонами черезъ скрѣпленія стоящихъ на пути поѣздовъ, подошелъ къ ряду вагоновъ, съ надписью: «эмигрантскіе». Мы гнались за нимъ какъ стадо барановъ, боясь упустить его изъ вида, толкая другъ друга, теряя мѣшки, пособляя женщинамъ и дѣтямъ, которыхъ тоже было большое число, перелѣзать черезъ высокіе буферы. Размѣстивъ насъ по вагонамъ, агентъ опять осмотрѣлъ наши билеты, пересчиталъ и ушелъ, заперши предварительно насъ въ вагонѣ на ключъ. Мы были увѣрены, что тотчасъ поѣдемъ. И дѣйствительно, вагоны двинулись и пошли куда-то; пройдя немного, остановились и пошли назадъ, потомъ опять впередъ; оказалось, что съ нашими вагонами дѣлаютъ маневры, чтобы прицѣпить къ поѣзду, идущему въ Альбани. Протаскавъ насъ взадъ и впередъ нѣсколько разъ, оставили совсѣмъ въ покоѣ и только въ 7 часовъ кончилась томительная неизвѣстность, когда мы поѣдемъ. Послѣ ожиданія съ двухъ часовъ до семи, локомотивъ свиснулъ и понесся по освѣщеннымъ улицамъ, такъ какъ уже стемнѣло, вонъ изъ Нью-Іорка, оказавшагося не совсѣмъ гостепріимнымъ многимъ изъ насъ.

Довольно долго поѣздъ шелъ по освѣщеннымъ улицамъ города, причемъ кареты конной дороги, экспрессо и пѣшеходы толпились у самыхъ рельсовъ, проложенныхъ посрединѣ улицъ безъ всякихъ барьеровъ. Чтобы предупредить публику, переходившую и переѣзжавшую безпрестанно черезъ рельсы, на локомотивѣ звонили въ колоколъ во все время, пока поѣздъ шелъ городомъ. На одной изъ улицъ, къ поѣзду, шедшему здѣсь довольно тихо, подбѣжала толпа уличныхъ мальчишекъ и, узнавъ эмигрантскіе вагоны, проводила насъ крикомъ «зеленые» и разными насмѣшками, свидѣтельствовавшими о незавидномъ мнѣніи, какое себѣ составили дѣти о переселенцахъ. Нѣсколько камней влетѣло въ открытыя окна вагона, но, къ счастію, никого не ушибло. Скоро каменные дома стали смѣняться деревянными, раздѣленными другъ отъ друга большими пустырями; толпа, на все еще освѣщенныхъ улицахъ, стала рѣдѣть, и поѣздъ, пройдя мостъ, вынесъ насъ за городъ. При слабомъ свѣтѣ луны, изъ окна вагона виднѣлась налѣво широкая рѣка, направо — высокія горы, то удалявшіяся отъ дороги, то приближавшіяся къ ней. На горахъ виднѣлись огоньки и силуэты довольно частыхъ загородныхъ построекъ. Соскучась всматриваться въ темноту, гдѣ нельзя было ничего ясно разсмотрѣть, я устроился поудобнѣе, заснулъ и проспалъ, пока Якобсъ не разбудилъ меня. Было уже свѣтло, ва-

гонъ стоялъ на мѣстѣ, въ полѣ, запертый попрежнему. Въ окно я увидѣлъ, что наши пять эмигрантскихъ вагоновъ прицѣплены не къ пассажирскому поѣзду, съ которымъ мы ѣхали изъ Нью-Іорка, а къ товарному, стоявшему теперь на мѣстѣ по неизвѣстной намъ причинѣ. Пассажиры, не спавшіе ночью, говорили, что поѣздъ останавливался уже раза три не у станціи и, простоявъ часа два, шелъ далѣе. Скоро, послѣ оглушительнаго свистка, мимо насъ промчался почтовый поѣздъ, за которымъ двинулись и мы. Я сталъ осматривать мѣстность около дороги. Рѣки и горъ не было больше видно. По обѣ стороны далеко шла слегка холмистая мѣстность, съ довольно частыми, бѣлыми, очень красивыми домиками фермъ. Около фермъ тянулись поля, засѣянныя маисомъ, пшеницею и табакомъ, прерываясь ровными искусственными покосами и подчищенными перелѣсками. Видно, что эта мѣстность густо населена и достигла высокой степени сельско-хозяйственнаго развитія. Часто желѣзная дорога пересѣкала небольшія рѣки и каналы, въ которыхъ вода каменною стѣнкою удерживалась выше уровня смежныхъ полей. По бичевнику, устроенному по рѣкамъ и каналамъ, большія, сытныя лошади тянули по нѣскольку барокъ, прицѣпленныхъ одна за другую. Иногда виднѣлись вдали высокія трубы фабрикъ и каменныя постройки, скученныя въ одномъ мѣстѣ, съ облакомъ дыма надъ ними. Вѣроятно, какой-нибудь городъ. Вообще видъ мѣстности ничѣмъ не напоминалъ, что эта страна всего лѣтъ 150 назадъ впервые увидѣла европейскую цивилизацію; казалось, что ѣдешь не по Америкѣ, а по самой населенной и богатой части Германіи; только во всемъ проглядывалъ какой-то особый характеръ, если можно такъ сказать, отсутствіе мелочности и пачкотни, а стремленіе дѣлать все на широкую ногу.

На слѣдующей станціи наши вагоны отцѣпили и загнали на запасной путь, гдѣ мы опять простояли съ часъ времени въ запертыхъ на ключъ вагонахъ. Потомъ, протаскавъ нѣсколько разъ взадъ и впередъ, прицѣпили опять къ шедшему изъ Нью-Іорка пассажирскому поѣзду, съ которымъ, останавливаясь по нѣскольку минутъ на станціяхъ, мы и пріѣхали въ Альбани, главный городъ штата Нью-Іоркъ. Городомъ опять все время звонили въ колоколъ. Поѣздъ опять шелъ по красиво обстроеннымъ улицамъ, отлично вымощеннымъ деревянною торцовою мостовой и, почти не убавляя хода, остановился въ обширномъ вокзалѣ. Здѣсь наши вагоны отперли въ первый разъ послѣ Нью-Іорка. Джентльменъ, вошедшій къ намъ и осмотрѣвшій наши билеты, объявилъ, что онъ тоже агентъ эмиграціонной коммиссіи, и что мы подъ его

покровительствомъ поѣдемъ до Клевеланда. Теперь онъ пригласилъ насъ выдти изъ вагона и подождать въ особо устроенномъ для эмигрантовъ помѣщеніи съ часъ времени, когда онъ насъ посадитъ на другой поѣздъ по дорогѣ къ Буфало, принадлежащей уже другой компаніи. Новый агентъ былъ очень говорливъ и охотно отвѣчалъ на вопросы, которыми его осыпали со всѣхъ сторонъ. Проводивъ насъ въ эмигрантское помѣщеніе, онъ указалъ намъ буфетъ, гдѣ можно было спросить себѣ поѣсть чего-нибудь. Указалъ комнату для умыванія, причемъ, какъ маленькимъ дѣтямъ, показалъ, какъ удобнѣе справляться съ кранами и складными зеркалами. Вообще онъ обходился съ нами, какъ нянька съ дѣтьми, ввѣренными ея надзору. Наказавъ намъ не производить никакихъ безчинствъ и не расходиться далеко, чтобы не опоздать къ отходу поѣзда, онъ ушелъ. Пока умывались и закусывали, прошелъ назначенный часъ. Прошелъ еще другой часъ, а агентъ все-таки не являлся. Многіе изъ пассажировъ, полагая не безъ основанія, что насъ и здѣсь продержатъ въ напрасномъ ожиданіи часовъ пять, отправились смотрѣть городъ. Не прошло и четверти часа послѣ ихъ ухода, какъ пришелъ агентъ и велѣлъ собираться на поѣздъ. Ему сообщили, что нѣсколькихъ человѣкъ не достаетъ, и что они въ городѣ. Тогда онъ побѣжалъ отыскивать ушедшихъ, что ему удалось сдѣлать очень скоро, при помощи полисменовъ, замѣтившихъ направленіе, по которому пошли «зеленые». Прочитавъ намъ нотацію, что слѣдуетъ во всемъ слушаться агента, безъ чего можемъ нажить Богъ знаетъ какихъ непріятностей, онъ посадилъ насъ въ вагоны, не заперъ на этотъ разъ на ключъ, предупредивъ, чтобы мы не выходили на платформы вагоновъ во время ѣзды, и, послѣ неизбѣжныхъ манёвровъ и ожиданій около двухъ часовъ, мы двинулись въ путь. Трое сутокъ мы ѣхали отъ Альбани до Буфало. Обыкновенные пассажирскіе поѣзды дѣлаютъ этотъ переѣздъ въ десять часовъ. Но насъ везли особеннымъ способомъ, то бросая на какой-нибудь станціи, даже часто между станціями, среди поля, прицѣпляя то къ товарнымъ, то къ пассажирскимъ, догонявшимъ насъ, поѣздамъ. Приходилось по нѣскольку часовъ ходить по вокзаламъ на станціяхъ и по полотну дороги у одиноко стоявшихъ пяти эмигрантскихъ вагоновъ. При этомъ я невольно присматривался къ порядку на желѣзной дорогѣ, значительно отличающейся отъ европейскихъ. Первое, что̀ бросалось въ глаза, это — ничтожное число служащихъ. На сколоченныхъ на живую нитку промежуточныхъ станціяхъ виднѣлось два, три, много пять человѣкъ служащихъ при дорогѣ. Я не говорю про большіе, капитальные и

красиво выстроенные вокзалы въ городахъ, гдѣ сходятся обыкновенно нѣсколько путей, и гдѣ служащихъ довольно большое число, но все-таки меньше, чѣмъ въ Европѣ. По линіи нѣтъ ни одной сторожевой будки. Полотно проложено по полю безъ барьеровъ и оградъ и во многихъ мѣстахъ поросло густою, высокою травою, слегка примятою проходящими поѣздами. Стороннимъ лицамъ не запрещаютъ ходить по полотну, по которому, рядомъ съ рельсами, проходитъ обыкновенная проѣзжая дорога.

По мѣрѣ удаленія отъ Альбани, фермы стали попадаться рѣже. Воздѣланныя поля стали часто прерываться большими пространствами, поросшими кустарникомъ и мелкимъ неподчищеннымъ лѣсомъ, чтó напомнило собою родную Россію, только растительность была нѣсколько другого вида. Часто холмистая мѣстность смѣнялась высокими горами, въ которыхъ былъ просѣченъ корридоръ для желѣзной дороги. Ближе къ Буфало скалы стали попадаться чаще и чаще, образуя чрезвычайно красивые виды. Мимо Ніагары, видной съ линіи желѣзной дороги, насъ везли ночью, такъ что мы ея не могли видѣть. Во время остановокъ между станціями, также при проходѣ поѣзда мимо промежуточныхъ станцій, къ намъ приходили дѣти съ окрестныхъ фермъ, предлагая купить хлѣбъ, молоко и плоды. Они ѣхали съ нами до слѣдующей станціи или остановки, когда запасъ взятыхъ припасовъ истощался, выходили изъ вагоновъ и возвращались съ однимъ изъ безпрестанно встрѣчающихся поѣздовъ обратно. По чистенькому, даже нарядному платью, по смѣлому, умному выраженію лицъ, наконецъ по умѣнью скоро считать, можно было заключить, что сельское населеніе достигло значительной степени благосостоянія и умственнаго развитія, далеко опередивъ, въ этомъ отношеніи, поселянъ Европы. Подходили къ намъ также рабочіе изъ эмигрантовъ, прибывшихъ сюда уже нѣсколько мѣсяцевъ и даже лѣтъ. Неутѣшительныя вещи сообщали они о жизни въ Америкѣ. Хоть заработная плата хороша и работать приходится всего десять часовъ въ сутки, но работать тяжело, жить ужасно дорого, да и трудно достать работу. Даже европейскому мастеру приходится здѣсь быть ученикомъ, такъ здѣшніе пріемы въ работѣ отличаются отъ европейскихъ. Во всемъ примѣнены машины и усовершенствованные инструменты. Ремесленнику, хорошо знающему свое дѣло, рѣдко приходится найти занятіе по своему ремеслу. Приходится работать чтó скорѣе подвернется. Иначе грозитъ голодная смерть. Затѣмъ шли разсказы о бѣдствіяхъ, претерпѣнныхъ каждымъ на первыхъ порахъ, о разныхъ ловушкахъ, плутняхъ, самоуправствахъ; о законѣ, слишкомъ строго карающемъ всѣхъ,

и праваго, и виноватаго. Всѣ жаловались на неопредѣленность положенія, на незнаніе, будетъ ли у нихъ работа завтра или нѣтъ. Всѣ эти сѣтованія перемѣшивались разсказами о страшныхъ убійствахъ, грабежахъ, и совѣтами быть во всемъ какъ можно осторожнѣе, иначе пропадешь ни за что.

Подобные разговоры усиливали непріятное впечатлѣніе, сдѣланное Америкою на многихъ изъ нашихъ спутниковъ, ѣхавшихъ такъ самоувѣренно сюда богатѣть. Признаюсь, видъ всеобщаго благосостоянія и довольства, повсюду бросающійся въ глаза, сильно противорѣчилъ всѣмъ этимъ толкамъ. Да и изъ разсказовъ неудавалось ничего вывести совершенно яснаго. Съ другой же стороны, вѣдь не сговорились же всѣ эти люди обманывать насъ. Наконецъ, способъ перевозки, въ которомъ выражалось покровительство эмиграціонной коммиссіи, свидѣтельствовалъ о томъ, какъ мало церемонятся и уважаютъ личность въ равноправной республикѣ. Мы хотя «зеленые», но все-таки люди и платимъ за свой переѣздъ деньги, правда по уменьшенной цѣнѣ; но эту скидку намъ предложили не вслѣдствіе нашей просьбы, а вслѣдствіе установленнаго правила. Наконецъ, это обстоятельство не давало никакого права обращаться съ нами, какъ съ негоднымъ товаромъ, который взялись доставить не на срокъ, везутъ какъ и когда придется, не трудясь предупредить объ остановкахъ, о времени прибытія въ какой-либо пунктъ, и не заботясь о томъ, что мы тоже люди и имѣемъ надобность въ ѣдѣ, снѣ и проч. Все это, вмѣстѣ взятое, сбило меня съ толку, такъ что я рѣшился вполнѣ подчиниться приказаніямъ эмигрантскаго агента, котораго, скажу мимоходомъ, мы видѣли раза два на большихъ станціяхъ, высматривать и выспрашивать, какъ можно большее число фактовъ и вывести изъ нихъ какое-нибудь заключеніе со временемъ. Передъ одной изъ остановокъ, къ намъ вошелъ агентъ, объявилъ, что такъ какъ завтра воскресенье, то поѣзды изъ Буфало, куда мы сегодня пріѣдемъ, не будутъ отходить до вечера, почему намъ можно переждать это время въ гостинницѣ и нѣсколько отдохнуть. Чтобы насъ не надули и не обмошенничали, онъ роздалъ карточки гостинницы, гдѣ совѣтовалъ остановиться и куда обѣщался придти въ 9 часовъ вечера, чтобы отвести на поѣздъ. Вмѣсто субботы вечеромъ, послѣ обычныхъ остановокъ, мы прибыли въ Буфало въ воскресенье утромъ, въ 10 часовъ, очень довольные, что можно пробыть цѣлый день внѣ вагона и размять усталые члены. Не успѣли выдти изъ вагоновъ, какъ насъ окружила цѣлая толпа содержателей бордингъ-гаузовъ, зазывая къ себѣ на всевозможныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ. Эмигранты показывали

данныя агентомъ карточки, прося указать гостинницу. Пришедшіе встрѣчать насъ джентельмены называли себя агентами именно этой гостинницы. Мнѣ показалось подозрительнымъ такое множество агентовъ, а потому, дойдя съ однимъ изъ нихъ до перваго полисмена, я обратился къ нему съ просьбою разъяснить мнѣ, не впалъ ли я по незнанію языка въ какую-нибудь ошибку. Оказалось, что назвавшій себя агентомъ искомой гостинницы былъ самъ содержатель кабака, совершенно въ другой части города, куда онъ насъ и велъ. Когда его обманъ открылся, онъ съ начальствомъ отказался отъ своихъ словъ и видя, что со мной шутить не совсѣмъ удобно, присталъ къ Якобсу, увѣряя, что тотъ обязанъ заплатить ему два доллара за то, что онъ довелъ насъ до полисмена и пронесъ два мѣшка его спутницъ. Насилу удалось полисмену заставить его оставить насъ въ покоѣ. Полисменъ довелъ насъ до гостинницы, гдѣ мы не застали ни одного изъ нашихъ спутниковъ, такъ какъ хозяинъ и не думалъ посылать никого въ вокзалъ. Хорошо, что агентъ эмиграціонной коммиссіи зашелъ справиться о насъ въ гостинницу часовъ въ двѣнадцать. Не мало было ему хлопотъ розыскать въ разныхъ концахъ города порядкомъ поплатившихся эмигрантовъ, выручить ихъ изъ разныхъ притоновъ и собрать въ одно стадо. Отъ Буфало, онъ ѣхалъ уже съ нами до Клевеланда, вслѣдствіе чего остановокъ, кажется, было меньше, гдѣ и передалъ насъ кондуктору поѣзда, идущаго прямо въ Чикаго. Остальная часть пути ничѣмъ не отличалась отъ начала: тѣ же разсказы о безчинствахъ, тѣ же остановки и ожиданія по нѣскольку часовъ, что вотъ сейчасъ пойдемъ дальше. Въ Клевеландѣ случилось только одно обстоятельство, надѣлавшее мнѣ и Якобсу порядкомъ тревоги. Узнавъ, что поѣздъ простоитъ три часа, наши женщины вздумали погулять по городу и не сказавъ никому ни слова, оставивъ вещи на попеченіе одного изъ эмигрантовъ, ушли, заблудились и попали въ другой вокзалъ, гдѣ мы ихъ отыскали съ большимъ трудомъ при помощи полисменовъ, на наше счастье говорившихъ по-нѣмецки. Пришедъ въ вокзалъ, онѣ, понятно, не нашли насъ, подумали, что мы уѣхали, оставивъ ихъ однѣхъ и сидѣли на дебаркадерѣ въ слезахъ среди довольно большой толпы, изъ которой многіе помогли бы имъ выдти изъ затрудненія, если бы могли понять, въ чемъ дѣло и что за причина ихъ слёзъ.

А. К***.

ОТЕЦЪ РОДНОЙ!

Князь N, ближайшій мой сосѣдъ,
Въ своей усадьбѣ много лѣтъ
Сидитъ, въ отставкѣ генераломъ.
Всѣ говорятъ о старикѣ
Съ почтеньемъ; въ нашемъ городкѣ
Его считаютъ либераломъ.
Когда, порой, онъ держитъ спичъ
На земскихъ митингахъ *семейныхъ*,
Всѣмъ ясно, что Илья Ильичъ —
Ожесточенный врагъ и бичъ
Понятій всѣхъ узкоколейныхъ.
Но иногда, у насъ въ глуши,
Глазъ-на-глазъ, за стаканомъ чаю,
Я въ тайникѣ его души
Совсѣмъ иное подмѣчаю...
Подчасъ не выдержать ему:
Глядишь, нѣтъ-нѣтъ да и прорвется,
Такъ съ головой и окунется
Въ старонаслѣдственную тьму!
Шутникъ! да вотъ, еще недавно,
Въ прихожую захлопнувъ дверь,
Про старину онъ вспомнилъ: «Славно
Живали прежде! а теперь!
Съ хозяйствомъ нашимъ—просто мука,
И ничего нѣтъ впереди!
Въ деревнѣ жить такая скука! —
Хоть въ губернаторы иди!

Законъ помѣщику указанъ,
А власти нѣтъ! Вѣдь это срамъ:
Онъ—столпъ отечества, а связанъ
Весь по рукамъ и по ногамъ!
Да что ужъ! духъ нововведенья
Насъ обуялъ и одолѣлъ;
Мы разорились съ Положенья,
Да и мужикъ-то обѣднѣлъ:
Несетъ онъ къ барынѣ, бывало,
И куръ, и утокъ, и гусей,
И живность всякую; не мало
Скоплялось благостыни всей.
Водилось у крестьянъ въ тѣ пóры
Довольно этого всего,
А запретили съ нихъ поборы —
Теперь—мошенники и воры,
И нѣтъ въ хозяйствѣ ничего!
Спился мужикъ и голодаетъ,
А пьяницу — не смѣй и сѣчь!
Всѣ подѣлились: такъ бываетъ,
Что некому соху запречь!
Бывало—кормишь всѣхъ голодныхъ
Весной, въ неурожайный годъ;
Теперь — нѣтъ дѣла до *свободныхъ*,
Великъ и безъ того расходъ.
Такъ все идетъ къ уничтоженью!
У насъ теперь, по принужденью,
Нельзя и дѣвку подъ вѣнецъ:
Чтожъ это будетъ наконецъ?!
Ущербъ народонаселенью!
Бывало — въ сказкахъ поглядишь
И самъ устроиваешь свадьбы;
Тутъ вся забота—наровишь,
Къ Филипповкамъ не опоздать бы.
Бывало, явится мужикъ:
«Мы къ вашей милости»... и—въ ноги!
— «Вставай, чего тебѣ, старикъ?»
— «Кормилецъ! я, какъ есть, убогій,
«Въ дому всего одна дочкá, —
«Понарови: еще молóда!
«Поберегла бы старика
«Хоть до впредь будущаго года».

— «А какъ ее, невѣсту, звать?
— Аксинья, батюшка, — ей кличка;
«Къ Успленью схоронила мать»...
— «А покажи!... ну, не величка!»
— «И вся тутъ! нашъ отецъ родной!»
— «А кто женихъ?» — «Да Ванька рыжій:
«Не любъ ей больно онъ: благой,
«И воръ, и азарникъ безстыжій».
«Пустое,—скажешь—поживетъ,
«Полюбится»!
А вотъ коммиссья,
Какъ баба голосить начнетъ:
Была, вотъ—помнится—Анисья...
Невѣста сыну — не по ней,
Давай сейчасъ другую ей!
«Такая,—дескать,—и сякая,
«Нѣтъ проку: гомонить-то зла,
«А что жъ! работница пустая,
«Да и робенка прижила»...
— «Ну! всѣхъ рѣчей не переслушать —
«Ступай, голубушка, домой!»
Какъ разъ—идетъ дворецкій: «Кушать
«Пожалуйте!»
Ахъ, Боже мой!
Изъ-за чего хлопочешь столько?
Вѣдь все для нихъ же... вотъ народъ!
Все съ пустяками пристаетъ,
А благодарности—нисколько...

Ужъ на дворѣ Филиповъ постъ...
«Что-жъ свадьбы наши?» — «Все справлялись,
«Съ отцомъ Васильемъ торговались,
«Сегодня—ѣдутъ на погостъ»,
Доложитъ староста. — «Постой-ка,
«Никакъ они?» — Они и есть!»
И точно: показалась тройка,
Другая, третья — цѣлыхъ шесть.
Клячёнки чуть уносятъ ноги,
По грязи мчатъ во весь опоръ,
Свернули съ столбовой дороги,
Съ погоста — всѣ ко мнѣ во дворъ.
Людей полнешеньки телѣги...

«Гдѣ-жъ молодые?—«Посреди:
«Вонъ—лупитъ коренникъ-то пѣгій,
«Съ отмѣтой бѣлой на груди».
Слышны бубенчики и пѣнье
И колокольчиковъ гудѣнье...
Но смолкли голоса и звонъ, —
Ждутъ молодые позволенья
Ко мнѣ явиться на поклонъ.
«Впустить!»—толпою поѣзжане
Валятъ въ покои; молодой
Въ суконномъ, праздничномъ кафтанѣ,
А молодая—въ сарафанѣ
Кумачномъ, съ золотой тесьмой.
Расплетена коса на-двое,
Еще заплаканы глаза,
Въ лицѣ—смущеніе тупое...
Войдутъ, крестясь на образа,
И—въ ноги, по три раза оба—
Таковъ обрядъ—сначала мнѣ,
Потомъ покойницѣ женѣ
И дѣтямъ—каждому особо;
Для воспитанія дѣтей
Мамзель жила у насъ—и ей!
Поздравишь ихъ съ законнымъ бракомъ,
Наливкой сладкой угостишь,
Поморщась, «горько!» возгласишь —
Я былъ всегда на это лакомъ —
Дашь молодой на сарафанъ
Да на рубаху молодому,
Лѣску посулишь на хорому,
Изъ ихъ же дачи—не изъянъ!
Благодарятъ—и въ ноги снова:
«Довольны много мы тобой,
«Кормилецъ нашъ, отецъ родной!»
Тутъ скажешь теплое имъ слово:
(Все просто было въ старину
И по-отечески, къ тому же)
«Ты, Ванька, береги жену,
«А ты, Аксинья,—слушать мужа!
«Ну, съ Богомъ!»
Вотъ и блажь прошла!
А я вѣдь не любилъ повадокъ —

Ни, ни!—крестьянинъ зналъ порядокъ:
Не миновать ему тягла!

Такъ—иногда и противъ воли —
Хозяйства нашего оплотъ,
Жилъ, благоденствуя, народъ
И множился... а нынче: то ли?
Сосѣдъ! все это — на ушко!
Толкуютъ наши коноводы,
Что мало имъ еще свободы!
Имъ либеральничать легко:
Кричать—одна у нихъ забота,
А за душою—ничего.
У нихъ и цензъ — одно болото...
Да намъ-то, *крупнымъ*, каково!!
И вотъ, на старости, я вторить
Обязанъ чуши этой всей;
Зло сдѣлано — что пользы спорить?
Вѣдь только раздразнишь гусей.
Мы либералы — и отлично!
Я вамъ, почтенный, доложу,
Что съ точки зрѣнья политичной
На это дѣло я гляжу.
Я былъ ужъ въ чинѣ капитанскомъ
Извѣстенъ мужествомъ всегда,
А въ вашемъ *мужествѣ гражданскомъ*
Не знаю толку, господа!»

А. Яхонтовъ.

1878.

ЛЮДИ и НРАВЫ

ВРЕМЕНЪ

ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

LITERATUR UND GESELLSCHAFT IN FRANKREICH ZUR ZEIT DER REVOLUTION, 1789 — 94, VON *LOTHEISSEN*.

Наши читатели уже знакомы, хотя въ общихъ чертахъ, съ однимъ изъ новѣйшихъ этюдовъ по исторіи большой французской революціи, а именно въ ея первый періодъ развитія, отъ 1789 до 1794 года. Литературное обозрѣніе въ февральской книгѣ за текущій годъ было посвящено у насъ именно анализу труда нѣмецкаго ученаго Лотхейссена, давшаго весьма полную и всестороннюю характеристику литературы и общества во Франціи за первые годы революціи. Но этотъ трудъ заслуживаетъ ближайшаго ознакомленія съ нимъ во всѣхъ его подробностяхъ, какъ по историческому интересу эпохи, богатой источниками и потому представляющей обширное поле для наблюденій, такъ и по строго-научному методу автора, внесшаго въ свой трудъ полную трезвость взгляда, безъ всякой предвзятой тенденціи, и рѣдкое безпристрастіе въ изложеніи борьбы партій, раздиравшихъ французское общество съ самыхъ первыхъ дней революціоннаго движенія. Изслѣдуя «субъектъ», какъ естествоиспытатель, авторъ не ограничивается болѣзнями стараго режима, но показываетъ, какъ и новый режимъ понесъ на себѣ всѣ слѣды общественнаго разложенія данной минуты и превратился въ терроръ, отличавшійся тѣми же самыми пороками, противъ которыхъ онъ боролся: люди

прогресса, воспитанные въ школѣ стараго режима, лишь только захватили власть въ свои руки, какъ тотчасъ же возвратились къ этому же старому режиму и сами сдѣлались представителями произвола.

Къ научнымъ достоинствамъ труда Лотхейссена, въ независимости его историческихъ мнѣній какъ относительно павшихъ, такъ и тѣхъ, которые восторжествовали въ эпоху революціи, присоединяется еще одно преимущество этюдовъ нѣмецкаго ученаго. Извѣстный трудъ Геттнера: «Исторія литературы въ XVIII-мъ вѣкѣ» помѣщаетъ время революціи только въ эпилогѣ, а Юліанъ Шмидтъ въ своемъ сочиненіи о новой французской литературѣ, избираетъ эпоху революціи вступленіемъ къ своему труду. Нашъ же авторъ избралъ эту эпоху спеціальнымъ предметомъ изслѣдованія. Онъ могъ имѣть и имѣлъ одно пособіе въ сочиненіи Эжена Марона: «Литературная исторія революціи»,—но этотъ трудъ написанъ исключительно съ критическою цѣлью, между тѣмъ, какъ у Лотхейссена преобладаетъ чисто историческій характеръ, и литературные факты являются у него въ тѣсной связи съ фактами общественной жизни, культуры.

Авторъ опасался для себя одного соблазна, а именно, комментируя факты изъ смутной эпохи французскаго общества, невольно поддаться впечатлѣніямъ современныхъ событій и современнаго смутнаго времени Франціи. Вотъ почему онъ и спѣшитъ оговоркою въ своемъ предисловіи: «Предлагаемая книга— заявляетъ Лотхейссенъ — не есть произведеніе, вызванное современными событіями; но тѣмъ не менѣе она можетъ въ настоящій моментъ имѣть свой, совершенно особый интересъ, потому что, изображая положеніе вещей во Франціи прошедшаго столѣтія, она тѣмъ самымъ какъ-бы содѣйствуетъ къ разъясненію того, что совершается въ ней теперь. Сочиненіе это было уже готово въ 1870 году, когда вспыхнула война и всякое литературное предпріятіе подобнаго рода должно было обождать болѣе мирнаго времени. Выступая теперь передъ публикой съ моимъ трудомъ въ полномъ составѣ, я обращаю ея вниманіе на то, что намѣренно оставилъ его неизмѣненнымъ и, за исключеніемъ небольшихъ замѣчаній, воздержался отъ всякихъ сравненій съ послѣдними событіями, или отъ какихъ бы то ни было намековъ на нихъ. Нынче я многое могъ бы сказать иначе, но хотѣлъ сохранить за собой полное безпристрастіе въ сужденіяхъ, а читателямъ никакимъ образомъ не желалъ навязывать ссылокъ на современность».

Обѣщаніе — прекрасное, но трудно выполнимое, и дѣйстви-

тельно въ этомъ отношеніи Лотхейссенъ не совсѣмъ безупреченъ и, быть можетъ, въ корректурныхъ уже листахъ рука его внесла замѣтки, писанныя, очевидно, съ знаніемъ главнаго результата послѣдней франко-прусской войны. Но при всемъ томъ авторъ остался безупречнымъ въ томъ смыслѣ, что онъ не впалъ въ преувеличенія и выразилъ увѣренность, что основы французскаго общества, потрясенныя на нашихъ глазахъ точно также, какъ они были потрясены въ концѣ прошедшаго столѣтія, снова окрѣпнутъ и возвратятъ Европѣ Францію болѣе умудренною опытомъ и менѣе способною къ экспериментамъ со стороны самыхъ крайнихъ партій.

I.

Въ теченіе восемнадцатаго вѣка обнаружилось такое сильное движеніе умовъ, какого другой примѣръ въ новой исторіи мы находимъ развѣ только въ вѣкѣ реформаціи. Какъ тогда европейскіе народы, послѣ продолжительной борьбы, достигли значительнаго улучшенія въ своей умственной и политической жизни, такъ точно теперь готовились они замкнуть столѣтіе дѣйствіями, отъ которыхъ слѣдовало ожидать еще болѣе важныхъ результатовъ. Если тогда главнымъ двигателемъ переворота была религія, то теперь обществу былъ данъ толчекъ философіей. Она получила начало въ Англіи и оттуда проникла во Францію, гдѣ предлагалась обществу, правда, болѣе поверхностнымъ образомъ, но за то въ гораздо болѣе доступной формѣ. Изъ Франціи она перешла въ сосѣднія страны, а вскорѣ новыя идеи распространились и по всему континенту. Основныя начала просвѣщенія и ученіе объ улучшеніи судьбы человѣка находили себѣ ревностныхъ апостоловъ на тронахъ и въ кабинетахъ государственныхъ людей, которые часто ничего не щадили, стараясь осуществлять свои человѣколюбивые планы. Въ дряхломъ европейскомъ мірѣ повсюду начинала возникать новая, кипучая жизнь. Императоръ Іосифъ, Фридрихъ II, Струэнзе, Помбаль и Екатерина II пытались перестроить свои царства въ смыслѣ новыхъ идей. Но усилія ихъ были тщетны, потому что они не могли быть послѣдовательными. Имъ удалось только просвѣтить произволъ прежняго времени. Они слишкомъ скоро увидѣли себя позади другихъ. Понятно, что и внѣшній складъ общества точно также подвергся большимъ измѣненіямъ. Убѣжденіе въ неизбѣжности катастрофы сдѣлалось всеобщимъ, но въ то же время всѣ вѣрили, что съ помощью ея

цивилизація сдѣлаетъ большой шагъ впередъ. Вольтеръ предсказывалъ это еще за двадцать пять лѣтъ до начала революціи, когда полу-серьёзно, полу-насмѣшливо писалъ одному изъ своихъ друзей: «это будетъ отличный переполохъ; счастливъ, кто молодъ: онъ увидитъ славныя вещи» [1]. Еще яснѣе выразился онъ передъ Кондорсе, когда обѣщалъ ему въ будущемъ полное торжество философіи, благодаря которой настанутъ лучшія времена, потому что чѣмъ болѣе научатся люди думать, тѣмъ менѣе будутъ они несчастны.

То было замѣчательное, единственное въ исторіи время. Между тѣмъ, какъ государи и народы вели ожесточенныя войны, между тѣмъ какъ кровь лилась рѣкой и борьба кипѣла на сушѣ и на морѣ, въ Старомъ Свѣтѣ и въ Новомъ,—повсюду возникали новыя понятія и распространялись идеи о братствѣ, о необходимости свободнаго развитія политической жизни, о равенствѣ всѣхъ передъ закономъ, о принадлежности каждому права на усовершенствованіе. Наше время представляло опять картину кровавой борьбы, вызванной старинной ненавистью между различными народностями и которую долго надѣялись отвратить. Но едва ли эта борьба подчинитъ идеи гуманности и общности всѣхъ человѣческихъ стремленій одностороннему, хотя и исполненному глубокаго смысла ученію о національностяхъ.

Но вовсе не война, не крайняя расточительность высшихъ слоевъ общества, не финансовый кризисъ были, какъ это часто утверждали, причиной великаго переворота во Франціи. Въ другихъ государствахъ уже не разъ господствовала такая же точно неурядица, но никогда она не приводила къ такимъ послѣдствіямъ. Главнымъ двигателемъ всего былъ напоръ новыхъ идей. Какъ бы долго мыслитель ни оставался въ тѣни, съ какимъ бы презрѣніемъ ни относилась невѣжественная толпа къ его изслѣдованіямъ,—будущность принадлежитъ ему. Разъ открытая истина никогда болѣе не теряется.

Заслуга восемнадцатаго столѣтія заключается въ томъ, что оно опять пробудило отъ долгаго сна понятія о правдѣ, свободѣ и человѣчности, разъяснило ихъ и сдѣлало доступными каждому. Нигдѣ однако новыя идеи не имѣли такого быстраго и широкаго развитія какъ во Франціи. Хотя въ Германіи тоже происходило сильное движеніе, отразившееся и на нѣмецкой литературѣ; хотя тамъ начали появляться люди, подобные Канту и Лессингу, вліяніе которыхъ на нѣмцевъ не вполнѣ истощилось и до

[1] Вольтеръ маркизу де-Шовеленъ (1764 г.).

сихъ поръ, — однако умственное движеніе во Франціи было еще дѣятельнѣе, и гораздо глубже, чѣмъ въ Германіи, проникло во всѣ слои общества.

Въ то же самое время начала, на которыхъ утверждался государственный строй Франціи, были до такой степени поколеблены, что перемѣна казалась необходимой даже самымъ робкимъ умамъ. Всѣ отрасли государственной жизни во Франціи были въ полнѣйшемъ упадкѣ. Франція медленно умирала и казалась отъ старческой слабости неспособною болѣе ни къ какой дѣятельности. «Страна хирѣла, въ ея жилахъ изсякла кровь и она была уже не въ силахъ выносить тяжести собственнаго тѣла», говоритъ Андре Шенье въ своей одѣ на присягу національнаго собранія въ бальной залѣ въ Версалѣ. Самъ король не имѣлъ болѣе никакой власти, несмотря на ослѣпительный блескъ, какимъ себя окружалъ. По наружности королевская власть казалась такой же неограниченной, какъ во дни Людовика XIV, но на дѣлѣ она умерла вмѣстѣ съ нимъ. Правленіе оставалось при своихъ старыхъ формахъ, но духъ его испарился и даже въ аристократическихъ кружкахъ, также какъ и въ высшихъ административныхъ, онъ уступилъ мѣсто философскому взгляду на вещи. Уже въ царствованіе Людовика XV, самъ Мальзербъ, стоявшій во главѣ тогдашней цензуры, могъ подъ прикрытіемъ казенной печати разсылать по всей Франціи запрещенныя книги въ родѣ «Эмиля» Руссо. Изрѣдка король и его министры еще сажали безъ суда въ Бастилію безпокойныхъ. Незадолго до революціи какой-то неизвѣстный поплатился головой за пасквиль, направленный противъ короля, который онъ прибилъ на углахъ улицъ. Но все это были плохія мѣры для стараго режима, который уже не находилъ вѣрной опоры даже въ самыхъ ближайшихъ изъ своихъ слугъ. Никто не боялся правительства, которое во всемъ, даже въ самомъ произволѣ, выказывало себя и слабымъ и непослѣдовательнымъ. Что могли думать о королѣ, который позволялъ управлять собою какой-нибудь Помпадуръ или Дюбарри? Чего можно было ожидать отъ правительства, политика котораго зависѣла отъ капризовъ женщины дурного поведенія? Такого рода порядокъ вещей при дворѣ порождалъ слѣдствія въ родѣ злополучной морской войны съ Англіей или забавнаго похода противъ Фридриха Прусскаго. Когда извѣстіе о битвѣ при Россбахѣ дошло до Франціи, оно вызвало только насмѣшки, и французы оставались совершенно безучастны ко всему ходу военныхъ дѣйствій. Какимъ воодушевленіемъ, напротивъ, воспламенились умы, когда двадцать пять лѣтъ спустя распро-

странился слухъ о приближеніи непріятельскихъ войскъ! Одного этого обстоятельства достаточно, чтобъ вполнѣ обрисовать положеніе вещей передъ революціей. Людовикъ XVI, несмотря на все свое доброе желаніе, не могъ сдѣлать никакихъ измѣненій къ лучшему. Старый режимъ еще задолго до своего паденія обанкрутился и въ нравственномъ, и въ экономическомъ, и въ политическомъ отношеніи.

Тѣмъ не менѣе кризисъ могъ бы быть отстраненъ, не только на время, но и совсѣмъ, какъ это дѣйствительно случилось въ Англіи, благодаря усиліямъ высшаго класса. Но для этого требовалось отъ привилегированныхъ сословій больше силы и внутренней крѣпости, а также бо́льшей заботливости о благѣ отечества. Такъ-называемое высшее общество во Франціи, напротивъ, было чуждо всякой серьезной дѣятельности и не имѣло ни малѣйшаго вліянія на ходъ событій. Оно только и думало о наслажденіяхъ, которыя для него заключались въ веселыхъ пиршествахъ, любовныхъ похожденіяхъ и скандальныхъ приключеніяхъ. Средоточія этой жизни составляли изящные салоны столицы, куда собиралось высшее общество и лица, имѣвшія притязаніе на остроуміе, и гдѣ предсѣдательствовали красавицы высшаго круга, и не безукоризненныхъ нравовъ. Парижъ больше, чѣмъ когда-нибудь, сдѣлался главной школой утонченной любезности, свѣтскости и остроумной болтовни. Революція разсѣяла потомъ это блестящее общество и утверждаютъ, будто тонкость въ обращеніи, которая для свѣтскаго обихода то же, что букетъ для вина, съ тѣхъ поръ никогда болѣе не достигала прежней высоты. Дѣйствительно, изъ нея сдѣлали тогда нѣчто въ родѣ науки. «Трудно себѣ представить», говоритъ въ своихъ *Воспоминаніяхъ* одна изъ современницъ этой эпохи,—«свѣтскость, грацію, очаровательную любезность и утонченность нравовъ, которыя составляли прелесть тогдашняго парижскаго общества». Г-жа Виже Лебрёнъ, авторъ этихъ «Воспоминаній», очень извѣстная портретная художница, представляетъ вообще чрезвычайно интересныя наблюденія надъ высшимъ обществомъ тогдашняго времени. Она между прочимъ описываетъ бывшіе въ большомъ ходу «маленькіе ужины», на которыхъ обыкновенно собиралось человѣкъ двѣнадцать, много пятнадцать, хорошо между собой знакомыхъ людей. Собирались почти всегда около девяти часовъ вечера. Политика была оттуда строго изгнана, разговоръ исключительно вертѣлся на литературныхъ и городскихъ новостяхъ, иногда читались стихи или предлагались для разгадки шарады. Угощеніе считалось дѣломъ второстепеннымъ и отличалось большой простотой. Однажды г-жа

Лебрёнъ прочла въ *«Путешествіи юнаго Анахарсиса»* описаніе древне-греческой кухни и немедленно придумала угостить ожидаемыхъ въ этотъ же самый вечеръ гостей ужиномъ въ древнемъ вкусѣ. Въ качествѣ художницы она держала въ своей мастерской множество различныхъ костюмовъ, которые и предоставила въ распоряженіе посѣтителей. Современная столовая, съ помощью ковровъ и ширмъ, была превращена въ античную залу; у одного любителя искусства, графа Паруа, заняли этрусскія и греческія вазы. Съ гостей, по мѣрѣ того, какъ они появлялись, снимали ихъ наряды и пудру и, дурно ли хорошо ли, превращали ихъ въ грековъ и гречанокъ. Поэту Лебрёну накинули на плечи пурпуровый плащъ, возложили ему на голову лавровый вѣнокъ и онъ преобразился въ Пиндара. Маркизу де-Любьеру дали золотую лиру и всѣ гости, расположившись вокругъ стола, пѣли хоръ Глюка: «Божество Паѳоса и Книдоса». Сама хозяйка была въ бѣломъ платьѣ, съ цвѣтами на головѣ и вмѣстѣ съ дочерью, впослѣдствіи графиней Реньо де-Сентъ-Анжелй, держа въ рукахъ античной формы кувшинъ, обходила гостей, наполняя ихъ кубки старымъ кипрскимъ виномъ. «Лебрёнъ принесъ съ собою нѣсколько Анакреоновыхъ одъ въ собственномъ переводѣ и мнѣ кажется, что я никогда не проводила другого такого веселаго вечера», говоритъ въ заключеніе авторъ. Во всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ домахъ съ страстью занимались театромъ и балами. Для успѣха въ обществѣ необходимо было хорошо говорить, имѣть всегда на-готовѣ острый отвѣтъ, умѣть ловко играть словами и подъ прикрытіемъ легкой морали, мѣтко бросать колкости. Въ этомъ заключалась наука свѣтскихъ людей и въ этомъ полагали они свою славу.

Но весь этотъ наружный блескъ высшаго общества и самоувѣренная гордость салонныхъ героевъ были въ высшей степени обманчивы: они только прикрывали внутреннюю порчу. Всѣ эти развращенныя до крайности личности были не что иное, какъ паразиты. Укажемъ для примѣра на принца Рогана, который, объявивъ себя банкротомъ на тридцать милліоновъ, разорилъ много семействъ,—или герцога Лозёна, самаго блестящаго представителя аристократіи, который своей утонченной любезностью, своими приключеніями и невѣроятной расточительностью, въ полномъ смыслѣ слова ослѣплялъ современниковъ и кончилъ свое существованіе странствующимъ рыцаремъ. Воспитанникъ г-жи Помпадуръ и наслѣдникъ несмѣтныхъ богатствъ, онъ въ теченіи десяти лѣтъ велъ самую безумно-веселую жизнь, пріобрѣлъ себѣ славу развратника, которому не могла противиться ни одна женщина и

который самъ изъ всѣхъ женщинъ пренебрегалъ только одною—своею женой. Разоренный въ конецъ, онъ отправился въ Америку, гдѣ сражался рядомъ съ Лафайетомъ, позднѣе примкнулъ къ революціи, былъ посланъ въ званіи генерала въ Италію и въ Вандею и наконецъ умеръ на эшафотѣ (31-го декабря 1792 г.).

Подобно Ловёну жило большинство современныхъ аристократовъ, съ тою только разницею, что они были нѣсколько осмотрительнѣе. Французскіе мемуары прошлаго столѣтія переполнены самыми печальными примѣрами. Барбье говоритъ въ своемъ «Дневникѣ» (1718—1763), что изъ двадцати дворянъ, по крайней мѣрѣ пятнадцать, не жили съ своими женами и забавлялись на сторонѣ. Но изъ этого обстоятельства почтенный современникъ выводитъ совершенно неожиданную мораль. Онъ полагаетъ, что, взявъ въ соображеніе такой порядокъ вещей, Людовикъ XV вовсе не заслуживаетъ слишкомъ строгаго порицанія за свою Помпадуръ. Барбье не видитъ, почему для главы государства это предосудительнѣе, чѣмъ для его подданныхъ.

Церковь того времени находилась не въ лучшихъ рукахъ. Высшія духовныя мѣста, связанныя съ большими доходами, обыкновенно раздавались младшимъ сыновьямъ знатныхъ семействъ. Такимъ образомъ духъ легкомыслія проникъ и въ высшее и въ среднее духовенство. Оно издѣвалось не хуже Вольтера надъ ученіями церкви, не стремясь при этомъ знакомиться даже съ самыми основными началами философіи, и вслѣдствіе того оно мало-по-малу утратило всякія вѣрованія, всякое сознаніе долга и отвѣтственности. Дюбуа, во время регентства, ради шутки возведенный герцогомъ Орлеанскимъ въ званіе архіепископа камбрейскаго, для того, чтобы получить право хоть разъ присутствовать на придворномъ ужинѣ, конечно составляетъ исключительное явленіе, но все-таки большинство тогдашняго высшаго духовенства играло роль праздныхъ и безполезныхъ паразитовъ. Такого рода личностью былъ между многими другими аббатъ Клодъ-Анри Вуазенонъ. Ему не было дѣла до церкви, онъ даже отказался отъ предложеннаго ему епископства булонскаго, потому что оно могло черезъ-чуръ обременить его особу, и довольствовался собственными церковными доходами, позволявшими ему жить беззаботно. Онъ былъ очень дуренъ собой, но любимъ при дворѣ, гдѣ блисталъ остроуміемъ, хвастался безвѣріемъ и проводилъ время въ сочиненіи пустенькихъ комедій. Своимъ веселымъ нравомъ онъ успѣлъ пріобрѣсти всеобщее расположеніе. Во время министерства герцога Шуазёля, на него было возложено порученіе написать исторію Франціи, хотя онъ вовсе не былъ спо-

собенъ ни на какой серьёзный трудъ. Вуазенонъ отлично понялъ цѣль своихъ покровителей: онъ спокойно проживалъ назначенный ему въ качествѣ исторіографа доходъ въ шесть тысячъ ливровъ, а выполненіе всѣхъ другихъ требованій своего новаго званія считалъ совершенно излишнимъ. Академія тѣмъ не менѣе сочла нужнымъ наградить его заслуги и призвала его въ свою среду на мѣсто умершаго Кребильона. Вольтеру и энциклопедистамъ вдвойнѣ легко было поражать такихъ противниковъ. Если ревность иногда и побуждала фанатиковъ, въ родѣ Каласа, отстаивать свои убѣжденія съ помощью оружія, за то масса духовенства рѣшительно не годилась болѣе для серьёзной борьбы, и мѣткая насмѣшка Вольтера часто встрѣчала наилучшій пріемъ именно у тѣхъ, противъ кого бывала направлена.

Низшее городское и сельское населеніе, терпѣвшее крайнюю нужду, составляло рѣзкую противоположность съ этимъ утонченнымъ и испорченнымъ обществомъ. Непроходимая бездна раздѣляла оба класса и дѣлала положеніе въ высшей степени опаснымъ. Народъ былъ притѣсненъ, отягощенъ барщиной и податями и оставался въ глубокомъ невѣжествѣ, которое дѣлало его неспособнымъ ни на какія попытки къ улучшенію своего быта. Токвилль, основательно изучившій восемнадцатый вѣкъ, утверждаетъ, что французскій крестьянинъ находился передъ революціей въ гораздо худшемъ состояніи, чѣмъ за пять столѣтій тому назадъ. Потрясающее впечатлѣніе производитъ въ этомъ отношеніи разсказъ Руссо о бѣдности и недовѣрчивости крестьянъ. Странствуя однажды по окрестностямъ Ліона, усталый и голодный вошелъ онъ въ одно крестьянское жилище, гдѣ ему предложили, какъ единственную пищу, отвратительный на вкусъ ячменный хлѣбъ, испеченный пополамъ съ мякиной. И только когда крестьянинъ удостовѣрился, что гость его не слуга главнаго сборщика податей, досталъ онъ изъ потаеннаго угла кладовой спрятанные тамъ съѣстные припасы, болѣе годные для употребленія. Онъ признался, что какъ онъ самъ, такъ и сосѣди его тщательно прятали то немногое, что́ имъ удавалось пріобрѣтать, боясь въ противномъ случаѣ возбудить алчность сборщика и его подчиненныхъ, на произволъ которыхъ они были оставлены. Послѣ страшной чумы, свирѣпствовавшей во Франціи въ 1721 и 1722 гг., цѣлыя сотни селъ и деревень остались совершенно пустыми, да и самыя окрестности Парижа представляли зрѣлище безлюднаго и незастроеннаго пространства. Чума довершила то, что́, по выраженію Мишле, начато было правленіемъ Людовика XIV и регентствомъ.

Но тамъ, гдѣ обыденная жизнь общества течетъ неправильно, можно съ увѣренностью сказать, что умственная и художественная его дѣятельность также не отличается присутствіемъ въ ней здравыхъ началъ. Было бы даже удивительно, еслибъ большинство произведеній искусства и литературы во Франціи во второй половинѣ прошлаго столѣтія не носили на себѣ отпечатка неестественности и крайняго искаженія вкуса. Какъ въ началѣ столѣтія славился Ватто своими граціозными картинами изъ придворной жизни, такъ позднѣе очень уважались его ученики и послѣдователи, Патеръ и Ланкре, между тѣмъ, какъ гораздо болѣе замѣчательные художники, подобные, напримѣръ, Грёзу, съ трудомъ прокладывали себѣ путь. Въ архитектурѣ, особенно въ пышной внутренней отдѣлкѣ зданій, господствовалъ извѣстный стиль рококо, который, повинуясь самымъ капризнымъ внушеніямъ фантазіи, грѣшилъ излишествомъ въ украшеніяхъ и представлялъ неправильныя, изломанныя линіи, утомлявшія глазъ, вмѣсто чтобъ покоить его.

То же стремленіе къ изысканности породило и въ литературѣ ложный родъ идилліи или пасторальной поэзіи, преисполненной приторной сентиментальности. Геснеръ сдѣлался любимцемъ высшаго свѣта; его то-и-дѣло переводили на французскій языкъ, а многочисленные подражатели старались еще перещеголять его. Королева Марія-Антуанетта сама разыгрывала идиллію въ своемъ Тріанонѣ, гдѣ устроила себѣ особенный сельскій пріютъ, который называли «Мельницей». Она жила тамъ въ крошечныхъ, прелестныхъ домикахъ вмѣстѣ съ королемъ, принцами и ближайшими изъ придворныхъ, носила пастушескій нарядъ изъ шелку и высокій головной уборъ, думая, что въ полномъ смыслѣ слова воскрешаетъ простоту золотого вѣка. И все это шло рядомъ съ указаніями Руссо на совершенно иныя жизненныя начала. Но высшій кругъ общества былъ ослѣпленъ, или вѣрнѣе, хотѣлъ видѣть только то, что̀ ему нравилось. Сентиментальность была тогда въ модѣ, и даже въ произведеніяхъ Руссо обращалось вниманіе именно на то, что̀ удовлетворяло вкусу большинства. Высшее общество съ ума сходило отъ Юліи и Сенъ-Прё, героевъ *Новой Элоизы,* но оставалось совершенно равнодушнымъ къ *Contrat social* и къ *Эмилю.* Слѣдующій эпизодъ изъ жизни Бернардена де-Сенъ-Пьера, служитъ отличнымъ выраженіемъ этой сентиментальности. Знаменитый авторъ *Павла и Виргиніи* былъ въ гостяхъ у дамы, которая собирала у себя на дачѣ, въ окрестностяхъ Парижа, лучшее общество столицы. Бернарденъ де-Сенъ-Пьеръ привезъ съ собой собаку, которая внезапно захворала и,

несмотря на всѣ усилія спасти ее, околѣла. Сенъ-Пьеръ такъ былъ этимъ огорченъ, что, не простясь съ хозяйкой, немедленно оставилъ ея домъ, написавъ ей записку, въ которой горько упрекаетъ ее за смерть животнаго. Все общество было глубоко потрясено. Собакѣ устроили трогательныя похороны и воздвигли ей въ тѣни плакучей ивы прекрасный памятникъ. Но все было напрасно: Бернарденъ остался непреклоненъ и никогда болѣе не возвращался въ этотъ домъ.

Все это представляло, конечно, весьма мало истиннаго чувства, и было простымъ слѣдствіемъ праздности, дѣломъ моды, которая тогда царствовала всесильно. Безвкусіе, проглядывавшее въ поверхностныхъ взглядахъ высшаго общества на искусство и на жизнь, еще болѣе поражало вслѣдствіе постоянныхъ его усилій блистать остроуміемъ. То былъ періодъ манерныхъ стиховъ, шутливой эпиграммы и мадригала. Въ *Запискахъ*, нелишенныхъ, впрочемъ, интереса, Колле, автора болѣе чѣмъ посредственныхъ комедій, на каждой страницѣ встрѣчаются шутливыя стихотворенія, или сочиненныя имъ самимъ, или слышанныя имъ въ городѣ [1]). Для остроумнаго, насмѣшливаго склада народнаго ума такое направленіе служило чрезвычайно удобнымъ орудіемъ мести. Съ моралью вообще мало церемонились, избѣгая только казаться смѣшными. Руссо понималъ весь вредъ такого настроенія умовъ и боролся съ нимъ, но не имѣлъ большого успѣха. Между прочимъ, въ письмѣ къ д'Аламберу онъ сильно пеняетъ на современные таланты за то, что они, слѣдуя общему теченію, часто тратятся на бездѣлушки, которыя могутъ нравиться, но, конечно, не заключаютъ въ себѣ ничего истинно прекраснаго. Все ихъ достоинство въ легкомъ оборотѣ рѣчи, который легко сообщается пустякамъ. Еще сильнѣе выражается онъ, когда въ своемъ трактатѣ о наукахъ и искусствахъ спрашиваетъ у «знаменитаго Аруэ», сколько сильныхъ и прочныхъ красотъ принесъ тотъ въ жертву ложной деликатности и сколько великихъ созданій погубила у него страсть къ манерности и щегольству, столь плодовитая на мелочи?

Но если литература не могла противиться общему теченію, она, во всякомъ случаѣ, во многихъ отношеніяхъ выполнила свое назначеніе. Вѣкъ Людовика XIV содѣйствовалъ развитію классической поэзіи, — послѣдующее столѣтіе имѣло благотворное влія-

---

1) Collé, Journal historique, который особенно много занимается театромъ своего времени.

ніе на прозу, которая въ теченіе его выработала въ себѣ силу, гибкость и свободу, какихъ мы не находимъ ни въ какомъ другомъ языкѣ. Литература подала руку философіи и вмѣстѣ съ нею боролась за успѣхи цивилизаціи. Если она къ концу столѣтія, по мѣрѣ того, какъ событія принимали все болѣе и болѣе серьёзный характеръ, почти совсѣмъ уступила мѣсто своей союзницѣ,— то это было совершенно естественно. Вниманіе общества было сильно возбуждено новыми проявленіями государственной жизни, интересъ къ политикѣ все возросталъ, особенно въ среднемъ сословіи, которое одно еще не утратило своихъ силъ и здоровья. Сословіе это заключало въ себѣ низшее дворянство, чиновничество и буржуазію, вражда которыхъ къ церкви и правительству усиливалась съ каждымъ часомъ. Когда Монтескьё въ своемъ «Духѣ Законовъ» впервые указалъ на государственный строй Англіи, какъ на достойный подражанія, онъ поступилъ чрезвычайно смѣло. Но онъ вскорѣ нашелъ много послѣдователей и книга его имѣла громадное вліяніе. За Монтескьё послѣдовалъ Вольтеръ, въ которомъ, однако, было еще слишкомъ много придворнаго элемента, для того, чтобы онъ рѣшился всѣми силами возстать противъ господства произвола. За то онъ тѣмъ съ бо́льшимъ ожесточеніемъ преслѣдовалъ своими нападками церковь и господствовавшее въ ней суевѣріе. Дидро, д'Аламберъ, Гриммъ и прочіе сотрудники Энциклопедіи еще превзошли его въ преслѣдованіи господствовавшихъ вѣрованій. Другіе писатели строили идеальныя теоріи лучшаго государственнаго устройства, трудились надъ исправленіемъ законовъ и надъ уничтоженіемъ злоупотребленій и хлопотали о возбужденіи въ массахъ чувства собственнаго достоинства. Даже самые легкомысленные люди и тѣ, въ извѣстный періодъ, считали себя обязанными судить и рядить объ этихъ предметахъ. Само правительство, хотя невольно, однако также содѣйствовало къ утвержденію общества въ новыхъ стремленіяхъ. Министры Людовика XVI, изъ ненависти и зависти къ Англіи, вовлекли Францію въ американскую войну за свободу и независимость, а потомъ сами удивлялись, когда изъ-за Атлантическаго океана проникли къ нимъ революціонныя идеи и республиканскія воззрѣнія. Съ финансовымъ кризисомъ, окончательно вызваннымъ военными издержками, при растерянности правительства, которое не находило выхода изъ затруднительнаго и опаснаго положенія, со всѣхъ сторонъ начали раздаваться требованія преобразованій. Начиная съ короля и до послѣдняго буржуа всѣми овладѣло сознаніе необходимости что-нибудь сдѣлать. Но въ высшемъ обществѣ никто не рѣшался коснуться самаго корня зла и

всѣ мечтали о такихъ преобразованіяхъ, которыя не стоили бы никакихъ жертвъ.

При подобномъ порядкѣ вещей, общество распалось на многочисленныя партіи, изъ которыхъ каждая предлагала свое собственное ученіе, часто противорѣчившее рѣзко другимъ. Такъ, иные мечтатели совѣтовали человѣчеству вернуться назадъ, ко временамъ первобытнымъ. Кондорсе (1775 и 1776 гг.) желалъ, напротивъ, прогресса, требовалъ отмѣны пошлины на хлѣбную торговлю и возставалъ противъ крѣпостного состоянія и торговли неграми. Съ другой стороны, возвышались голоса въ пользу деспотизма, какъ единственнаго средства противъ всеобщаго разрушенія. Въ этомъ тонѣ особенно много писалъ Лэнгè, адвокатъ, котораго, за сильно развитый въ немъ духъ противорѣчія и за безпощадную критику, страшно боялись всѣ его противники и на верху, и внизу. Когда его враги успѣли удалить его изъ адвокатуры, онъ бросился въ публицистику, и въ 1774 г. основалъ журналъ, въ которомъ безъ разбора нападалъ на министровъ и на парламентъ, на философію и на теологію. Лэнге былъ человѣкъ необыкновенныхъ способностей. Онъ ненавидѣлъ общество, потому что оно его оскорбило, и находилъ особенное удовольствіе въ томъ, чтобы съ холоднымъ отрицаніемъ относиться ко всѣмъ любимымъ идеямъ своихъ современниковъ. Такъ, онъ опровергалъ воззрѣнія, изложенныя Монтескьё въ «Духѣ Законовъ», за что самъ потерпѣлъ обвиненіе въ непростительной ереси. Спорилъ онъ также и съ энциклопедистами и съ философами. Восточный порядокъ вещей онъ предпочиталъ европейской цивилизаціи и вооружался на защиту деспотизма и рабства. Въ своей «Теоріи Законовъ» онъ утверждаетъ, что никакое государство не можетъ разсчитывать на долговѣчность, если оно не опирается на рабство, то-есть не имѣетъ двухъ совершенно отдѣльныхъ классовъ людей: господъ, которые свободно пользуются жизнью, и крѣпостныхъ, которые на нихъ работаютъ. Государство безъ рабовъ, въ глазахъ Лэнге, уподобляется экипажу безъ лошадей. «Человѣку,— говоритъ онъ,—нужны сильныя, выносливыя животныя, а обществу—трудящіеся рабы.» Однимъ словомъ, онъ считаетъ рабство необходимымъ зломъ. Смотря на вещи съ этой точки зрѣнія, Лэнге заходитъ очень далеко. Онъ утверждаетъ, что власть короля надъ подданнымъ равняется власти послѣдняго надъ его скотиной и пашней. Деспотическое правленіе одно можетъ сдѣлать людей счастливыми; только подъ его благодѣтельной сѣнью возможно истинное равенство между гражданами. Сложная машина новѣйшей государственной науки, ученіе объ участіи народа въ законо-

дательствѣ и въ правленіи,—все это вздоръ: Лэнгé знаетъ только одно средство, которое можетъ спасти Францію отъ конечной гибели, а именно: установленіе въ ней неограниченной монархіи, подобной восточному деспотизму.

Жертва собственныхъ неумѣренныхъ выходокъ, Лэнгé принужденъ былъ бѣжать въ Англію, откуда, немного спустя, вернулся и былъ посаженъ въ Бастилью. Однако, ему вскорѣ удалось освободиться и онъ опять бѣжалъ въ Англію. Его дѣятельность особенно замѣчательна тѣмъ, что ею можно измѣрять силу обстоятельствъ, управляющихъ событіями. Онъ всѣми силами своего ума боролся противъ потока, увлекавшаго его вѣкъ, былъ самъ имъ увлеченъ и силой обстоятельствъ поставленъ въ рядъ главнѣйшихъ предвозвѣстниковъ революціи, давая предвкушать своими сочиненіями всѣ крайности терроризма.

Но противоположности сходятся. Жанъ-Жакъ-Руссо, этотъ апостолъ новѣйшаго времени, взявшій на себя задачу облагородить общество, въ началѣ своей литературной дѣятельности также явился противникомъ новѣйшей цивилизаціи. Непроходимая пропасть раздѣляетъ Лэнгé и Руссо, но въ этой одной мысли они подаютъ другъ другу руки. Когда Дижонская академія предложила премію за лучшее сочиненіе, которое разрѣшало бы вопросъ, полезное или вредное вліяніе имѣетъ на нравы образованность, Руссо постарался доказать, что она опасна для нравственности. Его остроумные выводы доставили ему награду и извѣстность. Академіи при этомъ тоже досталась своя доля славы, такъ какъ философскія задачи подобнаго рода были тогда въ большой модѣ. Поощренная успѣхомъ, она поставила на очередь разрѣшеніе другого вопроса, о причинахъ неравенства между людьми. Руссо вторично одержалъ побѣду. Онъ еще съ бóльшимъ ожесточеніемъ, чѣмъ въ предыдущемъ сочиненіи, напалъ на цивилизацію и на всѣ отрасли человѣческаго развитія. Человѣка, который первый отгородилъ клочекъ земли и назвалъ его своимъ, объявляетъ онъ злѣйшимъ врагомъ человѣчества и восхваляетъ дикое, первобытное состояніе, когда люди ходили нагіе и не знали даже семейныхъ связей. Такое состояніе есть единственное естественное и потому одно можетъ дать человѣку счастье. Онъ почти считаетъ возможнымъ утверждать, что самая способность мыслить противна природѣ, и потому человѣкъ, который мыслитъ, есть не что иное, какъ выродокъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что какъ это ни ужасно, а приходится сознаться, что хорошо поступаютъ дикари, при рожденіи своихъ дѣтей сплющивающіе имъ черепа: этимъ умственно изувѣченнымъ существамъ

дѣлается, такимъ образомъ, доступно человѣческое счастіе, для котораго они предназначались. Подобное ученіе не было по вкусу Вольтеру и онъ преслѣдовалъ Руссо насмѣшками, говоря, что тотъ своими сочиненіями возбуждаетъ желаніе ходить на четвереренькахъ. Но никакія, даже самыя остроумныя насмѣшки надъ Руссо не могли ослабить его вліянія. Его сочиненія въ тысячахъ экземпляровъ облетали Францію и вездѣ встрѣчали самое горячее сочувствіе. Руссо, въ сущности, не сказалъ ничего новаго: его ученіе встрѣчается въ предшествующихъ системахъ, преимущественно англійскихъ философовъ. Но ни одинъ изъ нихъ не выражалъ своей мысли такъ смѣло, безъ всякихъ схоластическихъ ухищреній и тяжеловѣсныхъ доказательствъ, такъ сознательно, удобопонятно и съ такой силой. Его «Общественный Договоръ» былъ, такъ сказать, предвѣстникомъ революціи и провозглашеніемъ ея. Руссо проповѣдуетъ въ немъ ученіе о господствѣ массы, передъ которой всякая отдѣльная личность неизбѣжно должна преклоняться, которая ограничиваетъ даже самыя религіозныя требованія и имѣетъ право всякаго, оказывающаго ей сопротивленіе, приговорить къ смерти. И именно на этомъ сочиненіи Руссо лежитъ мрачная тѣнь грозныхъ событій послѣдующихъ годовъ, и геній его точно провидѣлъ кровавые дни, которымъ надлежало наступить въ самый разгаръ революціи. Чѣмъ для гугенотскихъ проповѣдниковъ была Библія, тѣмъ впослѣдствіи сталъ «Общественный Договоръ» для ораторовъ «Горы» и комитета общественной безопасности. Руссо, со всей своей любовью къ свободѣ, забываетъ о правахъ на независимость отдѣльныхъ личностей и самъ дѣлается поборникомъ насилія и тираніи.

Но этотъ самый Руссо съ своими крайними воззрѣніями, съ своей ненавистью къ власти и аристократіи, къ роскоши и благосостоянію и въ особенности къ современному складу общества,— долгое время былъ любимцемъ аристократическаго круга. Этотъ фактъ служитъ знаменательнымъ явленіемъ и какъ нельзя лучше характеризуетъ легкомысліе эпохи. Высшій кругъ, какъ видно изъ этого, не сознавалъ угрожавшей ему опасности и принималъ за шутку мрачную прелюдію приближавшейся бури. Къ тому же Руссо рѣзко нападалъ на энциклопедистовъ и атеистовъ, взгляды которыхъ многіе изъ высшаго круга хотя раздѣляли, но вовсе не желали распространять ихъ въ народѣ. Руссо признавалъ также необходимость церкви и искренней, изъ сердца выходящей религіозности. Къ вопросу о религіи онъ вообще относился чрезвычайно оригинально, какъ это видно изъ его «Исповѣди Савойскаго викарія». Герой этой книги не вѣритъ ни въ одинъ изъ

догматовъ церкви, но тѣмъ не менѣе свято выполняетъ всѣ ея внѣшнія предписанія, церемоніи и обряды, и несмотря на это противорѣчіе чувствуетъ себя совершенно счастливымъ. Викарій у Руссо не признаетъ ничего кромѣ формы, которая внушаетъ ему благоговѣніе и поэтически его настраиваетъ. Руссо имѣлъ конечно и противниковъ, и люди разсудительные не всегда прощали ему его противорѣчія съ самимъ собой. Вотъ отрывокъ изъ одной критики на него. «Mercure français», наиболѣе распространенный литературный листокъ того времени, напечаталъ, при появленіи «Новой Элоизы», слѣдующую статью:

«Во Франціи явится необыкновенный человѣкъ, который придетъ отъ береговъ озера и объявитъ народу:

— «Я одержимъ демономъ энтузіазма; небо наградило меня даромъ непослѣдовательности; я философъ и учитель парадоксовъ».

«Толпа двинется за нимъ и многіе въ него увѣруютъ.

«И онъ скажетъ имъ: «Вы всѣ воры и негодяи; ваши жены— распутныя женщины; я поселюсь между вами».

«И онъ станетъ злоупотреблять добродушіемъ этого народа и будетъ говорить ему нелѣпыя дерзости. Онъ провозгласитъ: «Въ странѣ, гдѣ я родился, всѣ люди добродѣтельны,—и я никогда не буду жить въ странѣ, гдѣ родился».

«И онъ станетъ утверждать, что науки и искусства имѣютъ вредное вліяніе на нравы и самъ будетъ писать о всевозможныхъ наукахъ и искусствахъ.

«И онъ скажетъ, что театръ есть источникъ порчи и разврата, и самъ будетъ писать оперы и комедіи. Онъ объявитъ, что добродѣтель живетъ только между дикими, у которыхъ онъ никогда не былъ, но въ средѣ которыхъ былъ бы достоинъ жить.

«И онъ дастъ людямъ совѣтъ ходить совершенно нагими, а самъ будетъ носить шитыя золотомъ и серебромъ платья, когда у него таковыя будутъ.

«И онъ скажетъ, что всѣ знатные—презрѣнные лакеи, а самъ будетъ ихъ посѣщать всякій разъ, когда тѣ позовутъ его къ себѣ изъ любопытства, какъ рѣдкаго заморскаго звѣря» и т. д.

Трудно въ самомъ дѣлѣ повѣрить, чтобъ авторъ «Савойскаго викарія» могъ написать книгу, подобную «Эмилю», которая имѣла такое громадное и благотворное вліяніе и гдѣ онъ съ такой любовью относится къ природѣ и такъ убѣдительно совѣтуетъ ей подражать. Но въ теченіе его бурной жизни и своеобразнаго развитія въ немъ, такъ сказать, выросли двѣ души. «Все прекрасно по выходѣ изъ рукъ Создателя, но все уродуется, проходя черезъ руки человѣка», такъ начинаетъ онъ своего «Эмиля». Этой войной,

которую онъ объявляетъ всему условному и искусственному, этимъ указаніемъ на природу, какъ на вѣчный источникъ всего истиннаго и прекраснаго, а также и дотолѣ неподозрѣваемымъ въ немъ пыломъ страсти, какую онъ изобразилъ въ своей «Новой Элоизѣ», Руссо явно подготовилъ путь не только наступавшему новому времени, но еще и позднѣе развившемуся романтизму.

Схватывая однимъ общимъ взглядомъ всю картину умственнаго движенія той эпохи, приходишь въ невольное изумленіе при видѣ разнообразныхъ группъ и оттѣнковъ, которые ее составляютъ. Но всего ярче въ ней выдаются: безпокойное броженіе умовъ въ погонѣ за истиной и всеобщая вѣра въ лучшую будущность, а также энергическія проявленія ума и воли — рядомъ съ легкомысліемъ, невѣріемъ и поверхностнымъ взглядомъ на вещи, который въ изысканности чисто внѣшней жизни находитъ себѣ полное удовлетвореніе.

Правительство въ это тяжелое время не съумѣло стать во главѣ движенія. Оно колебалось, не зная на что рѣшиться. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ публицистовъ эпохи, Малле-дю-Панъ, уже въ декабрѣ 1788 г. писалъ въ своемъ дневникѣ: «Въ Версалѣ ежедневно мѣняютъ системы и политическія мнѣнія. Тамъ нѣтъ ни правилъ, ни принциповъ. Солнце черезъ каждые три дня освѣщаетъ въ Версалѣ новый взглядъ на вещи. Колебанія, слабость, полнѣйшая неспособность!»

Наступало другое время и требовало другихъ людей. Вольтеръ умеръ 30-го мая 1778 года; Руссо послѣдовалъ за нимъ нѣсколько недѣль спустя, а именно 3-го іюля. Дидро, Бюффонъ, д'Аламберъ, всѣ покончили свое существованіе въ восьмидесятыхъ годахъ. Съ паденіемъ бурбонской монархіи прекращался одинъ изъ важнѣйшихъ періодовъ французской литературы. Между тѣмъ какъ по ту сторону Рейна нѣмецкая поэзія достигала высшей степени развитія, литература во Франціи, казалось, умирала. Но это истощеніе было только наружное. Народная дѣятельность обратилась въ другую сторону. Духъ, охватившій Францію, вывелъ писателей изъ обычной колеи и побудилъ ихъ броситься почти исключительно на политику. Средній классъ, буржуазія, чувствовала себя способною и призванною принять участіе въ судьбѣ страны. Революція была дѣломъ этого сословія, которое не только сдѣлалось «чѣмъ-нибудь», какъ говорилъ аббатъ Сійесъ, но въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ было всѣмъ, пока счастливый солдатъ не смирилъ его и не водворилъ во Франціи царство меча.

Одно это обстоятельство уже достаточно объясняетъ застой въ литературѣ. Всѣ таланты обратились къ общественной дѣятель-

ности. Ими внезапно овладѣло лихорадочное стремленіе къ политическому вліянію, къ власти, къ популярности, рядомъ съ которымъ впрочемъ шло также и безкорыстное желаніе служить общему благу. Вмѣсто того, чтобъ читать книги и стихи, Франція начала слушать парламентскія рѣчи. Трибуна заняла мѣсто литературы, газета вытѣснила альманахи музъ. Литература, которая, несмотря на свой оппозиціонный духъ, все-таки отчасти продолжала держать себя съ аристократическимъ достоинствомъ, при такомъ порядкѣ вещей конечно должна была быть заброшена. Прежде, чѣмъ въ ней выработалась новая внутренняя жизнь, надлежало прожить цѣлому поколѣнію, слѣдовало улечься броженію умовъ и наступить сравнительному затишью. Двадцать лѣтъ бурь и кровопролитій заставили жить Францію кипучею, внѣшней жизнью, которая увлекала ее какъ въ водоворотѣ. Когда народъ наконецъ пришелъ въ себя, все успѣло измѣниться; настала новая жизнь, возникли новыя отношенія и для литературы создалась новая почва. Революція и имперія были для литературы только переходнымъ временемъ.

По закону природы всякое разрушеніе таитъ въ себѣ зародышъ новой жизни. Потому мы увидимъ, какъ при крушеніи государственной и общественной жизни литература ушла въ различныя отрасли общественной жизни, какъ она перенесла борьбу за различныя начала на ораторскую трибуну и на сцену, и возбуждала о нихъ пренія въ книгахъ и всевозможныхъ родахъ поэтическихъ произведеній, не исключая и приторной идилліи;—какъ, съ ея же помощью, рядомъ съ политическими переворотами медленно, но прочно совершалось развитіе новыхъ идей. Чего литературѣ этой эпохи не достаетъ въ эстетическомъ отношеніи, то пополняется въ ней психологическимъ интересомъ.

II.

Когда политическая жизнь во Франціи окончательно пробудилась, высшій кругъ общества, до тѣхъ поръ господствовавшій безраздѣльно, къ крайнему своему изумленію увидѣлъ около себя новое, свѣжее общество, которое имѣло совсѣмъ другой характеръ, выражало другія желанія и почти говорило другимъ языкомъ, чѣмъ онъ. Въ этомъ новомъ обществѣ не боялись дальнѣйшаго развитія и осуществленія идей, которыя еще такъ недавно служили только забавой празднымъ умамъ.

Но высшій кругъ не рѣшался сопротивляться движенію и въ первое время нисколько не пытался задерживать ходъ событій. Сами представители высшей аристократіи въ достопамятную ночь съ четвертаго на пятое августа предложили великія общественныя реформы, измѣнившія во Франціи весь существовавшій дотолѣ порядокъ вещей. Такого рода переворотъ, гораздо болѣе чувствительный для массъ, чѣмъ высокія политическія реформы, совершенно естественно привелъ народъ въ сильное возбужденіе. Тѣмъ не менѣе все обошлось относительно спокойно и никто не могъ предвидѣть страшныхъ послѣдующихъ событій. Въ ту минуту истинно высокія чувства заставляли биться всѣ сердца, и нація жила дѣйствительно прекрасной жизнью.

Все это немедленно отразилось измѣненіемъ характера парижскихъ салоновъ и вращавшихся въ нихъ людей. Старинныя аристократическія семейства, которыя прежде составляли центръ общественной и даже умственной жизни, теперь съ неудовольствіемъ все болѣе и болѣе отодвигались на задній планъ. Еще только нѣсколько знатныхъ дамъ продолжали по прежнему у себя принимать, съ тою однако разницей, что и въ ихъ гостиныхъ мѣсто свѣтской болтовни занялъ живой обмѣнъ мыслей и мнѣній между посѣщавшими ихъ государственными людьми, высшими администраторами, писателями и журналистами. Старый свѣтъ исчезъ вмѣстѣ съ своими нравами и вкусами, а на мѣстѣ его возникъ новый. Представители лѣвой стороны находили самый радушный пріемъ въ салонахъ герцогини гогенцоллернской или въ домѣ Богарне. Весьма оживленное общество собиралось также у извѣстной писательницы Силлери-Жанлисъ. Но самый замѣчательный салонъ въ первый годъ революціи безспорно былъ тотъ, въ которомъ хозяйкой была г-жа Неккеръ, жена министра, каждый четвергъ принимавшая у себя друзей своего мужа. Уроженка Швейцаріи, она въ среду испорченнаго парижскаго общества съумѣла внести нравственную силу и свѣжесть своей родины, при чемъ однако не могла вполнѣ отдѣлаться отъ ея нѣсколько тяжеловѣснаго доктринерства. Въ ея салонѣ легкая болтовня не замедлила превратиться въ серьёзныя пренія, непринужденность обращенія въ чопорную слегка формальность. Несмотря на свое продолжительное пребываніе въ Парижѣ, она не могла вполнѣ съ нимъ свыкнуться и по удаленіи Неккера изъ министерства, съ радостью вернулась на берега Женевскаго озера, въ свой любезный Коппетъ, который впослѣдствіи служилъ также убѣжищемъ ея знаменитой дочери. Во время могущества Неккера, его вечера посѣщались съ двойной цѣлью: на нихъ ухаживали

за вліятельнымъ министромъ и встрѣчались съ замѣчательнѣйшими людьми изъ міра политики и литературы. По смерти Бюффона, ближайшаго друга хозяйки дома, въ ея салонѣ, кромѣ многихъ другихъ знаменитостей, можно было видѣть ученаго писателя аббата Сійеса, тонкаго наблюдателя Гримма, преисполненнаго идеальныхъ стремленій Кондорсе и наконецъ Талейрана, бывшаго тогда еще епископомъ Отёнскимъ, но уже ясно высказывавшаго свое искусство въ политической интригѣ. «Онъ улыбался, чтобъ не говорить, и говорилъ, чтобъ не отвѣчать».

Безъ сомнѣнія меньшей вліятельностью, но гораздо большей привлекательностью отличался салонъ, который у себя открыла для поэтовъ и художниковъ Юлія Тальма, жена знаменитаго актера. Въ большой залѣ, фантастически разукрашенной разнаго рода оружіемъ, у ней собирались поэты: Шенье, Дюсисъ, Легуве, живописцы: Давидъ и Грёзъ, а позднѣе глава жирондистовъ Верньо, Роланъ и многіе другіе. Въ послѣдующіе годы, когда условія общественной жизни сдѣлались сложнѣе и затруднительнѣе, салоны опустѣли и наконецъ совсѣмъ закрылись. По мѣрѣ того, какъ усиливался ужасъ положенія, всякое, даже самое невинное собраніе стало возбуждать подозрѣнія и могло повести къ тюремному заключенію и даже смертному приговору.

Но это печальное время наступало постепенно. 1789-й годъ въ глазахъ большинства слылъ даже счастливымъ. Многіе еще мечтали о свободѣ и республиканской простотѣ и питали надежды на возможность воскресить порядокъ вещей классическаго міра, изъ среды котораго не замедлили бы выдти герои и правители по образцу Плутарховыхъ. Живопись также не осталась чуждой общему движенію. Жакъ-Луи-Давидъ (1743—1825) стремился развить въ публикѣ вкусъ къ республиканскому античному искусству и къ строгому, возвышенному стилю. Еще задолго до революціи написалъ онъ своего «Велизарія» и своихъ «Горацієвъ». Но нѣкоторымъ изъ его картинъ не вдругъ посчастливилось. Такъ, напримѣръ, его «Брутъ, которому приносятъ тѣло обезглавленнаго сына», долгое время не могъ быть выставленъ для публики. Только гораздо позже, когда Давидъ объявилъ себя на сторонѣ якобинцевъ, ему была отдана полная справедливость. Вскорѣ все искусство должно было подчиниться господству античнаго стиля въ томъ видѣ, въ какомъ его передавало нѣсколько однообразное и чопорное подражаніе Давида. Мода эта оказала свое дѣйствіе даже въ постройкѣ домовъ, въ формахъ мебели, въ женскихъ нарядахъ. Изломанныя линіи стиля рококо исчезли и уступили мѣсто геометрически правильнымъ очертаніямъ, которыя счита-

лись классическими. Впрочемъ, Давидъ впослѣдствіи, по примѣру многихъ изъ своихъ современниковъ, измѣнилъ свое республиканское направленіе въ угоду Наполеону. Нѣсколько ранѣе онъ былъ портретистомъ Марата, а затѣмъ обрекъ свое искусство на прославленіе императора, рисуя планы для его придворныхъ празднествъ и предлагая образцы троннаго кресла. Въ оправданіе его можно сказать, что это превращеніе суроваго республиканца въ придворнаго наполеоновскаго живописца отчасти было слѣдствіемъ всеобщаго заблужденія, которое привѣтствовало въ Бонапарте героя въ родѣ Плутарховыхъ, и ожидало отъ него, что онъ воскреситъ древнія героическія времена. Это заблужденіе не мало содѣйствовало къ успѣшному выполненію широкихъ замысловъ честолюбиваго генерала.

Взятіе Бастиліи еще болѣе усилило возбужденное состояніе, въ какое начинали приходить умы. Событіе это воспроизводилось на всѣхъ театрахъ съ помощью фейерверка, ружейныхъ залповъ и оглушительнаго шума. Вскорѣ развалины тюрьмы сдѣлались предметомъ настоящаго поклоненія, изъ котораго ловкіе промышленники не преминули извлечь для себя значительныя выгоды. Одинъ особенно отличился въ этомъ отношеніи. Онъ взялся расчистить развалины Бастиліи и, устроивъ особыя агентства, разсылалъ и продавалъ по всей Франціи обломки камней въ самыхъ разнообразныхъ видахъ. Онъ превращалъ ихъ въ бонбоньерки, чернилицы, прессъ-папье и разныя другія бездѣлушки. Изъ цѣпей, найденныхъ въ Бастиліи, дѣлались медальоны, которые свободные люди должны были носить на сердцѣ. Увѣряютъ, будто въ каждомъ салонѣ, посреди разныхъ каминныхъ украшеній, на первомъ планѣ непремѣнно виднѣлась гипсовая модель Бастиліи.

Но извѣстно, какъ быстро одни событія слѣдовали за другими, какъ скоро многіе начали отчаяваться въ будущемъ и какъ по мѣрѣ того, что государственное банкротство становилось неизбѣжнымъ, мало-по-малу началась эмиграція. Въ сентябрѣ 1789 г. въ одномъ Парижѣ было выдано около шести тысячъ паспортовъ различнымъ богатымъ семействамъ, которыя, желая спасти свое имущество, вывозили его за границу. Но между тѣмъ, какъ боязливые брали съ собой свои сокровища, пряча ихъ въ выдолбленныя палки, въ тотъ же самый мѣсяцъ двѣнадцать «гражданокъ» явились въ національное собраніе, и въ видѣ добровольной жертвы принесли въ даръ отечеству свои драгоцѣнныя украшенія. Онѣ этимъ хотѣли указать на способъ, какимъ еще возможно было бы пополнить опустѣвшую казну. Примѣру ихъ послѣдовали мно-

гіе, начиная съ короля, который отправилъ на монетный дворъ свои золотые и серебряные приборы, до самыхъ бѣдныхъ людей, которые жертвовали позолоченныя пуговицы и башмачныя пряжки. Всякій, по мѣрѣ силъ, старался отвратить общественное зло. Въ отчетѣ засѣданія 17 мая 1792 г. упоминается о предложеніи поэта Бомарше, пожертвовавшаго въ государственную казну всѣ свои доходы съ театральныхъ пьесъ, которыя будутъ даваться въ продолженіе войны. Въ тотъ же день въ собраніе явились депутаціи отъ школъ, пріютовъ и богадѣленъ съ приношеніемъ небольшихъ суммъ, которыя имъ удалось скопить посредствомъ разныхъ лишеній.

Но эти приношенія не могли спасти Францію отъ разоренія. Революціонный потокъ разливался все шире и шире, пока не снесъ и не увлекъ за собою всего. Въ страшное время, которое вслѣдъ затѣмъ наступило, всѣми овладѣло почти дѣтское стремленіе истреблять малѣйшіе слѣды низвергнутой власти. Упоминая о королѣ, избѣгали называть его даже Людовикомъ Капетомъ, но постоянно говорили только о «покойномъ veto». Изъ игральныхъ картъ были изгнаны фигуры королей и королевъ, и ихъ замѣнили червонными и бубновыми геніями, или трефовыми и пиковыми богинями свободы. Валеты получили названіе картъ равенства, а тузъ, какъ старшая карта, преобразился въ олицетвореніе закона. Въ сказкахъ тоже не терпѣлись болѣе принцы, и «принцесса съ золотыми кудрями» превратилась въ «красавицу съ волосами изъ ассигнацій», такъ какъ золото считалось тоже чѣмъ-то аристократическимъ.

Но, къ несчастью, историку нельзя ограничиться разсказомъ такихъ забавныхъ мелочей. Переполненныя тюрьмы и ежедневно обагряемая свѣжей кровью гильотина свидѣтельствовали, что люди, захватившіе въ свои руки власть, намѣревались идти очень далеко. Самыя ужасныя гекатомбы, предлагавшіяся демону ненависти и фанатизма, не могли удовлетворить разсвирѣпѣвшихъ республиканцевъ. Они, подобно Макбету, такъ далеко зашли въ кровавый потокъ, что имъ было гораздо легче продолжать путь, нежели идти назадъ, и они ежедневно требовали новыхъ жертвъ, пока не пробилъ ихъ собственный часъ.

Но за то ярко выступали на этомъ мрачномъ фонѣ мужество и стойкость въ убѣжденіяхъ, съ какими приговоренные къ смерти шли на встрѣчу своей судьбѣ! А между тѣмъ эти люди дорожили жизнью не менѣе другихъ людей. Здѣсь опять чувствуется вліяніе примѣровъ, заимствованныхъ изъ классическаго міра. Женщины не отставали отъ мужчинъ и также твердо, какъ они,

встрѣчали свою участь. Если онѣ въ началѣ разсчитывали на расширеніе своихъ правъ и даже, можетъ быть, на достиженіе гражданскаго равенства съ мужчинами, то надежды ихъ весьма скоро рушились. Революція предоставила имъ одно право: наравнѣ съ ними умирать подъ топоромъ.

Особенно трогательны послѣдніе дни Кондорсе. Когда человѣкъ остается вѣренъ своимъ убѣжденіямъ до послѣдняго вздоха, не склоняясь передъ врагами,—это заслуживаетъ глубокаго уваженія. Такія черты характера, впрочемъ, встрѣчаются еще довольно часто. Но гораздо болѣе рѣдкое явленіе представляетъ человѣкъ, который, преслѣдуемый себѣ подобными и осужденный ими на смерть, въ эти горькіе часы сохраняетъ вѣру въ свои идеалы и въ будущее, и свою любовь къ человѣчеству. Такимъ оказался Кондорсе. Изгнанный и объявленный внѣ закона, онъ на нѣкоторое время нашелъ себѣ пристанище въ домѣ одного друга. Тамъ онъ, скрываясь отъ враговъ, написалъ свое извѣстное сочиненіе о развитіи человѣческаго духа, главная часть котораго посвящена будущему усовершенствованію человѣческаго рода. Видно, какъ глубоко успѣла въ немъ вкорениться вѣра въ добрыя качества человѣческой природы и въ свѣтлую ея будущность,—и это въ то время, которое угрожало расторженіемъ всѣхъ узъ, связывающихъ общество!

Изящная свѣтскость и утонченная любезность въ обращеніи совсѣмъ исчезли изъ Франціи. Ихъ какъ будто увезли съ собой эмигранты-аристократы. Вмѣсто красивыхъ шляпъ, какими прежде щеголяли, теперь повсюду виднѣлись якобинскіе колпаки, вмѣсто напудренныхъ, завитыхъ париковъ—длинные прямые волосы. Республиканское *ты* совершенно вытѣснило прежнее *вы*. Люди, не знавшіе, будутъ ли они еще жить завтрашній день, искали насладиться сегодняшнимъ, и, какъ во время средневѣковой чумы, стремленіе къ развлеченіямъ и наслажденіямъ достигло во Франціи въ эти ужасные мѣсяцы крайнихъ размѣровъ. Никогда еще театры не бывали такъ полны, проституція такъ явна и азартныя игры такъ распространены. Парижская община жаловалась на это уже въ первый годъ своего существованія, и представляя въ одномъ изъ своихъ отчетовъ національному собранію свѣдѣнія объ игорныхъ домахъ, насчитываетъ ихъ у себя до 4,000. Цифра эта съ каждымъ годомъ возрастала.

Воодушевленіе къ общему благу и самопожертвованіе, жажда наслажденій и ненависть къ людямъ, — всѣ эти разнообразные элементы являлись перемѣшанными, и самыя ужасныя страсти потрясали до основанія внутреннюю жизнь народа. Къ большему

еще смятенію возникъ религіозный разладъ, церковный вопросъ, который въ однихъ возбуждалъ робость и тревоги совѣсти, а другихъ побуждалъ къ самымъ худшимъ крайностямъ. На религіозной почвѣ различныя партіи встрѣчались еще гораздо враждебнѣе, нежели на почвѣ политическихъ или общественныхъ реформъ. Чѣмъ меньше послѣдователей находило себѣ ученіе церкви въ высшемъ классѣ, тѣмъ упорнѣе держался его простой народъ, который, несмотря на республиканскій календарь, продолжалъ почитать святыхъ. Возстаніе, поднятое въ Вандеѣ, показывало, какое разрушительное пламя можетъ разгорѣться въ народной массѣ, если, вмѣстѣ съ политической ненавистью, эту массу охватитъ еще и религіозный фанатизмъ. Хотя въ этой варварской, междоусобной войнѣ, вызванной возстаніемъ въ Вандеѣ, послѣдняя и была побѣждена, однако побѣдители при этомъ сами повредили собственному дѣлу. Поводъ, послужившій къ войнѣ, остался неискорененнымъ и рано или поздно непремѣнно долженъ былъ снова выступить на поле битвы, чтобъ понести новое пораженіе отъ иного и болѣе дѣйствительнаго оружія. Народнымъ массамъ нельзя силой навязывать новыхъ вѣрованій, а тѣмъ менѣе возможно разомъ вырывать вкоренившіяся въ нихъ, хотя бы даже и ложныя идеи. Только школа, истинное образованіе народа можетъ въ этомъ отношеніи имѣть на него благотворное вліяніе. Это упустили изъ виду либеральные кружки, содѣйствовавшіе революціи, и теперь они жестоко платились за то, видя, какъ всѣ ихъ труды оставались напрасными, разбиваясь главнымъ образомъ о невѣжество массъ.

Извѣстныя эпохи нерѣдко порождаютъ людей, въ которыхъ съ особенной отчетливостью выражаются ихъ отличительныя черты, вслѣдствіе чего сама эпоха представляется потомству какъ-бы воплощенною въ живые, осязательные образы, не мало содѣйствующіе къ ея уразумѣнію. Такъ бурное краснорѣчіе большой французской революціи буквально воплотилось въ гигантской личности Мирабо. Масса скептиковъ, людей праздныхъ, которые, радостно привѣтствуя новую свободу, ничѣмъ однако не содѣйствовали къ ея утвержденію и ничего не предпринимали для огражденія ея отъ терроризма, нашли себѣ полное олицетвореніе въ лицѣ Николая Шамфора. Плохой поэтъ, онъ отличался необыкновеннымъ умѣньемъ вести легкій разговоръ. Никто не обладалъ въ такой степени талантомъ граціозной болтовни и мѣткой сатиры.

Онъ родился въ Оверни въ 1741 году и, въ качествѣ незаконнорожденнаго, рано познакомился съ горемъ, которое его сильно ожесточило. Онъ никогда не зналъ своего отца, и тѣмъ

съ бо́льшимъ жаромъ стремился собственными силами создать себѣ положеніе. Прибывъ въ Парижъ въ ранней молодости, онъ попробовалъ сдѣлаться драматическимъ писателемъ. Но его пьесы: «Молодая Индіанка», «Купецъ города Смирны», «Мустафа и Зеанжиръ» уже и тогда имѣли мало успѣха, а теперь давно забыты. Но послѣдняя изъ этихъ пьесъ, игранная въ 1776 г., понравилась королевѣ вслѣдствіе намёковъ, какіе заключались въ ней, на добраго государя, жившаго въ полномъ согласіи съ своими братьями. Послѣ перваго же представленія Марія-Антуанетта пригласила автора къ себѣ и назначила ему ежегодное содержаніе въ тысячу двѣсти ливровъ. Младшій братъ короля, графъ Артуа, сдѣлалъ его своимъ чтецомъ, а принцесса Елизавета своимъ секретаремъ. Видя такіе знаки расположенія со стороны королевской семьи, придворные совершенно естественно ей подражали. Принцъ Конде тоже назначилъ Шамфора своимъ секретаремъ, а другой знатный дворянинъ далъ ему даровое помѣщеніе у себя въ великолѣпномъ дворцѣ, между тѣмъ какъ академія избрала его въ свои члены (1781 г.). Такимъ образомъ, принятый въ высшее общество и осыпанный почестями, болѣе скромный человѣкъ счелъ бы себя вполнѣ удовлетвореннымъ. Съ другой стороны, болѣе независимый характеръ не вынесъ бы долго милостей, которыя нерѣдко давали себя сильно чувствовать. Но Шамфоръ не былъ способенъ ни на то, ни на другое: онъ оставался въ услуженіи у знатныхъ, а въ сердцѣ его копилось все болѣе и болѣе горечи. «Я люблю независимую бѣдность,—сказалъ онъ однажды, — а живу среди богатыхъ людей. Я бѣгаю почестей, а онѣ меня преслѣдуютъ. Единственное мое утѣшеніе составляетъ литература, но я не вижу никого изъ писателей и не посѣщаю академіи. Я считаю иллюзіи необходимыми для людей и самъ живу безъ иллюзій. Страсти, по моему мнѣнію, полезнѣе разсудка, а между тѣмъ я дошелъ до того, что болѣе не знаю, что̀ такое страсть.» Если Шамфоръ несовсѣмъ справедливо характеризуетъ себя этими словами, тѣмъ не менѣе заключающееся въ нихъ противорѣчіе изображаетъ его совершенно вѣрно. Всѣ знали, какой у него былъ богатый запасъ анекдотовъ и остроумныхъ выходокъ; всѣмъ было извѣстно его неподражаемое искусство вести разговоръ, и покровительствовавшая ему знать требовала отъ своего секретаря, чтобы онъ, изъ благодарности ей, отдавалъ свои таланты въ ея распоряженіе. Какъ приглашаютъ виртуозовъ, чтобъ наслаждаться ихъ пѣніемъ или игрой, такъ точно приглашали Шамфора, чтобы слушать его разговоръ. Терзаемый завистью, подстрекаемый честолюбіемъ, презирая окружавшее его

общество, онъ обыкновенно бросался въ разговоръ очертя голову. И чѣмъ больше страдалъ онъ въ душѣ, тѣмъ больше рѣчь его была остроумна и блестяща, тѣмъ неотразимѣе было его дѣйствіе на слушателей. Онъ ненавидѣлъ это общество, которому не могъ быть равнымъ по происхожденію, и тѣмъ не менѣе былъ къ нему прикованъ. Въ немъ не было достаточно силы воли, чтобъ отказаться отъ денегъ. Проводя время въ праздности, онъ искалъ забвенія въ наслажденіяхъ, но только въ конецъ разстроилъ здоровье, не получивъ ни малѣйшаго облегченія для ума. «Я укротилъ свои страсти,—говоритъ онъ,—подобно суровому наѣзднику, который убиваетъ своего коня, если не можетъ имъ управлять.»

Въ рѣдкихъ случаяхъ, когда онъ пытался нѣсколько освободиться отъ своего рабства, его заставляли за это дорого платиться. Вотъ какъ онъ въ письмѣ къ одному другу изливаетъ всю свою горечь: «Какъ? — говорятъ они, — развѣ онъ недостаточно вознагражденъ за свои труды честью вращаться въ нашей средѣ, удовольствіемъ забавлять насъ и видѣть съ нашей стороны такое обращеніе, какого не видитъ ни какой другой писатель?... Пиши, если хочешь, прозой и стихами, и ты получишь за то нѣсколько похвалъ, множество дерзостей и заработаешь извѣстное число ливровъ, прежде чѣмъ тебѣ достанется пенсіонъ въ 25 или въ 30 луидоровъ. Да тѣ еще приходится оспаривать у соперниковъ, подобно черни, которой на публичныхъ праздникахъ бросаютъ деньги.» И тѣмъ не менѣе онъ принималъ эти деньги, продолжая разыгрывать роль придворнаго, и потомъ вымещалъ свою злобу на всемъ человѣчествѣ, которое осыпалъ жестокими упреками. Часть ихъ дошла до насъ въ собраніи его *Изреченій и Мыслей*, которыми онъ, главнымъ образомъ, составилъ себѣ извѣстность во Франціи. Многіе изъ лучшихъ французскихъ писателей принадлежатъ къ числу такъ-называемыхъ моралистовъ. Таковы: Монтэнь, Паскаль, Лабрюйеръ, Ларошфуко, кроткій Вовенаргъ и въ позднѣйшее время Жуберъ. Они не проповѣдуютъ, какъ можно было бы предполагать по ихъ названію, морали въ настоящемъ смыслѣ слова, но предлагаютъ рядъ изреченій, наблюденій, картинокъ и эскизовъ, нравственнымъ содержаніемъ которыхъ стараются дѣйствовать на умы. Къ числу ихъ принадлежитъ также и Шамфоръ. Хотя онъ и не достигаетъ до высоты своихъ предшественниковъ, однако до насъ дошелъ также цѣлый рядъ его изреченій. Ему принадлежитъ извѣстное презрительное выраженіе на счетъ публики, которая его жестоко оскорбила равнодушнымъ пріемомъ, оказаннымъ его драматическимъ произведеніямъ. «Сколько, — спрашиваетъ онъ,—нужно дураковъ, чтобъ

составить публику?» Онъ также пустилъ въ ходъ раздѣленіе друзей на такихъ, которые васъ любятъ, такихъ, которые о васъ никогда не освѣдомляются, и, наконецъ, на такихъ, которые васъ ненавидятъ. Подобно своимъ предшественникамъ, оправдывая свою любовь къ уединенію, онъ говоритъ, что къ своимъ недостаткамъ привыкъ больше, чѣмъ къ недостаткамъ другихъ людей. Затѣмъ онъ совѣтуетъ каждому, кто долженъ являться въ общество, по утрамъ проглатывать жабу: тогда онъ можетъ быть спокоенъ, что цѣлый день не встрѣтитъ уже ничего отвратительнѣе.

— «Кто, — восклицаетъ онъ, — спросясь у своего разсудка, рѣшится быть отцомъ?... Я не женюсь, потому что боюсь имѣть сына, который бы во всемъ на меня походилъ, — сына, который былъ бы бѣденъ также какъ я, который, не умѣя лгать, льстить и пресмыкаться, подвергался бы тѣмъ же самымъ экспериментамъ, какъ я.... Взглянувъ серьёзно на міръ и на людей, сердцу ничего болѣе не остается, какъ разбиться или очерствѣть.»

Такого рода человѣкъ, конечно, не могъ привѣтствовать революцію иначе, какъ съ радостью. Вскорѣ вся Франція повторяла его слова: «Война дворцамъ, миръ хижинамъ», хотя въ сущности онъ имѣлъ весьма мало права ихъ произносить, да и вообще въ нихъ было мало смысла. Онъ же немного позже подалъ аббату Сійесу мысль написать его извѣстное сочиненіе: «Что такое третье сословіе»? [1]) Съ учрежденіемъ національнаго собранія онъ примкнулъ къ Мирабо, которому часто сообщалъ свои мысли, почему и получилъ прозвище его «электрической головы».

Благодарность не была въ числѣ добродѣтелей Шамфора. Подобно тому какъ онъ сталъ теперь противъ короля, также точно отрекся онъ и отъ академіи. Его сочиненіе, направленное противъ этого учрежденія, уронило его въ общественномъ мнѣніи. Получивъ мѣсто библіотекаря при національной библіотекѣ, онъ явился однимъ изъ самыхъ ревностныхъ защитниковъ революціи. На всѣ излишества ея у него были только однѣ остроты и никогда серьёзнаго порицанія. По словамъ Шамфора, девизъ рево-

---

[1]) Однажды Шамфоръ сказалъ графу Лораге: „Я только-что окончилъ трудъ."— „Какой? Вы написали книгу?" — „Нѣтъ, не книгу, — я не такъ глупъ, а только заглавіе книги, въ которомъ и заключается вся суть. Остальное я предоставилъ пуританину Сійесу, который пусть дѣлаетъ что хочетъ. Но что бы онъ ни написалъ, всеобщее вниманіе будетъ обращено только на заглавіе".—„Что же въ немъ говорится?"— „Что такое третье сословіе? Ничего. Что оно имѣетъ?—Ничего". Но Сійесъ впослѣдствіи нѣсколько измѣнилъ это заглавіе, отчего оно стало еще выразительнѣе. См. Lettres de J. B. Lauraguais à M-me ***. Paris 1802, стр. 160. Sainte-Beuve, Causeries IV. Duval, Mémoires I, 322.

люціи былъ слѣдующій: «Будь мнѣ братъ, или я тебя убью!» Но остроуміе въ это кровавое время тоже считалось опаснымъ оружіемъ, и Шамфору пришлось за него поплатиться. Его арестовали, но скоро выпустили, а затѣмъ вторично заключили въ тюрьму, гдѣ онъ окончилъ жизнь въ страшныхъ страданіяхъ, ранивъ себя въ лицо выстрѣломъ и нанеся себѣ неловкій ударъ бритвой (13 апрѣля 1794).

Кто хочетъ получить полное понятіе объ общественной жизни этого времени, объ оглушительномъ шумѣ и самыхъ рѣзкихъ противорѣчіяхъ, сопровождавшихъ революціонное движеніе, — пусть тотъ обратится къ книгѣ Себастіана Мерсье: «Парижъ во время революціи, или новый Парижъ». Это есть не что иное, какъ собраніе коротенькихъ газетныхъ статей и очерковъ, которые авторъ первоначально помѣщалъ во время Директоріи въ фельетонномъ отдѣлѣ журналовъ.

Себастіанъ Мерсье (1740—1814) былъ уже извѣстенъ публикѣ другими своими сочиненіями. Онъ въ 1770 г. выступилъ на литературное поприще съ произведеніемъ, которое изъ предосторожности назвалъ «2440-й годъ: историческій сонъ». Оно имѣло большой успѣхъ. Въ немъ Мерсье изображаетъ втораго Эпименида, который просыпается послѣ здороваго семисотлѣтняго сна и находитъ во Франціи весь порядокъ вещей совершенно измѣнившимся. Эта канва даетъ ему возможность свободно высказывать свои мнѣнія объ общественныхъ и политическихъ отношеніяхъ своего времени. Между прочимъ онъ съ увѣренностью предсказываетъ революцію, хотя не подозрѣваетъ, что время ея уже почти настало.

Мерсье пробовалъ свои силы и въ области эстетической литературы, въ качествѣ критика и реформатора, и только вслѣдствіе своей литературной оппозиціи попалъ въ число приверженцевъ революціи и былъ избранъ въ члены Конвента. Но онъ вскорѣ явился противникомъ якобинцевъ, во время процесса короля Людовика мужественно его отстаивалъ и подалъ голосъ противъ его казни. За то онъ былъ заключенъ въ тюрьму и самъ избѣгъ смерти, только благодаря своевременному паденію Робеспьера. Во время Директоріи Мерсье терпѣлъ большую нужду и вслѣдствіе этого писалъ по заказу статьи для парижскихъ газетъ. То были большею частью воспоминанія о прошломъ или живое, остроумное изображеніе настоящаго, и все вмѣстѣ представляетъ собраніе очерковъ и замѣтокъ, которые отлично рисуютъ эпоху.

Набрасываемые на бумагу безъ всякой системы, въ-торопяхъ, безъ отдѣлки и претензій на изящный слогъ, эти очерки, именно

вслѣдствіе своей безпорядочности, служать самымъ вѣрнымъ и характернымъ изображеніемъ безумной сумятицы, какою ознаменовался этотъ годъ. На одной страницѣ Мерсье говоритъ о Конвентѣ и красныхъ шапкахъ, на слѣдующей приводитъ народную пѣсню, нѣсколько далѣе описываетъ кабакъ или дворецъ Egalité (Пале-Рояль), а вслѣдъ затѣмъ совершенно неожиданно пускается въ разсужденія о литературѣ и искусствахъ. Но посреди всего этого хаоса, читателю и въ голову не приходитъ желать болѣе систематическаго изложенія. Книгу Мерсье въ томъ видѣ, какъ она есть, по отчетливости и вѣрности, съ какою передаетъ характеръ эпохи, можно сравнить съ фотографіей.

Въ наши дни она пріобрѣтаетъ еще двойное значеніе: въ ея описаніи революціи, какъ въ зеркалѣ, отражаются послѣднія парижскія событія. Сходство поразительное во всемъ: въ настроеніи умовъ, въ дѣйствіяхъ массы, во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ жизни. Парижане съ тѣхъ поръ ничему не научились, но и ничего не забыли. Тогда пруссаки, правда, не стояли подъ стѣнами города, но республика вела тягостную для нея войну и границамъ Франціи угрожали могущественные враги. Кромѣ того, тогда, какъ и теперь, тамъ царствовали голодъ, внутренняя неурядица и полное экономическое разореніе.

Мерсье описываетъ все это съ болью въ сердцѣ, которое однако тотчасъ переполняется горечью, лишь только онъ начинаетъ говорить о самихъ парижанахъ. «Въ эпоху революціи,—пишетъ онъ,—людей въ шесть мѣсяцевъ можно узнать гораздо лучше, чѣмъ въ другое время въ теченіи двадцати лѣтъ». Ему пришлось видѣть всѣ ужасы той эпохи, всѣ крайности, какимъ предавалось какъ образованное общество, такъ и невѣжественная чернь. Когда онъ касается подробностей тогдашняго положенія вещей, то кажется, будто присутствуешь при современныхъ событіяхъ. Мерсье также упоминаетъ о непоколебимой увѣренности въ побѣдѣ, какая воодушевляла всѣхъ парижанъ. Что Парижъ неприступенъ и непобѣдимъ, было уже тогда твердымъ убѣжденіемъ каждаго изъ обитателей береговъ Сены. Въ народѣ ходили баснословные слухи и онъ всему вѣрилъ, все принималъ за чистую монету. Съ другой стороны, повсюду чуялись шпіоны и измѣнники и никто не былъ вполнѣ обезпеченъ отъ такого рода подозрѣній. Только главный виновникъ всего въ то время назывался не Бисмаркомъ, а Питтомъ, и англійскія деньги безразлично являлись на помощь какъ роялистамъ, такъ и якобинцамъ, все съ цѣлью въ конецъ уничтожить Францію. Мерсье съ достовѣрностью знаетъ, что англійскій кабинетъ подготовилъ бѣгство

Людовика XVI на Санъ-Доминго, для того, чтобъ оттуда удобнѣе противодѣйствовать революціи. Онъ не менѣе увѣренъ также и въ томъ, что Питтъ болѣе всѣхъ содѣйствовалъ паденію жирондистовъ, которыхъ преслѣдовалъ за то, что имъ были извѣстны его тайны. Не сомнѣвается онъ также и въ томъ, что Робеспьеръ находился на жалованьѣ у Англіи. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ Мерсье явно служитъ только отголоскомъ общественнаго мнѣнія. Ходили между прочимъ и слухи о намѣреніи Робеспьера жениться на дочери Людовика XVI, чтобы посредствомъ этого брака овладѣть престоломъ. Но во всѣхъ несообразностяхъ и нелѣпостяхъ подобнаго рода есть своя доля утѣшенія. Сравнивая нынѣшнюю ненависть Франціи къ Пруссіи съ ея тогдашними порывами ярости противъ коварнаго Альбіона, и припоминая, какъ эта ярость совсѣмъ улеглась по истеченіи пятидесяти лѣтъ, невольно начи́наешь надѣяться, что́ французы и нѣмцы также не замедлятъ скоро опять сдѣлаться друзьями.

Въ 1794 г.,—рабскаго стиля, какъ тогда говорили,—или во II-мъ году республики, въ Парижѣ, хотя онъ и не былъ осажденъ непріятельской арміей, открылся страшный недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Мерсье рисуетъ въ одномъ изъ своихъ разсказовъ поразительную картину страданій и отчаянной борьбы изъ-за куска хлѣба. Въ наши дни мы видѣли въ Парижѣ такую же, если еще не болѣе ужасную нужду, которая невольно вызываетъ на сравненія. Община была вынуждена опредѣлить количество ежедневнаго потребленія мяса, запасъ котораго былъ такъ скуденъ, что его приходилось на человѣка по одному фунту каждые десять дней. «Какая блѣдность,—говоритъ Мерсье—вдругъ разлилась по лицу матерей, какія горькія слезы полились у нихъ изъ глазъ, когда имъ вдругъ сдѣлалось извѣстно столь страшное распоряженіе. Разбойничьи шайки дѣлали опаснымъ пребываніе въ ближайшихъ окрестностяхъ столицы. Онѣ нападали на уединенныя дачи и грабили всѣ съѣстные припасы, какіе только имъ попадались подъ руки. Но вскорѣ даже и разбой оказался безсильнымъ для добыванія пищи. Уже въ девять часовъ утра нѣкогда столь обильные рынки бывали совершенно пусты, и только развѣ на зарѣ еще оказывалась возможность что-нибудь на нихъ добы́ть. Но и тутъ представлялось затрудненіе, ка́къ проникнуть на рынокъ. Уже съ полночи составлялись длинные ряды женщинъ, которыя, несмотря на непогоду, проводили цѣлые часы на открытомъ воздухѣ, выжидая открытія рынковъ, чтобъ неимовѣрными усиліями завоевать себѣ нѣсколько яицъ, или немного масла. Возбужденное населеніе, и безъ того

повсюду видѣвшее измѣну, не преминуло и голодъ приписать коварному непріятелю, который не допускалъ подвоза въ столицу съѣстныхъ припасовъ. Мерсье, совершенно естественно, тоже такъ думаетъ. «Всѣ лица были печальны; повсюду раздавались проклятія на жизнь и на злодѣевъ—виновниковъ голода!»—говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ и продолжаетъ описаніемъ сценъ, каждое утро повторявшихся передъ лавками мясниковъ и булочниковъ. Недовольныя толпы возрастали съ каждой минутой. Жандармы верхомъ на лошадяхъ сновали взадъ и впередъ, и давили людей подъ предлогомъ поддерживать между ними порядокъ и защищать ихъ отъ несчастныхъ случаевъ. На улицахъ часто царствовало неописанное смятеніе и происходила настоящая борьба. Гигантскіе носильщики, на жалованьѣ у знатныхъ и вліятельныхъ лицъ, нерѣдко силой врывались въ мясныя лавки и, не слушая никого, уносили оттуда цѣлыя четверти быковъ, между тѣмъ какъ бѣдные и слабые, и въ числѣ ихъ многія женщины, измученныя долгими ожиданіями, возвращались домой, къ дѣтямъ, съ пустыми руками. Тоже самое происходило и передъ булочными, гдѣ народъ толпился, какъ въ другое время у театровъ. Даже масло, жиръ, мыло и тому подобные товары добывались не иначе, какъ съ боя, не говоря уже о цѣнахъ, которыя достигали баснословныхъ размѣровъ. Въ харчевняхъ потребителямъ предлагались, какъ лакомыя блюда, пара селедокъ съ накрошеннымъ лукомъ, вареныя сливы или жиденькая чечевичная похлебка, между тѣмъ, какъ тутъ же рядомъ, въ Пале-Роялѣ, гастрономы могли еще получать за пятьдесятъ франковъ довольно сносный обѣдъ.

Тогда, какъ и теперь, посреди всеобщей разнузданности и хаоса, не нашлось человѣка съ ясной головой и твердымъ характеромъ, который, захвативъ въ свои руки правленіе, съумѣлъ бы спасти страну отъ военнаго деспотизма. Недостатокъ въ политическомъ здравомъ смыслѣ и въ проницательности различныхъ партій и народа, чувствовался тогда еще сильнѣе, чѣмъ теперь. Всѣ осыпали другъ друга упреками; кто осмѣливался не раздѣлять мнѣнія большинства, немедленно причислялся къ разряду «несчастныхъ» и объявлялся «преступникомъ». Кювье разсказываетъ въ своемъ похвальномъ словѣ Ласепеду, какъ этотъ послѣдній прочелъ однажды въ одной газетѣ свое имя въ числѣ «несчастныхъ, которые согласились дѣйствовать во вредъ народу». Редакторъ этой газеты былъ частымъ гостемъ въ домѣ Ласепеда и всегда отлично принятъ. Онъ не замедлилъ явиться туда и послѣ выхода въ свѣтъ вышеупомянутой статьи. Ласепедъ заго-

ворилъ съ нимъ о ней и въ отвѣтъ получилъ только изумленный вопросъ, неужели ему неизвѣстно настоящее значеніе этого слова? «Несчастный» означаетъ ни болѣе ни менѣе, какъ человѣка, который не раздѣляетъ мнѣнія большинства, и потому названіе это никакъ не можетъ быть принято за оскорбленіе.

Мерсье не совсѣмъ такъ думалъ и особенно дурно отзывался о своихъ собратьяхъ, журнальныхъ писателяхъ. То, что онъ говоритъ о нихъ, отлично можетъ быть примѣнено къ политическимъ болтунамъ и героямъ прессы современной Франціи. «Зайдетъ ли рѣчь о революціи,—пишетъ онъ,—постоянно раздаются однѣ и тѣ же фразы: слѣдовало бы сдѣлать то-то, надлежало бы избрать того-то, лучше было бы выступить въ походъ въ такой-то часъ. Всѣ они удивительные пророки, когда событія уже миновали; они разсыпаются въ безполезныхъ возгласахъ и произносятъ рѣчи передъ гремящимъ водопадомъ, думая своимъ голосомъ удержать паденіе пѣнящагося потока... Сколько фальшивыхъ идей и ложныхъ сужденій, какое незнаніе причинъ и сцѣпленія различныхъ событій!»

Для полноты сходства между тогдашнимъ и нынѣшнимъ положеніемъ вещей не было также недостатка и въ тайныхъ бумагахъ низвергнутаго правительства. Уже въ 1789 году одинъ членъ національнаго собранія открылъ существованіе «Красной книги», въ которой заключался списокъ пенсіоновъ и содержанія различныхъ лицъ. Книга эта по приказанію національнаго собранія была обнародована нѣсколько позже, и Мерсье прибавилъ къ ней свои замѣчанія. Во главѣ списка стоялъ нѣмецкій принцъ, который получалъ четыре пенсіона, составлявшіе въ общемъ 48,000 ливровъ, и всѣ четыре въ видѣ вознагражденія за службу въ качествѣ полковника. За нимъ слѣдовалъ президентъ съ тремя пенсіонами; первый—онъ получалъ какъ президентъ и управляющій, второй—какъ управляющій и президентъ, а третій «по вышеизложеннымъ причинамъ». Другой счастливецъ, королевскій лейбъ-хирургъ, пользовался будто привилегіей взимать подать съ каждаго цирюльника въ странѣ, вслѣдствіе чего имѣлъ ежегодный доходъ въ 62,000 ливровъ. Въ числѣ получавшихъ пенсіоны были также и дамы. На имя одной были записаны двѣ суммы «въ уваженіе къ оказаннымъ ею услугамъ и съ цѣлью облегчить ей вступленіе въ бракъ». Другая получала три пенсіона: «въ видѣ продолженія»—«безъ причины»—и «какъ тайное содержаніе», и такъ далѣе.

Гораздо забавнѣе слушать Мерсье, когда онъ толкуетъ, напримѣръ, о недостаткѣ въ странѣ бумаги, отъ котораго терпѣли

даже правительственныя мѣста. Торговый департаментъ принужденъ былъ сдѣлать особенное донесеніе объ этомъ недостаткѣ бумаги, который затруднялъ появленіе газетъ и имѣлъ многія другія непріятныя послѣдствія. «Французскій Меркурій» ядовито замѣчаетъ, что это весьма естественно въ странѣ, гдѣ ежедневно наклеиваются на уличныя стѣны милліоны объявленій, прокламацій, приговоровъ, банковыхъ билетовъ, клеветъ, доносовъ и извиненій; гдѣ ежедневно отсылаются въ провинціи тысячи листковъ, громадныхъ размѣровъ газетъ, журналовъ и цѣлые тюки всякаго рода геніальныхъ произведеній. Въ изобиліи встрѣчались только одного рода бумаги, а именно ассигнаціи. Ихъ было такъ много, что никто уже не хотѣлъ ихъ принимать. Мерсье разсказываетъ, что однажды онъ заплатилъ извозчику за одинъ конецъ шесть тысячъ ливровъ. Правда, что луидоръ въ то время равнялся двадцати тысячамъ ассигнаціями.

«Чтобы сдѣлаться собраніемъ всевозможныхъ зрѣлищъ, Парижу не доставало только превратиться еще въ парадный плацъ, говоритъ Мерсье. Явилось и это. Вскорѣ ежеминутно стали раздаваться звуки военнаго марша, по улицамъ начали разъѣзжать пушки, Тюльерійскій садъ наполнился конницей. Тамъ виднѣлась раскинутая палатка, здѣсь лошадиныя копыта разрушали роскошные цвѣтники: могло казаться, что находишься посреди настоящаго лагеря. Горожане уже привыкли къ барабанному бою и къ виду военныхъ мундировъ; драгуны и гусары то-и-дѣло скачутъ взадъ и впередъ; на улицахъ ежеминутно встрѣчаются генералы съ тяжелыми эполетами, съ шарфомъ черезъ плечо, съ красными перьями на шляпахъ. Солдаты смѣняются въ караулѣ, ходятъ дозоромъ и упражняются въ маршировкѣ и стрѣльбѣ. Каждый день сожигается значительное количество пороху, повсюду раздаются ругательства и пахнетъ казармой. Солдатская шинель нынче въ большой модѣ, а при бритьѣ вмѣсто мыльнаго таза употребляются осколки бомбъ, нарочно выписываемые изъ Валансьена или изъ Лилля.—«Кто идетъ?» недавно раздался вопросъ на одномъ изъ постовъ.—«Это я, гражданинъ!» было жалкимъ отвѣтомъ. Караульный прицѣлился, собираясь выстрѣлить. —«Господь съ тобой, любезный другъ, вѣдь я тебѣ заплатилъ за то, чтобъ ты отправлялъ караулъ вмѣсто меня!» Задержанный оказался дворяниномъ, который послалъ за себя служить своего повара.»

Еще многое можно было бы заимствовать изъ разсказовъ Мерсье такого, что̀ вполнѣ подходило бы подъ современныя событія. Мы могли бы указать на цѣлый рядъ картинокъ въ стилѣ нынѣшняго жанра, которыя изображаютъ въ каррикатурномъ видѣ

старую аристократію и ничтожныхъ господчиковъ-роялистовъ, носившихъ прическу *à la Titus* и только волосами выражавшихъ свою оппозицію. Они полагали, что имя добраго Тита непремѣнно всякому станетъ напоминать добраго Людовика. Поразительное своимъ разнообразіемъ, но далеко не отрадное зрѣлище представлялъ также Пале-Рояль съ своими игорными домами, роялистскими и якобинскими заговорщиками, потерянными женщинами и ворами, съ своей знатной, но поблеклой обстановкой, съ своей роскошью и нищетой. Только соединивъ всю эту массу очерковъ въ одну картину и вполнѣ познакомясь съ воцарившимися въ обществѣ легкомысліемъ и безстыдными модами, а въ особенности съ проглядывавшею повсюду политической недобросовѣстностью,— впервые начинаешь ясно сознавать, какое пагубное вліяніе имѣло на весь французскій народъ время терроризма и директоріи. Періодъ стремленія къ возвышеннымъ идеаламъ и къ самопожертвованію миновалъ безвозвратно; потоки пролитой крови затопили ихъ и подготовили господство меча.

Мерсье часто съ грустью останавливается на предчувствіи близкаго паденія великолѣпной столицы. «Будетъ тотъ день и падетъ священная Троя», говорилъ Гомеръ, и Мерсье печально размышляетъ, что Парижъ, несмотря на всѣ свои чудеса, представится взорамъ позднѣйшихъ изыскателей прошлаго далеко не такимъ величественнымъ и прекраснымъ, какими представляются намъ теперь остатки древняго Вавилона. Такая заботливость о приличной смерти и даже о посмертномъ впечатлѣніи на потомство въ высшей степени характеристична.

Но фельетоны Мерсье, рисующіе Францію именно въ моментъ подобнаго разложенія, служатъ наилучшимъ доказательствомъ того, сколько жизненныхъ силъ скрывается во французскомъ народѣ. Если онъ могъ оправиться отъ страшныхъ крайностей временъ революціи и имперіи, то тѣмъ легче онъ стряхнетъ съ себя и всѣ слѣды деморализаціи, посѣянной въ немъ второй имперіей. Правда, страна была тогда побѣждена внѣшнимъ непріятелемъ, но онъ тѣмъ не менѣе стоялъ у ея границъ и угрожалъ ей изъ Голландіи и съ Рейна. Лучшая военная гавань на югѣ Франціи находилась въ рукахъ у англичанъ; внутри свирѣпствовала междоусобная война, а правильное войско было распущено. Повсюду царствовала страшная нужда; всякій, кто могъ носить оружіе, былъ завербованъ въ революціонную армію; женщины и дѣти умирали съ голоду. Франція бѣднѣла съ каждымъ днемъ. Знатныя семейства всѣ или погибли на эшафотѣ, или эмигрировали, ихъ имѣнія были конфискованы республикой и распрода-

ны за самую ничтожную цѣну; промышленность находилась въ страшномъ упадкѣ, а искусства въ загонѣ, такъ какъ они считались принадлежностью аристократіи. Не даромъ училъ Руссо, что стѣны городовъ воздвигаются изъ развалинъ крестьянскихъ жилищъ;— не даромъ увѣрялъ онъ, что всякій разъ, когда на его глазахъ строился новый дворецъ, ему казалось, будто онъ присутствовалъ при разореніи цѣлыхъ областей.

Въ это время погибло много драгоцѣнныхъ собраній и богатыхъ библіотекъ. Въ Нанси сожгли картинную галлерею, стоимость которой доходила до нѣсколькихъ сотенъ тысячъ. Изъ королевской библіотеки исчезло 652 ящика, наполненные рукописями и разнаго рода документами. Всякое воспоминаніе о прошломъ старательно изглаживалось. Во многихъ мѣстахъ книги изъ библіотекъ укладывались въ бочки, гдѣ онѣ предназначались гніенію, но предварительно жандармы саблями срывали съ нихъ дорогіе переплеты, украшенные аристократическими гербами. Науки тоже считались, если не опасными, то, во всякомъ случаѣ, вредными. Байльи, одинъ изъ первыхъ астрономовъ въ странѣ и любимецъ народа, несмотря на свои заслуги, былъ безжалостно умерщвленъ. Знаменитый химикъ Лавуазье, просившій коротенькой отсрочки въ исполненіи надъ нимъ смертнаго приговора, для того чтобъ окончить важное химическое изысканіе, получилъ отказъ съ замѣчаніемъ, что республика не нуждается въ химіи.

Но не слѣдуетъ приписывать исключительно революціоннымъ идеямъ всѣхъ ужасовъ, какія въ это страшное время совершали изступленные фанатики. Эдгаръ Кине весьма справедливо замѣчаетъ въ своей исторіи революціи: «Варварство вошло въ силу не потому только, что на сцену выступили невѣжественныя массы. Подъ блестящей поверхностью восемнадцатаго столѣтія существовали въ полной силѣ Мальотены и Кабошьены четырнадцатаго вѣка. Крѣпостное состояніе сохранило чернь въ положеніи средневѣковаго варварства; разбивъ свои оковы, она начала сражаться оружіемъ и съ яростью давно прошедшихъ временъ» [1]).

Передовые люди не были заражены ни этими заблужденіями, ни этой ненавистью къ просвѣщенію. Въ тѣ дни, когда Франціи всего болѣе угрожало варварство, Конвентъ издалъ по этому случаю рядъ весьма важныхъ постановленій. Онъ предпринялъ пере-

---

[1]) Edgar Quinet, La révol. I, 79. Мальотенами назывались толпы парижской черни, вооруженной орудіемъ въ родѣ молота или колотушки. Кабошьены были парижскіе мясники, которые подъ предводительствомъ своего начальника, Кабоша, играли роль въ кровавой исторіи четырнадцатаго столѣтія.

смотръ уже существовавшихъ законовъ и назначилъ коммиссію для разработки новыхъ. Нѣсколько позже Наполеонъ воспользовался его трудами съ весьма немногими измѣненіями, но всю честь ихъ приписалъ одному себѣ. Далѣе, Конвентъ положилъ основаніе «Институту» и «Нормальной Школѣ», этому разсаднику учителей для высшихъ классическихъ училищъ. Онъ же призналъ за правительствомъ обязанность воспитывать всѣхъ дѣтей, и объявивъ образованіе обязательнымъ, указалъ путь для послѣдующихъ поколѣній. Онъ такъ далеко зашелъ въ своемъ поклоненіи государственному устройству грековъ и римлянъ, что вовсе запретилъ частное воспитаніе и требовалъ безусловно, чтобы всѣ дѣти посѣщали общественныя заведенія. Конвентъ явно хотѣлъ, чтобъ образованіе пустило во Франціи глубокіе корни. Но планы его, за неимѣніемъ людей, часто приводились въ исполненіе не совсѣмъ удачно. Слишкомъ много вниманія было обращено на внѣшность, и дѣтямъ уже съ азбукой старались внушать патріотическія и республиканскія идеи. Трудно повѣрить, до какихъ крайностей иногда доходили преподаватели. Такъ, напримѣръ, въ катехизисѣ гражданки Демаре стоятъ слѣдующіе вопросы и отвѣты:

Вопросъ: Кто ты?

Отвѣтъ: Дитя отечества.

Вопросъ: Въ чемъ заключаются твои богатства?

Отвѣтъ: Въ свободѣ и равенствѣ.

И подобная мудрость предназначалась пяти и шестилѣтнимъ мальчикамъ!

Могла ли при такихъ условіяхъ существовать литература?

Едва ли. Всѣ замѣчательнѣйшіе таланты бросились въ общественную дѣятельность, которая быстрѣе и легче удовлетворяла ихъ честолюбіе. Вліяніе на массы раздѣляли между собой три силы: трибуна, политическая печать и театръ, и хотя всѣ три мало отличались литературными достоинствами, тѣмъ не менѣе представляютъ живой историческій интересъ. Онѣ стояли во главѣ умственнаго развитія эпохи и оставляли весьма мало мѣста настоящему творчеству. Хотя въ самые тяжелые дни «царства ужаса» въ литературѣ, вѣроятно въ силу противорѣчія, и господствовало нѣжное, меланхолическое, наивное направленіе, однако истинному поэтическому духу тамъ негдѣ было развернуться и ему поневолѣ приходилось молчать. Въ теченіе всего этого времени появился только одинъ поэтъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова: Андре Шенье, да и тотъ не рѣшался печатать своихъ произведеній.

С.

СОВРЕМЕННОЕ
ПОЛОЖЕНІЕ РАБОЧЕЙ СИЛЫ
ВЪ ЕВРОПѢ и АМЕРИКѢ.

По донесеніямъ англійскихъ дипломатическихъ агентовъ и новѣйшимъ результатамъ статистическихъ работъ.

Въ апрѣлѣ 1869 года, англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ лордъ Кларендонъ обратился къ дипломатическимъ агентамъ Англіи и ея консуламъ съ просьбою доставить ему свѣдѣнія о положеніи промышленныхъ и ремесленныхъ классовъ въ различныхъ государствахъ. Свѣдѣнія эти должны были главнымъ образомъ коснуться отношенія численности рабочаго класса къ численности другихъ классовъ населенія, характера жилищъ и пищи рабочихъ, отношеній хозяевъ къ наемщикамъ, размѣра заработной платы и вообще всѣхъ данныхъ, характеризующихъ положеніе силъ рабочаго рынка въ той странѣ, изъ которой требовались свѣдѣнія, и указывающихъ на возможность и пользу появленія на немъ предложенія работы со стороны англійскихъ рабочихъ. „Всѣ свѣдѣнія объ этихъ предметахъ, прибавляетъ циркуляръ, могутъ принести большую пользу въ нашей странѣ (Англіи), давая возможность сравнить условія, при которыхъ трудъ существуетъ въ другихъ государствахъ, съ условіями, которыми онъ обставленъ въ Великобританіи, и усмотрѣть, гдѣ могутъ искать наивыгоднѣйшаго приложенія предпріимчивость и искусство нашего англійскаго рабочаго". Затѣмъ, въ іюнѣ 1870 года, усматривая, что свѣдѣнія, доставляемыя вслѣдствіе этого циркуляра, не вполнѣ удовлетворительны, лордъ Кларендонъ разослалъ другой, въ которомъ болѣе подробно изложилъ свои требованія. Во главѣ своей

программы онъ поставилъ вопросъ о сравненіи стоимости содержанія рабочаго въ данной мѣстности со стоимостью содержанія его въ Англіи, причемъ просилъ принять во вниманіе размѣръ заработной платы и отношеніе ея къ расходамъ рабочаго, чтобы англичане могли заранѣе разсчитать, имѣютъ ли они возможность при извѣстномъ заработкѣ получить тѣ же жизненныя удобства, которыми пользуются въ своемъ отечествѣ, и не придется ли имъ, несмотря на возвышенную плату, не удовлетворить своихъ обычныхъ потребностей вслѣдствіе относительной дороговизны предметовъ первой необходимости. Разрѣшеніе вопроса этого побудило большинство агентовъ весьма подробно разсмотрѣть бюджетъ доходовъ и расходовъ рабочаго. Далѣе, лордъ Кларендонъ требовалъ свѣдѣній по слѣдующимъ предметамъ: какія существуютъ мѣры, ограждающія здоровье рабочихъ; какой они могутъ пользоваться пищей; какіе напитки вредны, какіе полезны; какую должно носить одежду въ разныя времена года; существуютъ ли не вдалекѣ отъ мѣста работы здоровыя жилища для рабочихъ; хорошо ли освѣжается воздухъ въ этихъ жилищахъ, ограждены ли они отъ вреднаго вліянія сырости, міазмовъ и нечистотъ; какъ велико число рабочихъ часовъ въ сутки; достаточно ли хорошо работники знаютъ свое дѣло, достаточно ли добросовѣстно выполняютъ его, какъ они относятся къ низкой заработной платѣ, какое вліяніе въ данной странѣ оказываетъ искусство и добросовѣстность рабочаго на размѣръ этой платы и проч.

Конечно, запросы министра не остались безъ отвѣтовъ. Со всѣхъ концовъ свѣта, изъ всѣхъ странъ, куда только проникли англичане, появились рапорты, болѣе или менѣе удовлетворительно очерчивающ материальное положеніе работника. Рапорты эти, составившіе три большихъ тома, заключающихъ въ себѣ около 150 печатныхъ листовъ, были представлены на разсмотрѣніе англійскаго парламента. Они коснулись размѣровъ заработной платы, стоимости содержанія рабочей семьи, количества и качества работы, образа жизни рабочихъ, ихъ жилищъ, пищи и одежды. Особенности законодательства, относящіяся до рабочаго класса; различныя условія общественной жизни, имѣющія вліяніе на бытъ работника и его нравственныя качества, не были также оставлены безъ вниманія. Матеріальная сторона ставилась почти всѣми составителями донесеній на первый планъ, а остальныхъ предметовъ рапорты касались настолько, насколько это необходимо для пополненія экономическаго очерка. По разсматриваемымъ нами матеріаламъ почти для всякой страны можно составить себѣ довольно ясное понятіе о бюджетѣ доходовъ и расходовъ рабочаго, и о томъ, какія удобства жизни доступны для него при данномъ заработкѣ. Источники свѣдѣній, изложенныхъ въ доне-

сеніяхъ, выбирались ихъ составителями съ большою осмотрительностью, общій тонъ ихъ отличается спокойствіемъ и безпристрастіемъ, и если встрѣчаются выводы, съ которыми не всегда можно соглашаться, то они никогда самихъ фактовъ не затемняютъ и оставляютъ возможность относиться къ нимъ весьма многосторонне. Это безпристрастіе и отсутствіе всякой тенденціозности при группировкѣ собранныхъ данныхъ придаютъ донесеніямъ этимъ весьма много цѣны. О положеніи рабочихъ много писано, говорено и печатано. Цифръ, фактовъ и размышленій по этому предмету накопилась тьма, но въ большинствѣ случаевъ всѣ они задрапированы какими-либо тенденціями, затмѣвающими истину. Съ одной стороны представители консервативнаго элемента или представители капитала, группируя факты, относящіеся до рабочаго вопроса, стараются убѣдить другихъ и убѣдиться сами, что положеніе рабочихъ не дурно, что оно постепенно улучшается правительственною властью и усиліями капиталистовъ, что недовольство своимъ положеніемъ этихъ людей проистекаетъ изъ самыхъ дурныхъ источниковъ, наклонности къ лѣни, къ роскоши, зависти и проч., и что оно поддерживается агитаторами, мечтающими о перекройкѣ всего общественнаго устройства по своему шаблону, форма котораго удобна для нихъ самихъ. Съ другой стороны о рабочихъ хлопочутъ, говорятъ, пишутъ и на нихъ дѣйствуютъ люди, враждебно относящіеся къ власти и капиталу, признающіе въ послѣднихъ источникъ всякаго зла для современнаго общества и для массы народа, изнемогающаго подъ бременемъ труда, лишеній и невѣжества. Эти люди всѣ свои надежды на міровой прогрессъ возлагаютъ на народъ; за высшими сословіями не признаютъ никакой жизненности и способности его двигать; требуютъ разрушенія стараго порядка. Но они еще не начертали законченныхъ плановъ для новыхъ зданій, не заготовили матеріаловъ для ихъ сооруженія и дѣйствуютъ для народа во имя идей, часто для него совершенно, въ настоящее время, недоступныхъ. Какъ тѣ, такъ и другіе относятся къ рабочей силѣ пристрастно, хотя быть можетъ съ ихъ точки зрѣнія и добросовѣстно, т.-е. умышленно не извращаютъ фактовъ, а только останавливаютъ свое вниманіе на тѣхъ, которые имъ болѣе нравятся и не могутъ отрѣшиться отъ своихъ крайнихъ воззрѣній, отъ своихъ личныхъ, такъ сказать, интересовъ настолько, чтобы не окрашивать факты и выводы любезнымъ ихъ сердцу оттѣнкомъ и тѣмъ затемняютъ ихъ естественныя очертанія. Среди массы такихъ матеріаловъ, чуждыя всякой тенденціозности, англійскія донесенія составляютъ весьма драгоцѣнные документы. Они собраны людьми чужой націи, совершенно объективно относящимися къ фактамъ, ими анализируемымъ. Для собирателей лично не представляется никакихъ выгодъ

вносить въ свои работы какія бы то ни было тенденціи; если же они желали держаться нѣкоторой тенденціозности въ видахъ подкрѣпленія политическихъ идей, ими самими исповѣдуемыхъ, то цѣль, съ которой составлялись ихъ донесенія, невольно обращала ихъ на объективный путь. Въ самомъ дѣлѣ, цѣль донесеній заключалась въ томъ, чтобы открыть для англійскаго рабочаго источники существованія внѣ своей родины или доставить Англіи полезныя рабочія силы. Очевидно, что для этого надо было разсмотрѣть положеніе рабочаго въ каждой странѣ не сквозь призму какихъ бы то ни было предвзятыхъ идей или теорій, а простымъ глазомъ, вооруженнымъ только безпристрастіемъ. Надо было свести всѣ свои изслѣдованія на голые факты, относящіеся до матеріальнаго его положенія въ данную минуту, и дать отвѣтъ на простой вопросъ: можетъ-ли быть въ данной странѣ англійскій рабочій сытъ, одѣтъ и здоровъ, найдетъ онъ себѣ работу или нѣтъ. Отвѣтъ вполнѣ опредѣленный могъ быть построенъ только на осязательныхъ данныхъ. Отвлеченные выводы, которые каждый изъ составителей рапортовъ желалъ бы дѣлать, не могли измѣнить фактовъ и цифръ, ими собранныхъ, которые они должны были положить въ основаніе своей работы. Такой характеръ разсматриваемыхъ нами матеріаловъ, повторяемъ, придаетъ имъ много цѣны и ими смѣло могутъ пользоваться спокойные мыслители, люди науки, безпристрастно относящіеся къ той или другой сторонѣ рабочаго вопроса, которые трудятся надъ возстановленіемъ фактовъ въ ихъ абсолютно-вѣрномъ видѣ и надъ выводомъ законовъ, которые необходимо имѣть въ виду для правильнаго разрѣшенія вопроса. Къ голосу этихъ людей, не совсѣмъ еще впрочемъ твердому, понемногу прислушиваются обѣ враждебныя стороны, и радикалы и консерваторы, но менѣе всего къ сожалѣнію народныя массы, для которыхъ покуда еще недоступенъ голосъ науки.

Если обѣ крайнія партіи успѣютъ и съумѣютъ примириться во время, благодаря всеосвѣщающей и всепримиряющей наукѣ, и если и тѣ и другіе найдутъ возможность, во имя истиннаго прогресса, во имя благосостоянія массъ и матеріальнаго, и нравственнаго, подать другъ другу руку, а сами рабочіе настолько просвѣтятся, что получатъ возможность безпристрастно относиться къ предлагаемымъ ихъ вниманію теоріямъ, то рабочій вопросъ, если не будетъ разрѣшенъ, — то по крайней мѣрѣ поставленъ на настоящій путь безъ разрушительныхъ толчковъ. Счастливо то правительство, которое имѣетъ возможность уяснить себѣ положеніе рабочаго сословія въ странѣ и отношеніе его къ капиталу, при помощи вполнѣ достовѣрныхъ, чуждыхъ тенденціозной окраски свѣдѣній, и которое не отвернется отъ выводовъ безпристрастной

науки, сдѣланныхъ при помощи этихъ же данныхъ. При этомъ, одно изученіе данныхъ, относящихся до своей страны, не можетъ вполнѣ уяснить положенія рабочихъ и требованій, которыя необходимо удовлетворить. Только изъ сравненія этихъ данныхъ съ данными, относящимися до другихъ государствъ, возможно вполнѣ сознательно опредѣлить свою програму дѣйствій. Мы говоримъ, что для правительства необходима такая работа, но для успѣшнаго ея выполненія надо, чтобы и самое общество, на которое правительство опирается, совершая тѣ или другія реформы въ государствѣ, имѣло правильный взглядъ на побудительныя причины, вызвавшія эти реформы; иначе осуществленіе ихъ можетъ стать крайне затруднительнымъ. Въ виду этого, мы желаемъ сгруппировать въ настоящей статьѣ всѣ данныя и факты, представляемые англійскими донесеніями, при помощи которыхъ представляется возможность составить довольно вѣрное представленіе о матеріальномъ положеніи рабочаго въ той или другой странѣ, причемъ мы будемъ избѣгать всякихъ теоретическихъ или отвлеченныхъ выводовъ. Намъ нужно будетъ прибѣгать часто къ цифрамъ, безъ которыхъ нельзя стать на твердую почву; поэтому мы просимъ читателя не поскучать обиліемъ числовыхъ данныхъ и внимательно къ нимъ отнестись. Програма наша такова: для каждой страны мы сдѣлаемъ общій очеркъ положенія рабочаго класса, подраздѣляя рабочихъ на земледѣльческихъ, фабричныхъ и ремесленныхъ; затѣмъ для каждаго разряда выведемъ размѣръ расходовъ, необходимыхъ для поддержанія существованія семьи, и противопоставимъ эти цифры размѣрамъ заработной платы, которая идетъ на ихъ покрытіе; далѣе, укажемъ на количество дневного труда, при которомъ выручается данный заработокъ, и коснемся вопроса о доступныхъ для рабочаго матеріальныхъ сбереженіяхъ, потребныхъ для упроченія его матеріальнаго благосостоянія, а также о досугѣ отъ физическаго труда, безъ котораго невозможенъ нравственный прогрессъ. При этомъ нельзя будетъ не обратить вниманіе на матеріальную обстановку, на жилища, одежду и пищу рабочихъ, чтобы уяснить, какими удобствами жизни можетъ пользоваться рабочій при данномъ заработкѣ и данныхъ расходахъ. Тамъ, гдѣ эти удобства жизни представляются въ очень жалкомъ видѣ, трудно разсчитывать на сбереженія, и обратно: тамъ, гдѣ накопляются сбереженія, эта обстановка уже должна представляться въ болѣе или менѣе нормальномъ видѣ. Если для взрослаго рабочаго досугъ, оставляемый физическимъ трудомъ, играетъ большую роль, то для дѣтей онъ еще важнѣе. Въ странѣ, гдѣ дѣти обременены работой, трудно ожидать быстраго возвышенія благосостоянія рабочихъ: дѣти истощаются физически, не имѣютъ достаточно времени для своего образованія—и нѣтъ основанія ожидать, чтобы

подростающему поколѣнію жилось лучше, чѣмъ зрѣлому. Поэтому на работѣ, исполняемой дѣтьми, и ихъ содержаніи мы непремѣнно будемъ останавливаться.

Русское правительство, стремящееся, въ послѣднія 12-ть лѣтъ, совершить мирнымъ законодательнымъ путемъ радикальныя реформы, клонящіяся къ возвышенію народнаго благосостоянія, поставило въ послѣднее время на очередь капитальный вопросъ о преобразованіи системы податей, лежащихъ нынѣ на рабочемъ (такъ-называемомъ доселѣ податномъ) сословіи Россіи. Ясно, что отъ болѣе или менѣе правильнаго разрѣшенія этого вопроса будутъ зависѣть многія условія дальнѣйшаго развитія Россіи какъ въ экономическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Правильное же разрѣшеніе его возможно только при тщательномъ изученіи экономическаго положенія рабочаго въ той или другой мѣстности, при осязательныхъ числовыхъ данныхъ, опредѣляющихъ степень обременительности существующаго налога для однихъ и возможности возвышенія его для другихъ. Данныя эти, собранныя правительствомъ въ большомъ изобиліи, при помощи земскихъ учрежденій и мѣстныхъ правительственныхъ властей, насколько можно судить по свѣдѣніямъ въ свое время опубликованнымъ, совершенно измѣнили физіономію вопроса. Предполагалось общее, нынѣ существующее количество подати распредѣлить между плательщиками настоящаго времени на началахъ болѣе справедливыхъ и наименѣе обременительныхъ для податныхъ сословій, между тѣмъ какъ данныя, представленныя правительству земствомъ и губернаторами,—по крайней мѣрѣ, большинство тѣхъ, о которыхъ въ свое время упоминала періодическая печать,—указываютъ, что какъ бы ни раскладывали общую сумму податей между сословіями, нынѣ ихъ несущими, они не будутъ въ состояніи ихъ выплатить, и представляется необходимость значительную часть сборовъ отнести на другіе источники, до сихъ поръ неприкосновенные. Полный сводъ этихъ свѣдѣній, поступившихъ въ коммиссію, состоящую при министерствѣ финансовъ, еще не изданъ, и потому было бы преждевременно приводить какія-либо по этому поводу соображенія; но нельзя не остановиться на только-что указанномъ фактѣ, который самъ по себѣ не можетъ быть отрицаемъ и по сгруппированіи всѣхъ данныхъ, хотя степень обремененія податныхъ сословій можетъ оказаться не столь высока, какъ это показалось съ перваго раза при разсмотрѣніи этого вопроса въ отдѣльныхъ земскихъ собраніяхъ. Такъ-называемыя податныя сословія не могутъ вынести всей массы существующихъ податей, какъ бы эти подати распредѣлены ни были. Вотъ что признаютъ почти всѣ земскія собранія и нѣкоторые провинціальные представители административ-

ной власти. Оставляя совершенно въ сторонѣ вопросъ—на какіе источники и при какихъ условіяхъ должно отнести ту сумму податей, которая невыносима для плательщиковъ, мы обратимъ вниманіе только на способъ опредѣленія размѣровъ этой суммы. Ясно, что на новые предметы обложенія дѣлжно отнести ту сумму, которую не могутъ уплатить настоящіе плательщики въ томъ или другомъ видѣ. Но чтó же они могутъ уплатить? насколько ихъ слѣдуетъ облегчить? Для размѣра облегченія существуетъ и извѣстный maximum и нѣкоторый minimum. Minimum облегченія будетъ представлять изъ себя та сумма налога, которую народъ безусловно уплачивать не можетъ, которая остается въ недоимкахъ или взыскивается не иначе, какъ съ посягательствомъ на самый источникъ производительности народнаго труда и хозяйства въ настоящую минуту. Мы подразумѣваемъ подъ этимъ продажу за безцѣнокъ и несвоевременно скота и продуктовъ хозяйства, требованіе уплаты повинностей задатками за едва начатую работу. Такой minimum довольно не трудно опредѣлить, исчисливъ среднюю цифру недоимокъ за нѣсколько лѣтъ, а для каждой данной мѣстности цифру недоимокъ, взысканныхъ при помощи продажи имущества. Продажи эти въ большинствѣ случаевъ производятся при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, что общая ихъ сумма представитъ требуемую цифру, и если въ нее войдетъ часть налога, вырученнаго хотя и черезъ продажу, но совершонную правильно, то эта часть замѣнитъ сумму налога, неправильно взысканную при помощи заработныхъ денегъ, о чемъ собрать свѣдѣнія не представится никакой возможности. Этотъ minimum представитъ изъ себя ту цифру сборовъ, которую будетъ необходимо отнести на совершенно новые источники, во-первыхъ, для того, чтобы обезпечить поступленіе государственныхъ доходовъ и, во-вторыхъ, для того, чтобы не истощить источниковъ существующихъ. Но такъ какъ при разрѣшеніи податного вопроса надо имѣть въ виду не только избавить плательщиковъ отъ разоренія, но и предоставить возможность податнымъ единицамъ дѣлаться болѣе и болѣе производительными, какъ для возвышенія частнаго и общественнаго благосостоянія, такъ и для увеличенія государственнаго богатства, то необходимо опредѣлить тотъ предѣлъ облегченія податныхъ сословій, при которомъ производительность ихъ труда и принадлежащаго имъ имущества можетъ прогрессивно развиваться при остальныхъ благопріятствующихъ условіяхъ. Maximum суммы налога, который можетъ быть снятъ съ податныхъ сословій при практическомъ разрѣшеніи вопроса, должна представить цифра, которая можетъ быть отнесена на новые источники обложенія, безъ ихъ обремененія и безъ ущерба ихъ производительнымъ силамъ. А если, могутъ намъ возразить, размѣръ

ея будетъ таковъ, что, по исключеніи ея изъ общей суммы налога, остатокъ его все-таки будетъ не по силамъ рабочему классу и будетъ подавлять развитіе его производительныхъ силъ? Въ такомъ случаѣ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ во что бы то ни стало изыскать средства къ уменьшенію государственныхъ расходовъ. Иного исхода придумать невозможно.

Величайшее затрудненіе представляется, однако, при этомъ. Какъ опредѣлить границу между налогомъ обременительнымъ и необременительнымъ, между налогомъ, дающимъ возможность платежному источнику усиливать свою производительную способность, и между налогомъ, парализующимъ эту способность? Окончательное разрѣшеніе этого вопроса невозможно, но внимательное разсмотрѣніе всѣхъ источниковъ существованія работника и предметовъ его расхода можетъ дать указанія на эту границу. Тамъ, гдѣ возможны сбереженія, возможенъ и матеріальный прогрессъ. Гдѣ при матеріальныхъ сбереженіяхъ для рабочаго доступенъ нѣкоторый досугъ, можно ожидать прогресса нравственнаго, а слѣдовательно, наиболѣе производительнаго употребленія матеріальныхъ сбереженій, такъ что при разрѣшеніи податного вопроса надо постоянно имѣть въ виду доставить возможность рабочему дѣлать сбереженія, которыя бы онъ могъ употребить на усиленіе производительности своего труда и своей собственности и имѣть досугъ для нравственнаго совершенствованія, безъ котораго невозможенъ матеріальный прогрессъ. Слѣдовательно, должно принять съ одной стороны во вниманіе источники существованія рабочаго, и съ другой всѣ необходимые расходы для поддержанія его труда и существованія семьи, разсчитать налогъ такъ, чтобы онъ не только не нарушилъ равновѣсія въ бюджетѣ рабочаго, но давалъ даже возможность дѣлать сбереженія при количествѣ работы, не исключающемъ нѣкотораго досуга.

Судя по тому, что́ было въ свое время напечатано въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, нынѣ въ податной коммиссіи сосредоточилось достаточно матеріаловъ для уясненія этой стороны вопроса; но намъ кажется, что данныя, касающіяся до положенія только того рабочаго, для котораго совершается реформа, русскаго рабочаго, будутъ гораздо яснѣе, если представится возможность сравнить ихъ съ однородными же данными, относящимися до рабочихъ другихъ странъ. Какъ бы разнообразны ни были условія существованія рабочихъ въ различныхъ странахъ, потребность въ досугѣ и потребность въ матеріальныхъ сбереженіяхъ остаются повсюду необходимыми пружинами, двигающими впередъ народныя массы. Поэтому, помимо безусловнаго интереса, который представляютъ свѣдѣнія, собранныя англійскимъ правительствомъ, они даютъ возможность сдѣлать съ

вышеупомянутою цѣлью сравненіе между матеріальнымъ положеніемъ рабочихъ въ различныхъ государствахъ и принявъ во вниманіе данныя, собранныя о Россіи, сдѣлать необходимые для нея выводы. Мы не ставимъ эти сравненія и выводы главнѣйшей цѣлью нашего труда, но желаемъ, между прочимъ, чтобы настоящая статья могла служить нѣкоторымъ для того матеріаломъ, и въ заключеніе нашего обзора постараемся выяснить нѣкоторыя положенія, могущія правильно освѣтить сгруппированные нами факты.

Начнемъ съ Германіи, потомъ обратимся къ Швеціи и Франціи, къ Голландіи и Бельгіи, къ Америкѣ и Россіи, и наконецъ, приведемъ главныя данныя для самой Англіи изъ новѣйшихъ статистическихъ работъ и наблюденій.

I.

ГЕРМАНІЯ

I. Населеніе.

Все населеніе Прусскаго королевства, за исключеніемъ Лауэнбурга, по переписи, произведенной въ концѣ 1867 года, простиралось до 23,970,901 лица обоего пола. Въ томъ числѣ мужчинъ 11,870,433 или 49,52% и женщинъ 12,100,508 или 50,48%. Отношеніе числа мужчинъ къ числу женщинъ нѣсколько уменьшилось съ 1864 года, когда была произведена предыдущая перепись — вслѣдствіе сильно развившейся въ шестидесятыхъ годахъ эмиграціи рабочихъ изъ Германіи въ Америку. Изъ общаго числа мужчинъ пятьдесятъ процентовъ суть отцы семействъ или лица, непосредственнымъ трудомъ пріобрѣтающія средства къ жизни. Женщины, принадлежащія къ этому разряду, составляютъ только 24,46 процентовъ общаго ихъ числа. На каждые 100 мужчинъ этого разряда приходится женщинъ, пріобрѣтающихъ своимъ трудомъ средства къ жизни, 39,79 и 81,81 лицъ мужескаго пола и 145,56 женскаго, не добывающихъ непосредственно средствъ для своего существованія и находящихся въ зависимости отъ труда первыхъ. Принимая, что женщины-работницы вообще своимъ трудомъ окупаютъ только свое личное существованіе, каждый рабочій мужчина въ Пруссіи долженъ содержать своимъ трудомъ 3,3 человѣка, включая себя самого въ это число. Впрочемъ, надо принять въ соображеніе, что около половины всего числа муж-

скихъ рабочихъ суть холостые люди, не имѣющіе семействъ, такъ что въ дѣйствительности каждому рабочему семьянину приходится содержать болѣе трехъ человѣкъ и даже до пяти. Эта пропорція принята за основаніе дальнѣйшихъ разсчетовъ, относящихся до стоимости содержанія семействъ рабочихъ, тѣмъ болѣе, что ею же руководилось и берлинское статистическое бюро при собираніи свѣдѣній по этому предмету. Это средній по государству выводъ; но каждое занятіе имѣетъ свое отношеніе. Для земледѣльческаго рабочаго число содержимыхъ имъ членовъ семейства (кромѣ самого себя) доходитъ до 3-хъ почти лицъ, для большинства фабричныхъ рабочихъ оно превосходитъ 4.

Высшій процентъ работниковъ-мужчинъ падаетъ на Вестфалію, при-рейнскія провинціи и Бранденбургъ, гдѣ находятся главнѣйшіе промышленные и фабричные центры, а низшій на Силезію, откуда за недостаткомъ мѣстной работы множество рабочихъ уходятъ искать ее въ другія части Германіи. Отношеніе мужчинъ, занятыхъ работой, къ общему числу мѣстнаго мужского населенія наивысшее въ Бранденбургѣ, Шлезвигъ-Гольштейнѣ и Ганноверѣ, словомъ тамъ, гдѣ каждому рабочему приходится содержать наименьшее число нерабочихъ членовъ семейства.

Все населеніе Саксонскаго королевства по переписи 1861 года состояло изъ 2,225,240 обоего пола, изъ которыхъ къ рабочимъ могутъ быть причислены 575000 человѣкъ. Послѣ 1861 года въ Саксоніи не было произведено подробной переписи, изъ которой можно было бы вывести численность собственно рабочихъ классовъ, а общая перепись 1867 года указала, что въ 6 лѣтъ населеніе королевства возросло до 2,423,856 жителей. Надо полагать, что приблизительно въ такой же пропорціи возвысилась численность рабочихъ классовъ. Отношеніе числа лицъ, добывающихъ средства къ жизни личнымъ трудомъ, къ числу остальныхъ, въ Саксоніи весьма близко подходитъ къ существующему въ Пруссіи.

Въ Виртембергскомъ королевствѣ въ 1868 г. числилось 849,000 муж. и 930,000 женскаго пола. Изъ 609,000 мужчинъ старѣе 14-ти лѣтъ около 750,000 могутъ быть причислены къ рабочему классу; изъ нихъ 400,000 непосредственно заработываютъ средства къ жизни, а около 350,000 составляютъ дѣти или молодые люди, еще не кончившіе своего образованія; часть ихъ только помогаютъ старшимъ въ работѣ, но не могутъ быть признаны полными работниками. Такимъ образомъ, около половины мужского населенія Виртембергскаго королевства состоитъ изъ самостоятельныхъ рабочихъ. Къ сожалѣнію, относительно женскаго пола нельзя опредѣлить отношеніе числа лицъ, непосредственно добывающихъ своимъ трудомъ средства къ жизни,

къ числу остальныхъ, потому что нѣтъ указаній на число замужнихъ женщинъ, которыхъ бы можно было отнести къ этому разряду. Что же касается до женщинъ незамужнихъ (кромѣ дѣтей), то изъ общаго числа ихъ 313,000, заняты самостоятельной работой 113,000 или около 30%. Принимая въ соображеніе, что изъ замужнихъ женщинъ несравненно меньшій процентъ составляютъ лица, имѣющія возможность заработывать кусокъ хлѣба личнымъ трудомъ, для Виртембергскаго королевства можно принять безъ большой ошибки тотъ же процентъ женщинъ этого разряда относительно общаго ихъ числа, что и для Пруссіи, то-есть около $24^{1}/_{2}$%. При такомъ разсчетѣ на каждые 100 мужчинъ самостоятельныхъ рабочихъ придется 57 таковыхъ женщинъ, а нерабочихъ, неподдерживающихъ личнымъ трудомъ своего существованія, мужчинъ 110 и женщинъ 175, такъ что на каждаго рабочаго нерабочихъ жителей среднимъ числомъ приходится около 2,80, или каждому рабочему среднимъ числомъ необходимо добыть средства къ жизни для 3,7 человѣкъ, включая въ то число и самого себя.

Это число довольно близко подходитъ къ тому, которое выведено выше для Пруссіи, и немногимъ разнится отъ соотвѣтствующихъ цифръ для остальныхъ частей Германіи.

Изъ общаго числа рабочихъ Германіи повсемѣстно около 50% занято трудомъ земледѣльческимъ, причемъ за послѣдніе годы замѣчается постепенное уменьшеніе относительнаго числа этихъ рабочихъ и возрастаніе числа фабричныхъ и ремесленниковъ. Причина этого кроется какъ въ развитіи ремеслъ и промышленности, такъ и въ замѣнѣ ручного труда машиннымъ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ сельскаго хозяйства, а также въ постепенномъ переходѣ отъ экстенсивнаго способа хозяйства къ интенсивному. Этими послѣдними причинами объясняется, отчасти, и то обстоятельство, что несмотря на возвышеніе общаго уровня сельскаго хозяйства въ странѣ, относительное число сельскихъ рабочихъ уменьшается.

II. Земледѣліе.

Естественныя условія Пруссіи, въ особенности восточной ея части, суровый климатъ и тощая почва, далеко не благопріятствуютъ успѣхамъ земледѣлія. Все, что̀ сдѣлано въ пользу его развитія, сдѣлано трудомъ человѣка, встрѣчавшаго въ окружающей природѣ не союзника, а врага, подчинявшагося труженику только тогда, когда послѣдній его порабощалъ. Несмотря, однако, на необходимость вести упорную борьбу съ природой, агрономія въ Пруссіи сдѣлала въ послѣднее пятидесятилѣтіе громадные успѣхи, свидѣтельствующіе о

настойчивости и трудолюбія земледѣльцевъ. Яснымъ доказательствомъ этихъ успѣховъ можетъ служить то обстоятельство, что количество скота за послѣднее 50-лѣтіе, увеличилось болѣе чѣмъ въ $2^1/_2$ раза и только съ 1858-го по 1864-й г. оно возросло на $12^0/_0$. При этомъ должно имѣть въ виду, что улучшеніе самой породы скота, ухода за нимъ, а также обработки молочныхъ и мясныхъ продуктовъ возвысило за тотъ же періодъ времени (50 лѣтъ) доходность каждой штуки скота на одну треть. Трехпольная система хозяйства, требовавшая оставленія ежегодно одной трети земли подъ паромъ, преобладала въ началѣ текущаго столѣтія, а въ настоящее время сохранилась только въ хозяйствахъ отсталыхъ. Въ Бранденбургѣ, напр., она нигдѣ не встрѣчается, въ Познани ея держатся только собственники-крестьяне, въ Помераніи ея почти не знаютъ. Вообще же, уже въ половинѣ прошлаго десятилѣтія подъ паромъ въ Пруссіи находилось только $^1/_7$ всей пахатной земли.

И высшія и низшія сословія Пруссіи видимо желали основать какъ свое матеріальное благосостояніе, такъ и политическую независимость на поземельной собственности и дѣлали все возможное, чтобъ расширить и улучшить ее. Мы видимъ, что съ одной стороны увеличиваются размѣры отдѣльныхъ крупныхъ владѣній, а съ другой увеличивается число мелкихъ собственниковъ. Первый фактъ замѣчается по преимуществу въ восточной Пруссіи. Дробленіе же собственности особенно рѣзко выяснилось въ при-рейнскихъ провинціяхъ и Вестфаліи. Такъ, въ восточной Пруссіи крупныя поземельныя владѣнія составляютъ болѣе половины всей поверхности, среднія же, отъ 25—300 моргеновъ, не много менѣе половины, а мелкіе участки менѣе 25-ти морген., обработываемые личнымъ трудомъ собственниковъ, едва $^1/_{10}$ часть. Въ Вестфаліи же только $16^0/_0$ поверхности заняты крупною собственностью, половина при-рейнскихъ провинцій занята владѣніями, заключающими въ себѣ менѣе 30 моргеновъ, а участки большіе—600 морг. занимаютъ едва $22^0/_0$ поверхности. Надо, впрочемъ, замѣтить, что въ западныхъ провинціяхъ, а отчасти и въ остальныхъ многіе фабричные рабочіе и ремесленники владѣютъ небольшими участками земли подъ домомъ и садомъ; обработка такихъ участковъ производится въ досужее, отъ преобладающаго занятія, время или выполняется членами семейства, не занятыми ремесломъ или фабричной работой.

Согласно послѣдней переписи, произведенной въ Пруссіи, почти половина населенія этой страны, а именно около 12-ти милліоновъ обоего пола лицъ, занимается земледѣльческимъ трудомъ, причемъ на каждую кв. милю приходится по 1859-ти душъ земледѣльческаго населенія. Оно наиболѣе густо въ Вестфаліи и при-рейнскихъ про-

винціяхъ, гдѣ, какъ мы упомянули, преобладаетъ мелкое землевладѣніе и гдѣ обработка земли приноситъ сравнительно гораздо бо́льшія выгоды чѣмъ въ другихъ частяхъ Пруссіи. Въ Бранденбургской провинціи, окружающей Берлинъ, благодаря мануфактурному и торговому значенію этого города, а также песчаной почвѣ, не требующей для обработки большого числа рукъ, земледѣльческое населеніе самое рѣдкое; здѣсь къ тому же мелкая собственность существуетъ въ весьма ничтожныхъ размѣрахъ. Несмотря на то, что половина рабочаго класса Пруссіи принадлежитъ къ земледѣльческому сословію, нельзя безусловно сказать, чтобы всѣ 12 милліоновъ содержали себя исключительно земледѣльческимъ трудомъ. Продолжительная зима въ восточной Пруссіи вынуждаетъ земледѣльцевъ искать заработковъ внѣ полевыхъ работъ.

Англійскіе отчеты приравниваютъ положеніе рабочаго земледѣльца-наемщика къ положенію плохого фабричнаго рабочаго. Этихъ наемщиковъ англійскіе репортеры дѣлятъ на двѣ главныя категоріи. Къ первой они относятъ рабочихъ постоянныхъ, заключающихъ съ землевладѣльцами безсрочныя условія и проживающихъ на фермахъ въ теченіи многихъ лѣтъ. Большую часть этихъ рабочихъ составляютъ женатые, солидные люди. Постоянный рабочій не рѣдко обязуется не только самъ отработать извѣстное число дней въ году, обыкновенно отъ 280 до 300, но кромѣ того поставить нѣсколько второстепенныхъ рабочихъ за заранѣе опредѣленную плату. Эти послѣднія лица большею частію принадлежатъ къ семейству главнаго рабочаго и отработываютъ въ годъ до 250 дней. Мѣжду постоянными рабочими преобладаютъ мужчины и мальчики, женщины встрѣчаются рѣже, а дѣвушекъ почти вовсе не бываетъ. Обязанности этихъ рабочихъ заключаются въ уходѣ за скотомъ, уборкѣ хозяйственныхъ помѣщеній, обсѣмененіи полей и обработкѣ молочныхъ продуктовъ. Они очень часто работаютъ на винокурняхъ и пивоварняхъ. Вообще на нихъ возлагаются самыя важныя и отвѣтственныя въ хозяйствѣ работы. Лучшіе постоянные рабочіе (въ восточной Пруссіи) получаютъ жалованье въ размѣрѣ 6—8 фунт. стерл. въ годъ, при готовомъ столѣ и помѣщеніи, и кромѣ того нѣкоторыя добавки къ жалованью натурой, стоимость которыхъ простирается отъ 2 до 3-хъ фунт. стерл. Иногда въ ихъ пользованіе предоставляется владѣльцомъ участокъ земли отъ $^1/_2$ до 1 акра, обработываемый и удобряемый на счетъ землевладѣльца, и почти всегда хлѣвъ для козъ или свиней. Второстепенные рабочіе этого класса получаютъ на хозяйскомъ содержаніи отъ 3-хъ до 5-ти фунт. стерл. въ годъ, а мальчики лѣтъ 15—17 отъ 1 фунт. 16 шил. до 2 фунт. 2 шил. И эти послѣдніе, также какъ и наилучшіе работники, въ добавокъ къ жало-

ванью получаютъ нѣкоторые предметы натурой, какъ, напр., отъ 2-хъ до 8-ми бушелей въ годъ зерна. Женщины получаютъ жалованья около 3 фунт. стерл. и небольшое количество льна и шерсти для приготовленія одежды себѣ и семьѣ. Въ большинствѣ остальныхъ провинцій Пруссіи рабочій трудъ цѣнится гораздо ниже, и годовой заработокъ мужчины простирается до 3 фунт. стерл. на готовомъ содержаніи, причемъ, однако, наниматель даетъ почти всегда въ пользованіе рабочаго небольшой участокъ удобренной земли для разведенія льна и картофеля. Пищу въ восточной Пруссіи и въ особенности въ долинѣ Вислы рабочіе получаютъ несравненно лучшую, чѣмъ въ западной части государства. Имъ даютъ три раза въ недѣлю свѣжую или соленую говядину, сало или копченую свинину и кромѣ того, постоянно хорошую сытную похлебку, овощи и кашу. По исчисленію хозяевъ, на каждаго рабочаго въ годъ выходитъ 1 центн. мяса и 84 фунта сала; хлѣба даютъ сколько угодно. Въ другихъ мѣстностяхъ пищу рабочіе получаютъ гораздо болѣе скудную. Въ Саксонскихъ провинціяхъ, напримѣръ, она почти исключительно мучная и разнообразится по преимуществу кофеемъ съ большою примѣсью цикорія. О чаѣ, который довольно распространенъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Пруссіи, въ Саксоніи не имѣютъ ни малѣйшаго понятія. Рабочіе, живущіе у мелкихъ собственниковъ, своими руками обработывающихъ землю и приглашающихъ наемщиковъ только въ помощь своему семейству, пользуются одинаковою съ хозяевами пищею и помѣщеніемъ, живутъ и ѣдятъ вмѣстѣ съ ними.

Въ благоустроенныхъ крупныхъ германскихъ хозяйствахъ рабочіе пользуются здоровымъ и просторнымъ помѣщеніемъ, устройствомъ которыхъ хозяева стали озабочиваться въ весьма недавнее время, побуждаемые требовательностью самихъ рабочихъ. Въ мелкихъ же хозяйствахъ не принимаютъ еще никакихъ осязательныхъ мѣръ къ улучшенію, въ этомъ отношеніи, положенія рабочаго. Большинство ихъ бываетъ вынуждено проводить ночь на чердакахъ скотныхъ дворовъ и сѣноваловъ.

Въ отчетѣ, доставленномъ лорду Кларендону изъ Саксенъ-Кобурга, мы встрѣчаемся съ описаніемъ жилища сельскаго простолюдина до такой степени сходнымъ съ жилищемъ русскаго крестьянина, что не можемъ на немъ не остановиться. Дома и квартиры для рабочихъ въ этой мѣстности Германіи вообще тѣсны, и часто биткомъ набиты членами семейства. Размѣры дома очень скромные. Чрезвычайно низкая комната, имѣющая не болѣе 16—12 фут. въ длину и ширину съ маленькими окошками, служитъ обыкновенно спальней и для родителей и для дѣтей вмѣстѣ. Въ большинствѣ домовъ особой кухни не имѣется, и пища готовится и съѣдается въ

той же комнатѣ; она приготовляется на очагѣ, устроенномъ въ одномъ изъ угловъ этого помѣщенія. Если же, въ видѣ исключенія, при домѣ есть кухня, то въ ней и спятъ и ѣдятъ, и складываютъ топливо и хранятъ разные припасы, инструменты и принадлежности хозяйства. Зачастую домашняя птица содержится тамъ же, гдѣ живутъ хозяева. Хлѣвъ и помойная яма бываютъ расположены такъ близко къ дому, что семейство рабочаго имѣетъ полную возможность вдыхать міазмы, распространяемые ими. Вентиляціи обыкновенно никакой не существуетъ, и если встрѣчаются какія-либо отверстія въ стѣнахъ, дверяхъ или окнахъ, продѣланныя иногда даже съ спеціальною цѣлью освѣженія воздуха, то заботливыя хозяйки не упускаютъ случая закупоривать ихъ при первой возможности, во избѣжаніе холода или сквозного вѣтра. О погребахъ и кладовыхъ при такихъ помѣщеніяхъ не можетъ быть и рѣчи, также какъ и о водосточныхъ канавахъ, которыя могли бы содѣйствовать уничтоженію часто непроходимой отвратительной грязи, ихъ окружающей. Годовая плата за наемъ такого дома колеблется между 20 и 25 гульд., а стоимость его постройки простирается до 500 гульд. Если домъ этотъ не составляетъ собственности мелкаго землевладѣльца-крестьянина, а построенъ спеціально для того, чтобы его отдавать въ наймы, то при немъ есть всегда небольшой клочекъ земли, который можетъ быть нанятъ подъ огородъ за особую плату.

Ко второму разряду отчеты относятъ рабочихъ, нанимающихся на фермы на опредѣленный срокъ, большею частію на годъ. Имъ поручаются менѣе серьёзныя и отвѣтственныя работы по хозяйству и какъ денежное довольство, такъ и вообще ихъ содержаніе хуже рабочихъ перваго разряда.

Кромѣ того въ Пруссіи весьма распространенъ особый классъ мелкихъ арендаторовъ, обязанныхъ личнымъ трудомъ (нѣчто въ родѣ барщины) оплачивать землевладѣльцу пользованіе землей. Отношенія эти созданы совершенно добровольнымъ соглашеніемъ между собственниками земель и ихъ рабочими съ арендаторами въ одно и тоже время. Каждый такой фермеръ арендуетъ у крупнаго землевладѣльца участокъ земли, необходимый для прокормленія своей семьи, и домикъ съ хозяйственными принадлежностями, составляющій собственность землевладѣльца. За это онъ платитъ весьма невысокую ренту, и кромѣ того обязуется отработать на земляхъ хозяина опредѣленное число дней за опредѣленную же поденную плату. При этомъ и хозяинъ беретъ на себя обязательство доставлять работу этимъ лицамъ, въ теченіи круглаго года въ опредѣленномъ размѣрѣ. Семья такого рабочаго даетъ среднимъ числомъ около 700 рабочихъ дней землевладѣльцу, который уплачиваетъ за нихъ до 233 тал. Каждый

день оплачивается среднимъ числомъ шиллингомъ. Женскіе и дѣтскіе рабочіе дни по опредѣленному разсчету приравниваются къ мужскимъ.

Развитіе желѣзныхъ дорогъ, весьма облегчившее передвиженіе рабочихъ изъ одной мѣстности въ другую, способствовало, за послѣднее время, развитію земледѣльческаго наемнаго труда на артельныхъ началахъ. Устраиваются эти артели обыкновенно такъ: человѣкъ 15—20 обоего пола, желая получить общую работу, избираютъ изъ своей среды опытное лицо, которое отправляютъ заблаговременно въ такія мѣстности, гдѣ разсчитываютъ найти работу. Этотъ уполномоченный входитъ въ соглашеніе съ землевладѣльцами, заключаетъ съ ними контрактъ за себя и за своихъ товарищей, извѣщаетъ послѣднихъ объ этомъ и приглашаетъ ихъ прибыть на мѣсто. Нерѣдко этимъ артелямъ приходится работать за 200 и болѣе миль отъ своего постояннаго мѣста жительства. По окончаніи работы въ одномъ имѣніи, они иногда переходятъ въ другое. Заработанныя деньги дѣлятъ поровну, а къ зимѣ рабочіе непремѣнно возвращаются домой. Особенно развита эта форма труда между жителями восточной Пруссіи и по преимуществу въ при-вислянскихъ провинціяхъ, откуда они уходятъ работать на западъ.

Какъ ни скромно положеніе всѣхъ этихъ рабочихъ, они могутъ считаться сравнительно обезпеченными въ своемъ существованіи, и получая относительно хорошее содержаніе и пищевое довольствіе, имѣютъ возможность, при свойственной германской расѣ аккуратности и весьма скромныхъ требованіяхъ, дѣлать нѣкоторыя сбереженія, откладывать копѣйку на черный день въ банки или ссудныя товарищества, или что еще лучше, пріобрѣтать небольшую поземельную собственность—цѣль всякаго заботливаго работника-семьянина. Но кромѣ указанныхъ нами разрядовъ земледѣльческихъ рабочихъ, существуютъ пролетаріи, большею частью одинокіе люди, не имѣющіе ни дома, ни постояннаго занятія. Они обыкновенно нанимаютъ уголокъ въ квартирѣ какого-либо постояннаго семейнаго рабочаго и предлагаютъ свои труды землевладѣльцамъ въ такое время года, когда наступаютъ спѣшныя полевыя работы, съ которыми постоянные или годовые рабочіе управиться не могутъ. Пользуясь случаемъ, они требуютъ обыкновенно за свой поденный трудъ 20-ю или около того процентами болѣе противъ постояннаго рабочаго. Этотъ избытокъ однако не обезпечиваетъ вполнѣ ихъ положенія, ибо зимой они остаются почти всегда безъ дѣла и едва прокармливаются остатками отъ лѣтняго заработка. О сбереженіяхъ такимъ людямъ никогда не приходится и думать. Тяготясь своимъ существованіемъ на родинѣ, они стремятся эмигрировать, и большая часть германскихъ рабо-

чихъ, переселяющихся въ Америку, принадлежитъ именно къ этой средѣ. Поэтому общее число ихъ въ Германіи изъ году въ годъ уменьшается, тогда какъ потребность въ такихъ временныхъ рабочихъ силахъ постоянно возрастаетъ по мѣрѣ развитія сельскаго хозяйства. Очевидно, что и цѣна на ихъ трудъ должна увеличиваться. За послѣднія десять лѣтъ цѣна ихъ труда возросла на 30%. Надо ожидать, что наступитъ время, когда заработная плата настолько будетъ обезпечивать ихъ существованіе, что имъ болѣе не будетъ представляться необходимости искать хлѣба за океаномъ.

Отношеніе хозяевъ къ рабочимъ еще въ весьма недавнее время было до такой степени строго и сурово, что постоянные законтрактованные рабочіе не имѣли права вступать въ бракъ безъ разрѣшенія хозяина, а разрѣшенія этого почти никогда не давалось, такъ какъ владѣльцы усматривали въ бракѣ помѣху успѣшной работѣ. Одинъ этотъ фактъ достаточно характеризуетъ стѣсненное положеніе земледѣльца-работника въ то время, но нынче эти отношенія измѣнились значительно къ лучшему. Образованіе, проникшее въ рабочую массу, возможность несравненно съ большею, противъ прежняго, скоростью и дешевизной передвигаться изъ одного мѣста въ другое и пріискивать выгодный для себя заработокъ, развитіе фабричной и заводской промышленности, сдѣлали рабочаго значительно требовательнѣе, какъ относительно обращенія съ нимъ хозяевъ, такъ и относительно удобствъ жизни. Хозяева же стали несравненно болѣе дорожить рабочими. Ихъ обращеніе съ ними сдѣлалось гораздо гуманнѣе, пища и помѣщенія улучшились. На браки рабочихъ, допущенные владѣльцами сначала какъ необходимая уступка, нынче смотрятъ даже весьма благосклонно, ибо, какъ оказывается, семейный хорошій рабочій, озабочиваясь тѣмъ, чтобы обезпечить и настоящее и будущее своей семьи, гораздо болѣе дорожитъ своимъ мѣстомъ, чѣмъ холостой, и слѣдовательно добросовѣстнѣе выполняетъ работу, такъ что женатые рабочіе въ настоящее время пользуются нѣкоторыми льготами и избыткомъ содержанія, не предоставленнымъ холостымъ. Такое, какъ-бы вынужденное улучшеніе отношеній хозяина къ работнику ни мало однако не умалило успѣховъ сельскаго хозяйства. Одновременно съ улучшеніемъ этихъ отношеній, увеличивалась и доходность хозяйствъ, хотя конечно не въ нихъ однихъ лежатъ причины этого успѣха.

III. Ремесленники и фабричные работники.

Прежде, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію числовыхъ данныхъ, необходимыхъ для яснаго очертанія матеріальнаго быта ремесленниковъ и германскихъ рабочихъ, мы постараемся дать общее понятіе о главнѣйшихъ группахъ, на которыя они могутъ быть раздѣлены. Въ предыдущей главѣ мы коснулись земледѣльцевъ, изъ остальныхъ прежде всего останавливаютъ на себѣ вниманіе ремесленники, въ весьма недавнее еще время принадлежавшіе къ тому или другому цеху, а въ настоящую минуту, послѣ уничтоженія этихъ установленій, еще не вполнѣ устроившіеся въ своемъ новомъ положеніи. За ними слѣдуютъ подмастерья и ученики, положеніе которыхъ болѣе или менѣе уже обрисовалось и, наконецъ, фабричные рабочіе, составляющіе большинство.

Нѣкоторые хозяева мелкихъ ремесленныхъ заведеній, многіе ремесленники и частію мелкіе торговцы, промышлявшіе въ первой половинѣ настоящаго столѣтія въ городахъ, къ которымъ прикрѣпляли ихъ цеховыя привилегіи, вынуждены были вслѣдствіе уничтоженія этихъ привилегій, развитія свободы торговли и ремеслъ, расширенія фабричной промышленности, перенести свою дѣятельность изъ городовъ въ села и вообще изъ мѣстностей болѣе промышленныхъ въ такія, гдѣ промышленность была мало развита и гдѣ имъ нельзя было страшиться конкурренціи не только съ фабрикантами, но даже съ своими прежними подмастерьями и рабочими. Съ одной стороны, это весьма благодѣтельно повліяло на усовершенствованіе ремеслъ, потому что, вмѣсто того, чтобы работать на хозяевъ, многіе ремесленники получали возможность работать для себя, а съ другой, лишивъ мелкія городскія мастерскія множества рабочихъ рукъ, разорило ихъ хозяевъ и вызвало со стороны болѣе или менѣе крупныхъ торговцевъ требованія о стѣсненіи ремесленниковъ. За послѣднее же время желѣзныя и шоссейныя дороги, представляющія дешевыя и удобныя средства для передвиженія людей и товаровъ, еще неблагопріятнѣе подѣйствовали на мелкія ремесленныя заведенія и даже на мелкихъ ремесленниковъ. Крупныя мануфактуры и фабрики получили возможность передвигать свои произведенія въ такія мѣстности, гдѣ прежде шли въ продажу только произведенія мѣстныхъ ремесленниковъ, и трудъ послѣднихъ не только утратилъ бо́льшую долю своей самостоятельности, но даже пересталъ окупать существованіе работника и принудилъ его искать иныхъ источниковъ жизни. Часть этихъ рабочихъ примкнула къ вновь возникшимъ фабрикамъ, остальные пробиваются съ большимъ

трудомъ и пополняютъ свой скудный ремесленный заработокъ земледѣльческимъ. Счастливѣйшими изъ нихъ надо считать тѣхъ, которые съумѣли до кризиса накопить немного денегъ и пріобрѣсти нѣсколько моргеновъ земли. Положеніе этихъ послѣднихъ относительно можно назвать цвѣтущимъ. Остальнымъ изъ нихъ, не примкнувшимъ къ фабрикамъ, приходится искать при крупныхъ земледѣльческихъ хозяйствахъ работу, соотвѣтствующую ихъ ремеслу. За недостаткомъ постоянной работы въ одномъ мѣстѣ, они часто переходятъ отъ одного хозяина къ другому, заработывая немного болѣе хорошаго сельскаго рабочаго, а иногда по нуждѣ работаютъ только за пищу и квартиру. Семьи этихъ несчастныхъ живутъ по преимуществу въ большой нищетѣ. Свѣжее мясо составляетъ за ихъ столомъ великую рѣдкость и роскошь, а употребленіе вина или пива даже въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ вовсе для нихъ недоступно.

Подмастерьями называются въ Германіи ремесленники, получившіе нѣкоторое техническое практическое образованіе, проработавшіе нѣсколько лѣтъ подъ руководствомъ какого-либо искуснаго мастера или выдержавшіе испытаніе въ видѣ исполненія какой-либо особо заданной работы, или просто получившіе свидѣтельство отъ мастера, у котораго обучались въ знаніи ремесла. Законы настоящаго времени не требуютъ ни того, ни другого, но издавна установившійся обычай лишаетъ часто и доселѣ возможности получить занятіе тѣхъ смѣльчаковъ, которые не желаютъ ему подчиниться. Кромѣ того, большинство подмастерьевъ, по окончаніи ученья у какого-либо мастера, предпринимаютъ путешествіе по Германіи, а иногда даже и въ чужіе края, съ цѣлью усовершенствованія своего ремесленнаго образованія. Такой рабочій старается побывать въ тѣхъ городахъ, гдѣ процвѣтаетъ избранное имъ ремесло, и поработать нѣсколько времени въ лучшихъ мастерскихъ. Путешествія эти не только даютъ возможность ремесленнику усовершенствовать свои спеціальныя познанія, но обогащаютъ ихъ общими свѣдѣніями и чрезвычайно расширяютъ ихъ умственный горизонтъ. Подмастерья, прошедшіе такую школу, весьма легко находятъ себѣ работу на родинѣ и заработокъ ихъ равняется заработку хозяина мелкаго ремесленнаго заведенія. Если подмастерье не женатъ, то его матеріальное положеніе бываетъ лучше положенія его хозяина. Но во время упадка по какимъ-либо причинамъ промышленности, которою онъ кормится, положеніе его дѣлается весьма опаснымъ, онъ рискуетъ потерять работу и часто, оставаясь безъ дѣла, истрачиваетъ всѣ сбереженныя въ хорошее рабочее время деньги. Этого, впрочемъ, не случается съ тѣми изъ нихъ, которые устраиваются при крупныхъ мануфактур-

ныхъ заведеніяхъ, отличаются знаніемъ своего дѣла и успѣваютъ зарекомендовать себя съ особенно хорошей стороны. Такими рабочими капиталисты дорожатъ настолько, что въ самое трудное время стараются ихъ удерживать при фабрикѣ.

Подмастерья эти, прежде чѣмъ сдѣлаться подмастерьями, бываютъ простыми учениками. Обыкновенно мальчикъ лѣтъ около пятнадцати, окончившій въ начальной школѣ курсъ обязательнаго образованія, избираетъ какое-нибудь ремесло и поступаетъ къ хозяину или на фабрику, съ цѣлью изучить дѣло подъ его руководствомъ. Обучается онъ ремеслу безплатно, и даже получаетъ отъ хозяина готовый столъ и помѣщеніе. Обученіе продолжается три года, что и включается въ условіе, но въ случаѣ дурного съ нимъ обращенія хозяина, онъ имѣетъ право уйти и заключенное условіе уничтожается. Впрочемъ, германскихъ хозяевъ нельзя обвинить въ дурномъ обращеніи съ своими учениками. Они злоупотребляютъ своею властію лишь въ томъ отношеніи, что заставляютъ ихъ часто исполнять обязанности домашней прислуги и такимъ образомъ тратить время въ ущербъ успѣхамъ ихъ техническихъ занятій и ученья въ школѣ, которую они продолжаютъ обыкновенно посѣщать. Даровая работа учениковъ, часто весьма искусныхъ и способныхъ, настолько выгодна для хозяевъ, что они набираютъ ихъ весьма большое число и тѣмъ вызываютъ ропотъ со стороны подмастерьевъ, лишающихся поэтому излишней работы, а часто и мѣста. Бывали примѣры, что подмастерья соединялись для борьбы въ этомъ отношеніи съ хозяевами и прибѣгали даже къ покровительству закона. Еще недавно владѣльцы крупнѣйшихъ типографскихъ заведеній Германіи признали вполнѣ справедливымъ неудовольствіе въ этомъ отношеніи подмастерьевъ и установили нѣкоторыя постоянныя правила по этому предмету, ограждающія положеніе подмастерьевъ. Правительство же по этому поводу не приняло до сихъ поръ никакихъ законодательныхъ мѣръ.

Обыкновенный фабричный рабочій, далеко не столь искусный, какъ подмастерье, конечно и заработываетъ менѣе его. Не столько законы страны, сколько общественное мнѣніе вынуждаетъ, по словамъ англичанъ, владѣльцевъ фабрикъ, заводовъ и другихъ ремесленныхъ заведеній заботиться о доставленіи рабочимъ хорошей пищи и, главное, здоровыхъ помѣщеній какъ для работы, такъ и для семейной жизни. Обращаются хозяева съ рабочими хорошо, но, несмотря на это, между тѣми и другими далеко не установилось вполнѣ прочныхъ, добрыхъ отношеній. Рабочіе никакъ не хотятъ признать, что ихъ интересы тождественны съ интересами капиталиста, къ ко-

торому они нанимаются работать, и признаютъ только, что, въ силу необходимости, они должны работать какъ можно старательнѣе единственно для того, чтобы заработать возможно болѣе денегъ, а вовсе не для того, чтобъ возвысить барышъ хозяина или самое производство. Этотъ классъ рабочихъ заключаетъ въ себѣ большинство германскихъ простолюдиновъ, недовольныхъ своею участью и ищущихъ средствъ къ ея улучшенію. Идеи соціализма и другихъ разрушительныхъ, какъ они названы въ донесеніи, теорій находятъ весьма легкій доступъ въ ихъ среду и имѣютъ между ними много приверженцевъ. Заработокъ ихъ, какъ оказывается по словамъ того же репортера, который утверждаетъ, что эти люди находятся въ хорошемъ положеніи, оказывается недостаточнымъ для прокормленія семьи, если жена и дѣти рабочаго сами не заработываютъ себѣ кусокъ хлѣба. Женщины, впрочемъ, безъ труда находятъ себѣ работу на фабрикахъ и получаютъ довольно хорошее жалованье. Болѣе $1/5$ всего числа рабочихъ на нѣкоторыхъ фабрикахъ составляютъ женщины и ихъ матеріальное положеніе сносно, но въ нравственномъ отношеніи онѣ стоятъ весьма низко и предаются разгулу и разврату, чему не мало содѣйствуютъ общія для обоихъ половъ мастерскія и продолжительность ночной работы. Нѣкоторые крупные фабриканты стараются отдѣлить женскія мастерскія отъ мужскихъ, но въ мелкихъ предпріятіяхъ это дѣлается совершенно невозможнымъ. Одинокіе рабочіе живутъ безбѣдно и даже имѣютъ возможность дѣлать порядочныя сбереженія; но, во-первыхъ, между собственно фабричными рабочими вкоренился обычай рано (и необдуманно, прибавляетъ репортеръ) вступать въ бракъ, а, во-вторыхъ, между ними далеко не развито стремленіе, присущее другимъ рабочимъ ихъ родины, употреблять свои сбереженія на пріобрѣтеніе недвижимой собственности, и, главное, они имѣютъ очень мало къ тому возможности. Чрезвычайное однообразіе ежедневно исполняемой ими работы, которая, въ большинствѣ случаевъ, длится болѣе 12-ти часовъ въ сутки, возбуждаетъ въ нихъ непреодолимую потребность въ развлеченіяхъ, на которыя они, когда до нихъ могутъ добраться, тратятъ всѣ свои лишнія деньги и даже физическія силы. Репортеръ старается смягчить непріятное впечатлѣніе, которое неминуемо производитъ такое сообщеніе, указывая на нѣсколько исключеній изъ общаго правила, причемъ сообщаетъ, что тамъ, гдѣ владѣльцы промышленныхъ заведеній заботятся о матеріальномъ и нравственномъ благосостояніи рабочихъ, ихъ положеніе цвѣтущее и нравственно они гораздо выше остальныхъ. Онъ упоминаетъ о воспитательныхъ обществахъ (Bildungsverein), цѣль которыхъ — вносить просвѣщеніе въ среду рабочаго класса, и

говоритъ, что общества эти принесли большую пользу и пробудили во многихъ рабочихъ охоту къ умственнымъ занятіямъ и нравственному совершенствованію. Нельзя не порадоваться, конечно, что при неудовлетворительности общаго существуютъ частныя исключенія, но нельзя не пожалѣть, что хорошее представляетъ только исключенія, и вмѣстѣ нельзя не сознаться, что измѣнить положеніе дѣла къ лучшему зависитъ, какъ видно, отъ капиталистовъ, а не отъ труда. Гдѣ,—говоритъ донесеніе,—капиталисты позаботились о благосостояніи рабочихъ, тамъ оно и явилось. Ученье, конечно, свѣтъ, а неученье — тьма, но учиться можно тогда, когда есть на то время, а если человѣку приходится работать болѣе 12-ти часовъ въ сутки, трудно предположить, чтобы при всѣхъ усиліяхъ его доброжелателей, членовъ Bildungsverein'овъ, можно было добиться, чтобъ онъ нашелъ время и силы для занятій умственнымъ трудомъ. Уменьшить же число рабочихъ часовъ зависитъ опять-таки отъ капиталистовъ и было бы весьма благоразумно, если бы они это совершили ранѣе, чѣмъ строптивые рабочіе, побуждаемые апостолами „разрушительныхъ ученій“, прибѣгли къ мѣрамъ насильственнымъ, которыя, хотя временно, но неминуемо потрясли бы промышленность и отразились бы на карманахъ самихъ предпринимателей. Къ счастію, какъ мы укажемъ ниже, во многихъ частяхъ Германіи фабриканты уже обратили вниманіе на этотъ предметъ.

Кромѣ собственно фабричныхъ рабочихъ, существуютъ въ большомъ количествѣ рабочіе, изготовляющіе разнаго рода издѣлія для фабрикантовъ и мануфактуристовъ у себя на дому. Занятія этихъ людей могутъ быть названы домашней или кустарной промышленностью. Капиталистъ доставляетъ имъ матеріалъ для работы и оплачиваетъ ее поштучно. Самая работа исполняется ремесленникомъ у себя на дому при помощи членовъ семейства, а иногда и нанятыхъ подмастерьевъ. Такимъ образомъ существуютъ нѣсколько группъ ремесленниковъ: портные—въ Берлинѣ, слесаря и кузнецы—около Эльберфельда, гранильщики—въ Нассау, многіе другіе и главнымъ образомъ ткачи — въ различныхъ мѣстностяхъ Пруссіи. Послѣдніе наиболѣе многочисленны и обезпечены въ при-рейнскихъ провинціяхъ, гдѣ расположены значительныя шелковыя мануфактуры. Но положеніе ихъ представляется въ самомъ плачевномъ видѣ въ Верхней Силезіи, гдѣ льно-ткацкая промышленность, издавна тамъ процвѣтавшая, была убита политическими обстоятельствами при Фридрихѣ-Вильгельмѣ III и не могла выдержать конкурренціи съ ирландской. Болѣе 30,000 рабочихъ совершенно обнищали, упали духомъ и въ настоящее время представляютъ изъ себя группу самыхъ бѣднѣй-

шихъ рабочихъ въ Германіи и не могутъ подняться, несмотря на нѣкоторыя поощрительныя со стороны правительства мѣры. Вздумали-было они замѣнить ленъ хлопкомъ, но не выдержали расходовъ на пріобрѣтеніе новыхъ инструментовъ, и этой попыткой едва ли не обезсилили себя еще болѣе. Они перебиваются изо-дня въ день, при помощи работы, какая попадется подъ руку.

IV. Размѣръ заработной платы и расходы рабочихъ.

Въ этой главѣ мы постараемся дать понятіе о размѣрѣ заработной платы, существующей въ различныхъ мѣстностяхъ Германіи, и о расходахъ, которые рабочіе обязаны дѣлать для поддержанія своего существованія и существованія своей семьи, причемъ обратимъ вниманіе на удовлетвореніе главнѣйшей житейской потребности—пищевого довольства, характеръ котораго опредѣляетъ главнымъ образомъ общій характеръ благосостоянія работника при доступныхъ для него матеріальныхъ средствахъ.

Д-ръ Энгель, директоръ статистическаго бюро въ Берлинѣ, изъ разсмотрѣнія большой массы статистическихъ данныхъ, состоящихъ въ его распоряженіи, нашелъ возможнымъ вывести среднее процентное отношеніе расходовъ, производимыхъ какъ рабочими, такъ и нерабочими семействами, средства которыхъ приближаются къ средствамъ первыхъ, на удовлетвореніе необходимыхъ жизненныхъ потребностей. Онъ подраздѣлилъ семейства по доходности на три разряда. Къ первому отнесъ рабочихъ, получающихъ въ годъ отъ 45 до 60 фунтовъ стерлинговъ; ко второму людей средняго класса, годовой заработокъ которыхъ простирается отъ 90 до 120 фунт. стерл., и, наконецъ, къ третьему состоятельныя семейства, имѣющія въ годъ отъ 150 до 225 фунт. стерл. дохода.

Послѣдній разрядъ не можетъ быть причисленъ собственно къ рабочему классу и потому представляетъ для насъ интересъ лишь потому, что нѣкоторые выводы, необходимые для нашего предмета, возможно сдѣлать только изъ сравненій. Самый низшій разрядъ дохода, приведенный Энгелемъ, не соотвѣтствуетъ среднему заработку обыкновеннаго рабочаго, а представляетъ весьма возвышенный заработокъ, если не считать высокаго жалованья, которое получаютъ нѣкоторые изъ нихъ, занимающіе должности смотрителей, надзирателей, управляющихъ на фабрикахъ и проч. Эти послѣднія лица могутъ подойти подъ вторую категорію, получающихъ отъ 90 до 120 фунт. стерл.

Вотъ основные выводы изслѣдованій д-ра Энгеля:

Предметы расхода.	Процентное отношеніе расходовъ семейнаго рабочаго, получающаго въ годъ отъ 45 до 60 фунт. стерл. Процент.		человѣка, годовой доходъ котораго простирается отъ 90 до 120 фунт. стерл. Процент.		человѣка, обезпеченнаго годовымъ доходомъ отъ 150 до 225 фунт. стерл.	
Пищевое довольство	62	95	55	90	50	85
Одежда	16		18		18	
Жилище	12		12		12	
Освѣщеніе и отопленіе	5		5		5	
Воспитаніе, религія и проч.	2	5	3,50	10	5,5	15
Покровительство законовъ	1		2		3	
Охраненіе здоровья	1		2		3	
Различныя удобства, развлеченія и проч.	1		2,5		3,5	
	100		100		100	

Несмотря на то, что выводы эти сдѣланы для сравнительно весьма высокой доходности и на основаніи данныхъ, собранныхъ въ Пруссіи, они не только подтверждаются данными, относящимися до болѣе мелкихъ доходовъ въ самой Пруссіи, но могутъ быть примѣнены съ большой достовѣрностью и къ другимъ государствамъ. Какъ изъ только-что приведенной таблицы, такъ и изъ другихъ статистическихъ данныхъ представляется возможность сдѣлать нѣкоторыя общія заключенія. Во-первыхъ, чѣмъ беднѣе семейство, тѣмъ ему относительно болѣе приходится издерживать на свое прокормленіе. При доходности въ 33 фунт. стерл. пища поглощаетъ уже 67%, а при 26 фунт. стерл. до 71%. Во-вторыхъ, отношеніе расходовъ на одежду и жилище къ общей ихъ суммѣ остается неизмѣннымъ для всякаго почти состоянія изъ приведенныхъ въ таблицѣ, но при весьма сильномъ пониженіи дохода, относительная стоимость квартиръ уменьшается; такъ, при доходѣ въ 30—20 ф. ст. дохода, она составляетъ всего 8,3 или 9%. Надо, конечно, имѣть въ виду, что выводы Энгеля представляютъ среднія цифры и не могутъ быть отнесены ко всякому данному случаю. Возможность часть доходовъ откладывать на черный день, конечно, гораздо болѣе тамъ, гдѣ меньшій процентъ общихъ расходовъ употребляется на насущныя потребности. Для рабочаго эти расходы составляютъ 95%, для человѣка, получающаго въ годъ 150—225 фунт. стерл., они не превышаютъ 85%. Ясно, что для перваго, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, невозможно сберечь и 5% изъ своего дохода. Онъ можетъ отказать себѣ во всякомъ развлеченіи, во всякомъ комфортѣ, и у него останется только одинъ процентъ; если ни ему, ни членамъ его семейства не придется прибѣгать къ покровительству законовъ, у него останется еще процентъ; если всѣ члены семейства будутъ совершенно здо-

ровы, онъ можетъ разсчитывать на третій; расходы же на воспитаніе и церковь ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть вычеркнуты изъ бюджета. Итакъ, рабочій ни въ какомъ случаѣ болѣе 3% изъ своего годового дохода сберечь не можетъ, и то получая относительно хорошее содержаніе. Принимая же во вниманіе, что чѣмъ больше доходъ, тѣмъ больше могутъ быть сбереженія, ибо для второго разряда они уже возможны въ размѣрѣ 6,5%, для третьяго — 9,5%; можно и обратно предположить, что обыкновенный прусскій рабочій, получающій въ годъ отъ 25 до 30 фунт. стерл., можетъ сберечь въ годъ не болѣе 1 или 1½ процента, или около 7—8 шиллинговъ. Это количество приблизительно соотвѣтствуетъ суммѣ наименьшихъ годовыхъ взносовъ членовъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ, организованныхъ въ Германіи рабочими по системѣ Шульце-Делича.

Для бòльшаго уясненія вопроса о стоимости содержанія рабочихъ семействъ, возможности удовлетворенія насущнѣйшихъ потребностей рабочаго и размѣра доступныхъ ему сбереженій, нельзя ограничиться одними средними теоретическими выводами, только-что указанными нами. Обращаясь же къ болѣе непосредственнымъ даннымъ, мы усматриваемъ, что расходы рабочихъ представляютъ наиболѣе крупныя цифры въ большихъ городахъ и наименѣе крупныя въ селеніяхъ. Чѣмъ больше городъ, тѣмъ и жизнь въ немъ дороже; чѣмъ болѣе развита промышленность въ данной мѣстности, тѣмъ опять выше стоимость существованія. Такъ, напримѣръ, въ городѣ Кёнигсбергѣ общій расходъ семейнаго рабочаго (5 членовъ семейства) простирается до 36 фунт. стерл., въ Кёльнѣ — до 61 ф. стерл. Впрочемъ, эта послѣдняя цифра составляетъ исключеніе. Наивысшій размѣръ ихъ не превышаетъ во всѣхъ остальныхъ мѣстностяхъ 40 фунт. стерл. Въ селахъ и мелкихъ городахъ Помераніи, минденскомъ округѣ (въ Вестфаліи), нѣкоторыхъ саксонскихъ провинціяхъ она падаетъ до 12-ти съ небольшимъ фунт. стерл., представляющихъ, впрочемъ, минимумъ; максимумъ же этой цифры для тѣхъ же мѣстностей простирается до 33 фунт. стерл., а чаще всего, судя по приведеннымъ въ донесеніяхъ статистическимъ таблицамъ, на содержаніе семьи, состоящей изъ 4—6 членовъ, рабочему приходится расходовать около 20 — 25 фунт. стерл. въ годъ, а въ прирейнскихъ провинціяхъ нѣсколько болѣе, 25—30 фунт. стерл.

Въ Кёнигсбергѣ, гдѣ общая стоимость содержанія семьи, какъ мы сказали, простирается до 36-ти фунт. стерл., сумма эта распредѣляется такъ:

на пищу	27 ф.	ст.	—
на жилище	4 „	„	10 ш.
на отопленіе и освѣщеніе	1 „	„	4 „

на одежду	2 ф. ст.	8 ш.
на предметы домашняго хозяйства и рабочіе инструменты	—	12 „
на подати и сборъ на школы	—	6 „
Всего . .	36 ф. ст.	—

Въ сельскихъ округахъ Силезіи стоимость содержанія 3—5 членовъ семейства колеблется между 10 фунт. стерл. 7 шилл. и 23 фунт. стерл. 2 шилл., и сумма въ подробностяхъ распадается на слѣдующіе отдѣлы:

Пища	отъ	7 ф.	10 ш.	до	13 ф.	1 ш.
Жилище	„	—	18 „	„	2 „	5 „
Отопленіе и освѣщеніе	„	—	18 „	„	2 „	2 „
Одежда	„	—	12 „	„	3 „	9 „
Предметы домашняго хозяйства и рабочіе инструменты	„	—	3 „	„	1 „	10 „
Подати и сборъ на содержаніе школъ	„	—	6 „	„	—	15 „
Всего . .	отъ	10 ф.	7 ш.	до	23 ф.	2 ш.

Въ мануфактурныхъ округахъ Силезіи же общая стоимость содержанія семьи (4—5 членовъ) простирается отъ 18½ до 30 слишкомъ фунт. стерл., причемъ на пищу расходуется отъ 12 до 16 ф. стерл., на жилище—около 2½, на одежду—отъ 3 до 6 ф. ст.

Стоимость жизни въ рейнскихъ провинціяхъ выше, чѣмъ въ остальныхъ; такъ, напримѣръ, въ сѣверной части эссенскаго округа она, для семьи въ 5 человѣкъ, простирается до 37 ф. 19 шилл. въ годъ; изъ нихъ издерживается: на пищу 26 ф. 5 ш., на наемъ квартиры 3 ф., на отопленіе и освѣщеніе 1 ф. 16 ш., на одежду 4 ф. 10 ш., на предметы домашняго обихода и рабочіе инструменты 15 ш. и столько же на подати и школу.

Въ Магдебургѣ (въ саксонской Пруссіи) общая стоимость содержанія семейства (5 членовъ) исчислена въ 30 ф.

на пищу	18 ф.	—	
на жилище	3 „	15 ш.	— 4 ф. 10 ш.
на отопленіе и освѣщеніе . .	1 „	10 „	
на одежду	4 „	10 „	
на домашнее хозяйство и инструменты	—	15 „	
на подати и проч.	—	15 „	
Всего . . .	30 ф.	—	

Вышепоказанныя мѣстности избраны нами, во-первыхъ, потому, что они представляются наиболѣе характеристичными, и, во-вторыхъ, потому, что разсматриваемые нами матеріалы даютъ возможность противопоставить цифрамъ расхода цифры дохода рабочаго въ этихъ округахъ. Прежде всего обратимся къ Силезіи. Благодаря труду профессора Якоби, издавшаго изслѣдованіе о заработной платѣ въ этомъ округѣ, мы можемъ составить себѣ весьма отчетливое понятіе о матеріальномъ положеніи мѣстнаго рабочаго. Единственный источникъ доходовъ силезскаго рабочаго, какъ и всякаго другого, составляетъ его личный трудъ, его заработокъ. Дневной же заработокъ простого рабочаго (Handarbeiter) среднимъ числомъ (принимая въ разсчетъ и зимнія, и лѣтнія цѣны) колеблется между $8^1/_2$ пенс. и 1 шилл. Женщины получаютъ отъ $4^1/_2$ до $7^1/_2$ пенс. Высшій размѣръ встрѣчается чаще, чѣмъ низшій. Въ большихъ городахъ, вблизи ихъ и вездѣ, гдѣ отъ рабочаго требуется болѣе обыкновеннаго искусства или силы, цѣны эти увеличиваются. Въ случаѣ появленія въ странѣ какихъ-либо экстренныхъ работъ, напримѣръ, проведенія желѣзной дороги, цѣны на рабочихъ сильно подымаются и достигаютъ до $1^1/_2$ шилл. въ день мужчинѣ лѣтомъ и 1 шилл. женщинѣ. Въ большихъ городахъ простая работница можетъ въ день заработать болѣе шиллинга. Работая по контракту или поштучно, рабочій можетъ увеличить свой заработокъ на 30 и даже 50 процентовъ и получить въ лѣтній день до 2 шилл., а на желѣзно-дорожныхъ работахъ еще болѣе. Бываютъ, весьма впрочемъ рѣдко, случаи, когда, за недостаткомъ работы, лѣтняя поденная плата падаетъ до $8^1/_2$ пенс. мужчинѣ. Иногда работа оплачивается по часамъ, при чемъ мужчина получаетъ за часъ около 1 п. и до $1^1/_2$ п., а женщина — отъ $^1/_2$ п. до 1 п. Дѣти, которыя еще обязаны посѣщать школу, находятъ нерѣдко легкую полевую работу и, выполняя ее въ свободные отъ ученья часы, заработываютъ среднимъ числомъ около 3 пенс. въ день. Это все относится до простыхъ рабочихъ и, главнымъ образомъ, земледѣльцевъ. Что же касается до рабочихъ, стоящихъ по искусству ближе къ фабричнымъ и ремесленникамъ, ихъ заработокъ достигаетъ до $2^1/_2$ шилл. въ день, а для рабочихъ, изучившихъ какое-либо ремесло, онъ еще выше. Есть ремесленники, получающіе въ годъ отъ 75 до 90 ф. стерл. Высшую плату получаютъ искусные работники у фортепьянныхъ мастеровъ; ихъ недѣльный заработокъ равняется иногда $2^1/_2$ ф. ст., что составитъ въ годъ болѣе 120 ф. ст. Обращаясь къ другимъ даннымъ (свѣдѣніямъ коммерческой палаты), мы видимъ, что средній дневной заработокъ фабричнаго рабочаго въ Силезіи колеблется между 1 и 2 шилл. Рабочихъ, получающихъ болѣе 2 шилл., весьма мало, такъ что принимая заработокъ хорошаго мужского ра-

бочаго въ 1½ шилл., мы будемъ весьма близки къ истинѣ, и увидимъ, что въ годъ, или въ 300 рабочихъ дней, онъ заработаетъ 15 фунт. стерл. Наименьшій расходъ на содержаніе семьи въ Силезіи составляетъ около 11 ф. стерл., и, слѣдовательно, при этомъ разсчетѣ, рабочій имѣетъ возможность скромно содержать свою семью и даже дѣлать нѣкоторую экономію. Но это относится до наиболѣе искусныхъ рабочихъ, которыхъ средній заработокъ въ день не ниже 1½ шилл. Заработокъ же простого рабочаго, составляющаго массу населенія, до этой цифры, какъ мы видѣли, не доходитъ; онъ едва достигаетъ до 1 шилл. въ день. Силезскіе рудокопы получаютъ отъ 8½ пенс. до 1½ шилл., и эта послѣдняя плата составляетъ maximum заработка, до котораго онъ въ большинствѣ случаевъ не достигаетъ. Рабочіе на металлическихъ фабрикахъ въ Силезіи заработываютъ въ день не болѣе 1 шилл., и только наиболѣе искусные, составляющіе меньшинство, получаютъ болѣе. Слѣдовательно, дневной заработокъ большинства этихъ рабочихъ приближается къ одному шиллингу. Принимая это въ разсчетъ, мы увидимъ, что въ годъ большинство изъ нихъ получитъ около 9 фунт. 10 шилл., что́ не составляетъ даже минимума суммы, необходимой для содержанія семьи, то-есть 10 фунт. 10 шилл. Конечно, эти люди могутъ существовать, но ихъ существованіе весьма жалкое, если они, какъ оказывается, не могутъ удовлетворять своихъ насущнѣйшихъ потребностей въ ихъ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, такъ какъ минимумъ стоимости содержанія основанъ на минимумѣ житейскихъ удобствъ, необходимыхъ для рабочаго. Ясно, что сбереженія такого рабочаго—если они дѣлаются возможными—прежде всего будутъ поглощаться необходимыми улучшеніями его текущей домашней жизни — пищи, одежды, жилища и проч. Надо при этомъ замѣтить, что цифры, выражающія стоимость содержанія семьи, относятся къ 1860 году, а цифры заработной платы — къ 1867—68 и 69 годамъ. Между тѣмъ цѣнность жизненныхъ потребностей за это время значительно возросла въ большинствѣ провинцій Пруссіи. Такъ, напримѣръ, въ Силезіи цѣна на рожь въ 1860 году была 5 ш. 8½ п., а въ 1869 году 6 ш. 2 п.; на мясо въ 1860 году 4¼ п., а въ 1869 году 5½ п. Вслѣдствіе этого, стоимость содержанія должна была возвыситься сравнительно съ приведенными нами цифрами—и заработокъ оказывается еще менѣе удовлетворительнымъ. Между тѣмъ, Якоби въ своемъ трудѣ о силезскихъ рабочихъ утверждаетъ, что ихъ матеріальное положеніе совершенно удовлетворительно. „Подмастерья и обыкновенные рабочіе,—говоритъ онъ,—могутъ получать вполнѣ достаточное жалованье, ни мало не истощая своихъ физическихъ силъ чрезмѣрнымъ трудомъ. Рабочіе ремесленныхъ заведеній, расположенныхъ въ низмен-

ныхъ частяхъ Силезіи, находятся въ особенно благопріятныхъ условіяхъ. Многіе изъ нихъ живутъ на собственной землѣ и имѣютъ возможность въ свободные отъ ремесленныхъ работъ часы воздѣлывать эту землю, причемъ выращиваютъ бо́льшую часть потребнаго для ихъ хозяйства картофеля и другихъ овощей. Рабочее населеніе все болѣе и болѣе оказываетъ расположенія къ благоразумной экономіи и сбереженіямъ, которыя дѣлаетъ ни мало не истощая своихъ силъ и не подвергая себя матеріальнымъ лишеніямъ. Самымъ осязательнымъ послѣдствіемъ этого является физическая крѣпость и возвышеніе нравственнаго уровня между ними. Потребность интеллектуальнаго совершенствованія также вполнѣ опредѣлилась". Репортеръ, приводящій эти слова Якоби, признаетъ ихъ справедливость въ примѣненіи къ нѣкоторымъ исключительнымъ мѣстностямъ Силезіи, но предостерегаетъ, что относить ихъ ко всему промышленному населенію Пруссіи значило бы впадать въ большую ошибку и даже утопію.

Для гор. Магдебурга (въ саксонской Пруссіи) мы можемъ сдѣлать также непосредственное сравненіе доходовъ рабочаго съ его расходами, такъ какъ цифра первыхъ, т.-е. заработки по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ разрядовъ рабочихъ въ этомъ городѣ приведены въ таблицѣ, составленной по свѣдѣніямъ, имѣющимся за 1867 и 1868 годы въ коммерческой палатѣ. По свѣдѣніямъ этимъ оказывается, что на бумагопрядильной фабрикѣ 318 рабочихъ получаютъ всего жалованья въ годъ 5741 фунтъ стерл., что̀ составляетъ на каждаго 18 фунт. стерл.; что на 7-ми другихъ фабрикахъ 934 рабочихъ заработываютъ всѣ вмѣстѣ 41,438 ф. стерл. или 44 ф. 8 шилл. каждый. Такимъ образомъ средній годовой заработокъ выражается 35-ю фун. ст. приблизительно и указываетъ на безбѣдное существованіе большинства, причемъ меньшинство далеко не располагаетъ средствами достаточными для удовлетворенія надлежащимъ образомъ своихъ необходимѣйшихъ потребностей. Мы говоримъ меньшинство изъ того числа рабочихъ, которые вошли въ приведенное нами исчисленіе. Въ остальныхъ частяхъ саксонскихъ провинцій Пруссіи стоимость содержанія рабочей семьи простирается въ сельскихъ округахъ и мелкихъ городахъ отъ $12^1/_2$ ф. стерл. до 30 фунт. стерл. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ оно доходитъ до 37 фунт. стерл., но это составляетъ исключеніе, которое нельзя принимать въ разсчетъ. Заработная же плата хорошаго горнаго рабочаго при 12-ти часовомъ трудѣ колеблется между 1 шилл. $2^1/_2$ п. и 1 шилл. $9^1/_2$ п., а обыкновеннаго рабочаго на металлическихъ фабрикахъ выражается 1 шилл., и только литейщики получаютъ до $1^1/_2$ шилл. Слѣдовательно годовой заработокъ тѣхъ и другихъ (300 рабочихъ дней) представляетъ мини-

мумъ 10 фунт. стерл. и максимумъ 18 фунт. стерл., что далеко не соотвѣтствуетъ ни минимуму, ни максимуму вышеприведенной стоимости содержанія, но въ среднемъ выводѣ даетъ цифры дохода, которымъ можно покрыть необходимые расходы. Особенною обстоятельностію отличаются свѣдѣнія о заработной платѣ въ гор. Барменѣ, около Эльберфельда, въ южной части рейнскихъ провинцій. Данныя эти собраны однимъ изъ мѣстныхъ фабрикантовъ въ 1865—67 г. и опубликованы по распоряженію городского совѣта въ Барменѣ. Мы остановимся только на цѣнахъ 1867 года, не входя въ разсмотрѣніе цѣнъ предыдущихъ лѣтъ. Низшій недѣльный заработокъ простого рабочаго выражается 7 шилл., а наиболѣе искусные получаютъ болѣе 1 фунт. ст., рабочіе же исполняющіе фабричные заказы на дому получаютъ до 2 ф. 8 ш. въ недѣлю. Работая поштучно, они имѣютъ возможность получать гораздо больше. Есть производства, которыя вовсе не требуютъ, чтобы рабочіе работали на фабрикѣ: они берутъ работу на домъ и исполняютъ ее иногда при помощи своего семейства или даже наемныхъ подмастерьевъ. Такъ напримѣръ мастера, изготовляющіе нѣкоторыя шелковыя и шерстяныя ленты, матеріи, шнуры и проч., имѣютъ дома всѣ необходимые для производства инструменты, общая стоимость которыхъ весьма значительна: она равняется 270 фунт. ст. Такіе мастера въ недѣлю выручаютъ до $3^1/_2$ ф. ст., но изъ этой суммы за всѣми расходами по производству очищается имъ не болѣе 2 ф. 5 ш., часть которыхъ надо употребить на погашеніе капитала, затраченнаго на пріобрѣтеніе инструментовъ. Впрочемъ такія мелкія заведенія, существуя самостоятельно, рѣдко могутъ выдерживать конкурренцію съ крупными, не имѣя достаточно средствъ постоянно слѣдить за быстро-мѣняющимися требованіями моды и не имѣя возможности поддерживать въ постоянной исправности инструменты, весьма быстро приходящіе въ негодность. Можно принять средній заработокъ порядочнаго въ этой мѣстности работника около 15 шилл. въ недѣлю.

Такимъ образомъ минимумъ заработка выразится въ годъ 7 ш. $\times$ 42 = $9^1/_2$ фунт. ст.; средній заработокъ 15 ш. $\times$ 42 = 21 фунт. ст. и высшій, который можно отнести только къ небольшому числу лицъ, дойдетъ до 42—50 фунт. стерл. Между тѣмъ стоимость содержанія семейства въ этой мѣстности, какъ видно изъ таблицы составленной въ 1860 г., слѣдовательно когда жизнь была дешевле, простирается до 36 фун. ст. и нигдѣ не обходится менѣе 22 ф. 10 шилл., такъ что заработокъ обыкновеннаго рабочаго не даетъ ему возможности безбѣдно содержать семью и даже хорошій рабочій не можетъ этого достигнуть.

Чтобы дать понятіе о томъ, чѣмъ при указанныхъ размѣрахъ заработка питаются рабочіе въ Пруссіи, мы приведемъ имѣющіяся въ донесеніи по этому предмету свѣдѣнія. Въ при-рейнскихъ провинціяхъ семья вышеприведеннаго состава потребляетъ въ годъ 1000 англ. ф. пшеничной и гречневой муки, 1800 ф. хлѣба, 2600 картофеля, зелени и овощей на 26 шилл., рису и различныхъ крупъ 90 ф., говядины и свинины 200 ф., масла 90 ф., молока 180 кварт., соли 26 ф., кофе и пр. на 18 шиллинговъ. Стоимость всѣхъ этихъ продуктовъ простирается до 26 ф. 5 шилл., такъ что среднимъ числомъ пищевое довольствіе каждаго члена семейства обходится до 5 ф. 7 шилл. въ годъ, причемъ хлѣба, крупъ и муки въ разномъ видѣ каждый среднимъ числомъ съѣдаетъ въ годъ около 400 англ. ф., а мяса 40 ф. Въ Вестфаліи мяса потребляется уже меньше, а въ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи, гдѣ жизнь гораздо дешевле, содержаніе каждаго члена семьи обходится 2—4 фунт. стерл. Преобладающею тамъ пищею является мучная съ весьма незначительной прибавкой мяса, а въ Силезіи и саксонскихъ провинціяхъ Пруссіи рабочіе почти не знаютъ мяса. Впрочемъ, въ наиболѣе промышленныхъ округахъ собственно фабричные рабочіе, въ особенности на желѣзодѣлательныхъ заводахъ, безъ мяса почти не могутъ обходиться и потребляютъ его въ годъ на всю семью на сумму около 3 фунт. стерлинговъ.

Въ Гамбургѣ, какъ сказано въ донесеніи, въ которомъ опредѣленныхъ цифръ не приведено, заработная плата приблизительно равняется стоимости содержанія рабочаго, причемъ относительно крупный расходъ составляетъ наемъ квартиры, поглощающій одну пятую, а иногда и четверть всего заработка семейнаго человѣка.

Въ Саксоніи поденные рабочіе, работники въ каменноугольныхъ копяхъ, каменщики зимой, кузнецы, рабочіе на фарфоровыхъ фабрикахъ, на чугуно и мѣди-плавительныхъ и многіе другіе простые рабочіе, составляющіе большинство населенія, по свѣдѣніямъ, составленнымъ передъ войной (1868 г.), могли заработывать въ недѣлю 6 или 7½ шилл. По мѣрѣ искусства рабочихъ, конечно, заработки возвышаются и доходятъ даже, хотя въ рѣдкихъ случаяхъ, до 30 шилл. Но это составляетъ такой maximum, который нельзя принимать въ разсчетъ, тѣмъ болѣе, что есть указанія на заработки, непревышающіе въ недѣлю 3½ или 4 шилл. Въ Лейпцигѣ существуютъ слѣдующія цѣны на работу: портные заработываютъ въ недѣлю отъ 15 до 20 шилл., каменьщики отъ 9 до 20 шилл., работники въ типографіяхъ отъ 7½ до 15 шилл., столяры отъ 2½ до 3 шилл., простые земледѣльческіе рабочіе отъ 6½ до 9 шилл. А расходъ рабочаго средней руки въ

Лейпцигѣ, содержащаго жену и троихъ дѣтей (исчисленіе это, по мнѣнію его составителя, можетъ быть примѣнено и къ большинству другихъ промышленныхъ городовъ Саксонскаго королевства) въ недѣлю выражается такъ:

	шилл.	пенс.
Наемъ жилища	2	6
Стирка и проч.	„	6
Освѣщеніе и отопленіе	1	$5^3/_4$
Одежда	1	9
Расходы по обученію трехъ дѣтей	„	$7^1/_2$
Утренній кофе съ пшеничнымъ хлѣбомъ	1	$^1/_2$
Завтракъ	3	6
Обѣдъ	4	$1^1/_2$
Вечерняя закуска въ 4 часа	1	9
Ужинъ и кофе	2	$10^1/_2$
Всего 1 ф.	„	$1^3/_4$

Къ этому разсчету, приведенному вслѣдъ за подробнымъ указаніемъ размѣра заработной платы, на которой мы остановили также вниманіе читателя, Кроу, генеральный консулъ въ Лейпцигѣ, прибавляетъ: „Меня спросятъ, чѣмъ возможно объяснить, что женатый человѣкъ, заработывающій гораздо менѣе 1 фунта стерл. въ недѣлю, тратитъ 1 фунтъ слишкомъ. Это объясняется тѣмъ, что то, чего не можетъ заработать мужъ, должна заработать жена, а если она этого сдѣлать не можетъ, то семейство входитъ въ долги.“ Иногда въ семьѣ женатаго рабочаго холостой нанимаетъ уголъ, въ которомъ спитъ, и за это уплачиваетъ около шиллинга въ недѣлю, чтб служитъ семьѣ, хотя не прочнымъ, подспорьемъ. Холостой рабочій имѣетъ возможность жить гораздо лучше женатаго, издерживать относительно много на одежду и притомъ откладывать на черный день или копить деньги къ тому времени, когда вздумаетъ обзавестись семьей. Его еженедѣльные расходы выражаются такъ:

	шилл.	пенс.
Наемъ помѣщенія	1	
Стирка, отопленіе и освѣщеніе	1	$8^1/_2$
Одежда	2	
Пища	4	
Всего	9	$2^1/_2$

Вообще Кроу признаетъ, что заработокъ женатаго рабочаго въ промышленныхъ городахъ Саксонскаго королевства 25% ниже сто-

имости содержанія семьи, а заработокъ холостого на 50% превышаетъ общую сумму его необходимыхъ расходовъ. Пища, которою, при вышеуказанномъ размѣрѣ заработка, довольствуются саксонскіе рабочіе, вообще далеко не роскошна, хотя здорова. Мясо употребляется, по преимуществу, въ видѣ свинины; затѣмъ большую роль въ столѣ рабочаго играетъ картофель, который саксонцы чрезвычайно любятъ, до того, что съ особеннымъ уваженіемъ относятся къ памяти Дрека и настолько чтутъ ее, что почти въ каждой саксонской деревушкѣ можно найти портретъ человѣка, которому Европа обязана распространеніемъ въ ней этого корнеплода.

Самая плохая пища достается на долю рабочихъ въ Рудныхъ горахъ. Она состоитъ, по преимуществу, изъ картофеля, очень жидкаго кофе и хлѣба. Мяса эти люди почти не знаютъ, оно составляетъ большую рѣдкость.

Сельскій рабочій начинаетъ свой день лѣтомъ въ $4^1/_2$ час. утра, а зимой въ пять, съѣдая мучную похлебку и нѣсколько хлѣба съ масломъ. Кофе составляетъ исключеніе; въ 9 часовъ онъ закусываетъ хлѣбомъ съ масломъ и сыромъ и иногда выпиваетъ рюмку водки; въ 12 часовъ съѣдаетъ похлебку, какія-нибудь овощи и по воскреснымъ днямъ, и во время жатвы, $^1/_4$ фунта мяса на человѣка; въ 4 часа пополудни опять закусываетъ хлѣбомъ съ масломъ и, въ случаѣ особенно тяжелой работы, съ сыромъ, и выпиваетъ рюмку водки; въ 7 или 8 часовъ вечера, окончивъ работу, онъ ужинаетъ мучной похлебкой и хлѣбомъ съ масломъ лѣтомъ, а зимой, по преимуществу, картофелемъ съ масломъ. При этомъ выпивается кружка или двѣ пива.

Городской рабочій средней руки завтракаетъ утромъ въ 6 часовъ, выпивая чашку или двѣ кофе и съѣдая $^1/_4$ ф. бѣлаго или ржаного хлѣба; въ 9 час. онъ съѣдаетъ полфунта хлѣба съ масломъ или ветчиной и непремѣнно пьетъ водку. Въ 12 часовъ рабочіе съѣдаютъ то, что̀ имъ приносятъ изъ дому, а именно: хлѣбъ съ масломъ, ветчину или сосиски, и опять-таки пьютъ водку; если жена или дѣти имъ могутъ приносить обѣдъ, то они получаютъ теплую похлебку, мясо и какія-нибудь овощи. Нѣкоторые рабочіе, въ особенности холостые или живущіе далеко отъ мѣста работы, обѣдаютъ въ трактирахъ, гдѣ получаютъ мясо и овощи; въ 4 часа вечера они закусываютъ полуфунтомъ хлѣба съ масломъ, иногда же съ сыромъ или ветчиной, выпиваютъ рюмку водки, а вечеромъ, въ 7 часовъ, ужинаютъ; ужинъ состоитъ изъ полуфунта хлѣба, картофеля (часто безъ масла) и кружки пива. Затѣмъ ремесленники, пользующіеся относительно хорошимъ содержаніемъ, питаются такъ: они утромъ, въ 6 час., вы-

пиваютъ нѣсколько чашекъ хорошаго кофе съ бѣлымъ хлѣбомъ, въ 9 час. закусываютъ хлѣбомъ съ масломъ, водку пьютъ изъ нихъ только тѣ, которымъ приходится работать на открытомъ воздухѣ; въ 12 час. они ѣдятъ очень хорошую мясную похлебку (около $1/3$ англійскаго фунта мяса на человѣка) съ примѣсью зелени и овощей. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, кромѣ того, за ихъ столомъ непремѣнно бываетъ хорошій кусокъ жаренаго мяса. Въ 4 часа они пьютъ кофе съ хлѣбомъ и масломъ, иногда пиво или водку, а въ 7 часовъ ужинаютъ, при чемъ ѣдятъ хлѣбъ съ масломъ, сыръ и какія-нибудь овощи и пьютъ пиво.

Пищей, приведенной въ послѣднемъ и предпослѣднемъ примѣрѣ, пользуется, конечно, меньшинство и потребленіе мяса въ Саксоніи далеко не распространено между рабочими. Судя по статистическимъ свѣдѣніямъ, оно не только не возрастаетъ, но едва ли не уменьшается. Такъ, въ 1806 году мяса въ Саксоніи потреблялось среднимъ числомъ на каждаго жителя 30 фунтовъ, въ 1863 г. по $35\frac{1}{2}$ фунтовъ, но при этомъ цѣна на него возросла вдвое; слѣдовательно, для бѣдняковъ оно стало менѣе доступно, чѣмъ прежде. Нельзя не обратить вниманіе на то обстоятельство, что саксонскіе рабочіе значительно уменьшили свои расходы на разнаго рода жизненныя потребности образованіемъ потребительныхъ обществъ. Если бы имъ приходилось покупать все у торговцевъ, расходы ихъ были бы для нихъ еще тяжеле и быть можетъ невыносимы.

По свѣдѣніямъ, доставленнымъ изъ Данцига, положеніе рабочихъ въ этомъ городѣ и его сельскомъ округѣ весьма удовлетворительно. Рабочіе раздѣлены въ донесеніи на три разряда: первый составляютъ сельскіе полевые работники; ихъ заработокъ простирается въ мѣсяцъ до 1 ф. 5 шилл., расходы, необходимые по содержанію семьи, до 1 ф. 3 шилл.; второй разрядъ — городскіе рабочіе низшаго класса, выработываютъ въ мѣсяцъ до 2 слишкомъ фунтовъ стерлинговъ и издерживаютъ нѣсколько менѣе этой суммы; къ третьему разряду отнесены ремесленники и подмастерья. Ихъ заработокъ исчисленъ въ 3 фунт. $2\frac{1}{2}$ шилл., а расходы въ 2 ф. $19\frac{1}{2}$ шилл., что составляетъ экономію въ 3 шилл. въ мѣсяцъ.

Въ Виртембергскомъ королевствѣ плата обыкновеннаго рабочаго колеблется между 9—18 шилл. въ недѣлю или 13 и 25 ф. стерл. въ годъ, а для особенно искусныхъ мастеровъ и ремесленниковъ доходитъ до $1\frac{1}{2}$ фунт. и болѣе стерл. въ недѣлю или до 67—75 ф. стерл. въ годъ; расходъ семейнаго рабочаго, получающаго въ годъ 25 ф. ст., равняется, по вычисленіямъ, приведеннымъ въ донесеніи, его приходу, а именно онъ издерживаетъ:

	ф.	шилл.	пен.
На квартиру	4	15	
„ освѣщеніе и отопленіе.	1	20	
„ хлѣбъ	4	6	8
„ мясо.	3	15	
„ остальные съѣстные припасы	5	2	6
„ табакъ и сигары.		10	
Всего . . .	20	19	2

У него остается съ небольшимъ 4 ф. ст., изъ которыхъ ему необходимо произвести расходы на одежду, на обученіе дѣтей, на лекарства и проч. Денегъ этихъ едва хватаетъ на эти предметы. Подробнаго перечня расходовъ рабочихъ, получающихъ менѣе 25 фунт. стерл., въ донесеніи не приведено, но едва ли можно предположить, чтобы они въ состояніи были дѣлать какія-либо сбереженія.

Н. Ф.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-ое іюня 1873.

Сборы на желѣзныхъ дорогахъ. — Способы осуществленія желѣзно-дорожной сѣти въ Россіи.—Казна, концессіонеры и общества.—Новыя правила для разрѣшенія постройки желѣзныхъ дорогъ. — Слухи о новыхъ правилахъ для печати.—Сообщенія и нареканія.—Еще о регламентаціи гимназій.—Вопросъ о выпускныхъ экзаменахъ.—По поводу всесословной волости.

Въ ряду новыхъ условій быта, созданныхъ въ Россіи за послѣднія двѣнадцать лѣтъ, одно изъ первыхъ мѣстъ, безспорно, принадлежитъ проведенію обширной сѣти желѣзныхъ дорогъ По своему вліянію на совокупность нашихъ бытовыхъ условій, проведеніе желѣзныхъ дорогъ едва ли не занимаетъ въ числѣ преобразованій первое мѣсто послѣ крестьянской реформы. Не говоря уже о прямомъ значеніи желѣзныхъ путей въ смыслѣ удобства сообщенія и оживленія многихъ отраслей промышленности, а также о замѣтной уже нынѣ перемѣнѣ въ торговомъ значеніи различныхъ пунктовъ, сооруженіе желѣзныхъ дорогъ явилось важнымъ факторомъ въ крупнѣйшемъ изъ экономическихъ явленій послѣднихъ лѣтъ, именно въ возвышеніи цѣнъ на предметы потребленія, возвышеніи заработковъ и соотвѣтственномъ паденіи цѣны бумажнаго рубля. Желѣзно-дорожное дѣло достигло уже весьма значительнаго развитія, такъ какъ въ настоящее время въ Россіи открыто движеніе по пространству болѣе 13 тысячъ верстъ желѣзныхъ путей. Но мы находимся наканунѣ еще новыхъ крупныхъ шаговъ въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ теперь составляется предположеніе о новой сѣти желѣзныхъ дорогъ, которая будетъ имѣть до 10-ти тысячъ верстъ протяженія, чтó вмѣстѣ съ длиною въ около 17-ти тысячъ верстъ линій построенныхъ и уже строющихся нынѣ, представитъ громадную цифру 27 тысячъ верстъ.

Въ прошломъ апрѣлѣ были опубликованы отчетъ о валовомъ сборѣ на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ за 1872 годъ, и новыя пра-

вила для разрѣшенія постройки желѣзныхъ дорогъ, правила, которыя представляютъ весьма существенныя измѣненія въ нынѣшнемъ порядкѣ выдачи концессій. Въ виду этихъ данныхъ, а также слуховъ о составленіи новой сѣти дорогъ, мы хотимъ бросить общій взглядъ на положеніе желѣзно-дорожнаго дѣла.

Изъ отчета о валовомъ сборѣ на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ за 1872 годъ видно, что въ эксплуатаціи находилось уже 13,217 верстъ (за исключеніемъ финляндскихъ). Въ теченіи 1872 года перевезено пассажировъ 20.602,088, грузовъ 935.422,234 пуда, общій сборъ составилъ 101.959,345 рублей или 7.865 р. 71 к. на версту. Общій валовой сборъ увеличился въ теченіи 1872 года на 7.510,615 рублей или на $7^{95}/_{100}\%$, но сборъ съ версты уменьшился на 745 рублей. Этотъ послѣдній фактъ объясняется тѣмъ естественнымъ явленіемъ, что по мѣрѣ расширенія сѣти въ составъ эксплуатируемой сѣти вошли линіи малодоходныя, то-есть такія линіи, которыя или еще не успѣли достигнуть той производительности, какую должны получить, или же по самому свойству своему на долгое время должны оставаться малодоходными, такъ какъ самая постройка ихъ была вызвана особыми соображеніями. Въ общемъ результатѣ, сборъ на нашихъ дорогахъ все-таки возросъ за 1872 годъ почти на 8%. Возвышеніе сбора замѣчалось преимущественно на дорогахъ центральныхъ (за исключеніемъ Николаевской). Такъ сборъ усилился на линіяхъ: тамбово-козловской на $45^{54}/_{100}\%$, кіево-брестской на $27^{21}/_{100}\%$, козлово-воронежской на $21^{33}/_{100}\%$, новоторжской на $16^{12}/_{100}\%$, московско-ярославской на $13^{57}/_{100}\%$, одесской на $11^{24}/_{100}\%$, рязанско-козловской $10^{87}/_{100}\%$, московско-рязанской на $8^{51}/_{100}\%$, шуйско-ивановской $8^{12}/_{100}\%$, балтійской, варшавско-вѣнской, рыбинско-бологовской, варшавско-лодзинской, московско-нижегородской, варшавско-бромбергской, курско-кіевской, варшавско-тереспольской, московско-курской, орловско-грязинской, курско-харьковско-азовской и ряжско-моршанской (отъ $7^{47}/_{100}$ до $0,^{57}/_{100}\%$). Уменьшеніе же дохода произошло на риго-динабургской на $27^{55}/_{100}\%$, орловской-витебской на $21^{51}/_{100}\%$, волго-донской на $12^{37}/_{100}\%$, динабурго-витебской на $11^{74}/_{100}\%$, царскосельской на $5^{34}/_{100}\%$, николаевской на $4^{62}/_{100}\%$, петербурго-варшавской на $3^{49}/_{100}\%$ и митавской на $1^{45}/_{100}\%$.

Изъ этого перечня оказывается, что главное возвышеніе сбора произошло по линіямъ, лежащимъ на внутреннихъ, плодородныхъ и населенныхъ мѣстностяхъ. Паденіе же было замѣтно по такимъ линіямъ, которыхъ торговое значеніе зависитъ преимущественно отъ торговли внѣшней, каковы николаевская, петербурго-варшавская и линіи, зависящія отъ Риги. Возвышеніе сбора на линіяхъ перваго изъ этихъ разрядовъ весьма утѣшительно; оно свидѣтельствуетъ о

громадномъ подспорьи, какое оказываютъ желѣзныя дороги развитію нашей внутренней торговли. Уменьшеніе сбора на линіяхъ второго разряда представляетъ явленіе отчасти временное, а именно зависѣвшее отъ упадка нашего вывоза за границу въ прошломъ году.

По общей цифрѣ сбора первостепенное значеніе въ ряду нашихъ желѣзныхъ дорогъ принадлежитъ николаевской, которая дала въ 1872 году болѣе $16^3/_4$ милл. р. сбора, и петербурго-варшавской съ ея вѣтвью до прусской границы (до 8 м. 800 т. р.). За ними являются: московско-курская (болѣе 7 м. 800 т. р.) и одесская съ вѣтвями (7 м. р.). Величина общаго сбора, разумѣется, прежде всего зависитъ отъ протяженія дороги, но разница въ производительности различныхъ линій бываетъ такова, что оттѣсняетъ на второй планъ и самое протяженіе. Такъ петербурго-варшавская дорога съ вѣтвью, ровно вдвое длиннѣе николаевской, а между тѣмъ сбору даетъ вдвое менѣе послѣдней. Сравнивая выгодность линій по поверстному сбору ихъ, мы должны поставить на первомъ мѣстѣ николаевскую (27,767 р. 39 к. съ версты) и московско-рязанскую (20,765 р. 51 к.). За ними слѣдуютъ линіи, имѣющія болѣе 15 т. р. сбору съ версты, въ слѣдующемъ порядкѣ: рязанско-козловская, московско-нижегородская, царскосельская, московско-курская; варшавско-вѣнская имѣетъ сбору съ версты до 11 т. р. Наименьшій поверстный сборъ дала либавская дорога (981 р. 31 к.). Въ общемъ, среднемъ размѣрѣ, поверстный сборъ нашихъ дорогъ за 1872 годъ, какъ уже сказано, составлялъ 7,865 р. 71 к.

Желѣзныя дороги въ Россіи строились, какъ извѣстно, казною, какъ-то: николаевская, варшавско-вѣнская, московско-курская, одесско-балтская, кіево-балтская, балто-кременчугская, грушевско-донская, петербурго-рихимякская, ливенская — и частными компаніями или предпринимателями-концессіонерами. Самый способъ постройки дорогъ отъ казны былъ весьма различенъ. Казна строила николаевскую дорогу своими инженерами, но поручала исполненіе работъ подрядчикамъ подъ руководствомъ и надзоромъ инженеровъ, при чемъ однако подряды сдавались не инженерами, но управленіемъ. Московско-курскую дорогу казна строила прямо чрезъ своихъ инженеровъ, такъ-называемымъ хозяйственнымъ способомъ. Если бы казна безусловно держалась этихъ двухъ способовъ постройки, то очень могло быть, что дороги обошлись бы гораздо дороже; могло быть и то, что мы имѣли бы теперь только меньшую половину той желѣзно-дорожной сѣти, какую имѣемъ. Но можно сказать съ достовѣрностью, что при непосредственно-казенномъ способѣ постройки, тѣ дороги, какія бы мы имѣли, были бы выстроены превосходно. Николаевская дорога была первою значительною линіею, построенною въ самой Россіи и

представляетъ лучшую нашу желѣзную дорогу. Правда, стоила она дорого, а именно до 150 т. р. съ версты (всего болѣе 90 милл. р.), но это зависѣло, во-первыхъ, отъ новизны дѣла; такъ и петербурго-варшавская дорога, которую строила компанія, обошлась въ 104 т. р. съ версты; нижегородская, имѣющая одинъ путь рельсовъ, обошлась въ 88½ т. р. съ версты. Во-вторыхъ, стоимость николаевской дороги значительно зависѣла отъ громадности сооруженій на станціяхъ, неимѣющихъ ничего общаго съ техникою рельсоваго пути. Надо замѣтить впрочемъ, что сооруженія эти не всѣ могутъ быть признаны излишними, такъ какъ они служили и служатъ для помѣщенія управленій, а отчасти и для склада товаровъ. Что впослѣдствіи казна, при непосредственной постройкѣ, могла значительно понизить свои расходы, это доказывается казенной постройкою московско-курской дороги, которая обошлась уже въ 97 т. р. съ версты, и ливенской узколейной (25½ т. р. съ версты). Финляндскіе инженеры построили казенную дорогу отъ Петербурга до Рихимякъ всего за 19¾ т. р. (металлическихъ) съ версты. Правда, дорога эта имѣетъ только одну колею, но все-таки сравнительно съ такими издержками, какъ 80 т. р. съ версты, во что обходилась постройка нѣкоторыхъ частныхъ дорогъ, вдобавокъ еще далеко не удовлетворительно устроенныхъ, этотъ фактъ показываетъ, что веденіе дѣла частными лицами само по себѣ еще не вдругъ достигло цѣли удешевленія. Разница дорогихъ частныхъ построекъ отъ дорогихъ казенныхъ главнымъ образомъ состояла въ томъ, что излишекъ расхода шелъ не на улучшеніе самой постройки, но въ чистый барышъ предпринимателей.

Въ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ главное, во всякомъ случаѣ,— качество постройки, такъ какъ извѣстно, что огромное большинство несчастій, бывающихъ на желѣзныхъ дорогахъ, происходятъ именно отъ неудовлетворительности постройки и ремонта пути. Въ этомъ отношеніи, николаевская дорога, со времени своей постройки и пока она оставалась въ казенномъ управленіи, то-есть въ теченіе лѣтъ пятнадцати, представляла замѣчательный примѣръ: кромѣ случаевъ, зависѣвшихъ отъ неосторожности, на ней за все это время несчастій вовсе не было. Да и въ настоящее время николаевская дорога безспорно самая безопасная изъ всѣхъ. Въ свое время, т.-е. въ прошлое царствованіе, казенная постройка этой дороги представила еще и не малое нравственное значеніе. Въ то время, когда общество еще сомнѣвалось въ собственныхъ нравственныхъ силахъ, когда на пожеланіе всякой реформы нерѣдко слышалось возраженіе, что у насъ „нѣтъ людей",—въ составѣ казенныхъ строителей, инженеровъ путей сообщенія нашлись тѣ люди, которые, при работахъ на десятки

милліоновъ рублей, явили примѣръ безкорыстія безусловнаго, никогда и никѣмъ не заподозрѣннаго. Таковы были главные строители николаевской дороги г. Мельниковъ и покойный Крафтъ; таковъ былъ и строитель другого громаднаго самостоятельнаго сооруженія — николаевскаго моста въ Петербургѣ, г. Кербедзъ. Ихъ постройки производились въ одно время съ постройкою исаакіевской церкви и нѣкоторыхъ крѣпостей, бывшихъ притчами въ народѣ.

Но вѣдомство инженеровъ путей сообщенія, хотя и заключало въ себѣ людей высокихъ талантовъ и честности, было слишкомъ слабо у насъ, чтобы удержать въ своихъ рукахъ такое многомилліонное дѣло, какъ постройка желѣзныхъ дорогъ. Оно должно было допустить сперва передачу исполненія всей задуманной сѣти иностранной акціонерной компаніи, такъ-называемому Главному обществу россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, которое и построило линіи петербурго-варшавскую (начата еще казною) и нижегородскую, но оказалось несостоятельно къ выполненію всей предначертанной сѣти, такъ что казна должна была измѣнить его уставъ, снять съ него неисполненныя обязательства и оставить за нимъ громадный долгъ себѣ. Затѣмъ главное вліяніе въ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ перешло въ руки министерства финансовъ. Не только соображеніе финансовыхъ условій дѣла, но самое пріисканіе концессіонеровъ, а въ одномъ случаѣ даже и начальника *казенной* постройки перешло въ руки министерства финансовъ. Вѣдомство строительное заняло по отношенію къ этому дѣлу положеніе комитета техниковъ и экспертовъ, но не руководителей. Подъ вліяніемъ такихъ обстоятельствъ, измѣнились и самыя условія казенныхъ построекъ. Одесско-балтская дорога строилась отъ имени казны и на ея средства, но не строительнымъ вѣдомствомъ, а частнымъ лицомъ, въ распоряженіе котораго вдобавокъ былъ отданъ обязательный трудъ штрафованныхъ солдатъ. Вѣдомству путей сообщенія была предоставлена только общая повѣрка работъ, произведенныхъ этимъ едвали не самымъ нераціональнымъ изъ всѣхъ допускавшихся доселѣ способовъ. Въ свое время много было говорено о достоинствахъ этой постройки, ея скорости, дешевизнѣ и удовлетворительности. Но впослѣдствіи оказались два послѣднія свойства: верста одноколейной одесско-балтской дороги, при употребленіи обязательнаго труда, обошлась въ 82 тысячи рублей.

Предоставленіе постройки желѣзныхъ дорогъ въ частныя руки, то-есть выборъ концессіонеровъ и соглашеніе съ компаніями, фактически перешло въ руки министерства финансовъ. Техническія соображенія, разумѣется, требовались отъ строительнаго вѣдомства, но инициатива всего дѣла перешла къ финансовому управленію, и при

такихъ условіяхъ естественно, что концессіонеры хотя и были подчинены контролю министерства путей сообщенія и имѣли въ виду, что построенную линію будутъ свидѣтельствовать инженеры, но, по самому существу дѣла, чувствовали себя въ весьма значительной степени независимыми отъ этого министерства. Постройка желѣзныхъ дорогъ предоставлялась сперва акціонернымъ обществамъ или концессіонерамъ безъ всякой конкурренціи. Такъ были предоставлены акціонернымъ компаніямъ линіи Главнаго общества, московско-рязанская линія и нѣкоторыя другія. Выше уже сказано, что Главное общество построило двѣ свои линіи на 88—104 тыс. рублей съ версты. Московско-рязанская обошлась въ 77½ тыс. р. съ версты. Затѣмъ начался уже настоящій „золотой вѣкъ" желѣзно-дорожнаго строительства. Частныя лица являлись съ просьбами о предоставленіи имъ построить такую или иную линію, по собственному ихъ выбору, но съ тѣмъ, чтобы казна гарантировала имъ минимумъ дохода, а затѣмъ составляли акціонерныя общества, которыя выпускали облигаціи. Концессіи давались сперва на ту или другую линію безъ предварительнаго соображенія о томъ, которая нужнѣе, и безъ всякой конкурренціи. Тогда явились у насъ Струсберги, концессіонеры, которые, безъ собственнаго капитала, одной предпріимчивостью и спекулятивной опытностью, въ нѣсколько лѣтъ нажили громадныя состоянія. Прежніе откупщики воскресли въ лицѣ концессіонеровъ желѣзныхъ дорогъ, съ тѣмъ, впрочемъ, различіемъ, что обогащеніе концессіонеровъ было несравненно быстрѣе и менѣе рискованно, чѣмъ наживы откупщиковъ.

Сильный толчокъ всему дѣлу былъ данъ именно этими неслыханными, легкими барышами. Просьбъ о концессіяхъ явилось множество, и еслибы дѣло пошло далѣе исключительно по иниціативѣ частныхъ лицъ и по выбору между ними министерства финансовъ, то у насъ явилась бы не раціональная система дѣйствительно наиболѣе нужныхъ желѣзныхъ путей, но совокупность случайно избранныхъ линій, одна съ другой конкуррирующихъ, параллельныхъ и непроизводительныхъ, а между тѣмъ кредитъ, какимъ мы могли располагать на главныхъ денежныхъ рынкахъ Европы для желѣзно-дорожнаго дѣла, былъ бы истощенъ. Полная свобода частной иниціативы сдѣлала свое дѣло, давъ сильный толчокъ предпріимчивости; явилась потребность раціональной регламентаціи. Тогда, по соглашенію финансоваго и строительнаго вѣдомствъ, стали составляться обязательные планы желѣзно-дорожнаго строительства, желѣзно-дорожныя сѣти, раціонально разсчитанныя. Въ эти сѣти включались линіи наиболѣе нужныя и опредѣлялся порядокъ, въ какомъ слѣдовало начинать ихъ постройку, а также и техническія условія и сроки сооруженія каж-

дой изъ нихъ и т. д. Дороги, которыхъ постройка была предоставлена концессіонерамъ безъ конкурренціи, были построены очень дорого, какъ, напримѣръ, рязанско-козловская 95 тыс. р. съ версты, орловско-витебская $83^3/_4$ тыс. р., петергофская $75^1/_2$ тыс. р., козловско-воронежская $73^3/_4$ тыс. р. Дешевле другихъ была постройка курско-харьково-азовской линіи — $58^1/_2$ тыс. р. съ версты. Линіи эти строились между 1864 и 1869 годами. Только послѣ этихъ примѣровъ и тогда, когда первыми концессіонерами уже были нажиты громадныя состоянія, въ концессіонное дѣло введено было начало конкурренціи, а именно съ 1868 года концессіи стали выдавать тѣмъ предпринимателямъ, которые объявили наименьшую цѣну на постройку, причемъ, впрочемъ, торги были ограниченные, то-есть къ участію въ нихъ допускались только капиталисты, извѣстные министерству финансовъ.

Подъ вліяніемъ конкурренціи, цѣна постройки тотчасъ стала падать, и съ 80-ти, даже 90 тысячъ понизилась до половины этихъ поверстныхъ цѣнъ. Затѣмъ практика указала опасность иного рода: стремленіе концессіонеровъ наверстать на самомъ качествѣ постройки тѣ барыши, которыхъ уже не обѣщала пониженная цѣна. Явилась необходимость усилить надзоръ за строительствомъ со стороны министерства путей сообщенія, и вотъ, съ 1870 года усиливается его вліяніе на ходъ желѣзно-дорожнаго дѣла,—вліяніе, которое и съ самаго начала напрасно было ослаблено поставленіемъ концессіонеровъ въ независимость отъ строительнаго вѣдомства, которое между тѣмъ должно отвѣчать за качество всѣхъ произведенныхъ построекъ. Съ тѣхъ поръ, министерство путей сообщенія и финансовъ правильно раздѣлили между собой участіе въ направленіи желѣзно-дорожнаго дѣла, сообразно спеціальности каждаго изъ этихъ вѣдомствъ. Министерству путей сообщенія поручено было производство предварительныхъ изысканій, а также составленіе нормальныхъ концессій съ подробными, обязательными для предпринимателей и компаній правилами не только самой постройки, но до извѣстной степени и эксплуатаціи. Самый выборъ концессіонеровъ былъ предоставленъ министерству путей сообщенія, а за министерствомъ финансовъ было сохранено только опредѣленіе финансовыхъ условій дѣла. Къ сожалѣнію, при этомъ система открытыхъ, гласныхъ торговъ была оставлена и вмѣсто нее явилось нѣчто среднее—предпочтеніе низшей объявленной цѣны, но при предполагаемой равною солидности негласныхъ конкуррентовъ. Этимъ устраненіемъ открытой конкурренціи, обставленной одинаково доступными для всѣхъ условіями, быть можетъ, слѣдуетъ объяснить тотъ фактъ, что цѣна, по которой предприниматели брались за постройку дорогъ, однажды пониженная торгами съ

90, 80-ти и 70-ти тыс. рублей до 50 — 40 тыс. рублей на версту, съ 1870 года не понижалась далѣе чувствительнымъ образомъ. Возрасти вновь она пока, конечно, не могла, такъ какъ доселѣ еще не была твердо выяснена предѣльная цѣна, по которой возможна постройка при среднихъ условіяхъ мѣстности, и, сверхъ того, конкурренція все-таки была допускаема въ извѣстной мѣрѣ. Но чѣмъ менѣе гласности и твердости будетъ дано соисканію, тѣмъ вѣроятнѣе станетъ, что при постройкѣ дорогъ новой сѣти цѣна снова повысится, подъ предлогомъ общаго вздорожанія, хотя, вѣроятно, прежнія громадныя цѣны все-таки теперь уже допущены не будутъ.

Но одной гласности конкурренціи и равенства ея условій для всѣхъ при раздачѣ концессій еще недостаточно; эти условія способны только устранить произволъ администраціи и удешевить постройку. Затѣмъ необходимо обезпеченіе главнаго условія, именно, чтобы при возможной дешевизнѣ постройка была вполнѣ удовлетворительна, и наконецъ нужно еще и оградить интересы тѣхъ акціонерныхъ обществъ, которымъ окончательно достанется эксплуатація новыхъ дорогъ. Въ желѣзно-дорожномъ, какъ и во всякомъ компанейскомъ, сложномъ промышленномъ дѣлѣ, въ особенности въ дѣлѣ, котораго первоначальная постановка дѣлается нѣсколькими лицами, такъ называемыми учредителями и которое затѣмъ передается акціонерному обществу, главная язва представляется тѣмъ обстоятельствомъ, что огромная часть средствъ, собранныхъ на дѣло по поводу и подъ залогъ дѣла, идетъ совершенно помимо этого дѣла, совершенно пропадаетъ для него. При той сложной комбинаціи, какая представляется: испрошеніемъ концессіи, исполненіемъ постройки, выпускомъ акцій, выпускомъ облигацій и полученіемъ гарантіи, происходитъ такое явленіе, что главные барыши бываютъ нажиты на дорогѣ раньше открытія ея, нажиты такими лицами, которымъ нѣтъ никакого дѣла до тѣхъ условій, какими въ концѣ концовъ будетъ обставлена эксплуатація дороги, потому что они выйдутъ изъ дѣла гораздо раньше. Прямое назначеніе, прямая цѣль такихъ концессіонеровъ, учредителей-спекулянтовъ именно въ томъ и состоитъ, чтобы „выжать" изъ дѣла возможно больше, прежде чѣмъ оно началось. А такъ какъ одно изъ средствъ выжиманія есть именно пониженіе достоинства постройки и обзаведенія, которое впослѣдствіи должно отразиться не только въ уменьшеніи доходности дороги, но и въ уменьшеніи безопасности ея, то это и служитъ весьма основательной причиной предпочитать въ общемъ принципѣ казенную постройку постройкѣ частной. Казенная постройка дороги если и обошлась дорого, то по крайней мѣрѣ все, что израсходовано — израсходовано на постройку, а не унесено въ

огромной долѣ спекуляціею. Допуская даже возможность отдѣльныхъ случаевъ недобросовѣстности, мы все-таки должны будемъ признать, что по мелочамъ не могутъ быть разнесены милліоны, которые спекуляція при частной постройкѣ и частномъ учредительствѣ, уноситъ совершенно удобно, дѣйствуя вполнѣ безнаказанно. При строительствѣ казенномъ, въ настоящее время можемъ разсчитывать на то, что прежняя дороговизна будетъ устранена, такъ какъ опытъ достаточно выяснилъ мѣстныя условія строительства и опредѣлилъ цѣны. Что касается добросовѣстности, то какъ уже сказано выше, еще двадцать лѣтъ тому назадъ мы имѣли такихъ инженеровъ, на которыхъ безкорыстіе въ то время многіе смотрѣли съ наивнымъ удивленіемъ; позволительно думать, что съ тѣхъ поръ и впредь, по мѣрѣ успѣховъ нравственнаго развитія въ самомъ обществѣ, добросовѣстность казенныхъ строителей не будетъ ни подлежать сомнѣнію, ни сопровождаться удивленіемъ. Отъ спекуляціи же ожидать такого чуда, чтобы она когда-либо морализировалась — совершенно напрасно, потому что это противно самому существу ея. Въ Пруссіи, во Франціи, въ Англіи никто не сомнѣвается въ честности правительственныхъ инженеровъ. Но стóитъ припомнить себѣ послѣднія обличенія Ласкера въ прусской палатѣ и имперскомъ сеймѣ, чтобы убѣдиться, что спекуляція нигдѣ не имѣетъ никакой связи съ нравственными успѣхами общества. Обличенія Ласкера раскрыли въ Пруссіи ту самую язву концессіонерной и вообще учредительской спекуляціи, которая во Франціи, при второй имперіи, представлялась исторіею желѣзно-дорожныхъ концессій и акціонерныхъ комбинацій.

Частная иниціатива въ желѣзно-дорожномъ строительствѣ у насъ уже исполнила свое естественное призваніе: путемъ немалыхъ лишнихъ пожертвованій мы пріобрѣли то, что Россія покрылась сѣтью желѣзныхъ дорогъ гораздо скорѣе, чѣмъ можно было ожидать, и что капиталы какъ русскіе, такъ и иностранные легко обращаются къ желѣзно-дорожной промышленности, легко помѣщаются въ желѣзно-дорожныя бумаги. Отнынѣ надо желать, чтобы самая постройка новыхъ линій по преимуществу производилась правителвствомъ, и чтобы частная промышленность въ дѣлѣ эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ и въ особенности постройки ихъ была поставлена подъ дѣйствительный контроль нашего строительнаго вѣдомства. Такой контроль, въ томъ, что касается самой постановки частныхъ желѣзно-дорожныхъ предпріятій, долженъ по возможности вести къ тому, чтобы устранить изъ этихъ предпріятій лишнихъ посредниковъ, спекулирующихъ на выжиманіе изъ него легкихъ барышей еще прежде, чѣмъ оно состоялось. Всего лучше, конечно, если бы сама казна строила дороги и затѣмъ образовывала для эксплуатаціи ихъ частныя обще-

ства, посредствомъ выпуска акцій. Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда постройка будетъ поручаема частнымъ обществамъ, все-таки желательно, чтобы казна имѣла дѣло непосредственно съ самими обществами, которыя, построивъ дорогу, будутъ владѣть ею все время, опредѣленное концессіею, устраняя всякое коммисіонерство въ видѣ испрошенія концессій и учредительства компаній для владѣнія линіею, ими выпрошенною и построенною.

Итакъ, соединяя вмѣстѣ главныя указанія опыта, находимъ, что желательными представлялись слѣдующія мѣры: сосредоточеніе всего направленія и руководства желѣзно-дорожнаго дѣла, за исключеніемъ одной только финансовой стороны—въ рукахъ министра путей сообщенія; отданіе рѣшительнаго преимущества казенной постройкѣ новыхъ линій; наконецъ—устраненіе по возможности всякихъ посредниковъ-барышниковъ между казною, которая даетъ разрѣшеніе и гарантію, и акціонернымъ обществомъ, которое строитъ или пріобрѣтаетъ дорогу для того, чтобы пользоваться ея доходомъ. Интересы этого акціонернаго общества, какъ окончательнаго хозяина дороги, очевидно солидарны съ интересами казны въ этомъ дѣлѣ. Интересамъ ихъ обоихъ прямо враждебенъ интересъ предпринимателя-концессіонера, потому что онъ стремится или уйти изъ дѣла раньше постройки, продавъ новымъ предпринимателямъ за деньги тó, что казна дала ему даромъ, или же нажить барышъ на самой постройкѣ и на учредительствѣ общества, то-есть впередъ лишить окончательныхъ владѣльцевъ дороги части того имущества, которое они пріобрѣтаютъ на-вѣру. Такое разобщеніе между окончательнымъ хозяиномъ дѣла и казною, которая его гарантируетъ и впослѣдствіи будетъ вновь владѣть имъ, въ пользу посредника, наживающаго несоотвѣтственные барыши, должно исчезнуть. Эти цѣли въ настоящее время и выяснились вполнѣ для правительства, какъ о томъ удостовѣряютъ новыя „Правила для разрѣшенія постройки желѣзныхъ дорогъ", высочайше утвержденныя 30 марта 1873 г. Эти правила допускаютъ два способа постройки: непосредственно отъ правительства или посредствомъ акціонернаго общества; но, сколько извѣстно, предполагается нынѣ отдавать предпочтеніе именно казенной постройкѣ. Новыя правила опредѣляютъ, что по высочайшемъ утвержденіи сѣти, министръ путей сообщенія производитъ казенныя изысканія по включеннымъ въ сѣть линіямъ, и предъ наступленіемъ каждаго года вноситъ, по соглашенію съ министромъ финансовъ, въ комитетъ министровъ свои соображенія о томъ, какія изъ этихъ линій должны строиться въ теченіе года, а также сводъ изысканій по нимъ и заключеніе о цѣнѣ ихъ постройки. Заключенія комитета министровъ по этимъ представленіямъ утверждаются верховною

властью. Затѣмъ, министръ путей сообщенія вноситъ въ комитетъ министровъ, для высочайшаго утвержденія, соображенія о способѣ исполненія каждаго предпріятія, то-есть, должна ли дорога строиться отъ казны или акціонернымъ обществомъ, представляя на этотъ последній случай и проектъ устава общества съ опредѣленіемъ въ уставѣ основнаго капитала, а также вида и размѣра правительственнаго содѣйствія предпріятію. Новыя линіи, примыкающія къ существующимъ, могутъ быть передаваемы для постройки тѣмъ обществамъ, которыя владѣютъ этими существующими линіями. За однимъ этимъ исключеніемъ, во всѣхъ прочихъ случаяхъ, когда предполагается передать постройку новому акціонерному обществу, само правительство принимаетъ на себя роль концессіонера и учредителя, до образованія общества. Въ этихъ случаяхъ министерство путей сообщенія публикуетъ уставъ и относящіяся къ постройкѣ данныя, и вмѣстѣ, по соглашенію съ министерствомъ финансовъ и государственнымъ контролемъ, образуетъ *правительственную учредительную коммиссію* изъ трехъ членовъ, по одному отъ каждаго изъ названныхъ вѣдомствъ. Коммиссіи этой дается составленная министерствомъ путей сообщенія, въ соглашеніи съ двумя другими вѣдомствами, инструкція, на основаніи которой она производитъ слѣдующія дѣйствія: открываетъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ подписку на акціи учреждаемаго общества, публикуя объ этой подпискѣ, и вмѣстѣ о цѣнѣ постройки, подписной цѣнѣ акцій, суммѣ перваго взноса, порядкѣ слѣдующихъ взносовъ и способѣ разверстки; затѣмъ, коммиссія производитъ разверстку, публикуетъ о результатѣ подписки и созываетъ акціонеровъ въ первое общее собраніе для выбора правленія общества. При этомъ постановляется, что подписка происходитъ на равныхъ для всѣхъ основаніяхъ, и при разверсткѣ пользуются преимуществомъ подписавшіеся на *меньшее* количество акцій. Такимъ образомъ наносится сильнѣйшій ударъ всей той безплодной и вредной спекуляціи, которая обыкновенно сопровождаетъ выпускъ акцій и подписку на нихъ, и произволъ при ихъ разверсткѣ, съ отдачею преимущества крупнымъ капиталистамъ для того, чтобы захватить акціонерное дѣло въ возможно меньшее число рукъ. Въ первомъ общемъ собраніи правительственная учредительная коммиссія является въ видѣ правленія, и председатель ея предсѣдательствуетъ въ этомъ собраніи; затѣмъ, по избраніи правленія, дѣйствія правительственной коммиссіи прекращаются. Но новыя правила заходятъ еще далѣе для огражденія правильности дѣйствій въ обществѣ; они постановляютъ, что въ составъ самого выборнаго правленія общества министерство путей сообщенія назначаетъ одного директора отъ себя, который будетъ получать жалованье отъ казны,

насчетъ компаніи, и этотъ директоръ отвѣчаетъ непосредственно передъ правительствомъ за всѣ дѣйствія правленія, для чего и пользуется правомъ заявлять протесты противъ рѣшеній правленія. Это правило вовсе не нарушаетъ самостоятельности акціонернаго общества, не порабощаетъ его оффиціальной регламентаціи, а только ограждаетъ акціонеровъ отъ злоупотребленій и произвола правленія, такъ какъ протестъ правительственнаго директора, если будетъ признанъ за уважительный министромъ путей сообщенія, не имѣетъ иныхъ послѣдствій, какъ только перенесеніе спорнаго вопроса на разрѣшеніе самихъ же акціонеровъ въ общемъ собраніи. Весьма важно еще правило, что до утвержденія общимъ собраніемъ плана дѣйствій, составленнаго правленіемъ, правленіе не имѣетъ права производить какіе-либо расходы, заключать какіе-либо подряды и сдѣлки, кромѣ по найму помѣщенія и по дѣлопроизводству до второго общаго собранія. Извѣстно, что учредители и правленіе нерѣдко навязываютъ акціонерамъ убыточныя сдѣлки, принуждая къ утвержденію ихъ тѣмъ простымъ соображеніемъ, что сдѣлки уже заключены и расходы произведены. Не менѣе важно было оградить самый составъ первыхъ общихъ собраній отъ подставныхъ лицъ, помощью которыхъ учредители не рѣдко превращаютъ общія собранія въ пустую форму и сами вотируютъ себѣ всевозможныя преміи и полномочія. Явныхъ учредителей при новыхъ правилахъ не будетъ, но ничто не ручается, что не будетъ попытокъ со стороны прежнихъ концессіонеровъ-спекулянтовъ захватывать и новыя общества въ свои руки, стоя за плечами мнимыхъ подписчиковъ. Вотъ почему постановляется, что участіе въ первыхъ двухъ общихъ собраніяхъ, имѣющихъ по преимуществу характеръ учредительныхъ, допускается только по именнымъ свидѣтельствамъ, выданнымъ правительственной учредительной коммиссіею. Наконецъ, суммы, принадлежащія обществу, будутъ состоять въ вѣдѣніи министра финансовъ и правленіе можетъ получать ихъ не иначе, какъ по свидѣтельствамъ министерства путей сообщенія.

Нельзя не признать вполнѣ раціональными и вполнѣ современными мѣры, предположенныя нынѣ правительствомъ относительно желѣзно-дорожнаго строительства. Потребность усиленія государственнаго контроля, государственнаго руководства въ этомъ дѣлѣ сознается теперь вездѣ; даже въ самой Англіи, истинномъ отечествѣ частной иниціативы, возникло движеніе въ пользу не только усиленія правительственнаго контроля, чему соотвѣтствуетъ и новый билль о желѣзныхъ дорогахъ, внесенный въ парламентъ, но въ пользу выкупа государствомъ изъ частныхъ рукъ такого колоссальнаго фактора общественной безопасности и общественнаго благосостоянія, какъ си-

стема рельсовыхъ путей, этихъ истинныхъ артерій современной жизни. Въ Германіи, какъ извѣстно, учредительскія плутни, преимущественно въ желѣзно-дорожномъ же дѣлѣ, вызвали всеобщее негодованіе и повели къ производству изслѣдованія, а затѣмъ возникъ вопросъ и вообще объ огражденіи акціонерныхъ обществъ отъ эксплуатаціи спекулянтовъ, доходящей до расхищенія. Эта язва настоящаго европейскаго общества заняла почетное мѣсто и на нынѣшней всемірной выставкѣ, такъ какъ биржевой погромъ, происшедшій въ Вѣнѣ, имѣлъ одною изъ своихъ причинъ тѣ же захваты спекулянтами въ свои руки предпріятій, принадлежащихъ множеству лицъ, въ дѣйствительности устраненныхъ отъ распоряженія ими.

Правда, всѣ законодательныя мѣры въ этомъ отношеніи не могутъ создать безусловной безопасности для акціонеровъ отъ произвола и для всего общества отъ обмановъ спекуляціи. Но вѣдь и законы и учрежденія, ограждающіе личную безопасность, не устраняютъ безусловно ни убійствъ, ни разбоя, изъ чего, однако, не слѣдуетъ, что законы эти и полиція не приносятъ пользы. Скупка акцій спекулянтами, подставленіе мнимыхъ акціонеровъ, попытки негласно захватить въ свои руки эксплуатацію акціонернаго предпріятія, безспорно, не могутъ быть безусловно устранены и изданными нынѣ правилами. Но дѣло въ томъ, что за ними такимъ проискамъ придется бороться противъ сильныхъ препятствій, между тѣмъ какъ нынѣ происки эти осуществлялись съ полнымъ просторомъ. Во всякомъ случаѣ, даже и по отношенію къ самимъ административнымъ учрежденіямъ, слѣдуетъ порадоваться такой реформѣ, которая отмѣняетъ нынѣшній порядокъ раздачи концессій, съ его негласною конкурренціею, съ произвольнымъ предпочтеніемъ одного концессіонера другому по соображеніямъ предполагаемой „солидности", съ его искательствомъ и вымогательствомъ предпринимателей по всѣмъ ступенямъ различныхъ управленій. Реформа эта какъ нельзя болѣе умѣстна именно теперь, наканунѣ утвержденія новой обширной сѣти желѣзныхъ дорогъ. О сѣти этой доселѣ имѣются только частныя свѣдѣнія; такъ, говорятъ, что она разсчитана на около 10,000 верстъ и называютъ входящія въ нее линіи, въ числѣ которыхъ, къ общему удивленію, не находилось желѣзной дороги въ Сибирь. Впрочемъ, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, проектъ сибирской дороги все-таки составляется и, быть можетъ, будетъ опредѣленъ еще ранѣе утвержденія сѣти.

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" о новыхъ правилахъ для разрѣшенія постройки желѣзныхъ дорогъ сказано только, что правила эти удостоились высочайшаго утвержденія, но восходили ли они на утвержденіе порядкомъ законодательнымъ, или утверждены

„въ видѣ опыта"—не сказано. Во всякомъ случаѣ надо желать, чтобы имъ приданъ былъ характеръ окончательности, характеръ закона. Нельзя никакъ сказать того же о другой мѣрѣ, которая, по слухамъ, поступила на разсмотрѣніе государственнаго совѣта къ концу нынѣшней сессіи, а именно о проектированныхъ двухъ дополнительныхъ статьяхъ къ закону о печати. Приданіе формы закона этимъ статьямъ, казалось бы, не вызывается необходимостью принять, на основаніи ихъ, какія-либо поспѣшныя мѣры; нельзя серьёзно утверждать, чтобы наша печать нуждалась въ какихъ-либо неотложныхъ, энергическихъ мѣрахъ предупрежденія. А между тѣмъ, содержаніе дополнительныхъ статей, насколько оно сдѣлалось извѣстнымъ, именно таково, что не мѣшало бы первоначально провѣрить ихъ „опытомъ", и есть основаніе предполагать, что опытъ прямо доказалъ бы ихъ неудобопримѣнимость. Статьи, какъ говорятъ, имѣютъ цѣлью опредѣлить, въ какихъ предѣлахъ газетамъ должно быть дозволено сообщать свѣдѣнія объ административныхъ предположеніяхъ и оффиціальныхъ цифрахъ, а также постановить, что редакціи обязаны будутъ, по требованію администраціи, указывать, отъ кого именно ими получены такія свѣдѣнія.

Прежде всего возникаетъ недоумѣніе, что́ могло возбудить самую мысль объ этихъ мѣрахъ? Сообщаемыя нашими газетами свѣдѣнія изъ административнаго міра, какъ извѣстно, относятся, за весьма рѣдкими исключеніями, къ категоріи извѣстій самаго безобиднаго и невиннаго свойства. Сообщаются слухи о законопроектахъ, когда эти законопроекты уже поступаютъ на разсмотрѣніе высшихъ коллегіальныхъ мѣстъ, и когда, стало быть, никакія мѣры строгости не могутъ обезпечить безусловнаго сохраненія ихъ въ тайнѣ. Да и къ чему же это служило бы, когда само правительство неоднократно обнародывало проекты и предварительныя работы по важнѣйшимъ изъ своихъ законодательныхъ мѣръ? Въ дѣлѣ обсужденія этихъ общихъ правительственныхъ актовъ, очевидно, возможно только соблюденіе одного изъ двухъ противоположныхъ принциповъ: или полной безгласности, совершеннаго молчанія о нихъ печати и до изданія, и по изданіи такихъ актовъ, какъ было въ то время, когда наша печать могла разсуждать только объ искусствахъ, гуляньяхъ и погодѣ; или — допущеніе гласности и затѣмъ отказъ отъ всякаго нетерпѣнія даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда починъ печати можетъ показаться кому-либо „несвоевременнымъ" и „неловкимъ". Такія лица всегда найдутся, какъ бы осторожно и выжидательно ни дѣйствовала печать. Хотя бы она заговорила о законѣ, когда онъ уже совсѣмъ обветшалъ, когда само правительство уже сознало обветшаніе закона, найдутся люди, которые признаютъ „неловкимъ" и „несвое-

временнымъ" прикосновеніе гласнаго слова къ вопросу, до котораго еще не дошла очередь, и станутъ увѣрять, что такое вмѣшательство можетъ „помѣшать" административному почину. Но ничего средняго между водвореніемъ и поддержаніемъ полной безгласности и примиреніемъ съ гласностью во всѣхъ случаяхъ, даже когда она не нравится, не можетъ установить *законъ*. Другое дѣло — административная практика. Извѣстно, что въ особыхъ, весьма нерѣдкихъ, впрочемъ, случаяхъ администрація и доселѣ имѣла полную возможность безусловно предупреждать всякое сужденіе и даже заявленіе печати о томъ или другомъ предметѣ, который казался почему-либо особенно „щекотливымъ". И печать до такой степени вѣрно подчинялась такимъ совѣтамъ, что спрашивается, какія же еще гарантіи нужны противъ нея для присутственныхъ мѣстъ, обладающихъ чрезъ главное управленіе по дѣламъ печати столь полными, неограниченными правами?

Что касается газетныхъ извѣстій о дѣйствіяхъ центральной администраціи, то извѣстно, что эти извѣстія у насъ главнымъ образомъ состоятъ въ сообщеніяхъ о томъ, что въ смѣту такого-то управленія предположено занести сумму на производство такой-то работы или на усиленіе штата такимъ-то дѣлопроизводителемъ или бухгалтеромъ. Кому могутъ казаться вредными или опасными подобныя сообщенія? А вѣдь извѣстія нашихъ газетъ, повторяемъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, сводятся именно къ сообщенію изъ административнаго міра именно такихъ „инфинитезимальныхъ" фактовъ. Правда, и факты второстепенные, даже мелкіе сами по себѣ, могутъ получить не малое относительное значеніе въ томъ случаѣ, если они служатъ опорами для разсужденія о какой-либо важной, всѣмъ извѣстной, гласной мѣрѣ; только заручившись достовѣрными фактами и безспорными цифрами и возможно выступать съ обсужденіемъ той или другой мѣры, подлежащей обсужденію. И вотъ, когда это дѣлается, когда журналъ или газета, вмѣсто того, чтобы ограничиться произнесеніемъ о какихъ-либо мѣрахъ общихъ фразъ, что никого бы не обидѣло, потому что ничего бы не доказывало, выступаетъ съ разсужденіемъ, хотя и нисколько не злонамѣреннымъ и остающимся строго въ предѣлахъ закона, но фактическимъ, подтверждая свои сужденія ссылкою на второстепенные, даже мелкіе, но *дѣйствительные* факты и цифры, тогда возникаютъ понятныя неудовольствія; тогда спрашивается: „откуда они добыли эти факты и цифры, кто сообщилъ ихъ, кѣмъ окружены начальники отдѣленій, что *послѣ этого* можетъ оставаться государственною тайной?" А между тѣмъ, что же такое сдѣлала газета, какого неприкосновеннаго предмета она коснулась и какую раскрыла государственную тайну? По повѣркѣ ока-

зывается, что неприкосновенный предметъ было просто всѣмъ извѣстное устройство какого-нибудь управленія, — устройство, о которомъ, до введенія его, сама администрація собирала отзывы отъ множества лицъ, разсылая печатные проекты по всей Россіи; государственная же тайна, разоблаченная къ опасности для страны, заключалась, напримѣръ, въ цѣнѣ муки въ Петербургской губерніи въ такомъ-то году!

Еслибы газета ограничилась голословнымъ сужденіемъ объ устройствѣ даннаго управленія, многимъ и въ мысль не пришло бы утверждать, что это опасно; мысль объ опасности пришла имъ только въ ту минуту, когда они увидѣли въ печати дѣйствительную цѣну муки. Съ другой стороны, смѣшно и думать, что если бы такой безобидный самъ по себѣ фактъ, какъ цѣна муки, появился въ газетѣ отдѣльно, безъ всякаго отношенія къ какому-либо административному учрежденію, появился бы, напримѣръ, въ формѣ: „намъ передаютъ за достовѣрное, что въ 1865 году куль муки въ магазины петербургской губерніи ставился по x рублей", — смѣшно и думать, повторяемъ, что кто-нибудь, даже изъ консервативнѣйшихъ консерваторовъ, усмотрѣлъ бы въ этомъ сообщеніи раскрытіе государственной тайны. Эти два элемента, то-есть независимое гласное сужденіе и извѣстіе о фактѣ, о цифрѣ, въ отдѣльности представляются безобидными многимъ изъ тѣхъ, кто въ соединеніи ихъ усматриваетъ нѣчто ужасное. Такъ мѣдь и цинкъ сами по себѣ невинны, но соединеніе ихъ составляетъ гальваническую батарею. Главное, что при этомъ смущаетъ такихъ пугливыхъ, хотя и не по наивности конечно, людей, это именно вопросъ: какъ могли быть добыты эти факты? и затѣмъ другой вопросъ: стало-быть, нѣтъ болѣе никакой тайны? Говорящіе такъ способны забывать, что сами они систематически сообщали печати массу оффиціальныхъ свѣдѣній, и именно съ полемической же цѣлью. Въ администраціи, начиная съ министерства иностранныхъ дѣлъ и продолжая министерствами военнымъ, финансовъ, народнаго просвѣщенія и т. д., нѣтъ *никого*, кто бы не былъ повиненъ въ такомъ, въ сущности вполнѣ законномъ, правильномъ и раціональномъ пріемѣ. Но кто же затѣмъ имѣетъ право обижаться, въ случаѣ, если пріемъ, имъ самимъ многократно и съ успѣхомъ употребленный, однажды обращается и противъ него? Мы слышали, что нѣкоторые пуристы были крайне удивлены и раздражены появленіемъ въ газетѣ „Русскій Міръ", въ одной изъ статей ея по поводу военно-окружной системы, весьма обстоятельнаго изложенія контракта интендантства съ г. Фейгинымъ. Признаемся, мы не понимаемъ такой щепетильности. Чѣмъ контрактъ Фейгина таинственнѣе и неприкосновеннѣе, чѣмъ, напри-

мѣръ, былъ контрактъ Уайненса, о которомъ всѣ разсуждали въ свое время безъ малѣйшаго вреда для государства, напротивъ, съ очевидной пользою, потому что этотъ контрактъ наконецъ и былъ расторгнутъ. Что контрактъ Фейгина былъ оглашенъ газетою и что газета позволила себѣ выразить мнѣніе объ убыточности этого контракта — въ этомъ не было рѣшительно ничего удивительнаго, какъ не было ничего удивительнаго въ томъ, что этотъ контрактъ вообще былъ доступенъ для частныхъ лицъ. Контрактъ, безъ сомнѣнія, былъ извѣстенъ всѣмъ служившимъ у г. Фейгина; г. Фейгинъ могъ самъ показывать его всѣмъ, съ кѣмъ вступалъ въ денежныя обязательства. Но мы можемъ указать на иной примѣръ сообщенія оффиціальныхъ данныхъ, съ цѣлью доказать, что вообще расходы нашего военнаго вѣдомства, относительно говоря, умѣренны, — сообщеніе въ самомъ дѣлѣ удивительное: въ „Голосѣ“ однажды помѣщенъ былъ сводъ цифръ по сравненію нашей военной смѣты, по главнымъ статьямъ, со смѣтою сѣверо-германскою. Вотъ это сообщеніе очевидно могло явиться въ газетѣ не иначе, какъ изъ оффиціальнаго источника. Спрашивается, если можно дѣлать одной газетѣ сообщенія такого рода, съ цѣлью устранить мысль о возможности сокращенія военныхъ расходовъ, то есть ли затѣмъ поводъ обижаться, когда противное мнѣніе прибѣгаетъ къ тому же пріему, съ той только разницей, что оглашаетъ факты не первостепенной важности, пользуется источниками не наиболѣе сокровенными, но ссылается на такую общедоступную вещь, какъ контрактъ съ коммерческимъ лицомъ?

Да и вообще, замѣтимъ, во всей происходившей недавно полемикѣ по поводу военно-окружной системы, частная газета „Русскій Міръ“ не могла привести противъ этой системы и десятой части тѣхъ оффиціальныхъ данныхъ, которыя были предоставлены въ распоряженіе частной же газеты „Голоса“ для защиты этой системы. То же самое можно сказать и о полемикѣ, бывшей въ нашей печати по поводу преобразованія гимназій и составленія устава реальныхъ училищъ. Оффиціозные защитники предположенныхъ однимъ вѣдомствомъ мѣръ орошали всходъ этихъ мѣръ цѣлыми ливнями оффиціальныхъ данныхъ, и особенно усиливали эти потоки именно въ самые тѣ дни, когда мѣры эти обсуждались въ государственномъ совѣтѣ, короче—производили настоящую агитацію путемъ печати, для оказанія поддержки данному вѣдомству въ нужную минуту. Находимъ ли мы это вреднымъ? Нисколько; мы только хотимъ напомнить, что затѣмъ никто не имѣетъ права обижаться употребленіемъ другими того же, совершенно естественнаго и безвреднаго пріема. Не сочувствуя ни цѣлямъ „Московскихъ Вѣдомостей“ въ защитѣ системы

классицизма, ни цѣлямъ „Русскаго Міра“ въ нападеніи на военно-окружную систему, мы только просимъ не забывать, что нельзя дѣлать самимъ одно, а другихъ обвинять чуть-ли не въ государственной измѣнѣ, когда они дѣлаютъ то же самое. Если мы скажемъ, что въ разныхъ вѣдомствахъ есть даже особые, способные чиновники, которыхъ спеціальность заключается въ томъ, чтобы оффиціозно сообщать оффиціальныя данныя или составлять оффиціозныя статьи, съ цѣлью проведенія той или другой мѣры, устраненія того или другого возраженія, то насъ не опровергнутъ въ этомъ случаѣ ни дѣлопроизводители вѣдомства военнаго, ни дѣлопроизводители вѣдомства просвѣщенія.

Дѣлопроизводители, пожалуй, даже прямо согласятся съ нами, что все это такъ. Но—быть можетъ, скажутъ они—бываютъ случаи, что данныя сообщаются не тѣ, которыя слѣдовало бы, не тому, кому слѣдовало бы, и не тѣми, кто имѣетъ на это полномочіе. Но вѣдь слишкомъ ясно, что иначе и быть не можетъ, какъ только сдѣлано какое-либо отступленіе отъ системы полной безгласности. Если однимъ чиновникамъ поручается дѣлать сообщенія газетамъ съ полемической цѣлью, то нѣтъ никакой возможности внушить всѣмъ прочимъ чиновникамъ, что они даже въ частныхъ разговорахъ должны хранить малѣйшую подробность дѣлъ, какъ государственную тайну. Во всякомъ случаѣ, печать не имѣетъ возможности повѣрять полномочія чиновниковъ, удостовѣряться, съ разрѣшенія начальства или безъ его разрѣшенія ими произносится то или другое слово. Всякія мѣры, принятыя съ цѣлью заставить редакторовъ доносить отъ кого ими слышанъ тотъ или другой слухъ, очевидно были бы безуспѣшны. Ясное дѣло, что требовать подобнаго обличенія отъ порядочныхъ людей невозможно, и что подобное требованіе только ставило бы ихъ въ непріятную, но неизбѣжную нужду прибѣгать къ „школьническимъ“ отговоркамъ; ссылаться на лицъ неслужащихъ или на послѣдняго покойника изъ служившихъ. Спрашивается, что пришлось бы дѣлать, если редакторъ сослался на неслужащее лицо? Было ли бы признано необходимымъ привлекать это лицо къ слѣдствію или требовать, чтобы редакторъ указалъ непремѣнно на какого-нибудь чиновника, подъ опасеніемъ пріостановленія изданія? И чѣмъ можетъ быть доказанъ фактъ, что сообщеніе исходило отъ чиновника, если оно было устное или писано не его рукой? Примѣненіе подобнаго закона въ большинствѣ случаевъ оказалось бы невозможнымъ, а по изреченію Петра: „всуе законы писать, когда ихъ не исполнять или играть ими какъ въ карты, подбирая масть къ масти“.

Впрочемъ, говорятъ, что проекты новыхъ законовъ о печати подверглись, при законодательномъ разсмотрѣніи, значительнымъ измѣ-

неніямъ, и что въ настоящее время предполагается уже только по первому — предоставить министру внутреннихъ дѣлъ право, въ виду особенно важныхъ государственныхъ соображеній, не допускать къ обсужденію въ печати извѣстныхъ вопросовъ; по второму же — не допускать въ печати обнародованія какихъ бы то ни было оффиціальныхъ, находящихся въ правительственномъ разсмотрѣніи, дѣлъ или выписокъ изъ нихъ, съ тѣмъ, что, за нарушеніе каждаго изъ этихъ законовъ, изданія могутъ быть пріостанавливаемы на время отъ одного до трехъ мѣсяцевъ. Первое право, какъ уже сказано выше, фактически существовало и до сихъ поръ, стало-быть вопросъ только въ его узаконеніи; о второмъ ограниченіи можно только пожалѣть, потому что если оно будетъ соблюдаться строго, какъ долженъ соблюдаться всякій законъ, то оно лишитъ саму администрацію возможности предлагать на общественное обсужденіе проекты, по которымъ она сама признаетъ полезнымъ собрать возможно больше отзывовъ и дополнительныхъ данныхъ; если же законъ этотъ исполнялся бы съ допущеніемъ изъятій въ оффиціозномъ смыслѣ, то это ослабило бы его значеніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, повело бы ко многимъ пререканіямъ между самими административными вѣдомствами. Но, во всякомъ случаѣ, утѣшительно, что послѣдніе слухи о предполагаемыхъ постановленіяхъ уже не говорятъ о такой нераціональной и непрактичной мѣрѣ, какъ возложеніе на отвѣтственность редакцій газетъ и журналовъ охраны бюрократической дисциплины и отнесеніе къ обязанности представителей гласности заботъ о соблюденіи канцелярской тайны.

Происходилъ ли какой-нибудь вредъ отъ того, что передѣлка устава гимназій была въ то время, когда находилась на разсмотрѣніи, самымъ обстоятельнымъ образомъ демонстрируема въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“? Пожалуй, можно сказать, что если бы разсмотрѣніе облечено было тайной, то публика могла бы подозрѣвать существованіе въ оффиціальныхъ запискахъ аргументовъ, болѣе вѣскихъ, чѣмъ тѣ, которые оказались по сообщеніямъ московской газеты. Но вѣдь въ дѣйствительности вѣскіе аргументы не создались бы сами собою оттого только, что публика могла бы подозрѣвать о ихъ существованіи. И въ настоящее время намъ нисколько не кажется страннымъ или могущимъ повредить чему-либо такой фактъ, что московская газета, въ отвѣтъ на помѣщенную въ нашемъ журналѣ статью о „Новой регламентаціи гимназій“, сообщила въ точности, изъ какихъ именно лицъ состояла коммиссія, наряженная министерствомъ народнаго просвѣщенія для составленія правилъ 8 декабря 1872 г. объ испытаніи учениковъ гимназій. Московская газета права́, защищаясь чѣмъ можетъ, и когда находятъ, что въ этихъ правилахъ гос-

водствуетъ канцелярскій духъ, то она безъ всякаго вреда могла заявить, что всѣ члены коммиссіи, составлявшей правила, бывали въ свое время педагогами. Другое дѣло вопросъ о пользѣ, о доказательности такого возраженія. Какъ будто смыслъ какихъ-нибудь правилъ заключается не въ нихъ самихъ, а въ томъ, какого званія лицамъ поручено было ихъ составить! Возраженія „Московскихъ Вѣдомостей" на статью г. П. Н. представляютъ забавный полемическій примѣръ: не опровергнувъ ни одного изъ фактовъ противника и не приведя никакого новаго факта, московская газета пытается, единственно посредствомъ напряженнаго усилія, вывесть изъ тѣхъ же фактовъ противоположное заключеніе. Такая сила одной „доброй воли" напоминаетъ подвигъ барона Мюнхгаузена, который, завязнувъ верхомъ въ болотѣ, *сильно* дернулъ себя за косу къ верху, и тѣмъ поставилъ себя съ лошадью на твердый грунтъ. Г. П. Н. говорилъ, что изданными министерствомъ правилами педагогическія сословія гимназій лишены самостоятельности, что у экзаменной коммиссіи отнято право составленія задачъ для письменныхъ отвѣтовъ, что задачи эти составляются въ канцеляріяхъ попечителей, и при этомъ ссылался на параграфъ правилъ. „Московскія Вѣдомости" приводятъ этотъ параграфъ для уличенія автора въ „искаженіи истины", какъ будто можно уличить кого-нибудь тѣмъ, на что̀ онъ самъ ссылается? Оказывается, что же: члены испытательныхъ коммиссій сами назначаютъ по нѣскольку задачъ, но посылаютъ ихъ предварительно *на утвержденіе* попечителя, которому, затѣмъ, предоставляется *избирать* изъ этихъ задачъ или самому назначать по одной задачѣ на каждый предметъ. Итакъ, въ конечномъ результатѣ, кому же принадлежитъ право назначать задачи по своему усмотрѣнію? Ясно, что попечитель можетъ выбрать что хочетъ изъ представленныхъ ему задачъ, остальныя отбросить, прибавить свои, наконецъ послать задачи, присланныя изъ одной гимназіи въ другую. „Итакъ, у экзаменныхъ коммиссій не только не отнято право, но на нихъ *возлагается обязанность* составленія задачъ!" съ торжествомъ восклицаютъ „Моск. Вѣд.". Но въ томъ-то и дѣло, что на нихъ только возложена обязанность, а право-то утверждать или не утверждать задачи, ими составленныя, всецѣло предоставлено попечителю. Далѣе, г. П. Н. указывалъ, что правила вводятъ въ коммиссію, производящую выпускной экзаменъ, чиновника, командируемаго попечителемъ, и придаютъ этому чиновнику, въ противность точному смыслу высочайше утвержденнаго въ 1871 году устава гимназій, преобладающій голосъ въ сужденіяхъ коммиссіи, такъ какъ, въ случаѣ несогласія этого депутата съ большинствомъ коммиссіи, дѣло представляется на разсмотрѣніе высшаго начальства и притомъ не директоромъ, но депутатомъ. Между тѣмъ,

одинъ изъ параграфовъ устава гимназій установляетъ, что переводъ учениковъ въ классы и выдача аттестатовъ подлежатъ обсужденію и *окончательному рѣшенію* педагогическаго совѣта. Ничего изъ этого „Московскія Вѣдомости" опровергнуть не могли, но дѣлаютъ жалкую попытку сослаться на другой параграфъ устава, который говоритъ, что случаи разногласія директора самой гимназіи (а не посторонняго депутата) съ большинствомъ педагогическаго совѣта, представляются на разрѣшеніе попечителя, причемъ, замѣтимъ, объ экзаменахъ ничего и не сказано. Но прелестно то, что изъ предоставленія закономъ права директору гимназіи „Моск. Вѣд." выводятъ заключеніе, что законъ предоставляетъ это же право постороннему лицу, чиновнику, командированному попечителемъ. *За отсутствіемъ депутата*, разсуждаютъ они, директоръ, если не согласенъ съ мнѣніемъ большинства, можетъ перенести дѣло на разрѣшеніе высшаго начальства. Положимъ, что это право директора распространяется и на экзаменные вопросы. Но, все-таки, законъ даетъ это право только директору гимназіи, а министерскія правила, предоставляя это право постороннему чиновнику, депутату и даже преимущественно передъ директоромъ, допускаютъ нѣчто, чего въ законѣ нѣтъ, и чему законъ прямо препятствуетъ, установивъ, что выдача аттестатовъ подлежитъ *окончательному рѣшенію педагогическаго совѣта*. Стало быть, несогласно съ закономъ вмѣшательство посторонняго лица, хотя бы оно было очень учено. „Моск. Вѣд." ссылаются, что на основаніи правилъ, депутаты должны быть свѣдущи въ древнихъ языкахъ и въ элементарномъ курсѣ математики. Но хотя бы эти депутаты достигали даже такой изумительной степени учености, какъ, напр., знаніе сферической тригонометріи, ученость ихъ не можетъ создать имъ права, котораго не даетъ имъ законъ. Министерскія правила столь же мало, какъ и знаніе тригонометріи, могутъ измѣнять постановленія закона.

Прибавимъ отъ себя, что г. П. Н. имѣлъ достаточное основаніе рекомендовать сокращеніе состава центральныхъ учрежденій министерства народнаго просвѣщенія, чѣмъ главнымъ образомъ и навлекъ на себя злобу московскаго органа. Въ петербургскихъ гимназіяхъ, говорятъ, даже письменные *отвѣты* учениковъ гимназій посылаются изъ этихъ заведеній на обсужденіе высшаго начальства. Извѣстно, что для перевода въ шестой классъ гимназій нынѣ требуется отъ 12-ти-лѣтнихъ мальчиковъ знакомство съ 800 стихами изъ „Метаморфозъ" Овидія, а въ седьмомъ классѣ требуется уже переводъ Тита-Ливія. Если въ составѣ чиновниковъ, состоящихъ при попечителѣ или департаментѣ, есть такіе, которые сами не сдѣлаютъ ошибки въ 800 стихахъ Овидія и съумѣютъ переводить Тита-Ливія вѣрнѣе,

чѣмъ его переводитъ московскій профессоръ г. Куторга послѣ 40-лѣтней дѣятельности, то сокращеніе состава администраціи необходимо прежде всего въ видахъ успѣха самого преподаванія. Какъ подобные чиновники остаются чиновниками, а преподавателями латинскаго языка приходится, за недостаткомъ, оставлять такихъ братьевъ-славянъ, которые сами оказали на экзаменѣ недостаточное знаніе этого языка, и только извѣстны своимъ усердіемъ (см. апрѣльскую и майскую книги „Вѣстника Европы")?

Въ прошедшей книжкѣ нашего журнала мы помѣстили статью Е. Л. Маркова: „Всесословная волость", написанную по поводу дѣла, которое не мало занимало въ послѣднее время наше общество, и которое сводилось главнымъ образомъ къ вопросу: должно, или не слѣдуетъ включить въ составъ нашей сельской общины элементъ образованный и соединить въ одно цѣлое земледѣльцевъ и землевладѣльцевъ? Нашъ почтенный сотрудникъ, возражая на отрицательный отвѣтъ г. Кошелева, пришелъ къ заключенію, которому, по нашему мнѣнію, нельзя не сочувствовать, при томъ разъясненіи вопроса, какое приводится всею статьею: „Мы утверждаемъ,—говоритъ г. Марковъ, — что включеніе въ составъ общины элемента образованнаго, соединеніе въ одной группѣ мужиковъ съ бариномъ, не только не повредило бы интересамъ крестьянъ, но въ *большинствѣ* случаевъ могло бы принести имъ положительную выгоду, ослабляя противодѣйствіе невѣжества мѣрамъ общей крестьянской пользы". Дѣло, очевидно, заключается въ томъ, *какъ* совершить такое соединеніе земледѣльцевъ и землевладѣльцевъ, живущихъ на одной территоріи, въ одну общину? Но г. Марковъ устраняетъ себя въ той статьѣ отъ рѣшенія такого вопроса: „Мы не касаемся, говоритъ онъ, въ настоящемъ случаѣ самаго способа осуществленія этой всесословной группы и вообще никакихъ практическихъ подробностей, а только разсматриваемъ общее значеніе всесословности для первичныхъ ступеней общественной жизни". Между тѣмъ, „способъ" осуществленія всесословной группы можетъ быть весьма различенъ, какъ по различію чисто-экономической точки зрѣнія, такъ и по характеру внутренней политики, направляемой такъ или иначе. При такомъ положеніи вопроса интересъ самаго дѣла требуетъ выслушать мнѣніе каждаго, и чѣмъ это мнѣніе будетъ искреннѣе, тѣмъ легче оно приведетъ къ результату, независимому отъ интересовъ, лежащихъ внѣ самаго дѣла. Съ такимъ убѣжденіемъ писалъ почтенный авторъ помѣщаемой ниже нами статьи о земледѣліи и землевладѣніи свою записку чисто-практическаго характера,

съ указаніемъ многихъ практическихъ подробностей, ведущихъ къ осуществленію всесословной волости. И такое убѣжденіе о необходимости выслушать каждое откровенное мнѣніе въ дѣлахъ общественныхъ мы вполнѣ раздѣляемъ, сохраняя за собою право выразить и свое мнѣніе о томъ же предметѣ съ полною искренностью.

Не можемъ при этомъ случаѣ не замѣтить, что всякой искренности, добросовѣстности печатнаго сужденія у насъ и доселѣ еще стараются подставлять ногу нѣкоторые дѣльцы, которыхъ настоящее мѣсто, очевидно, не въ гласной дѣятельности. Такъ, по поводу „Варшавскихъ писемъ", помѣщенныхъ на страницахъ нашего журнала, варшавскій.... „корреспондентъ" „Голоса" въ № 127 этой газеты позволилъ себѣ привычные такимъ людямъ доносы, что авторъ тѣхъ писемъ — „полякъ, ратующій во имя Ржечи-Посполитой" и что „В. Е.", помѣстившій эти письма, „покровительствуетъ польскимъ стремленіямъ, претендующимъ на нашу плоть и кровь". Инсинуація эта сама по себѣ должна быть смѣшна всѣмъ, кто читалъ упомянутыя письма. Для насъ лично она особенно смѣшна уже потому, что авторъ тѣхъ писемъ извѣстенъ намъ какъ коренной русскій, по происхожденію своему, если можно такъ выразиться, „сугубо"-русскій человѣкъ. Всякое оправданіе противъ очевидно нелѣпой клеветы по отношенію къ нашему журналу мы считаемъ лишнимъ, но считаемъ положительной обязанностью напомнить редакціи „Голоса", что пора ей очистить свои корреспонденціи отъ доносовъ, возбуждающихъ отвращеніе порядочныхъ людей. Во время мятежа, борьбы, встревоженное общество могло быть не особенно разборчиво; въ минуту опасности послушаешь и шпіона. Но пора же, наконецъ, очистить печать отъ доносчиковъ, которые могли незамѣтно проскочить въ нее въ другое время.

ЗЕМЛЕДѢЛІЕ и ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ

По поводу вопроса о лучшемъ устройствѣ нашего сельскаго хозяйства.

I. Сравненіе условій земледѣльческаго положенія Россіи съ положеніемъ его въ Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ и въ Англіи.

Наше отечество, обладая огромнымъ количествомъ земли, не можетъ однако равняться средствами производительности со многими другими государствами. Россія не можетъ выдерживать конкурренціи по количеству плодородной земли ни съ Американскими Соединенными Штатами, ни съ англійскими колоніями, въ особенности въ Австраліи. Россія не можетъ равняться съ Англіей въ массѣ капиталовъ, обращенныхъ на искусственную *интенсивную* обработку земли.

Какъ ни велико въ настоящее время значеніе Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, оно должно еще увеличиваться въ неисчислимыхъ почти размѣрахъ. Всемірное населеніе увеличивается. Кочующія дикія племена выводятся и народъ стремится изъ просвѣщенныхъ густо-населенныхъ краевъ въ пустопорожнія страны и преимущественно въ такія, которыя пользуются умѣреннымъ климатомъ. Просторъ еще существуетъ на нашей планетѣ, но долженъ съ каждымъ вѣкомъ уменьшаться. Владѣнія Американскихъ Штатовъ состоятъ до сихъ поръ изъ пятисотъ милліоновъ десятинъ, при двухстахъ тысячахъ □ миляхъ углеродныхъ копей, т.-е., количествѣ въ десять разъ большемъ, чѣмъ сколько есть на всемъ остальномъ земномъ шарѣ. Въ западныхъ территоріяхъ, еще несложившихся въ штаты, довольно земли, чтобы пропитать, по пропорціи англійскаго народонаселенія, двѣсти пятьдесятъ милліоновъ людей. „Самая поражающая черта западно-американскихъ равнинъ (Канзаса), — рѣзко замѣчаетъ наблюдательный путешественникъ Дилькъ, — есть ихъ способность принимать и поглощать милліоны людей и съ открытою пастью ожидать новыхъ поселенцевъ. Обширныя и безмолвныя, тучныя, однако пустыя, похожія на поля, но невспаханныя, онѣ имѣютъ просторъ для гунновъ, готовъ, вандаловъ, для всѣхъ толпящихся племенъ, которыхъ по-

валило и можетъ еще валить изъ равнинъ Азіи и центральной Европы. Пространство вдвое обширнѣе Индостана, болѣе умѣренное климатомъ, болѣе удобонаселяемое, безъ изгородей (hedgeless), безъ калитокъ (gateless), доступное для всѣхъ, достаточное для прокормленія половины человѣческаго рода, еще неприсвоенное, не затронутое, улыбаясь ожидаетъ рукъ и плуга [1]". Тотъ же путешественникъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ: „Китайцы (эти азіатскіе ирландцы) уже начали стремиться къ новымъ странамъ; кто можетъ опредѣлить, гдѣ остановится это стремленіе? Ирландія, имѣющая теперь пять милліоновъ жителей, выселила равное тому число въ другія страны. Что помѣшаетъ видѣть въ теченіе будущаго пятидесятилѣтія эмиграцію двухсотъ милліоновъ изъ отдѣляющихся нынѣ провинцій Китая?"

Земельное богатство Россіи не можетъ выдержать сравненія ни съ американскимъ, ни съ австралійскимъ. Большая часть имперіи находится подъ суровымъ климатомъ; 40% всей поверхности европейской Россіи занято лѣсами. Изъ 88-ти милліоновъ пахатной земли 75 воздѣлывается по трехпольной системѣ. Запасныхъ, нетронутыхъ земель остается сравнительно немного, и тѣ по большей части въ менѣе удобныхъ къ населенію безводныхъ или отдаленныхъ краяхъ имперіи.

Европа и южная половина Азіи становятся тѣсными, и пароходы изъ Ливерпуля, Лондона, Глазго, Корка, Гавра, Гамбурга, Бремена, Гонъ-Конга перевозятъ за моря излишнее населеніе двухъ старыхъ материковъ.

Европа признаетъ всю цѣнность остающихся въ ней свободныхъ земель; она ихъ не только сберегаетъ, но улучшаетъ искусственно. Изъ европейскихъ государствъ Англія въ особенности заботится о сохраненіи своихъ земель неприкосновенными, не допуская испахивать ихъ. Около двухъ-третей плодородной почвы въ Англіи подъ натуральными или искусственными лугами и корнеплоднымъ хозяйствомъ. На удобреніе же земли истощаются огромные капиталы. Въ Англіи засѣваютъ мало земли и получаютъ огромные урожаи. Такимъ образомъ Англія оправдываетъ собою антитезисъ, высказанный экономистомъ Лавернемъ: „Для того, чтобы болѣе собирать зерна, лучше сокращать, чѣмъ расширять воздѣлываемыя поверхности и оставляя большія пространства подъ травяными произрастеніями, можно извлечь не только больше выгодъ въ мясѣ, молокѣ и шерсти, но имѣть еще и большее количество зерна".

Дѣйствительно, средній урожай пшеницы въ Англіи есть $3^1/_4$

---

[1]) Dilke, «Greater Britain».

квартеровъ на 1 акръ, чтó соотвѣтствуетъ на русскую мѣру 15²/₃ девятипудовымъ четвертямъ на одну десятину.

Главныя причины, по моему мнѣнію, высокаго состоянія земледѣлія въ Англіи слѣдующія: 1) Умѣренность ея климата. 2) Распредѣленіе земли между немногими крупными и средними собственниками. 3) Соединеніе въ однихъ рукахъ поземельной собственности и капитала и проистекающая отъ этого возможность землевладѣльцевъ довольствоваться умѣренными доходами, не истощающими капитальнаго достоинства земли. 4) Стремленіе землевладѣльцевъ къ сбереженію доброкачественности земли, которую они не обязаны закономъ раздѣлять между своими наслѣдниками, и которую они имѣютъ право завѣщевать въ нераздѣльную собственность одного лица. 5) Возможность землевладѣльцевъ слагать съ себя обработку полей и труды хозяйства, и повѣрять ихъ земледѣльцамъ опытнымъ и располагающимъ денежными средствами. Образованіе большихъ фермъ, достаточныхъ и для производства корнеплодныхъ растеній и хлѣба для прокармливанія скота. 6) Изобиліе луговъ сравнительно съ пахатной землею и нераздѣльность обширнаго скотоводства съ обработкой земли по всей Великобританіи. Почти каждое графство (хотя пространствомъ меньше нашихъ уѣздовъ) имѣетъ собственную свою породу рогатаго и мелкаго скота. Столицы и города снабжаются скотомъ не съ краевъ государства, а изъ прилегающихъ къ нимъ мѣстностей. 7) Малое число самихъ земледѣльцевъ-работниковъ, составляющихъ не болѣе ¼ части всего населенія. Остальныя ¾ живутъ трудами своихъ рукъ въ мануфактурномъ промыслѣ. 8) Размноженіе городовъ и поддержка повсемѣстно высокихъ цѣнъ на продукты земли. 9) Почетъ и помѣстныя права, коими землевладѣльцы пользуются независимо отъ государственной службы, а весьма часто и въ связи съ этой службой.

Американскіе Соединенные Штаты имѣютъ преимущество по количеству земли, — Великобританія по качеству земли, сберегаемой и удобряемой. Либихъ пророчилъ, что въ Англіи почва черезъ нѣсколько вѣковъ должна будетъ, съ увеличивающимися потребностями жителей, истощаться вмѣстѣ съ запасами ея минеральнаго топлива. Англичане это знаютъ и принимаютъ всевозможныя мѣры предосторожности.

Земледѣльческое положеніе Россіи можетъ быть очерчено исчисленіемъ фактовъ, противоположныхъ изложеннымъ условіямъ англійскаго земледѣлія.

1) Суровость климата въ Россіи. Вслѣдствіе чего, говоря вообще, десять десятинъ нашихъ не имѣютъ стоимости одной англійской.

2) Раздѣленіе земли на самые мелкіе участки и поземельная соб-

ственность *обязательная* для крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости .отъ помѣщика, но перешедшихъ въ зависимость отъ другого помѣщика, котораго называютъ „міромъ“.

3) Отдѣленіе поземельной собственности отъ капитала. Число поземельныхъ собственниковъ изъ дворянъ велико; но вмѣстѣ съ тѣмъ денежныхъ между ними очень немного. Относительно же самыхъ мелкихъ землевладѣльцевъ-крестьянъ, можно принять за общее правило, что они не имѣютъ вовсе денежныхъ средствъ, исключая можетъ быть только того, что необходимо для самой грубой и дешевой обработки своихъ полосъ. Дворяне должны производить возможно бо́льшіе посѣвы зернового хлѣба на оставшейся у нихъ землѣ для удовлетворенія своихъ нуждъ, а крестьяне, дѣля между собою общественную землю и не удобряя вовсе, или удобряя весьма недостаточно поля, могущія отойти черезъ годъ въ чужія руки, истощаютъ землю и получаютъ самые скудные урожаи большею частію второстепенныхъ хлѣбовъ: ржи, овса и гречи.

4) Дворяне-землевладѣльцы охотно продаютъ свои земли, не только когда онѣ доведены до ничтожныхъ размѣровъ, но и обширныя вотчины, для облегченія будущаго раздѣла имѣній между дѣтьми. Вотчины отдаются также цѣликомъ въ аренду съ предоставленіемъ чрезвычайныхъ правъ арендатору въ вознагражденіе за значительную арендную плату.

5) Господскія земли обработываются самими помѣщиками, или отдаются исполу, или по мелочи за деньги. Фермы по сію пору не образовались еще на господскихъ земляхъ въ центральныхъ великорусскихъ губерніяхъ, но существуютъ въ балтійскихъ, сѣверо-западныхъ, привислянскихъ и южныхъ провинціяхъ имперіи. Всѣ же поступившія въ крестьянскій надѣлъ земли не могутъ, по самой своей дробности, образовать фермъ. Скотъ содержится крестьянами для домашнихъ нуждъ, но не для продажи. Въ нашихъ среднихъ, болѣе населенныхъ губерніяхъ вся земля, годная для обработки, идетъ подъ пашню. Остаются подъ лугами одни поемныя мѣста и лѣсныя поляны.

6) Мѣстнаго скота недостаточно для прокормленія жителей. Столицы снабжаются скотомъ, пригоняемымъ съ дальнихъ краевъ имперіи, къ большой опасности для здоровья мѣстнаго скота по всему протяженію прогонныхъ дорогъ. По увѣренію статистиковъ и ветеринаровъ, одна шестая часть всего скота въ государствѣ вымираетъ ежегодно отъ заразы.

7) Земледѣльцы, то-есть народъ, живущій сельскими трудами, составляютъ $^{9}/_{10}$ всего населенія. Изъ всего хлѣба, каждогодно производимаго въ Россіи, 80% потребляются на мѣстѣ самими произ-

водителями. Остальные 20% идутъ на продовольствіе городовъ и войска и на заграничную продажу.

8) Городовъ мало; бо́льшая часть ихъ мало населена и крайне бѣдна, и мѣстныя цѣны на земледѣльческія произведенія низки. Эти цѣны возвысятся съ увеличеніемъ средствъ сообщенія, но мелкіе города должны еще болѣе отъ того обѣднѣть.

9) Значеніемъ въ государствѣ и помѣстными правами землевладѣльцы никакими не пользуются.

Истощеніе почвъ, которое Либихъ сулилъ Англіи въ будущемъ, у насъ давно началось. Доказательствомъ тому служитъ настоящее обѣдненіе почвъ во многихъ губерніяхъ, какъ-то: Московской, Владимірской, Смоленской и разныхъ уѣздахъ Псковской, Калужской, Орловской, нѣкогда весьма плодородныхъ, нынѣ приносящихъ самые скудные урожаи. Вообще можно сказать, что наше земледѣліе не удобряетъ, но опустошаетъ землю.

Сопоставляя и сличая мѣстныя условія сельскаго хозяйства въ Англіи и Россіи, мы усматриваемъ причины, по которымъ Россія не можетъ равняться съ Англіей средствами къ усовершенствованію своего земледѣлія. Изъ препятствій къ улучшенію нашего хозяйства нѣкоторыя непреодолимы, но нѣкоторыя могутъ быть устранены.

Неизмѣнимо все, что̀ относится къ климату, измѣнимо только отчасти то, что́ вошло въ обычаи и народную вѣру, и совершенно открыты для обсужденія всѣ тѣ препятствія къ усовершенствованію дѣла, которыя признаются дѣйствительно вредными и которыхъ никто не защищаетъ.

II. Происхожденіе и положеніе деревень.—Ранніе крестьянскіе браки.—Недостатокъ луговъ.—Отношеніе сельскаго населенія къ городскому.—Преобладаніе хлѣбнаго производства надъ разведеніемъ скота и ржаныхъ посѣвовъ надъ пшеничными.— Послѣдствія общиннаго пользованія.— Круговая порука.— Обязательный выкупъ.

Нѣкоторыя отличительныя черты нашего сельскаго хозяйства свойственны одной Россіи и не встрѣчаются въ другихъ европейскихъ государствахъ. Таково скопленіе земледѣльческаго рабочаго народа въ большихъ деревняхъ, трехпольная обработка земли, общинное пользованіе землей и общинное управленіе крестьянъ.

Деревни образовались у насъ первоначально по необходимости во взаимной помощи и защитѣ отъ разбойниковъ и дикихъ звѣрей. Онѣ продолжаютъ существовать донынѣ и препятствуютъ установленію всякаго раціональнаго хозяйства. Главныя ихъ неудобства: 1) отдаленность земледѣльца отъ обработываемой имъ земли; 2) не-

обходимость въ періодичномъ раздѣлѣ полей не по удобству, а по качеству земли, такъ что надѣлъ, самъ собой небольшой, раздробляется міромъ на многія узкія полосы; 3) смежность построекъ и опустошительные пожары; 4) содержаніе на общихъ выгонахъ и пастбищахъ, а не отдѣльно, рогатаго и всякаго крупнаго скота, принадлежащаго всѣмъ жителямъ деревни, и невозможность спасать какую-либо его часть отъ заразы въ случаѣ появленія скотскаго падежа. Прогонъ скота по всему протяженію имперіи угрожаетъ каждой проходимой имъ мѣстности опасностью заразы, внутреннее же устройство пастбищъ въ каждой мѣстности дѣлаетъ ее вѣрнымъ и готовымъ пріемникомъ болѣзни. Трудно предохранить отъ заразы, и появившуюся въ извѣстной мѣстности невозможно оцѣпить и искоренить.

Изъ назначенія въ крестьянское вѣчное владѣніе, или только въ вѣчное пользованіе, извѣстнаго количества земли не проистекаетъ право каждой крестьянской души на владѣніе или на пользованіе опредѣленнымъ кускомъ земли, но только право на владѣніе или пользованіе опредѣленнымъ на нее количествомъ изъ общаго крестьянскаго надѣла. Размежеваніе стольких же участковъ, сколько въ деревнѣ душъ, немыслимо, и еслибъ оно даже было исполнено, повело бы къ разоренію крестьянъ по неравенству въ качествѣ участковъ и невозможности нахожденія даже на лучшихъ участкахъ всѣхъ необходимыхъ условій хозяйства и жизни. Равно невозможно проводить особыя дороги изъ деревни на каждый участокъ; есть множество и другихъ очевидныхъ препятствій къ размежеванію полей на участки, соотвѣтствующіе величинѣ отдѣльнаго крестьянскаго надѣла.

Мы видимъ, что за границей вообще считается полезнымъ для общества, чтобъ мужчина женился не въ первыхъ годахъ своего совершеннолѣтія, но чтобъ онъ воспользовался своею молодостію для труда, не обременяясь семейными заботами. Но, въ противность этому общему правилу, у насъ въ деревняхъ браки бываютъ по необходимости весьма ранніе, и мужчина, достигшій 18-лѣтняго возраста, спѣшитъ жениться. Работниковъ, холостыхъ людей, у насъ вовсе не видать ни въ городахъ, ни въ деревняхъ, и это есть слѣдствіе нашего деревенскаго устройства. При самомъ ограниченномъ земледѣльческомъ хозяйствѣ, нуженъ рабочій скотъ. Невозможно крестьянину-хозяину устроиваться въ наемномъ домѣ въ своей деревнѣ, а еще менѣе въ городахъ, еслибъ даже случилось такъ, что надѣлъ одного крестьянина находился у самой заставы какого-нибудь уѣзднаго города. За городской заставой простирается всегда часть городской земли, и крестьянину некуда было бы выпустить свою скотину. Въ Англіи и во многихъ частяхъ Германіи поселяне живутъ

въ городахъ, иногда по два и по три въ одной комнатѣ, но это потому, что они не хозяева, а работники. У насъ молодой крестьянинъ, имѣющій свой земельный надѣлъ, долженъ завестись домомъ въ своей деревнѣ и ему нужна жена, чтобы наблюдать за его хозяйствомъ.

Кромѣ того, что размноженіе дѣтей слабаго сложенія отъ молодости родителей имѣетъ вредное вліяніе на будущія поколѣнія, ранніе браки ограничиваютъ также свободу труда молодого отца, прикрѣпленнаго къ опредѣленному мѣсту жительства. Онъ прикованъ къ деревнѣ своимъ имущественнымъ интересомъ, и покоряется всѣмъ обязанностямъ, возлагаемымъ на прочихъ жителей деревни.

Крестьяне еще спѣшатъ жениться во избѣжаніе рекрутской повинности, которой они могли бы подвергаться, какъ холостые четвертые или третьи сыновья, при отцѣ-домохозяинѣ. Сдѣлавшись сами отцами, они удаляются тѣмъ отъ рекрутской очереди, пока ихъ сыновья еще малолѣтны, и тотъ же самый разсчетъ побуждаетъ новое поколѣніе слѣдовать примѣру предыдущаго. Размноженіе хозяйствъ ведетъ естественнымъ образомъ къ раздробленію оборотнаго капитала хозяевъ и, слѣдовательно, не къ обогащенію, но скорѣе къ обѣдненію всей деревни, но при всемъ томъ отцы семействъ не противятся раздѣламъ, чрезъ которые ихъ сыновья избавляются на время отъ исправленія рекрутской повинности.

Въ прежнее время, переселеніе изъ деревень, стѣсненныхъ большимъ числомъ жителей, въ отдаленныя, на нѣсколько сотъ верстъ отстоящія и еще ненаселенныя земли, было дѣломъ весьма затруднительнымъ, а переходъ крестьянъ изъ сельскаго состоянія въ состояніе вольныхъ, безземельныхъ работниковъ вовсе невозможенъ, развѣ въ самыхъ малыхъ размѣрахъ. Самъ законъ тому противился. Крѣпостное право прикрѣпляло крестьянъ къ землѣ, къ которой они были приписаны, и подчиняло ихъ власти помѣщика-землевладѣльца. Этотъ послѣдній былъ весьма рѣдко собственникомъ ненаселенныхъ земель, а когда у него таковыя и были, то переведеніе на нихъ крестьянъ было для него труднымъ дѣломъ, сопряженнымъ съ денежными пожертвованіями и съ большими непріятностями, такъ какъ крестьяне разставались съ плачемъ съ старосельемъ, для перехода въ незнакомые и отдаленные края. Переселеніе происходило изъ центральныхъ губерній въ восточныя и южныя, но въ размѣрѣ, несоотвѣтствующемъ нуждамъ перваго края и земельному изобилію другого.

Крестьяне, бравшіеся въ господское услуженіе, какъ дворовые, уменьшали, но не очень значительно, сельское населеніе. Обращенные на фабричную работу въ самомъ имѣніи, или отдаваемые на

сторону въ работники, или сами удалявшіеся на заработки, они рано или поздно возвращались въ свои деревни.

Деревни годъ отъ году возрастаютъ и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сближаются между собой. Можно предвидѣть, напр., въ Серпуховскомъ и Бронницкомъ уѣздахъ Московской губерніи, то время, когда треть или половина каждаго надѣла будетъ занята избою, надворнымъ строеніемъ съ огородомъ; даже и теперь оставалась бы за нѣкоторыми деревнями ничтожная пропорція пахатной земли, еслибъ исполнялся во всей строгости законъ о прогалахъ между кварталами. Но когда въ этихъ самыхъ мѣстностяхъ деревни истребляются пожарами, то онѣ выстраиваются вновь въ удивительно скорое время на погорѣлыхъ мѣстахъ, будто бы для удаленія всякой возможности переселенія на болѣе привольныя мѣста.

До 1861 года сельское населеніе было распредѣлено неравномѣрно; напр., въ 20-ти изъ 56-ти губерній европейской Россіи было по 470 обоего пола душъ на одну квадратную географическую милю, а въ Московской по 2911. Надѣлы въ пользованіи у крестьянъ были къ тому времени въ Астраханской губерніи по 8 десятинъ на хозяина, въ Подольской по 1, 4, а въ круглой сложности во всѣхъ 56-ти губерніяхъ по 3, 6.

Пахатная земля составляла и прежде и послѣ 1861 года самую значительную часть крестьянскаго надѣла. Въ населенныхъ губерніяхъ остаются подъ лугами лишь мѣста неудобныя для населенія и для пашни. Одна-четвертая часть десятины, а иногда еще меньшая пропорція луговъ приходится на одну десятину пахатной земли [1]).

---

[1]) Пропорція луговой земли къ пахатной.

Губерніи.	На 100 десятинъ. Пашни.	Луговой земли.	Губерніи.	На 100 десятинъ. Пашни.	Луговой земли.
Вятская	85	15	Черниговская	81	19
Рязанская	85	15	Тамбовская	82	18
Могилевская	85	15	Костромская	83	17
Орловская	85	15	Казанская	84	16
Нижегородская	86	14	Калужская	83	17
Тульская	87	13	Кіевская	85	15
Московская	80	20	Владимірская	87	13
Псковская	80	20	Курская	87	13
Симбирская	80	20	Витебская	91	9
Ковенская	80	20			

Луговая земля преобладаетъ въ сѣверныхъ, восточныхъ и южныхъ губерніяхъ, но въ послѣднихъ при залежной системѣ трудно провести черту между пахатной и луговой землей. Надо приписать значительную пропорцію луговой земли въ сѣверныхъ губерніяхъ неплодородности пахатной земли, а въ восточныхъ и нѣкоторыхъ южныхъ губерніяхъ малочисленности населенія. Въ Великобританіи всей воздѣлываемой земли

Изъ этого видно, какъ велико затрудненіе къ размноженію рогатаго скота.

Положеніемъ 19-го февраля право крестьянъ владѣть или пользоваться землею обращено въ *обязанность*. Деревни, даже расположенныя на невыгодныхъ мѣстахъ, получаютъ какую-то гарантію вѣчнаго существованія.

Народонаселеніе увеличивается въ Россіи, но оно очень неравномѣрно раскинуто на поверхности земли, густо въ изстари населенныхъ земляхъ и чрезвычайно рѣдко въ краяхъ, отдаленныхъ отъ столицъ. То же самое встрѣчается и въ Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ и повсюду, но нѣтъ сомнѣнія, что прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ усугубило это явленіе въ Россіи и остановило свободный притокъ народнаго труда и капитала къ новымъ, незатронутымъ землямъ. Нельзя не обратить вниманія и на то, что сами крестьяне изъявляли по временамъ стремленіе къ какимъ-то отдаленнымъ, благословеннымъ землямъ, расположеннымъ вдоль какой-то молочной рѣки. Приходилось даже полицейской власти удерживать народъ отъ поголовнаго переселенія въ неизвѣстный край; но нельзя притомъ не согласиться, что въ этомъ случаѣ непросвѣщенный инстинктъ собственной пользы сходился съ указаніемъ экономической науки. Крестьяне, размножаясь, тѣснились, участки каждаго поселянина уменьшались, а слѣдовательно уменьшались и отдѣльныя земляныя полосы, на которыя эти участки были раздроблены.

Чѣмъ ограниченнѣе воздѣлываемое мѣсто, тѣмъ нужнѣе, казалось бы, употреблять его на самые цѣнные продукты, но необходимость собственнаго пропитанія ведетъ къ противному результату: къ сѣянію въ наибольшемъ размѣрѣ хлѣбовъ второстепенныхъ, которые легче и вѣрнѣе достаются при спѣшной и небрежной обработкѣ.

Потому вездѣ почти сѣютъ гораздо болѣе ржи и овса, чѣмъ пшеницы, даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ послѣдняя могла бы хорошо родиться. Пшеница преимущественно сѣется въ степныхъ малонаселенныхъ краяхъ. Между тѣмъ, чѣмъ болѣе земледѣльцевъ, тѣмъ менѣе чистаго барыша отъ земли. При дальнѣйшемъ увеличеніи населенія на одной мѣстности дойдетъ до того, что все произведеніе земли будетъ совершенно поглощено производителями.

Но, кромѣ необходимости имѣть большое количество самаго дешеваго хлѣба, препятствіе къ добыванію болѣе цѣннаго продукта

29.955,694 акровъ; изъ нихъ находится подъ пашней только 9.433,532, а весь остатокъ подъ корноплодной культурой, травой въ сѣвооборотѣ и постояннымъ лугомъ (Изъ англійскихъ оффиціальныхъ таблицъ — Gard eer's Chronicle and Agricultural Gazette, № 6, 1869 г.).

находится въ самомъ истощеніи почвы. Земля самая лучшая, послѣ снятія съ нея двухъ-трехъ хлѣбовъ, не можетъ родить пшеницы безъ продолжительнаго отдыха или безъ сильнаго удобренія. О такомъ отдыхѣ на крестьянскихъ земляхъ не можетъ быть и рѣчи по необходимости обработывать весь надѣлъ для собственнаго прокормленія, для удобренія же нужно достаточное количество скота; а въ самыхъ населенныхъ полосахъ Россіи, гдѣ только представлялась возможность сѣять хлѣбъ, нигдѣ не осталось луговъ. Рогатый скотъ содержится подъ крышею только зимою. Навоза такъ мало, что его достаетъ только на ту часть земли, которая стóитъ обработки, т.-е. на самыя близкія полосы, на *зады*, а на отдаленныя отъ деревни полосы, еслибы его и доставало, крестьяне не были бы въ силахъ его возить.

Лавернь доказываетъ статистическими вычисленіями, что въ Англіи изъ 16-ти милліоновъ душъ только 4 милліона, т.-е. $^1/_4$ населенія живетъ хлѣбопашествомъ, а во Франціи изъ 35-ти милліоновъ 20, т.-е. $^4/_7$. На сто гектаровъ (десятинъ) живетъ въ Англіи 30 душъ, во Франціи 40. Чистая прибыль, раздѣленная между рентою владѣльцу и платою работнику, съ одного гектара въ Англіи 115 франковъ, а во Франціи 40. Лавернь говоритъ: „Хотя французскій крестьянинъ бываетъ часто собственникомъ и прибавляетъ черезъ то немного ренты и прибыли къ своей поденной платѣ (salaire), но вообще живетъ бѣднѣе англійскаго крестьянина. Онъ бѣднѣе помѣщенъ, хуже одѣтъ и хуже ѣстъ; болѣе питается хлѣбомъ, но и этотъ хлѣбъ преимущественно ржаной, смѣшанный съ кукурузой и гречихой, даже съ каштанами, тогда какъ англійскій крестьянинъ ѣстъ хлѣбъ пшеничный съ малою долею ячменя или овса. Французскій мужикъ не употребляетъ мяса, а англійскій крестьянинъ употребляетъ".

Но русскій крестьянинъ еще бѣднѣе французскаго, въ чемъ можно убѣдиться, прочитавъ статистическія свѣдѣнія, собранныя гг. Гагемейстеромъ, Вильсономъ и Митчелемъ, написавшимъ докладъ своему правительству о состояніи русскаго сельскаго населенія. Русскій крестьянинъ, по суровости климата, требуетъ болѣе французскаго укрѣпляющую пищу, и пользуется ею несравненно менѣе. Его главная пища состоитъ въ ржаномъ хлѣбѣ, пшеница дается преимущественно степнымъ жителямъ, въ населенныхъ же мѣстностяхъ не иначе, какъ при такомъ удобреніи, которое крестьяне не въ силахъ давать землѣ въ достаточномъ количествѣ [1]).

---

[1]) Гагемейстеръ приписываетъ бѣдности и беззаботливости русскаго земледѣльца, что число рабочихъ людей въ Россіи то же самое на 50 милліоновъ, какъ во Франціи на 38 милліоновъ.

О преобладанiи ржаной культуры Либихъ выражалъ слѣдующее мнѣнiе: „Рожь, говоритъ онъ, содержитъ столько же кали, какъ пшеница, но только 1/10 долю менѣе фосфорной кислоты, чѣмъ пшеница; поэтому причиняетъ почти равный убытокъ обработанной подъ нее землѣ, а между тѣмъ стóитъ и продается 1/3 дешевле пшеницы". Слѣдовательно, желательно увеличить число производителей и потребителей пшеницы.

Либихъ, подобно Лавернью, излагаетъ мнѣнiе въ пользу размноженiя городовъ и ремесленнаго народонаселенiя и уменьшенiя числа земледѣльцевъ.

Здѣсь кстати замѣтить, что городское населенiе въ великороссiйскихъ губернiяхъ равняется только 1/10 части сельскаго населенiя,

---

Слѣдующая таблица, показывающая процентную пропорцiю годныхъ къ работѣ людей къ населенiю, заимствована у г. академика Веселовскаго.

Губернiи.	Лѣта. От 14 до 18 и отъ 60 до 65.	Отъ 18 до 60.	Сверхъ 65-лѣтнiе и физически маломочные.
Саратовская	12.22	53.34	34.44
Владимiрская	9.58	52.85	39.57
Нижегородская	9.59	52.55	37.85
Московская	10.18	50.86	38.95
Тверская	10.52	51.54	37.94
Новгородская	9.38	53.89	36.73
Средняя пропорцiональная	10.58	52.44	36.98

Изъ оффицiальнаго статистическаго свѣдѣнiя о Симбирской губернiи видно, что ея населенiе распредѣлено какъ слѣдуетъ:

	Процент.
1) Дѣти до 10 лѣтъ, старики, сверхъ 80	29.
2) Огроки отъ 10 до 15, старики отъ 60 до 80	16.
3) Рабочiй народъ отъ 15 до 60	55.

Сравнительно съ Великобританiей Россiя чрезвычайно слаба производительными возрастами. Тогда какъ въ Великобританiи число мужчинъ и женщинъ между 15 и 60-лѣтними возрастами 548 на 1000, а въ Бельгiи 518, въ Россiи таковыхъ только 265, согласно таблицамъ Брюна и Зернова.

Разсчеты о средней долготѣ человѣческой жизни въ Россiи совершенно согласны съ предыдущими заключенiями. Въ сѣверныхъ и западныхъ губернiяхъ Россiи средняя долгота жизни между 22—27 годами, а въ земледѣльческомъ приволжскомъ бассейнѣ и вообще въ юго-востокѣ имперiи средняя долгота 20 лѣтъ; а въ Вятской, Пермской, Оренбургской губернiяхъ только 15 лѣтъ.

Средняя долгота жизни въ другихъ европейскихъ государствахъ около 40 лѣтъ.

Въ самомъ томъ возрастѣ, который считается производительнымъ, огромная пропорцiя въ Россiи людей слабыхъ отъ болѣзней или плохой пищи. Изъ доклада о наборѣ 1868 г. видно, что изъ 174 тысячъ представленныхъ въ рекруты, 44 тыс. не были приняты не по малому росту, но по болѣзнямъ и другимъ физическимъ недостаткамъ.

между тѣмъ какъ во Франціи и Пруссіи городское населеніе равняется 1/3 сельскаго, а въ Великобританіи оно въ 3 раза его превышаетъ. Слишкомъ половина великороссійскихъ городовъ имѣютъ не болѣе 5,000 жителей, а иные не болѣе 1,000 жителей обоего пола. У иныхъ городовъ весь годовой доходъ не болѣе 250 руб. Такіе города не лучше деревень. Въ нихъ потребляется болѣе ржи, чѣмъ пшеницы.

Изъ предыдущихъ замѣчаній видны огромный перевѣсъ въ Россіи сельскаго населенія надъ городскимъ, преобладаніе хлѣбнаго производства надъ разведеніемъ скота, и ржаныхъ посѣвовъ надъ пшеничнымъ.

Общинное пользованіе земли (а вслѣдствіе того общинное управленіе крестьянъ) было необходимымъ послѣдствіемъ размноженія и размельчанія земляныхъ участковъ въ крестьянскомъ пользованіи, и усугубляетъ всю вредность раздробленія поземельной собственности.

Дѣйствіе общиннаго пользованія не всѣмъ извѣстно, но коротко знакомо хозяевамъ, слѣдившимъ въ теченіе многихъ лѣтъ за улучшеніемъ крестьянскаго быта.

Одинъ сельскій хозяинъ, принимая большое участіе въ устроеніи своего имѣнія, пожелалъ имѣть подробныя свѣдѣнія о крестьянскихъ земляхъ и поручилъ искусному землемѣру положить на планъ эти участки съ указаніемъ не одной только окружной границы полей каждой деревни, но и тѣхъ именно участковъ, которыми каждое хозяйство пользовалось. Вышла убійственная работа: на планѣ выходило множество мелкихъ и весьма неправильныхъ фигуръ, большею частію длинныхъ параллелограммовъ, имѣющихъ не болѣе 10 саженъ ширины, иногда и менѣе того. Вмѣсто параллелограммовъ выходили иногда кривыя пространства, огибающія овраги или бугры. Планъ этотъ имѣлъ видъ чрезвычайно мелкой, но неправильной мозаики, и весьма трудно было узнать на немъ всѣ участки, принадлежащіе одному хозяину и составляющіе всѣ вмѣстѣ полное количество земли, которую каждый крестьянинъ долженъ былъ имѣть въ своемъ пользованіи. Самъ хозяинъ бывалъ призываемъ для облегченія этого разсчета, и даже въ его присутствіи было очень трудно дойти до вѣрнаго исчисленія его земли, потому что изъ предоставленныхъ его пользованію лоскутовъ земли онъ нѣкоторые, слишкомъ отдаленные, или невыгодные, не обработывалъ вовсе. Кажется болѣе 2-хъ годовъ было употреблено на сочиненіе этого плана, который никогда не былъ оконченъ, потому что многія изъ фигуръ измѣнились въ теченіе этого времени, вслѣдствіе постояннаго переверстанія полей и неизбѣжныхъ раздѣловъ между крестьянами.

Поля наши имѣютъ видъ, вполнѣ соотвѣтствующій тому, чего можно

ожидать отъ безпорядочнаго пользованія и отъ спѣшной обработки. Сорныя травы: пырей (triticum repens), лебеда (lipodium), вострица, берестка, осока, репейникъ, смотря по свойству земли—глинистому, песчаному или черноземному, испещряютъ ниву, и многія изъ нихъ возносятъ свои маковки выше уровня спѣлаго колоса. Послѣ трехгодовой пашни, въ новыхъ степныхъ краяхъ пестрота полей еще рѣзче высказывается, чѣмъ на менѣе хлѣбородной почвѣ. Степи, разъ бывшія подъ пашней, теряютъ навсегда тотъ видъ гладкой и тучной растительности, которымъ Дилькъ былъ пораженъ, проѣзжая черезъ Канзасъ. Флора на землѣ однажды вспаханной совершенно другая, чѣмъ на нетронутой еще плугомъ. Нѣкоторые злаки (plantes graminées), какъ ковыль и другіе, исчезаютъ безвозвратно, и за посѣвомъ зерна непремѣнно слѣдуетъ незваная свита особенныхъ вредныхъ растеній. Чѣмъ чаще земля испахивается, тѣмъ болѣе эти травы ее одолѣваютъ [1]).

Черноземъ есть далеко не неистощимый капиталъ. Съ нимъ надо обходиться чрезвычайно бережно и деликатно. Арендаторы охотно

---

[1]) Изъ урожайныхъ вѣдомостей нѣкоторыхъ имѣній въ Симбирской, Самарской, Орловской и Курской губерніяхъ видно, что средній урожай пшеницы былъ самъ-четвертъ, т.-е. немного болѣе $1/4$ средняго урожая въ Англіи. Средній урожай ржи самъ-шестъ. Вслѣдствіе большого количества запахиваемыхъ земель и множества земледѣльцевъ въ Россіи, производится въ нашемъ государствѣ болѣе хлѣба на *душу* всего населенія чѣмъ въ другихъ государствахъ. Если разложить на число душъ производимый хлѣбъ, то по статистическимъ исчисленіямъ видно, что въ Россіи производится на душу 9 гектолитровъ (около 5 четвертей), въ Швейцаріи, Франціи и Пруссіи 6, а въ Великобританіи 4,9. Между тѣмъ въ сравнительной статистикѣ Гауснера произведеніе одного гектара (нѣсколько меньше 1-й десятины) въ разныхъ государствахъ показано слѣдующее:

Бельгія . . . . Нидерланды	14 гектолитровъ.
Саксонія. . . . . Великобританія . . . . . Виртембергъ . . . . . . Баденъ.	13.2.
Австрія	10.3.
Франція . . . . Швейцарія	9.3.
Пруссія	9.1.
Италія.	9.
Норвегія	7.6.
Испанія	6.2.
Греція	6.1.
Россія	6.0.

Въ этомъ спискѣ говорится объ урожаѣ всѣхъ хлѣбовъ вообще, а не одной пшеницы. Еслибъ разсчетъ былъ сдѣланъ пшеничнымъ урожаямъ, то разница въ производимомъ количествѣ была бы еще бо́льшая.

нанимаютъ степные участки, но не иначе какъ съ правомъ снимать съ нихъ хлѣбъ 4 или, по крайней мѣрѣ, 3 года сряду. Безъ такого условія трудъ подъема земли не окупается; на два года не стóитъ и распахивать ее. Двѣнадцатилѣтняго отдыха подъ пастбищемъ и сѣнокосомъ едва ли достаточно, чтобы залужить вспаханную четыре года сряду черноземную почву; даже и послѣ такого отдыха, залежъ не обращается въ первобытное состояніе ковыльной земли.

Вредъ, причиненный нашему земледѣлію общиннымъ пользованіемъ, нисколько не выкупается улучшеніемъ крестьянскаго быта. Круговая порука есть непремѣнное условіе общиннаго пользованія, а она давитъ и уничтожаетъ всякое стремленіе къ труду. Мірская круговая порука не есть нововведеніе, она существовала и при крѣпостномъ правѣ. Помѣщикъ отвѣчалъ передъ правительствомъ въ своевременномъ и полномъ платежѣ крестьянской подушной подати, а міръ отвѣчалъ передъ помѣщикомъ въ исправномъ взносѣ подушной подати и оброка за землю. Круговая порука образовалась de facto съ незапамятныхъ временъ, какъ необходимое послѣдствіе общины, а съ 1861 года она существуетъ у насъ, какъ принципъ нашего законодательства. Община замѣняетъ передъ правительствомъ безчисленныя отдѣльныя личности и, отвѣчая за всѣхъ, сама не можетъ существовать безъ круговой поруки между своими членами, т.-е. безъ отвѣтственности исправныхъ, трудолюбивыхъ и здоровыхъ членовъ общества своимъ имуществомъ за неисправныхъ, лѣнивыхъ и больныхъ. Трудолюбивые теряютъ главное побужденіе къ работѣ при опасеніи отвѣчать за лѣнивыхъ, а лѣнивые отдаляются отъ труда, полагаясь на чужое усердіе. Но община и круговая порука въ платежѣ повинностей необходимы при отдачѣ въ пользованіе земли мелкими участками.

Общинное управленіе отличается отъ бывшаго помѣщичьяго тѣмъ, что оно не допускаетъ произвола одного лица во всѣхъ вообще рѣшеніяхъ, но допускаетъ произволъ міра, представляемаго большинствомъ членовъ общины.

Круговая порука особенно тяготитъ зажиточныхъ крестьянъ и низводитъ ихъ на степень средняго состоянія. Уравненіе состояній нигдѣ не происходитъ такъ систематично, какъ въ нашихъ деревняхъ. Община раскладываетъ между своими членами всѣ повинности, которыя складываются съ крестьянъ, умершихъ послѣ ревизіи, больныхъ, бѣглыхъ, крайне бѣдныхъ и неисправимо-развратныхъ. Вслѣдствіе узаконенія, подвергающаго цѣлую общину, при неисправности въ платежахъ, конфискаціи всего имущества, кромѣ необходимаго для хозяйства, зажиточные крестьяне, составляющіе меньшинство

сравнительно съ бѣдными, сокращаютъ изъ чувства самосохраненія свое хозяйство, обращая имущество въ деньги.

Не только до 1861 года, но и по настоящее время русскій крестьянинъ не есть ни свободный работникъ, ни собственникъ. Какъ работникъ, онъ не пользуется правами рабочаго класса въ Германіи, во Франціи и въ Англіи. Онъ не имѣетъ также равныхъ съ ними правъ собственности, потому что весь пріобрѣтенный плодъ его труда, въ видѣ скота и орудій, можетъ быть у него отобранъ безъ всякой съ его стороны вины, въ случаѣ несостоятельности общины. Онъ не собственникъ полевой земли и не можетъ указать ни на одну полосу, которая бы ему принадлежала, хотя бы земля была выкуплена цѣлой общиной отъ помѣщика. Отдѣльныя личныя собственности крестьянъ находятся въ весьма маломъ числѣ и составляютъ исключеніе изъ общаго правила.

Нельзя оспаривать, что коллективное право на землю, принадлежащую общинѣ, есть въ нѣкоторой степени обезпеченіе средствъ жизни, но оно куплено чрезвычайно дорого, при тяжкихъ обязанностяхъ, съ нимъ связанныхъ, и при пагубныхъ нравственныхъ результатахъ, къ которымъ оно ведетъ.

Достойно замѣчанія, что возраженія противъ дарованія крестьянамъ личной свободы безъ земли сдѣланы многими помѣщиками вовсе не на человѣколюбивомъ основаніи, но изъ чисто хозяйственнаго разсчета. „При чемъ же мы останемся,—спрашивали они,—когда крестьяне уйдутъ, и что̀ намъ дѣлать съ одной землей?“ Это возраженіе было до нѣкоторой степени извинительно со стороны владѣльцевъ такихъ имѣній, гдѣ земля составляла меньшую, а крестьянская повинность бо̀льшую цѣнность. Такіе помѣщики разсуждали, что они нисколько не были виновны въ томъ, что на ихъ долю достались въ наслѣдство имѣнія малоземельныя, но оцѣненныя при семейныхъ раздѣлахъ наравнѣ съ многоземельными, и дававшія прежде значительный доходъ на основаніи законовъ, дозволявшихъ сборъ оброка не съ одной земли, но и съ крестьянскаго, не чисто земледѣльческаго, а фабричнаго труда.

Затруднительная задача, какъ вознаграждать владѣльцевъ, имѣвшихъ плохую землю или малое количество земли по числу жителей, была разрѣшена предложеннымъ самими помѣщиками и допущеннымъ правительствомъ средствомъ, состоявшимъ въ обязательномъ выкупѣ самими крестьянами земли.

Несправедливость этой мѣры бросается въ глаза, и опытъ доказалъ, что она крайне отяготительна для крестьянъ, а во многихъ случаяхъ стѣснительна для бывшихъ помѣщиковъ. Въ обезпеченіе крестьянъ положено, что они имѣютъ право отказываться при обя-

зательномъ выкупѣ отъ платежа 20%, т.-е. цѣлой пятой части выкупного капитала. Но этимъ самымъ уменьшается и вознагражденіе помѣщика за потерю бывшаго при крѣпостномъ состояніи права помѣщика на обязательный трудъ, и за продаваемую имъ въ крестьянскую собственность землю.

Процессъ выкупа производился туго, и послѣ заключенія выкупныхъ актовъ оказывается несостоятельнымъ по накопленію крестьянскихъ недоимокъ въ уплатѣ дополнительнаго выкупного капитала, который бывшіе помѣщики должны еще болѣе по необходимости, чѣмъ изъ жалости къ крестьянамъ, разсрочивать на нѣсколько лѣтъ.

Обязательный выкупъ понуждаетъ крестьянъ къ пріобрѣтенію и не вполнѣ доброкачественной земли, когда нѣтъ другой въ имѣніи, и полнаго или малаго надѣла смотря по желанію помѣщика. Обязательный выкупъ малоцѣнной земли есть почти то же, что выкупъ оброчной или рабочей повинности. Но право удаляться отъ непроизводительной или неторговой мѣстности выгоднѣе для крестьянина, чѣмъ обязанность оставаться на ней много лѣтъ.

Обязательный выкупъ земли, даже въ самыхъ хлѣбородныхъ краяхъ, можетъ быть накладнымъ для крестьянина, по крайней мѣрѣ не такъ выгоднымъ, какъ право свободнаго переселенія. Въ степныхъ краяхъ земля очень обильна, дешева и плодородна, но обязанность жить при своемъ надѣлѣ лишаетъ крестьянъ возможности пользоваться дешевой землею и высокой рабочей платой на разстояніи двухъ или трехъсотъ верстъ отъ ихъ деревни.

Съ 1861 до 1865 г. число выкуповъ, сдѣланныхъ по добровольному соглашенію, превышало число выкуповъ обязательныхъ; но въ 1866 году было 4333 выкупа обязательныхъ противъ 1121 добровольныхъ, и съ того времени по 1-е ноября 1869 года число первыхъ превышало значительно число послѣднихъ. Всего же было съ 1862-го по 1-е ноября 1869 г. добровольныхъ выкуповъ 19,584 и обязательныхъ 21,370. Любопытно выслушать заграничныя сужденія о результатахъ выкупной операціи.

Въ оффиціальномъ донесеніи въ англійскій парламентъ „о пользованіи и обработкѣ земли въ Россіи“ находятся слѣдующія свѣдѣнія на счетъ 40,954 добровольныхъ и обязательныхъ выкуповъ крестьянами земель:

„Утверждено выкупныхъ актовъ:

	Добровольныхъ.	Обязательныхъ.
Въ 1862 году	1,238	330
» 1863 »	4,808	1,866
» 1864 »	6,914	2,438
» 1865 »	3,625	2,324

Въ 1866 году	1,121	4,333
» 1867 »	880	3,843
» 1868 »	529	3,273
» 1869 г. по 1 ноября	469	3,464
	19,584	21,370
	или 48%	или 52%

„Въ томъ числѣ не заключаются совершонные въ юго- и сѣверо-западныхъ губерніяхъ обязательные выкупы, числомъ 21,014. Не принимая ихъ въ счетъ, ясно, что изъ 3,614,882 [1]) новыхъ землевладѣльцевъ, около 2 милліоновъ въ самыхъ промышленныхъ и производительныхъ губерніяхъ были лишены возможности выбора между вѣчнымъ пользованіемъ землею и возможностью оставить ее послѣ 19 февраля 1870 года. Прибавляя къ состоявшимся въ великороссійскихъ губерніяхъ 21,370 обязательнымъ выкупамъ 21,014 обязательныхъ выкуповъ, заключенныхъ впослѣдствіи въ западныхъ губерніяхъ по особому законодательному постановленію, выходитъ итогъ обязательныхъ выкуповъ 42,384 противъ 19,584 добровольныхъ, т.-е. обязательныхъ выкуповъ 69%, а добровольныхъ 31%. Изъ числа крестьянъ, не выкупившихъ до сихъ поръ свои земли, самая большая часть удержана землевладѣльцами посредствомъ обязательныхъ выкуповъ отъ перехода на другія мѣста, и небольшая только часть останется на прежнемъ мѣстѣ жительства по общему интересу владѣльца и пользователя.

„Обязательные выкупы состоялись преимущественно въ промышленныхъ и въ тѣхъ менѣе плодородныхъ губерніяхъ, гдѣ надѣлы обильнѣе, чѣмъ въ черноземномъ краю.

Выкупные акты:

Промышленныя и менѣе плодородныя губерніи:	Добровольныхъ.	Обязательныхъ.	Итого.
Владимірская	273	1,236	1,509
Вологодская	90	502	592
Костромская	227	1,557	1,784
Московская.	244	1,025	1,269
Новгородская.	707	2,218	2,925
Псковская	236	2,810	3,046
Тверская.	540	2,611	3,151
С.-Петербургская	375	805	1,180
Ярославская	303	1,299	1,602
	или 18%	или 82%	

1) Эта цифра взята изъ оффиціальныхъ отчетовъ по выкупной операціи съ 1862 по 1 ноября 1869 года.

„Такъ какъ итогъ выкупныхъ актовъ за исключеніемъ западныхъ губерній былъ къ 1-му ноября 1869 года 40,954, то пропорція обязательныхъ выкуповъ, падающая на промышленныя и менѣе плодородныя губерніи (т.-е. тамъ именно, гдѣ менѣе выгодно для крестьянъ покупать землю), составляетъ около 34% общаго итога (52%) обязательныхъ выкуповъ въ Великороссіи, и остается только 18% обязательныхъ выкуповъ на всѣ 35 губерній, не включенныхъ въ предыдущій списокъ.

„Не удивительно, что при такомъ большомъ числѣ обязательныхъ выкуповъ крестьяне смотрятъ на выкупную операцію какъ на новую повинность. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ крестьяне, обязанные годовымъ денежнымъ сборомъ, уже прозвали себя „казенными крестьянами", а свои надѣлы „казенною землею".

„Это чувство зависимости отъ казны особенно сильно тамъ, гдѣ административная власть взимаетъ штрафъ съ крестьянъ, плохо обработавшихъ землю, коей производительность обезпечиваетъ государственныя и выкупныя повинности.

„При выкупной операціи казна удерживаетъ въ свою пользу одинъ процентъ, такъ какъ крестьяне платятъ 6% съ выкупного капитала, а помѣщики получаютъ только 5%.

„Если бы казна не брала этого процента въ свою пользу, то выкупъ былъ бы значительно облегченъ: помѣщикъ получалъ бы однимъ процентомъ болѣе въ годъ, или крестьянинъ платилъ бы однимъ процентомъ менѣе, или этотъ процентъ былъ бы раздѣленъ пополамъ между помѣщикомъ и крестьяниномъ.

„Крестьяне начинаютъ обращать большое вниманіе на одинъ очень важный финансовый вопросъ, связанный съ общиннымъ пользованіемъ земли, а именно: каково будетъ чрезъ 45 лѣтъ положеніе семейства, выкупающаго ежегодными взносами два высшіе 4-десят. надѣла? Численность общины къ концу этого срока болѣе чѣмъ удвоится; слѣдовательно, надѣлы уменьшатся на одну половину или на три четверти и семейство, платившее до тѣхъ поръ за 8 десят., найдется при концѣ выкупного періода только при половинѣ этого количества земли. Семья можетъ притомъ пресѣчься безъ наслѣдниковъ до истеченія выкупного періода и тогда всѣ платежи для выкупа надѣла будутъ потеряны для этого семейства и перейдутъ въ пользу общины.

„Новое крестьянское положеніе въ своихъ главныхъ чертахъ есть не что иное, какъ законъ для обезпеченія казеннаго интереса. Противоположно ирландскому земледѣльцу (cottier) бѣда русскаго мужика въ неотмѣнимости его пользованія землею. Его предки находились при этомъ пользованіи цѣлыя столѣтія. Оно было однимъ

изъ условій крѣпостного состоянія и крестьянское положеніе 1861 г. воспроизвело его въ новой формѣ" [1]).

Въ отвѣтъ на этотъ строгій приговоръ слѣдуетъ замѣтить, что обязательный выкупъ хотя уже есть фактъ совершившійся, но въ своихъ послѣдствіяхъ можетъ быть сглаженъ облегченіемъ перехода выкупленныхъ земель изъ однѣхъ рукъ въ другія, какъ будетъ объяснено нами ниже.

Въ рамку настоящихъ замѣчаній не входитъ подробное изслѣдованіе вреда, нанесеннаго мануфактурной промышленности, внутренней торговлѣ и развитію торговаго флота чрезъ то, что не могутъ поступить въ ихъ распоряженіе всѣ тѣ работники, которые *принуждены* къ воздѣлыванію земли потому только, что на ней живутъ.

Рабочій трудъ вообще годъ отъ году дорожаетъ. Не только помѣщики, но и фабриканты должны платить возвышенную цѣну работникамъ, такъ какъ бо́льшая часть ихъ занята самыми неблагодарными полевыми работами.

Преимуществомъ крѣпостного владѣнія считалось то, что помѣщики могли понуждать своихъ (по тогдашней терминологіи) крестьянъ обработывать крестьянскія же земли. Нынѣ помѣщики, къ счастію, лишены этого права и если крестьяне не идутъ на постороннія работы, то это уже происходитъ не отъ дѣйствія помѣщичьей власти, а отъ другихъ причинъ. Между тѣмъ, можно заключить о преимущественной выгодѣ во многихъ случаяхъ промышленнаго труда надъ трудомъ земледѣльческимъ изъ того обстоятельства, что до 1861 года средній оброкъ былъ: въ промышленныхъ губерніяхъ 9 р. 29 к. на душу, въ среднихъ черноземныхъ губерніяхъ 8 р. 77 к. и степныхъ 7 р. 89 копѣекъ.

Самые зажиточные крестьяне и самыя богатыя деревни находятся въ промышленныхъ губерніяхъ; деревни же въ плодородныхъ губерніяхъ довольно бѣдны. Прежде крестьяне располагали большимъ оборотнымъ капиталомъ въ видѣ скота. Въ настоящее время проживающее промысломъ населеніе сохранило прежній видъ благосостоянія и устройства, а хлѣбопашцы живутъ также неопрятно и грязно какъ прежде, при меньшемъ довольствѣ противъ прежняго. Огромные мануфактурные центры, подобные Манчестеру, Бирмингаму, Ліону, Литтиху, Дюссельдорфу и другимъ городамъ по всему сѣверовосточному прибрежью Рейна, у насъ не существуютъ. Мы не воздѣлываемъ богатыхъ копей каменнаго угля въ такихъ мѣстахъ, гдѣ онъ обиленъ и даже близокъ къ земной поверхности, потому что

---

[1]) „Unlike the Irish cottier, the Russian serf was groaning under the fixity of his tenure. His forefathers had possessed it for centuries. It was one of the conditions of slavery, and the Emancipation Act has reproduced it in another form."

англійскій уголь обходится намъ дешевле своего собственнаго. Дѣйствительно, за какую цѣну наймемъ мы работниковъ, готовыхъ опуститься въ землю до глубины ста саженъ, чтобы работать тамъ по 10 часовъ въ день, подвергаясь опасности отъ газовыхъ взрывовъ, когда они могутъ и даже обязаны обработывать клочекъ земли, не всегда достаточный для своего прокормленія?

Россія отправляетъ за границу хлѣбъ, лѣсъ, ленъ, шерсть, сало, тряпье и кости. Большая часть этихъ произведеній уходитъ въ тѣ заграничныя мѣста, гдѣ набралось много золота; но оно не идетъ къ намъ оттуда въ уплату; напротивъ, мы еще посылаемъ туда золото, добытое въ нашихъ собственныхъ рудникахъ, потому что государство въ долгу и должно платить пеню за свою расточительность. Чѣмъ же оплачиваются наши сырыя произведенія? Частью нашимъ собственнымъ матеріаломъ, преобразованнымъ въ такія вещи, которыя сами мы не обдѣлываемъ: рельсами, подвижнымъ составомъ для желѣзныхъ дорогъ, пушками большого размѣра съ прусскихъ заводовъ и пр. и пр. Еслибъ не было такъ, нашъ вексельный курсъ сталъ бы возвышаться, и иностранные купцы перестали бы оплачивать наши сырые матеріалы векселями. Но мы остаемся въ долгу передъ ними за отдѣлку нашихъ собственныхъ матеріаловъ. Итакъ, мы платимъ очень дорого за иностранный трудъ, потому что намъ отечественный трудъ обошелся бы еще дороже по недостатку вольныхъ работниковъ и прикрѣпленію огромной народной массы къ землѣ.

При этомъ мы должны указать еще на одинъ весьма важный и печальный фактъ, вредный не для одного земледѣлія, но и для народной нравственности. Фабрики у насъ привлекаютъ въ города работниковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и отрываютъ ихъ отъ семействъ, которыя остаются въ деревняхъ.

Молодые крестьяне проводятъ большую часть года въ городахъ и только на короткое время пасхи и сѣнокоса навѣщаютъ свои семейства. Женщины жнутъ и полютъ по всей Россіи, а около Москвы онѣ пашутъ, молотятъ и производятъ всѣ самыя тяжелыя работы, кромѣ косьбы. Ихъ постоянная разлука съ мужьями ведетъ къ разстройству семействъ и къ беззаконнымъ связямъ. Въ этомъ случаѣ положеніе вещей у насъ подходитъ весьма близко къ ослабленію, если не къ уничтоженію вовсе, семейной жизни. Нарушеніе законовъ религіи входитъ въ обычаи рабочаго народа и какъ-бы оправдывается потребностями хозяйства. Въ чужихъ краяхъ, болѣзни, неразрывныя съ порчею нравовъ, преобладаютъ преимущественно въ городахъ и хотя проникаютъ и въ сельскій бытъ, но въ видѣ исключеній. Въ Россіи эти тлетворныя болѣзни распространяются осо-

бенно въ деревняхъ и дотого отражаются на новорожденныхъ дѣтяхъ, что нельзя предвидѣть, когда остановится ихъ гибельное дѣйствіе.

„Guerre aux riches“ — „война богатымъ“ (то-есть, своимъ же богатымъ членамъ), могла бы служить девизомъ общины. Зажиточные крестьяне не скрываютъ, что они ничего болѣе не желаютъ на свѣтѣ, какъ только освобожденія отъ круговой поруки; но, къ несчастію, кромѣ другихъ, почти непреодолимыхъ препятствій, зажиточные крестьяне въ невыкупленныхъ имѣніяхъ встрѣчаютъ сопротивленіе къ выходу своему изъ общины со стороны самихъ землевладѣльцевъ, которые страшатся накопленія недоимокъ, когда одни недостаточные крестьяне будутъ составлять всю общину. Слова Сперанскаго примѣняются какъ нельзя болѣе къ преобладанію общиннаго начала: „со всѣми признаками свободы, законности, народъ въ дѣйствительности можетъ быть рабомъ“.

Приведемъ здѣсь кстати рядъ замѣтокъ извѣстнаго въ Орловской губерніи землевладѣльца, В. А. Краинскаго, съ которыми мы познакомились въ рукописи.

„Духъ и смыслъ законоположеній 19-го февраля 1861 года заключаются въ томъ, чтобъ сдѣлать крестьянина собственникомъ выкупаемой его трудами земли. Къ сожалѣнію, регламентація и буква „Положеній“ состоятъ въ явномъ противорѣчіи съ основною мыслію законодателя: крестьянинъ трудится, подвергая себя всѣмъ возможнымъ лишеніямъ, чтобъ только выкупить землю у прежняго помѣщика, но вовсе не для себя, а въ пользу другого помѣщика, котораго называютъ міромъ. Этотъ міръ, не допускающій личной собственности, даетъ ему на одинъ годъ пользоваться одною полосою земли, а на другой—обмѣниваетъ ее на иную, худшую или лучшую полосу, смотря по своей прихоти, имѣющей силу закона и неподлежащей обжалованію (Мѣст. пол. велик. губ., ст. 113 и 114). Слѣдовательно, крѣпостное право для крестьянина осталось то же самое, съ обмѣномъ только одного произвола на другой.

„Эта несправедливость еще разительнѣе въ отношеніи такого крестьянина, который, по естественному стремленію къ свободѣ, пожелалъ бы дать бóльшій просторъ своему труду и способностямъ переходомъ въ другое сословіе. Его не могутъ уволить изъ общества иначе, какъ по уплатѣ имъ половины капитальнаго долга, лежащаго на выкупной ссудѣ по участку, который не составляетъ его личной собственности. Другими словами, онъ долженъ выкупить своими трудами половину этого участка, предоставить его въ даръ міру и потомъ можетъ выдти изъ общества обобраннымъ, проработавъ на

него десятки лѣтъ, безъ пользы для себя и своей семьи (Пол. о вык., ст. 173).

„Если же крестьянинъ не только не въ состояніи принесть подобныхъ жертвъ, чтобъ освободиться отъ мірского гнета, но, вслѣдствіе разныхъ причинъ, поступитъ въ разрядъ недоимщиковъ, тогда міръ имѣетъ право отдать его въ заработки подрядчикамъ по контрактамъ даже въ другія губерніи (Пол. о вык., ст. 127, 129). Нельзя не привесть при этомъ фактовъ, насколько прибыльна міру и крестьянину эта возстановленная барщина. Извѣстно, что сооруженіе въ Россіи желѣзныхъ дорогъ доставляло вольнонаемному труду весьма выгодные заработки, но многія крестьянскія общества законтрактовали своихъ недоимщиковъ на трудъ принудительный—по урокамъ. Какъ стадо согнали этихъ несчастныхъ съ разныхъ сторонъ. И что-жъ? Проработавъ цѣлое лѣто, люди эти не отработали стоимости забранныхъ ими отъ подрядчиковъ харчей, и потребовалось содѣйствіе администраціи, чтобъ доставить имъ средства возвратиться домой. Такой случай пріобрѣлъ большую извѣстность на кіево-балтской желѣзной дорогѣ. Міръ, приславшій этихъ барщинниковъ, не только ничего не выигралъ, но сдѣлалъ ихъ еще болѣе несостоятельными въ платежахъ, потому что, упустивъ работы домашнія, они ничего не заработали на сторонѣ.

„Но мірское общество имѣетъ еще другой способъ взысканія: отобравъ часть или весь полевой надѣлъ недоимщика, оно можетъ подвергнуть ихъ продажѣ съ торговъ. Съ легальной стороны, справедливо, чтобы несостоятельность должника была восполнена кредиторамъ продажею принадлежащаго ему имущества. Но въ отношеніи крестьянина несправедливость заключается въ томъ, что, при свободной конкурренціи на торгахъ при продажѣ недвижимаго имущества всѣхъ прочихъ сословій часто случается, что только извѣстной части этого имущества достаточно бываетъ для пополненія обязательствъ должника, затѣмъ остальное освобождается отъ продажи, если можетъ составить отдѣльное цѣлое, или же, въ противномъ случаѣ, вручается должнику оставшаяся отъ продажи имущества сумма денегъ, превышающая уплату долговъ. Одинъ только крестьянинъ, рабъ своей общины, лишенъ этого наисправедливѣйшаго права; всякая конкурренція устранена при продажѣ его поземельной собственности, которую могутъ пріобрѣсть одни лишь крестьяне, не располагающіе значительными средствами и покупающіе лишній для себя участокъ при единственномъ условіи—если онъ достанется имъ далеко ниже своей дѣйствительной стоимости (Пол. о вык., ст. 127, 128). Да и какую цѣну можно дать за участокъ, пріобрѣтаемый въ пользованіе, а не въ личную собственность?

„Несостоятельность экономическаго устройства освобожденныхъ крестьянъ вызвала возгласы гуманистовъ не противъ ложнаго принципа, на которомъ оно основано, но противъ мнимой обременительности крестьянскихъ платежей; но тому, кто проѣхалъ нѣсколько сотъ верстъ по юго-западнымъ границамъ Россіи, извѣстно, что денежные платежи нашихъ крестьянъ въ $2^1/_2$, иногда въ 3 раза легче платежей крестьянъ смежныхъ заграничныхъ селеній того же самаго племени (малороссійскаго) и языка, при одинаковыхъ условіяхъ почвы и умственнаго развитія. Разница въ матеріальномъ благосостояніи поселянъ по ту и другую сторону границы состоитъ въ томъ, что австрійскіе крестьяне менѣе пьянствуютъ и больше заработываютъ. Если бы предположить даже такой абсурдъ, чтобы съ русскихъ крестьянъ не требовать никакихъ платежей, то положеніе ихъ не только бы не улучшилось, но сдѣлалось бы гораздо безнадежнѣе, потому что, при первомъ неурожаѣ, ни правительству, ни земству нечѣмъ было бы имъ помочь. И какъ избѣжать этихъ неурожаевъ, когда крестьянинъ не рѣшается до сихъ поръ класть затраты на удобреніе отведенныхъ ему полосъ, зная, что на слѣдующій годъ ихъ могутъ отдать другому лицу, которое даромъ воспользуется его трудомъ и капиталомъ. Что-жъ удивительнаго, если съ обѣднѣніемъ отдѣльныхъ личностей, составляющихъ общину, бѣднѣетъ самая община, а круговая порука, на нее возложенная, становится съ каждымъ днемъ болѣе тягостною и менѣе надежною, по мѣрѣ приближенія общаго банкротства всѣхъ поручителей одного за другимъ.

„Переходя къ административному управленію крестьянъ, мы видимъ, что оно нисколько не лучше ихъ экономическаго устройства. Во всѣхъ образованныхъ странахъ общину составляютъ всѣ проживающіе вмѣстѣ въ данномъ околоткѣ, въ которомъ, при ежедневныхъ сношеніяхъ, интересы всѣхъ сословій связаны интересами общими. Для управленія этой административной единицей назначаются люди болѣе образованные, болѣе способные охранять порядокъ, спокойствіе и благосостояніе общины. У насъ придумали, наоборотъ, составить общину исключительно крестьянскую, съ избраніемъ однихъ крестьянъ начальниками этой общины, такъ что высшіе, болѣе образованные, классы должны сноситься, по своимъ обыденнымъ нуждамъ, съ начальниками общины, невѣжественными и неспособными, по узкости своихъ понятій,—возвыситься до равноправнаго охраненія интересовъ всѣхъ классовъ, живущихъ въ одной мѣстности. Такимъ образомъ, потеряна всякая нравственная и политическая цѣль поднять низшія сословія до уровня образованія высшихъ, а принята обратная система приниженія высшихъ до уровня невѣжества низшихъ классовъ.

„Устройство волостныхъ судовъ вызвало такое единодушное порицаніе, что трудно что-нибудь прибавить ко всему, чтó было по этому предмету заявлено какъ самими крестьянами, такъ и земскими собраніями разныхъ губерній. Скажемъ только, что у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ правосудіе вручается лучшимъ, способнѣйшимъ людямъ, спеціально знакомымъ съ установленными въ государствѣ законами; въ Россіи придумали наоборотъ: безапелляціонный крестьянскій судъ, основанный на произволѣ безграмотныхъ невѣжественныхъ судей,—явленіе безпримѣрное въ новѣйшей исторіи.

„Благая разумная мысль устройства церковныхъ попечительствъ— и та никакъ еще не могла отрѣшиться отъ мірскихъ приговоровъ, составляемыхъ поголовно и вліяющихъ на благоустройство церквей и приходскихъ школъ, образующихъ первое звено народнаго образованія. Помѣщикъ-храмоздатель можетъ, по желанію міра, быть устраненъ отъ попечительства, а еврей — быть избранъ церковнымъ старостой православной церкви, какъ это случилось въ Подольской губерніи, по произволу болѣе $^2/_3$ крестьянъ, о чемъ было возвѣщено почти во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ. Скажите, чтó это за явленіе? Невѣжеству, изолированному отъ всякаго благотворнаго на него вліянія высшаго образованія, предоставлено развивать просвѣщеніе, а евреямъ—благоустроивать церковный порядокъ въ нашемъ православіи? Вѣдь только оставшееся за духовнымъ начальствомъ право утвержденія въ должности церковныхъ старостъ устранило этотъ послѣдній скандалъ“.

III. Возможность и польза отмѣны общиннаго владѣнія и пользованія землей.— Пролетаріатъ.

Всѣ представленныя здѣсь замѣчанія доводятъ насъ до заключенія, что переходъ отъ общиннаго землевладѣнія къ частному будетъ, безъ сомнѣнія, шагомъ къ улучшенію сельскаго хозяйства, но еще неудовлетворительнымъ, пока размѣры частной собственности не будутъ значительно увеличены.

Законодательство должно не только облегчать переходъ отъ общиннаго къ частному землевладѣнію, но также доставлять всѣ возможныя средства къ образованію поземельныхъ собственностей въ размѣрахъ, достаточныхъ для составленія полнаго самостоятельнаго хозяйства. Хуторъ съ постройками для хозяина, его семьи, его рабочихъ людей и рабочаго скота долженъ быть окруженъ достаточной пропорціей пахатной и луговой земли, съ натуральнымъ или искусственнымъ водопоемъ.

Такой результатъ можетъ быть достигнутъ двумя средствами:

соединеніемъ многихъ крестьянскихъ надѣловъ въ одинъ и отдачей большихъ участковъ земли въ аренду, о чемъ мы скажемъ подробнѣе ниже.

Сгруппированіе малыхъ поземельныхъ крестьянскихъ участковъ въ средніе и крупные участки, примѣрно отъ 100 до 600 и болѣе десятинъ, принесетъ слѣдующіе полезные результаты:

1) Плодородность почвы сохранится чрезъ уменьшеніе пространства подъ посѣвами хлѣба и увеличеніе пространства подъ лугами.

2) Пахатныя земли будутъ унавоживаться обильнѣе вслѣдствіе уменьшенія ихъ пространства и чрезъ усиленіе скотоводства. Ржаная культура уменьшится и будетъ замѣнена, хотя отчасти, болѣе выгодной — пшеничной.

3) Разведеніе повсемѣстно рогатаго скота, кромѣ пользы земледѣлію толокой полей и навозомъ, сократитъ прогонъ скота изъ дальныхъ мѣстъ и уменьшитъ опасность скотскихъ падежей.

4) Появленіе въ общественномъ строѣ молодыхъ работниковъ, отказавшихся отъ поземельнаго надѣла, холостыхъ и не имѣющихъ другихъ средствъ къ прокормленію, кромѣ труда, оживитъ не только мануфактуру и торговлю, но даже и земледѣльческую промышленность. Холостой работникъ найдетъ себѣ дѣло и по хуторамъ, и въ городахъ. Вольный трудъ подешевѣетъ для хозяина и будетъ въ то же время прибыльнѣе для работника, неозабоченнаго семействомъ.

5) Населеніе уѣздныхъ городовъ увеличится отъ наплыва работниковъ, число потребителей пшеницы сдѣлается больше и мѣстная цѣна всѣхъ земледѣльческихъ продуктовъ подвинется.

Наконецъ, 6) Необходимость раннихъ браковъ, столь пагубныхъ своими послѣдствіями, устранится для крестьянъ недомохозяевъ, уступившихъ добровольно свои права на крестьянскій надѣлъ и вышедшихъ изъ общины. Пріобрѣтется болѣе простора для земледѣлія и народонаселеніе будетъ увеличиваться соразмѣрно съ средствами продовольствія.

Нѣкоторый матеріальный переломъ неизбѣженъ при предполагаемой перемѣнѣ въ порядкѣ пользованія землею. Но, въ виду такихъ переломовъ и въ облегченіе для тѣхъ людей, которые могли бы отъ нихъ пострадать, можно и даже необходимо будетъ назначать болѣе или менѣе длинные сроки для приведенія въ дѣйствіе новаго порядка. Мы видимъ многіе подобные примѣры разсрочекъ въ законоположеніи 1861 года. Точно также требовался бы продолжительный срокъ для перехода крестьянъ изъ одной мѣстности въ другую и изъ земледѣльческаго состоянія въ ремесленное или торговое.

Но переходъ отъ большихъ деревень къ хуторамъ произошелъ бы далеко не повсемѣстно. Въ фабричныхъ и торговыхъ мѣстностяхъ,

отдаленныхъ отъ большихъ городовъ, крестьяне останутся спокойными жителями деревень. Во многихъ мѣстахъ деревни останутся въ настоящемъ своемъ видѣ и будутъ заняты ремесленнымъ или фабричнымъ людомъ и семействами земледѣльцевъ, живущихъ по хуторамъ. Въ нѣкоторыхъ, особенно благопріятныхъ, случаяхъ деревни возрастутъ до степени мѣстечекъ и городовъ, при другихъ же обстоятельствахъ нѣкоторыя деревни уменьшатся, а иныя вовсе исчезнутъ.

Такова будетъ непремѣнно участь многихъ деревень даже при дѣйствіи обязательнаго выкупа крестьянскаго надѣла. Крестьяне оставятъ выкупленную ими же землю и перейдутъ на болѣе выгодную мѣстность.

Нельзя находить противнымъ справедливости непринужденное и естественное превращеніе мелкихъ собственностей въ болѣе крупныя чрезъ продажу и куплю, потому что праву собственности должно принадлежать и право ея отчужденія, и нельзя признать также такой порядокъ вреднымъ на практикѣ. Невозможность вести раціональное хозяйство на поляхъ ничтожнаго размѣра очевидна. Противъ этого не предвидится дѣльныхъ возраженій ни съ юридической, ни съ экономической точки зрѣнія.

Не менѣе того существуетъ весьма сильное предубѣжденіе противъ размноженія въ обществѣ людей, не имѣющихъ поземельной собственности, слѣдовательно и противъ образованія въ сельскомъ быту среднихъ и крупныхъ собственностей, потому что онѣ должны составляться чрезъ обезземеленіе большинства. Свобода труда кажется, по мнѣнію нѣкоторыхъ людей, ничтожнымъ благомъ въ сравненіи съ поземельною собственностью, промышленное населеніе считается менѣе заинтересованнымъ въ благоустройствѣ страны и болѣе склоннымъ къ мятежу, чѣмъ сельское. (Но увѣрены ли мы въ вѣчномъ спокойствіи сельскаго населенія, бѣднаго и въ будущемъ еще бѣднѣйшаго?). Вмѣстѣ съ тѣмъ, соціальныя теоріи о равенствѣ состояній мирятъ филантроповъ даже съ обязательной собственностью, хотя бы самой неопредѣленной и фиктивной, какъ съ первымъ шагомъ къ вожделѣнному всеобщему равенству имуществъ.

Но тщетно противопоставлять какіе-либо аргументы возраженіямъ, состоящимъ въ одномъ словѣ, особенно если оно возбуждаетъ страхъ. Таково слово *пролетаріатъ*, и потому мы считаемъ неизлишнимъ по вопросу о пользѣ безземельныхъ работниковъ подвергнуть на размышленіе читателя слѣдующія мысли о пролетаріатѣ.

Пролетаріями въ Римѣ назывались тѣ безденежные люди, которые не входили ни въ одинъ изъ классовъ римской республики, такъ какъ не могли обогащать ее ничѣмъ, кромѣ размноженія дѣтей

(proles). Пролетаріатъ можно опредѣлить состояніемъ зависимости. Онъ кажется нераздѣльнымъ съ природою человѣка, обреченнаго ѣсть хлѣбъ свой въ потѣ лица. Состояніе зависимости является при рожденіи человѣка, возобновляется при его старости и напоминаетъ о себѣ при его болѣзняхъ. Нѣтъ такого государства, въ которомъ бы не было людей непроизводительныхъ, или производящихъ подъ вліяніемъ нужды. Въ бѣдныхъ государствахъ пролетаріатъ менѣе возмущаетъ чувства, потому что многіе стоятъ близко къ уровню недостаточныхъ людей, и, напротивъ, сильнѣе поражаетъ взоръ и возбуждаетъ жалость тамъ, гдѣ контрастъ между богатыми и бѣдными болѣе рѣзокъ.

Даже въ нашемъ просвѣщенномъ вѣкѣ нѣтъ такого мѣста, гдѣ бы пролетаріатъ не существовалъ, и потому онъ кажется дѣйствительно нераздѣльнымъ съ общественною жизнью, по крайней мѣрѣ при всѣхъ испытанныхъ доселѣ формахъ ея. Можно даже предвидѣть, что пролетаріатъ усилится съ прекращеніемъ эмиграціи изъ населенныхъ въ ненаселенные края, потому что послѣднихъ болѣе не останется, когда Америка и Австралія будутъ вмѣщать полное число людей, которыхъ они могутъ прокормить.

Нѣтъ пока средствъ остановить развитіе пролетаріата, но можно направлять его, облегчая и уравнивая теченіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обращая его въ производительную силу.

Капиталъ и трудъ найдутъ общую пользу въ сближеніи; они, можетъ быть, когда-нибудь сольются въ одну нераздѣльную силу, и работникъ, вмѣсто поденной платы отъ фабриканта, будетъ участвовать въ барышахъ фабрики. Работа, исполненная или обѣщанная по контракту, можетъ давать право на вступленіе въ ассоціацію или компанію съ хозяиномъ. Не нужно, чтобы капиталистъ дѣлался работникомъ, хотя ничто не мѣшаетъ ему работать, но желательно, чтобы работникъ сдѣлался капиталистомъ.

И капиталистъ, и работникъ берутъ свое начало въ пролетаріатѣ, котораго никакими насильственными средствами нельзя уничтожить.

Во всякомъ случаѣ, вышеуказанное мнимое общее землевладѣніе не уничтожаетъ, а только маскируетъ пролетаріатъ и подъ фиктивнымъ названіемъ землевладѣльцевъ уравниваетъ въ составѣ общины всѣхъ, какъ полезныхъ, такъ и вредныхъ ея членовъ.

Вышеупомянутое нами разсужденіе указываетъ на разрѣшеніе важнаго вопроса, при какомъ порядкѣ вещей и распредѣленіи собственности болѣе всего обезпечивается благосостояніе отечества: при обязательномъ ли равенствѣ, или при сложившемся отъ вѣка неравенствѣ состояній?

Съ тѣхъ поръ, какъ собственность исторически извѣстна, она

сложилась при двухъ условіяхъ, ей присущихъ, — неравенствѣ и передачѣ ея по наслѣдству. О первомъ свидѣтельствуетъ древность словъ: „богатый и бѣдный", существующихъ на всѣхъ языкахъ и у всѣхъ народовъ; что же касается наслѣдства, то оно столько же древне и неразрывно связано съ правомъ собственности, иначе, при равномъ распредѣленіи имуществъ, наслѣдство не имѣло бы ни смысла, ни выраженія для себя. Исторія представляетъ, однакожъ, нѣкоторыя исключенія изъ общаго правила, насильственно введенныя законодательствомъ, какъ, напримѣръ, въ Спартѣ, гдѣ небольшая военная община долго содержала себя на счетъ труда работавшихъ на нее илотовъ. Но когда впослѣдствіи стали, съ одной стороны, возобновляться возмущенія этихъ невольниковъ, безпощадно усмиряемыя истребленіемъ ихъ рабочей силы и производительности, а съ другой—раскрылась вся нищета Спарты, сравнительно съ цвѣтущимъ положеніемъ прочихъ государствъ Греціи, тогда военная эта община распалась въ самомъ жалкомъ видѣ. Считаемъ не лишнимъ привесть по этому предмету слѣдующее сужденіе извѣстнаго писателя Сюдра:

„Легкость, съ которою рушились общинныя учрежденія Ликурга въ соприкосновеніи съ цивилизаціей остальной Греціи, основанною на принципѣ собственности, и послѣдовавшія затѣмъ безполезныя усилія возвратиться къ этимъ учрежденіямъ, — представляютъ намъ полезное поученіе. Это доказываетъ, что система общинности, какъ бы ни была сильна ея организація, какъ бы ни была страшна власть, установленная для ея защиты, тѣмъ не менѣе безсильна, чтобъ устоять противъ стремленія къ особенности личной, глубоко укорененной въ сердцѣ человѣка. Ни общее всѣмъ спартіатамъ воспитаніе, ни фанатизмъ самоотверженія, который былъ имъ внушаемъ съ самаго юнаго возраста, ни грозная власть эфоровъ не могли удержать народъ Ликурга въ оковахъ абсолютнаго равенства и коммунизма, которыя онъ сносилъ, пока былъ бѣденъ и невѣжественъ и ту же бѣдность и невѣжество видѣлъ вокругъ себя. Но едва лакедемоняне усмотрѣли вблизи богатства, выработанныя цивилизаціей болѣе развитою, какъ чувство собственности, насильственно въ нихъ подавленное, пробудилось и ниспровергло всѣ препятствія. Но при тѣхъ отвратительныхъ учрежденіяхъ, которыя внушили имъ, болѣе чѣмъ всякому другому народу въ древности, презрѣніе къ труду земледѣльческому, промышленному, торговому и отвращеніе отъ благороднѣйшихъ умственныхъ занятій, пробудившееся въ нихъ чувство собственности и желаніе пріобрѣтеній перешли въ алчность грабежа и взяточничества: необузданная продажность опозорила эфоровъ и прочихъ сановниковъ.

„Эти факты доказываютъ ту неопровержимую истину, что изъ всѣхъ побужденій человѣческой дѣятельности самое энергическое, самое могущественное и самое естественное есть чувство собственности личной. Всякая общественная организація, насилующая это чувство, не избѣгнетъ рокового къ нему возврата, и прогрессъ состоитъ въ томъ, чтобы его просвѣтить, сдѣлать нравственнымъ, а не истощаться въ безплодныхъ усиліяхъ къ его подавленію [1])".

„Въ новѣйшія времена Австрія и Россія также пытались устроить у себя, въ видахъ экономическихъ, военныя общины, содержащіяся обязательнымъ трудомъ; но опытъ не оправдалъ ожиданій, построенныхъ на ложномъ началѣ, и всѣ военныя поселенія пришлось упразднить обоимъ правительствамъ, несмотря на милліонныя затраты, брошенныя на ихъ учрежденіе. Есть еще небольшія общины моравскихъ братьевъ и другія, существующія до сихъ поръ, подъ вліяніемъ фанатизма отдѣльной религіозной секты, но и этотъ дѣятель нынѣ значительно ослабѣлъ въ соприкосновеніи съ жизнію, болѣе цивилизованною. По крайней мѣрѣ въ русскихъ колоніяхъ, члены этихъ общинъ стали тяготиться своимъ положеніемъ, и можно предвидѣть, не въ далекомъ будущемъ, переходъ ихъ къ личной собственности.

„Сверхъ того издавна существуютъ общины монашескія, основанныя на общежитіи, но какъ ассоціаціи индивидуальнаго духовнаго совершенствованія, онѣ исключаютъ семейное начало и потому къ разсужденію нашему не относятся.

„Упомянувъ объ этихъ исключительныхъ явленіяхъ, подтверждающихъ, что всякое насиліе труда и собственности не увеличиваетъ, а уменьшаетъ народное богатство, обращаемся къ принципамъ чисто экономическимъ.

„Въ наше время есть много поборниковъ равномѣрнаго раздѣла имуществъ, скопленныхъ отдѣльнымъ личнымъ трудомъ, для распредѣленія ихъ, какъ между тѣми, которые трудились надъ ихъ пріобрѣтеніемъ, такъ и тѣми, которые не понесли никакого труда и лишеній для образованія этихъ имуществъ. Но предположимъ, что состоялся первый такой раздѣлъ, кто же поручится, что люди лѣнивые и расточительные не растратятъ въ самомъ скоромъ времени все, чтó имъ досталось даромъ, безъ труда? Далѣе потребуется новый раздѣлъ на половину бѣднѣе перваго, наконецъ придетъ время, когда всѣ будутъ равно бѣдны и нечего будетъ дѣлить между ними. За этой послѣдней чертой абсурда останется только возвратиться къ дикому

---

[1]) Hist. du communisme, par Sudre, ed. de Paris, 1856, p. 12 et 13.

состоянію, изъ коего извлекла людей ихъ цивилизація, вездѣ развивавшаяся по мѣрѣ увеличенія богатствъ личной собственности.

„Каждый отдѣльный членъ общества можетъ трудиться дѣятельно и усердно только при увѣренности, что весь плодъ его труда останется въ его полномъ распоряженіи; если же коммуна или иное соціальное учрежденіе опредѣлитъ, въ видахъ уравненія состояній, что произведеніе всякаго новаго труда должно быть отправлено въ одну какую-нибудь центральную, всемірную, отечественную, или волостную кассу, тогда исчезнетъ всякая цѣль труда и родится соревнованіе въ обратномъ порядкѣ; прилежный работникъ не станетъ трудиться болѣе лѣниваго, а центральная касса, расходуя на содержаніе коммуны болѣе, чѣмъ получается прибыли отъ добытыхъ общиннымъ трудомъ произведеній, окажется подъ конецъ несостоятельною. Что же далѣе? Тотъ же самый абсурдъ раздѣла чужого труда, какъ и раздѣла чужой собственности. Послѣ напрасной и безразсудной борьбы съ природою вещей, послѣ безчисленныхъ потерь въ богатствѣ частномъ и народномъ, тѣмъ не менѣе придется возвратиться къ естественнымъ побужденіямъ человѣческой дѣятельности, основаннымъ на принципѣ *свободы собственности и свободы труда.*

„Всѣ политическія и экономическія соображенія объ устройствѣ народнаго благосостоянія сходятся въ этомъ окончательномъ выводѣ, добытомъ опытами человѣчества и положеніями науки".

IV. Размноженіе землевладѣльцевъ и препятствія къ устроенію фермъ.—Обѣдненіе землевладѣльцевъ вслѣдствіе раздѣла недвижимыхъ имѣній.

Мы обсуждали до сихъ поръ вопросъ о нуждахъ сельскаго хозяйства со стороны земледѣльцевъ; намъ остается разсмотрѣть его со стороны землевладѣльцевъ, бросить взглядъ на главныя черты положенія, въ которомъ крупныя и среднія собственности находятся въ Россіи, и опредѣлить дѣйствіе этого положенія на нашу земледѣльческую промышленность.

Вездѣ, а въ Россіи особенно, землевладѣльцу трудно, да и невозможно быть земледѣльцемъ и, наоборотъ, земледѣльцу дорого обходится его землевладѣніе. Никто, конечно, не сомнѣвается въ вѣрности того основнаго экономическаго закона, въ силу котораго процентъ роста на помѣщаемый капиталъ долженъ быть тѣмъ выше, чѣмъ болѣе риску сопряжено съ помѣщеніемъ, и наоборотъ, чѣмъ менѣе риску или чѣмъ вѣрнѣе помѣщается капиталъ, тѣмъ меньшіе проценты роста онъ можетъ приносить владѣльцу; ясно также, что довольствоваться хотя вѣрными, но низкими процентами роста можетъ только владѣлецъ крупнаго капитала, и наоборотъ, человѣкъ

небогатый вынужденъ избирать для помѣщенія своего небольшого капитала болѣе выгодное, хотя и болѣе рискованное предпріятіе. Прибавимъ къ этому то соображеніе, что всегда и вездѣ самымъ вѣрнымъ помѣщеніемъ капитала, по справедливости, считалось землевладѣніе и что, съ другой стороны, земледѣліе, или собственно сельское хозяйство, есть самое рискованное предпріятіе, ибо его успѣхъ зависитъ не только отъ тѣхъ условій, которыя необходимы во всякомъ промышленномъ предпріятіи, какъ, напримѣръ, большее или меньшее умѣнье, стараніе и опытность хозяина, но и отъ различныхъ климатическихъ и атмосферныхъ явленій, какъ, напримѣръ, градъ, излишество или недостатокъ дождя, несвоевременные морозы и проч., которыхъ не только устранить, но даже предвидѣть нѣтъ возможности.

При вѣрности этихъ положеній, не подлежитъ сомнѣнію, что въ каждомъ государствѣ землевладѣніе должно являться удѣломъ самыхъ богатыхъ людей, и наоборотъ, земледѣліе выпадаетъ на долю бѣднѣйшей части населенія; это существуетъ какъ общее правило вездѣ, но у насъ въ Россіи, вслѣдствіе особыхъ условій, въ которыхъ мы находимся, этотъ экономическій законъ еще менѣе допускаетъ исключеній, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

Въ каждомъ государствѣ, вслѣдствіе тѣхъ условій, въ которыхъ оно находится, по размѣрамъ своей территоріи, по густотѣ населенія и проч., выработываются самою жизнію свой особый maximum и minimum землевладѣнія; такъ, напримѣръ, въ Бельгіи владѣлецъ 600 десятинъ считается крупнымъ землевладѣльцемъ. И дѣйствительно, тамъ, для пріобрѣтенія такой собственности, надо быть богатымъ человѣкомъ; при этомъ, разумѣется, и владѣніе 3-мя десятинами возможно, какъ minimum, ибо доходъ такого пространства земли, когда оно воздѣлывается усовершенствованной огородной или садовой культурой, обезпечиваетъ безбѣдное существованіе цѣлой семьи; но мы въ Россіи находимся въ совершенно другихъ условіяхъ; у насъ не только владѣніе 600 десятинами, но и 3000 десятинами вовсе не есть признакъ богатства, и такъ какъ мы можемъ насчитать у себя владѣльцевъ въ нѣсколько десятковъ и сотенъ тысячъ десятинъ,—что́ немыслимо, напримѣръ, въ Бельгіи,—то и minimum нашего землевладѣнія долженъ быть высокъ, такъ что владѣльца 600 десятинъ мы считаемъ мелкимъ собственникомъ, а владѣніе въ 3 десятины (хотя бы засѣваемыхъ пшеницей) не обезпечиваетъ у насъ безбѣднаго существованія семьи и уплаты всѣхъ податей, и тотъ, кто на свой капиталъ можетъ пріобрѣсти только 3 десятины, предпочтетъ всякое другое помѣщеніе своего капитала, какъ болѣе выгодное.

Сельское хозяйство, какъ всякое другое промышленное дѣло, и даже еще въ гораздо большей степени, требуетъ постояннаго и неотступнаго наблюденія хозяина. Богатый купецъ, если онъ только увѣренъ въ честности своего приказчика, можетъ, безъ ущерба своему дѣлу, отлучиться отъ своей лавки; фабрикантъ можетъ сдѣлать распоряженіе о томъ, чтó каждый изъ его рабочихъ и мастеровъ на фабрикѣ долженъ сработать не только сегодня или завтра, но и въ теченіи недѣли и болѣе, но сельскій хозяинъ никогда не можетъ окончательно распорядиться своими рабочими средствами даже на одинъ день; какъ бы хорошо и подробно онъ ни обдумалъ планъ работъ на завтра — появленіе одной тучи на небѣ, которой предвидѣть онъ не могъ, вынуждаетъ его нерѣдко совершенно покинуть уже начатое дѣло и немедленно и совершенно иначе распорядиться своими рабочими средствами. Поэтому возможно съ успѣхомъ и безъ упущеній вести торговлю въ нѣсколькихъ лавкахъ и въ разныхъ городахъ, возможно, хотя съ большими затрудненіями, имѣть и нѣсколько фабрикъ, но рѣшительно невозможно вести съ успѣхомъ дѣло сельскаго хозяйства внѣ извѣстныхъ предѣловъ пространства и времени, которые почти одинаковы вездѣ. Такъ, напримѣръ, если въ Бельгіи дѣятельный хозяинъ можетъ самъ, распоряжаясь и присматривая за всѣми работами, поспѣть вездѣ на пространствѣ 600 десятинъ въ теченіи 10-ти или 12-ти рабочихъ часовъ въ день, то и въ Россіи въ то же время онъ долженъ бы, при равно тщательной обработкѣ, ограничиться тѣмъ же пространствомъ; а изъ этого слѣдуетъ, что ежели въ Бельгіи въ одномъ лицѣ можно себѣ представить и крупнаго 600-десятиннаго землевладѣльца и сельскаго хозяина, то въ Россіи занятіе сельскимъ хозяйствомъ доступно только мелкому, то-есть тоже 600-десятинному владѣльцу.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что нормальное положеніе и правильное развитіе сельско-хозяйственной промышленности возможно вездѣ и особенно у насъ только тогда, когда установится фермерское или хуторское хозяйство; при этомъ землевладѣніе остается на долю самыхъ крупныхъ капиталистовъ въ государствѣ, которые ищутъ не столько выгоднаго, сколько вѣрнаго помѣщенія своего капитала; они не желаютъ и не могутъ употреблять большую часть своего времени на заботы о своихъ имущественныхъ дѣлахъ; ихъ призваніе въ государствѣ совершенно другое, ихъ досуги должны быть посвящены занятію общественными дѣлами, а потому для нихъ всего удобнѣе и выгоднѣе крупная поземельная собственность, приносящая, посредствомъ долгосрочной аренды, хотя не высокій, но вѣрный доходъ; сельское хозяйство дѣлается занятіемъ тѣхъ, которые, имѣя нужныя свѣдѣнія, имѣютъ также и небольшой капиталъ,

изъ котораго они могутъ извлечь наибольшія выгоды, употребивъ его на эксплуатацію чужой земли, пользованіе которой обезпечено за ними долгосрочной арендой; наконецъ, тотъ, кто, не имѣя никакого капитала, получаетъ средства къ существованію изъ своей физической рабочей силы, долженъ быть не землевладѣльцемъ, и даже не сельскимъ хозяиномъ,—ибо и то, и другое требуетъ затраты капитала, котораго у него нѣтъ,—а рабочимъ на чужой землѣ и въ чужомъ хозяйствѣ. Обстоятельства, при которыхъ имущественныя отношенія сложились въ Россіи, воспрепятствовали образованію фермъ столько же, сколько система крестьянскаго пользованія землей, уже описанная нами въ первой части настоящаго разсужденія.

Имѣнія жаловались великими князьями боярамъ съ обязанностью поставлять извѣстное число вооруженныхъ людей для военныхъ потребностей.

По прекращеніи обязанности содержать и поставлять дружины, за помѣщикомъ осталась обязанность прокормлять рабочихъ крестьянъ, поселенныхъ въ помѣстьѣ, и предоставлена ему власть извлекать свои собственные доходы изъ земли и съ крестьянскаго труда.

Помѣщики, облеченные властью крѣпостного права, были слѣпыми и безотвѣтственными орудіями внутренняго управленія, представителями безъ аппелляціи правосудія въ подчиненныхъ имъ народныхъ массахъ и исполнителями верховной воли. Власть, имъ дарованная, была необходима для верховной власти: она облегчала дѣло правленія и замѣняла правительство во всѣхъ дѣлахъ, относящихся до крестьянъ. Подробности крестьянскаго быта не могли доходить до центральнаго правленія и были предоставлены попеченію и произволу помѣщиковъ.

Явно, что при власти почти неограниченной и, во всякомъ случаѣ, опредѣленной весьма слабо, благосостояніе крестьянъ должно было подвергаться большимъ колебаніямъ, вслѣдствіе постоянной зависимости отъ помѣщика, часто отсутствующаго.

При самомъ благонамѣренномъ помѣщикѣ могли быть сдѣланы, по его неопытности и незнанію, самыя пагубныя и несвоевременныя распоряженія, которыя должны были исполняться безпрекословно.

Трудъ помѣщика былъ очень многосложенъ; ему предстояло не только наблюдать за хозяйствомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ управлять очень значительными массами людей.

Самымъ простымъ средствомъ къ упрощенію какъ управленія, такъ и хозяйства, оказалось предоставленіе пользованія всею землею крестьянамъ за денежный оброкъ. Но, хотя оброкъ и можно назвать рентою за землю, но оброчное хозяйство не есть одно и тоже, что фермерское. Ферма должна состоять изъ хозяйственнаго заведенія

и опредѣленнаго примыкающаго къ ней количества земли, пахатной и луговой. Разбросанные же и неотгороженные отъ чужого владѣнія 10 или 15 участковъ не подходятъ подъ условія фермы.

Помѣщики, желавшіе извлечь возможно бо́льшую пользу изъ своихъ имѣній, брали въ свое собственное распоряженіе часть земли и заводили господскую запашку; хозяйственныя распоряженія происходили иногда подъ собственнымъ надзоромъ помѣщика, но весьма часто дѣлались издали посредствомъ громадной и утомительной переписки.

При равнодушіи крестьянъ къ улучшенію земли, которая могла быть отъ нихъ отнята помѣщикомъ во всякое время, при угрожающей всегда необходимости раздѣла земли между крестьянами, плодородныя ея качества не сберегались. Такъ было въ оброчныхъ имѣніяхъ и точно также въ имѣніяхъ на господскомъ хлѣбопашествѣ.

Постепенное размноженіе сельскаго народонаселенія и истощеніе плодородности почвы побуждали помѣщиковъ переселять крестьянъ въ отдаленныя, еще незатронутыя плугомъ мѣстности имперіи. Эта мѣра, сама по себѣ благоразумная, приводилась иногда въ исполненіе весьма круто и причиняла смертность, которая вредила не рѣдко доброму имени помѣщика и тяжело ложилась па его совѣсть, такъ какъ воля крестьянъ не участвовала въ этомъ дѣлѣ.

Можетъ быть размноженіе землевладѣльцевъ произошло еще быстрѣе въ Россіи, чѣмъ размноженіе земледѣльцевъ. Права первородства въ наслѣдованіи имѣній у насъ никогда не существовало; имѣнія дѣлились между сыновьями поровну и вмѣсто одного владѣльца являлось вдругъ пять или шесть.

Крупныя имѣнія быстро распались на среднія, а сіи послѣднія на самыя мелкія, и обѣдненіе помѣщиковъ должно было отразиться усиленнымъ требованіемъ труда отъ крестьянъ и плодовъ отъ земли. Обѣдненіе помѣщиковъ дѣйствовало одновременно съ размноженіемъ земледѣльческаго населенія на истощеніе почвы. Имущества средней величины, которыя по статистическимъ даннымъ состоятъ изъ 673 десятинъ [1]), и даже имущества втрое большія не благопріятны для образованія фермъ по двумъ причинамъ: 1) по бѣдности землевладѣльцевъ, которые не въ состояніи жертвовать тѣмъ барышомъ, который могъ бы вознаградить фермера за его труды и должны сами извлекать всю возможную пользу изъ земли, и 2) по причинѣ разбросанности оставшихся въ ихъ собственности участковъ въ 100, 50 и даже 15 десятинъ. Владѣльцы десятковъ тысячъ десятинъ

---

[1]) Эта цифра взята изъ оффиціальныхъ отчетовъ по выкупной операціи съ 1862 г. по 1-е ноября 1869 года.

также не заводятъ у себя фермъ для отдачи по долгосрочнымъ контрактамъ, вслѣдствіе отсутствія полезнѣйшаго класса фермеровъ, т.-е. земледѣльцевъ-капиталистовъ, и по затрудненію, уже выше указанному, въ прінсканіи фермерами годныхъ и несемейныхъ работниковъ. Эти обстоятельства вынуждаютъ крупныхъ землевладѣльцевъ обработывать свои земли посредствомъ вольнонаемнаго труда, довѣрять эту операцію управляющимъ и дѣлать упущенія, неизбѣжныя въ хозяйствѣ, производимомъ по корреспонденціи, или они отдаютъ свои поля подъ посѣвъ сельскимъ общинамъ за денежную плату или изъ-полу.

Краткость лѣта, отдаленность отъ общества, страхъ слишкомъ уединенной жизни, — всѣ эти причины отвлекали крупныхъ помѣщиковъ отъ сельской и привлекали ихъ къ городской жизни, къ обогащенію столицъ, но ко вреду для земледѣлія. Отсутствію всякаго политическаго представительства помѣщика, противопоставлялась возможность возвышаться и пріобрѣтать вѣсъ посредствомъ государственной службы.

Мѣстное дворянство должно было все болѣе и болѣе падать не только въ средствахъ жизни, но и въ общественномъ мнѣніи, и самый почтенный отецъ семейства, недостигшій посредственнаго чина, бывалъ осмѣянъ какъ недоросль и оставался беззащитнымъ отъ притѣсненій полицейскихъ чиновниковъ.

Иностранные посланники доносили изъ Петербурга своимъ правительствамъ, что чертоги вельможъ превращаются въ царскіе дворцы или воспитательныя учебныя заведенія. Картины и статуи, невоспроизводимые оригинальные памятники древняго искусства уходятъ изъ дворцовъ, передѣланныхъ въ казенные корпуса, и помѣщаются въ музеяхъ или перемѣщаются за границу въ иностранныя публичныя и частныя галлереи. Въ то же время русскіе, живущіе внутри государства, бываютъ свидѣтелями постепеннаго исчезновенія господскихъ усадьбъ.

Размноженіе въ Россіи землевладѣльцевъ подѣйствовало не только на полевое, но и на лѣсное наше хозяйство. Съ раздробленіемъ имѣній, помѣщики были вынуждены обращать свои лѣса въ деньги, и обрекали такимъ образомъ два поколѣнія своего потомства выжидать отъ 60 до 80 лѣтъ возрожденія лѣса на срубленномъ мѣстѣ и дѣлать новыя порубки для добыванія средствъ къ жизни. Такимъ образомъ не одни доходы извлекались изъ имѣнія, но и капитальная его стоимость.

Чѣмъ гуще населеніе и чѣмъ сильнѣе чувствуется потребность въ строительномъ и дровяномъ матеріалѣ, тѣмъ менѣе его находится на мѣстѣ и тѣмъ дороже становится покупная его цѣна. Онъ де-

шевъ лишь тамъ, гдѣ никому не нуженъ. Покупная цѣна однокачественнаго лѣса въ Россіи бываетъ въ иныхъ мѣстахъ 500 рублей, въ другихъ 50 копѣекъ за десятину. Она доходитъ до первой цѣнности въ нѣкоторыхъ московскихъ и харьковскихъ уѣздахъ, и встрѣчается въ послѣдней цифрѣ въ разныхъ мѣстностяхъ не только сѣверныхъ (какъ-то въ Архангельской и Вологодской), но и въ приволжскихъ, какъ, напр., въ Ветлужскомъ уѣздѣ Костромской губерніи и въ Балахнинскомъ Нижегородской. Тамъ можно вымѣнять женевскіе золотые часы безъ боя на 100 десятинъ строевого лѣса. Размѣры лѣсныхъ порубокъ все болѣе и болѣе возрастаютъ, по мѣрѣ размноженія желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ и вслѣдствіе повторяющихся въ деревняхъ пожаровъ.

Если бы наши имѣнія не дробились до безконечности, наши лѣсные владѣльцы могли бы удержаться отъ продажи, руководствуясь указаніями самой простой бухгалтеріи для сбереженія собственности своихъ дѣтей. Если бы крестьяне не были прикрѣплены къ опредѣленной мѣстности, фабричный народъ переселялся бы въ Олонецкую, Вятскую и другія лѣсныя губерніи и употреблялъ бы на мѣстѣ лѣсъ, который дальняя перевозка доводитъ до невозможной цѣны.

Изъ денегъ, платимыхъ нынѣ потребителями за лѣсной матеріалъ, ничтожная часть поступаетъ въ уплату за самый лѣсъ; $^{3}/_{4}$, а иногда и большая пропорція уходитъ на рубку, пилку и провозъ до мѣста доставки [1]).

Гладстонъ сказалъ въ англійской нижней палатѣ, что Великобританія должна теперь усиливать старанія уплачивать свой національный долгъ, потому что черезъ 200 лѣтъ ея каменноугольныя копи начнутъ истощаться, она потеряетъ тогда теперешнее преимущество въ мануфактурномъ отношеніи и сойдетъ на уровень государствъ, не имѣющихъ этого дорогого топлива. Но что будетъ черезъ 200 лѣтъ съ Россіею, или хотя бы съ густо населенными ея мѣстностями,—

---

1) Нѣсколько лѣтъ тому назадъ продано было рижскому лѣсопромышленнику около 20 сосновыхъ деревъ, самыхъ крупныхъ и высокихъ изъ прибрежнаго къ Волгѣ лѣса, Самарской губ., цѣною по 6 руб. дерево. Каждое дерево обошлось купцу съ сплавомъ, и съ провозомъ до Риги, въ нѣсколько сотъ рублей, но заплачено съ доставкою въ англійскій портъ по 65 фунтовъ стерлинговъ.

Хотя лѣсъ въ Самарской губ. доходитъ въ настоящее время до 250 руб. за десятину строевого, 100 руб. дровяного и 10 руб. таловаго, но получается кругомъ за десятину, за вычетомъ расходовъ на сохраненіе лѣсовъ, очень скромная сумма. И она не представляетъ доходъ, но капиталъ, полученный въ замѣнъ уничтоженнаго лѣса. Кажется парадоксомъ, но тѣмъ не менѣе справедливо, что лѣса, безъ которыхъ нельзя будетъ жить въ Россіи, такъ мало приносятъ пользы въ настоящее время своимъ владѣльцамъ, что почти не стоитъ оберегать ихъ. Хозяева ихъ и не оберегаютъ а продаютъ.

если часть населенія не подвинется къ лѣсамъ и если цѣна вольнаго труда не понизится настолько, чтобы сдѣлать выгодною обработку нашихъ каменноугольныхъ копей?

V. Послѣдствія выкупа крестьянской земли для землевладѣльцевъ и положеніе ихъ въ средѣ сельскаго населенія.

Крестьянское дѣло предложено было, въ 1859-мъ году, обсужденію губернскихъ комитетовъ не подъ названіемъ дѣла о прекращеніи крестьянской зависимости, или объ отмѣнѣ крѣпостного владѣнія, а подъ болѣе обширнымъ наименованіемъ — дѣла объ улучшеніи крестьянскаго состоянія. Въ предварительныхъ совѣщаніяхъ по сему предмету, съ самаго перваго дня, съ рѣчью объ освобожденіи крестьянъ возникла и другая рѣчь—о поземельной собственности.

Слово *улучшеніе* влекло за собою совокупное обсужденіе этихъ двухъ вопросовъ, такъ какъ, по мнѣнію многихъ, освобожденіе крестьянъ безъ дарованія имъ поземельной собственности не было бы улучшеніемъ, а напротивъ ухудшеніемъ ихъ быта. Надо было вслѣдствіе такого мнѣнія освобождать крестьянъ съ частью земли, къ которой они были прикрѣплены. Разсуждали, что земля была до тѣхъ поръ смѣшанною собственностью и не принадлежала одному помѣщику, такъ какъ онъ обязанъ былъ кормить крестьянъ, или предоставлять имъ возможность кормиться отъ плодовъ земли, и что крестьяне, получая гражданскія права, должны были пользоваться правомъ поземельной собственности. Припоминали въ подтвержденіе этого взгляда старую поговорку: „мы господскіе, а земля наша", и заключали, что крестьяне не примутъ и полную свободу за милость, если будутъ притомъ лишены той земли, на которой они до тѣхъ поръ жили и которую обработывали изъ рода въ родъ.

Первое затрудненіе встрѣтилось въ вопросѣ: будетъ ли понесенъ одними помѣщиками весь убытокъ отъ пожертвованія части земли, или этотъ убытокъ ляжетъ не на одныхъ помѣщиковъ, и какимъ средствомъ можно бы было его уменьшить? Мысль о возможности выкупа земли устранила это первое сомнѣніе. Члены отъ правительства уговаривали комитеты къ уступкѣ достаточнаго количества земли крестьянамъ на собственное прокормленіе и на обезпеченіе уплаты государственныхъ повинностей; а изъ числа членовъ по выбору комитета тѣ, которые признавали необходимымъ для сохраненія помѣщиковъ отъ разоренія, чтобъ въ имѣніяхъ, гдѣ земля дурного свойства и неплодородна, часть оной была непремѣнно уступлена крестьянамъ за деньги, находили также таковую уступку выгодною для помѣщиковъ въ тѣхъ краяхъ, гдѣ много необработанной земли, а

рукъ мало. Въ обоихъ случаяхъ прикрѣпленіе крестьянъ, чрезъ выкупную операцію, къ землѣ какъ-бы сглаживало переходъ отъ стараго крѣпостного права къ его отмѣнѣ и къ независимости крестьянъ. Понужденіе къ уплатѣ оброковъ сошло бы съ плечъ помѣщиковъ и стало бы обязанностью самого правительства.

Усвоенный народнымъ обычаемъ сельскій міръ доставлялъ возможность передавать землю цѣлому обществу, и тѣмъ отстранялась явная невозможность продавать крестьянамъ по-одиночкѣ мелкіе участки въ двѣ-три десятины. Такимъ образомъ, общинное владѣніе, а на первое время общинное пользованіе показались удовлетворяющими всѣмъ потребностямъ. Круговая порука членовъ общины являлась естественнымъ и необходимымъ слѣдствіемъ общиннаго устройства. Мѣстные русскіе обычаи были продолжены и, сверхъ того, казалось, что оставляется просторъ для новыхъ имущественныхъ отношеній. Даже члены губернскихъ комитетовъ, противники общиннаго управленія по убѣжденію, мирились съ мыслью объ общинѣ, какъ о переходномъ средствѣ, въ надеждѣ, что будетъ дана возможность крестьянамъ выходить постепенно изъ общиннаго владѣнія въ частное, отдѣльное и самостоятельное.

Многіе помѣщики владѣли небольшими имѣніями, были обременены долгами и заботясь о собственныхъ средствахъ жизни, при предстоящей отмѣнѣ крестьянскихъ обязанностей, надѣялись на вознагражденіе, чрезъ выкупъ, за уступаемыя крестьянамъ земли.

Мнѣніе о надѣлѣ крестьянъ землею, разъ выраженное губернскими комитетами, не могло быть взято назадъ безъ опасеній большихъ неудовольствій и безпорядковъ. Оно и послужило основаніемъ новому положенію о крестьянахъ.

Съ утвержденія этого положенія въ 1861-мъ г., поземельная собственность распредѣляется въ Россіи приблизительно слѣдующимъ образомъ:

Городскихъ земель	0,4%
Казенныхъ приблизительно	33,0 »
Удѣльныхъ	1,6 »
Горныхъ и проч.	3,5 »
Казенныхъ крестьянъ	14,7 »
Удѣльныхъ	0,9 »
Бывшихъ крѣпостныхъ	5,0 »
	20,6%
Дворянскихъ	19,7%
Однодворческихъ и мѣразнежев.	17,7 »
Колонистскихъ, казацкихъ и проч.	2,7 »

Итакъ, одна пятая часть удобныхъ къ обработкѣ земель принадлежитъ помѣщикамъ и одна пятая крестьянамъ.

Помѣщичья земля раздѣлена между 100 т. владѣльцами и средняя пропорція земли—673 дес. на землевладѣльца, за исключеніемъ крестьянскаго надѣла.

Земля не выкупленная, но только отданная въ вѣчное пользованіе, не можетъ считаться помѣщичьей землей, такъ какъ помѣщикъ не имѣетъ права, въ случаѣ неплатежа общиною аренды, лишать общину или отдѣльнаго ея члена земли и осѣдлости. При неисправности со стороны всей общины въ платежѣ, нѣкоторое количество земли отнимается отъ общины и отдается въ пользованіе помѣщику на срокъ, соотвѣтствующій накопленной недоимкѣ. Но, очевидно, что земля эта не можетъ находиться, при существующемъ положеніи, въ полномъ распоряженіи землевладѣльцевъ.

Крестьянскій надѣлъ поглощаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ все бывшее помѣщичье имѣніе, а когда не все, то остающіяся помѣщику части составляютъ рѣдко одинъ нераздѣльный кусокъ и вообще раздѣлены на мелкіе и отдаленные другъ отъ друга участки, уступаемые многими помѣщиками за дешевую цѣну или даромъ своимъ крестьянамъ или постороннимъ людямъ.

Обязательный выкупъ, съ точки зрѣнія помѣщика, есть обязательная продажа, ибо вѣчное пользованіе землею повлечетъ къ столкновеніямъ съ крестьянами, и помѣщикъ принужденъ будетъ, хотя не закономъ, но обстоятельствами къ продажѣ крестьянскаго надѣла.

Равно при пользованіи и при выкупѣ крестьянской земли многосложныя отношенія между крестьянами и помѣщиками принуждаютъ тѣхъ и другихъ прибѣгать къ посредничеству полицейской и судебной власти, и по этой причинѣ управляющіе имѣніями должны быть не столько агрономами, сколько юристами.

Помѣщики, заложившіе до 1861-го года свои имѣнія, уплатили свои долги взносомъ въ банкъ полученной ими выкупной суммы за землю, и часто забывали, что остающіяся у нихъ деньги составляютъ весь ихъ капиталъ, а не доходъ. Болѣе достаточные помѣщики хранятъ эти бумаги, или продаютъ ихъ по биржевой цѣнѣ (нынѣ по 15% ниже пари), употребляя капиталъ на постройку доходныхъ домовъ, покупку облигацій желѣзныхъ дорогъ и разныхъ коммерческихъ акцій. Нѣкоторые свободные капиталы употребляются на покупку земель, но вообще капиталъ не обращается на тщательную и раціональную обработку земли.

Число крупныхъ землевладѣльцевъ, живущихъ не на подгородныхъ дачахъ или за границей, но посреди обширныхъ своихъ владѣній, очень невелико. И, правду сказать, ихъ положеніе посреди окружающихъ ихъ сельскихъ общинъ вовсе непривлекательно.

Они, во-первыхъ, лишены почти всякой возможности оказывать

своимъ присутствіемъ пользу мѣстному населенію. Болѣе всѣхъ, по крайней мѣрѣ не менѣе прочихъ людей, заинтересованные въ благоустройствѣ обитаемаго ими края, они не могутъ, съ своей стороны, оказывать большого содѣйствія къ достиженію этой цѣли. Они не имѣютъ не только никакой власти, но даже никакого вліянія на мѣстное управленіе. Они не участвуютъ въ выборѣ чиновниковъ земской полиціи, назначаемыхъ правительствомъ, ни въ выборѣ сельскихъ начальниковъ, волостныхъ головъ и деревенскихъ старостъ, выбираемыхъ общинами. Они остаются безсильными зрителями опустошительныхъ пожаровъ и ежедневныхъ безпорядковъ отъ вольной продажи крѣпкихъ напитковъ. Они также не имѣютъ прямого вліянія на народное воспитаніе, которымъ руководствуетъ учитель, выбранный уѣздной земской управой.

Волостная община имѣетъ право удалять, по своему приговору, вредныхъ людей, но страшится прибѣгать къ этой мѣрѣ, дабы не навлечь на себя мести со стороны родственниковъ опаснаго человѣка, высланнаго съ мѣста жительства. Волостные головы не смѣютъ прибѣгать къ строгимъ мѣрамъ, боясь лишиться голосовъ на будущихъ выборахъ и зная, что по роду своей службы они подвержены болѣе другихъ крестьянъ опасности отъ поджоговъ. Невозможно предупредить поджигательство и, по совершеніи его, почти никогда не удается открыть виновнаго [1]).

На пожарахъ волостной старшина, а въ его отсутствіе староста распоряжается до пріѣзда становего пристава народомъ и пожарнымъ инструментомъ. Но народъ состоитъ преимущественно изъ женщинъ и дѣтей. Старшина не имѣетъ никакой власти надъ посторонними зрителями, которыхъ всегда довольно много, а изъ мѣстныхъ жителей-мужиковъ каждый стоитъ около своего дома. Замѣтно, что крестьяне должностные, волостные судьи не любятъ и находятъ неприличнымъ влѣзать на пожарную трубу и качать воду изъ бочекъ.

---

[1]) Слѣдующій фактъ походитъ на тысячи повторяющихся ежегодно. Въ 1867 году, въ деревнѣ Шелковой, 2-го стана, Серпуховскаго уѣзда, произошелъ ночью пожаръ въ одномъ запертомъ на ключъ домѣ и полдеревни сгорѣло. Крестьяне, въ то же самое время, нашли спрятанными въ кустахъ, вдалекѣ отъ деревни, сундуки съ принадлежностью хозяина дома, прежде всѣхъ загорѣвшагося. Волостной старшина и множество крестьянъ сообщили это подозрительное обстоятельство становому приставу, который арестовалъ заподозрѣннаго впредь до слѣдствія. Но на повальномъ обыскѣ, произведенномъ слѣдователемъ, крестьяне отозвались незнаніемъ причины пожара, несмотря на предъявленные ими самими слухи и факты, и затѣмъ, спрошенные о нравственности заподозрѣннаго лица, объявили, что они его ни въ чемъ не обвиняютъ. Слѣдствіе кончилось тѣмъ, что заподозрѣнный въ поджигательствѣ не былъ вовсе привлеченъ къ суду, но освобожденъ изъ-подъ присмотра старосты и снабженъ видомъ на жительство въ уѣздѣ.

Главный недостатокъ оказывается въ лошадяхъ для подвозки воды. Посреди женскаго вопля слышится брань на слабость и нераспорядительность начальства. Въ этой тревогѣ голосъ волостного старшины совершенно заглушается и странный безпорядокъ прекращается лишь тогда, когда вся деревня, или большая часть ея, выгоритъ. Наблюденіе за пожарною полиціей лежитъ на волостномъ старшинѣ. Онъ имѣетъ право осматривать во всякое время пожарные снаряды и лошадей, которыхъ очередные крестьяне должны въ случаѣ пожара закладывать подъ бочки. Но старшина весьма затрудняется въ пользованіи этимъ правомъ по той причинѣ, что каждый крестьянинъ, состоящій на очереди для поставки лошади, надѣется, что день пройдетъ безъ всякаго несчастія и работаетъ на своей лошади. Старшина знаетъ впередъ, что рѣдко найдется у очередного крестьянина лошадь въ конюшнѣ, а крестьянинъ приметъ неожиданный досмотръ за признакъ личной къ нему вражды со стороны старшины и, при первомъ случаѣ, ему отмститъ. Помѣщикъ не имѣетъ права вмѣшательства ни въ какія распоряженія для предупрежденія или прекращенія пожара.

Изъ свѣдѣній, публикованныхъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ о пожарахъ въ Россіи, видно, что среднее число пожаровъ въ однѣхъ деревняхъ, отъ 1860 до 1864 года, было 10,556 въ годъ, годовой убытокъ былъ 20 милліоновъ руб. и сгорало ежегодно 53,166 домовъ.

Большая часть сельскихъ пожаровъ происходитъ отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ пьяныхъ крестьянъ. Питейные дома совершенно изъяты изъ-подъ власти сельской полиціи, кромѣ наблюденія за временемъ для открытія и закрытія питейной продажи. Случается, что краденыя вещи принимаются въ уплату за проданное вино, но права обыска питейныхъ домовъ сельская полиція не имѣетъ, а помѣщикъ, не участвующій въ сельской полиціи, еще менѣе можетъ располагать этимъ правомъ, какъ бы основательны ни были слухи объ укрывательствѣ вещей или о другихъ злоупотребленіяхъ.

Въ настоящее время усиленно возбуждаютъ крестьянъ къ обученію своихъ дѣтей. Община изъ своихъ средствъ содѣйствуетъ къ содержанію мѣстной школы. Поэтому и направленіе обученія, и утвержденіе программы преподаванія не зависятъ отъ помѣщика, хотя бы онъ былъ основателемъ училища при крѣпостномъ правѣ; но оно не зависитъ и отъ общества, а зависитъ отъ земства. Нѣтъ утвержденной для всей имперіи программы элементарнаго преподаванія и характеръ его зависитъ отъ направленія, которое ему дано мѣстнымъ земскимъ учрежденіемъ.

Народныя училища находятся подъ наблюденіемъ и контролемъ духовнаго и гражданскаго начальства. Въ губернскихъ училищныхъ совѣтахъ засѣдаютъ членъ отъ епархіальнаго начальства и смотритель училищъ отъ учебнаго округа. Первый наблюдаетъ за преподаваніемъ закона Божія, а второй — за преподаваніемъ прочихъ предметовъ, но и тотъ, и другой могутъ только временно, а иногда и не самолично, а чрезъ избранныхъ попечителей навѣщать народное училище и не имѣютъ большой возможности содѣйствовать успѣхамъ ученія, преслѣдуя главнымъ образомъ полицейскія, а не педагогическія цѣли.

Въ положеніи о приходскихъ попечительствахъ при православныхъ церквахъ, 2-го августа 1864 года, вліяніе помѣщика совершенно обойдено. Попечительства состоятъ изъ священнослужителей и членовъ, избираемыхъ отъ прихожанъ. Приходскій священникъ, церковный староста и волостные старшины—суть непремѣнные члены попечительства. „Председатель попечительства избирается общимъ собраніемъ прихожанъ, по большинству голосовъ, изъ лицъ, пользующихся общимъ довѣріемъ, не исключая и мѣстнаго приходскаго священника, который есть, во всякомъ случаѣ, непремѣнный членъ попечительства; предсѣдателю попечительства присвоивается званіе попечителя прихода." На попечительство возлагается обязанность заботиться объ изысканіи средствъ для заведенія въ приходахъ школъ, больницъ и богадѣленъ и вообще завѣдываніе мѣрами призрѣнія.

Не запрещено выбирать и помѣщика въ предсѣдатели попечительства, но онъ не состоитъ непремѣннымъ членомъ онаго и о немъ совершенно не упомянуто въ указѣ 2-го августа 1864 года.

Намъ извѣстенъ случай съ однимъ помѣщикомъ, принимавшимъ всегда большое участіе въ содержаніи и украшеніи церкви. Онъ былъ избранъ предсѣдателемъ приходскаго попечительства, но, возвратясь черезъ годъ въ имѣніе и потребовавъ для просмотра церковныя книги, узналъ, что онъ уже болѣе не попечитель, и что на его мѣсто выбранъ другой.

Земскія учрежденія суть безсомнѣнно признакъ свободы и общественнаго развитія, и чѣмъ болѣе они облегчаютъ дѣятельность центральной администраціи, тѣмъ болѣе обезпечено благоустройство общества. Но организація сельской общины предшествовала нашимъ земскимъ учрежденіямъ, которыя улеглись, такъ-сказать, на подпочвѣ сельскаго самоуправленія. Обсужденіе всѣхъ мѣстныхъ пользъ и нуждъ ввѣрено уѣздному собранію, въ которомъ вопросы рѣшаются большинствомъ голосовъ; а такъ какъ размѣръ земли, дающій право на избраніе гласнымъ въ уѣздныя земскія собранія, очень умѣренъ (отъ 200—300 десят.), то большинство въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ

состоитъ изъ недостаточныхъ, а весьма часто изъ безграмотныхъ людей.

Въ виду такого ненормальнаго порядка вещей, которымъ значительная часть населенія, именно болѣе богатая матеріально и умственно, въ каждой мѣстности осуждена на положеніе иностранцевъ, не принимающихъ участія въ общей жизни своего края, и въ виду сознаваемаго теперь всѣми ухудшенія нашего сельскаго хозяйства, правительство, конечно, озабочено составленіемъ опредѣленной программы дѣйствій, какъ устроить имущественныя отношенія къ лучшему для будущаго развитія нашего земледѣлія. Но прежде чѣмъ такая программа установится окончательно, мы осмѣливаемся подвергнуть общественному обсужденію слѣдующія частныя соображенія касательно средствъ, которыя отчасти могутъ служить къ удовлетворенію вышеуказанныхъ экономическихъ нуждъ нашего отечества. Главная наша цѣль состоитъ въ сохраненіи отъ раздробленія имѣній средняго размѣра, въ обращеніи мелкихъ собственностей въ собственности средней величины и общиннаго владѣнія въ личное.

Какая бы ни была польза майоратовъ крупныхъ имѣній въ политическомъ отношеніи, таковые майораты не составляютъ вовсе необходимаго условія преуспѣянія земледѣльческаго хозяйства. Напротивъ того, средній размѣръ поземельныхъ имуществъ благопріятствуетъ земледѣлію и майораты желательны въ особенности для того, чтобъ спасать *небольшія имѣнія* отъ раздробленія.

1. На основаніи ст. 1,110 т. X. ч. 1. Св. Зак. изданія 1857 г., родовыя имѣнія, а также и благопріобрѣтенныя, если умершій владѣлецъ не учинилъ на случай своей смерти распоряженія завѣщаніемъ, поступаютъ по закону къ наслѣдникамъ, изъ коихъ дѣти мужского пола, по выдѣлѣ законной части сестрамъ (по ст. 1,128 того же тома), дѣлятъ наслѣдство между собою по равнымъ частямъ поголовно. Указанный порядокъ наслѣдованія въ недвижимомъ имуществѣ представляетъ существенныя неудобства въ отношеніи не только къ небольшимъ, но даже и къ среднимъ имѣніямъ, полагая послѣднія въ 5 т. дес. земли, такъ какъ, естественно, имѣнія эти со временемъ будутъ доведены до такого крайняго измельчанія, что уже немыслимо будетъ устройство въ нихъ сколько-нибудь правильнаго хозяйства.

Для избѣжанія этихъ послѣдствій представляется, въ виду вышеизложенныхъ соображеній, цѣлесообразнымъ измѣненіе означеннаго закона въ томъ смыслѣ, что наслѣдованіе въ недвижимыхъ имуществахъ, не свыше 5 т. дес. земли, какъ родовыхъ, такъ и благопріобрѣтенныхъ, если умершіе владѣльцы послѣднихъ не учинили на

случай своей смерти распоряженія завѣщаніемъ, подчиняется порядку, установленному въ 1,199 1,200 и 1,201 ст. того же тома для имѣній заповѣдныхъ, а именно: послѣ смерти владѣльца наслѣдуетъ имѣніе старшій законнорожденный сынъ его, а за смертію сына, по праву представленія, старшій сынъ послѣдняго, и такъ далѣе.

2. Въ существующихъ законоположеніяхъ находится опредѣлительное правило, по которому бывшіе помѣщики, для достиженія хозяйственныхъ цѣлей, имѣютъ право пріобрѣтать покупкою, наравнѣ съ лицами другихъ сословій, участки земли, выкупленные крестьянами въ собственность. Право это имѣетъ благодѣтельное вліяніе какъ для помѣщиковъ недостаточныхъ имѣній, которые такимъ образомъ получатъ возможность увеличивать свои имѣнія, такъ и для крестьянъ, предоставляя послѣднимъ благопріятный случай сбывать разрозненные участки, негодные къ раціональной обработкѣ. Всякое законоположеніе для облегченія существующаго права будетъ экономически полезно.

3. По ст. 68, п. 2, Положенія о выкупѣ, если пріобрѣтеніе крестьянами въ собственность земли ихъ надѣла совершается по требованію одного помѣщика, на основаніи ст. 35, и притомъ крестьяне пріобрѣтаютъ весь свой земельный надѣлъ, то помѣщикъ не имѣетъ права требовать отъ нихъ какихъ-либо дополнительныхъ платежей сверхъ причитающейся ему выкупной ссуды, исчисляемой согласно ст. 66. Такое постановленіе весьма естественно вытекало изъ существовавшаго порядка вещей, такъ какъ въ теченіи первыхъ 9-ти лѣтъ съ изданія Положенія 19 февраля 1861 года крестьянамъ не разрѣшалось отказываться отъ надѣла, и потому требованіе помѣщика о выкупѣ являлось для нихъ обязательнымъ; но какъ въ настоящее время ограниченія этого болѣе не существуетъ, то было бы совершенно справедливо предоставленіе бывшимъ помѣщикамъ права на полученіе отъ крестьянъ и при обязательномъ выкупѣ дополнительнаго платежа до размѣра полной капитальной суммы, а при нежеланіи крестьянъ приступить къ выкупу на этихъ условіяхъ,—требовать отъ нихъ возвращенія надѣловъ, съ назначеніемъ имъ для сего 5-ти-лѣтняго срока, въ теченіи котораго они должны быть обязаны приписаться къ какому-либо обществу или сословію.

4. По ст. 135 мѣстн. великор. Пол., участки земли, отбираемые отъ крестьянъ по правиламъ о взысканіи недоимокъ, поступаютъ сначала во временное распоряженіе помѣщика на три года, и только по истеченіи этого срока, если крестьяне не пожелаютъ ихъ взять назадъ или принявъ оные, вновь лишатся ихъ за недоимку,—поступаютъ окончательно къ помѣщику. Такъ какъ въ этихъ случаяхъ отрѣзаются отъ крестьянъ земли отдаленныя и, слѣдовательно, мало

удобренныя или совсѣмъ неудобренныя, то принявъ въ свое распоряженіе отобранный отъ крестьянъ участокъ и не будучи увѣренъ, что крестьяне не потребуютъ его себѣ по прошествіи 3-хъ лѣтъ, помѣщикъ не рѣшится затрачивать трудъ и капиталъ для улучшенія свойства земли, а безъ этого онъ не будетъ въ состояніи извлечь изъ участка настолько пользы, чтобы по крайней мѣрѣ можно было покрыть недоимку. Поэтому слѣдовало бы предоставить помѣщикамъ право, въ случаѣ накопленія недоимокъ, требовать отрѣзки отъ надѣла крестьянъ участка земли, соотвѣтствующаго своею цѣнностію количеству недоимокъ, и передачи онаго въ полное свое распоряженіе.

5. По ст. 165 Полож. о вык., если домохозяинъ, желающій выдѣлиться, внесетъ въ казначейство всю причитающуюся за его надѣлъ выкупную ссуду, то общество обязывается выдѣлить такому домохозяину соотвѣтственный участокъ, по возможности, къ одному мѣсту, по усмотрѣнію самого общества. Такъ какъ домохозяинъ, уплатившій выкупную ссуду, освобождается отъ круговой поруки, то можетъ случиться, что общество, не будучи болѣе заинтересовано въ благосостояніи выдѣляющагося крестьянина, выдѣлитъ ему участокъ не вполнѣ удобный. Въ законѣ нѣтъ указанія, что домохозяинъ, признающій неудобнымъ или невозможнымъ принять выдѣленный участокъ, могъ бы требовать вознагражденія деньгами, между тѣмъ, по ст. 36 общ. Пол., обществу предоставляется удовлетворять крестьянина, желающаго выдѣлиться, деньгами, если выдѣлъ окажется неудобнымъ или невозможнымъ. Въ виду этого было бы желательно предоставленіе такому домохозяину права, въ случаѣ, если онъ останется выдѣломъ недоволенъ, отказаться отъ своего участка и требовать отъ общества возвращенія уплаченной въ казну выкупной ссуды.

6. По смыслу ст. 117 мѣстн. Полож. и ст. 166 Пол. о вык., при участковомъ пользованіи или владѣніи, подворные участки по смерти домохозяина поступаютъ къ его наслѣдникамъ, согласно существующимъ мѣстнымъ обычаямъ. Въ предупрежденіе дробленія этихъ участковъ было бы желательно установленіе положительнаго правила, что по смерти домохозяина подворный участокъ, составляя собственность семьи, переходитъ въ распоряженіе одного изъ членовъ оной, который, по существующему обычаю, заступаетъ мѣсто умершаго.

7. По закону, крестьяне имѣютъ право разрѣшать открытіе питейныхъ заведеній на земляхъ, отведенныхъ имъ въ надѣлъ. Было бы желательно ограниченіе этого права въ томъ смыслѣ, что питейныя заведенія могутъ быть открываемы не ближе одной версты отъ усадьбы помѣщика. Въ видахъ равноправности помѣщикъ въ свою очередь

также обязывается не дозволять открытія на принадлежащей ему землѣ питейныхъ заведеній ближе одной версты отъ крестьянскихъ усадьбъ. Такимъ образомъ, ограниченіе въ этомъ случаѣ права помѣщика представляетъ для крестьянъ существенныя выгоды, избавляя ихъ отъ конкурренціи въ продажѣ напитковъ.

8. На основаніи ст. 114 М. В. П., при общинномъ пользованіи передѣлы земли между крестьянами производятся по усмотрѣнію общества, которое такимъ образомъ имѣетъ право передѣлять землю каждый годъ. Такой порядокъ не можетъ не имѣть вреднаго вліянія на хозяйство, такъ какъ весьма естественно не имѣя увѣренности, что отведенные участки останутся у нихъ болѣе или менѣе продолжительное время, крестьяне избѣгаютъ прилагать особый трудъ къ обработкѣ земли. Для устраненія этого необходимо замѣнить общинное пользованіе наслѣдственнымъ, обязавъ сельскія общества, въ теченіи извѣстнаго срока, напр. 3-хъ лѣтъ, разбить мірскую землю разъ навсегда на подворные участки и раздать ихъ домохозяевамъ въ потомственное пользованіе съ возложеніемъ на каждаго изъ нихъ отвѣтственности за отбываніе повинности.

То же самое правило слѣдуетъ примѣнить и къ тѣмъ имѣніямъ, гдѣ крестьяне уже выкупили свои надѣлы. По отношенію къ симъ послѣднимъ правило это будетъ еще благодѣтельнѣе, потому что оно относится не къ пользованію, а къ владѣнію. Здѣсь представляется вопросъ: исполнима ли предложенная мѣра тамъ, гдѣ выкупные платежи превышаютъ цѣнность земли? Рента уплачивается нынѣ совокупнымъ трудомъ всего общества. Кто будетъ уплачивать ее послѣ передѣла земли между крестьянами?

Ренту будетъ уплачивать каждый членъ общества самъ за себя. Онъ и теперь уплачиваетъ, какъ членъ общества, избытокъ ренты надъ цѣнностью земли. Несправедливость этого платежа уменьшится по крайней мѣрѣ тѣмъ, что трудолюбивый не будетъ платить за лѣниваго. Средство къ устраненію платежа ренты, превышающей цѣнность земли, указано выше подъ №№ 2-мъ и 3-мъ.

Для устраненія затрудненій, которыя могутъ быть встрѣчены крестьянами при распредѣленіи на участки всего надѣла, было бы полезно предоставить имъ право подвергнуть раздѣлу разъ навсегда только то количество земли, которое они сами считаютъ цѣннымъ, оставивъ прочую часть надѣла въ общинномъ владѣніи всѣхъ домохозяевъ. Такимъ образомъ трудъ передѣла можетъ уменьшиться на половину, если община найдетъ полезнымъ оставить такое количество въ общинномъ владѣніи. Домохозяева, желающіе оставить общество, имѣютъ право продавать въ постороннія руки только тѣ участки, которые они получили въ личную собственность; право же

свое на участіе въ остальной менѣе удобной или болѣе отдаленной землѣ, находящейся въ общинномъ владѣніи, они передаютъ общинѣ, которая обязана оную принять по оцѣнкѣ заранѣе установленной на этотъ случай мірскимъ приговоромъ.

Такимъ образомъ, невошедшія въ раздѣлъ земли будутъ принадлежать общинѣ; при постепенномъ же уменьшеніи ея членовъ естественно образуется большее количество свободной земли, которую община найдетъ выгоднымъ продавать сосѣднимъ владѣльцамъ или образовать изъ нихъ подворные крупные участки.

10. По ст. 162. Полож. о вык., до уплаты выкупной ссуды общество можетъ отчуждать пріобрѣтенныя имъ земли, подъ которыя выдана ссуда, не иначе, какъ со взносомъ вырученныхъ за проданныя земли денегъ въ счетъ остающагося по выкупной ссудѣ долга. Въ видахъ предоставленія крестьянамъ большей возможности устроивать свой бытъ по собственному усмотрѣнію, было бы полезно разрѣшеніе имъ продавать выкупныя земли прежнимъ своимъ помѣщикамъ съ переводомъ всего или части долга по выкупной ссудѣ.

11. Въ виду важнаго значенія луговъ, было бы полезно тамъ, гдѣ луга не составляютъ четвертой части пахатной земли, расположить хозяевъ, хотя бы искусственнымъ образомъ, въ пользу обращенія въ луга части запашки; средствомъ для сего могло бы быть освобожденіе *обращенной въ луга полевой земли*, съ третьяго года по прекращеніи посѣвовъ, отъ *всѣхъ поземельныхъ налоговъ*. Ту же льготу слѣдовало бы распространить въ тѣхъ же мѣстностяхъ также и на земли, обращенныя подъ разведеніе корнеплодныхъ растеній.

12. Съ цѣлью предохраненія малолѣсныхъ губерній отъ совершеннаго истребленія лѣсовъ, было бы весьма полезно, согласно мнѣнію Гакстгаузена, поощреніе разными существенными льготами тѣхъ изъ фабрикантовъ, которые будутъ устроивать свои заводы въ губерніяхъ лѣсныхъ.

Представляя наши замѣчанія суду общественнаго мнѣнія, мы убѣждены, что всякій вопросъ можетъ быть окончательно выясненъ только посредствомъ свободнаго и всесторонняго его обсужденія съ разныхъ и даже противоположныхъ точекъ зрѣнія.

Гр. В. Орловъ-Давыдовъ.

30-го апрѣля, 1873 г.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е іюня, 1873.

Выборы 11-го мая во Франціи.—Министерскій кризисъ.—Перемѣна правительства. — Биржевой кризисъ въ Вѣнѣ. — Политическая заносчивость одной русской газеты.

Если выборы 27-го апрѣля во Франціи давали правительству Тьера „предостереженіе“ въ республиканско-радикальномъ смыслѣ, то результаты послѣдующихъ выборовъ, происходившихъ 11-го мая въ нѣсколькихъ департаментахъ, дали тому же правительству „второе предостереженіе“ въ томъ же смыслѣ, и произвели еще бо́льшее впечатлѣніе. Изъ пяти дополнительныхъ выборовъ 11-го мая, 3 пали на радикаловъ, 1 на умѣреннаго республиканца и 1 на бонапартиста. Въ числѣ избранныхъ радикаловъ находился Ранъ (Ranc), который игралъ роль при коммунѣ. Избраніе Бародѐ въ Парижѣ и Рана и Гюйо̀ въ Ліонѣ свидѣтельствовало, что два главные центра Франціи желали во что̀ бы то ни стало, и хотя съ очевидной опасностью для Тьера, выразить свою антипатію къ большинству національнаго собранія. Избиратели - республиканцы не могли не сознавать, что вызывая кризисъ, они подвергаютъ опасности существованіе правительства Тьера, но они повидимому были убѣждены, что насталъ моментъ для окончательнаго рѣшенія; они хотѣли принудить Тьера сдѣлать рѣшительный шагъ на лѣвую сторону, разсчитывая, что монархическое большинство, при своихъ внутреннихъ несогласіяхъ, не будетъ имѣть смѣлости опрокинуть самого Тьера, потому что не придетъ къ соглашенію насчетъ выбора ему преемника. Разсчетъ этотъ оказался ошибоченъ въ томъ отношеніи, что монархическое большинство съумѣло придти къ соглашенію для борьбы, хотя само собою разумѣется, что на другой же день послѣ побѣды всѣ разногласія въ его средѣ возникли вновь и эти раздоры могутъ разрушить то, что̀ было достигнуто общими силами.

Выборы 27-го апрѣля и 11-го мая произвели въ правой сторонѣ крайнее раздраженіе и вызвали среди ея извѣстный, неоднократно слышанный во Франціи голосъ о необходимости „спасти общество." Что касается непосредственнаго дѣйствія на Тьера, то выборы достигли своей цѣли: онъ понялъ, что моментъ кризиса наступилъ, что при возобновленіи сессіи ему придется выдержать борьбу уже не за министерство, но за личную свою власть. Поэтому онъ озаботился стать твердо по крайней мѣрѣ среди тѣхъ партій, на поддержку которыхъ онъ могъ разсчитывать; для этого надо было преобразовать кабинетъ. Правая сторона сама дала ему поводъ къ этому преобразованію. Г. де-Гуляръ, крайне непопулярный министръ внутреннихъ дѣлъ, прямо объявилъ, что онъ не можетъ долѣе оставаться въ кабинетѣ вмѣстѣ съ Жюлемъ Симономъ. Симонъ изъявилъ готовность удалиться, а Тьеръ принялъ прошенія ихъ обоихъ для того, чтобы увольненіемъ Гуляра и вмѣстѣ оставленіемъ Симона въ кабинетѣ не вывесть правую сторону окончательно изъ терпѣнія: Гуляра онъ принесъ въ жертву республикѣ, а Симона—правой сторонѣ собранія. Въ „Оффиціальной газетѣ" 19-го мая явились назначенія новыхъ министровъ: министромъ внутреннихъ дѣлъ вновь былъ назначенъ Казиміръ Перье́, министромъ публичныхъ работъ Веранжѐ, а министерство просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ раздѣлено было на два министерства: членъ правой стороны де-Фурту́ былъ назначенъ министромъ духовныхъ дѣлъ, а министромъ народнаго просвѣщенія Уаддингтонъ, депутатъ энскаго департамента, родомъ англичанинъ и протестантъ, археологъ, членъ института, и искренній республиканецъ. Прочіе изъ прежнихъ министровъ остались на своихъ мѣстахъ. Такое измѣненіе сообщило кабинету Тьера значеніе кабинета „лѣваго центра." Правая усмотрѣла въ немъ прямой вызовъ себѣ, сдѣланный весьма кстати и отчасти, какъ уже сказано, возбужденный ею самой чрезъ Гуляра. Въ частномъ собраніи правой стороны составленъ былъ текстъ запроса правительству въ смыслѣ необходимости поддерживать консервативные принципы въ виду опасности со стороны радикализма. Запросъ этотъ былъ внесенъ въ собраніе съ 160-ю подписями.

По открытіи засѣданій первая побѣда правой стороны сказалась въ избраніи вновь прежняго президента, бонапартиста Бюффѐ. Онъ былъ избранъ въ засѣданіи 20-го мая большинствомъ 360 голосовъ противъ 289, данныхъ въ пользу кандидата лѣвой стороны Мартеля. Двое изъ прежнихъ вице-президентовъ собранія, также члены правой стороны, Бенуà-д'Азй и Витѐ были избраны въ томъ же засѣданіи, а Мартель и на вице-президентство сперва не получилъ достаточнаго числа голосовъ. Только на другой день большинство въ

пользу его избранія въ вице-президенты состоялось, а именно 330 голосовъ противъ 323, поданныхъ за кандидата правой стороны де-Ларси. Этотъ успѣхъ, несмотря на его незначительность, подалъ поводъ либеральной печати предполагать, что правой въ концѣ концовъ не совладать съ Тьеромъ. По силѣ временной конституціи, президентъ республики можетъ принимать участіе въ преніяхъ собранія по запросу, если совѣтъ министровъ признаетъ это необходимымъ. Совѣтъ министровъ рѣшилъ, что Тьеръ будетъ лично участвовать въ преніяхъ.

Въ засѣданіи 23-го числа, герцогъ Брольи мотивировалъ запросъ большинства рѣчью, въ которой этотъ бывшій посолъ правительства Тьера въ Лондонѣ выступилъ самымъ безпощаднымъ и несправедливымъ обличителемъ Тьера. Онъ доказывалъ, что правительство, заявляя консервативные принципы на словахъ, своимъ образомъ дѣйствій прямо обезпечиваетъ успѣхъ радикаловъ; что радикализмъ не есть политическая, но противо-общественная партія, а правительство щадитъ его, входитъ съ нимъ въ соглашенія и надѣется подѣйствовать на него кротостью. Выходитъ тотъ результатъ, что побѣду одерживаетъ, благодаря образу дѣйствій правительства, не кто иной, какъ сама коммуна: Бародѐ, который признавалъ парижскую коммуну равно законною, какъ и національное собраніе; Ранъ, который былъ членомъ коммуны; Локруà, который оставилъ собраніе и перешелъ къ коммунѣ. „Правительство,—сказалъ ораторъ,—подготовляетъ намъ собраніе, состоящее изъ радикаловъ и мы можемъ предвидѣть возвращеніе въ Парижъ собранія коммуналистовъ, привѣтствуемое прощенными мятежниками 18 марта!“ Рѣчь Брольи съ начала до конца была рядомъ личностей. Послѣ „коммуналистовъ“, онъ призвалъ къ отвѣту и Жюля Симона и сопоставивъ его съ Гуляромъ, спросилъ правительство, какой политики оно намѣрено держаться: политики сопротивленія радикализму, или политики уступокъ ему? „Правительство должно отвѣчать на этотъ вопросъ, сказалъ ораторъ, и отвѣчать не одними словами, которыя наконецъ утомляютъ, но дѣйствіями!“

Герцогу Брольи отвѣчалъ въ томъ же засѣданіи Дюфоръ, министръ юстиціи. Рѣчь его была безстрастна, и по свидѣтельству корреспондентовъ произвела мало впечатлѣнія; но какое же впечатлѣніе можетъ быть произведено на людей, которые не хотятъ ничего и слышать? Такъ до начала рѣчи Дюфора, нѣкоторое число членовъ правой стороны встали и вышли изъ собранія, желая показать, что всякія оправданія будутъ безполезны. Дюфоръ говорилъ дѣло, и рѣчь его при чтеніи представляется вполнѣ убѣдительною. Да и можетъ ли быть не убѣдительною рѣчь, которая оправдываетъ Тьера противъ обвиненій въ радикализмѣ или въ сообщничествѣ съ коммуною? Дю-

форъ напомнилъ, что никто иной какъ именно Тьеръ побѣдилъ коммуну, разогналъ ея приверженцевъ, составилъ законъ противъ „международнаго общества". Ссылаются на послѣдніе выборы;—но вѣдь эти выборы, въ которыхъ обвиняютъ правительство, состоялись противъ правительства, имѣли характеръ оппозиціонный по отношенію къ нему. Далѣе Дюфоръ осыпалъ похвалами Гуляра, въ угодность большинству. Но въ концѣ рѣчи, онъ хотя въ мягкой формѣ, но рѣшительно заявилъ, что по мнѣнію правительства наступила необходимость „основать консервативную республику"; что выборы 27-го апрѣля и 11-го мая доказываютъ это и что безъ такого рѣшенія правительство будетъ лишено возможности поддерживать порядокъ. Послѣ рѣчи Дюфора прочтено было посланіе, которымъ Тьеръ заявлялъ свое намѣреніе лично объясниться въ собраніи. По силѣ дополнительнаго закона къ конституціи, 13-го марта, по прочтеніи такого посланія засѣданіе должно закрываться и президентъ республики долженъ быть выслушиваемъ на слѣдующій день, если только собраніе не рѣшитъ, что онъ долженъ быть выслушанъ немедленно. Большинствомъ голосовъ, собраніе постановило, что будетъ слушать президента на другой день въ 9 часовъ утра.

Въ засѣданіи 24-го мая, въ половинѣ десятаго, Тьеръ взошелъ на трибуну. Первыми же словами онъ разсѣялъ всякія догадки, будто въ крайнемъ случаѣ онъ готовъ составить себѣ министерство изъ членовъ правой стороны, лишь бы остаться самому во главѣ правленія. „Здѣсь сильно нападали,—такъ началъ онъ,—на политику правительства. Но единственный отвѣтчикъ (le seul responsable) передъ палатой и страной, это—я. Нападенія направлены противъ меня, и я ихъ въ этомъ смыслѣ и принимаю." Затѣмъ, Тьеръ излагаетъ положеніе такъ, какъ онъ уже излагалъ его не разъ: напоминаетъ, что не онъ просилъ себѣ власти, что въ странѣ и въ палатѣ существуютъ партіи монархическія и республиканскія, притомъ нѣсколько монархическихъ и нѣсколько республиканскихъ партій, и спрашиваетъ, что же ему оставалось дѣлать посреди ихъ, какъ не быть безпристрастнымъ? „Быть безпристрастнымъ,—сказалъ онъ,—не значитъ держаться двусмысленной политики (politique à double face)". Онъ напомнилъ, что никакихъ уступокъ безпорядку, никакой двусмысленности онъ не захотѣлъ въ 1871 году, даже съ той цѣлью, чтобы отвратить кровопролитіе. Исчисливъ то, что̀ сдѣлано правительствомъ для приведенія въ порядокъ дѣлъ страны, напомнивъ, что изъ 5-ти милліардовъ 4 уже уплачены, а 250 милліоновъ для уплаты 1-го іюня уже готовы, Тьеръ перешелъ къ вопросу о составѣ своего кабинета. „Мы говоримъ вамъ, что мы—консерваторы; вы отвѣчаете: „мы вамъ не вѣримъ". Позвольте же и намъ, когда вы подозрѣваете

насъ въ сочувствіи къ людямъ безпорядка, а сами отпираетесь, то вы не монархисты, отвѣчать—мы вамъ не вѣримъ". Тьеръ доказывалъ далѣе, что монархисты собранія не могутъ установить монархіи, потому что — „престолъ одинъ, а у васъ трое кандидатовъ". „Практически говоря,—замѣтилъ онъ,—монархія невозможна и сила обстоятельствъ за республику (la république est dans la force des choses)". Послѣ историческаго обзора, въ которомъ онъ коснулся установленія всенароднаго голосованія и реакцій, бывавшихъ во Франціи, Тьеръ заключилъ свою рѣчь слѣдующимъ личнымъ обращеніемъ: „почтенный герцогъ Брольи говоритъ, что разсчитывая на поддержку фракцій лѣвой стороны, мы будемъ кліентами (les protégés) и должниками (les obligés) радикаловъ. Но и онъ, если получитъ большинство правой стороны, онъ также станетъ кліентомъ и должникомъ такого покровителя, отъ котораго отвернулся бы его отецъ: онъ будетъ кліентомъ имперіи".

Этими словами Тьеръ прямо попалъ въ самый узелъ заговора, основаннаго на соглашеніи между приверженцами обѣихъ линій Бурбоновъ и бонапартистами. Союзъ этотъ составился на условіи, что, въ случаѣ побѣды, орлеанисты не будутъ избирать президентомъ республики герцога Омальскаго и допустятъ въ кабинетѣ новаго состава одного или двухъ бонапартистовъ. На основаніи закона 13-го марта, по выслушаніи посланія президента, засѣданіе должно было закрыться. Слѣдующее засѣданіе назначено было въ тотъ же день въ два часа.

Въ этомъ второмъ засѣданіи 24 числа, легитимистъ Эрнў внесъ предложеніе о переходѣ къ очереднымъ занятіямъ слѣдующаго содержанія: „Собраніе, принявъ во вниманіе, что пренія идутъ не о формѣ правленія; что учредительные законы, представленные въ силу рѣшенія собранія, будутъ разсмотрѣны имъ впослѣдствіи, но что въ настоящій моментъ необходимо успокоить страну, давъ правительству направленіе въ смыслѣ политики рѣшительно-консервативной,— выражаетъ сожалѣніе, что новѣйшія измѣненія въ составѣ министерства не дали консервативнымъ интересамъ того удовлетворенія, какого они были вправѣ ожидать — и затѣмъ переходитъ къ очереднымъ занятіямъ". Текстъ этого „перехода" былъ написанъ самимъ „вице-императоромъ" Руэ—вотъ до какой степени рыцари большинства подчинились руководству бонапартистовъ. Дюфоръ отъ имени правительства поддерживалъ формулу простого перехода къ очереднымъ занятіямъ. При подачѣ голосовъ, за формулу Эрну оказалось 360 голосовъ, противъ нея (и за правительство) 344. Тогда на трибуну взошелъ одинъ изъ пламеннѣйшихъ членовъ большинства Бараньонъ и потребовалъ, чтобы правительство объяснилось: остается оно или

нѣтъ. Дюфоръ объяснилъ, что несмотря на принятое собраніемъ рѣшеніе, Франція все-таки имѣетъ президента республики и правительство, пока оно не замѣнено другимъ, и что министры отправятся на совѣщаніе къ президенту, чтобы принять рѣшеніе. Затѣмъ, по предложенію Бараньона, назначено было третье засѣданіе въ тотъ же день, въ восемь часовъ вечера. Въ этомъ засѣданіи собранію сообщены были просьбы объ увольненіи Тьера и его министровъ. По требованію Шангарнье́ и Брольи, собраніе произнесло свое рѣшеніе и сдѣлало новый выборъ немедленно: отставка Тьера была принята большинствомъ 368 голосовъ противъ 339. Затѣмъ приступлено было къ избранію преемника Тьеру, и президентомъ республики былъ избранъ маршалъ Макъ-Магонъ, большинствомъ 390 голосовъ противъ 1, поданнаго за Греви́. Остальная часть собранія воздержалась отъ подачи голосовъ. По закрытіи засѣданія, толпа, окружавшая собраніе, встрѣтила депутатовъ при выходѣ криками „да здравствуетъ Тьеръ!“ Передъ квартирой Тьера въ Версали была произведена такая же демонстрація. Нигдѣ порядокъ нарушенъ не былъ. Въ исходѣ 12-го часа ночи, Бюффе сообщилъ собранію, что маршалъ Макъ - Магонъ принялъ „не безъ сопротивленія“ президентство.

На другой день собранію сообщено было слѣдующее письмо Макъ-Магона: „Господа представители, я повинуюсь волѣ собранія, облеченнаго полновластіемъ народа, принимая должность президента республики. Тяжела эта отвѣтственность, возлагаемая на мой патріотизмъ, но съ помощью Божіею и при преданности арміи, которая всегда будетъ войскомъ закона и опорою всѣхъ порядочныхъ людей, мы будемъ продолжать вмѣстѣ дѣло освобожденія территоріи и возстановленія нравственнаго порядка въ странѣ. Внутри страны мы станемъ поддерживать миръ и тѣ принципы, на которыхъ опирается общество. Даю вамъ въ томъ слово, какъ честный человѣкъ и какъ солдатъ“.

Заговоръ, который ниспровергъ Тьера, долженъ былъ повліять на составъ новаго правительства. Надо замѣтить, что сверхъ общей ненависти къ Тьеру, соединившей монархистовъ, въ кризисѣ играло не послѣднюю роль личное честолюбіе одного изъ вождей орлеанистовъ, именно герцога Брольи. Бывъ посредникомъ между Тьеромъ и Коммиссіею Тридцати, онъ, говорятъ, надѣялся въ то время стать главою Тьерова кабинета. Союзъ орлеанистовъ съ бонапартистами былъ дѣломъ Руэ съ одной стороны, Брольи съ другой. Бонапартисты ставили первымъ условіемъ, чтобы новымъ президентомъ не былъ избираемъ герцогъ Омальскій. Другой вождь орлеанистовъ, графъ Одиффрѐ (герцогъ Пакьѐ), остался вѣренъ своему принцу. Но Брольи пошелъ на соглашеніе, съ тѣмъ, чтобы самому сдѣлаться главою кабинета. Эта награда ему досталась. Кабинетъ новаго президента

составился такъ: Брольи—министръ иностранныхъ дѣлъ и вице-президентъ совѣта, Бёле, министръ внутреннихъ дѣлъ, Эрну́ — юстиціи, Мань—финансовъ, Батби́ —просвѣщенія, де-ла-Буилльри́ —торговли, Десселиньи́ — публичныхъ работъ, Дампьеръ д'Орнуа̀ — морской, дю-Бюррайль — военный министръ. Нѣтъ повода особенно сокрушаться надъ судьбою Франціи по поводу этой перемѣны. Раздоръ между монархистами, органическая неспособность ихъ подчиниться одному изъ трехъ ихъ кандидатовъ—пока лучшее ручательство за неотмѣнимость республики. Что касается какого-нибудь захвата силою, то Макъ-Магонъ и Брольи не такіе люди, отъ которыхъ можно ожидать этого. Жаль конечно, что старику Тьеру не дали окончить блестящаго его дѣла — освобожденія территоріи. Но за то при новомъ правительствѣ скорѣе можно ожидать, что собраніе разойдется и что настанетъ наконецъ для Франціи періодъ правильной политической жизни.

Дней чрезъ десять по открытіи выставки, въ Вѣнѣ неожиданно произошелъ серьёзный биржевой кризисъ. Съ того времени, какъ австрійское правительство вступило на путь конституціонный, то-есть въ теченіи послѣднихъ двѣнадцати лѣтъ, матеріальное благосостояніе Австріи сдѣлало большіе успѣхи. До того времени Австріи постоянно угрожало банкротство и кредитъ ея находился въ совершенномъ упадкѣ именно вслѣдствіе полнаго произвола австрійскаго правительства въ дѣлахъ финансовыхъ, какъ и въ другихъ, и злоупотребленія этимъ произволомъ. Князь Меттернихъ любилъ займы, онъ видѣлъ въ нихъ не только деньги, но и средство для вліянія. „Чѣмъ болѣе у Австріи будетъ кредиторовъ, тѣмъ болѣе у нея будетъ друзей„— это изреченіе принадлежитъ Меттерниху. Денежныя злоупотребленія, открытыя въ администраціи, и финансовыя затрудненія, какъ извѣстно, и были въ Австріи непосредственнымъ поводомъ къ призванію въ государственный совѣтъ „партикулярныхъ людей", къ такъ-называемому „усиленію" государственнаго совѣта земскими людьми—изъ котораго произошла конституція. Вотъ почему австрійскій сеймъ и доселѣ сохраняетъ названіе государственнаго совѣта — Reichsrath. Ограниченіе произвола, установленіе бюджета выборнымъ собраніемъ и необходимость давать ему полный отчетъ подѣйствовали такъ благодѣтельно на финансы Австріи, что несмотря на новую несчастную войну, расходы пришли наконецъ къ равновѣсію съ доходами. Деньги въ Австріи въ обращеніи остались бумажныя, по прежнему, хотя монетная система и измѣнена; серебряная монета имѣется только размѣнная. Но дѣло въ томъ, что національный банкъ не можетъ выпускать неограниченнаго количества бумажныхъ денегъ; по ст. 14 устава банка, бумажный выпускъ его ограниченъ 200

милл. гульденовъ, сверхъ суммы, обезпеченной соотвѣтственнымъ металлическимъ и фондовымъ запасомъ. Вмѣстѣ съ улучшеніемъ положенія государственныхъ финансовъ, въ Австріи сильно оживилась за послѣдніе годы промышленность, и естественныя богатства страны, подъ вліяніемъ наплыва иностранныхъ капиталовъ и замѣчательнаго развитія туземной частной предпріимчивости, получили настоящую свою цѣну. Однимъ словомъ, конституціонная Австрія оказалась несравненно богаче, чѣмъ была Австрія, „дѣлавшая долги для пріобрѣтенія друзей". Но быстрое возвышеніе общаго благосостоянія почти всегда доводитъ до преувеличеній тотъ изъ своихъ факторовъ, который представляется именно развитіемъ частной предпріимчивости. Легкость и значительность барышей, сперва совершенно законныхъ, производительныхъ, дѣйствуетъ заразительно на весь коммерческій міръ, а потомъ и на все общество. Разростается спекуляція, имѣющая уже характеръ игры, а не торговли, и чѣмъ соблазнительнѣе достигаемые отдѣльными лицами успѣхи, тѣмъ вѣрнѣе бываетъ впослѣдствіи приближеніе такого момента, когда оказывается призрачность большинства дѣлъ, несоотвѣтствіе массы заключенныхъ обязательствъ и слѣдующихъ по нимъ разсчетовъ дѣйствительнымъ нуждамъ производительности и реальному, наличному капиталу.

Такой моментъ наступилъ теперь на вѣнской биржѣ. Нездоровое состояніе вѣнскаго денежнаго рынка чувствовалось уже довольно продолжительное время; не разъ уже бывали на биржѣ „страхи"; но доселѣ они не оправдывались, и самое это обстоятельство побуждало спекуляцію все къ большей рискованности. Биржевыхъ конторъ въ Вѣнѣ накопилось огромное число, и можно сказать, что въ нихъ сосредоточилась, главнымъ образомъ, жизнь не только самой австрійской столицы, но и весьма значительной части провинціальнаго общества. Всякая торговля, всякая профессія стали какъ-бы только источниками для пріобрѣтенія игорныхъ денегъ; фабрикація и торговля стали смотрѣть на свои барыши какъ на нѣчто второстепенное, только дающее деньги для спекуляціи; даже такъ-называемыя „либеральныя профессіи" стали смотрѣть на биржу какъ на окончательную цѣль своихъ трудовъ. Нѣмецкое общество, трудолюбивое и крайне бережливое въ Австріи, какъ и вездѣ, мало-по-малу стало пріучаться копить деньги только для того, чтобы пустить ихъ въ оборотъ одной изъ биржевыхъ конторъ. Золотое время для спекуляціи недобросовѣстной, какъ извѣстно, тогда именно и наступаетъ, когда матеріаломъ для нея дѣлаются такъ-называемые „маленькіе капиталы", то-есть сбереженія людей совершенно постороннихъ міру коммерческому. Пока спекуляція можетъ разсчитывать только на средства коммерческихъ капиталистовъ, она хотя можетъ быть

игрою, но должна по крайней мѣрѣ представлять гарантіи, требуемыя отъ всякой игры людьми, которые эту игру знаютъ. Но когда „учредительство" всевозможныхъ предпріятій на акціяхъ можетъ разсчитывать на сбереженія людей, ничего не понимающихъ въ дѣлѣ, кромѣ цифры перваго выданнаго имъ, изъ ихъ же взносовъ, дивиденда, тогда преимущественно начинаютъ возникать предпріятія именно „невозможныя" или такія, которыя, подъ предлогомъ производительнаго дѣла, разсчитываютъ прямо на эксплуатацію не этого дѣла, а самихъ акціонеровъ.

По свидѣтельству вѣнскихъ газетъ, нынѣшній кризисъ на вѣнской биржѣ могъ получить совсѣмъ иные размѣры, чѣмъ тѣ, въ какихъ онъ удержался. Утверждаютъ, что еслибы кризисъ нѣсколько продолжился, то произошло бы настоящее національное бѣдствіе, нѣчто въ родѣ всеобщей ликвидаціи, именно потому, что все общество болѣе или менѣе участвовало въ игрѣ. Но, благодаря принятымъ мѣрамъ, кризисъ остался биржевымъ, то-есть биржевыя банкротства не повели къ банкротству промышленности и торговли. До какой степени положеніе вѣнскаго рынка было натянутое до кризиса, о томъ свидѣтельствуетъ ничтожность самого непосредственнаго повода къ кризису. Начало было таково, что въ одно утро передъ открытіемъ биржи сдѣлалось извѣстно прекращеніе платежей биржевой конторою Петшекъ; контора эта разослала циркуляры тѣмъ домамъ, въ которыхъ имѣла вклады, объясняя, что находится вынужденною произвесть ликвидацію; въ то же время контора эта выпустила на биржу массу бумагъ сомнительнаго достоинства, принятыхъ ею къ учету. Паника послѣдовала тотчасъ. Не только этихъ бумагъ, но и никакихъ другихъ не стали покупать и дѣла на биржѣ совершенно прекратились. Затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ стали наступать сроки для разсчетовъ у другихъ конторъ, а денегъ продажею или учетомъ бумагъ пріобрѣсть было невозможно, ликвидаціи, то-есть аукціонная продажа залоговъ, начали являться одна за другою. Государственные фонды и желѣзно-дорожныя облигаціи потерпѣли только незначительное пониженіе, но бѣда была въ томъ, что наличныя деньги исчезли. Подъ вѣрныя бумаги можно было получить въ ссуду не болѣе 10% ихъ номинальной стоимости. Въ одну биржу 15-го мая произведено было 126 ликвидацій. Въ числѣ несостоятельныхъ конторъ оказались и два значительные частные банка. Нѣсколько биржевиковъ, лишившіеся всего состоянія, лишили себя жизни. Правительство отвратило распространеніе кризиса на солидныя промышленныя предпріятія: для возобновленія учета въ національномъ банкѣ оно сперва открыло ему кредитъ изъ наличныхъ суммъ казначейства въ 4 милл. гульденовъ, въ видѣ ссуды, а затѣмъ издало

распоряженіе о временномъ пріостановленіи дѣйствія ст. 14 банковаго устава, ограничивающей выпускъ банкомъ кредитныхъ денегъ. Но такъ какъ банкъ въ такое время, разумѣется, долженъ былъ принимать къ учету бумаги крайне осмотрительно, то мѣры правительства, охранивъ промышленность, не спасли спекуляціи; банкротства биржевыхъ спекулянтовъ продолжались. Раздраженіе не только въ мірѣ дѣльцовъ, но во всемъ обществѣ было немалое. Нѣкоторые банкиры подверглись оскорбленію дѣйствіемъ на биржѣ. Федералисты не упустили случая протестовать противъ нынѣшняго министерства и вообще противъ господства „нѣмецко-еврейской централистской, биржевой клики". Федералистскія газеты доказывали, что всемірная выставка въ Вѣнѣ, затѣянная этою кликой для наживы, по всему, что̀ видно, окажется убыточною съ финансовой стороны, а биржевой погромъ представляетъ банкротство всей централистской, нѣмецкой системы, требуя, на основаніи такихъ соображеній, перемѣны системы, то-есть увольненія кабинета Ауэрсперга. Само собою разумѣется, что во всемъ этомъ есть только малая доля справедливаго. Биржевой погромъ не имѣлъ ничего общаго съ политическою системою нѣмецкой либеральной партіи, хотя справедливо, что спекуляція находится въ рукахъ нѣмцевъ и евреевъ, приверженцевъ централизма, и что фактъ этотъ, во всякомъ случаѣ, не дѣлаетъ чести нравамъ людей этой партіи. Извѣстно, что и всѣ политическіе органы нѣмецкой централистской партіи находятся въ рукахъ биржевыхъ предпріятій. Все это, конечно, не доказываетъ, будто сама система централизма основана на безнравственныхъ началахъ, но зависитъ просто отъ совпаденія тѣхъ двухъ фактовъ, что централисты—нѣмцы и евреи, а биржевая спекуляція находится также въ рукахъ нѣмцевъ и евреевъ.

Иностраннымъ газетамъ случается иногда обращать вниманіе на статьи „Московскихъ Вѣдомостей" по вопросамъ внѣшней политики, касающимся Россіи, несмотря на малосодержательность и фальшивый тонъ напыщенности, которыми тѣ статьи отличаются. Московская газета заботливо подбираетъ крохи оказываемаго ей вниманія и помѣщаетъ ихъ въ свои „витрины" подъ увеличительное стекло, для рекламы своему мнимому величію. Между тѣмъ, на дѣлѣ означенныя рекламы вовсе не имѣютъ того смысла, въ которомъ ихъ выставляетъ московская газета. Иностранная печать, чрезъ посредство своихъ корреспондентовъ, вообще слѣдитъ за заявленіями печати русской, и заявленію искреннему, въ которомъ высказалось не искательство или фанфаронство, а правдивое слово въ защиту интересовъ Россіи, умѣетъ придавать настоящее значеніе, угадываетъ въ

немъ голосъ независимаго русскаго общественнаго мнѣнія. На статьи же „Московскихъ Вѣдомостей“ иностранная печать смотритъ иначе: видѣть въ нихъ истинный отголосокъ общественнаго мнѣнія она не можетъ, потому что въ этихъ статьяхъ поражаетъ прежде всего притворство, усиліе приравнять положеніе нашей печати къ положенію печати заграничной. Поэтому иностранная печать, если обращаетъ вниманіе на заявленія московской газеты, то единственно въ силу иллюзіи, что заявленія ея могутъ имѣть значеніе оффиціозное. Никакой особенной цѣны имъ за границею не придается и придаваемо быть не можетъ, иначе какъ только въ этомъ, ошибочномъ смыслѣ. Недавно, говоря о средне-азіатскихъ дѣлахъ, мы высказали свое убѣжденіе, что усилія англійской дипломатіи вполнѣ логическимъ путемъ привели къ тому, что положеніе Россіи по отношенію къ этому вопросу стало дипломатически неуязвимо, короче—послужили въ пользу Россіи, которая и не имѣетъ повода угрожать англійскимъ интересамъ. Мы не намѣрены подражать „Моск. Вѣдомостямъ“ въ собираніи себѣ за границей рекламъ для назиданія нашихъ читателей; но, для объясненія, приходится сказать, что одинъ изъ корреспондентовъ „Times“, человѣкъ, которому, очевидно, очень хорошо знакомо положеніе и относительное значеніе органовъ нашей печати, указалъ на наши слова именно какъ на искреннее, независимое заявленіе изъ русскаго общества. Отсюда гнѣвъ московской газеты на насъ и нареканія ея на англійскаго корреспондента, котораго она старается поставить въ противорѣчіе съ другими отзывами „Times“ о заявленіяхъ русской печати, выписывая одинъ изъ такихъ отзывовъ въ видѣ новаго похвальнаго себѣ аттестата. Гнѣвъ „Московскихъ Вѣдомостей“ на насъ былъ вызванъ еще тѣмъ обстоятельствомъ, что мы посмѣялись мимоходомъ надъ смѣшнымъ притворствомъ, съ какимъ та же газета ставила англійской печати въ укоръ и въ образецъ сдержанность печати русской, очень хорошо зная, что не всегда русская печать находится въ положеніи печати англійской. „Московскимъ Вѣдомостямъ“ пришлось теперь въ той же статьѣ, гдѣ онѣ выписываютъ новую иностранную рекламу своей важности, сознаться въ томъ школьничествѣ, нà которомъ мы, улыбаясь, поймали ихъ за ушко. Но тѣмъ сильнѣе эта вовсе не оффиціозная, но напыщенная газета сердится на насъ за такое легкое наказаніе. „Какого названія заслуживаетъ русскій органъ,—вопрошаетъ она,—который злорадно увѣряетъ иностранцевъ, что всѣ сужденія русской печати въ этомъ международномъ вопросѣ гроша не стóютъ?“ Предполагаемый отвѣтъ ясенъ—новая государственная измѣна со стороны „Вѣстника Европы“. Это забавно! Когда же мы увѣряли, что всѣ сужденія русской печати въ этомъ вопросѣ ничего не стоютъ? Всякій русскій голосъ въ защиту

русскихъ интересовъ имѣетъ цѣну; чѣмъ онъ правдивѣе, искреннѣе, тѣмъ больше его цѣна, какъ то очень хорошо понимаютъ и за границей. И наоборотъ. Какъ ни дурны съ нравственной стороны пріемы „Моск. Вѣд.“ вообще, мы не рѣшимся утверждать, что и въ ихъ словахъ въ защиту русскихъ интересовъ *все*—притворство, нѣтъ ничего искренняго. Поэтому и ихъ слова могутъ имѣть нѣкоторую цѣну, хотя бы ту, которую сама эта газета въ своемъ „униженіи паче гордости“ опредѣлила мѣдною монетой. Но мы утверждаемъ, что цѣна и ея заявленій была бы выше, если бы въ нихъ не было примѣси намѣренной фальши, разсчитаннаго, никого не обманывающаго и за границей притворства. Съ своей стороны мы нисколько не раскаяваемся въ томъ, что вывели „Моск. Вѣд.“ на „свѣжую воду“ и отзывъ англійскаго корреспондента о нашихъ словахъ лучшее доказательство, что наша печать наилучшимъ образомъ можетъ служить защитѣ интересовъ Россіи именно при отсутствіи всякаго притворства и погремушекъ мнимаго величія.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

12 (24) мая 1873.

ПАРЛАМЕНТСКІЕ ТРУДЫ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТІЕ.

Англичане считаютъ за высшую цѣль для политическаго честолюбія человѣка—сдѣлаться представителемъ своихъ согражданъ въ парламентѣ, и буквы М. Р. (*member of parliament*) являются магической вещью, передъ которой разверзаются двери всѣхъ салоновъ и которая даетъ право разсчитывать на вліяніе и власть, быть можетъ на постъ министра. Въ Германіи не то. Конечно, члены парламента взаимно оказываютъ другъ другу то уваженіе, которое имъ приличествуетъ, но внѣ палаты, въ обществѣ, придаютъ сравнительно мало значенія этому званію. За то несомнѣнно, что нигдѣ парламентскій трудъ не составляетъ такого тяжелаго бремени, какъ здѣсь. Въ каждомъ парламентѣ находится сравнительно немного членовъ, которые работаютъ, но за то эти послѣдніе совершенно завалены дѣломъ, чему немало содѣйствуетъ и нѣмецкая основательность. Нѣмецкіе парламенты, какъ извѣстно, дѣлятся не только на нѣсколько большихъ партій, но на множество фракцій, которыя зачастую различаются между собой самыми ничтожными оттѣнками во

мнѣніяхъ. Такъ, напримѣръ, въ рейхстагѣ существуютъ фракціи: крайняя правая, старо-консервативная, ново-консервативная, германская и имперская партія, либеральная имперская партія, центръ (ультрамонтаны), національные либералы, прогрессивная партія. Каждая изъ этихъ фракцій имѣетъ своего предсѣдателя и собирается на засѣданія, въ которыхъ обсуждается планъ кампаніи на всякій частный случай. Законопроекты, поступающіе въ рейхстагъ, обыкновенно передаются въ коммиссіи, которыя составляются такимъ образомъ, что каждая партія, смотря по своей численности, посылаетъ одного или нѣсколькихъ членовъ въ коммиссію, такъ что послѣдняя представляетъ собой все собраніе. Члены же коммиссіи въ свою очередь совѣщаются съ фракціями, получаютъ отъ нихъ инструкціи и извѣщаютъ ихъ о ходѣ событій. Зачастую происходятъ соглашенія между различными фракціями, которыя тогда присылаютъ другъ другу довѣренныхъ людей. Но этимъ дѣло не оканчивается: по особенно затруднительнымъ вопросамъ образуются такъ-называемыя вольныя коммиссіи, въ которыхъ принимаетъ участіе всякій, кто хочетъ. Надъ фракціями господствуетъ еще конвентъ сеньоровъ, состоящій изъ представителей всѣхъ фракцій и въ которомъ сообща обсуждаются всѣ дѣла. Представьте же себѣ положеніе такого члена, который засѣдаетъ въ десяткѣ подобныхъ коммиссій. Ему буквально часто не хватаетъ времени, чтобы пообѣдать, да зачастую онъ всѣ ночи проводитъ за работой. Такого рода занятія могутъ имѣть свою хорошую сторону, но они подрываютъ силы и здоровье, и отбиваютъ охоту къ парламентской дѣятельности у людей весьма способныхъ, но непривычныхъ къ такому непосильному труду. Не взирая на то, въ каждую сессію изготовляется огромная масса работы, и когда недавно въ англійской нижней палатѣ министръ высказалъ, по поводу проекта о преобразованіи избирательныхъ округовъ, что этотъ проектъ такъ затруднителенъ, что займетъ цѣлую парламентскую сессію, то это показалось почти комичнымъ, въ виду той массы законовъ, которые здѣсь выработываются въ одну сессію. Правда, постоянно толкуютъ, что такое положеніе дѣлъ — временное; что оно продержится лишь до тѣхъ поръ, пока Германія не насадитъ у себя такихъ же прочныхъ конституціонныхъ учрежденій, какъ тѣ, которыми наслаждается Англія: но со времени 25-лѣтняго конституціоннаго существованія еще не произошло въ этомъ отношеніи никакой перемѣны. Въ 1848-мъ году, впервые составлены были во Франкфуртѣ и въ Берлинѣ конституціи для Германіи и Пруссіи. Первая погибла въ колыбели; а послѣдняя въ теченіе десяти лѣтъ измѣнялась въ реакціонномъ духѣ. Новая эра (1858) принесла либеральные законы; наступила эпоха внутренняго кризиса, затѣмъ—

основаніе сѣверо-германскаго союза, и четыре года спустя—германской имперіи, которое сдѣлало необходимымъ цѣлый рядъ законовъ. Весь строй экономическаго законодательства былъ измѣненъ, введенъ новый уголовный кодексъ, завязалась борьба съ ультрамонтанами частію въ рейхстагѣ, частію въ прусскомъ ландтагѣ; окружное положеніе, банковый законъ, монетная система, право ассоціацій, законъ о печати и двадцать другихъ вопросовъ стояли или стоятъ на очереди, и оглянувшись на то, что сдѣлано въ послѣдніе два мѣсяца, я въ самомъ дѣлѣ не зналъ бы съ чего начать, если бы нѣкоторыя строчки послѣдняго иностраннаго обозрѣнія въ „В. Евр." не напомнили мнѣ, что первое мѣсто въ ряду совершившагося занимаютъ церковные законы.

Они уже внесены въ прусское законодательство, а поэтому пренія о нихъ представляютъ чисто ретроспективный интересъ, вслѣдствіе чего я и не намѣренъ приводить ихъ здѣсь. Я желаю упомянуть объ одномъ только: вся либеральная партія стояла за эти законы. Только Францъ Дункеръ въ палатѣ депутатовъ, да Грунеръ въ палатѣ господъ (первый—членъ прогрессивной, второй—членъ старолиберальной партіи) высказались противъ законовъ, съ либеральной точки зрѣнія, и Грунеръ при этомъ разсуждалъ точь-въ-точь такъ, какъ составитель иностраннаго обозрѣнія въ „Вѣстникѣ Европы". Грунеръ сказалъ, объявивъ вышеупомянутые законы крайне реакціонными: „Можно какъ угодно думать о правительственномъ проектѣ,—я цитирую стенографическій отчетъ [1],—можно считать его необходимымъ или излишнимъ, но не слѣдуетъ заблуждаться на счетъ того, что этотъ проектъ, если только онъ будетъ принятъ, сотретъ великій принципъ свободы въ нашихъ учрежденіяхъ; что если онъ будетъ принятъ, то вмѣсто великаго принципа свободы установится система бюрократическаго контроля и бюрократическаго вмѣшательства; что если этотъ проектъ будетъ принятъ, то не ограничится одними церковными дѣлами, но отброситъ насъ къ временамъ ужасающаго абсолютизма. Въ этомъ смыслѣ я называю эти законы крайне реакціонными. Если же я теперь спрошу, какимъ образомъ группируются относительно этихъ законовъ обѣ большія партіи, на которыя дѣлится это высокое собраніе, — вся страна, то вижу съ одной стороны, что та партія, которая до сихъ поръ считала своей обязанностью всегда дѣйствовать за-одно съ правительствомъ, поддерживать правительство, поддерживать власть, въ настоящемъ случаѣ рѣшилась стоять за принципъ свободы и вотировать противъ проекта правительства. Если же я погляжу на своихъ старыхъ друзей, на

---

[1]) 25-е засѣданіе палаты господъ, 24-го апрѣля.

либеральную партію въ этой палатѣ, на ту партію, которая считала своимъ призваніемъ всегда и насколько можно стоять за свободу совѣсти, то вижу, что она рѣшилась идти въ настоящемъ случаѣ по пути, указанному ей правительствомъ. То же самое зрѣлище представляетъ и другая палата".

Ораторъ затѣмъ изложилъ традиціи либеральной партіи: „Съ того времени, какъ парламентскія учрежденія все болѣе и болѣе укоренялись на континентѣ, и съ той поры, какъ въ послѣднюю четверть столѣтія и даже раньше того, образовалась либеральная партія, всегдашней аксіомой этой партіи было то, что церковь и государство должны быть отдѣлены другъ отъ друга. Этой мыслью была вполнѣ проникнута либеральная партія въ 1848-мъ году. Несправедливо, когда говорятъ теперь, что въ тѣ времена ошибочно, и благодаря малодушному компромиссу, внесена была въ тогдашнюю конституцію эта великая свободная мысль, этотъ великій принципъ свободы церкви. Въ ту эпоху въ трехъ различныхъ пунктахъ засѣдали законодательныя собранія: въ Берлинѣ, во Франкфуртѣ, въ Вѣнѣ. Результатъ былъ слѣдующій: въ конституціонныхъ рѣшеніяхъ, принятыхъ во франкфуртской церкви св. Павла, здѣсь и въ Австріи, признается принципъ свободы церкви, автономія и самостоятельность церкви. Во Франкфуртѣ и здѣсь засѣдали вожди тогдашней либеральной партіи, люди замѣчательные, высокаго патріотизма и высокаго ума. Эти люди очень хорошо знали, что̀ дѣлали, и когда здѣсь утверждаютъ, что они и весь тогдашній либерализмъ находились еще въ младенческомъ состояніи, то я позволю себѣ вамъ замѣтить, что это совершенно несправедливо, потому что немного лѣтъ передъ тѣмъ возникъ споръ между кёльнскимъ архіепископомъ и прусскимъ правительствомъ, въ которомъ обсуждались всѣ вопросы, касающіеся вообще отношеній между государствомъ и церковью, и за которымъ слѣдили всѣ мыслящія головы, всѣ выдающіеся авторитеты. Весь міръ былъ занятъ этими преніями; лишь немного лѣтъ спустя сошлись вышеупомянутыя собранія. Неужели же вы думаете, что люди съ такими высокими знаніями и дарованіемъ дѣйствовали тогда, какъ неопытныя дѣти, и внесли въ конституцію такого рода принципъ, хорошенько не сознавая его послѣдствій? Я полагаю, что избранные люди, которые засѣдали здѣсь и въ Паульскирхе, поступили не такъ. И если на этомъ самомъ основаніи я усматриваю нѣкотораго рода измѣну со стороны либеральной партіи, которая вотируетъ нынѣ противъ своихъ традицій, то тѣмъ поразительнѣе такой образъ дѣйствій со стороны крайней лѣвой. Всего же рѣзче поражаетъ онъ со стороны той партіи, которая въ 1861-мъ году организовалась въ Пруссіи, какъ германская прогрессивная пар-

тія, и осенью 1866-го г. распалась на національно-либеральную и прогрессивную партіи. Когда эта партія въ іюнѣ 1861 года обнародовала свою программу, то она выразилась въ ней буквально: „въ законѣ о народномъ образованіи и въ законѣ о бракѣ, должно быть удержано и завершено отдѣленіе церкви отъ государства“.

Ораторъ прибавляетъ, что въ послѣднія 20 лѣтъ всѣ четыре министра народнаго просвѣщенія, слѣдовавшіе одинъ за другимъ, оставались вѣрны этому принципу, котораго придерживался самъ князь Бисмаркъ до 1871 года. Въ эту эпоху декораціи сразу перемѣнились и потому именно, что партія центра вдругъ стала въ оппозицію. Чтобы сломить эту оппозицію, полагаетъ ораторъ, правительство измѣнило свое отношеніе и напоминаетъ о томъ, какъ прежняя „католическая фракція“ въ палатѣ депутатовъ (предшественница нынѣшней партіи центра) долгіе годы боролась заодно съ старо-либералами за конституцію, что даже самымъ реакціоннымъ министрамъ и въ голову не приходило сломить эту оппозицію посредствомъ измѣненія конституціи. Если вы дозволите лишить всякой почвы подобную оппозицію, посредствомъ отмѣны всѣхъ свободныхъ принциповъ, тогда—восклицаетъ Грунеръ—вы подпишете этимъ самымъ смертный приговоръ конституціонной жизни, тогда вы должны будете придти, какъ къ крайнему выводу, къ личной диктатурѣ въ парламентской формѣ. Послѣ этого ораторъ приводитъ въ примѣръ Бельгію, Голландію и Италію и заключаетъ пророчествомъ, что правительство не найдетъ выхода въ этихъ законахъ, но, напротивъ того, станетъ въ такое положеніе, что вынуждено будетъ принимать исключительныя мѣры относительно печати и права ассоціаціи, и тогда либеральная партія очутится въ ложномъ положеніи.

Я вѣрно анализировалъ эту рѣчь, одну изъ замѣчательнѣйшихъ, какія были произнесены противъ церковныхъ законовъ. Но, спрашивается теперь, откуда возникла эта ничѣмъ немотивированная перемѣна, эта измѣна либеральной партіи своимъ принципамъ? Неужели же эта партія, которая однако никогда еще не навлекала на себя упрека въ безхарактерности, вдругъ превратилась въ подобострастнаго угодника Бисмарка?

Такъ какъ я далъ здѣсь мѣсто *одному* воззрѣнію, то слѣдуетъ отвести такое же мѣсто и представителямъ противуположнаго мнѣнія. Съ этой цѣлью, мнѣ придется перенести васъ въ палату депутатовъ за четыре слишкомъ мѣсяца до того дня, когда раздалась рѣчь Грунера. 4-го (16-го) января началось въ палатѣ депутатовъ *первое* обсужденіе первыхъ 4-хъ церковныхъ законовъ, а именно касательно образованія и назначенія духовенства.

Въ этотъ день фонъ-Беннигсенъ, выдающійся членъ національно-

либеральной партіи, говорилъ въ пользу закона. Беннигсенъ говоритъ рѣдко, но не иначе какъ въ самыхъ важныхъ случаяхъ. Мнѣніе же его имѣетъ сильный вѣсъ. Я впередъ заявляю, что не имѣю намѣренія противупоставлять его Грунеру по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что онъ политикъ до мозга костей и, слѣдовательно, не особенно гонится за принципами, а, во-вторыхъ, потому, что ему не приходилось выгораживать прошлаго ни относительно себя, ни относительно своей партіи, ни оправдывать послѣднюю въ „измѣнѣ". Программа прогрессивной партіи, цитированная выше, не обязательна для національно-либеральной партіи, возникшей пять лѣтъ позже, хотя и изъ нѣдръ прогрессивной партіи. Въ силу этого, Беннигсенъ и не считалъ нужнымъ оправдывать свою партію въ какой бы то ни было измѣнѣ своимъ убѣжденіямъ. Но его доказательства въ пользу необходимости церковныхъ законовъ, для того, чтобы устранить превышеніе власти со стороны церковной іерархіи, такъ убѣдительны, что врядъ-ли можно что-либо возразить противъ нихъ. Онъ естественно коснулся событій 1848 года. Порядокъ отношеній между государствомъ и церковью, какъ его думали-было установить тогда, сказалъ онъ, былъ первой попыткой этого рода въ Германіи. О томъ, удачна ли или неудачна эта попытка, въ тѣ времена могли судить лишь на основаніи теоретическихъ соображеній; только опытъ могъ показать, не послужитъ ли подобнаго рода регулированіе отношеній между государствомъ и церковью ко вреду государства, не принеся при этомъ особой пользы церкви. Въ то время интересъ сосредоточивался, главнымъ образомъ, на другихъ отрасляхъ; въ то время дѣло шло о томъ, чтобы заложить первый фундаментъ національному государственному зданію, найти первыя прочныя формы конституціоннаго правленія для многихъ нѣмецкихъ странъ и, главное, для прусскаго государства. Политическія, національныя стремленія, задачи, которыя развивались на этой почвѣ и вступали въ такую ожесточенную борьбу другъ съ другомъ, поглощали общій интересъ до такой степени, что на долю всѣхъ остальныхъ вопросовъ уже не хватило вниманія, потому что они не казались такими важными и настоятельными. Тѣмъ, которые одни изъ всѣхъ партій—не исключая и правительства—совершенно ясно и сознательно вели все дѣло отъ начала и до конца, предоставлена была полная свобода дѣйствій. Такимъ образомъ, мы дожили до настоящихъ острыхъ симптомовъ: *Силлабуса*, *Энциклики* и притязаній Ватикана, который требуетъ такихъ отношеній между государствомъ и церковью, гдѣ церковь предоставляетъ самой себѣ опредѣлить границу своихъ правъ и обязанностей, какъ одного изъ условій своей божественной миссіи, какъ неотъемлемаго условія своего каноническаго права, которое до сихъ

поръ сохранялось во всей своей неприкосновенности. Я заявляю, что и теперешніе законы оставляютъ вполнѣ неприкосновенной самостоятельность церкви, въ ея внутреннихъ дѣлахъ. Въ этихъ законахъ не содержится ничего такого, что̀ бы могло препятствовать церкви, а именно католической, широко развиваться въ своихъ внутреннихъ сферахъ. Эти законы не затрогиваютъ ни догмата, ни символа, ни литургіи, ни вѣры, словомъ, ничего подобнаго. Но, конечно, настоящая борьба идетъ вовсе не изъ-за нихъ. Церковь заявляетъ теперь претензію на то, чтобы то отношеніе, которое существуетъ на фактѣ, которое во многихъ юридическихъ учрежденіяхъ исторически развивалось и должно развиваться между государствомъ и церковью,—чтобы вся эта обширная область зависѣла отъ ея доброй воли; она думаетъ, что ей только предлежитъ рѣшать, какія правила признаются ею, и оспариваетъ у государства право регулировать обоюдныя границы въ формѣ законодательства и конституціи... *Ecclesia militans* разрушала государства и производила революціи (тутъ безпокойство центра доходитъ до крайней степени, и ораторъ обращается прямо къ нему) не въ прошлыхъ вѣкахъ, но въ настоящемъ столѣтіи, въ новѣйшее время, — не достаточно ли напомнить вамъ, если вы желаете, примѣры Бельгіи, Испаніи? И вы хотите теперь прикинуться, что будто бы во всѣ времена бывали слабы и угнетаемы; будто бы правительство во всѣ времена могло разсчитывать на вашу покорность; будто бы поддержка, оказываемая вами правительству, разсчитана лишь на то, чтобы предотвратить тѣ великія опасности, которыя такое цивилизованное общество, какъ европейское, во всякое время таитъ въ своихъ нѣдрахъ. Кто не знаетъ изъ исторіи вашей церкви, или, лучше сказать, изъ исторіи клерикально-іерархической партіи, которая вообще охотно отожествляетъ себя съ католической церковью,—кто не знаетъ, что она колебала и разрушала государства, открыто или путемъ интригъ боролась съ правительствами или дѣйствовала такъ, какъ того требовали интересы, представляемые ею, или какъ приказывали тѣ, кому она повинуется; что она, смотря по обстоятельствамъ, бывала консервативной, либеральной, революціонной или какой угодно.

Вотъ что говорилъ Беннигсенъ. Но я долженъ еще цитироватъ рѣчь Вирхова, который говорилъ на слѣдующій день. Я уже упоминалъ о его рѣчи въ моемъ письмѣ, отъ 24-го (12-го) января [1], подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ. Я упоминалъ также и о томъ, что онъ во всѣ времена былъ неутомимымъ борцомъ за свободу. Теперь, когда я снова прочиталъ тѣ дебаты, то увидѣлъ, что мною не было прежде приведено то мѣсто его рѣчи, гдѣ онъ опровергаетъ упреки,

---

[1]) См. «Вѣстникъ Европы», февраль, стр. 876.

дѣлаемые „Вѣстникомъ Европы“ всѣмъ тѣмъ либераламъ, которые вотировали за церковные законы. Поэтому не излишне привести здѣсь это мѣсто, и съ тѣми перерывами, которые придают дебатамъ настоящій колоритъ. Вирховъ метнулъ нѣсколькими острыми стрѣлами въ епископовъ, которые такъ долго боролись на ватиканскомъ соборѣ противъ догмата о непогрѣшимости и затѣмъ внезапно признали его; онъ говорилъ о сдѣлкахъ клерикаловъ, готовыхъ служить всякой власти, лишь бы изъ этого вышла какая-нибудь польза для церкви, и прибавилъ:

„Но церковь сама по себѣ нисколько насъ не интересуетъ (депутатъ Виндгорстъ восклицаетъ при этомъ: „я думаю!“). То, что̀ насъ интересуетъ, это — *свобода личнаго религіознаго убѣжденія или религіознаго вѣрованія*. Называйте это какъ хотите. Мы требуемъ гарантіи въ томъ, что каждый воленъ вѣрить какъ ему угодно, но, милостивые государи, мы отрицаемъ, чтобы въ это вѣрованіе входила іерархія (восклицаніе въ центрѣ: „да! разумѣется, она входитъ въ него̀!“). Да, въ этомъ именно и заключается разница между нами. Для васъ іерархія является догматическимъ учрежденіемъ, духовенство, по вашему, принадлежитъ къ догмату, а этого мы не можемъ признать. Вотъ та ошибка, въ которую всегда впадало государство. Оно всегда допускало, чтобы іерархія считалась частью догмата. Да, милостивые государи, это дѣйствительно ведетъ къ отрицанію государства. Если оно допуститъ, что подданные имѣютъ право, въ смыслѣ свободы вѣры, признавать за неоспоримый догматъ всю церковную организацію, допускать непогрѣшимость папы, то этимъ въ самомъ дѣлѣ освящается мятежъ. Вѣдь если кто-нибудь скажетъ: на папу нападаютъ, *ergo* нападаютъ на мою вѣру, *ergo* я имѣю право сопротивляться правительству, то это будетъ лишь естественнымъ послѣдствіемъ такого положенія. Вотъ, милостивые государи, въ чемъ заключалась ошибка нашего правительства“.

По моему мнѣнію, никто вѣрнѣе и остроумнѣе не формулировалъ самой сущности всего спора. А заключеніе рѣчи Вирхова должно окончательно разсѣять всякія сомнѣнія насчетъ его настроенія:

„Мы видимъ въ этомъ уровень нѣмецкаго развитія и основаніе для сужденія, насколько наше рѣшеніе соотвѣтствуетъ нашему общему развитію, и я долженъ сказать, милостивые государи, что тотъ родъ учебныхъ заведеній, которыя предлагаетъ въ настоящее время правительство, — хотя вообще они мнѣ не симпатичны, будучи государственными заведеніями, — я значительно предпочитаю той спеціально-клерикальной организаціи, какая существуетъ въ настоящее время. Такъ какъ я сужу о законѣ не по сравненію съ абсолютно хорошимъ, къ которому слѣдуетъ стремиться, но по сравненію съ относительно хорошимъ, то, оставляя въ сторонѣ свои дальнѣйшія

желанія, перехожу къ очередному порядку дѣлъ и поддерживаю правительство въ тѣхъ стремленіяхъ, о которыхъ я долженъ признать, что они пригодны для того, чтобы помочь ему выпутаться изъ сѣтей церкви. Эти законы стремятся совершенно честно и открыто къ *эманципаціи государства.* Эту эманципацію государства, этотъ дѣйствительно *свѣтскій характеръ государства*, принимаемый имъ во всѣхъ его направленіяхъ,—вотъ что я радостно привѣтствую и буду поддерживать изъ всѣхъ силъ".

Все это клонится къ поясненію смысла церковныхъ законовъ и побудительныхъ причинъ, руководившихъ ландтагомъ при принятіи ихъ. Теперь спрашивается, какое дѣйствіе будутъ они имѣть? Съ этой цѣлью, прежде всего слѣдуетъ указать на тѣ три закона, которые уже были изданы въ томъ же направленіи, какъ и настоящіе церковные законы, а именно законъ о злоупотребленіяхъ каѳедры, законъ о надзорѣ за училищами и законъ объ изгнаніи іезуитовъ. Всѣ эти три закона вызывали такую же точно оппозицію со стороны ультрамонтановъ, всѣ вызывали у противниковъ самыя мрачныя предсказанія, и... между тѣмъ, эти законы мирно прошли и вступили въ силу, не создавъ ни серьёзной и опасной оппозиціи, ни мучениковъ. Судя по предыдущимъ рѣчамъ, можно было бы ожидать, что молодые, пылкіе капелланы станутъ постоянно и жестоко нападать на государство съ каѳедры и сотнями наполнять тюрьмы, чтобы доказать тираннію государства; но они ведутъ себя крайне осторожно, и рѣдко кто изъ нихъ навлекаетъ на себя обвиненіе [1]). Законъ о надзорѣ за училищами тоже безъ особыхъ затрудненій приводится въ исполненіе, а іезуиты удалились, не вызвавъ ничьей симпатіи. То же самое будетъ и съ церковными законами. Доказательствомъ тому можетъ служить то обстоятельство, что нѣмецкіе епископы, которые собрались-было въ прошедшемъ мѣсяцѣ въ Фульдѣ, съ цѣлью издать воинственный манифестъ, въ концѣ концовъ выпустили окружное посланіе къ своей паствѣ, которое плохо маскируетъ ихъ отступленіе. Въ этомъ окружномъ посланіи мы находимъ только два положительныхъ заявленія: паства должна признавать только тѣхъ пастырей истинными, которые признаны епископами за способныхъ и достойныхъ этого званія, и тѣ, которые вздумаютъ аппеллировать къ свѣтской власти противъ приговоровъ духовной, будутъ *ipso facto* отлучены отъ церкви. Что касается перваго пункта, то нельзя заранѣе сказать, какъ сложатся дѣла на практикѣ. Что касается второго пункта, то-есть отлученія отъ церкви, то данный законъ именно имѣетъ въ виду дать право аппеллировать въ извѣстныхъ случаяхъ

---

[1]) И самовольное измѣненіе конституціи въ 1850 году прошло безъ особыхъ затрудненій, но отъ этого нисколько не измѣнился его смыслъ. — *Ред.*

къ свѣтской власти противъ приговоровъ духовной, и изданъ съ цѣлью оградить низшее духовенство отъ притѣсненій высшаго. Конечно, законъ не навязываетъ своего покровительства духовнымъ лицамъ, но они знаютъ, что могутъ разсчитывать на подобное покровительство, и это сознаніе можетъ улучшить ихъ положеніе.

Но если бы у кого и оставалось сомнѣніе насчетъ истиннаго смысла окружного посланія, то оно должно быть разсѣяно извѣстіемъ, что во время конференціи часть епископовъ требовала болѣе энергичной политики. Въ числѣ ихъ называютъ епископовъ Эрмеландскаго и Мюнстерскаго, между тѣмъ какъ епископъ *in partibus*, Нѣмчановскій, высказался за болѣе умѣренный образъ дѣйствія.

Этого впрочемъ и слѣдовало ожидать, потому что римская церковь всегда отлично умѣла примѣняться къ обстоятельствамъ и уступать тамъ, гдѣ она ничего не могла сдѣлать силой. Только тогда, когда она имѣетъ дѣло съ слабѣйшимъ, похваляется она непоколебимостью своихъ принциповъ и невозможностью уступить.

Въ вопросѣ о церковныхъ законахъ, часть лютеранскаго духовенства шла рука объ руку съ ультрамонтанами. Но этотъ фактъ не можетъ возбуждать опасеній: во-первыхъ, число лютеранскихъ духовныхъ лицъ, примкнувшихъ къ ультрамонтанамъ, не велико, а во-вторыхъ, имъ не достаетъ того, что главнымъ образомъ довело Бисмарка до ненависти къ ультрамонтанамъ, — а именно *антинаціональности*. Сколько бы ни возставали лютеранскіе священники противъ церковныхъ законовъ, сколько-бы ни честили Бисмарка антихристомъ, они останутся всегда вѣрными подданными и хорошими патріотами. Подобные примѣры намъ извѣстны изъ англійской исторіи. Реформатскіе священники тамъ не рѣдко стояли въ оппозиціи, тѣмъ не менѣе никогда не составляли заговоровъ съ чужими странами противъ правительства.

Нѣсколько дней тому назадъ, при обсужденіи въ рейхстагѣ отчета объ управленіи Эльзасомъ и Лотарингіей, канцлеръ высказался вполнѣ ясно относительно этого предмета. Никто не доставляетъ германскому правительству столько хлопотъ въ этихъ частяхъ государства, какъ католическое духовенство. Оно не стѣсняется въ выборѣ средствъ и не преминуло пустить въ ходъ чудесныя видѣнія, съ цѣлью возбудить простой народъ. То тамъ, то тутъ появлялись такія видѣнія и возвѣщали возвращеніе французовъ; народъ стекался массами, пока наконецъ жандармы или солдаты не вмѣшивались въ дѣло. Виндгорстъ воспользовался упомянутымъ отчетомъ, чтобы напасть на имперское управленіе за рѣзкое обхожденіе съ католическимъ духовенствомъ и монахами. Виндгорстъ—извините за вульгарное сравненіе—производитъ на князя Бисмарка такое же дѣйствіе, какъ крас-

ное сукно на быка. Вамъ извѣстно изъ моихъ прежнихъ писемъ, что бывшій ганноверскій министръ имѣлъ большія связи при дворѣ и употреблялъ ихъ для интригъ противъ Бисмарка. Онъ очень уменъ, ловокъ, неутомимъ, всегда готовъ отразить ударъ на парламентскихъ турнирахъ, столь остроуменъ, что слушается съ удовольствіемъ даже противниками и настолько же полонъ ненависти къ Бисмарку, насколько Бисмаркъ къ нему. При этомъ онъ ничтожнѣйшій, а Бисмаркъ величайшій человѣкъ въ парламентѣ.

Не стану передавать колкостей и злыхъ выходокъ, которыя Бисмаркъ расточалъ въ томъ засѣданіи рейхстага: большая часть ихъ была облечена въ форму ироніи и утрачиваетъ силу внѣ парламентской обстановки. Только тотъ, кому эта обстановка хорошо знакома, можетъ оцѣнить рѣчь, приведенную отъ слова до слова, потому что реторическіе пріемы, употреблявшіеся прежде,—красивые періоды, полновѣсныя выраженія, высокій паѳосъ,—совершенно вышли изъ моды. Въ современныхъ парламентахъ господствуетъ разговорный стиль и лучшіе ораторы весьма скупы на паѳосъ и эффектъ, хотя Бисмаркъ обладаетъ въ высшей степени талантомъ къ этому. Стоитъ только припомнить его слова: „Мы не пойдемъ въ Каноссу!", которыя въ борьбѣ противъ ультрамонтановъ въ Германіи имѣли большее значеніе, чѣмъ всѣ остальныя рѣчи вмѣстѣ взятыя.

Въ настоящемъ случаѣ канцлеръ заключилъ свою рѣчь весьма сильной головомойкой, сказавъ въ защиту управленія Эльзасъ-Лотарингіей, за которое онъ отвѣтственъ:

„Сомнѣвайтесь въ нашемъ умѣньѣ, но не сомнѣвайтесь въ нашихъ честныхъ побужденіяхъ, нашемъ мужествѣ, нашей преданности дѣлу и рѣшимости отражать всѣ нападки!"

Въ этой рѣчи канцлеръ привелъ одно мѣсто изъ дипломатическаго донесенія объ Ирландіи, съ цѣлью показать, какъ повсюду ультрамонтаны затрудняютъ не-католическія правительства въ управленіи католическими подданными:

„Хотя ультрамонтаны и не проповѣдуютъ открыто возстанія, тѣмъ не менѣе ихъ поведеніе вредно для спокойствія страны. Коноводы ихъ хорошо знаютъ, что открытое знамя раздора привело бы только къ совершенному низложенію ультрамонтанской партіи и мятежниковъ. Но миръ и спокойствіе народа еще менѣе желательны для нихъ, чѣмъ открытое возстаніе. Органы ультрамонтановъ раздуваютъ огонь, возбуждаютъ до ожесточенія противъ протестантскаго населенія, стараются попрать уваженіе къ законамъ и авторитетъ начальства; взывая къ христіанскому терпѣнію, они способствуютъ распространенію неудовольствія въ народѣ и искажая факты мѣшаютъ

заживать старымъ ранамъ. Не заботясь о благѣ народа, они имѣютъ въ виду лишь усиленіе могущества Рима".

Виндгорстъ (при продолженіи преній въ слѣдующемъ засѣданіи) отвергалъ эти общія положенія, между тѣмъ извѣстно изъ хода преній по поводу ирландскаго церковнаго билля, во время которыхъ министерство Гладстона едва не пало, что ультрамонтаны рѣшили дѣло въ парламентѣ и всѣ либеральныя англійскія газеты были поражены такимъ неслыханнымъ событіемъ. Виндгорстъ сослался на то, что въ Россіи и Америкѣ взгляды правительства на церковную политику иные. Бисмаркъ отвѣчалъ относительно Россіи, что ему вѣроятно лучше извѣстно положеніе русскаго правительства, чѣмъ Виндгорсту; относительно Америки онъ умолчалъ. Извѣстно, что американцы съ опасеніемъ смотрятъ впередъ: римская церковь, имѣвшая тамъ вначалѣ лишь ничтожное число представителей, понемногу, вслѣдствіе ирландскихъ выселеній, пріобрѣла большое значеніе, и уже начинаетъ отъ время до времени показывать когти.

Кромѣ церковныхъ законовъ, прусскій ландтагъ, закрытый $^{20}/_{8}$ мая, послѣ семимѣсячной дѣятельности, съ нѣсколькими большими перерывами, — порѣшилъ еще нѣсколько весьма важныхъ законовъ, къ какимъ слѣдуетъ причислить новое окружное положеніе. Объ окружномъ положеніи я уже сообщалъ, а изъ важныхъ вопросовъ мнѣ остается упомянуть только объ одномъ, недавно рѣшенномъ, а именно о займѣ въ 120 милліоновъ талеровъ на постройку новыхъ желѣзныхъ дорогъ и на усиленіе текущихъ средствъ уже существующихъ. Предложеніе это было внесено въ палату депутатовъ еще $^{19}/_{7}$ декабря (двѣ главныя линіи: одна изъ Берлина въ Вецларъ, для болѣе прямого соединенія восточныхъ провинцій государства съ западными, стоимость ея постройки $50^{3}/_{4}$ милл. талеровъ, и другая отъ Кобленца, черезъ Триръ къ границѣ, — для соединенія съ Эльзасомъ; стоимость этой линіи $20^{3}/_{4}$ милл. талеровъ), но различныя обстоятельства мѣшали осуществленію закона. Во-первыхъ, противъ него была партія, не сочувствовавшая расширенію государственнаго желѣзно-дорожнаго дѣла; второй же и главной причиной проволочки этого закона было недовѣріе палаты депутатовъ къ министру торговли, графу Иценплицу, управленіе котораго желѣзно-дорожнымъ дѣломъ привело къ столь тяжелымъ нападкамъ. Это послѣднее препятствіе было устранено тотчасъ послѣ возвращенія императора Вильгельма изъ Петербурга, назначеніемъ Ахенбаха на мѣсто Иценплица. Съ этимъ назначеніемъ разъяснилось, что и вышеупомянутая оппозиція была не серьёзна.

Графъ Иценплицъ держался весьма простого принципа въ своей желѣзно-дорожной политикѣ. Онъ исходилъ изъ того, что постройка

большихъ дорогъ должна производиться государствомъ, а мелкихъ— частными лицами. Но такой принципъ нельзя провести послѣдовательно. Новый министръ уклонился, при обсужденіи закона, отъ представленія программы своей желѣзно-дорожной политики, такъ какъ коммиссія, учрежденная указомъ отъ 14 февраля, вслѣдствіе заявленій Ласкера, для обсужденія желѣзно-дорожнаго закона, еще не окончила своихъ работъ. Но онъ заявилъ, что ему было бы пріятно раздѣлить отвѣтственность относительно выдачи концессій. Онъ указалъ на то, что вопросъ кому строить дороги, государству или частнымъ лицамъ, не можетъ считаться открытымъ: двѣ трети прусскихъ дорогъ построены частными лицами, правительство зачастую и не располагало средствами для постройки, и подобныя времена могутъ повториться. Когда, нѣсколько дней спустя, законъ поступилъ въ палату господъ, министръ заявилъ еще опредѣленнѣе, что онъ желаетъ допустить свободную конкурренцію государственныхъ и частныхъ дорогъ, но что для послѣднихъ требуется надзоръ. Иначе они примутся безпощадно извлекать выгоды изъ своихъ привилегій, а ропотъ въ публикѣ такъ ростетъ, что правительству придется уступить и взять желѣзно-дорожное дѣло въ свои руки; или же они будутъ губить другъ друга безграничной конкурренціей и, погибая, взывать къ помощи правительства.

Между предложеніями, разсмотрѣнными до сихъ поръ *рейхстагомъ*, наиболѣе важныя въ политическомъ отношеніи: о распространеніи компетентности Союза на все гражданское право и объ учрежденіи желѣзно-дорожнаго вѣдомства. Что касается перваго, то имперская конституція предоставила Союзу только нѣкоторую часть гражданскаго права, но либералы постоянно настаивали на распространеніи компетентности Союза на все гражданское право. Вопросъ этотъ, какъ понятно, сводится на чисто-политическій, потому что единственная причина, побуждавшая нѣкоторыя правительства противиться компетентности Союза въ гражданскомъ правѣ, состоитъ въ предстоящей утратѣ части верховной власти отдѣльными государствами. Дебаты (3 апрѣля) были незначительны, но тѣмъ значительнѣе было заявленіе, сдѣланное Дельбрюкомъ: препятствія, мѣшавшія правительствамъ принять предложеніе, вполнѣ или почти устранены; въ союзномъ совѣтѣ въ непродолжительномъ времени будетъ достигнуто полное единогласіе или по крайней мѣрѣ требуемое большинство относительно этого вопроса, и союзныя правительства намѣрены въ такомъ случаѣ, вмѣстѣ съ провозглашеніемъ конституціи, созвать коммиссію для выработки гражданскаго кодекса (для всей Германіи).

Эти слова вызвали громкое одобреніе собранія, вполнѣ справед-

ливое, такъ какъ введеніе однообразнаго гражданскаго права для всей Германіи еще крѣпче свяжетъ Германію воедино.

Напомню при этомъ, что уголовное право существуетъ одно для всей Германіи, уголовный кодексъ сѣверо-германскаго союза распространенъ на всю имперію. Военный уголовный кодексъ также введенъ во всей имперіи. Въ настоящее время засѣдаютъ двѣ коммиссіи, изъ которыхъ одна обсуждаетъ военное уголовное судопроизводство, а другая гражданское уголовное судопроизводство. Проектъ послѣдняго принадлежитъ Фридбергу, подъ предсѣдательствомъ котораго былъ разработанъ проектъ уголовнаго права. Этотъ человѣкъ принадлежитъ къ числу талантовъ перваго разряда, которыми Германія можетъ поистинѣ гордиться и которыхъ Бисмаркъ съ поразительной ловкостью съумѣлъ привлечь къ дѣламъ; таковы: Дельбрюкъ, Кампгаузенъ, Фалькъ, Ахенбахъ, Стефанъ, Михаэлисъ и многіе другіе. Проектъ уголовнаго судопроизводства, который былъ публикованъ раньше, чѣмъ поступилъ въ коммиссію, возбудилъ однимъ своимъ пунктомъ бурю въ общественномъ мнѣніи. Онъ устраняетъ судъ присяжныхъ и замѣняетъ его *Schöffengericht*. Выраженіе *Schöffe* даже для нѣмца довольно непонятно, хотя каждому ребенку приходилось слышать въ школѣ, что при *Vehmgerichten*, *Schöffen* произносили рѣшеніе надъ обвиняемымъ. *Schöffen*, по первоначальному своему значенію, суть міряне, исправляющіе судейскія обязанности. Слѣды этого древне-германскаго судоустройства почти совсѣмъ исчезли. Наши присяжные произносятъ рѣшеніе только относительно факта, юридическая же сторона дѣла предоставлена судьямъ. Нѣмецкіе юристы уже давно недовольны судомъ присяжныхъ и проектъ уголовнаго судопроизводства замѣняетъ его учрежденіемъ *Schöffengericht*, гдѣ ученые и неученые судьи обсуждаютъ сообща и самый фактъ, и примѣненіе къ нему закона. Сторонники суда присяжныхъ выставляютъ главнымъ образомъ противъ *Schöffengericht* то обстоятельство, что не-спеціалисты не будутъ рѣшаться вступать въ споры съ учеными, и, такимъ образомъ, будутъ имъ подчиняться. Упомянутая коммиссія для обсужденія проекта высказалась недавно огромнымъ большинствомъ за *Schöffengericht*, но подлежитъ большому сомнѣнію, чтобы рейхстагъ согласился съ такимъ мнѣніемъ коммиссіи. По крайней мѣрѣ нѣкоторые отдѣльные ландтаги (саксонскій и вюртембергскій) объявили себя противъ устраненія суда присяжныхъ и имперское правительство не станетъ, конечно, въ угоду нѣсколькимъ юристамъ, ставить препятствія къ довершенію великой реформы.

Второй важный шагъ къ усиленію имперской центральной власти состоитъ въ рѣшеніи учредить имперское желѣзно-дорожное вѣдомство, состоящее изъ предсѣдателя и нѣсколькихъ совѣтниковъ, упол-

номоченныхъ исполнять обязанности, указанныя въ имперской конституціи относительно желѣзныхъ дорогъ [1]). Князь Бисмаркъ встрѣтилъ предложеніе съ большимъ сочувствіемъ, что совершенно понятно, такъ какъ весьма вѣроятно, что предложеніе было внесено по его желанію; во всякомъ же случаѣ предварительно было имъ одобрено. По логикѣ слѣдовало бы собственно предпослать имперскій желѣзно-дорожный законъ учрежденію желѣзно-дорожнаго вѣдомства, но депутаты были того мнѣнія, — и ихъ нельзя въ этомъ упрекать, — что выработка закона потребуетъ очень много времени, а если вѣдомство разъ существуетъ, то и дѣло для него, и законъ найдутся. Какъ видите, практическая политика дѣлаетъ успѣхи въ рейхстагѣ и достигаетъ значительныхъ результатовъ. Учреждается одно вѣдомство за другимъ, и каждое представляетъ собой звено цѣпи, которая связываетъ все крѣпче и крѣпче воедино Германію. Достигнутые со времени основанія имперіи — немного болѣе двухъ лѣтъ — результаты колоссальны, и политика князя Бисмарка, въ этомъ отношеніи, достойна удивленія. Всякій разъ, какъ только вносился какой-нибудь проектъ, имѣющій въ виду великое объединеніе, мелкія государства возставали противъ него. Въ такихъ случаяхъ Пруссія принимала на себя пассивную роль и заявляла только, что хотя и не имѣетъ ничего противъ проекта, но ни подъ какимъ предлогомъ не воспользуется принадлежащимъ ей большинствомъ въ союзномъ совѣтѣ, чтобы принудить своего союзника. Вслѣдъ затѣмъ, проектъ принимается рейхстагомъ; союзный совѣтъ отклоняетъ его. Пресса поднимаетъ тревогу противъ партикуляристовъ, а также и противъ Пруссіи, которая оказалась, по ея мнѣнію, недостаточно энергична. Кто въ подобное время составитъ себѣ сужденіе на основаніи отзывовъ прессы, можетъ подумать, что Бисмаркъ совершенно утратилъ свою энергію, что онъ боится мелкихъ государствъ, что стремленіе къ единству угасаетъ, и что все идетъ какъ нельзя хуже. Черезъ нѣсколько времени подобныя жалобы прекращаются, на слѣдующей сессіи рейхстага проектъ снова появляется, встрѣчая уже болѣе слабую оппозицію. Можетъ быть еще потребуется третья сессія, но тогда уже навѣрное проектъ проходитъ съ полнымъ успѣхомъ, безъ всякой усиленной поддержки со стороны Пруссіи.

Образованіе инвалиднаго фонда для всей имперіи, одобренное нѣсколько дней тому назадъ рейхстагомъ, можетъ считаться также шагомъ къ объединенію. Законъ 8 іюля 1872 года относительно фран-

---

[1]) Желѣзно-дорожное дѣло подлежитъ надзору со стороны имперіи, а также имперскому законодательству.

цузской контрибуціи предоставилъ имперіи 1,500 милліоновъ франковъ на покрытіе расходовъ, причиненныхъ войной. Изъ этого закона союзное правительство вывело, что расходы по инвалиднымъ пенсіонамъ должны производиться не изъ средствъ отдѣльныхъ государствъ, но изъ упомянутыхъ $1^{1}/_{2}$ милліардовъ. Но такъ какъ противно здравому смыслу хранить безъ движенія столь значительный капиталъ въ теченіе по крайней мѣрѣ 60 или 70 лѣтъ, пока не умретъ послѣдній инвалидъ войны 1870—71 годовъ, то новый законъ предлагаетъ образовать фондъ, который помѣстить на проценты и тратить понемногу, такъ чтобы его хватило до тѣхъ поръ, пока еще есть на лицо инвалиды. Для этой цѣли была вычислена сумма, потребная для инвалидовъ имперіи въ настоящее время; затѣмъ, по разсчету вѣроятности, продолжительность ихъ жизни и изъ этихъ двухъ данныхъ опредѣленъ капиталъ, потребный для производства пенсіоновъ.

Напримѣръ, 17 генераловъ и генералъ-лейтенантовъ сдѣлались инвалидами на войнѣ. Среднее число ихъ лѣтъ 58, общая сумма пенсіона 50,735 талеровъ, т.-е. среднимъ числомъ на каждаго 3,000 талеровъ. Средняя продолжительность жизни, по разсчету вѣроятности, 16 лѣтъ. Изъ этихъ данныхъ весьма просто вычислить размѣръ капитала, а также размѣръ ренты, для чего только слѣдуетъ знать, какой процентъ онъ будетъ приносить. При $3^{1}/_{2}$% потребуется капиталъ для инвалиднаго фонда въ 200 милліоновъ; при 4%, принятыхъ правительствомъ за основаніе разсчета, — 187 милліоновъ: въ этомъ размѣрѣ и было сдѣлано предложеніе правительства, одобренное рейхстагомъ послѣ довольно оживленныхъ преній, во время которыхъ самый принципъ совсѣмъ не оспаривался. Главнымъ спорнымъ пунктомъ былъ вопросъ, въ какія бумаги слѣдуетъ вложить капиталъ. Большинство рейхстага не скрывало отъ себя, что правительство пріобрѣтаетъ, вмѣстѣ съ столь значительнымъ фондомъ, громадную силу, и нѣкоторые ораторы высказывали даже мнѣніе, что было бы правильнѣе производить пенсіоны инвалидамъ изъ текущихъ доходовъ государства, т.-е. изъ налоговъ, но въ концѣ концовъ сами же они отказывались отъ этой мысли, потому что руководящей идеей въ этомъ вопросѣ была возможно прочная организація общаго управленія инвалидами для всей Германіи, и, съ другой стороны, предоставленіе правительству, для всякихъ случайностей, значительной суммы, которой бы оно могло располагать въ каждую минуту. Хотя, несмотря на то, въ законѣ и сдѣланы всѣ возможныя оговорки, какъ разъ съ противоположной цѣлью, но сила солому ломитъ и, въ случаѣ нужды, правительство поступитъ по примѣру, данному Бисмаркомъ во время внутренняго столкновенія, и возьметъ

деньги тамъ, гдѣ можетъ. Такъ какъ сверхъ упомянутыхъ 187 милліоновъ, правительство получило 72 милліона на перестройку укрѣпленій,—сумма, которая также будетъ тратиться понемногу, въ теченіи многихъ лѣтъ,—то общая сумма, которой оно располагаетъ, достигаетъ весьма большихъ размѣровъ. Къ тому же, прусское правительство располагаетъ еще вышеупомянутыми 120-ю милліонами, предоставленными ему на постройку желѣзныхъ дорогъ.

Изъ числа длиннаго ряда законовъ, разсмотрѣнныхъ до сихъ поръ рейхстагомъ въ текущую сессію, мнѣ остается упомянуть о двухъ: законѣ о натуральныхъ воинскихъ повинностяхъ и монетномъ законѣ. Первый устанавливаетъ натуральныя повинности для населенія въ случаѣ войны (постой, лошади и т. п.) и вознагражденіе за нихъ, равномѣрное для всей Германіи; въ новомъ законѣ приняты за основаніе прусскіе порядки, въ которыхъ сдѣланы только незначительныя измѣненія. Второй въ теченіи нѣсколькихъ недѣль держалъ въ крайнемъ возбужденіи всѣхъ финансистовъ рейхстага, и обсужденіе его было весьма интересно.

На основаніи 4-го параграфа № 3-го имперской конституціи, установленіе системы мѣры, вѣса и монеты, а также выпускъ процентныхъ и безпроцентныхъ бумагъ, предоставлены законодательству рейхстага. Вслѣдствіе этого, принятая еще въ 1868 году сѣверогерманскимъ союзомъ система мѣры и вѣса была распространена въ 1871 на всѣ государства имперіи. Оставалось установить монетную систему. Еще въ ноябрѣ 1871 г. рейхстагъ приступилъ къ обсужденію этого предмета, но ограничился въ то время изданіемъ закона относительно чеканки золотой монеты. Въ свое время я сообщалъ объ этомъ обстоятельно [1]), теперь же припомню, что законъ 4-го декабря 1871 года установилъ чеканку золотыхъ монетъ въ 10 и 20 марокъ, къ чему немедленно и было приступлено. Этимъ закономъ былъ рѣшенъ въ принципѣ вопросъ о переходѣ къ золотой единицѣ, хотя въ немъ и не упоминалось объ исключительности такой единицы; напротивъ, извлеченіе крупныхъ серебряныхъ монетъ изъ обращенія предоставлялось другому закону, который долженъ былъ послѣдовать. Новыхъ золотыхъ монетъ отчеканено всего на сумму свыше 600 милліоновъ марокъ; изъ нихъ, за вычетомъ 120 милліоновъ на военный фондъ, около 500 милліоновъ готовы для обращенія. Чеканка серебряной монеты одновременно была пріостановлена; находящаяся въ обращеніи понемногу извлекается. Но можетъ пройти еще много времени, пока эта процедура придетъ къ концу, частью потому, что потребное для обращенія количество золотой и раз-

---

[1]) См. «Вѣстникъ Европы», декабрь 1871 г., стр. 871 и слѣдующія.

мѣнной монеты не можетъ быть такъ быстро отчеканено, частью же потому, что весьма трудно сбыть за границу обращающееся въ настоящее время серебро, такъ какъ всѣ страны переходятъ къ золотой единицѣ. Оставить серебряную монету на ряду съ золотой нельзя, во-первыхъ, потому, что *слишкомъ большой* избытокъ монеты производитъ вредное повышеніе цѣнъ, во-вторыхъ же, потому, что при всякомъ колебаніи отношенія цѣнности между золотомъ и серебромъ сравнительно болѣе дешевый металлъ вытѣснитъ болѣе дорогой. Бамбергеръ изложилъ это съ чрезвычайной ясностью во время преній въ ноябрѣ 1871 года. Вопросъ о двойной монетной единицѣ, говорилъ онъ, сводится обыкновенно на то, что должникъ долженъ имѣть возможность удовлетворять заимодавца, по желанію, золотомъ *или* серебромъ. Это право похоже на то, какъ будто человѣкъ отъ природы снабженъ двумя карманами, однимъ съ золотомъ, а другимъ съ серебромъ, и платитъ тѣмъ, чѣмъ ему пріятнѣе. На дѣлѣ бываетъ не такъ. Всякій платитъ тѣмъ, что у него есть, а это зависитъ отъ движенія торговли; весьма немногіе оставляютъ лежать изъ году въ годъ запасы денегъ, большинство же достаетъ ихъ когда нужно. Въ состояніи ли при этомъ должники платить серебромъ, если на денежномъ рынкѣ бо́льшій спросъ на золото, чѣмъ на серебро? Такъ на дѣлѣ и не случается, а бываетъ слѣдующимъ образомъ: На денежномъ рынкѣ внезапно явился спросъ на серебро. Крупные купцы обращаются на міровые денежные рынки, въ такія мѣста, гдѣ существуетъ двойная единица, и стараются пріобрѣсти серебро изъ депозитовъ банковъ. Какъ только банки это замѣтятъ, — а они замѣтятъ это, понятнымъ образомъ, весьма скоро,—то начинаютъ платить не серебромъ, а золотомъ. Вслѣдствіе этого, обращаются за серебромъ къ другимъ, болѣе мелкимъ источникамъ; пускаютъ въ ходъ мѣнялъ, которые скупаютъ серебро внутри страны. Такимъ образомъ, часть серебра переходитъ въ руки мѣнялъ, другая лежитъ у банкировъ и въ обращеніи само собою остается, главнымъ образомъ, золото. Вообще, въ странѣ съ двойной единицей всегда будетъ въ обращеніи тотъ металлъ, который въ данный моментъ, сравнительно, дешевле, что̀ конечно невыгодно съ экономической стороны.

Въ проектѣ новаго закона опредѣляется для Германіи золотая единица. Единицей счета служитъ марка. Правительство предлагаетъ, кромѣ 10 и 20-ти-марковыхъ золотыхъ монетъ, установленныхъ закономъ 4 декабря 1871 года, чеканить серебряныя монеты слѣдующаго достоинства: въ 5 марокъ, въ 1 марку, въ $^1/_2$ марки и въ $^1/_5$ марки; изъ никкеля: въ 10 пфенниговъ и въ 5 пфенниговъ, и мѣдныя: въ 2 пфеннига и въ 1 пфеннигъ. Послѣ продолжительныхъ, весьма оживленныхъ преній рейхстагъ принялъ нѣкоторыя измѣненія въ

проектѣ правительства, изъ которыхъ главнѣйшія заключаются въ томъ, что на ряду съ серебряной монетой въ 5 марокъ должна чеканиться и золотая того же достоинства, и что между серебряной монетой въ 5 марокъ и въ 1 марку, должна быть введена промежуточная въ 2 марки. Правительство съ большой энергіей боролось противъ введенія двухмарковой монеты и одно время можно было опасаться изъ-за этого пункта за весь законъ. Монета въ 2 марки равняется австрійскому гульдену, а это заключаетъ въ себѣ двоякую опасность. Во-первыхъ, гульденъ лежитъ въ основанія австрійской монетной системы; многіе, а именно южно-германцы, желаютъ, чтобы онъ былъ введенъ за основаніе и въ Германіи, и если на ряду съ маркой останется гульденъ, то весьма вѣроятно, что онъ помѣшаетъ маркѣ прививаться въ народѣ. Вторая опасность состоитъ въ слѣдующемъ: сущность размѣнной монеты заключается въ томъ, что ея дѣйствительная цѣнность гораздо ниже номинальной, почему она и принимается только при незначительныхъ платахъ. Такъ, напримѣръ, по новому монетному закону, никто не обязанъ принимать въ уплату серебряной монетой болѣе, чѣмъ на 20 марокъ, а никкелевой и мѣдной на одну марку. Если цѣнность серебра (относительно золота) понизится, а это уже существуетъ на дѣлѣ, то Австрія будетъ его скупать, перечеканивать на гульдены, отправлять въ Германію и такимъ образомъ, не прямымъ путемъ, обмѣнивать на золото. Во время преній, Дельбрюкъ положительно заявилъ, что такъ дѣлается уже въ настоящее время, въ чемъ каждый можетъ убѣдиться собственными глазами, такъ какъ страна переполнена австрійскими гульденами. Конечно, правительство приметъ съ своей стороны мѣры противъ такого наплыва австрійской монеты: подтвердитъ существующее запрещеніе принимать гульдены въ общественныхъ кассахъ и, наконецъ, издастъ запрещеніе принимать эту монету при частныхъ расплатахъ, но это повлечетъ за собой нѣкоторыя неудобства и можетъ заставить потерпѣть убытки невинныхъ.

Записка правительства представляетъ интересный обзоръ, изъ котораго видно, сколько различныя страны доставили золота для чеканки новой монеты. Чеканнаго золота (т.-е., для переплавки) заготовлены слѣдующія количества: I. Въ Германіи: 273½ милліона франковъ въ 20, 10 и 5-франковыхъ монетахъ, въ томъ числѣ 106 милліоновъ франковъ изъ французской контрибуціи, 48,857 *фунтовъ* франковаго золота, 1.915,978 *штукъ* совереновъ, 13,531 *фунтовъ* русскихъ имперіаловъ, 600 *фунтовъ* американскихъ долларовъ и орловъ, 2614 *фунтовъ* золота въ полосахъ, 332 *фунта* испанскихъ золотыхъ, 669,668 *штукъ* прусскихъ фридрихсдоровъ, 217,819 *штукъ* германскихъ кронъ, 8418 *штукъ* австрійскихъ кронъ. II. Въ Англіи: 3 мил-

ліона 33,897 унцовъ золота въ полосахъ, 193,194 унца американскихъ золотыхъ и 273,950 унцовъ наполеондоровъ. Общая стоимость этой массы золота вычислена въ 211 милліоновъ талеровъ.

Еще болѣе жаркая борьба,—чѣмъ по поводу гульдена,—была вызвана однимъ прибавленіемъ, гласящимъ, чтобы до 1 января 1875 года были вынуты изъ обращенія всѣ банковые билеты, цѣнность которыхъ обозначена не имперской единицей, и чтобы, начиная съ этого срока, остались въ обращеніи и вновь выпускались только банковые билеты, стоимостью не менѣе, чѣмъ въ 100 марокъ.

То же самое должно относиться и къ государственнымъ кредитнымъ билетамъ. Противъ послѣдняго правительство возстало самымъ рѣшительнымъ образомъ и заявило о невозможности такого постановленія, изъ уваженія къ мелкимъ государствамъ, изъ которыхъ нѣкоторыя выпустили весьма значительныя количества бумажныхъ денегъ. Кампгаузенъ, правда, выразилъ мысль о постепенномъ уничтоженіи бумажныхъ денегъ отдѣльныхъ государствъ и замѣнѣ ихъ имперскими кредитными билетами. Этотъ вопросъ остался пока нерѣшеннымъ.

Говоря о дѣятельности рейхстага, нельзя не упомянуть о двухдневныхъ, весьма важныхъ въ политическомъ отношеніи, преніяхъ, происходившихъ 16 и 17 мая, о которыхъ я упомянулъ уже выше. Рейхстагу былъ представленъ второй годичный обзоръ законоположеній и управленія въ Эльзасъ-Лотарингіи (на основаніи § 3, закона 9 іюня 1871 г.), вызвавшій продолжительныя пренія. Управленіе порицалось главнымъ образомъ съ двухъ сторонъ: ультрамонтанами, недовольными изгнаніемъ іезуитовъ и строгими мѣрами противъ орденскихъ обществъ, и господиномъ Зоннеманномъ, ультрадемократическимъ депутатомъ отъ Франкфурта, вступившимся за якобы угнетаемыхъ французовъ въ Эльзасъ-Лотарингіи. Самый отчетъ по управленію весьма сухъ; онъ приводитъ только факты, обходя всякія разсужденія. Пренія не привели ни къ какому результату. Но кто возьмется рѣшить, достигнуто-ли все, чего можно было достигнуть, или, что при другихъ условіяхъ можно было достигнуть бóльшаго? А на этомъ вертится весь вопросъ. Одно несомнѣнно: сліяніе съ Германіей совершается медленно, но въ этомъ отношеніи Бисмаркъ никогда не заблуждался и еще разъ упомянулъ во время преній, что онъ вовсе не желалъ присоединенія обѣихъ провинцій и только уступилъ необходимости въ военномъ отношеніи,—признаніе, въ искренности котораго можно немного усомниться. Весьма важно сдѣланное заявленіе, что имперская конституція будетъ введена въ эти провинціи съ 1-го января слѣдующаго года—если до того времени не произойдетъ ничего особеннаго (на основаніи вышеприве-

деннаго закона, имперская конституція должна была быть введена еще съ 1-го января 1873 г., но закономъ 20 іюня 1872 г. введеніе ея отсрочено на одинъ годъ). Такимъ образомъ, на слѣдующей сессіи рейхстага будутъ участвовать представители Эльзасъ-Лотарингіи. Смѣлый опытъ съ наборомъ далъ слѣдующій результатъ: изъ 33,475 человѣкъ, обязанныхъ служить, явилось къ сроку 7454—число довольно значительное; кромѣ того поступило на службу 500 вольноопредѣляющихся.

Когда я подумаю, сколько важныхъ предметовъ, бывшихъ на обсужденіи рейхстага, приходится мнѣ оставить незатронутыми, то невольно дивлюсь дѣятельности этого парламента, засѣдающаго всего два мѣсяца съ небольшимъ. Приходится признать, что парламентская машина несравненно лучше дѣйствуетъ въ Германіи, нежели въ Пруссіи, несмотря на то, что рейхстагъ находится въ зависимости отъ союзнаго совѣта, не имѣющаго, правда, значенія верхней камеры, но представляющаго собой многоголовое и тяжелое на подъёмъ учрежденіе, которое подготовляетъ всѣ предложенія для рейхстага и можетъ одобрить или отвергнуть его рѣшеніе. Какихъ только не было слишно жалобъ вначалѣ на союзный совѣтъ, какихъ не было предсказаній относительно его безплодности. Организація его весьма проста: президентъ (императоръ), союзный совѣтъ и комитеты совѣта. Въ средѣ этихъ трехъ элементовъ рѣшаются всѣ дѣла, и тѣмъ легче и скорѣе, что всѣ они съ внѣшней стороны составляютъ одно цѣлое. Коммиссіи избираются изъ членовъ самого союзнаго совѣта, раздѣляющихъ такимъ образомъ трудъ между собой. Первоначально комитеты этого учрежденія были составлены по образцу постоянныхъ комитетовъ Сѣверо-Германскаго Союза: военный комитетъ, техническая военная коммиссія, вѣдѣнію которой подлежали крѣпости, коммиссія для исполненія постановленій Союза *(Bundesexecutionscommission)*, коммиссія для разбора частныхъ просьбъ, адресованныхъ въ союзное собраніе *(Reclamationscommission)*, коммиссія для наблюденія за дѣятельностью представителей сословій въ отдѣльныхъ государствахъ. Къ семи постояннымъ комитетамъ Сѣверо-Германскаго Союза имперская конституція присоединила еще комитетъ для иностранныхъ дѣлъ; впослѣдствіи образовались еще три комитета: по дѣламъ Эльзасъ-Лотарингіи, административный и законодательный. Составъ комитета, относительно числа членовъ и представителей отъ отдѣльныхъ государствъ, разъ навсегда опредѣленъ; комитеты избираются на годъ, но по истеченіи этого срока члены могутъ быть избраны снова.

Дѣлопроизводство союзнаго совѣта вообще весьма просто. Всякій болѣе или менѣе значительный вопросъ передается въ подлежащій

комитетъ; союзный совѣтъ выслушиваетъ докладъ комитета и въ случаѣ согласія съ его мнѣніемъ, выраженнаго простымъ большинствомъ голосовъ, передаетъ дѣло черезъ имперскаго канцлера въ рейхстагъ.

Весьма способствуетъ быстрому ходу дѣлъ то обстоятельство, что ничего не сказано о необходимости извѣстнаго числа наличныхъ членовъ союзнаго совѣта для постановленія рѣшеній, а также объ инструкціяхъ для членовъ его. Въ статьѣ 7-й конституціи значится просто: „не находящіеся налицо и не снабженные инструкціями голоса не считаются". Первый комментаторъ конституціи Сѣверо-Германскаго Союза, которая почти цѣликомъ вошла въ конституцію имперіи, Гирземенцель замѣчаетъ по этому поводу, что въ присутствіи союзнаго канцлера, или лица замѣняющаго его, рѣшенія могутъ постановляться при *всякомъ* числѣ наличныхъ и снабженныхъ инструкціями голосовъ. Въ той же статьѣ значится, что всякій членъ союзнаго совѣта долженъ самъ заботиться о своей инструкціи. Въ прежнемъ Германскомъ Союзѣ, всякій представитель былъ обязанъ подавать голосъ сообразно съ своей инструкціей, и въ случаѣ неимѣнія таковой, дѣло пріостанавливалось до полученія инструкціи. Понятно, что такой порядокъ сильно задерживалъ ходъ дѣла.

Въ настоящее время, союзные комитеты имѣютъ помѣщеніе въ самомъ рейхстагѣ; члены ихъ весьма часто находятся тамъ во время засѣданія рейхстага (за столомъ уполномоченныхъ Союза, потому что ни одинъ членъ союзнаго совѣта не можетъ быть одновременно и членомъ рейхстага), что дѣлаетъ возможнымъ для Дельбрюка быстро созвать членовъ на общее собраніе. Кто налицо—прекрасно, нѣтъ—такъ нѣтъ, между тѣмъ важный вопросъ разрѣшается въ кратчайшее время.

Ничѣмъ неомраченныя отношенія между палатой депутатовъ, рейхстагомъ и правительствомъ имѣли весьма важныя послѣдствія для дѣла свободы и прогресса. Первымъ такимъ послѣдствіемъ можно назвать уничтоженіе значенія перовъ. Романтико-феодальное твореніе Фридриха-Вильгельма IV не существуетъ больше съ 30-го ноября. Палата господъ стала обыкновеннымъ конституціоннымъ, весьма прозаическимъ сенатомъ, первой камерой, въ которой, правда, засѣдаютъ весьма консервативные люди, но не мечтающіе болѣе перевернуть весь свѣтъ по своимъ мыслямъ и желаніямъ и не воображающіе себя призванными, по Божію повелѣнію, управлять государствомъ. Никто не изобразилъ съ такою ясностью хода идей покойнаго короля, какъ Ранке, въ недавно изданной перепискѣ короля съ Бунзеномъ [1]), составляющей весьма важный документъ для

[1]) L. v. Ranke, Aus dem Briefwechsel Friedrich Wilhelm's IV mit Bunsen, Leipzig. 1873.

исторіи того времени. Бунзенъ предостерегаетъ короля отъ опасности сдѣлаться „любителемъ древности", вмѣсто того, чтобы быть королемъ-законодателемъ XIX-го вѣка. И дѣйствительно, палата господъ была собраніемъ древностей. Но идеи короля о конституціи Германіи превосходили все. Его планъ состоялъ въ возстановленіи римской имперіи, въ австрійскомъ домѣ, на ряду съ которой онъ красовался королемъ германскимъ, коронованнымъ протестантскимъ епископомъ Магдебурга. Вокругъ короны находятся двѣ палаты: верхняя и нижняя; первая состоитъ изъ королей, герцоговъ, князей,—вторая изъ городовъ, рыцарства, ассессоровъ, остальной знати и депутатовъ отъ сельскихъ общинъ.

Двадцать пять лѣтъ спустя, братъ этого короля созываетъ германскій парламентъ,—послѣ исключенія Австріи,—основанный на всеобщихъ прямыхъ выборахъ! Трудно найти болѣе рѣзкаго контраста для характеристики эпохъ.

Перемѣны въ министерствѣ составляютъ второй важный моментъ. Девизъ, употребленный Вольтеромъ относительно Россіи: *ex oriente lux*,—можетъ быть удачно примѣненъ къ поѣздкѣ императора Вильгельма въ Петербургъ. До его поѣздки еще бродили тучи на политическомъ горизонтѣ: Бисмаркъ былъ пасмуренъ, ультрамонтаны и ультраконсерваторы, увѣренные въ побѣдѣ, открыто заявляли, что церковные законы не будутъ утверждены, палата депутатовъ была недовольна тѣмъ, что графъ Иценплицъ не оставляетъ своего поста, несмотря на его доказанную неспособность; неудовольствіе палаты усиливалось еще тѣмъ, что король медлилъ разрѣшеніемъ увеличенія квартирныхъ денегъ для гражданскихъ чиновниковъ, несмотря на то, что предложеніе этой мѣры было внесено въ ландтагъ самимъ правительствомъ и принято почти безъ измѣненій. Причина медлительности короля была извѣстна: онъ не хотѣлъ утверждать закона раньше, чѣмъ *рейхстагъ* не одобритъ представленія объ увеличеніи содержанія высшимъ офицерамъ. Такое поведеніе короля совершенно противно конституціи и Кампгаузенъ, министръ финансовъ, уже былъ готовъ подать въ отставку,—но король вернулся и согласился на всѣ требованія министерства: церковные законы и законъ объ увеличеніи квартирныхъ денегъ были утверждены. Иценплицъ получилъ отставку и на его мѣсто назначенъ Ахенбахъ, молодой человѣкъ 43-хъ лѣтъ, ученый, талантливый администраторъ, ловкій въ парламентскомъ дѣлѣ, членъ свободноконсервативной партіи и уважаемый всѣми партіями. Съ этимъ назначеніемъ разсѣялись послѣднія опасенія, возникшія въ январѣ, послѣ сложенія съ себя Бисмаркомъ обязанностей предсѣдателя въ министерствѣ. Объ ослабленіи его вліянія не можетъ быть и рѣчи, потому что назначеніе Ахенбаха, соотвѣтствующее вполнѣ

его желаніямъ, дало перевѣсъ молодому элементу въ министерствѣ и разсѣяло опасенія относительно партикуляристскихъ стремленій, на которыя указывали нѣкоторые трусливые люди въ январѣ.

Тѣмъ не менѣе существуетъ реакціонное стремленіе, но въ другой области, а именно въ области экономическаго законодательства. Законодательство послѣднихъ лѣтъ, по мнѣнію не только консерваторовъ, но и умѣренныхъ либераловъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ушло слишкомъ далеко, а именно относительно безграничнаго права стачекъ. Своеволіе „рабочихъ" не знаетъ предѣла и если желаютъ пріостановить распространеніе зла, то не слѣдуетъ медлить. Это выразилось въ запросѣ, обсуждавшемся рейхстагомъ 12-го ч., и поддержанномъ болѣе чѣмъ 100 членами: не пожелаетъ-ли правительство представить проектъ закона о наказаніи за нарушеніе контракта. За нарушеніе контракта не существуетъ наказанія: понесшему убытокъ предоставлено только право искать вознагражденіе. Но получить вознагражденіе за убытокъ съ рабочихъ не легко, и потому такое право при забастовкахъ не имѣетъ смысла. Рабочіе прекращаютъ работу, не дожидаясь сроковъ, означенныхъ въ контрактахъ, что, понятнымъ образомъ, ставитъ контрагентовъ въ весьма затруднительное положеніе. Дельбрюкъ заявилъ, что правительство готовитъ проектъ закона объ учрежденіи мировыхъ судовъ для болѣе коротկаго и простого разбора споровъ между рабочими и капиталистами; затѣмъ о назначеніи наказанія за нарушеніе контракта той сторонѣ, которая нарушила его, и наконецъ объ охраненіи отъ матеріальнаго и нравственнаго принужденія тѣхъ рабочихъ, которые не пожелаютъ примкнуть къ стачкѣ. Помѣщикамъ также нужна помощь. Дѣла ихъ сильно страдаютъ отъ недостатка рабочихъ, выселяющихся массами. Не знаю, въ чемъ можетъ быть имъ оказана помощь, такъ какъ нельзя же воспретить переселеніе, а затруднить его различными придирками ни къ чему не приведетъ.

Тронная рѣчь, 20-го мая, указывала на предстоящіе выборы (полномочіе палаты депутатовъ истекаетъ осенью, рейхстага — будущей весной) и заявляла надежду, что народъ будетъ руководствоваться патріотическимъ чувствомъ и полнымъ довѣріемъ къ правительству. Главныя партіи уже выставили свои избирательныя программы. Въ нихъ содержится мало положительнаго. Избирательная борьба сосредоточится главнымъ образомъ, конечно, между ультрамонтанами и правительствомъ; исходъ во многихъ случаяхъ будетъ зависѣть отъ либераловъ: не будучи въ состояніи представить собою большинство, имъ предстоитъ выборъ между ультрамонтанами и національными консерваторами. Умѣренные либералы будутъ, конечно, за послѣднихъ, а крайняя лѣвая, не принимающая никакого

компромисса, заявляетъ, что ей все равно, кто будетъ выбранъ, ультрамонтанъ или консерваторъ, первый даже для нея пріятнѣе, для вѣрной оппозиціи правительству. Ультрамонтаны преисполнены надеждъ: они разсчитываютъ на 100 мѣстъ. Соціалисты, имѣющіе только двухъ представителей въ настоящемъ рейхстагѣ, насчитываютъ пять кандидатовъ въ одной Саксоніи. Если причесть къ нимъ поляковъ, которыхъ 14—15 человѣкъ, нѣсколькихъ партикуляристовъ и крайнюю лѣвую сторону партіи прогресса,—то положеніе можетъ сдѣлаться довольно опаснымъ.

Во внѣшней политикѣ господствуетъ тишина, по крайней мѣрѣ, на видъ. Дружественныя отношенія между Россіей, Пруссіей и Австріей достаточно гарантируютъ миръ. Относительно Франціи, Германіи приходится только выжидать. О намѣреніяхъ касательно выборовъ папы, которыя, по всей вѣроятности, скоро наступятъ, хранится строгая тайна. То, что о нихъ говорится, только догадка, но я полагаю, что у Бисмарка планъ кампаніи вполнѣ готовъ и что онъ начнетъ съ того, что предложитъ миръ на совершенно удобныхъ условіяхъ. Если же его условія не будутъ приняты, то дѣло приметъ еще болѣе крутой оборотъ, чѣмъ было до сихъ поръ. Многіе предпочитаютъ начать съ послѣдняго.

К.

НОВЫЯ КНИГИ.

La science au point de vue philosophique, par *E. Littré*, de l'Institut et de l'Académie de Médecine. (Наука съ философской точки зрѣнія. Соч. *Э. Литтре*, члена Института и Медицинской Академіи). Paris. *Didier et C-ie.* 1873.

Изъ современныхъ французскихъ приверженцевъ такъ-называемой „положительной философіи“ самое видное мѣсто занимаетъ Литтре, весьма замѣчательный ученый, авторъ громаднаго словаря французскаго языка, за которымъ онъ работалъ нѣсколько десятковъ лѣтъ. Новая книга, о которой мы хотимъ говорить, есть сборникъ статей по разнымъ научнымъ вопросамъ, разсматриваемымъ на основаніи воззрѣній положительной философіи. Нѣкоторыя статьи принадлежатъ къ давнопрошедшему времени, когда не только авторъ не былъ контистомъ, но и самой положительной философіи еще не существовало: къ 1834—35 годамъ; но большинство статей относится къ контистскому періоду, почти цѣлая половина книги написана въ 1868—72 годахъ и была помѣщаема по частямъ въ журналѣ: „La Philosophie

positive", издаваемомъ самимъ Литтре вмѣстѣ съ нашимъ соотечественникомъ, г. Вырубовымъ, въ Парижѣ. Въ прежнихъ статьяхъ вѣяніе времени сдѣлало свое дѣло и статьи кажутся, поэтому, устарѣлыми, но за то новыя статьи вполнѣ соотвѣтствуютъ современному состоянію науки. Однако и прежнія статьи выполняютъ въ сборникѣ ту цѣль, которую преслѣдуетъ авторъ въ изданіи своей книги, такъ какъ и въ нихъ научные вопросы излагаются въ тѣхъ видахъ, чтобы извлечь изъ нихъ философскія поученія. Такимъ образомъ, сквозь всю книгу проходитъ крѣпкая связь цѣлаго философскаго направленія, чтó придаетъ самой книгѣ нѣкоторый особенный интересъ, состоящій въ томъ, что здѣсь передъ читателемъ излагаются не только всѣ главныя основанія положительной философіи, но еще въ примѣненіи ко всѣмъ отраслямъ знанія.

Литтре пишетъ прекраснымъ, общедоступнымъ языкомъ, и если пониманіе и усвоеніе всѣхъ его выводовъ требуетъ отъ читателя не бѣглаго, но очень внимательнаго чтенія, то въ этомъ виновно не мастерское изложеніе автора, а серьёзность самыхъ предметовъ изложенія. Кто охотно хочетъ познать тѣ вещи, о которыхъ пишетъ Литтре, тотъ съ удовольствіемъ прочтетъ разбираемую нами книгу. Въ ней излагаются всѣ крупные научные и философскіе вопросы нашего времени: здѣсь вы найдете статьи о всѣхъ отрасляхъ естествознанія и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ: и объ астрономіи, и о физикѣ, и о химіи, и о біологіи вообще, а также о физіологіи и геологіи въ частности; тутъ вы познакомитесь и съ „Космосомъ" Гумбольдта, и съ электро-магнетизмомъ Ампера, со взглядами положительной философіи на теоріи Кювье и Дарвина; тутъ найдете вы интересныя разсужденія объ отношеніяхъ біологіи къ соціологіи, о происхожденіи идеи справедливости, о позитивныхъ гипотезахъ касательно космогоніи, и т. д. Всѣ эти предметы излагаются подъ освѣщеніемъ положительной философіи, и потому сама положительная философія со всѣми ея главными выводами находится на глазахъ у читателя.

Положительная философія, созданная Огюстомъ Контомъ въ началѣ сороковыхъ годовъ, только въ наше время начинаетъ занимать умы и интересовать общественное вниманіе во всемъ цивилизованномъ мірѣ, въ которомъ до Конта и въ продолженіи всего послѣдняго періода времени господствовали взгляды разныхъ метафизическихъ и теологическихъ школъ, распадающихся, какъ извѣстно, на двѣ большія группы: идеалистическую и матеріалистическую. Сама положительная философія причитывалась многими къ матеріализму, и никто не терпѣлъ столь много въ своей жизни отъ этого послѣдняго обстоятельства, какъ нашъ почтенный авторъ. Читатели „Вѣстника Европы" вѣроятно еще не забыли, напримѣръ, того скандала въ парижской

академіи, который сдѣлалъ членъ ея, фанатическій епископъ Дюпанлу, при избраніи Литтре въ члены той же академіи. Благодаря подобнаго рода ненависти клерикальной партіи, Литтре не могъ занимать ни одной профессорской каѳедры во время второй имперіи, и на него смотрѣли вообще весьма подозрительно. Но между тѣмъ позитивизмъ Литтре не заключаетъ въ себѣ ничего такого насильственнаго, ничего такого вызывающаго противъ религіи, что̀ бы могло угрожать какими-нибудь бѣдами и несчастіями современному обществу въ любомъ изъ цивилизованныхъ государствъ.

Положительная философія, разумѣется, не теологія и не идеализмъ, но она и не то, что̀ составляетъ сущность матеріализма. Въ основѣ своей, положительная философія отличается отъ всѣхъ остальныхъ тѣмъ, что разъ признавъ „относительность" человѣческаго знанія, она никогда и нигдѣ не забываетъ этого факта и строго сдерживается въ его границахъ. Подъ относительностью человѣческаго знанія слѣдуетъ разумѣть то, что нашему знанію есть предѣлы;—все, что̀ находится въ предѣлахъ познавательной способности разума—все это составляетъ положительное знаніе; все другое, въ познаніи чего играетъ главнымъ образомъ фантазія — все это положительная философія отвергаетъ, какъ знаніе гипотетическое, положительнымъ наблюденіемъ и опытомъ не доказанное. Какъ бы вѣроятными эти гипотезы ни казались, она не принимаетъ ихъ и не выводитъ изъ нихъ никакихъ заключеній, не строитъ на нихъ ни системъ, ни предположеній, ни догадокъ. Мы никогда не можемъ узнать всего—говоритъ позитивизмъ—и всѣ наши усилія достичь абсолютнаго, безусловнаго знанія не могутъ дать положительныхъ результатовъ; будемъ же скромны и ограничимся въ нашихъ научныхъ стремленіяхъ тѣмъ полемъ, гдѣ открытъ просторъ наблюденію и опыту, и станемъ принимать за истину лишь то, что̀ можетъ быть изслѣдовано и провѣрено научнымъ образомъ,—только такимъ путемъ мы пріобрѣтемъ дѣйствительныя, положительныя знанія, изъ которыхъ можно выводить вѣрныя заключенія какъ для нашей матеріальной жизни, такъ и для нравственной. Все прочее, что̀ сочиняютъ разныя абсолютныя теоріи, всегда вело лишь къ заблужденіямъ и ошибкамъ и продолжаетъ вести къ тому же и теперь. Согласимся разъ навсегда, что и „наши концепціи, наши доктрины, наши системы никогда не могутъ стать абсолютными и должны оставаться, и по сущности своей и по необходимости, относительными. Матеріальное пространство есть не что иное, какъ образъ пространства умственнаго: что ограничиваетъ одно, тѣмъ же ограничено и другое. Наши концепціи, наши доктрины, наши системы могутъ быть вѣрными лишь для человѣчества и среди человѣчества. Тщетною и ребяческою оказа-

лась бы гордость наша, еслибъ мы вздумали достигнуть чего-нибудь универсальнаго въ опредѣленномъ и безусловномъ смыслѣ. Но благородно и справедливо можетъ хвалиться человѣкъ тѣмъ, что посредствомъ генія и терпѣнія ему удалось вызвать свѣтъ, постоянно возрастающій—интеллектуальное солнце, которое просвѣщаетъ его въ созерцаніи вещей и ведетъ его по пути коллективной жизни" (стр. 14).

Литтре приводитъ нѣсколько примѣровъ существеннаго разногласія между положительной философіей и разными метафизическими системами. Эти примѣры могутъ всего лучше охарактеризовать положительную философію и мы воспользуемся здѣсь однимъ изъ нихъ.

Начнемъ съ матеріализма. Существенная аксіома матеріалистовъ—это вѣчность матеріи, то-есть, что у нея не было начала и не будетъ конца. Извѣстно, что такое вѣрованіе существовало не всегда, что вѣрили прежде и вѣруютъ теперь, что матерія создавалась и что она подлежитъ разрушенію. Но фактъ неуничтожаемости матеріи—научный фактъ: онъ засвидѣтельствованъ опытомъ. Въ природѣ и въ насъ самихъ ничего не создается вновь, ничего не прибавляется къ тому веществу, которое уже существуетъ, и ничего не пропадаетъ: самыя тонкія изъ нашихъ наблюденій знакомятъ лишь съ многоразличными превращеніями матеріи—каждое разложеніе ведетъ за собою новыя сложенія, все измѣняется, принимаетъ разныя формы, но при этомъ матерія не прибываетъ въ количествѣ и не убываетъ. И до тѣхъ поръ, пока мы останемся въ предѣлахъ научныхъ опытовъ, мы можемъ неоспоримо утверждать, что матерія, подлежащая нашему изслѣдованію, неуничтожима. Но если эту относительную истину хотятъ обратить въ безусловную, въ такомъ случаѣ переходятъ предѣлы человѣческаго разума и начинаютъ приписывать ему познаніе вѣчности и вещества, а такого познанія онъ имѣть не можетъ: о— ихъ мыслитъ лишь какъ понятія. Съ другой стороны положительная философія не допускаетъ созданія чего бы то ни было изъ ничего. Объ обѣихъ гипотезахъ, вѣчности матеріи и ея созданіи—говоритъ Литтре — нельзя даже разсуждать одинаковымъ образомъ. „Прежде всякаго опыта, онѣ имѣли равное право на нашъ разумъ; но опытъ внесъ между ними значительную разницу. Путемъ опыта мы никогда не производили изъ ничего какого-либо вещества, но всегда убѣждались опытомъ, что всѣ вещества только превращаются. Мы не имѣемъ, поэтому, никакой достаточной причины думать, что было твореніе; напротивъ, мы имѣемъ всѣ причины думать, что матерія существуетъ постоянно. Это достовѣрно для насъ, но, какъ я говорилъ, это—достовѣрность второстепенная, достовѣрность условная, достовѣрность опытная. Мы знаемъ матерію лишь какъ явленіе, какъ феноменъ, а не какъ вещество. Откуда же берется право говорить о прошлой и

будущей вѣчности предмета, который намъ извѣстенъ лишь съ феноменальной стороны?" (стр. 323). Но—могутъ возразить матеріалисты — если позитивизмъ не допускаетъ сотворенія матеріи, то какъ же можетъ онъ не допустить вѣчность ея: если матерія не создана, то она вѣчна—это прямой логическій выводъ. Да, таковъ логическій выводъ въ наше время, но вѣдь извѣстно, что логика иногда ведетъ къ абсурду. Человѣческій разумъ, въ продолженіи своего развитія, не разъ принималъ вещи, которыя прежде казались ему немыслимыми, и отказывался отъ другихъ, которыя считалъ единственно логичными; эта *психическая несостоятельность* въ немъ есть. „Образъ вѣчности всегда будетъ такимъ, и наша способность мыслить его — жалкая гарантія въ возможности сохранить его навсегда. Я никогда не найду лишнимъ повторить—прибавляетъ Литтре—что все мыслимое или немыслимое имѣетъ приложеніе лишь въ нашихъ собственныхъ предѣлахъ: таковъ одинъ изъ самыхъ существенныхъ результатовъ психической физіологіи. Въ этихъ предѣлахъ эти термины обладаютъ истиной, достовѣрностью, вѣрностью, но при первой попыткѣ перенести ихъ за наши предѣлы, мы уже лишаемся увѣренности въ томъ, что они имѣютъ какое-либо значеніе и они падаютъ на насъ какъ оружіе, неудачно брошенное въ пространство. Извѣстно, что человѣческій разумъ не предугадываетъ міра, а открываетъ его посредствомъ опыта, и извѣстно также, что опытъ не имѣетъ никакого значенія въ вопросахъ сущности и начала" (стр. 324).

Перейдемъ теперь къ критикѣ идеализма, или пантеизма. Въ этой метафизикѣ исключительное преобладаніе отдается понятію о жизни, о силѣ; здѣсь тоже первую роль играетъ *вѣчное* начало— духъ. Изъ духа все происходитъ и къ нему все возвращается. Сперва какъ-бы скрытый въ массѣ, или воодушевляемый, онъ начинаетъ выдѣляться въ существа, которыя чувствуютъ, которыя желаютъ, которыя мыслятъ, и наконецъ пріобрѣтаетъ полное обладаніе надъ самимъ собою и полное самосознаніе въ человѣческомъ разумѣ, который такимъ образомъ является приспособленнымъ къ высшему существованію, къ высшей идеѣ. Какъ бы то ни было, „ничто не даетъ намъ правъ распространять психическую теорію нашего сознанія и сознанія животныхъ на *всѣ* вещества во *всѣ* времена и во *всѣ* пространства", и потому эта метафизика, развивая свою теорію о томъ, что все произошло изъ духа, и что во всемъ есть духъ, не имѣетъ никакого положительнаго основанія, и поэтому позитивистами отвергается въ той же мѣрѣ, какъ матеріализмъ.

Вообще говоря, положительная философія имѣетъ въ виду разъяснять лишь то, чтó подлежитъ человѣческому опыту и наблюденію,

но каждый разъ, когда логика даннаго времени пытается проникнуть за предѣлы опыта и наблюденія, философія позитивистовъ благоразумно останавливается и скромно сознается въ безсиліи человѣческаго разума. За этими предѣлами, — говоритъ Литтре, — „положительная наука ничего не отрицаетъ и ничего не утверждаетъ; она, однимъ словомъ, не знаетъ непознаваемаго, но констатируетъ о существованіи его. Такова высшая философія; идти еще далѣе химерично, не доходить до этого значило бы бѣжать отъ нашего назначенія" (стр. 562).

De la corruption littéraire en France. Étude de littérature comparée sur les lois morales de l'art, par *Ch. Potvin*. (Объ испорченности французской литературы. Этюдъ сравнительной литературы о нравственныхъ законахъ искусства. Соч. *Ш. Потвэна*). Paris, 1873.

Пагубное вліяніе французской литературы на общественные нравы уже давно стало темою разныхъ нападеній на Францію,—нападеній, которыя подымаются отовсюду, со всего цивилизованнаго міра. Сама Франція часто говорила о безнравственности своей литературы извѣстнаго порядка; въ 1856 году парижская академія нравственныхъ и политическихъ наукъ даже назначила премію за лучшее сочиненіе о вліяніи современнаго романа и театра на нравы, и затѣмъ 2-го мая 1857 года увѣнчала трудъ Эженя Пуату; нѣсколько позже Прудонъ брался разрѣшать тотъ же вопросъ, и результатомъ этихъ изученій былъ едвали не лучшій его трудъ: „De la justice dans la Révolution et dans l'Eglise", который побудилъ его однако къ бѣгству въ Бельгію. Но, къ сожалѣнію, ни Прудонъ, ни Пуату не разрѣшили вопроса вполнѣ. Оба они осудили и театръ и романъ, но каждый съ своей точки зрѣнія: Прудонъ нашелъ виновными въ безнравственномъ направленіи литературы церковь, духовенство, клерикализмъ, а Пуату, напротивъ, революцію, свободомысліе, невѣріе. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и тотъ, и другой критикъ нашли и показали публикѣ много такихъ вещей, которыхъ она и не подозрѣвала въ томъ, чтó ей предлагали для чтенія; но такъ какъ основными началами для обоихъ критиковъ служили больше интересы церкви и революціи, чѣмъ моральные интересы искусства, то многое они представили въ ложномъ, преувеличенномъ видѣ, а многаго другого сами не поняли, и многое просто просмотрѣли, какъ маловажное по ихъ одностороннему мнѣнію.

Новое сочиненіе Потвэна о томъ же предметѣ гораздо болѣе соотвѣтствуетъ цѣлямъ столь высокой задачи, какъ вліяніе современной литературы на общество. Потвэнъ—бельгіецъ и весьма хорошій знатокъ французской литературы, такъ какъ постоянно занимается

ею, и притомъ съ серьёзными общественными и политическими намѣреніями. Онъ любитъ Францію, онъ хотѣлъ бы гордиться ея литературой, но его основательное образованіе на Шекспирѣ, Лессингѣ, Шиллерѣ, Мольерѣ, и на памятникахъ Индіи и античнаго міра, постоянно твердитъ ему, что французская литература идетъ ложною дорогою, и хотя продолжаетъ играть важную роль за границею и пользуется тамъ почетомъ извѣстнаго рода, однако сѣмена, разсѣваемыя ею повсюду, не могутъ быть признаны сѣменами добра и счастія для цивилизаціи. Потвэнъ смѣло говоритъ, что французскій романъ и французскій театръ только развращаютъ свою публику, научая ее изумляться пороку и презирать добродѣтель; и въ его обвинительный актъ входятъ всѣ французскіе авторы, къ какой бы школѣ они ни принадлежали, потому что всѣ они, даже обладающіе самыми лучшими намѣреніями, не понимаютъ главныхъ требованій искусства въ такомъ изображеніи жизни, чтобы добродѣтель, торжествующая ли, или побѣжденная, всегда являлась передъ читателями въ привлекательномъ видѣ, и чтобы порокъ, хотя бы самый блестящій и самый обольстительный, всегда возбуждалъ одно отвращеніе. Его сочиненіе представляетъ большой томъ, почти въ 500 страницъ, полный самыхъ убѣдительныхъ примѣровъ погрѣшностей этого рода въ самой концепціи отдѣльныхъ частей или характеровъ, или цѣлыхъ произведеній авторовъ, пользующихся самою громкою славой у французовъ и за границею: у Виктора Гюго, Ламартина, Жоржъ-Занда, Эмиля Ожье, Октава Фёлье, Бальзака, Альфреда Мюссé и многихъ другихъ, новыхъ и старыхъ; цѣлая особая глава, написанная съ большимъ талантомъ, посвящена Александру Дюма-сыну.

Сочиненіе нашего автора состоитъ изъ четырехъ частей. Въ первой изъ нихъ онъ ставитъ вопросъ объ обвиненіи французской литературы въ развращеніи общественныхъ нравовъ. Онъ рѣшаетъ этотъ вопросъ, разумѣется, утвердительно, оспоривъ предварительно разныя парадоксальныя мнѣнія касательно нравственности литературныхъ произведеній вообще. На этотъ счетъ среди французскихъ писателей господствуютъ весьма многія заблужденія. Нѣкоторые изъ нихъ прямо отрицаютъ всякое вмѣшательство нравственности въ литературу; они полагаютъ, что не можетъ быть никакихъ нравственныхъ правилъ въ искусствѣ, что талантъ и свобода творчества—единственныя условія нравственности, что нравственность—это прекрасное, что только дурныя произведенія гибельны для общественныхъ нравовъ, такъ какъ образцовое произведеніе не можетъ быть безнравственнымъ, и такъ какъ все, что̀ нравится читателю, непремѣнно цивилизуетъ, — что, наконецъ, слѣдуетъ допускать и „вакханаліи генія“. Эта теорія, само собою разумѣется, ведетъ къ

тому, что писатель предается лишь своему личному артистическому вкусу и, вѣруя въ силу своего таланта, хлопочетъ лишь о томъ, чтобы его читали безъ скуки, ради пріятнаго провожденія времени; ему дѣла нѣтъ до того, какое нравственное вліяніе могутъ имѣть его произведенія на публику; онъ излагаетъ то, что̀ ему нравится, что̀ ему легче и проще дается, что̀ скорѣе можетъ пріобрѣсть толпу читателей, а затѣмъ хоть трава не рости: „я высказалъ мои волненія и мои мечты, я талантъ, и мнѣ нѣтъ никакого дѣла до того, здоровы ли въ нравственномъ отношеніи эти мои мечты и волненія— пусть всякій черпаетъ изъ нихъ, что̀ ему заблагоразсудится".

Потвэнъ не признаетъ—и совершенно справедливо—безгрѣшности таланта, даже если бы онъ былъ величайшимъ изъ геніевъ. Кто желаетъ быть апостоломъ, — говоритъ онъ,—тому нужно знать предварительно пути и средства апостольскаго служенія. „Наука, одна нравственная наука искусствъ можетъ дать право генію на это служеніе. Необразованный геній является профаномъ въ храмѣ, геніемъ безнравственнымъ, онъ святотаствуетъ, а не проповѣдуетъ... Всѣ вакханаліи генія дали весьма жалкіе результаты: ихъ сочиненія болѣе похожи на опьяняющіе напитки, чѣмъ на благородное вино, ихъ художественное вдохновеніе походитъ болѣе на пьяное состояніе жреца Вакха, чѣмъ на страсть разумнаго существа, и сами они, эти геніи, противорѣчатъ себѣ въ продолженіе всей ихъ жизни, ежедневно, и затѣмъ въ зрѣломъ возрастѣ проклинаютъ дѣла своей юности, и желаютъ удалить этотъ ядъ изъ литературнаго обращенія... Геній безъ нравственной науки не свѣтъ просвѣщенія, но факелъ Катилины или Мессалины". Вообще говоря, поклоненіе передъ однимъ талантомъ ведетъ только къ развитію щепетильнаго самовозвеличенія писателей, которые занимаются въ сущности лишь пластическимъ изображеніемъ прекраснаго, пренебрегая всѣми задачами философіи и морали, которыхъ они подчасъ даже просто не знаютъ.

Есть другой разрядъ писателей, которые понимаютъ весь вредъ теоріи „искусства для искусства", и потому желаютъ прежде всего служить нравственнымъ интересамъ общества, но къ сожалѣнію они полагаютъ, что для этой цѣли достаточно взять хорошую, справедливую тему. Обладая художественнымъ талантомъ и нравственными принципами того или другого сорта, они думаютъ, что все, что́ бы они ни создали, выйдетъ непремѣнно нравственнымъ. Они упускаютъ изъ виду философское значеніе литературнаго произведенія: правду характеровъ, правду отношеній между дѣйствіемъ и причиною, и вотъ ихъ произведенія вмѣсто того, чтобы поучать читателя нравственнымъ принципамъ, принимаемымъ авторами, только унижаютъ

эти принципы и даютъ просторъ порочнымъ стремленіямъ и страстямъ.

Писателей, которые соблюдали бы въ своихъ произведеніяхъ всѣ три требованія серьёзнаго искусства, почти нѣтъ во Франціи: одни упускаютъ изъ виду нравственную сторону дѣла, другіе — философскую или научную, а третьи—занимаются лишь пластикою прекраснаго. За весьма немногими исключеніями, всѣ романы, вся поэзія и весь театръ современной Франціи сбились на ложный путь, и не удовлетворяютъ всѣмъ требованіямъ того здороваго искусства, законы котораго критически опредѣлены уже въ прошломъ вѣкѣ Лессингомъ, и которыхъ придерживалась прежняя до-революціонная литература Франціи.

Во второй части Потвэнъ говоритъ о французскихъ писателяхъ, какъ о нравственныхъ личностяхъ, и приходитъ къ заключенію, весьма для нихъ нелестному. Всѣ они щеголяютъ въ своихъ сочиненіяхъ „искренностью", въ которой они находятъ оправданіе самымъ безнравственнымъ изъ своихъ созданій. Это реализмъ — увѣряютъ они, какъ будто реализмъ состоитъ въ описаніи всякой пошлости, которая придетъ въ голову писателю, когда онъ совершаетъ какое-либо безнравственное дѣло. „Искусство — говоритъ нашъ авторъ — можетъ быть нравственнымъ лишь подъ честнымъ перомъ. Искренность — родная сестра честности и безъ нея ни на что не годна. Но что же значитъ та, другая искренность, которая даетъ амнистію безнравственному писателю и морализуетъ развратное сочиненіе. Если, напримѣръ, свобода любви проповѣдуется въ романахъ женщиною свободною, или если насъ желаетъ обратить къ своему искреннему культу „жрецъ красоты, золота и наслажденія" — то достаточно ли этого для того, чтобы книга была хороша и авторъ оставался въ мирѣ съ всеобщею совѣстью? Я согласенъ, что здѣсь однимъ лицемѣріемъ менѣе, но я утверждаю также, что одною опасностью здѣсь больше. Лучше было бы, если бы развратный человѣкъ постарался написать честное сочиненіе, которое противорѣчитъ его жизни, но въ которомъ видны были бы черныя пятна его нравовъ. Лицемѣріе порока имѣетъ то преимущество передъ его искренностью, что оно служитъ послѣднюю службу добродѣтели". Нѣтъ, не искренность порока нужна для проповѣди правды въ литературѣ, но честность — честность сердца и ума: не добрыя намѣренія только, но и добрые нравы въ собственной жизни. Цивилизаціонныя темы, нравственные совѣты, честныя указанія — всего этого мало; писатель долженъ давать больше, ибо въ немъ сквозь профессію даетъ себя чувствовать человѣкъ: его трудъ говоритъ публикѣ не только о намѣреніяхъ и пожеланіяхъ автора, но также

и о томъ, гдѣ онъ бываетъ, въ какой нравственной обстановкѣ живетъ. „Напрасно воспѣвать идеалъ своей эпохи, пребывая въ тинѣ ея дѣйствительности; — человѣкъ проституціи плохо рисуетъ невинность; рабы своихъ страстей не въ состояніи живо представить мужественный характеръ. Стыдливость, справедливость, честь, геройство — все это не такіе продукты, которыми можно торговать какъ и когда угодно. Вдохновеніе исходитъ изъ общаго строя нравственной личности писателя. Нравственное шарлатанство личности производитъ лишь ложныя концепціи, а не библіи прогресса; отъ этихъ евангелій отдаетъ пародіей... Нельзя въ одно и то же время быть прелюбодѣемъ и пророкомъ, человѣкомъ разврата и апостоломъ цивилизаціи, вакханкой чувства и пиѳіей прогресса, Христомъ и торжникомъ въ храмѣ". — Между тѣмъ что такое представляютъ французскіе писатели, какъ нравственныя личности?.. Беранже заявилъ однажды, что онъ намѣревается описать людей своего времени. „Кто знаетъ (говаривалъ иногда поэтъ), можетъ быть именно этому труду моей старости мое имя будетъ обязано тѣмъ, что переживетъ меня. Весьма желательно, чтобы потомство сказало: справедливый, серьёзный Беранже!" Но этотъ „историческій лексиконъ", задуманный въ духѣ спокойнаго безпристрастія, не былъ написанъ, почему бы вы думали? Потому—сказалъ самъ Беранже—„потому что пришлось бы говорить дурное о всѣхъ моихъ друзьяхъ".

Послѣ авторовъ Потвэнъ (въ третьей части) переходитъ къ разбору произведеній и разбираетъ постановку ихъ идеи, гуманное чувство, идеалъ. Въ постановкѣ идеи онъ смотритъ, вѣрно ли изображены характеры дѣйствующихъ лицъ, вѣрно ли представлена борьба чувствъ, правильны ли типы людей, служащихъ выраженіемъ какихъ-либо общественныхъ стремленій, и наконецъ, въ мѣру ли восторгается, въ мѣру ли порицаетъ авторъ тѣ или другія мнѣнія своихъ героевъ. Въ заключеніи третьей части отведена цѣлая глава театру Дюма-сына.

Въ четвертой части сочиненія Потвэна мы имѣемъ выводы автора изъ всѣхъ его изысканій о причинахъ нравственнаго паденія французской литературы и о возможности ея возстановленія. Цитатами самихъ французскихъ писателей Потвэнъ доказываетъ, что главныя причины безнравственности романовъ и театра во Франціи заключаются съ одной стороны въ томъ, что писатели смотрятъ на свое дѣло не какъ на призваніе, но какъ на ремесло, а съ другой—въ политическомъ деспотизмѣ, въ когтяхъ котораго Франція постоянно билась въ продолженіи всего новаго литературнаго періода; подъ этимъ „деспотизмомъ" авторъ разумѣетъ не цензурныя условія только, но также политическую централизацію, которая собрала всю лите-

ратуру въ одномъ Парижѣ, самомъ безнравственномъ изъ всѣхъ французскихъ городовъ, и враждебное отношеніе духовенства къ свѣтской цивилизаціи. Возможность возстановленія нравственнаго достоинства французской литературы опредѣляется самими причинами ея нравственнаго паденія. Если можно удалить причины, то зло исчезнетъ само собою.

ОТВѢТЪ Г. ЛЮБИМОВУ.

Полемика по вопросу о трубѣ Галилея возникла слѣдующимъ образомъ. Г. Любимовъ, въ статьѣ своей: *Новая теорія поля зрѣнія и увеличенія оптическихъ инструментовъ*, высказываетъ мнѣніе, что общепринятая теорія поля зрѣнія Галилеевой трубы есть грубая ошибка, до сихъ поръ не обратившая на себя вниманія, и ошибка потому, что поле зрѣнія считается зависящимъ отъ величины зрачка. Онъ утверждаетъ, что поле зрѣнія зависитъ только отъ величины объектива. Я доказываю, что въ цѣломъ рядѣ спеціальныхъ трактатовъ и въ нѣкоторыхъ учебникахъ существуетъ истинная, полная теорія Галилеевой трубы, по которой поле зрѣнія зависитъ какъ отъ зрачка (и вообще отъ окуляра), такъ и отъ объектива.

Въ послѣдней книжкѣ *Русскаго Вѣстника* г. Любимовъ соглашается повидимому принять въ разсчетъ вліяніе зрачка. Если такъ, то въ этомъ случаѣ споръ въ главныхъ чертахъ привелъ противниковъ къ соглашенію. Въ моихъ возраженіяхъ, напечатанныхъ въ *Бюллетенѣ* М. О. испытателей природы (1873, № 4) и въ мартовской книжкѣ *Знанія*, я ограничился только полемъ зрѣнія Галилеевой трубы, такъ какъ оно составляетъ главный предметъ статьи г. Любимова. Я не касался ни увеличенія оптическихъ инструментовъ, ни трубы Кеплера, и замѣтилъ только, что и въ этой послѣдней изображеніе объектива (кружокъ Біо) имѣетъ вліяніе на размѣры поля зрѣнія. Въ полной теоріи Кеплеровой трубы поле зависитъ вообще не только отъ величины окуляра, но частію и отъ величины объектива. Формулы показываютъ, какъ измѣняется съ перемѣной элементовъ трубы относительное вліяніе окуляра и объектива на поле зрѣнія того и другого телескопа. Полная теорія даетъ объясненіе всѣхъ явленій, представляемыхъ при различныхъ обстоятельствахъ полемъ зрѣнія, и указываетъ на тѣ соображенія, какими нужно руководствоваться при устройствѣ трубы. Относительно трубы Кеплера и относительно уве-

личенія оптическихъ инструментовъ мы съ г. Любимовымъ не пришли еще къ полному пониманію другъ-друга. Кромѣ того онъ желаетъ уяснить мнѣ впослѣдствіи, почему вопросъ о вліяніи зрачка сложнѣе, чѣмъ какъ представляется мнѣ. Мои наблюденія надъ полемъ зрѣнія Галилеевой трубы онъ считаетъ почему-то не имѣющими значенія, межъ тѣмъ какъ своихъ собственныхъ не приводилъ ни разу. Онъ интересуется подробностями наблюденій и проситъ дать ему нѣсколько чиселъ. На всѣ подобныя обоюдныя разъясненія я согласенъ вполнѣ, и стòитъ только найти спеціальный журналъ, который отвелъ бы намъ достаточно мѣста для подробнаго разсмотрѣнія занимающаго насъ дѣла. Если это окажется почему-либо неудобнымъ, то я прошу г. Любимова указать какое-либо ученое общество или просто пригласить нѣсколькихъ спеціалистовъ. Это послѣднее, какъ самое удобное, я и предлагалъ, помнится, въ самомъ началѣ спора.

Отъ вопроса о телескопахъ г. Любимовъ переходитъ къ разбору первыхъ пяти популярныхъ лекцій моихъ, помѣщенныхъ въ первой книгѣ сборника *Природа*.

Рецензентъ сперва опредѣляетъ, чтò требуется отъ популярно-ученаго сочиненія и затѣмъ говоритъ, что я порѣшилъ задачу мою исполнить легкими средствами и явился не посредникомъ между наукой и публикой, но посредникомъ между публикой и тремя иностранными, весьма впрочемъ почтенными, книгами (Секки, Шеллена и Клейна). Онъ не обращаетъ при этомъ вниманія на то, что во второй и третьей изъ пяти лекцій постоянно встрѣчаются мои собственныя, совсѣмъ не легкія спектральныя наблюденія надъ солнцемъ, и забываетъ, что нѣсколько строкъ выше самъ же онъ говоритъ, что я произвелъ многія собственныя наблюденія.

Рецензентъ заявляетъ далѣе, что я ничего не говорю о трехъ названныхъ выше книгахъ, которыми пользуюсь, межъ тѣмъ какъ обыкновенно принято указывать заимствованія и даже обозначать вносными знаками буквально приводимыя мѣста.

Вслѣдъ затѣмъ онъ приводитъ нѣсколько выписокъ изъ моихъ лекцій и сличаетъ ихъ съ выписками изъ сочиненій Шеллена и Секки.

При составленіи моихъ лекцій я пользовался не только тремя названными выше книгами, но еще многими другими, и чтобы не выдавать чужого за свое, поступилъ при этомъ такъ, какъ поступаетъ главный авторитетъ, котораго я держался, знаменитый Секки, какъ дѣлаетъ Шелленъ и многіе другіе авторы научно-популярныхъ сочиненій. Чтобы оставить текстъ возможно свободнымъ отъ выносокъ, въ немъ самомъ прямо упоминаются имена авторовъ, когда идетъ

рѣчь объ ихъ открытіяхъ, собственныхъ ихъ наблюденіяхъ, теоріяхъ и т. д. Въ этомъ отношеніи я былъ очень аккуратенъ: на страницахъ моихъ лекцій постоянно мелькаютъ имена авторовъ и чаще всего Секки. Сочиненія, изъ которыхъ берутся прямо общеизвѣстные уже факты и воззрѣнія, въ текстѣ совсѣмъ не упоминаются, но заглавія ихъ трудовъ помѣщаются въ самомъ концѣ сочиненія, въ литературномъ указателѣ, въ который входитъ поименованіе всего относящагося къ предмету сочиненія. Съ подобнымъ спискомъ курсъ моихъ лекцій и переданъ въ редакцію *Природы*. Удобнѣе сказаннаго способа едвали можно что-нибудь придумать для огражденія автора отъ упрековъ въ заимствованіи безъ упоминанія лица, у котораго сдѣлано заимствованіе.

Наконецъ, есть вещи до того общеизвѣстныя, что ихъ почти безъ всякихъ измѣненій можно встрѣтить въ десяткахъ популярныхъ и ученыхъ сочиненій; онѣ берутся цѣликомъ изъ перваго заслуживающаго довѣрія трактата, изъ первой справочной книги.

Не смѣшно ли съ указаніемъ источника написать такую истину: скорость вращенія около осей для внѣшнихъ планетъ среднимъ числомъ въ два съ половиною раза больше чѣмъ для внутреннихъ. Не отыскивать же каждый разъ для популярнаго сочиненія того, кто первый провозгласилъ ее. Выписки рецензента составляютъ собраніе подобнаго рода истинъ, уже вошедшихъ въ десятки популярныхъ сочиненій почти безъ всякаго измѣненія. Въ пяти вышедшихъ лекціяхъ, т.-е. въ сотнѣ страницъ, такихъ выписокъ набралось около трехъ страничекъ, и за то рецензентъ величаетъ меня то псевдонимомъ Секки, то Шеллена, то Клейна. Если бы я не пользовался этими авторами и въ слѣдующихъ, печатающихся моихъ лекціяхъ, то ихъ можно было бы не помѣщать въ литературный указатель въ концѣ сочиненія, такъ какъ Секки играетъ роль въ другомъ отношеніи и имя его десятки разъ является у меня. Одна изъ наиболѣе крупныхъ, сплошныхъ выписокъ изъ Секки, за которую рецензентъ называетъ меня псевдонимомъ Секки, есть слѣдующая:

Durch eine einfache Rechnung hat Helmholtz nachgewiesen, dass, wenn die Verdichtung der Sonnenmaterie bis zu dem Grade weiter fortschreitet, dass das Gestirn die Dichtigkeit der Erde erreicht haben wird, die hierdurch entwickelte Wärme hinreicht, um den Verlust ihrer Ausstrahlung für 17 Million Jahre zu ersetzen. Eine solche Annahme aber, dass die Sonne sich noch fortwährend verdichte, ihr Durchmesser also sich verkleinere, steht durchaus nicht mit den Ergebnissen der heute so überaus verfeinerten Beobachtungen und Messungen der Astronomen im Widerspruche.

In der That würde eine solche Verdichtung, wie wir sie eben angenommen haben, bei der enormen Grösse der Sonne erst in 24,000 Jahren eine Verkleinerung des scheinbaren Durchmessers der Sonne um 1 Bogensecunde zur Folge haben, eine Grösse, welche wir eben noch mit unseren feinsten Messwerkzeugen wahrnehmen können und bis auf welche heute noch der Durchmesser der Sonne zweifelhaft ist.

Раскрываемъ сочиненіе Клейна, не то, о которомъ говоритъ рецензентъ, но другое — Entwickelungsgeschichte des Kosmos, 1870, стр. 33, явившееся раньше Секки-Шеллена, и читаемъ:

Helmholtz hat gezeigt, dass, wenn die Sonne sich von ihrer gegenwärtigen Dichte bis zu derjenigen der Erde, also auf das Vierfache ihrer heutigen mittleren Dichte zusammenzieht, die hierdurch entwickelte Wärme genügt, um die Ausstrahlung für 17 Million Jahre zu decken. Dass aber eine stetige Zusammenziehung der Sonne stattfinde, widerstreitet keineswegs den Ergebnissen der heute so überaus verfeinerten astronomischen Messungen. Denn die Abnahme des scheinbaren Durchmessers würde unter der oben gemachten Annahme erst in den nächsten 24,000 Jahren bis zu einer Bogensecunde anwachsen, d. h. einen Werth erreichen, bis auf welchen heute noch der Durchmesser zweifelhaft ist.

Сходство такое же какъ и съ моею выпиской. Клейнъ дѣлаетъ при этомъ двѣ выноски, а у Секки тутъ нѣтъ никакой ссылки. Извольте видѣть, какъ авторитеты даже смотрятъ на заимствованія такихъ, сдѣлавшихся общеизвѣстными, вещей; наша же цѣль — „въ немногихъ бесѣдахъ ознакомить слушателей съ современнымъ запасомъ свѣдѣній о свойствахъ небесныхъ тѣлъ".

Останавливаясь на происхожденіи солнечной теплоты, рецензентъ приводитъ изъ моихъ лекцій относящееся сюда мѣсто, въ которомъ говорится о пополненіи *большой части* изливаемой солнцемъ теплоты (не всей, а большой части).

Слова *большая часть* оставляются безъ вниманія и для рецензента выходитъ, что пониженіе температуры солнца невозможно. Между тѣмъ у меня, для избѣжанія болѣе сложныхъ объясненій, описывается просто тотъ процессъ, который, согласно съ гипотезой Лапласа и съ имѣющимися свѣдѣніями о солнцѣ, постоянно совершался и совершается въ газообразномъ тѣлѣ солнца, процессъ, въ которомъ охлажденіе, сгущеніе и нѣкоторое вознагражденіе излученной теплоты тѣсно связаны между собою и могутъ быть разсматриваемы какъ три дѣйствія, непрерывно и періодически совершающіяся одно за другимъ.

Самое серьёзное возраженіе рецензента состоитъ въ томъ, что количество теплоты, изливаемой на землю, слишкомъ велико. Количество это выражено 295 единицами тепла. Это дѣйствительно недо-

смотръ, и вмѣсто 295 должно быть 0.295 (стр. 57), а вмѣсто *милліардъ* (на стр. 59), слѣдуетъ читать *милліонъ*.

Мы были бы очень благодарны рецензенту за такое указаніе, но дѣло въ томъ, что тотчасъ по выходѣ первой книги *Природы* нѣкоторые изъ нашихъ слушателей указали намъ на это превращеніе чиселъ и указали на основаніи тѣхъ цифръ, которыя были вѣрно записаны ими на лекціи; но намъ пріятно сказать спасибо и рецензенту.

Дальнѣйшія соображенія нисколько не страдаютъ отъ ошибки въ числахъ. У меня говорится далѣе о томъ, что упавшая на землю теплота скоро оставляетъ нашу планету и въ теченіе короткой остановки на ней преобразуется во всевозможныя формы, въ которыхъ способно являться какое-либо движеніе, какая-либо жизнь. Рецензентъ шутитъ надъ этимъ, и потомъ продолжаетъ: „г. Бредихинъ, впрочемъ, позволяетъ солнечной теплотѣ сдѣлать короткую остановку на землѣ и, натворивъ чудесъ, *скакать* далѣе. Но какъ же онъ не замѣтилъ, что если теплота преобразовалась во всевозможныя формы, то, значитъ, осталась, а не скачетъ далѣе. Иначе въ чемъ-же механическое ученіе о теплѣ? Очевидно, что теорія г. Бредихина равняется открытію perpetuum mobile“.

Но рецензентъ навязываетъ мнѣ теорію, которой я никогда не создавалъ. Еслибы онъ потрудился взглянуть чрезъ нѣсколько страницъ, въ концѣ лекціи, на выписку изъ Тиндалля, заключенную, какъ слѣдуетъ, въ кавычки, то онъ прочелъ бы въ послѣднихъ строкахъ слѣдующее: „Солнце нисходитъ къ намъ въ формѣ теплоты и въ той же формѣ оставляетъ насъ; но въ промежуткѣ между приходомъ и отходомъ оно вызываетъ къ жизни многообразныя силы на нашей планетѣ: всѣ онѣ суть частные виды солнечной энергіи, тѣ облики, которые временно принимаетъ эта энергія, перемѣщаясь отъ своего источника въ безконечность“.

Послѣднія два возраженія касаются неточности объясненій, и тутъ-же обобщаются: „авторъ *вообще* не даетъ себѣ труда быть точнымъ въ объясненіяхъ“. Это обобщеніе какъ-то не совсѣмъ вяжется со сказаннымъ при началѣ рецензіи: „лекціи написаны весьма живо, читаются съ интересомъ“ и т. д. Если объясненія *вообще* не ясны, то чтеніе едва-ли можетъ быть живо.

О тонѣ замѣтки г. Любимова я не скажу ни слова: читатель самъ легко составитъ объ немъ надлежащее мнѣніе.

Ѳ. Бредихинъ.

Москва, 18-го мая.

М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ
ТРЕТЬЯГО ТОМА.

ВОСЬМОЙ ГОДЪ.

МАЙ—ІЮНЬ 1873.

Книга пятая. — Май.

Книга шестая. — Іюнь.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Онежскія былины, записанныя Александромъ Өедоровичемъ *Гильфердингомъ* лѣтомъ 1871 года. Съ двумя портретами онежскихъ рапсодовъ и напѣвами былинъ. Спб. 1873. Ц. 4 руб.

«Онежскія былины»—есть большой томъ крупнаго формата, съ предисловіемъ (LVI стр.) и текстомъ, напечатаннымъ убористой печатью въ два столбца (1336 столбц.), томъ, изъ котораго вышло бы два или три обыкновенныхъ тома. Масса былинъ, заключающихся здѣсь, едва ли не равняется собранію г. Рыбникова. Нельзя не удивляться тому факту, что весь этотъ огромный матеріалъ собранъ былъ покойнымъ Гильфердингомъ въ одно лѣтнее путешествіе по онежскому краю. Нужно было чрезвычайное трудолюбіе, великая сноровка въ отношеніяхъ съ народомъ, — не говоримъ уже, большая любовь къ этому народу, — чтобы доставить столь богатый результатъ. «Онежскія былины» останутся однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ этнографической дѣятельности Гильфердинга, если не самымъ замѣчательнымъ. Мы постараемся еще возвратиться къ этой книгѣ въ текстѣ журнала.

Предисловіе къ «Онежскимъ былинамъ» представляетъ ту самую статью: «Олонецкая губернія и ея народные рапсоды», которая уже знакома читателямъ нашего журнала (Вѣстн. Евр. 1872, мартъ).

Внѣшнее исполненіе изданія очень хорошо; приложенные портреты сдѣланы отчетливо.

Сущность міроваго процесса или философія безсознательнаго. Доктора философіи Эдуарда *фонъ-Гартмана*. По 2-му нѣмецкому изданію полное изложеніе съ присоединеніемъ предисловія, введенія и критической оцѣнки системы. *А. А. Козлова*. Въ трехъ выпускахъ. Выпускъ 1-й. М. 1873. 322 стр. Ц. 2 р.

«Философія Безсознательнаго», Гартмана, — послѣдняя система, возникшая въ философской Германіи. Книга его, вышедшая лѣтъ пять тому назадъ, разошлась уже въ нѣсколькихъ изданіяхъ, и теперь явились первые выпуски изданія *стереотипнаго*, которое, очевидно, разсчитываетъ на продолжительный успѣхъ книги въ публикѣ. Г. Козловъ предпринялъ изложеніе книги Гартмана, которое намѣревается сопроводить и собственной критической оцѣнкой ея, въ 3-мъ выпускѣ. Онъ предпочелъ изложеніе полному переводу по разнымъ причинамъ — по трудности передачи нѣмецкой философской терминологіи, по цензурнымъ затрудненіямъ, которыя встрѣтились бы при полномъ переводѣ нѣкоторыхъ мѣстъ книги, по обширности объема подлинника, не подававшей надежды на большой кругъ читателей. Что г. Козловъ предпочелъ такую форму передачи Гартмана, въ этомъ нѣтъ конечно бѣды. Что касается его собственныхъ взглядовъ, о нихъ рано говорить до 3-го выпуска изданія; — но по предисловію и небольшому введенію г. Козлова, мы замѣтили бы только одно, — что взявшись защищать Гартманову и свою метафизику отъ противоположныхъ мнѣній, авторъ напрасно полагаетъ, что при этомъ ему нужно бороться противъ такъ-называемыхъ «мыслящихъ реалистовъ»: ему лучше бы вспомнить, или узнать другихъ противниковъ, гораздо болѣе серьезныхъ и, можетъ быть, опасныхъ для его метафизики, и въ иностранной, и даже въ русской литературѣ... О способѣ выражаться, у г. Козлова, мы замѣтили бы, что онъ не лишнее сдѣлалъ бы, еслибы послѣдовалъ примѣру изучаемаго имъ писателя, о которомъ онъ говоритъ слѣдующее: «о писателяхъ, на которыхъ онъ (Гартманъ) ссылается и даже съ которыми расходится во взглядахъ, онъ всегда отзывается съ достоинствомъ»...

Медицина и медики. *Э. Литтре*. Переводъ съ французскаго подъ редакціей *М. Цебриковой*. Спб. 1873. 388 стр. Ц. 2 р.

Самъ авторъ называетъ свое изданіе— «полукнигой»; это есть сборникъ статей, писанныхъ имъ въ разное время и относящихся къ одному предмету. Литтре отдалъ въ молодости много лѣтъ на изученіе медицины, и хотя не пожелалъ стать врачомъ по профессіи, но много занимался и практической медициной: словомъ, онъ значительно компетентный судья въ этомъ дѣлѣ. Онъ останавливается на весьма разнообразныхъ сюжетахъ медицинской науки, практики и исторіи, которыя онъ постоянно болѣе или менѣе освѣщаетъ характеромъ своей позитивной философіи, и сближаетъ съ исторіей общества. Его книга можетъ вообще представить занимательное и полезное чтеніе.

Переводъ довольно хорошъ: но въ иныхъ мѣстахъ можно пожелать большей точности и большаго умѣнья владѣть языкомъ.

О значеніи приморскаго города Евпаторіи (Таврической губерніи) какъ лечебнаго пункта. Написалъ (по поводу проектируемаго тамъ лѣчебнаго учрежденія) докторъ медицины *Трахтенбергъ*. Симферополь. 1873. 20 стр. Ц. 20 к.

Брошюра написана по поводу того, что въ Евпаторіи предполагается основать лечебное учрежденіе. Акціонерное общество черноморскихъ купаленъ въ Евпаторіи удостоилось уже Высочайшаго утвержденія и вскорѣ должна открыться подписка на акціи. Послѣ общества ялтинскаго, это второе предпріятіе, имѣющее въ виду сдѣлать Крымъ обитаемымъ для больныхъ, которые захотѣли бы воспользоваться климатомъ и лечебными средствами Крыма и которые до сихъ поръ подвергаются тамъ неудобствамъ и лишеніямъ точно въ полудикой странѣ. Докторъ Трахтенбергъ, который писалъ уже прежде о врачебныхъ средствахъ Евпаторіи, въ настоящей брошюрѣ указываетъ нынѣшнее положеніе города и окрестности, и какъ человѣкъ, знакомый съ дѣломъ, указываетъ мѣры, какія нужны для того, чтобы Евпаторія могла стать возможной для обитанія больнымъ, съ пользой, а не съ вредомъ для ихъ здоровья и спокойствія. Авторъ очень безпристрастенъ къ своему предмету, и брошюра сообщаетъ полезныя практическія свѣдѣнія и совѣты.

ОБЪ ИЗДАНІИ
„ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ"
ВЪ 1873-мъ ГОДУ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

НА ГОДОВОЙ ЭКЗЕМПЛЯРЪ — 12-ть КНИГЪ:

I.—**Въ С.-Петербургѣ:** 1) *Безъ доставки* на домъ **15** руб. **50** коп. — 2) *Съ доставкою* по городской почтѣ **16** р.

II.—**Въ Москвѣ:** 1) Съ пересылкою *чрезъ книжный магазинъ И. Г. Соловьева* **16** р. 2) Съ пересылкою *чрезъ Газетную Экспедицію* **17** р.

III. — **Въ губерніи:** Съ пересылкою чрезъ Газетную Экспедицію **17** р.

IV. — **Заграницею:** За пересылку чрезъ Иностранную Экспедицію къ вышеупомянутой цѣнѣ (17 р.) прилагается: a) **2** руб. — въ *Германію* и *Австрію;* b) **3** р. — въ *Бельгію, Нидерланды* и *Придунайскія Княжества;* c) **4** р. — во *Францію* и *Данію;* d) **5** р. — въ *Англію, Швецію, Испанію, Португалію, Турцію* и *Грецію;* e) **6** р.—въ *Швейцарію;* f) **7** р.—въ *Италію* и *Японію.*

---

1. — *ПОДПИСКА* принимается: a) отъ городскихъ подписчиковъ въ Главной Конторѣ журнала при книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, въ С.-Петербургѣ, Невск. Пр., 30; b) Иногородные и иностранные высылаютъ по *почтѣ* исключительно въ Редакцію (Галерная, 20), съ сообщеніемъ подробнаго адресса: имени, отчества, фамиліи и того *почтоваго учрежденія,* его губерніи и уѣзда, гдѣ есть выдача газетъ и журналовъ.

2. — *ПЕРЕМѢНА АДРЕССА* сообщается въ Редакцію такъ, чтобы извѣщеніе могло поспѣть до сдачи книги въ Газетную Экспедицію. За невозможностью извѣстить Редакцію своевременно, слѣдуетъ сообщить мѣстной Почтовой Конторѣ свой новый адрессъ для дальнѣйшаго отправленія журнала, а Редакцію извѣстить о перемѣнѣ адресса для слѣдующихъ нумеровъ. При перемѣнѣ адресса, необходимо указывать мѣсто прежняго отправленія журнала, и съ какого нумера начать перемѣну.

Примѣчаніе. — По почтовымъ правиламъ, городскіе подписчики, переходя въ иногородные, прилагаютъ 1 р. 50 к., а иногородные — въ городскіе 50 коп.

3. — *ЖАЛОБА,* въ случаѣ неполученія книги журнала въ срокъ, препровождается прямо въ Редакцію, съ помѣщеніемъ на ней свидѣтельства мѣстной Почтовой Конторы и ея штемпеля. По полученіи такой жалобы, Редакція немедленно представляетъ въ Газетную Экспедицію дубликатъ для отсылки съ первою почтою; но безъ свидѣтельства Почтовой Конторы, Газетная Экспедиція должна будетъ предварительно списаться съ Почтовою Конторою, и Редакція удовлетворитъ только по полученіи отвѣта послѣдней.

Примѣчаніе. — Жалоба должна быть отправляема никакъ не позже полученія слѣдующаго нумера журнала; въ противномъ случаѣ, Редакція лишится возможности удовлетворить подписчика.—Точно также Редакція не можетъ удовлетворять жалобы тѣхъ подписчиковъ, которые, въ противность первому условію подписки, требуютъ высылки журнала на такія станціи желѣзныхъ дорогъ, гдѣ *нѣтъ* почтовыхъ учрежденій.

М. Стасюлевичъ
Издатель и отвѣтственный редакторъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА: Невск. просп., 30.